

Jadrintsev, N. M.

РУССКАЯ ОБЩИНА

ВЪ

ТЮРЬМѢ И ССЫЛКѢ.

Изслѣдованія и наблюденія надъ жизнью тюремныхъ, ссыльныхъ и бродяжескихъ общинъ. — Историческій очеркъ сибирской ссылки. — Сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ Западной Европѣ. — Основы новой раціональной системы исправленія согласно выводамъ пенитенціарной науки и опытамъ русской тюремной общины.

Н. М. Ядринцева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго, Надеждинская улица, д. № 39.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ссыльное бродячее населеніе Сибири.

Историческіе очерки русской ссылки.

Историческій опытъ разныхъ системъ наказанія.

ОТЪ АВТОРА

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги имѣлъ случай близко познакомиться съ міромъ преступниковъ и съ жизнью сибирскихъ тюремъ. Присматриваясь къ внутренней жизни острога, онъ, естественно, имѣлъ возможность сдѣлать много наблюденій въ этомъ „отверженномъ“ мірѣ и наглядно изучить исторію преступленій.

Наблюдая закулисную жизнь преступниковъ, авторъ все болѣе и болѣе приходилъ къ тому убѣжденію, что это міръ такихъ-же людей, какъ и всѣ другіе, такъ-что нелегко ему было выяснить себѣ, откуда взялись тѣ предразсудки, которые заставляютъ видѣть въ преступникахъ что-то нечеловѣческое. День за днемъ передъ нимъ открывалась картина обыкновенной человѣческой жизни съ ея радостями и печалями, интригами и желаніями, только замкнутая въ узкую рамку острога и неволи,—съ очень естественнымъ стремленіемъ — во что бы то ни стало, всевозможными фикціями и усиліями, какъ-нибудь расширить тѣсную обстановку свою для удовлетворенія разныхъ житейскихъ потребностей.

Матерьялъ острога представлялъ такое разнообразное собраніе людей, такую массу несчастія, которая невольно заставляла обратить на себя вниманіе. Это былъ старый рус-

скій острогъ да къ тому-же еще сибирскій, гдѣ, по прежнему способу, сваливалась куча людей безъ всякаго разбора,—отчаянныхъ каторжниковъ, убійцъ, ссыльныхъ, мазуриковъ, всевозможныхъ бѣдняковъ, а иногда и людей невинныхъ и глубоко несчастныхъ. Въ этой массѣ можно было ближе-всего познакомиться съ жизнью простого народа и его судьбою. Не одни преступленія, развратъ и извращеніе человѣческой природы приходилось открывать здѣсь; напротивъ, здѣсь встрѣчались иногда самыя-сильныя и нерѣдко самыя-даровитыя натуры русскаго народа. Недаромъ Ѳ. М. Достоевскій, испытавшій знакомство со старымъ русскимъ острогомъ, воскликнулъ въ концѣ своихъ наблюденій: „Сколько въ этихъ стѣнахъ погребено молодости! Сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужь все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, быть можетъ, и есть самый-даровитый, самый-сильный народъ изъ всего народа нашего“. И, дѣйствительно, кто опускался хоть разъ въ глубь народной жизни, кто сталкивался съ непочатою массою народа, гдѣ бы то ни было, тотъ не можетъ не припомнить словъ профессора Бергера *): „какая бездна жизненной силы заключается въ низшихъ слояхъ общества и какъ въ этихъ слояхъ безъ всякаго воздѣлыванья и ухода возникаютъ благороднѣйшіе цвѣты человѣческой души — доброта и любовь, а геній, умъ и острота пробиваются къ свѣту, не смотря на всѣ препятствія!“. Вотъ-почему авторъ изъ своего знакомства съ острогомъ могъ вынести не одни только мрачныя воспоминанія. Здѣсь, среди людей, во многомъ, дѣйствительно, преступныхъ да еще извращонныхъ жизнью среди развращенія и распущенности стараго русскаго острога,—въ этомъ пандемоніумѣ приходилось увѣриться въ общихъ свойствахъ человѣческой природы,—видѣть порывы искреннихъ чувствъ доброты и любви къ ближнему. Не го-

*) „Загадочныя Натуры“, Шпильгагена, стр. 329.

воря уже объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, невполнѣ испорченныхъ, — въ самой коллективной жизни острога нельзя было не найти иногда самыхъ симпатическихъ сторонъ. Жизнь преступниковъ, какъ намъ казалось, можетъ служить поводомъ не къ порицанію только человѣческой природы вообще, но иногда наоборотъ доказательствомъ того, что инстинкты общежитія, взаимныхъ привязанностей и симпатіи лежатъ столь глубоко въ природѣ человѣка, что не пропадаютъ даже въ самой отверженной тюремной общинѣ. Подобный выводъ, даваемый жизнью, — намъ казалось, — не только не расходится съ общечеловѣческой философіей нравственности, но напротивъ подтверждаетъ всю живучесть нравственнаго принципа въ природѣ человѣка.

До сихъ поръ какъ природа самаго преступника, такъ и общественная жизнь его подвергались только порицанію и изслѣдовались исключительно въ однѣхъ дурныхъ сторонахъ своихъ, какъ-будто въ средѣ преступниковъ и не могло быть нѣкоторыхъ вполнѣ-человѣческихъ проявленій жизни, въ которыхъ можно встрѣтить иногда много замѣчательнаго и поучительнаго, если, разумѣется, жизнь тюремной общины будетъ подвергнута болѣе-всестороннему разсмотрѣнію; между тѣмъ русская тюремная и ссыльная община заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ ней полнѣе, чѣмъ въ европейскихъ тюрьмахъ прежняго времени, развились общинныя начала. Поэтому автору не хотѣлось, чтобы историческій опытъ нашей тюремной общины пропалъ даромъ, и раскрытію внутренней ея жизни онъ посвятилъ нѣсколько очерковъ: онъ полагаетъ, что община эта можетъ во всякомъ случаѣ быть любопытна, какъ историко-этнографическій памятникъ нашей народной жизни.

Тюрьма, въ которой автору этой книги привелось видѣть значительное скопленіе ссыльныхъ, бродяжескихъ и каторжныхъ элементовъ, дала ему поводъ познакомиться

съ характеристическими чертами прежней системы наказанія; при наблюденіи надъ острожнымъ населеніемъ ему пришлось близко изучить нашу ссылку и жизнь бродяжескихъ общинъ. Самая жизнь тюрьмы, живые разсказы людей и пріобрѣтенныя авторомъ записки заключенныхъ давали понятіе о томъ, какъ наказаніе отражается въ жизни, какія ощущенія выноситъ здѣсь человѣкъ и какіе оттѣнки страданій сопровождаютъ его неволю. Чтобы понять и взвѣсить всю тяжесть неволи, — надо ее пережить и перечувствовать: только тогда узнаешь всю тяжесть лишенія свободы, только тогда оцѣнишь всѣ блага этой свободы и человѣческой независимости. Кто не зналъ этого несчастія, тому оно, можетъ быть, кажется совершенно инымъ и въ другомъ свѣтѣ. Точно-также, вѣроятно, только тотъ узнаетъ всю жгучую боль ссылки и изгнанія, кто самъ, по выраженію изгнанника Данте, „долженъ былъ покинуть все, что было дорого его сердцу, испытать, какъ горекъ хлѣбъ изгнанника и какъ тяжело входить и спускаться по ступенямъ чужой лѣстницы“.

Свѣдѣнія, добытыя личными наблюденіями и разспросами, авторъ призналъ необходимымъ провѣрить изслѣдованіемъ объ историческомъ значеніи русской ссылки. Опытное изученіе прежняго наказанія, какъ мы полагаемъ, можетъ служить важнымъ урокомъ и для будущихъ исправительно-педагогическихъ системъ *).

Кромѣ того авторъ старался разсмотрѣть лучшіе опыты европейскаго пенитенціарнаго наказанія, дополнивъ ихъ тѣми соображеніями, которыя онъ вынесъ при изученіи русской тюремной общины. Онъ надѣется, что его очерки не бу-

*) Нѣкоторыя статьи автора („Община и ея жизнь въ тюрьмѣ“, „Одиночное заключеніе, изъ записокъ послѣдственнаго“, „Ссыльное и бродячее населеніе Сибири“ и „Историческіе очерки ссылки“) печатались нами въ одномъ подцензурномъ журналѣ: въ настоящемъ сборникѣ онѣ помѣщаются почти безъ перемѣны.

будутъ безполезными въ моментъ нашей тюремной реформы и могутъ пригодиться при разрѣшеніи хотя-нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ при новомъ исправительномъ наказаніи.

Искреннимъ желаніемъ автора было—содѣйствовать выработкѣ раціональной системы исправленія, которая-бы, давая полныя гарантіи общественной безопасности, могла возможно-болѣе благопріятствовать перевоспитанію человѣка и его нравственному совершенствованію. Онъ надѣется, что вводимая у насъ новая исправительная система наказанія болѣе-внимательно отнесется къ судьбѣ преступника, внесетъ новые, гуманные взгляды въ систему наказанія и, содѣйствуя исправленію наказуемой личности, сниметъ съ нея хоть часть тѣхъ излишнихъ страданій и горя, въ существованіи которыхъ, при прежней системѣ наказанія, иногда приходилось убѣждаться горькимъ опытомъ.

6 декабря 1871 г.

[illegible]

[illegible]

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ

(подъ слѣдствіемъ).

I.

Первыя минуты неволи *).

Помню, началась весна. Широко разлившіяся рѣки спокойно и ровно легли по равнинамъ, отразивъ свѣтлое весеннее небо; деревья зазеленѣли и покрылись пушистыми серьгами; молодая черемуха, какъ невѣста, убралась бѣлыми гирляндами; кругомъ переливались нѣжныя и мягкія травы; головки веселыхъ цвѣтовъ закивали на солнцѣ; свободныя птицы рѣяли въ голубомъ и прозрачномъ воздухѣ моей родины; юная верба опустила свои зеленыя руки въ озеро; зашумѣли тростники на зеленыхъ островахъ; молодой соловей началъ свою весеннюю пѣсню и солнце обдало эту развѣтающую и ликующую природу своимъ жгучимъ и яркимъ свѣтомъ. Все звало къ жизни, къ любви, къ счастью!..

Въ такое-то время меня подвезли къ большому каменному зданію острога. Предо мною стоялъ извѣстный всѣмъ, вѣчно потрясающій фасадъ „мертваго дома“, „дома плача и скорби“, со своими темными, какъ впа-

*) Записки эти, касающіяся подслѣдственнаго заключенія, принадлежатъ одному изъ подсудимыхъ, когда-то при прежнемъ судопроизводствѣ долго содержавшемуся въ острогѣ. Записки пріобрѣтены нами случайно. Здѣсь мы помѣщаемъ ихъ почти безъ измѣненія, присоединивъ къ нимъ свою особую статью.

дины черепа, окнами, съ гладко-форменнымъ видомъ, съ холодными и непривѣтливыми каменными стѣнами, съ декорумомъ запоровъ, штыковъ, рѣшотокъ и блѣднозеленыхъ лицъ. Болѣзненно завизжала калитка жолтыхъ форменныхъ воротъ, въ которую вошли мы; стукнулъ засовъ, быстро задвинутый за нами часовымъ. Изчезъ уличный шумъ и насъ окружило мертвое молчаніе тюрьмы. У меня какъ-будто что-то оторвалось отъ сердца. Я чувствовалъ, что за этою калиткою остались вольный міръ, моя свобода, жизнь. Я отрывался отъ нихъ. Надолго-ли?..

Мы вошли въ мрачную кордегардію острога съ какими-то готическими окнами и средневѣковой мебелью; тяжолыя, неуклюжія скамьи, оружіе около стѣнъ, толпа надзирателей и солдатъ—все это тѣснилось среди мрака и грязи. Усатый и форменный народъ съ тупымъ любопытствомъ стѣснился около меня; толстенькій и круглый, какъ шаръ, смотритель суетился съ бумагами, расписывался, употребляя усилія, чтобы макнуть перо въ чернильницу, заплывшую тиной и грязью, таялъ отъ жары и отиралъ крупно-льющійся потъ съ озабоченнаго и пухлаго лица; въ то-же время одинъ изъ надзирателей уже лѣзъ въ мой чемоданъ, а красный, съ рыжими усами и бойкимъ взглядомъ ключникъ безцеремонно началъ меня ощупывать съ видомъ такой ловкости, какой не достигнетъ никакой акушеръ. Я невольно отшатнулся, но онъ, даже не взглянувъ, упорно полѣзъ въ голенища моихъ сапогъ и затѣмъ погрузилъ красныя клешни свои въ мои карманы,—даже съ большею развязностью, чѣмъ въ свои собственныя. Какое-то непріятное чувство охватило меня—горькое чувство обиды, униженія. Непріятно было быть въ положеніи какого-то мазурика. Я насилу совладалъ съ своимъ смущеніемъ, и даже не обратилъ особаго вниманія, какъ мой перочинный ножичекъ съ какимъ-то завалявшимся гривенникомъ перешолъ въ карманъ ревизора. „Извините, это у насъ такъ заведено“, успокоивалъ меня въ то-же время,

на счетъ обыска вѣжливый смотритель. Кончились эти пытки. Я отдалъ деньги, табакъ, причомъ, однако, смотритель сдѣлалъ мнѣ компромисъ на десятокъ папиросъ, какъ арестанту изъ благородныхъ. Скоро смотритель изчезъ и затѣмъ отданъ былъ закулисный приказъ вести меня внутрь острога. Мы пошли по извилистымъ и темнымъ корридорамъ, изрывшимъ, какъ жиды, внутренность этого мрачнаго жилища. Мы шли по каменному полу; вездѣ висѣли каменные своды, придавая суровый и таинственный видъ зданію. Сзади гремѣла сабля и приклады; слышался топотъ конвоя; впереди бѣжалъ толстенькій и лысый ключникъ съ ключами. По сторонамъ виднѣлись выкрашенныя чорной краской двери съ маленькими окошечками. За одной изъ нихъ слышался шумъ. „Наручнями его, наручнями!" кричала какая-то хриплая глотка. Затѣмъ кто-то завозился и тяжело грянулся на нары. Все это пронеслось быстро и мы очутились въ пустынномъ закоулкѣ корридора. Ключникъ вѣжливо остановился у отворенной двери въ маленькую, мрачную комнатку, изъ которой обдавало задхлымъ, стоячимъ воздухомъ. Я взглянулъ на моего харона: поза его была такая выжидающая и, въ то-же время, приглашающая, что я поспѣшилъ войти сюда. Прежде всего мнѣ кинулись въ глаза въ этой комнатѣ закупоренныя, двойныя, страшно засаленныя рамы. Я обратился было, чтобы сдѣлать вопросъ на счотъ ихъ, но уже не нашолъ никого: ключникъ зналъ свое дѣло, и лишь-только я сдѣлалъ шагъ, какъ дверь захлопнулась, глухо стукнулъ тяжолый засовъ и уже визжалъ раздирающій ухо, старый, экономическій острожный замокъ. Конвой удалился, оставивъ у дверей камеры браваго часового, который стоялъ все-еще вытянувшись. Я осмотрѣлъ комнату. Это была обыкновенная секретная камера, шаговъ $6^1/_2$ въ въ длину и шага 3 въ ширину. Свѣтъ тускло пробивался въ запыленныя и загаженныя мухами рамы; рѣшотка дѣлала окно еще темнѣе. Стѣны комнаты были

покрыты красными пятнами: слѣдъ чьей-то ожесточонной борьбы съ клопами; въ сторонѣ стояла занимающая полкомнаты кровать съ арестантскимъ тюфякомъ, толстымъ, какъ рогожа, покрытымъ тоже кровавыми пятнами. Подъ кроватью, въ слоѣ пыли, валялась портянка и деревянный обрубокъ, залитый саломъ: слѣдъ прежняго жильца... „Кто онъ былъ: убійца, воръ или разбойникъ? Какъ онъ проводилъ здѣсь время, какъ онъ ожидалъ наказанія, какъ онъ мучился по ночамъ?“ болѣзненно зашевелилось въ головѣ моей. Но что придавало болѣе всего мрачный и узничный видъ секретной, это — большая, черная дверь съ маленькимъ стекломъ, въ которую то-и-дѣло заглядывалъ часовой и за которой въ антрактахъ онъ брякалъ ружьемъ. Странно: эта комната, хотя я ее въ первый разъ видѣлъ, показалась мнѣ знакомою. И вдругъ моя память стала рисовать мнѣ далёкое прошлое. И оно встало, озаренное солнцемъ моей весны, моего дѣтства. Я вижу праздничный, веселый день. Богатая, свѣтская дама, моя мать, ѣдетъ со мною къ обѣднѣ въ острожную церковь нашего родного города. Тогда я былъ веселымъ и балованнымъ ребенкомъ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я любопытными дѣтскими глазами на блѣдныхъ людей въ сѣрыхъ халатахъ, съ унылой, убитой наружностью стоявшихъ противъ насъ за рѣшоткой. „Это все несчастные, несчастные, мой другъ“, говоритъ мать моя. Послѣ обѣдни мы съ смотрителемъ замка пошли посмотрѣть несчастныхъ. Я не помню, много-ли мы обходили камеръ, но одна изъ нихъ въ особенности врѣзалась въ памяти. Въ низенькомъ корридорѣ нижняго этажа смотритель отперъ намъ чорную дверь съ надписью наверху: „за грабежъ и убійство“. Тогда мы увидѣли одиночнаго арестанта: онъ былъ молодъ, съ худымъ и блѣднымъ тюремнымъ лицомъ; волосы его висѣли въ безпорядкѣ на лбу; глаза его были красны и какъ-то безумно блуждали; онъ всталъ и поволочилъ за собою цѣпь, на которой былъ прикованъ

къ стѣнѣ. Но главное — онъ сидѣлъ въ такой-же, точь-въ-точь, комнатѣ, въ которой очутился теперь и я. „Боже мой, мать моя, мать моя! что, еслибы ты увидѣла здѣсь своего сына!“ мелькнуло въ головѣ моей. У меня что-то стиснуло подъ сердцемъ и начало душить меня... Все дѣтство, полное ласки и любви, вся юность, полная живыхъ и чарующихъ впечатлѣній жизни, вспыхнули передо мною; старыя свѣтлыя картины нахлынули на меня сотнями образовъ... Зашевелилось въ сердцѣ и недавнее прошлое, озаренное яркимъ свѣтомъ весны и надежды... А закатывающееся солнце, какъ нарочно въ это время, ударило въ тусклое окно и мутнымъ пятномъ отразилось на стѣнѣ моего темнаго гроба. Представилось мнѣ, какъ теперь за стѣнами свѣтло, какъ ласково тамъ смотрѣла природа, какъ ликовала тамъ жизнь, и жажда чего-то, навсегда погибшаго, закипѣла въ моемъ сердцѣ. Я былъ тогда очень молодъ, друзья мои,—я еще жить хотѣлъ, я любить хотѣлъ... А секретная становилась все темнѣе и темнѣе; стѣны ея какъ-будто сжимались, какъ-будто давили меня. „Проклятіе! да какая-же это могила!“ шевельнулось въ умѣ моемъ...

Вотъ каково было первое впечатлѣніе моего новаго жилища. Много прошло времени, пока я не сталъ страшиться его; долго еще пришлось бороться съ воспоминаніями и картинами прежней жизни, съ влеченіемъ къ свободѣ. Много нужно было времени, чтобы отрѣшиться отъ прошлаго, не смотрѣть въ будущее и стать хладнокровнымъ зрителемъ и наблюдателемъ окружающаго: до тѣхъ поръ мнѣ пришлось вынести всю тяжесть одиночнаго подслѣдственнаго заключенія и самую суровую тюремную обстановку.

Тяжело свѣжему человѣку пріучаться къ мысли, что находишься въ тюрьмѣ. „*Воля*“... какое это потрясающее слово въ острогѣ; я долго не могъ пріучиться къ его значенію здѣсь. „Нашъ ключникъ пришелъ *съ воли*“, говорятъ арестанты. „Еще, братцы, одного *съ воли* при-

вели", грустно звучитъ гдѣ-то. „Когда-то, ахъ! когда-то *на волю*!" слышится постоянно кругомъ. Тяжело пріучиться въ тюремнымъ ограниченіямъ: приходится ограничить себя шагами, воздухомъ, свѣтомъ, — словомъ, всѣмъ, чѣмъ такъ привыкъ дорожить человѣкъ, особенно когда этого лишается. Въ моей секретной комнатѣ былъ полусвѣтъ, и это составляло тяжолый контрастъ съ свѣтлымъ лѣтнимъ воздухомъ и залитымъ свѣтомъ дворомъ, виднѣвшимся изъ моего окна; эта яркая картина для меня была вѣчно за отвратительнымъ сальнымъ стекломъ и всегда возбуждала во мнѣ узническую зависть. Задхлый воздухъ камеры съ непривычки душилъ меня; кромѣтого онъ отравлялся постоянно сосѣдними ретирадами, которыя въ провинціальныхъ острогахъ содержатся невообразимо грязно и небрежно; иногда, задыхаясь, я съ жадностью приникалъ къ вентилятору (съ вершковымъ отверстіемъ, и-то наполовину загороженнымъ рѣшоткою), чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ, взглянуть на чистую краску неба. Чрезъ эту форточку я получалъ довольно-казенную порцію того и другого. Движеніе — необходимость для человѣка, но оно невыносимо въ клѣткѣ въ 6 шаговъ; тѣмъ не менѣе я то ходилъ по цѣлымъ часамъ до круженія головы, то ложился и также по цѣлымъ часамъ лежалъ на койкѣ. Усталые отъ однообразія глаза лѣниво бродятъ по испещреннымъ клопами стѣнамъ, по потолку, по чорной двери и снова падаютъ на тѣ-же предметы. Слухъ въ одиночной тюрьмѣ дѣлается чуткимъ; среди молчанія васъ тревожитъ малѣйшій звукъ или шорохъ; вы подозрительно въ него вслушиваетесь: нервы напряжены до чрезвычайности. Я помню, какъ во время сна безпокойно и болѣзненно отзывался каждый стукъ ружья у часового, а онъ, какъ нарочно, играетъ ружьемъ. Ночью въ особенности вслушивается одиночный арестантъ. Мѣрно ходитъ часовой и звукъ шаговъ его отдается медленно, монотонно и невыносимо-томительно. Глазъ арестанта

не смыкаетъ сонъ, что понятно при недостаткѣ движенія, при спертомъ воздухѣ, при постоянно-выжидательномъ настроеніи. Кто-то щолкнулъ... гдѣ-то раздались шаги... Откуда-то донесся невнятный, глухой, задушонный стонъ... „Что это!?"... Такъ больныя и раздражительныя дѣти вслушиваются ночью.

Утро. Стучитъ тяжолый засовъ; скрипитъ замокъ: прерванъ вашъ сонъ, которымъ вы едва забылись передъ утромъ, а съ нимъ исчезла и вольная греза, испуганная этой желѣзной дѣйствительностью. Входитъ ключникъ съ казенными щами; онъ смотритъ заискивающими, плутовскими глазами и лебезитъ около васъ. Вы думали что-то спросить его, но остановились. Эта фигура тюремщика вамъ становится противной. Дверь однако предупредительно и быстро затворилась; ключникъ таинственно пошептался съ часовымъ на счетъ досмотра и удалился. Проснулись вы недовольные, раздраженные, и въ томъ же расположеніи духа продолжается вашъ день: васъ бѣситъ и одиночество, и заглядыванье караульнаго начальства въ форточку двери, и тупое, безъ выраженія, лицо часового, и скрипъ замковъ: одиночный арестантъ дѣлается невольно болѣзненно-раздражительнымъ. Это перечувствуетъ почти каждый человѣкъ въ одиночествѣ „секретной". Злоба на все и на всѣхъ охватываетъ душу арестанта; онъ порывисто ходитъ по своей клѣткѣ; грудь бушуетъ и вздымается; бѣшенство начинаетъ душить его. Но что тяжелѣе всего... это — то, что одиночный арестантъ долженъ нести свое горе и досаду въ себѣ: ему нельзя высказаться; у него нѣтъ облегчающаго рефлекса для разряженія своего чувства. И чѣмъ молчаливѣе, чѣмъ скрытнѣе долженъ держать себя арестантъ, тѣмъ сильнѣе и яростнѣе развивается его злоба. Въ этомъ безмолвномъ, мучительномъ гнѣвѣ арестантъ проводитъ дни, мѣсяцы, а-то и годы. Онъ издаетъ безмолвные вопли; онъ молчаливо клянется въ мести, и часто въ немъ вырабатывается грозный характеръ, который со време-

немъ, конечно, проявится въ жизни и въ отношеніяхъ къ людямъ, — проявится самымъ злымъ, самымъ опаснымъ образомъ. Преступники грубые и неразвитые, сидѣвшіе долго въ уединеніи на цѣпи, являлись впослѣдствіи еще озлобленнѣе и безпощаднѣе: изъ нихъ выходили самые страшные мстители и убійцы. Это можно видѣть изъ жизни многихъ нашихъ каторжныхъ, сиживавшихъ на цѣпи. Долгое уединеніе дѣлало желчными и и озлобленными даже людей развитыхъ, у которыхъ довольно силенъ интеллектъ, чтобы обладать страстью и хладнокровно обсуждать свое положеніе. Въ европейскихъ пенитенціаріяхъ извѣстно по наблюденіямъ, что у келейно-заключонныхъ являются вслѣдствіе злобы такъ-называемые „взрывы“ или порывы бѣшенства въ видѣ сильнѣйшихъ аффектовъ. Въ русской тюрьмѣ я видѣлъ, какъ терпѣливые и выносливые каторжные, неразъ спокойно ходившіе подъ плети, бывъ посажены надолго въ секретныя, худѣли, бились съ досады головой объ полъ, а иногда и плакали; другіе арестанты, часто скромные по натурѣ, били стекла, разбивали двери и кидались съ шайками на ключниковъ. Въ острогахъ ключникамъ и надзирателямъ приходится имѣть баталіи и ссоры больше всего съ секретными арестантами. Это болѣзненное, раздраженное состояніе секретнаго арестанта обнаруживается какъ при самомъ незначительномъ поводѣ, въ острогѣ, такъ часто и на допросахъ предъ судьями и слѣдователями. Иногда „упорство“ и „грубость“ — столь многознаменательные признаки преступности въ глазахъ слѣдователя — есть просто болѣзненное раздраженіе организма у уединенно-заключоннаго, — фактъ, объясняющійся не „злою волею“, а патологическимъ разстройствомъ организма, явившимся, какъ результатъ тюремныхъ ограниченій и стѣснен[illegible]й свободной, нормальной жизни человѣка.

Но бываютъ у уединеннаго арестант[illegible] минуты и другого свойства. Это минуты реакціи послѣ с[illegible]

естественнаго раздраженія организма, минуты безсилія, гнетущей тоски, когда весь организмъ ослабѣваетъ подъ вліяніемъ отчаянія и безвыходности: человѣкъ тогда падаетъ духомъ и энергіей. Въ такія минуты секретный лежитъ, какъ трупъ, въ какой-то тупой безнадежности, съ ноющимъ сердцемъ, съ безмолвными рыданіями въ груди. Затѣмъ мало-по-малу это состояніе переходитъ къ постоянной тихой грусти и къ какому-то безжизненному и апатическому прозябанію, обозначающему упадокъ всѣхъ силъ. Если при кратковременномъ уединеніи такое состояніе организма является временнымъ припадкомъ, то при долгомъ одиночномъ заключеніи оно переходитъ въ постоянное и хроническое. Въ долгосрочномъ уединенномъ заключеніи тоска и мысль о безвыходности можетъ довести человѣка до положительнаго изнеможенія, до потери всякой нравственной силы, до животной покорности и отупѣнія. Это называется, на языкѣ экспериментаторовъ одиночнаго заключенія, „усмиреніемъ и приведеніемъ къ раскаянію" личности. Въ этомъ состоялъ апофеозъ одиночнаго исправленія, до котораго старались довести преступника европейскіе и американскіе тюремщики-теоретики, творцы филадельфійской системы. Но легко замѣтить, что это такъ-называемое исправленіе есть, на самомъ дѣлѣ, просто результатъ физическаго ослабленія человѣка и доведенія его до болѣзненнаго, изнуреннаго состоянія. Разъ доведенный до такой покорности, субъектъ, потерявшій всякую силу и энергію, становится на самую жалкую степень существованія: онъ теряетъ самую лучшую изъ чертъ человѣческаго характера—свою самобытность, наклонность къ независимости, къ инціативѣ, и дѣлается забитымъ, безсмысленнымъ рабомъ, неспособнымъ ни къ какой энергической дѣятельности. Такихъ опустившихся, забитыхъ, вѣчно унылыхъ и больныхъ личностей можно видѣть во всѣхъ европейскихъ пенитенціаріяхъ: это блѣдный, худой и измозженный народъ, дошедшій до жи-

вотной покорности и идіотизма; онъ машинально живетъ и машинально повинуется взгляду тюремщика съ плетью въ рукѣ. Таковъ новоизобрѣтенный способъ приведенія личности изъ ненормальнаго состоянія въ нормальное! Только не наоборотъ-ли: не приведеніе-ли это изъ нормальнаго состоянія въ ненормальное? Не убійство-ли это духа? Не обезчеловѣченіе-ли это, скорѣе, личности? Надъ этимъ-бы еще не мѣшало пенитенціаристамъ задуматься.

Но если тяжело положеніе уединеннаго узника, мучающагося отъ стѣсненія его свободы, то оно во сто кратъ тяжелѣе для арестанта подслѣдственнаго, терзаемаго наединѣ мыслью о слѣдствіи, подсудности, и находящагося въ загадочномъ положеніи относительно судьбы своей.

Я помню свои подслѣдственныя испытанія. Послѣ допросовъ для меня наступили самые мучительные часы. Атакуемый подозрѣніями и обвиненіями, особенно въ сильномъ преступленіи, человѣкъ въ это время чувствуетъ себя на краю гибели. Что страшнѣе всего... это—то, что судьба обвиняемаго въ эту минуту зависитъ отъ него-же самого. Если онъ невиненъ, онъ долженъ измышлять аргументы въ свое оправданіе и опровергать подозрѣнія; виновный измышляетъ средства опровергнуть улики, скрыть слѣды и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ обвиняемый постоянно борется за свою жизнь. Онъ чувствуетъ, что одно неосторожное слово... и онъ погибъ. Въ это-то время наступаетъ та психическая борьба, та напряженная головная работа, которая ни на секунду не даетъ покоя, изсушаетъ мозгъ, доводитъ до изнеможенія и безсилія организмъ. Въ это время утомляешься такъ, какъ-будто исполнялъ страшную физическую работу. Мысли въ головѣ толпятся въ безпорядкѣ; вереницей встаютъ мучительныя предположенія; самые изворотливые проэкты вьются, какъ змѣи, одинъ за другимъ; одно рѣшеніе смѣняется другимъ, и, что

ужаснѣе всего — ни на одномъ не останавливаешься. Ряды идей пробѣгаютъ съ неимовѣрной быстротой: то поспѣваютъ и необыкновенно широко развертываются въ одну минуту, какъ сказочные дворцы, то такъ-же быстро и безслѣдно рушатся. Такъ проходятъ часы и дни. А ночи!.. Боже мой, что это за ночи!.. Вечеромъ у человѣка фантазія обыкновенно усиливается; въ спертомъ и душномъ воздухѣ секретной, кромѣ того, являются приливы крови къ головѣ; поэтому воображеніе сильнѣе работаетъ и фантазія становится чудовищной и болѣзненной. Въ это время начинается самая адская пляска мыслей. Тутъ возникаютъ самыя загадочныя идеи и предположенія, перерастая одни другихъ чудовищностью; напуганная фантазія строитъ уродливыя и страшныя картины; создаются самые неосуществимые планы, надъ которыми приходится смѣяться на утро; приходятъ нелѣпыя, но, тѣмъ не менѣе, самыя рѣшительныя мысли, и все жжотъ мозгъ и заставляетъ болѣзненно пугаться сердце. Наконецъ, утомившагося, васъ охватываетъ полузабытье, но голова работаетъ въ данномъ направленіи, только мысли смѣняются бредомъ. Грозные, фантастическіе призраки, а-то изъ дѣйствительнаго міра не менѣе страшные образы, вмѣстѣ съ потрясающими эшафотными сценами, толпятся въ разстроенной фантазіи. Еще сильный приливъ крови къ головѣ—и въ глазахъ покатились мертвыя, окровавленныя головы—человѣкъ погрузился въ міръ галлюцинацій. Еще шагъ... и онъ будетъ доведенъ до сумасшествія. Подъ вліяніемъ такихъ фантасмагорій, бывали случаи, что люди лишались разсудка навсегда. Я помню, какъ разъ стѣны нашего острога среди ночи потряслись воплями сходившаго съ ума подслѣдственнаго. Цѣлыя ночи онъ бѣгалъ въ изступленіи по своей секретной. Онъ то звалъ жену и дѣтей, то неистово рыдалъ, то молился, то безумно вскрикивалъ, какъ-будто разбивали ему грудь желѣзными молотами... Ни медицинская помощь, а впослѣдствіи и

ствовали развитію роскошной фантазіи художника, такъ-какъ идеалы свободы еще пламеннѣе и неотступнѣе рисовались въ душѣ въ минуту неволи; тогда міръ мыслей и фантазіи замѣнялъ человѣку міръ людей.

Еще болѣе даетъ силы для перенесенія уединенія одушевленіе какой-нибудь идеей—религіозной или политической. Подъ вліяніемъ фанатической преданности идеѣ человѣкъ можетъ очень долго питаться и вознаграждаться, въ своемъ одиночествѣ, только этой идеей и сохранять свое спокойствіе посредствомъ сознанія своей честности и чувства собственнаго достоинства. Такимъ образомъ, напримѣръ, упорный Барбесъ проводилъ многіе годы заключенія и даже не хотѣлъ выходить изъ него.

Но подобныя натуры—все-таки исключеніе: ими нельзя мѣрять обыкновенныхъ людей. На простыхъ людей уединеніе, какъ и молчаніе, дѣйствуетъ положительно отупляющимъ образомъ. Это замѣчено какъ въ иностранныхъ пенитенціаріяхъ, такъ обнаружилось и въ одной изъ русскихъ тюремъ, устроенной по системѣ молчанія: Какъ видно изъ книги г. Никитина, въ петербургской морской тюрьмѣ долгое молчаніе доводило матросовъ, по замѣчанію ротныхъ офицеровъ, до идіотизма. Самые ярые защитники уединеннаго заключенія, и преимущественно нѣмецкіе криминалисты, не могли доказать благотворнаго его вліянія,—напротивъ, самые факты, представляемые нѣкоторыми изъ нихъ въ подтвержденіе ихъ мыслей, часто клонились противъ нихъ самихъ. Такъ какой-то Бауеръ *), служившій 10 лѣтъ въ Брухсалѣ, вздумалъ спросить,—конечно, офиціально,—у подвѣдомственныхъ ему дисциплинированныхъ уединенныхъ узниковъ: что они предпочитаютъ — уединеніе или общее заключеніе? На этотъ вопросъ 127 человѣкъ изъ нихъ сказали, что они предпочитаютъ уединеніе; 25 другихъ

*) Bauer, der Gewerbsbetriebe in den Strafanstalten etc., 1861.

сказали, что для нихъ *съ другими веселѣе*, 20 высказали предпочтеніе уединенію по тому соображенію, что срокъ келейнаго заключенія короче общаго (конечно, предпочтеніе основательное, но недоказывающее склонности къ уединенію), наконецъ 20 сказали, что имъ все равно. Почтенный Бауеръ выводитъ изъ этого такое заключеніе, будто уединеніе или общительность—дѣло индивидуальнаго вкуса. Но такъ-какъ и вкусъ имѣетъ общіе законы, то мы позволяемъ себѣ довѣрять больше вкусу всего человѣчества, оказывающему предпочтеніе общежитію, чѣмъ странному вкусу однихъ брухсальскихъ заключонныхъ, доведенныхъ до этого вкуса насильственно. Отзывы брухсальскихъ узниковъ скорѣй доказываютъ то, что эти несчастные люди, помощью уединенія и дисциплины, доведены до такого идіотизма, что многіе (127 чел.) даже потеряли общечеловѣческій инстинктъ къ соціальной жизни; иные дошли до индифферентизма и только у 20 остались смутные признаки потребности общежитія. Вліяя на умственныя способности вообще, уединеніе вліяетъ и на складъ характера: продолжительное уединеніе и молчаніе часто изъ живого и общительнаго человѣка дѣлаютъ мрачнаго, молчаливаго и злого мизантропа. Точно-также оно часто вліяетъ и на измѣненіе какой-нибудь частной способности. Намъ случилось видѣть одного поляка, сосланнаго въ Сибирь, но проведшаго значительное время въ келейномъ заключеніи во время слѣдствія. Этотъ человѣкъ послѣ заключенія получилъ спячку: онъ спалъ по цѣлымъ днямъ, изрѣдка вставая на 5 минутъ, — спалъ посреди самой оживленной компаніи. Спустя годъ, онъ, однако, оправился. Намъ сказывали про особенности, оказавшіяся у двухъ молодыхъ людей, выпущенныхъ изъ крѣпости: они совершенно потеряли способность складно говорить; ихъ мысли забѣгали постоянно впередъ прежде, чѣмъ они успѣвали передавать ихъ. Декабристъ Батенковъ — человѣкъ необыкновенно крѣпкій, выдержавшій 20-ти или 25-ти-лѣт-

нее заключеніе въ крѣпости, въ первое время по освобожденіи, какъ говорятъ, незамѣтно разговаривалъ самъ съ собою. Подобныхъ наблюденій можно было-бы сдѣлать много. И желательно, чтобы психіатры и вообще врачи предприняли, наконецъ, изслѣдованіе относительно вліянія, производимаго уединеннымъ заключеніемъ. Мы увѣрены, что обстоятельное посѣщеніе однихъ полицейскихъ домовъ психіатрами-медиками привело-бы ихъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что подслѣдственные арестанты испытываютъ психическія мученія и подвергаются болѣе или менѣе значительному нравственному разстройству.

Подобныя изслѣдованія уже были производимы заграницей, и мы не можемъ въ этомъ случаѣ не указать на замѣчательное сочиненіе французскаго д-ра Пьетра-Санта о келейномъ заключеніи: «Mazas, Etudes sur l'emprisonnement cellulaire et la folie pénitentiaire»; сочиненіе это заслужило одобреніе парижской медицинской академіи. Почтенный докторъ неопровержимо доказалъ фактическими и статистическими данными, что въ уединенномъ заключеніи мазасской тюрьмы сумасшествій было гораздо болѣе, чѣмъ въ общей тюрьмѣ Madelonnette. Самое вліяніе уединеннаго заключенія на умственныя способности онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

„Минута, когда заключонный увидитъ затворившуюся за нимъ дверь его кельи, производитъ на человѣка глубокое впечатлѣніе, каковъ бы онъ ни былъ,—получилъ-ли онъ воспитаніе или погруженъ въ мракъ невѣжества, виновенъ-ли или невиновенъ, обвиняемый-ли онъ и подслѣдственный или уже обвиненный. Это уединеніе, видъ этихъ стѣнъ, гробовое молчаніе — все это смущаетъ и поражаетъ ужасомъ. Если заключонный энергиченъ, если онъ обладаетъ сильной душой и хорошо закаленъ, то онъ сопротивляется и, спустя немного, проситъ книгъ, занятій, работы. Если заключонный — существо слабое,

малодушное, то онъ повинуется, но незамѣтно дѣлается молчаливымъ, печальнымъ, угрюмымъ; скоро онъ начинаетъ отказываться отъ пищи и, если онъ не можетъ ничѣмъ заняться, то остается неподвижнымъ долгіе часы на своемъ табуретѣ, сложивъ руки на столъ и устремивъ на него неподвижный взоръ. Еще нѣсколько дней—и самая прогулка уже не будетъ его привлекать; визиты священника или монаховъ уже не утѣшаютъ его и слова доктора не выводятъ его изъ мрачной задумчивости. Смотря по степени его умственнаго развитія, смотря по его привычкамъ, образу его жизни и нравственной конструкціи, мономанія приметъ въ немъ форму эротическую или религіозную, веселую или печальную". „Подобныя умственныя потрясенія,—продолжаетъ ученый докторъ,—составляютъ неизбѣжное послѣдствіе системы заключенія: они бываютъ даже у такихъ людей, которые ранѣе пользовались превосходнымъ здоровьемъ, которые не имѣли никакого болѣзненнаго предрасположенія—наслѣдственнаго или пріобрѣтеннаго, и, что важнѣе всего, подобное состояніе проходило у нихъ при устраненіи коренной причины, причинявшей разстройство. Мы доказали, что такое счастливое врачующее дѣйствіе оказывали развлеченіе, общество, прогулки и переводъ въ общее заключеніе. Все это заставляетъ насъ принять слѣдующее положеніе: *келейное содержаніе содѣйствуетъ болѣе частому развитію сумасшествій*" (des aliénations mentales, p. 46—48).

Точно-также чрезвычайно замѣчательны и статистическія данныя относительно самоубійствъ, совершающихся во время уединеннаго заключенія. Пьетра-Санта по этому поводу сравниваетъ старую и общую тюрьму Vielle-Force, новую общую тюрьму Маделоннетъ и келейный Мазасъ. Въ Vielle-Force съ 1840 по 1849 г. на 37,397 заключонныхъ было 3 самоубійства и 4 покушенія, т. е. одно самоубійство на 12,465 и одно покушеніе на 9,000; въ Маделоннетѣ 1 на 12,000, между тѣмъ въ Мазасѣ съ

Смертность была:

Въ Vielle-Force.	0,67	на 100	или 2,81	на 100	больныхъ.
„ Маделоннетѣ	1,08	„ 100	„ 5,71	„ „	„
„ Мазасѣ.	0,22	„ 100	„ 1,94	„ „	„

Все это говоритъ, что даже въ новыхъ тюрьмахъ и при самомъ-лучшемъ содержаніи, уединеніе дѣйствуетъ самымъ-убійственнымъ образомъ и улучшеніе въ физическомъ содержаніи не спасаетъ въ этомъ случаѣ отъ роковыхъ послѣдствій. Мы не можемъ не привести по этому поводу доклада, читаннаго 17 апрѣля 1855 года въ парижской медицинской академіи. Вотъ какъ отвѣчаетъ этотъ докладъ защитникамъ уединеннаго заключенія:

„Вы соединяете въ вашихъ острогахъ все, что только абсолютно необходимо для органической и животной жизни, но вы отвергаете все то, что относится къ жизни нравственной. Вы предоставляете вашимъ заключоннымъ нѣсколько книгъ, которыя, впрочемъ, не всегда соотвѣтствуютъ умственному развитію тѣхъ, кто умѣетъ читать, и которыя на многихъ далеко не могутъ оказывать нравственнаго вліянія и не вдохновляютъ ихъ надеждой; вы дозволяете три четверти часа прогулки и довольно рѣдкія объясненія съ директорами, монахами, медиками — людьми, конечно, весьма любезными, но къ которымъ часто заключонный ни по своему характеру, ни по нраву не можетъ чувствовать никакой симпатіи. Вы не отнимаете свободы мыслить,—нѣтъ: вы не можете этого отнять какими-бы способами ни придумывали это сдѣлать, потому-что разумъ есть самое-неприкосновенное и самое свободное, что только есть у человѣка; но уединеннымъ заключеніемъ вы домогаетесь лишить разумъ всего того, что можетъ упражнять его въ нормальныхъ гигіеническихъ условіяхъ,—всего того, что должно укрѣпить и воодушевить его въ *доброжелательности*, то-есть лишаете тѣхъ нравственныхъ агентовъ, которые привязываютъ къ жизни, ибо человѣкъ живетъ только для того, что любитъ. Ваши узники,—говорите вы,—хорошо содержатся;

но это составляетъ не богъ-знаетъ-какой либерализмъ. У нихъ нѣтъ недостатка ни въ воздухѣ, ни въ пространствѣ. Это такъ; но они дышатъ безъ отрады, безъ утѣшенія, оплакивая настоящее и страшась будущаго. Еслибы они сохраняли надежду,—они не убивали-бы себя. И неужели это значитъ слѣдовать законамъ гигіены? И не должны-ли столь важныя нарушенія жизненныхъ условій породить хроническія болѣзни, какъ сумасшествіе, расположеніе къ самоубійству, чахоточные припадки и тому подобное?" *).

Въ виду такого вреднаго вліянія, какъ и въ виду финансовыхъ соображеній, келейная система во Франціи была совершенно отмѣнена циркуляромъ Персиньи отъ 17 августа 1853 года.

Подобные-же результаты одиночнаго заключенія обнаруживались и во всѣхъ другихъ пенитенціаріяхъ Европы. Такъ въ англійской Пентонвильской тюрьмѣ придумано было все для устраненія вредныхъ послѣдствій уединеннаго заключенія. Сюда поступали только сильные и здоровые преступники не старѣе 45 лѣтъ, и при всемъ томъ, въ первые годы существованія, лицъ, лишившихся разсудка, считалось 13,7 на 1000 человѣкъ заключенныхъ, между тѣмъ въ Мильбанкѣ, гдѣ заключеніе общее, помѣшательствъ было только 4,4 а въ средѣ свободнаго населенія Лондона 2,46 на 1000. Таково было изслѣдованіе и донесеніе правительству англійскаго врача Бели (Report for the year 1852). До послѣдняго времени пентонвильская тюрьма также представляетъ несравненно болѣе помѣшательствъ и покушеній на самоубійство **). Такимъ образомъ строгая одиночная система, не смотря

*) Rapport sur un mémoire de M. le Docteur de Pietra-Santa lu à l'Académie de Médecine en séance le 17 avril 1855 par Londe et Collineau.

**) Mayhew an Binny, The criminal Prisons of London 1862 и донесенія доктора Брадлея Reports of the Directors of Convict prisons 1860, 1861 years.

на защиту ея многими теоретиками и даже нѣкоторыми официальными врачами, какъ Созомъ (Sane), Лелю, Морелемъ и Филлентропомъ, доказала на практикѣ, что она вела за собою тяжолое умственное настроеніе (dépression), помѣшательство (folie pénitentiaire), аффекты или взрывы и самоубійства. Но, кромѣ указанныхъ здѣсь вредныхъ послѣдствій одиночнаго заключенія, есть много и другихъ, не менѣе погубныхъ и тяжолыхъ послѣдствій уединенія, которыя не подвергнуты еще исчисленію. Такъ, напримѣръ, берлинскій врачъ Берендъ (Behrend), говоритъ, что до сихъ поръ упускалось важное послѣдствіе одиночнаго заключенія—*онанисмъ*, чрезвычайно развитый въ пенитенціаріяхъ. Точно-также въ списки болѣзней не помѣщаются безчисленныя галюцинаціи. Несомнѣнно, у одиночнаго заключенія есть множество побочныхъ недостатковъ. Христіансенъ и Шюпферъ между прочимъ говорятъ, что уединеніе ведетъ напослѣдокъ къ совершенному уничтоженію въ человѣкѣ „чувства и потребности общежитія", т. е. находится въ прямомъ противорѣчіи съ общечеловѣческою природою, предназначенною для соціальной жизни *). Если такимъ положеніемъ убивается въ человѣкѣ и чувство симпатіи, на которомъ основываются всѣ нравственные сочувственные инстинкты, то вредъ уединенной жизни и дурное ея вліяніе будутъ еще ощутительнѣе.

Такія послѣдствія келейной системы были слишкомъ явны и повели въ Европѣ къ значительному ограниченію уединенія во время срочнаго наказанія. Англія и Ирландія ограничили его 9 мѣсяцами. Шведскій король Оскаръ такъ хорошо понималъ тяжесть этого наказанія, что предназначалъ его только на два года для самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Наконецъ, вездѣ сроки уединеннаго заключенія были уменьшены на половину и бо-

*) Адамъ Смитъ указываетъ на измѣненіе характера въ уединеніи и на утрату общественнаго такта. „Теорія Нравственныхъ Чувствъ", с. 35.

лѣе. По гольштейнскому закону, напримѣръ, 6 мѣсяцевъ уединенія считается за 1 годъ, 1 годъ за 2, 4 за 9, 5 за 12, 6 за 16 и 7 за 20 лѣтъ. Точно-также произведены смягченія и въ самомъ содержаніи срочныхъ уединенныхъ преступниковъ, и потому нынѣшнюю систему уединенія въ Пруссіи или Ирландіи уже никоимъ образомъ нельзя смѣшивать, какъ дѣлаютъ разные теоретики и криминалисты, съ старою системою пенсильванскою. Моабитъ, напримѣръ, при всей свой педантической преданности идеѣ разъединенія (напримѣръ, до того, что здѣсь заведены даже шапки для преступниковъ, скрывающія ихъ лица), въ другихъ отношеніяхъ совершенно измѣнилъ всю систему уединенія. Такъ, въ этой тюрьмѣ существуютъ уже прекрасная школа и обширная библіотека; келейно-заключоннымъ даютъ книги, бумагу, перья, принадлежности для письма и рисованья, чертежи, модели, карты; ихъ водятъ въ школу и церковь; кто не умѣетъ ни читать, ни писать, того этому учатъ. Кромѣ того цѣлый день заключонные заняты работой, которая ихъ развлекаетъ. Работы эти чрезвычайно разнообразны; многія изъ нихъ требуютъ искуства и размышленія, при чомъ уединенный арестантъ имѣетъ возможность не отуплять, а развивать свои способности, и, наконецъ, создаетъ для себя свой внутренній міръ. Въ то-же время заключонные могутъ переписыватся и говорить съ родными. Ихъ ежедневно посѣщаютъ директоръ, священникъ, учитель, докторъ, надзиратели, мастеровые, которые учатъ ихъ работѣ; наконецъ, они видятъ и постороннихъ посѣтителей, которые являются осмотрѣть заведеніе. Все это уже далеко не абсолютное уединеніе, а поэтому опыты такихъ пенитенціаріевъ, какъ Моабитъ, доказываютъ не столько безвредность собственно *уединеннаго заключенія*, сколько обратное положеніе, а именно: *по мѣрѣ того, какъ при келейномъ заключеніи присужденный снабжается занятіями, чтеніемъ и письмомъ* (что составляетъ косвенное общеніе съ другими

людьми),—*по мѣрѣ того, какъ онъ сносится часто съ надзирателями, учителями и священниками,—по мѣрѣ того, какъ ему дозволяется свиданіе или переписка съ родственниками,—шансы къ тоскѣ, аффектамъ и сумасшествію уменьшаются и наконецъ исчезаютъ.* Все это, безъ сомнѣнія, говоритъ скорѣе противъ уединенія, нѣмъ за него.

Но ежели таково положеніе срочнаго уединеннаго узника и такія смягченія признаны необходимыми на практикѣ, то положеніе подслѣдственнаго еще болѣе заслуживаетъ вниманія европейскихъ юристовъ.

Между тѣмъ строгость ихъ заключенія всего менѣе обращала на себя вниманіе. Даже въ самой Франціи, отказавшейся отъ системы келейнаго заключенія съ 1853 года и уничтожившей одиночные остроги, для подслѣдственныхъ сдѣланы самыя - незначительныя облегченія. По отчоту г. Галкина, обозрѣвавшаго въ 1867 году французскія тюрьмы, въ Мазасѣ, правда, заведены послѣ 1853 года 4 большія мастерскія, но здѣсь работаетъ около половины заключонныхъ и притомъ уже присужденные, а подслѣдственные, какъ приводитъ г. Галкинъ, *допускаются сюда только въ видѣ особаго исключенія.* Остальные подслѣдственные по прежнему находятся въ кельяхъ, которыхъ въ Мазасѣ до 1,200. Тюрьма Консьержери (la maison de justice), назначенная для судимыхъ въ парижскомъ ассизномъ судѣ, нынѣ тоже перестраивается въ келейную, а депо префектуры полиціи имѣетъ нѣсколько келій для тѣхъ изъ задержанныхъ, *которые подаютъ поводъ опасаться за состояніе ихъ разсудка* (тогда-какъ, по медицинскимъ воззрѣніямъ, необходимо совершенно наоборотъ). Наконецъ въ послѣднее время въ 6-ти департаментахъ также созданы одиночныя тюрьмы для подслѣдственныхъ арестантовъ. Такимъ образомъ, подслѣдственныя тюрьмы во Франціи остаются въ большинствѣ келейными. Это кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что самыя свѣденія о вредѣ уединенія, опубли-

кованныя докторомъ Пьетра-Санта и признанныя медицинскимъ совѣтомъ вполнѣ достовѣрными, въ сущности не столько касаются вообще срочнаго уединеннаго заключенія, сколько обнаруживаютъ разрушительное его вліяніе именно на подслѣдственныхъ. Подобный-же предразсудокъ насчотъ необходимости одиночнаго заключенія для подсудимыхъ существуетъ въ большей части и другихъ государствъ.

Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что тѣ облегченія, которыми пользуются срочные арестанты въ келейныхъ тюрьмахъ, рѣшительно не могутъ быть примѣнены къ подслѣдственнымъ: послѣдніе не могутъ облегчить себя ни чтеніемъ, ни трудомъ, ни обученіемъ, потому-что не до того человѣку, когда онъ трепещетъ за судьбу свою. Въ этомъ случаѣ ничто не поможетъ ему, кромѣ сообщества съ кѣмъ-нибудь другимъ. Самое краткосрочное уединеніе подслѣдственныхъ, какъ мы видимъ изъ статистики самоубійствъ, можетъ быть губительно: иногда, подъ впечатлѣніемъ первыхъ минутъ неволи, достаточно менѣе сутокъ, чтобы лишить себя жизни; сильнѣйшія нравственныя мученія могутъ быть перенесены въ одинъ день, въ одну ночь. Вотъ почему, въ видахъ устраненія вреда для людей необвиненныхъ и только еще судимыхъ, прежде всего необходима совершенная отмѣна уединеннаго заключенія. Даже достаточно было-бы въ этомъ случаѣ соединеніе по два и по три подслѣдственныхъ въ одной комнатѣ, какъ это дѣлалось въ прежнемъ Консьержери; достаточно дозволенія видѣться въ общихъ дортуарахъ между собою, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ Маделоннетѣ въ corridor de faveur,—и тяжолыя послѣдствія уединенія, по всей вѣроятности, значительно были-бы уменьшены.

До сихъ поръ, однако, господа юристы все-еще очень ревниво отстаиваютъ необходимость уединенія въ видахъ правильнаго и безпристрастнаго слѣдствія и въ видахъ важности для общества открытія зла. Высоко понимая

эту пользу, мы осмѣлимся однако указать господамъ юристамъ, смотрящимъ на вопросъ слишкомъ абстрактно и теоретически, другую, практическую, его сторону, а именно: не являлся-ли иногда допросъ подъ вліяніемъ подавленнаго состоянія и тяжкаго болѣзненнаго состоянія духа пристрастнымъ и не приводилъ-ли онъ, напротивъ, къ затемненію истины? *). Подобные примѣры вѣдь, вѣроятно, извѣстны въ адвокатской практикѣ.

Судьба подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, намъ кажется, должна-бы тѣмъ болѣе обратить вниманіе юристовъ, что вѣдь это люди еще необвиненные, — многіе изъ нихъ могутъ быть оправданными. Сохраненіе ихъ здоровья, физическаго и нравственнаго, есть священная обязанность правосудія.

Вотъ почему необходимо болѣе безпристрастное разсмотрѣніе этого вопроса и болѣе обстоятельныя медицинскія и юридическія изслѣдованія въ этомъ направленіи. Эти изслѣдованія необходимы во имя справедливости, гуманности и въ интересахъ самаго правосудія.

---

*) Извѣстно, что подъ вліяніемъ страха люди не только готовы обвинять себя и подтверждать догадки слѣдователя, чтобы угодить ему, но часто начинаютъ опутывать и другихъ людей, неповинныхъ, отчего страдаетъ и общественный интересъ, и общественное спокойствіе

ОБЩИНА И ЕЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ ОСТРОГѢ.

(Тюремныя записки *.)

I.

Общія камеры.

По обыкновеннымъ понятіямъ, тюрьма должна служить источникомъ страшныхъ мученій, т. е. представлять истинный „домъ скорби", „юдоль плача", адъ земной, гдѣ люди испытываютъ страданія за свои грѣхи и гдѣ, по выраженію Данте —

.... въ воздухѣ безъ солнца и свѣтилъ
Грохочутъ въ безднѣ вздохи, плачъ и крики.

Такъ думалъ и я, но не такова тюрьма, созданная жизнью. Въ ней отразилась человѣческая природа съ ея кипучимъ инстинктомъ къ жизни, съ ея страстями. Вотъ почему она потекла совершенно не такъ, какъ предписывалъ ей строгій тюремный уставъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно было войти въ нашъ старый острогъ въ обыкновенный день, когда нашъ простодушный смотритель покоился сномъ невинности послѣ сытнаго обѣда, когда надзиратели отлучались въ сосѣдніе кабачки, солдаты храпѣли на нарахъ въ кордегардіи, а молодой ихъ прапорщикъ поглощалъ романъ со всѣмъ запоемъ юности.

*) Записки эти исключительно касаются прежней жизни острога.

Когда въ одинъ изъ такихъ дней, я, въ качествѣ арестанта, въ первый разъ вышелъ па обширный дворъ нашего острога, то встрѣтилъ здѣсь чрезвычайно разнообразную и пеструю картину, поразившую меня болѣе избыткомъ жизни и веселья, чѣмъ однообразіемъ и уныніемъ, какое можно было предположить въ этой юдоли скорби и плача.

Большой четырехъэтажный домъ нашего острога выходилъ на довольно длинный дворъ, обнесенный высокими стѣнами. На этомъ дворѣ съ утра до вечера копошился народъ самаго-разнообразнаго свойства. Картина этого двора была-бы богатой темой для художника. Русые крестьяне, въ окладистыхъ бородахъ, съ смиреннымъ видомъ; конокрады въ красныхъ рубахахъ; обдерганные мазурики съ бойкими глазами и пронырливыми лицами; сѣдовласые старцы-раскольники съ античными головами греческихъ мудрецовъ, и невыбритые, всклокоченные, пропившіеся чиновники въ лохмотьяхъ и съ виду совершенно убитые. Были тутъ и цыгане, и черкесы, и армяне, и евреи, и казанскіе татары. Вся эта „смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“ разбрасывалась группами, пестрѣла разнообразными колоритами и въ разнообразныхъ позахъ. Далѣе шли массы сѣрыхъ арестантскихъ армяковъ, движущіяся въ разныхъ направленіяхъ — это главный элементъ острога; остальные—пришлые. Сѣрые армяки съ тузами и безъ тузовъ,—большею частію бродяги, занесенные со всѣхъ концовъ Россіи,—поселенцы, постоянно попадающіе въ острогъ по привычкѣ къ преступленіямъ, и каторжные, бѣгающіе съ рудниковъ и заводовъ—это коренное населеніе остроговъ. Ходятъ они всѣ въ казенной формѣ, ибо ничего своего не имѣютъ, и, надѣясь на матушку-казну, собственное платье они или „перегоняютъ на спиртъ“, или „пускаютъ въ фальку“. Ихъ привилегированный костюмъ—сѣрый армякъ, толстая, заношенная, какъ у кочегаровъ, рубаха, казенные порты до половины ногъ и хлопающіе башмаки на ю-

лыхъ и красныхъ ножищахъ,—вотъ и все; рѣдкіе изъ нихъ носятъ засаленные, какъ блинъ, картузы, вылинявшія теплыя шапки, дырявыя шляпы или ермолки. Костюмъ этотъ коренное населеніе острога носитъ безобидно и даже съ нѣкоторымъ шикомъ, какъ денди свой фракъ. Настоящихъ бродягъ, поселенцевъ и каторжныхъ можно узнать и по осанкѣ, и по пріемамъ. Ловко забросивъ арестантскій армякъ на одно плечо, въ неизмѣримо-широкихъ, бродяжескихъ штанахъ, ухарски заломивъ на бекрень шапки, гордо прохаживаются они по острожному двору; лицо у нихъ открытое и энергичное, усы молодцовато закручены (всѣ они бриты: это особенность поселенцевъ); они едва удостоиваютъ взглядомъ остальныхъ арестантовъ, а къ крестьянамъ положительно относятся презрительно; брань ихъ ядовита и отличается мастерскими варіяціями; голосъ ихъ самоувѣренъ, глаза горятъ презрѣніемъ и насмѣшкой, губы самонадѣянно сжаты. На всемъ лежитъ у нихъ печать силы и увѣренности. Они—первые авторитеты въ острожныхъ дѣлахъ, первые игроки и первые ловеласы. Гордо и весело рисуются теперь эти рыцари передъ окнами женской половины; они выводятъ звучными тенорами разныя забирательныя пѣсни.

Это—типы русскихъ гулящихъ и беззаботныхъ людей, чувствующихъ себя въ острогѣ, какъ дома, и заправляющихъ своимъ домомъ, какъ хотятъ. Одинъ изъ этихъ типовъ можно видѣть на картинѣ Якоби „Привалъ арестантовъ" въ лицѣ парня, лежащаго беззаботно съ трубкою въ зубахъ на сибирской дорогѣ; онъ имѣетъ видъ скорѣе свободнаго колониста, чѣмъ ссыльнаго; его лицо лоснится жиромъ; ни малѣйшая забота о будущемъ не безпокоитъ его: онъ весь служитъ выраженіемъ арестантской поговорки „дальше солнца не ушлютъ, а Сибирь-то мы видали". Вотъ этихъ-то лицъ можно теперь встрѣтить десятками на нашемъ дворѣ. Правда, теперь этотъ парень не такъ жиренъ, какъ во времена подаянныхъ

шанегъ и калачей: сальный лоскъ спалъ съ лица его отъ постныхъ арестантскихъ щей; онъ похудѣлъ въ странствіяхъ и закоптился около бродяжескаго костра, но за то вся фигура его пріобрѣла болѣе подвижности, энергіи; глаза смотрятъ рѣшительнѣе и хитрѣе.

Весь этотъ народъ валомъ валитъ по двору, который начиналъ скорѣе представлять рынокъ или торговую улицу; впечатлѣніе это увеличивали арестанты-торговцы, шнырявшіе въ толпѣ прогуливавшихся и продававшіе такъ-называемое „барахло“ (т. е. ветошь). Эти торговцы продавали и разрозненный сапогъ, и старый ремень, рубашку безъ рукавовъ, кисетъ пропившагося острожнаго любовника, пучокъ махорки, кишку подъ водку, спички и т. п.; иные соблазняли покупателей потертой красной рубахой, составляющей признакъ острожнаго дендизма; третьи развѣшивали на себя необъятныя бродяжескія штаны съ холщовыми заплатами; кто-то продавалъ даже весь бродяжескій костюмъ за 15 коп. сер. Все это было ветхо и никуда негодно, но у бѣдной острожной голи на все имѣется спросъ. Около торговцевъ постоянно сновала толпа, шумѣла, бранилась, выхваляла товаръ помосковски и сыпала прибаутками.

Арестанты между тѣмъ располагались по двору живописными группами. Нѣкоторые лежали около заборовъ на спинѣ, какъ лазарони, покуривая „цигарки“ изъ махорки и смотря флегматически на клочокъ лѣтняго неба, рисующагося заплатой между бѣлыми высокими стѣнами; другіе окружили острожнаго адвоката, сѣденькаго старичка изъ военныхъ писарей, который излагалъ слушателямъ популярный курсъ острожной юридической практики; мѣстами ходили парами друзья, сговаривавшіеся о новомъ побѣгѣ и странствіяхъ или просто о проносѣ вина въ острогъ; иные, собравшись въ кучку и усѣвшись на корточки, разсказывали о побѣгахъ съ заводовъ, о послѣднихъ приключеніяхъ Яковлева, Васьки Тарбана и о судьбѣ Кривого Омуля—герояхъ каторги и

бродяжества. Тамъ и сямъ перекликались донъ-Жуаны съ бабами; здѣсь разыгралась орлянка, и трешники съ вывертомъ поднимаются чуть не въ самое небо; тамъ составился хоръ пѣсенниковъ, гдѣ въ кругу арестантовъ два чорныхъ цыгана отплясываютъ, топая пудовыми сапогами; а въ проулкѣ устроился даже цѣлый театръ: какой-то искусникъ изъ сорванной съ петель двери устроилъ сцену и изъ-за нея показываетъ кукольную комедію, гдѣ фигурируетъ извѣстный русскій арлекинъ—паяцъ Петрушка съ большимъ носомъ и пискливымъ, цыплячьимъ голосомъ. Острожная публика сосредоточила все свое вниманіе и помираетъ со смѣху; это зрѣлище даже привлекло часового, который, разинувъ ротъ, также, осклабясь, присоединился къ публикѣ, не замѣчая, что черезъ заборъ въ это время летѣли пузыри съ водкой и быстро скрывались подъ неизмѣримымъ халатомъ мѣстнаго виноторговца Буздевдева.

Что это такое? спрашивалъ я себя. Неужели это острогъ, домъ унынія и безъисходной тоски? Гдѣ-же эти мрачные убійцы, воры и грабители?! Нѣтъ, это были мирно-веселящіеся люди, заливающіеся самымъ дѣтскимъ смѣхомъ, самою искреннею радостью. Такъ, значитъ, и въ узкихъ рамкахъ тюрьмы человѣкъ все-таки сохранялъ-же инстинктъ жизни и наслажденія? Да, подъ гнетомъ горя, онъ создавалъ себѣ свой міръ, не смотря на тяжолые замки и долгіе годы своего заключенія!

Цѣлый день на острожномъ дворѣ идутъ всевозможныя развлеченія. Острожные кавалеры перекидываются шутками и остротами скоромнаго свойства съ острожными дамами; постоянно, въ разныхъ углахъ то поютъ пѣсни, то пляшутъ. Орлянка свирѣпствуетъ безсмѣнно. Иногда является какой-то дудочникъ съ самодѣльной свирѣлью; иногда устраивается игра въ чехарду или борьба на пари; а-то выведутъ медвѣдя въ овчинномъ, вывороченномъ тулупѣ на потѣху арестантовъ, и гулъ смѣха перекатывается изъ стороны въ сторону до поздняго ве-

чера. И никто не нарушаетъ этого патріархальнаго мира, этой давно заведенной свободы. Пройдетъ смотритель, пройдетъ караульный офицеръ—посмотрятъ, пошутятъ съ арестантами и пойдутъ дальше. Производится-ли смѣна постовъ — проходящіе часовые потолкуютъ съ арестантами, покурятъ съ ними махорки, подѣлятся рѣпой и по секрету пообѣщаютъ на слѣдующій караулъ пронести вина. И нѣтъ тутъ никакой вражды, никакого озлобленія.

Внутри острога публичная жизнь была не менѣе развита и также изобиловала свободою дѣйствій и разнообразіемъ занятій и развлеченій. Шумъ, бѣготня и галденье здѣсь были также постоянны и глухо раздавались подъ сводами корридоровъ. Народъ перебѣгалъ изъ каземата въ казематъ, шнырялъ по кухнямъ, по чердакамъ, по лѣстницамъ и всевозможнымъ закоулкамъ, толпился въ больницѣ, около женскаго отдѣленія и проникалъ въ корридоры секретныхъ. Здѣсь также бѣгали торговцы съ пучками махорки, съ бродяжескими тарбатейками (мѣшками), съ рубахами, подошвами и спичками. По корридорамъ мѣстами взывалъ какой-то глашатай, призывая арестантовъ на сходку, гдѣ будетъ обсуждаться „дѣло о доносѣ на майданщика, сдѣланномъ арестантомъ Мышкой“, который, по острожному обычаю, долженъ быть валупленъ; другой глашатай ходилъ и приглашалъ начать игру въ лото. Толпы народа шлялись, торговались, сплетничали и ругались; какіе-то укорщи неслись по лѣстницѣ за препровождаемой бабой; въ ретирадѣ перекликались съ любовницами; подъ лѣстницей какая-то компанія прятала острожную контрабанду; а за дверью въ корридорѣ даже была открыта летучая цирюльня, гдѣ мѣстный брадобрѣй скоблилъ арестантовъ какимъ-то зазубреннымъ орудіемъ, выдѣланнымъ изъ куска желѣзнаго листа. Но главными центрами, гдѣ сосредоточивался народъ, были острожные клубы и преимущественно „майданъ“. Майданъ—это мѣсто торговли и развлеченій, гдѣ мѣстный откупщикъ и торговецъ продаетъ всевозможные

припасы — папиросы, калачи, водку и карты; тутъ-же устроенъ игорный домъ, кафе, кабакъ, клубъ,—однимъ словомъ, что угодно. При моемъ знакомствѣ съ острогомъ, я часто посѣщалъ его. Для этого нужно было спуститься въ самую преисподнюю, въ тотъ подвальный этажъ, гдѣ помѣщались арестантскія кухни и квасныя. Въ сторонѣ отъ нихъ, подъ каменными сводами, во мракѣ закоулка, тусклая, сальная свѣча постоянно освѣщала прилавокъ и подернутыя плѣсенью, слезящіяся стѣны. Это и былъ майданъ. За прилавкомъ, кромѣ кровати майданщика и маленькаго сундучка съ папиросами, повидимому, не было ничего; тѣмъ не менѣе здѣсь можно было найти все, начиная съ калачей и водки и до картъ; послѣдніе два продукта тщательно были скрыты подъ поломъ. Въ этомъ темномъ углу постоянно толпились кучи покупателей и пьяный или имѣющій быть пьянымъ народъ. Темный, сводчатый подвалъ напоминалъ какое-то подземелье. Громкая, площадная брань висѣла въ воздухѣ.

— Распорю брюхо! кишки выпущу! оралъ пьяный каторжный Васька Самолетъ, приправляя угрозу ужасающими ругательствами и энергично запуская руку въ карманъ широкихъ штановъ, какъ-будто-бы за ножомъ.

Остальная компанія хохотала.

— Жду, братецъ ты мой, девяносто „мандтовъ" и больше ничего! заявлялъ кто-то на острожномъ жаргонѣ о плетяхъ.

— Нѣтъ по-моему, наручни хуже кандаловъ, философствовалъ нѣкто.

— Ты сколько берешь, Серега, за подкандальники-то? спрашивали въ одномъ углу.

— Нѣтъ, хуже красноярскаго палача, другъ любезный... повѣствовали въ другомъ.

— Убью! снова адски загремѣла какая-то пьяная глотка—и пошла возня.

Брань, шумъ, угрозы и хохотъ не прерывались. Всё

это, вмѣстѣ съ каторжными разговорами, конечно, могло поразить пришельца, но мы, острожные граждане, не видѣли тутъ ничего потрясающаго. Въ сущности это были обыкновенные, острожные разговоры о плетяхъ и подкандальникахъ, о которыхъ нельзя забыть ни бродягамъ, ни каторжнымъ; что касается буйства и страшныхъ угрозъ, то это былъ, просто, шикъ раскутившагося острожника, неимѣвшій ничего опаснаго и большею частью вызывавшій смѣхъ.

Рядомъ съ майданомъ было своего рода кафе: здѣсь также были сырыя, плачущія стѣны, зеленые кирпичи которыхъ были рыхлы, какъ сырая глина; маленькія подземныя окошки, съ осѣдающимъ на нихъ паромъ, тускло пропускали свѣтъ. Паръ отъ артельныхъ щей врывался сюда изъ сосѣдней кухни. Духота, жаръ и какой-то кислый воздухъ были здѣсь постоянной атмосферой. Въ клубахъ пара тамъ и сямъ выступали группы арестантовъ. Одни сидѣли за громаднымъ самоваромъ, поставленнымъ на скамьѣ, покрытой скатертью, и чаевали съ разстановкой, какъ московскіе купцы. Они насыщались здѣсь до отвала за 4 коп., кирпичнымъ чаемъ и толковали о внутренней политикѣ, т. е. о разныхъ острогахъ, о необходимости побѣговъ, о бродяжескихъ трактахъ, о перемѣнахъ въ острожномъ начальствѣ и объ уголовной практикѣ. Здѣсь не только сосредоточивались всѣ мѣстныя острожныя сплетни и новости, но можно было слышать о событіяхъ самыхъ отдаленныхъ остроговъ и каторги. Здѣсь передавались замѣчательнѣйшія дѣла на Корѣ и въ Нерчинскѣ, также какъ последнія извѣстія изъ иркутскаго, петербургскаго и московскаго замковъ, разносимыя пересыльнымъ и бродячимъ арестантствомъ. Здѣсь припоминались и геройскіе подвиги каторжныхъ знаменитостей, и старыя лѣсныя продѣлки,—мечталось о новой волѣ и новыхъ побѣгахъ.

По сосѣдству располагалась, около какой-то квасной бочки, группа игроковъ, окруженная любопытными и

„прогорѣвшими" (проигравшимися до тла) арестантами. Брань, звонъ мѣди, споры азартныхъ игроковъ и термины подкаретной и ѣдны постоянно оглашали это собраніе. Какіе-то „жиганы" (острожные игроки), *подобравъ ключи* къ новичку, т. е. плутовски завлекши въ игру, обчищали его на всѣ корки. Арестанты съ жадностью смотрѣли на игру счастливцевъ. Водка постоянно подносилась въ этой группѣ. Неподалеку отъ картежниковъ двое ободранныхъ арестантовъ играли въ юлку; далѣе звенѣли кости и трешники. Здѣсь также всѣ спокойно предавались своимъ удовольствіямъ; никто и не думалъ о всевидящемъ и всезнающемъ начальствѣ. Игорный домъ, кабакъ и кафе свирѣпствовали съ утра до вечера и процвѣтали во благо майданщика, также-какъ во славу и удовольствіе арестантства.

Но вотъ игра на сей день на майданѣ надоѣла; самые занимательные роберы и партіи кончились; требуется новое развлеченіе и тогда изобрѣтательный майданщикъ, въ качествѣ острожнаго Излера, предлагаетъ публикѣ отправиться на верхъ играть въ лото. Толпа арестантовъ бросается по лѣстницамъ въ назначенную камору. Для этого была выбрана обширная комната, въ которой на нарахъ и полу могло расположиться человѣкъ до 30 и 40 народу. Игроки тутъ являлись самаго-разнообразнаго свойства, какъ въ любомъ клубѣ. Можно было замѣтить здѣсь, на нарахъ, сидящимъ на корточкахъ, стараго, сухого татарина-конокрада, который смотрѣлъ сосредоточенно и важно на свои карты, какъ-будто исполнялъ обрядъ; рядомъ съ нимъ валялся на брюхѣ вертлявый и нетерпѣливый цыганъ; далѣе 14-лѣтній мальчишка-бродяга, дюжина веселыхъ и голыхъ жигановъ и нѣсколько солидныхъ каторжныхъ, игравшихъ педантически, съ серьезнымъ видомъ знатоковъ своего дѣла.— „66 кону и 15 сбору! Начинается, господа, начинается, о чемъ и возвѣщается!"—выкрикивалъ майданщикъ, перемѣшивая въ мѣшкѣ номера. Затѣмъ начиналъ онъ

вынимать фишки, при объявленіи которыхъ въ острожномъ лото, для разнообразія, прибавлялись разныя прибаутки острожно-каторжнаго происхожденія.

— Горбачъ семерка! взывалъ майданщикъ, вынимая 7 №.—Тройка удалая!—Туды сюды 69!—25 солдатская служба!—44 бурятская арба!—22 ангарскія уточки!— бурятское чувырло 4! — анфискино лакомство съ разстрѣломъ 9! — Мишкино яйцо, что на пасхѣ носилъ 8!—5... верстъ, смотри, ребята: пѣтухи поютъ; собаки лаютъ, деревня близко!

Такіе эпитеты, характеризующіе разныя острожныя лица, происшествія или событія и образы бродяжеской жизни, доставляютъ глубокое удовольствіе арестантству и часто вызываютъ взрывъ хохота.

Среди такихъ-то удовольствій и развлеченій проводятъ острожные фланеры цѣлые дни. Они перебѣгаютъ по своимъ клубамъ, изъ майдана въ игорные дома и кафе, или блуждаютъ, ища веселыхъ сценъ и занятій, то по отворенымъ камерамъ, то по своей оживленной торговой улицѣ—острожному двору. Такъ коротается тюремный день, сокращаемый разнообразными забавами. Только передъ зарей раздается крикъ надзирателей: „По избушкамъ, молодцы! по избушкамъ!“ (ироническій намекъ на бродяжескіе пріюты въ полѣ), и тогда толпы народа кидаются, тѣсня и толкая другъ друга, по корридорамъ и лѣстницамъ, въ каморы. Идетъ повѣрка арестантовъ военнымъ карауломъ, и камеры запираются на замки.

Наконецъ смолкали перекличка и галденье, и въ окнахъ этого дома засвѣтились огни, свидѣтельствующіе, что жизнь однако не умолкнула и на ночь въ этомъ шумномъ и веселомъ фаланстерѣ арестантства. Дѣйствительно, изъ камеръ доносились впродолженіе цѣлой ночи смѣшанный шумъ и крики игроковъ, и оглушительныя пѣсни съ импровизированной музыкой изъ самодѣльной балалайки и изъ шайки, превращенной въ бубенъ, рядомъ съ топаньемъ и шлепаньемъ арестантскихъ ко-

товъ и туфлей. И все это составляло какой-то странный контрастъ съ постоянно смѣняющимися часовыми, съ стукомъ прикладовъ и съ суровыми окликами патруля и дежурныхъ.

Часто въ такія ночи я сидѣлъ подъ своимъ рѣшетчатымъ окномъ и смотрѣлъ, какъ длинныя узорчатыя тѣни пробѣгали по этому громадному дому, какъ темное зданіе превращалось въ стоглазое чудовище, мигающее сотнями безпокойныхъ, мерцающихъ огней, какъ оно гудѣло и гоготало, оглашаясь раскатами самаго буйнаго, отчаяннаго и забубеннаго веселья. Въ это время я задумывался надъ судьбою этого зданія и его жителей. Мнѣ странными и загадочными казались и рядъ запрещенныхъ развлеченій, и этотъ тюремный болѣзненно-дикій разгулъ. Только впослѣдствіи, послѣ долгаго опыта и въ связи съ другими явленіями, я понялъ, какая могучая сила создала здѣсь эти вольности и такую широкую свободу наперекоръ самымъ суровымъ тюремнымъ уставамъ и иногда самымъ строгимъ и жестокимъ смотрителямъ.

II.

Секретные.

Если такова публичная жизнь острога, то нечего говорить, что въ казематахъ она была еще привольнѣе, еще менѣе терпѣла стѣсненій.

Самая строгая жизнь въ тюрьмѣ, подлежащая болѣе тщательному наблюденію,—это жизнь секретныхъ, но и тѣ постарались измѣнить свою жизнь къ лучшему и достигнуть многихъ удобствъ и свободы въ сношеніяхъ.

Только неопытнаго развѣ можетъ устрашить наше секретное заключеніе; люди, побывавшіе въ острогѣ, знаютъ обычаи келейной жизни и быстро расширяютъ свою

свободу, а вслѣдъ за ними учатся и небывалые. Взглянемъ на жизнь секретныхъ въ нашемъ острогѣ.

Вотъ вводятъ арестанта по важному обвиненію и толкаютъ его въ уединенную келью, съ наглухо-заколоченными, двойными рамами; его запираютъ на замокъ, ключъ отъ котораго находится постоянно у сторожа; въ коридорѣ ставится часовой, обязанный наблюдать за секретнымъ арестантомъ чрезъ стеклянную форточку въ его двери. Замкнутый въ такую обстановку, обысканный кругомъ, безъ денегъ, безъ всякихъ средствъ, подъ постояннымъ наблюденіемъ, что, казалось, могъ-бы сдѣлать этотъ человѣкъ? Но хитрый и опытный арестантъ не робѣетъ. Первымъ долгомъ онъ входитъ понемногу въ интимныя отношенія съ прислужникомъ изъ арестантовъ, который приноситъ ему пищу, хотя этотъ прислужникъ входитъ всегда при надзирателѣ. Не смотря на то у секретнаго является табакъ, спички, иглы, нитки, бумага, карандашъ, кусокъ желѣза, изъ котораго онъ вытачиваетъ себѣ ножъ, веревки, словомъ—все необходимое. Скопленныя свѣчи, недоѣденная и сбереженная корка хлѣба, пущенныя въ продажу, даютъ ему возможность скопить маленькій капиталъ для обзаведенія себя упомянутымъ хозяйствомъ. Разжившись всѣмъ нужнымъ, секретный старается завести сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Для этого онъ тихонько ночью выставляетъ раму и отворяетъ окно. Если часовой донесетъ или увидятъ это надзиратели и раму снова вставятъ, то на слѣдующую ночь арестантъ снова выставитъ ее; опять вставятъ,— онъ опять то-же повторитъ и иногда добьется того, что его, наконецъ, бросятъ. Если же смотритель слишкомъ строгъ и секретнаго за выставленную раму куютъ, то онъ сносится съ остальными арестантами при посредствѣ вентилятора въ окнѣ, въ который онъ, какъ въ рупоръ, кричитъ съ утра до вечера, переговариваясь какъ съ своими соучастниками въ секретныхъ-же камерахъ, такъ и съ общими арестантами, находящимися въ другихъ окнахъ.

Если мы взглянемъ на наружную стѣну острога, куда выходятъ окна секретныхъ, то увидимъ довольно оживленныя сношенія этихъ одиночекъ: крикъ и гамъ въ форточки и вентиляторы оконъ—постоянный. Самые энергичные секретные сидятъ съ отворенными окнами, высунувши изъ-за рѣшетокъ голыя ноги и лицо, и мирно бесѣдуютъ съ сосѣдями. Крикъ и переговоры идутъ чрезъ цѣлый острогъ. Нижній этажъ переговаривается съ верхнимъ, одинъ конецъ острога съ противоположнымъ. Иногда разговоръ становится общимъ, въ которомъ принимаютъ участіе окна всѣхъ этажей. Однажды въ нашемъ острогѣ въ одномъ изъ казематовъ читался попавшій случайно нумеръ газеты; арестанты живо были заинтересованы, и извѣстія устнымъ телеграфомъ передавались въ самые отдаленные углы острога и переходили отъ секретнаго къ секретному. Потѣхи было много съ этою газетою.

— Что-же она: горитъ? оралъ кто-то въ нижнемъ окнѣ.

— Кто горитъ? слышалось изъ другого окна.

— Да губернія, въ газетѣ читаютъ.

— Какая губернія-то, не наша-ли нижегородская?

— Не саратовская-ли? раздавалось изъ другого мѣста.

— Не черниговская-ли?—Не харьковская-ли?

Съ живымъ любопытствомъ слышались вопросы поселенцевъ, которыхъ много было въ острогѣ.

Изъ камеры, гдѣ читали газету, доносилось только бурчанье.

— Да отвѣтьте-же, дьяволы, какая губернія-то горитъ? гаркнула какая-то глотка съ 4-го этажа изъ секретныхъ. Наконецъ показалась въ одномъ окнѣ курчавая голова репортера и провозгласила: „Архіерей въѣхалъ въ Москву и при колокольномъ звонѣ...“

— Да губернія-то... послышалось опять, но репортеръ уже скрылся.

— Что-же это такое, братцы? разсуждали озадаченные

поселенцы. Послышались угрозы репортеру отмять завтра бока. Среди шума показался опять репортеръ и крикнулъ:

— Симбирская, черти!—затѣмъ снова скрылся.

Услышали только ближайшіе.

— Слышь, самарская!—Вре?—Астраханская! гудѣло далѣе. — Тамбовская! Московская!—и пошли перебирать.—Это твоя губернія, слышь, горитъ.

— Нѣтъ, твоя! корились и дразнились ссыльные.

— А вотъ лучше-бы Сибирь сгорѣла! замѣтилъ кто-то и примирилъ всѣхъ посельщиковъ.

— Да тамъ все врутъ! какая газета-то? воскликнули скептики, которыхъ въ острогѣ много.

— „Голосъ"!

— Волосъ?.. Тонокъ да нечистъ...—и тутъ пошли самые нелестные эпитеты для редакціи.

По вечерамъ въ особенности оживлялся внутренній фасадъ острога съ окнами секретныхъ и общихъ арестантовъ: въ это время общія также запирались и сношенія между ними велись черезъ окно. Тогда скоплялись всѣ новости острога: кто ходилъ къ допросамъ, кто въ судъ, кто къ наказанію; каждый передаетъ видѣнное и слышанное; точно-также передаются и событія дня изъ острожной жизни, интриги, ссоры, результаты карточной игры и т. п. Иногда здѣсь ведутся цѣлые разсказы, анекдоты, сказки и даются вокальные концерты для острожной публики. Часто цѣлую ночь идутъ эти переговоры и толки между безсонными секретными и услаждающими ихъ одиночество общими арестантами-товарищами. При этихъ условіяхъ секретный пользуется всѣми выгодами общежитія и не чувствуетъ своего одиночества: онъ также участвуетъ въ общей жизни острога. Мало того: секретные, находящіеся безъ всякаго дѣла и занимающіеся, для развлеченія, лишь разговорами и собираніемъ новостей и скандаловъ у своихъ оконъ, являются всегда первыми сплетниками острога, какъ площадныя торговки.

Какъ достигли секретные возможности разговаривать сквозь окна, такъ они умудрились приспособить тѣ-же окна для полученія разныхъ вещей отъ другихъ арестантовъ. Для этого существуетъ такъ-называемый телеграфъ. Подъ этимъ именемъ разумѣется веревка съ привязанною на концѣ тяжестью; она спускается удобно сверху внизъ, въ другіе этажи, и по ней секретный получаетъ все, что угодно, начиная съ записокъ, кончая папиросами и пузырькомъ водки. Изъ горизонтальныхъ по фасаду оконъ вещи передаются размахомъ веревки, конецъ которой ловитъ сосѣдъ; такимъ путемъ отъ сосѣда къ сосѣду телеграфическія сношенія ведутся между отдаленнѣйшими окнами и углами острога во всевозможныхъ направленіяхъ.

Что касается сношеній секретныхъ внутри острога, то они очень удобно переговариваются черезъ форточки дверей, такъ-какъ въ одномъ корридорѣ сосредоточивается по нѣскольку уединенныхъ узниковъ; все же нужное получается здѣсь чрезъ искусно-расширяемыя щели дверей. И тутъ не замираетъ человѣческая дѣятельность, которую не могутъ прекратить никакіе замки и рѣшотки; и тутъ своего рода жизнь пробивается наружу!

Вотъ въ одномъ изъ этихъ корридоровъ съ угрюмыми каменными сводами и поломъ виднѣется рядъ темныхъ и печальныхъ дверей, съ маленькими прорѣзанными окошечками. Корридоръ освѣщается сальною, оплывшею свѣчкой, воткнутой въ деревянный обрубокъ. Скучно стоитъ часовой, прислонясь къ стѣнѣ; подчасокъ спитъ на голыхъ камняхъ, съ полѣномъ въ изголовьѣ, свернувшись калачикомъ. Грустное, подавляющее молчанье царствуетъ здѣсь нѣсколько времени; только-что смерклось, и арестанты еще у окошекъ заняты бесѣдой. Вотъ у форточекъ дверей понемногу появляются лица секретныхъ. Сначала слышится бѣглый, отрывочный разговоръ, но скоро выступаетъ одинъ краснорѣчивый острожный разсказчикъ, желающій на эту ночь потѣшить секретныхъ

товарищей. Всѣ съ любопытствомъ примкнули къ форточкамъ; дремлющій часовой оживился и придвинулся къ окну: онъ самъ—охотникъ до сказокъ. Солдатъ разбудилъ подчаска, поправилъ свѣчку и веселѣе запылалъ огонь въ корридорѣ. Разсказчику сквозь щель двери была снисходительно передана сигарка тѣмъ-же часовымъ, получившимъ дружески таковую-же отъ одного изъ секретныхъ. Всѣ сблизились и весело улыбались отъ предстоящаго удовольствія. И вотъ острожный ораторъ, затянувшись сигаркой, увлекаетъ ихъ въ фантастическую область подземныхъ царствъ, приключеній разныхъ королевичей, волшебныхъ царицъ, злыхъ волшебниковъ, добрыхъ карликовъ и т. п. Ровно и плавно ведетъ онъ разсказъ и не смыкаютъ слушатели очей цѣлую ночь, а давно смѣнившійся часовой все еще стоитъ и дожидается конца приключеній какого-то несчастнаго королевича.

Въ другомъ корридорѣ также моргаетъ свѣчка; полудремлющіе секретные также стоятъ прижавшись у своихъ форточекъ; они также требуютъ сказки у какого-то ссыльнаго.

— Что, братцы, сказки! говоритъ тотъ,—а я вамъ лучше разскажу жисть свою, такъ это будетъ повальяжнѣе всякой сказки! Секретные съ самымъ живымъ удовольствіемъ принимаютъ это предложеніе: они знаютъ, что разсказчикъ, бывшій московскій купеческій сынъ, сосланный на каторгу, много видалъ, и вотъ уже сорокъ лѣтъ полоситъ Россію въ бродяжествѣ, отъ нерчинской Коры до Петербурга, Бессарабіи, Астрахани и обратно. Онъ краснорѣчивъ,—художникъ въ разсказѣ; его пріятный голосъ дрожитъ задушевностью, невольно приковывая къ себѣ слушателей и часто проникая къ нимъ глубоко въ сердце. Онъ началъ свою исповѣдь. Вотъ онъ рисуетъ веселые московскіе притоны купеческой молодежи, гдѣ батюшкины сынки среди отчаянныхъ кутежей въ нѣсколько вечеровъ ухлопываютъ легко-наживаемые денежки отцовъ своихъ. Ждутъ у подъѣзда бойкіе лихачи,

чтобы разносить ихъ по всей Москвѣ, изъ притона въ притонъ, для новыхъ приключеній и оргій. Картины пировъ, роскоши, богатства, мотовства и безумныхъ оргій смѣняются одна за другими, и наконецъ разсказчикъ переноситъ слушателей въ притоны мелкаго и грязнаго разврата, въ темные подвалы, гдѣ разоренные и промотавшіеся молодцы оканчиваютъ свое пиршество за полуштофомъ сивухи. Затѣмъ открываются подземелья и грязные этажи большихъ домовъ, гдѣ царитъ голь и нужда, гдѣ ищутъ ночлега всѣ бездомные, всѣ безпріютные и нищіе; здѣсь-же теперь находятся и промотавшіяся купеческія дѣти, еще молодыя, свѣжія, сильныя, но погибающія отъ голода; посреди ихъ и нашъ разсказчикъ. Тутъ, на ночлегѣ, посреди разнаго оборваннаго, безпріютнаго и голоднаго народа, сводится первое знакомство съ жуликами и артистами, которые промотавшимся молодцамъ предлагаютъ свой промыселъ и свою протекцію. Начинается новая жизнь по московскимъ бульварамъ и гуляньямъ, гдѣ открывается обширное поле изобрѣтательности и всевозможнымъ приключеніямъ. Недолго однако продолжается она: преслѣдуемые полиціей, неопытные жулики скоро бросаютъ промыселъ и исчезаютъ изъ Москвы, а съ ними и герой разсказа. Вотъ они въ глухой вологодской губерніи, нищіе, голые и голодные таскаются какими-то проселками, ища пріюта по кабакамъ и глухимъ заѣзжимъ домамъ. Въ одномъ изъ нихъ они сходятся съ богатыми крестьянами, занимающимися тайкомъ грабежами и разбоями. Начинается новый рядъ похожденій въ темныя ночи, по большимъ дорогамъ, по широкимъ постоялымъ дворамъ, по богатымъ купцамъ, по богатымъ попамъ. . . . .

Но попали молодцы въ западню и потянулись сибирская дорога, ссылка, рядъ остроговъ, арестантская жизнь и каторжное горе. Чутко прислушиваются арестанты къ знакомымъ эпизодамъ и очеркамъ арестантской жизни. Выступаетъ на сцену отважный побѣгъ героя съ каторги

и, охваченная широкой кистью, рисуется затѣмъ скитальческая жизнь со всѣми ея треволненіями, гдѣ приключенія слѣдуютъ за приключеніями. Золотые промыслы, города и кутежи въ нихъ таежнаго рабочаго, скитанья по безконечнымъ и пустыннымъ дорогамъ, глушь сибирскихъ грандіозныхъ лѣсовъ, таинственные раскольничьи скиты въ захолустьяхъ, жизнь въ отдаленныхъ деревняхъ, гдѣ разыгрывается тихая и сладкая любовь бродяги съ деревенскою красавицей; то новый походъ черезъ Уралъ къ завѣтной родинѣ и матушкѣ Москвѣ; то снова проклятая каторжная жизнь на Корѣ и новая борьба на жизнь и смерть, чтобы избавиться отъ нея. Все это грустной живописной декораціей встаетъ въ томъ разсказѣ, къ которому прислушиваются арестанты, какъ къ своему пережитому горю. Личныя воспоминанія героя окрашиваютъ задушевнымъ колоритомъ эти картины. Трагическія ноты порой звучатъ въ этой исповѣди, порой клокочетъ бурная жизнь и титаническая борьба съ судьбою, накипѣвшее горе и муки слышатся въ немъ, и встаетъ ясно и рельефно эта убитая, задавленая жизнь ихъ собрата-арестанта, облитая слезами и кровью на лобныхъ мѣстахъ. Такіе-то разсказы, раздаются подъ этими сводами секретныхъ корридоровъ въ темныя и длинныя зимнія ночи!

Затѣмъ навремя наступаетъ какъ-будто мертвая тишина, но секретные арестанты не унимаются въ своей изобрѣтательности. Вдругъ гдѣ-то въ секретной запѣлъ пѣтухъ; арестанты снова оживились; ему началъ вторить другой; раздалось кошачье мяуканье; закрякала въ третьемъ мѣстѣ полевая утка, и донеслось, какъ-будто издалека, хрюканье борова; скоро весь острогъ закукурикалъ, затрещалъ, захрюкалъ и замяукалъ и, соединившись, составилъ надрывающій уши кошачій и звѣриный концертъ; наконецъ, въ довершеніе всего этого, раздалось оглушительное, дикое ржанье какого-то бѣшенаго жеребца, потрясшее весь острогъ.

Острогъ отъ этого эфекта разразился рукоплесканіями завылъ и загоготалъ. Наружные часовые начали безпокойно посматривать на окна, откуда слышались завыванія, и стали покрикивать. Но арестанты разшалились и ихъ не удержать. „Иллюминація!“ пронеслось гдѣ-то; и эта мысль, пущенная секретнымъ, мигомъ облетѣла острогъ. Скоро въ одномъ изъ оконъ у секретнаго заблистало до десятка свѣчей, прикрѣпленныхъ къ рѣшоткѣ. Мигомъ отворились другія окна, и огни начали пробѣгать отъ окна къ окну; разрѣзанныя на нѣсколько частей, накопленныя свѣчи покрыли рѣшотки всѣхъ оконъ и острогъ запылалъ въ самой пышной иллюминаціи. Узорчатые огни озарили это мрачное жилище, освѣтили весь дворъ, и иллюминованный громадный острогъ долженъ былъ во всемъ неожиданномъ блескѣ предстать дальнему городу. Такого озорства однако никакъ нельзя было потерпѣть.—Старшова! закричали наружные часовые; дежурные побѣжали по лѣстницамъ; оторванный отъ какого-то сантиментальнаго романа, свирѣпый прапорщикъ летѣлъ, звеня саблей, по корридору. „Кандалы! Наручни!“ выкрикивалъ онъ. Но арестанты, заслышавъ тревогу, мгновенно потушили огни и мирно усѣлись на койки. Офицеръ нигдѣ не замѣчалъ безпорядка; вездѣ было темно, лишь въ одной форточкѣ секретной, къ своему изумленію, онъ увидалъ точь-вточь такого-же офицера и собственную физіономію. Ему было подставлено зеркало. Онъ заворчалъ и удалился къ своему посту.

Таковы обыкновенно были развлеченія одиночныхъ секретныхъ арестантовъ въ нашемъ острогѣ. Но не повсюду они жили такою безпечною и легкою жизнью. Для полноты картины мы должны спуститься въ нижній, подвальный этажъ острога, гдѣ также существуютъ секретные корридоры. Здѣсь содержатся самые-важные преступники, подъ болѣе неблагопріятными и суровыми условіями.

Въ глухомъ, почти подземномъ корридорѣ, отъ котораго вѣетъ сыростью и затхлостью могилы, помѣщаются такія-же одиночныя кельи, находящіяся въ нижней части фундамента и потому совсѣмъ вросшія въ землю. Полъ ихъ постоянно гнилъ и влаженъ; кирпичи стѣнъ мягки и скользки; какая-то плѣсень и грибы стелются по сѣрой штукатуркѣ, и влажность, высасываемая изъ земли, постоянно поднимается по этимъ стѣнамъ. Окошки келій, хотя довольно высоки, но едва-едва выходятъ на поверхность земли снаружи. Такія подвальныя секретныя существуютъ у насъ почти въ каждомъ острогѣ; иногда онѣ совершенно темны и служатъ чѣмъ-то въ родѣ карцеровъ; въ нихъ-же прежде держали и прикованныхъ къ цѣпи. Въ такомъ корридорѣ сидѣли у насъ важные убійцы, грабители, поджигатели, находящіеся подъ строгимъ слѣдствіемъ, оштрафованные въ острогѣ арестанты и тому подобные преступники, которыхъ не считали заслуживающими ни пощады, ни состраданія, и для которыхъ употреблялось это заключеніе, какъ суровая кара или какъ понужденіе къ сознанію въ преступленіи.

Заглянувъ въ такой потаенный корридоръ нашего острога, мы нашли-бы здѣсь двухъ обвиняемыхъ въ убійствѣ, надъ которыми производилось еще слѣдствіе, —арестанта, посаженнаго за покушеніе къ побѣгу, другого—за буйство и намѣреніе ударить кирпичомъ офицера (всѣ они были въ кандалахъ) и, наконецъ, еще какого-то, закупореннаго на-глухо, неизвѣстнаго арестанта по „секретному дѣлу". Въ этомъ корридорѣ жизнь велась скучнѣе и унылѣе уже потому, что самая обстановка не располагала къ веселью и оживленью. Здѣсь арестантамъ не давали ни кроватей, ни постелей: они валялись на сыромъ полу, покрытомъ мокрицами, дождевыми червями и миріадами блохъ, едва прикрываясь худенькими армячишками; удушливая и влажная камора спирала дыханіе; холодный воздухъ, даже лѣтомъ, бро-

салъ въ дрожь; сырость и темень царствовали кругомъ; могильная тишина прерывалась лишь звономъ цѣпей. Часовой съ радостью выходилъ на свѣжій воздухъ изъ этого погреба.

Не смотря на все это, однако секретные и здѣсь подражали своимъ сотоварищамъ и добились сношеній: они имѣли и табачокъ, и спички, посылаемыя этимъ узникамъ сострадательными товарищами; они также иногда высовывали блѣдныя, изможденныя лица изъ своихъ норъ въ наружныя окна и прислушивались къ говору острога. Но всѣмъ этимъ они пользовались какъ-то крайне убого, и даже когда они высовывались наружу, то съ верхнихъ этажей на нихъ летѣли иногда плевки и окурки,—конечно, невзначай. Разговаривать изъ оконъ имъ было неудобно, такъ-какъ ходящій на дворѣ часовой былъ у нихъ передъ самымъ носомъ (въ буквальномъ смыслѣ). Единственнымъ утѣшеніемъ имъ оставались разговоры въ корридорѣ, черезъ форточки дверей. Здѣсь они сообщали о дѣлахъ своихъ, передавали жалобы на судьбу, изливали злость и досаду на слѣдователей и смотрителя. Разговоры эти были крайне-невеселы; расположеніе духа секретныхъ было болѣе мрачное и озлобленное.

Вотъ въ одинъ изъ унылыхъ вечеровъ жолчный каторжный, сидящій здѣсь за побѣгъ, ведетъ разговоръ съ товарищами. Это худая, истощенная фигура, носящая слѣды синяковъ и побоевъ, какіе получила она при побѣгѣ; на немъ кандалы и наручни.

— И что это за *жисть* наша, братцы, за проклятая! говоритъ онъ.—Вотъ я сколько ни живу теперь на свѣтѣ, а почесть больше въ острогахъ просидѣлъ, чѣмъ на волѣ прожилъ. Да и въ острогѣ-то приходится самый то-есть пакостный уголъ. Въ томскомъ замкѣ я 6 мѣсяцевъ въ темной секретной высидѣлъ; въ омскомъ солдатскомъ карцерѣ у тобольскихъ воротъ за дезертира 8 мѣсяцевъ держали въ грязи да слякоти; тамъ я и

проклялъ! Въ иркутскомъ замкѣ годъ съ двумя мѣсяцами тоже въ секретной былъ: тамъ въ 6-мъ побѣгѣ уличали; да и сидѣлъ, какъ чортъ, одинъ: кругомъ ни души!

— Ну, это вотъ ужь-куды-скверно одному, безъ компаніи, безъ сосѣдей сидѣть, отозвался кто-то изъ секретныхъ.

— Что и говорить! хоть-бы жизни лишиться: такая тоска да одурь возьметъ; я даже, братцы мои, въ тѣ поры начиналъ чорту молиться.

— Какъ-такъ чорту молиться? начали спрашивать заинтересованные слушатели.

— А вотъ я вамъ разскажу. Бѣжалъ я съ Коры. Больно ужь мнѣ хотѣлось тогда на волѣ погулять, да около Култуки дернуло насъ, бродягъ, съ мужиками изъ-за кражи драку учинить; произошло убивство; насъ и взяли. Вотъ и посадили меня въ иркутскомъ въ секретную, не хуже здѣшней, гдѣ покойниковъ прохлаждаютъ. Дѣло хотя это привычное, но плохо было то, что никого кругомъ не было: одинъ во всемъ корридорѣ. Сижу лѣто, сижу зиму — нѣтъ, не выпускаютъ. Сталъ я въ уныніе приходить и раздумывать. Отчего, думаю, это мнѣ на свѣтѣ счастья нѣтъ,—что я за Каинъ такой? Другіе на волѣ живутъ; и счастье-то имъ, и веселье; и денегъ кучу имѣютъ, и прохладу всякую,—за что-же мнѣ ничего не дается? Что я за несчастный такой человѣкъ? Развѣ я не такой-же, какъ они? Отчего мнѣ на солнце ясное вольно посмотрѣть не удается, долю свою размыкать, сердце свое утѣшить? Вотъ теперь великій постъ у людей, свѣтлый праздникъ приходитъ, у всякаго радость да веселье будетъ, а я въ этой конурѣ собачьей сидѣть долженъ. И взяло-же меня горе; все-бы я отдалъ, чтобы выйти отсюда да пожить своей волей. Слыхалъ я, братцы мои, что люди свою душу чорту запродаютъ и тогда имъ на землѣ бѣсъ даетъ и свободу, и счастье, и всякое богатство. Дай, думаю, по-

пробую — начну чорту молиться. Написалъ я записку собственною кровью, что душу свою запродаю; снялъ я, братцы, крестъ, не сталъ ни умываться, ни чесаться, ни ногти обстригать, а началъ каждое утро и вечеръ чорта призывать и строгій постъ блюсти: едва ломтикъ хлѣба съѣмъ. Приходитъ постъ къ концу, а я къ чорту все взываю: „Явись ко мнѣ, Сатанаилъ, спаси ты меня!" Искудалъ, испостился я, братцы мои; нечесаный и немытый, самъ я сталъ на чорта походить. Вотъ хорошо. Пришла и Пасха. Сижу я въ ночь на христову заутреню и опять думаю: „Приди ты, Сатанаилъ!" Только сижу, и такъ—не заснулъ, а немного забылся. Вдругъ, вижу, выбѣжала мышь и прямо ко мнѣ на колѣни. Я такъ и обомлѣлъ. Это, значитъ *онъ* въ видѣ мыши ко мнѣ явился. Господи! подумалъ я, задрожалъ весь да вдругъ крестное знаменіе и сдѣлалъ. Какъ эта мышь кинется прочь, и раздался тутъ громъ и трескъ, какъ-будто двери вылетѣли прочь, и вся камора сѣрнымъ дымомъ и смрадомъ наполнилась. У меня тутъ голова закружилась; я такъ въ забытьѣ и упалъ на нары. И вдругъ слышу къ заутренѣ въ колоколъ зазвонили; осмотрѣлся — вижу въ каморѣ никого, и двери цѣлы; перекрестился я, всталъ и началъ молиться да каяться передъ Богомъ. Такъ вотъ какое со мной было происшествіе! Не перекрестись я—взялъ-бы Сатанаилъ мою душу. Съ тѣхъ поръ я припоминаю, что не надо духомъ опускаться. Да и что тутъ толковать: поживемъ еще, братцы! *)

— Поживемъ! отозвался ободрительно другой голосъ.

„Ай да въ горѣ жить—не кручинну быть", послышалась фистула въ концѣ корридора. Скоро эту пѣсню смѣнилъ еще болѣе оживленный мотивъ. И, наконецъ, какой то секретный началъ что-то въ родѣ польки-мазурки, ожесточонно забрякавъ подъ тактъ своими кандалами.

---

*) Разсказъ этотъ, интересный въ отношеніи русской демонологіи, выслушанъ нами изъ устъ арестанта.

Непріятное, тяжолое чувство производятъ эти веселые мотивы съ брязганьемъ цѣпей: что-то циническое звучитъ въ этомъ весельѣ, въ этомъ фиглярствѣ надъ собственнымъ гробомъ. Такая дисгармонія есть насильственная поддѣлка чувства и человѣческой природы; но секретный принужденъ прибѣгать къ этому, какъ къ средству обмануть себя въ своихъ страданіяхъ и вызвать хладнокровіе въ тяжолыя минуты изъ души своей. Но горькою цѣною покупается это облегченіе и эта демонская забава надъ своими муками.... Отчаянное презрѣнье къ своей судьбѣ, безумная злоба и безчувственность воспитываются здѣсь въ арестантѣ. Можно-бы запретить этотъ рефлексъ, но лучше-ли отъ этого будетъ, ежели не измѣнятся условія? Не хуже-ли будетъ кипѣть злоба? Не тяжелѣе-ли будутъ томящія грудь муки?...

Что касается занятій вообще секретныхъ, то нечего и говорить, что они проводятъ время совершенно праздно. Трудно требовать притомъ, чтобы они могли заняться чѣмъ-либо безъ надлежащихъ орудій, матерьяловъ, безъ полученія заказовъ и возможности сбыта. Поэтому секретные или переговариваются, или предаются забавамъ, или, большею частью, спятъ по 18 часовъ въ сутки. Имѣющіе деньги изъ секретныхъ арестантовъ, конечно, пользуются всѣми благами: друзья ихъ, находящіеся въ общихъ каморахъ, доставляютъ имъ все необходимое; поэтому одиночки могутъ даже напиваться, когда вздумаютъ, пьяными. Иные свое уединеніе приспособляютъ съ особой выгодой. Такъ монетчики, т. е. дѣлатели фальшивыхъ денегъ, здѣсь находятъ очень удобнымъ дѣлать ассигнаціи, предпочитая секретную общей камерѣ, потому-что они могутъ болѣе скрытно заниматься своимъ ремесломъ; значительная часть изъ нихъ остается здѣсь, даже охотно послѣ слѣдствія. Такимъ образомъ даже самая секретная приноровлена была нашимъ арестантствомъ къ облегченію острожнаго заключенія.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе производитъ уеди-

неніе на нашего арестанта. Видно одно, что при строгомъ заключеніи онъ ожесточается и страдаетъ, а въ большинствѣ случаевъ впадаетъ въ глубокую апатію и чисто-животную жизнь, томясь отъ скуки или изобрѣтая развлеченія. Пропагандисты пенитенціарной системы увѣряютъ, что уединеніе ведетъ къ самоуглубленію, анализу своего прошлаго и къ раскаянію. Ничего подобнаго не замѣчается на нашихъ секретныхъ арестантахъ: они скучаютъ, много спятъ и ведутъ совершенно тупую и машинальную жизнь. Да и трудно, кажется, ожидать отъ человѣка неразвитого, непривыкшаго къ субъективному анализу, чтобы онъ критически повѣрялъ свою жизнь, обсуживалъ, шагъ за шагомъ, свои поступки и отдавалъ себѣ отчотъ. Вспомнимъ, многіе-ли изъ людей въ жизни могутъ выполнить это съ строгой послѣдовательностью?... Для этого нужно прежде всего извѣстное развитіе, воспитаніе; тогда, можетъ быть, и безъ одиночнаго заключенія человѣкъ придетъ къ обсужденію и къ оцѣнкѣ прошлаго, и возродится для лучшаго будущаго.

Что касается до одиночнаго заключенія, примѣняемаго какъ у насъ надъ подслѣдственными и опасными арестантами, такъ и заграницею, то постояннымъ стремленіемъ арестантовъ было одно — это стремленіе къ общительности. Этотъ естественный инстинктъ не могъ быть выжитъ ничѣмъ. По крайней мѣрѣ, та-же борьба происходитъ и въ Мильбанкѣ, какъ видно изъ записокъ одной надзирательницы.

Въ русской тюрьмѣ, какъ бы секретнаго ни садили, онъ, по свидѣтельству опыта, всегда найдетъ лазейку. У человѣка существуетъ страшная изобрѣтательность, въ особенности когда всѣ его умственныя силы и всѣ желанія сосредоточены на одномъ. Отыщетъ секретный щель — и вотъ у него открытъ доступъ къ остальному міру; мало того: онъ перетащитъ сюда цѣлый домъ. Это неизбѣжно. Да тутъ еще помогутъ усилія другихъ, стремящихся къ тому-же сближенію: одинъ буравит

ронѣ кто-то на корточкахъ, прижавшись къ нарамъ, изъ черепка съ жидкими чернилами писалъ прошеніе или расписывалъ паспортъ, другой—медленно и терпѣливо выводилъ огрызкомъ карандаша на папиросной бумагѣ снимокъ съ трехрублевой ассигнаціи; на окнѣ сушили пузыри изъ-подъ водки; въ темнотѣ, подъ нарами, копошился труженикъ, выдалбливая потайной ящикъ въ полу; кто-то выводилъ у окна, приложивъ руку къ щекѣ, монотонныя „Степи Моздовскія", а въ углу флегматически сидѣлъ герой каторги и, съ стоицизмомъ Муція Сцеволы, царапалъ ножомъ свою клейменую руку.

— И вотъ, братцы мои, иду я этою самою пустынею, разсказывалъ словоохотливый бродяга своимъ столпившимся слушателямъ:—горы стоятъ высокія, крутыя. Лѣса стоятъ темные, непроходимые, и по всему туманы ходятъ непроглядные...

— Врешь, врешь! Мой козырь, подаянная голова! гремитъ споръ тутъ-же сидящихъ игроковъ.

— И скажу я тебѣ, братецъ мой, теперь про Серафима этого угодника... дребезжитъ какой-то старчески-благочестивый голосъ.

— И обернулъ Иванъ Царевичъ тую волшебницу самую въ кобылу... вдругъ рядомъ экспромтомъ оканчивается какая-то сказка.

— И какъ къ нему медвѣди приходили и разные звѣри окружали... дребезжитъ голосъ старика, гладящаго по головѣ 14-ти-лѣтняго бродягу, который смотритъ огненными глазенками на сосѣднюю партію въ три листа.

— Фалька! Фалька! Чтобъ васъ язвило! ревутъ игроки.

— Была, сударь мой, у этого палача силища страшенная! вводится новый разсказъ.—Разъ онъ подошолъ къ воротамъ на мостикъ. Эхъ, говоритъ, изъ острога не пускаютъ! Подбодрился да какъ топнетъ, такъ полуторо-вершковая плаха пополамъ. Во-какъ!

При этомъ общемъ смѣшеніи звуковъ и говора, треска и хохота, шумъ изъ камеръ стоитъ по острогу невообразимый. Съ одной стороны стучитъ какой-то молотъ, выбивая на копейкѣ оттискъ двугривеннаго; кто-то визжитъ пилкой по кости; здѣсь точатъ осколки желѣза; тамъ закатываетъ неистовая острожная музыка; гдѣ-то брякаютъ распущенныя цѣпи прогуливающагося по коридору пересыльнаго; какой-то секретный бьетъ полѣномъ въ запертую дверь. Звуки то сливаются, то дробятся и сталкиваются въ поразительныхъ контрастахъ. Въ одной камерѣ громко читается библія и рядомъ учиняютъ безобразнѣйшую пляску; слышится цѣломудренная молитва раскольника и тутъ-же циническая брань; благочестивый мусульманинъ на распѣвъ читаетъ стихи корана; еврей плачетъ надъ своими псалмами; а тамъ несется разудалая бродяжеская пѣсня; на мигъ раздается вой бабы, приведенной въ острогъ, грубая брань надзирателей, любовная перекличка — и вдругъ вырывается полный тоски и торжественности, полный молящей надежды гимнъ какого-то изгнанника, и все это покрывается стоустымъ гоготомъ неистовствующаго острога, сливаясь въ общій, дикій и хаотическій концертъ.

Удивительное разнообразіе занятій можно было встрѣтить въ каждой камерѣ. Здѣсь можно было найти все, кромѣ развѣ производительнаго и полезнаго труда, въ которомъ старый тюремный уставъ и старые смотрители отказывали арестантству *). Вмѣсто него арестанты при-

---

*) А старый тюремный уставъ гласитъ слѣдующее: «Осужденные на заключеніе въ тюрьмѣ могутъ во время онаго избирать себѣ занятія изъ числа дозволенныхъ въ смирительныхъ домахъ, *если* токмо сіе можетъ быть допущено по внутреннему устройству тюремнаго замка (а всѣ старые остроги по своему устройству не были приспособлены къ этому), а равно и всѣ другія, но не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія тюремнаго начальства (это было также стѣсненіе для работъ, допускаемыхъ, какъ исключеніе); они могутъ получать для этого всѣ нужные матеріалы, *кромѣ* лишь тѣхъ, которые *почему-либо* будутъ признаны опасными. (А опас-

нуждены были создавать свои особыя занятія и развлеченія. Люди проводили здѣсь время или въ играхъ, приправляемыхъ пьянствомъ, или въ разныхъ „свободныхъ художествахъ“, которымъ въ острогѣ „нѣсть числа“ и которыя носили свой мѣстный характеръ. Мы скажемъ нѣсколько подробнѣе объ этихъ занятіяхъ, вошедшихъ въ привычки нашего тюремнаго міра.

Для самыхъ праздныхъ и неумѣлыхъ здѣсь существуетъ два занятія: игра въ карты и пьянство. Для игры создалось здѣсь цѣлое сословіе игроковъ, подъ именемъ „жигановъ“, организовавшихъ свою артель, съ ростовщикомъ во главѣ, который носитъ названіе „жиганскаго старосты“ и снабжаетъ своихъ подчиненныхъ деньгами на игру, получая львиную часть отъ выигрыша. Жиганъ — это самый жалкій и бѣдный парій острога, котораго азартная игра заставляетъ проигрывать все, что онъ имѣетъ и что пріобрѣтаетъ. Послѣдняя полушка у него ставится ребромъ. Когда нечего проигрывать, онъ проигрываетъ казенную одежду, отдуваясь спиной, порціи хлѣба и щей, иногда за цѣлые мѣсяцы впередъ, а самъ питается подобранными на полу корками; потому онъ всегда голоденъ, истощонъ безсонными ночами и вѣчно въ лохмотьяхъ. Игра здѣсь является не времяпровожденіемъ отъ скуки и не развлеченіемъ, какъ думаютъ нѣкоторые, но своего рода средствомъ пріобрѣтенія, замѣняющимъ трудъ. Каждый скопленный грошъ, каждая корка хлѣба ставится на ставку, какъ необходимая затрата на предпріятіе, обѣщающее выгоду. Потому у бѣднаго арестантства игра есть необходимость, обусловленная бѣдностью обстановки; она является борьбою за

ными признавались всѣ острыя орудія, въ томъ числѣ и ножи, почему орудія для работы имѣть запрещалось) (ст. 204 устав. О содер. подъ страж. т. XIV Св. Зак.). По статвѣ 207, заработокъ арестантамъ могъ быть выдаваемъ лишь при выпускѣ изъ тюрьмы, что далеко не привлекало арестантовъ; кромѣ того, работы ихъ всегда обращались въ пользу острожныхъ смотрителей.

хлѣбъ, за удовлетвореніе необходимыхъ потребностей; она есть ремесло, профессія и заработокъ. „Чѣмъ вы занимаетесь?" спросилъ я одного острожнаго пѣвца, разумѣя его ремесло. „Я играю-съ", отвѣтилъ онъ мнѣ категорически. Увы! онъ былъ, дѣйствительно, бродяга — жиганъ. Въ острожной игрѣ, какъ во всякой игрѣ, одерживаютъ верхъ или самые богатые, или самые искусные, — т. е. разные шулера. Проигравшіеся разъ стараются вновь попробовать счастія, проигрываются окончательно, и тогда каждая копейка и порція идетъ у нихъ на новыя попытки, и они остаются вѣчно нищими и вѣчно проигрывающими. Жажда выигрыша у нихъ развивается по мѣрѣ препятствій; постоянное волненіе крови, приливы надежды и страха, вѣчное ожиданіе счастливой случайности держатъ ихъ организмъ въ такомъ напряженномъ состояніи, что игра является страшной, пожирающей страстью острога, гдѣ люди все обращаютъ въ капиталъ,—одежду и пищу,—голодаютъ недѣли и мѣсяцы, чтобы имѣть возможность снова пуститься въ игру. Записаться въ больницу подъ видомъ больного, часто искалечивъ и испортивъ себя для этого, чтобы играть на лучшія больничныя порціи—въ острогѣ дѣло обыкновенное. Часто больные и умирающіе проигрываютъ свои діэтическія порціи и употребляютъ вмѣсто того самую ужасную, въ ихъ положеніи, пищу. Анекдотъ, разсказанный Фрегье о преступникѣ, проигравшемъ пищу и умершемъ отъ истощенія, въ каждой острожной больницѣ у насъ совершается во-очію.

Каждая игра, каждое пріобрѣтеніе арестантства сопровождается выпивкой; горе, отсутствіе труда и тюремная тоска особенно способствуютъ этой страсти. Каждый арестантъ ищетъ средствъ выпить, во что бы то ни стало, и каждый острогъ всегда находитъ средства добыть вина. Нашъ „домъ скорби" представлялъ для этого также полный просторъ и удобства. Не только вино продавалось на майданѣ, но даже мѣстный виноторговецъ,

подсудимый дворянинъ Б...: устроилъ цѣлый складъ и продажу водки въ больницѣ. Въ одной изъ больничныхъ палатъ можно было встрѣтить его съ его другомъ Физеромъ, тоже изъ дворянъ, расхаживавшими въ красныхъ рубахахъ и фартукахъ посреди цѣлой батареи бутылокъ и полуштофовъ и разсыропливавшими спиртъ съ искуствомъ стараго откупного сидѣльца. Видъ здѣсь былъ далеко не тюремный; это была скорѣе разливная и распивочная: посуда и стклянки всякаго рода, даже цѣлые бочонки красовались на видныхъ мѣстахъ; на рѣшоткахъ оконъ сушились пузыри; посѣтители выходили то-и-дѣло.—Какой-то шутникъ написалъ здѣсь мѣломъ передъ пріѣздомъ начальства: *распивочно и на выносъ.*

Вино, благодаря легкому доступу въ острогъ, было всегда въ значительномъ количествѣ. Передъ праздниками иногда скоплялось его до пяти и болѣе ведеръ, и все это уничтожалось въ день или два. Проносился въ острогъ обыкновенно спиртъ. Для проноса измышлялись всевозможные способы и хитрости: проносили вино въ кишкахъ, обвитыхъ вокругъ тѣла, въ обрубкахъ дерева, въ дровахъ, въ метлахъ, въ сбруѣ водовозной лошади, въ легкихъ говядины и т. п. Вино часто получалось самымъ оригинальнымъ способомъ: то его заносила ничего не подозрѣвающая водовозная лошадь; то во время службы, въ церкви, на хоры къ арестантамъ поднималась бутыль, принесенная неизвѣстнымъ прихожаниномъ. Остроумный торговецъ Буздевдевъ заставлялъ жену свою проносить вино подъ кринолиномъ. Но большею частью не требовалось прибѣгать даже и къ этимъ уловкамъ: надзиратели, ключники, служители и караульные за извѣстную плату готовы были во всякое время просунуть арестанту полштофъ водки. Въ старомъ русскомъ острогѣ не пренебрегали торговлей виномъ ни караульные офицеры, ни смотрители, часто конфисковавшіе приносимую водку съ тѣмъ, чтобы снова перепродавать ее арестантамъ. Это показываетъ, какой обольстительный доходъ

давалъ этотъ запретный плодъ острога. Чашечка спирта продавалась по 40, 50 коп. и болѣе; бутылка обходилась арестантству въ 2 р., въ 2 р. 50 коп. и болѣе. Продавецъ и доставщикъ получали до 150% прибыли на рубль, и это еще въ довольно патріархальныхъ острогахъ, гдѣ доступъ вина былъ легче. Понятно поэтому, какъ наживались майданщики и разные откупщики остроговъ: при страшномъ запросѣ на вино они окончательно обирали арестантовъ; заработки цѣлаго острога, все имущество приходившихъ въ острогъ, всѣ выигрыши въ карты „перегонялись на вино", какъ говорятъ острожники. Единственными капиталистами остроговъ и хозяевами являются только майданщики и продавцы водки. Арестанты ненавидятъ ихъ, какъ своихъ грабителей, часто крадутъ у нихъ вино, не отдаютъ долговъ, но тѣмъ не менѣе находятся у нихъ въ зависимости и несутъ вѣчную имъ подать. Я знаю, какъ въ одномъ острогѣ весь тяжкій заработокъ арестантовъ (до 400 руб.) перешолъ въ руки майданщика. Арестантъ часто продастъ хлѣбъ, но на вино помаленьку все-таки скопитъ и, конечно, пропьетъ все разомъ. Этому способствуетъ и тюремная тоска, и праздность, и прежнее пристрастіе къ вину, также какъ и жажда запретнаго плода.

Кромѣ игръ и продажи водки, въ острогѣ процвѣтаютъ всегда разныя „свободныя художества". Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ занятій была въ нашемъ острогѣ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ острогахъ, фабрикація фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Фабрикація эта производилась какъ въ общихъ, такъ и въ секретныхъ камерахъ, хотя монетчики все-таки ищутъ мѣстъ по возможности менѣе людныхъ и болѣе скрытныхъ. Одинъ изъ монетчиковъ, какъ говоритъ преданіе, помѣстился для своей профессіи въ нашемъ острогѣ даже въ церкви, куда впускалъ его ключникъ. Всѣ необходимые матеріалы монетчикъ получаетъ тѣмъ же путемъ, ка[illegible] и всякую контрабанду — табакъ, вино, карты и [illegible]

Матеріялъ монетчиковъ носитъ условные термины на ихъ жаргонѣ въ видѣ „стекла“, „льду“, „песку“ и т. п., точно-также, какъ и самыя бумажки называются „блинками“, такъ-какъ на-скоро пекутся. Искуство монетчиковъ, конечно, различно: нѣкоторые не могутъ иначе приготовить бумажку, какъ на стеклѣ, другіе дѣлаютъ чуть не наизусть. Такіе искусники даже чертятъ на стѣнахъ карандашомъ разные тройки и пятитки. Что касается сбыта, то и въ этомъ отношеніи изобрѣтательность всегда-сосредоточеннаго арестанта открыла самыя разнообразныя средства. Прислуга острога служитъ главнымъ агентомъ для передачи фальшивыхъ бумажекъ за стѣны тюрьмы. Въ нашемъ острогѣ,—разсказываютъ арестанты,—была пріучена собака переносить такой товаръ изъ острога въ городъ: все нужное зашивалось въ ошейникъ и ее выпускали изъ острожной калитки. Это напоминало хитрости контрабандистовъ съ брабантскими кружевами. Монетчики привязывались къ своему призванію тѣмъ болѣе, что званіе „монетчика“ было въ острогѣ не только прибыльнымъ, но и самымъ-почтеннымъ. Это званіе дѣлается поневолѣ идеаломъ острожнаго жителя. Самый послѣдній изъ арестантовъ, самый бездарный изъ бродягъ мѣтитъ сдѣлаться монетчикомъ. И вотъ эта профессія пріобрѣтаетъ толпу прозелитовъ. Безграмотный выучивается для этого грамотѣ; грубыя и неумѣлыя руки пріучаются къ тонкой работѣ рисованія и, конечно, за десяткомъ геніевъ этого искуства выходятъ тысячи пачкуновъ, готовящихся къ этому дѣлу на свою погибель. Однажды нашъ острогъ былъ наводненъ продуктами этой фабрикаціи. Рублевыя бумажки продавались по 14 и 20 к. штука; чуть не въ каждой камерѣ чертили или рисовали снимки на папиросной бумагѣ; рисунки и оттиски ассигнацій встрѣчались во всѣхъ острожныхъ книгахъ. Не смотря на постоянныя обыски, смотритель никакъ не могъ искоренить этого „свободнаго художества“. Во-первыхъ, нѣкоторымъ на-

ходкамъ—какому-нибудь клочку папиросной бумаги съ этюдомъ и разными каракулями трудно было придавать серьезное значеніе, и онъ уничтожался домашнимъ образомъ. Во-вторыхъ, дѣло это было столь обыкновенное и привычное въ острогѣ, что никакіе обыски не останавливали арестантовъ. Сидѣлъ, напримѣръ, у насъ въ секретныхъ дѣлатель ассигнацій Я... и дѣятельно производилъ свою работу. Наконецъ пало на него подозрѣніе: приходитъ смотритель, обыскиваетъ —и ничего не находитъ. Желая однако добиться какого-нибудь результата, онъ приказываетъ разломать кровать и въ секретной лазейкѣ ея находитъ краски и начатый билетъ 25-рублеваго достоинства. Черезъ два дня смотритель узнаетъ, что фабрикація попрежнему продолжается. Внезапно явившись къ Я., смотритель говоритъ: „Ну, отдавай, что ты сдѣлалъ вновь!"—„Да трехрублевую только, ваше высокоблагородіе: больше ей-богу нѣтъ!" отвѣчаетъ, не задумываясь, арестантъ, вытаскивая изъ-за пазухи ассигнацію.—„А еще"?—„Больше нѣтъ!" Но смотритель нашолъ и еще начатую десятирублевую. Арестантъ Я... нисколько не унимался, и матеріялы вновь появлялись послѣ каждаго обыска. При такомъ положеніи дѣлъ начальству оставалось только опустить руки.

Послѣ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій болѣе видную отрасль „свободныхъ художествъ" острога составляетъ поддѣлка паспортовъ для бѣглыхъ и бродягъ. Паспорты дѣлаются обыкновенно отставными чиновниками, писарями и тому подобнымъ канцелярскимъ людомъ; ихъ помощниками являются рѣзчики печатей для этихъ паспортовъ. Печати продаются часто и отдѣльно. Паспорты предпочитаются въ видѣ крестьянскихъ билетовъ, въ Сибири, напримѣръ, выдаваемыхъ съ пріисковъ горнымъ начальствомъ. Также въ ходу и солдатскіе отпускные билеты. Опытные бродяги предпочитаютъ идти солдатами: военнаго человѣка, дескать, меньше обидятъ. Паспорты обыкновенно продаютъ по 9 и 12 руб. Тѣ-же ап-

тисты, которые любятъ поддѣлку паспортовъ, отличаются въ искуствѣ поддѣлываться подъ разныя руки, писать прощенія, безъимянные доносы и т. п.

За рѣзчиками печатей являются разные техники, поддѣлывающіе фальшивыя золотыя кольца, серьги и т. п., что сбывается внѣ острога обыкновеннымъ контрабанднымъ порядкомъ. Замѣчательно, что всѣми этими профессіями занимаются не одни уже готовые артисты, попавшіе въ острогъ съ знаніемъ этого дѣла, но множество дилетантовъ, изучающихъ поддѣлку во время самаго заключенія въ тюрьмѣ.

Послѣ поддѣлки фальшивыхъ бумагъ и паспортовъ, наука побѣговъ составляетъ свою отдѣльную отрасль преподаванія; примѣры и разсказы о самыхъ геройскихъ дѣлахъ этого сорта переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ преданіи и пѣснѣ. Тутъ-же узнаетъ новичокъ объ искуствѣ разбивать кандалы, пилить рѣшотки, а на острожномъ часовомъ изучаетъ натуру будущаго своего конвоя въ партіи и искуство примѣняться къ ней. Затѣмъ идетъ наука бродяжества и охватываетъ острогъ самой широкой и горячей пропагандой. Авантюристскій характеръ придаетъ этимъ разсказамъ особую прелесть; препятствія, опасности и способъ обходить ихъ поражаютъ изобрѣтательностью и хитростью; знакомство съ новыми мѣстностями, съ вольными лѣсами и степями вѣютъ запахомъ весны въ этомъ смрадномъ и тѣсномъ мірѣ заключонныхъ и влекутъ ихъ желанія въ безконечную даль пустынной Руси. Какъ пламенная прокламація, они зажигаютъ въ сердцѣ арестанта жажду свободы и влекутъ его вонъ изъ тюрьмы. Наряду съ этими разсказами идутъ сообщенія положительныхъ географическихъ свѣдѣній о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ острогахъ и пересыльныхъ пунктахъ, начиная съ громаднаго московскаго замка до такихъ бродяжническихъ центровъ, какъ замки тобольскій, томскій, иркутскій, и кончая дальнимъ Акатуемъ или Карою, гдѣ

также привольно течетъ острожная жизнь въ увеселеніяхъ и „свободныхъ художествахъ“, подъ звонъ тяжолыхъ кандаловъ каторжнаго люда. Наука острога завершается обширнымъ знакомствомъ съ острожной юриспруденціей, необходимой для каждаго, кто попадаетъ на путь преступленія.

„Эхъ! чему только нашъ монастырь не научитъ“, говорили арестанты нашего острога. И, дѣйствительно, чего только здѣсь не дѣлалось! „Господи, думаешь-бывало, ну какъ да все это откроетъ начальство!“ Но оказывалось, что опасаться рѣшительно было нечего. Въ случаѣ надобности обыденная жизнь острога со всѣми ея насильственно-созданными развлеченіями, со всѣми ея тайнами и подпольными похожденіями вдругъ сходила со сцены и принимала самый чинный, оффиціальный характеръ. Въ острогѣ было столько норъ, лазеекъ, тайниковъ, проваловъ, что все запрещенное исчезало въ одно мгновеніе ока, какъ въ любой волшебной опереткѣ. Для этого арестантъ тщательно изучаетъ острогъ, осматриваетъ всѣ его закоулки, замѣчаетъ всѣ щели; и, дѣйствительно, въ искуствѣ прятать арестантство достигло изумительнаго совершенства. Арестанты свертываютъ въ нитку деньги и проводятъ ихъ по карнизамъ, глотаютъ въ случаѣ надобности монету и золотыя вещи, прячутъ ихъ въ ротъ, въ волоса, въ бороду и въ уши. У каторжныхъ бывали цѣлые кожаные несесеры съ пилками для рѣшотокъ, ножами, иглами, деньгами и проч., которые они проносили на своемъ тѣлѣ. Своего острожнаго начальства арестантство совсѣмъ не опасалось: оно знало, что все между ними останется дѣломъ домашнимъ. Что же касается до постороннихъ оффиціальныхъ лицъ, являвшихся ревизовать острогъ, то здѣсь былъ заинтересованъ, конечно, и самъ смотритель и потому заранѣе заботился о порядкѣ въ своемъ вѣдомствѣ. Въ это время готовилась хорошая пища, выдавались новые кафтаны изъ цейхауза (которые по отъѣздѣ начальства снимались

снова); камеры запирались; коридоры выметались; арестанты сидѣли съ понуреннымъ и кроткимъ видомъ, какъ невинныя дѣти. Начальство тщательно обходило и осматривало острогъ, и единственный безпорядокъ усматривало развѣ въ неубранной кучѣ сора въ углу коридора или въ нечаянно попавшемъ тараканѣ въ образцовыя щи. Уѣзжало начальство, — и высыпали заключенные на острожный дворъ играть въ чехарду и орлянку: что за важность, что новые халаты отобраны и пища пошла опять скверная! Благо, они опять въ своей обычной сферѣ. Опять являлись на сцену засаленныя карты, начинался шумъ и стоустый говоръ; опять раздавалась арестантская пѣсня и жизнь острога текла по-прежнему.

Но бывали и другія грозы надъ острогомъ. Узнаетъ губернское начальство, что острогъ ужъ больно распустился, что въ немъ идетъ дѣятельное производство ассигнацій и паспортовъ, — еще на дняхъ взятыя съ такими деньгами торговки признаются, откуда ихъ получили, — и вотъ проснувшееся начальство вдругъ ополчается противъ „дома скорби“ и приказываетъ внезапно накрыть его и произвести строжайшій обыскъ. Смотритель острога приходитъ въ ужасъ отъ одной этой мысли, зная, что творится между арестантами. Задумчивымъ и озабоченнымъ ѣдетъ онъ изъ полиціи въ острогъ. Надо найти какой-нибудь выходъ. И вотъ только-что смотрительскія дрожки подвезли его къ квартирѣ, какъ черезъ пять минутъ по камерамъ острога ходитъ староста и торжественно провозглашаетъ: „Эй вы! Табакъ, трубки, кости, карты, краски, олово, „блинки“ и все такое убирай! Тайная полиція будетъ!“ „Полиція будетъ!“ разносится по камерамъ, и все живое приходитъ въ движеніе. Весь острогъ встаетъ на ноги; все осматриваетъ себя и прибираетъ; полуштофы и бутылки прячутся куда-то подъ заборъ; кто рветъ начатый паспортъ; кто пересыпаетъ махру; кто бѣжитъ съ картами на чердакъ; таинственная

экспедиція пробирается на дворъ въ сорной ямѣ; тутъ поднята половица, здѣсь отваленъ карнизъ, въ печкѣ очутились какія-то норы. Скоро острогъ однако угомонился и ждетъ. Арестанты улеглись, но чутко слушаютъ. Ночь. Медленно и тихо выдвинутъ караулъ и оцѣпляетъ острогъ; во всѣхъ закоулкахъ зданія разставлены темныя и неподвижныя фигуры. Тихо по корридорамъ острога прокрадываются тѣни; невзначай чуть брякнетъ неосторожный тесакъ, и сейчасъ-же онъ подхваченъ поспѣшною рукою; озабоченныя и хмурыя лица тщательно прислушиваются въ окошечки камеръ. „Ничего въ волнахъ не видно": спятъ арестанты, какъ невинные младенцы! Вкрадчиво и тихо проводится ключъ въ визгливый замокъ; съ какимъ-то не-то шумомъ, не-то плачемъ отперился засовъ. „Вставай!" загремѣло на арестантовъ. Заспанныя, робкія и изумленныя лица предстаютъ предъ внезапно-освѣщонною толпою величественнаго начальства. Перебираются норы, обшариваются печки, перетрясывается арестантская рухлядь... Нѣтъ ничего! Другая, третья, четвертая камера; перерытъ и поднятъ вверхъ дномъ весь острогъ. Утомленное и измученное начальство уѣзжаетъ уже утромъ съ колодой засаленныхъ картъ, найденныхъ гдѣ-нибудь въ мусорѣ, съ двумя трубками-носогрѣйками и тремя затасканными кисетами махорки вмѣсто трофеевъ. Ну, и слава Богу, что ничего не оказалось: значитъ, все обстоитъ благополучно! А черезъ часъ декораціи измѣняются и настоящая жизнь острога выступаетъ въ своемъ полномъ разгулѣ.

Такая жизнь, конечно, составляла самую-дурную сторону общаго острога. Но должно помнить, что арестантъ и не могъ ничѣмъ заняться: ему все запрещалось. Послѣдній ножикъ,—какое-нибудь кромсало, сдѣланное изъ желѣза,—у него отбирался; шильце, необходимое для штопанья казенной обуви, отбиралось; книга попадется, занесенная въ острогъ — и ту отберутъ. Что тутъ дѣлать?

Были въ острогѣ и люди трудолюбивые. Сидитъ, напримѣръ, арестантъ и цѣлые дни пилитъ гребешки изъ кости; другой цѣлые мѣсяцы дѣлалъ скрипку. Но куда съ этимъ со всѣмъ дѣнешься? Сбыта изъ острога нѣтъ: въ острогѣ ни гребешки, ни скрипки не нужны. Отъ скуки арестантъ пропадаетъ въ старой тюрьмѣ — ну, онъ и изобрѣтаетъ себѣ занятія. Зналъ я зоркаго бродягу, который звалъ себя фельдшеромъ; онъ то-и-дѣло рыскалъ и суетился по острогу; натура была живая. Прибѣжитъ въ аптеку, понюхаетъ стклянки, поспроситъ больныхъ и убѣжитъ; цѣлый день онъ рыскаетъ и ищетъ, не надо-ли кому кровь открыть, что и выполняетъ, когда найдутся желающіе. Встрѣчаешь его иногда — „Что вы?“ — „Да что? отвѣчаетъ съ озабоченнымъ видомъ: — я теперь другое занятіе ужъ нашелъ: просто фельдшерской практики никакой нѣтъ!“ — „Какое-же занятіе нашли?“ — „По письменной части — прошенія сочиняю“, и такъ онъ постоянно метался по острогу. Иной возьметъ бритву и пойдетъ брить арестантовъ; третій наберетъ кучу старыхъ тряпокъ и пойдетъ продавать, якобы торгуетъ; четвертый думаетъ, думаетъ и начнетъ кукольную комедію устраивать. И понятно, человѣку нуженъ хоть какой-нибудь интересъ въ жизни, хоть какое-нибудь занятіе. Пристройте этихъ людей, дайте имъ дѣло — и этотъ острогъ превратится въ громаднѣйшую фабрику, которая закипитъ, задвигается всѣми своими силами. Въ острогахъ у насъ есть превосходные мастера, отличные писцы, гравировщики, часовщики и т. д. Одни только бродяги наименѣе способны къ труду, но и тѣ, имѣя перспективу въ жизни, начнутъ трудиться.

Чтеніе точно также всегда составляло жажду арестантовъ. Они — страстные охотники до путешествій и до русской исторіи; грамотники ихъ постоянно отыскиваютъ всякій клочокъ бумаги, чтобы прочитать его на досугѣ, — будь это хоть чайная обертка или смотрительскій рапортъ. Арестанты знаютъ стихи, пѣсни и учатся

другъ отъ друга. Метода взаимнаго обученія грамотѣ у нихъ и теперь существуетъ. Ни въ одной тюрьмѣ, между тѣмъ, у насъ не существовало хоть ничтожной свѣтской библіотеки. Нашъ арестантъ, находясь въ праздности, безъ занятій, оставленный на произволъ, безъ всякаго заработка, при дурной пищѣ, естественно деморализовался: онъ искалъ случая или украсть, или выиграть въ карты. Та-же праздность вела его къ изысканію развлеченій, иногда самыхъ безнравственныхъ; отъ нечего-дѣлать онъ болталъ всякій вздоръ, сочинялъ, навиралъ на себя, развращалъ свою фантазію и т. п. Въ одной изъ тюремъ было придумано для развлеченія вести, напр., процессы. Такъ арестанты постоянно жаловались на кражи, на покушенія, совершаемыя другъ другомъ въ убійству, и постоянно ходили судиться. Оказывалось, что всѣ они были ужаснѣйшіе разбойники и злодѣи, которые только и думали рѣзать другъ друга, а на самомъ дѣлѣ они просто выкидывали комедію съ начальствомъ.

Итакъ порча нашихъ остроговъ была вовсе не столько въ сообществѣ, сколько въ праздности, бездѣятельности и нищетѣ арестанта.

IV.

Недуги острога.

Какъ передѣлало арестантство свою острожную жизнь въ камерахъ, такъ оно приспособило по-своему и острожную больницу, преобразивъ ее изъ печальной обители вздоховъ и смерти въ обитель вѣчно-преслѣдующей арестанта жажды развлеченій и спекуляціи. Больница острога впродолженіи дня представляла самыя комическія метаморфозы.

Каждое утро, предъ пріѣздомъ доктора, она представляла очень приличный и соотвѣтствующій назначенію

видѣ. Въ коррридорѣ, передъ аптекой, всегда стояла куча немощнаго народа, съ которымъ мучился докторъ, распрашивая болѣзни. Субъекты были разнообразные.

Здѣсь толпились хилые старики, прося освидѣтельствовать ихъ и дать удостовѣреніе о неспособности ихъ вынести тѣлесное наказаніе. Здѣсь-же толпились здоровенные парни съ воспаленными глазами, съ зіяющими ранами на рукахъ и ногахъ; были субъекты съ какими-то странными, совершенно непонятными болѣзнями и неопредѣленными жалобами.

— Ты что, чѣмъ боленъ? обращался докторъ къ одному больному.

— Сердцемъ боленъ, ваше в—діе, а такъ весь здоровъ.

— Гм!—Докторъ слушалъ грудь и обращался къ другому.

— У меня сердце здорово, только голова и ноги болятъ, а сердцемъ какъ-есть здоровъ.

Докторъ щупалъ пульсъ, разспрашивалъ и сомнительно посматривалъ на паціента.

— А ты который уже разъ, Аксеновъ, въ больницу? внезапно обратился докторъ къ молодому парню, стоявшему въ сторонѣ.

— Четвертый разъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ парень.

— Опять рана?

— Рана опять-съ!—и парень протянулъ поражонную язвою руку.

— Что за чортъ! Да ты растравляешь, вѣрно! воскликнулъ докторъ, взглянувъ на рану.

— Никакъ нѣтъ-съ: все сама приключается!

— А ты что? все глаза? перешолъ онъ къ другому.

— Опять глаза, ваше в—діе!

— Что за чудо! кажи глаза.—Докторъ покачалъ головой.—Ну, а ты?

— Да какъ-будто ломота, ваше в—діе.

— Гдѣ-же ломота?

— Вездѣ, значитъ, ломота: весь нездоровъ.

— Каши, должно быть, хочешь! недовѣрчиво замѣтилъ докторъ. Арестанты ухмыльнулись проницательности доктора.—Ну, а тебѣ что, дѣдушка?

Передъ докторомъ стоялъ хилый 70 или 80-ти лѣтній старикъ; голова его тряслась; жолтая кожа засохла на немъ, какъ на муміи; клочья сѣдыхъ, жиденькихъ волосъ были распущены на лбу, какъ у ребенка; глаза были какіе-то неподвижные, дѣтски-наивные и невозмутимо-спокойные; онъ стоялъ, скрестивши на халатишкѣ руки, точно покойникъ.

— Къ вамъ, ваше благородіе... вотъ освидѣтельствовать... зашамкалъ старикъ:—къ наказанію вышло идти; такъ нельзя-ли по старости лѣтъ уволить... хилъ я больно... Божескую милость! глухо выкрикнулъ онъ и повалился, какъ трупъ, въ ноги. Когда старикъ поднялся, лицо его было по-прежнему невозмутимо и холодно-спокойно.

— За что ты судишься, старикъ? спрашивалъ докторъ.

— За побѣгъ, за побѣгъ, ваше в—діе: родимую сторонку хотѣлъ передъ смертью повидать; ну, значитъ, дѣтки тоже тамъ остались... такъ не привелъ Богъ!.. тоскливо промолвилъ старикъ.

Къ доктору подошла еще пара больныхъ: одинъ былъ чахоточный въ предпослѣднемъ періодѣ, другой—такой-же худой и высохшій арестантъ съ зачахшимъ видомъ; это былъ поселенецъ, страдавшій ностальгіей, которому тоже угрожала чахотка. Одному нужна была для излеченія свобода, другому—родина. Докторъ кивнулъ головой, какъ-будто говоря: „да у насъ и лекарствъ такихъ нѣтъ!“

— Запишите ихъ! сказалъ онъ фельдшеру, указывая на прибывшихъ. Больные побрели по камерамъ. Докторъ началъ обходить больничныя палаты.

Здѣсь все было готово къ его приходу: полъ выметенъ; накурили верескомъ; стклянки лекарствъ красовались около каждаго больного; больные лежали закутанными на койкахъ, охали и громко стонали. Видъ былъ унылый и печальный!

Но вотъ уѣхалъ докторъ и больница начала принимать другой видъ. Отворили двери больницы; повалили сюда гости со всего острога и пошла дѣятельная продажа больничныхъ порцій и пайковъ бѣлаго хлѣба. Торгъ кушаньями и булками составляетъ важную привилегію больницы: запросъ на порціи, въ скудномъ пищею острогѣ, очень великъ. Всѣ денежные арестанты покупаютъ для себя порціи въ больницѣ, но въ особенности снабжаютъ ими своихъ любовницъ. Съ своей стороны несостоятельные и нуждающіеся арестанты находятъ выгоднымъ подъ видомъ больныхъ записываться сюда и продажею сэкономленныхъ порцій, которыя въ больницахъ раздаются щедрѣе, доставать деньги на игру и другія потребности. Отъ этого обыкновенно больница послѣ обѣда превращалась въ игорный клубъ, гдѣ пришлые гости-арестанты обчищали больныхъ. Продажа порцій, молока, хлѣба, пива и вина, отпускаемыхъ больнымъ, такъ выгодна, что даже трудно-больные не прикасаются къ нимъ, а возбуждаются корыстью и продаютъ. Въ нашей больницѣ лежалъ медленно умирающій „въ водянкѣ", которому отпускали очень хорошія порціи, кушанья и значительное количество вина для поддержанія силъ; все это онъ немедленно сбывалъ, а самъ питался хлѣбомъ или жилъ впроголодь. Послѣ смерти у него было найдено нѣсколько рублей, богъ-знаетъ кому и на что накопленныхъ, такъ-какъ ни родныхъ, ни друзей у него не было.

Менѣе голодная жизнь и большее приволье на больничной койкѣ, чѣмъ въ острожной камерѣ, дѣлали больницу для арестанта обѣтованной землей. Если докторъ слишкомъ былъ разборчивъ и не принималъ сомнитель-

нихъ, что арестанты искуственно создавали себѣ болѣзни, чѣмъ и вынуждали принимать себя. Они изобрѣли цѣлую науку калечить себя, какъ „компрачикосы“ обладали искуствомъ калечить другихъ *). Наука эта была создана въ годину прежнихъ бѣдъ арестантства и употреблялась какъ средство выйти изъ каторги, избавиться отъ тѣлеснаго наказанія, оттянуть приговоръ, отсрочить отправку въ партію, отдохнуть на дорогѣ и т. д. Искуственная болѣзнь всегда являлась на помощь арестанту и была защитою часто жизни, и всегда средствомъ спасенія отъ болѣе сильныхъ физическихъ страданій. Скоро ею начали пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ, не только люди, вынуждаемые серьезными причинами, но и просто тунеядствующіе острожные бонвиваны, украшавшіе себя пластырями для игры „въ фальку“. Комическое здѣсь перемѣшивалось, какъ и вездѣ въ острогѣ, съ трагическимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ той-же больницѣ, иногда рядомъ съ бонвиваномъ, натертымъ бодягой, валялся въ мукахъ, бреду и горячкѣ только-что наказанный арестантъ, избитый бѣглецъ или искалеченный бродяга. Въ средѣ играющихъ въ карты, среди буйной и пьяной вакханаліи, подъ пѣсни и гамъ больничной палаты, часто въ предсмертной агоніи умиралъ безродный и безпріютный арестантъ—одиноко, холодно. Уныло сидитъ на койкѣ какой-нибудь Самсонъ Непомнящій 7-й, глухо покашливая чахоточной грудью, и смотритъ какимъ-то стекляннымъ, безнадежнымъ взглядомъ. Кто онъ такой? О чемъ онъ думаетъ? Какія воспоминанія тяготятъ

*) Изъ этихъ болѣзней самыя обыкновенныя—возбуждать рвоту табакомъ, измѣнять пульсъ перетягиваньемъ руки, сводить руки и ноги, продѣвая нитки сквозь жилы, натираться бодягой для опухоли, прокалывать кожу во рту и раздувать флюсъ, для киды глотать ртуть, воспалять глаза мушкой, открывать раны привязываніемъ пятаковъ съ ярью и пронизываньемъ волоконъ изъ древесины растенія „волчьи ягоды“ подъ кожу, капать въ рану растопленной сѣрой и т. п.

его,—никто этого не узнаетъ и никому до этого нѣтъ дѣла.

— Однако, онъ ужь скоро кончится, говорятъ арестанты надзирателю.

— Такъ что! умирайте: на гробъ-то лѣсу хватитъ у насъ, грубо оретъ надзиратель.

— Ребята, мотри, сегодня энтотъ кончится, дохтуръ говорилъ... говорятъ, ложась спать, арестанты. Тоскливо слушаетъ ихъ умирающій. Не на комъ ему остановить взора, не въ комъ прочесть участія. Онъ знаетъ, что не зарыдаетъ надъ его гробомъ мать или жена, а станетъ надъ нимъ тотъ-же безстрастный часовой, пока не вынесутъ его на кладбище. Прозаическая смерть арестанта занесена въ одномъ тюремномъ стихотвореніи, написанномъ ссыльнымъ. Вотъ какъ рисуется она:

Я видѣлъ, какъ въ странѣ чужой
Моихъ собратьевъ хоронили.
Имъ гробъ досчатый и простой
Для жизни вѣчной сколотили.

Одежды ихъ: армякъ худой
Штаны сукманныя худыя;
Одинъ въ «оночахъ», а другой
Обутъ въ «чирки» сскупныя.

Я ждалъ, впослѣдствіи зажгутъ
Свѣчу надъ спящими друзьями
И, думалъ, пастыря дождутъ
Свершить молитву надъ тѣлами,—

Но нѣтъ: свернули ихъ въ халатъ
И положили въ гробъ досчатый—
И тѣмъ свершился весь обрядъ
И поминъ кончился богатый.

Слезой никто не провожалъ
Несчастныхъ въ вѣчное жилище,
Одинъ лишь на быковъ кричалъ,
Везя ихъ, бычникъ на кладбище *).

Арестанты также не любятъ печалиться о своихъ мертвецахъ. Безстрастно будутъ орать острожные пѣвчіе, а потомъ вмѣстѣ съ могильщиками воспользуются, чтобы „раздернуть четверку“ (водки) на кладбищѣ, и затѣмъ уже вернутся совершенно веселые.

Горевать не въ модѣ острога и тѣмъ болѣе выказывать горе. Поэтому самыя-тяжолыя сцены проходятъ для него мимолетно. Побьетъ-ли арестанта конвой, выслушаетъ-ли онъ приговоръ на каторгу, перенесетъ-ли тѣлесное наказаніе, совершится-ли смерть предъ его глазами,—черезъ часъ арестантство опять дуется въ карты, пляшетъ и потрясаетъ острогъ самою разудалою пѣснею. Слушая эту забубенную, залихватскую острожную пѣсню, можно подумать, что у этихъ людей нѣтъ ничего на сердцѣ, — можно, пожалуй, заключить объ ихъ циничности, какъ многіе и заключаютъ, но справедливо-ли постоянно требовать отъ человѣка выраженія печали? Прилична-ли будетъ эта слезливость у людей взрослыхъ, мужественныхъ? Острогъ это хорошо понимаетъ; поэтому онъ дозволяетъ страдать, но не показывать вида своего несчастія. Здѣсь и безъ того каждому „трудно живется и дышется“, чтобы еще надсажать другъ друга. Поэтому въ острогѣ вы менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, найдете слезъ и жалобъ: каждый несетъ гордо свое горе. Много, много— что лица холодны, безстрастны и сосредоточенны. Слышится развѣ иногда плачъ вновь приводимой въ тюрьму женщины, да и-то острогъ скажетъ: — „Экъ разрюмилась!“ или—„Небось, матушка, и здѣсь люди!“

Но слѣдуетъ-ли изъ всего этого, чтобы острогъ —

*) Эта пѣсня, какъ видно, забайкальскаго происхожденія и касается каторжнаго быта.

это скопище всевозможныхъ гонимыхъ жизнью — не имѣлъ горя? Не больнѣе-ли оно еще скрытое, безмолвное, постоянно прячущееся?

Трудно его найти и оно рѣдко себя выдаетъ. Острогъ поетъ; пронзительный хохотъ, сумасшедшая удаль и дьявольская пляска несется подчасъ въ громѣ этихъ звуковъ; выше, громче—но вдругъ надтреснула нота, оборвалась струна отъ внезапно-рѣзнувшей боли... Днемъ неистовая пляска и сумасшедшее веселье, а ночью, подъ нарами, истерическій припадокъ у бѣсившагося цѣлый день парня...

Вѣчно носить свое несчастіе, никогда не смѣя показать его—это, можетъ быть, тягчайшій изъ недуговъ острога!

V.

Любовь въ неволѣ.

Стремясь инстинктивно удовлетворить всѣмъ человѣческимъ потребностямъ, которыми обладаютъ люди на свободѣ, острогъ между всѣми другими функціями человѣческой жизни не могъ упустить самаго важнаго—любви. Одиночество, тоска, совершенная оторванность отъ міра придаютъ этой потребности значительную степень силы; чтобы удовлетворить ей, арестанты старались воспользоваться женскими отдѣленіями, находящимися къ каждомъ русскомъ острогѣ: они хитро заводили знакомство съ этими заповѣдными и строго ограждаемыми мѣстами. И вотъ въ ихъ пріютѣ, въ этомъ монашескомъ домѣ, въ домѣ унынія *по назначенію*, раздались любовные вздохи, страстныя рѣчи, послышались пылкіе поцѣлуи, и, подъ носомъ охранявшаго входъ въ эдемъ часового, острогъ не только соединилъ нѣкоторыя эротическія удовольствія, но и далъ возможность плодиться новымъ поколѣніямъ.

Въ нашемъ острогѣ женское отдѣленіе было въ верхнемъ этажѣ четырехъэтажнаго зданія и такъ-же строго ограждалось перегородкою съ запертою дверью и часовымъ, какъ бываетъ вездѣ въ острогахъ. Не смотря на то, съ женской половиной арестанты поддерживали самыя живыя сношенія впродолженіе цѣлаго дня. Около перегородки женскаго отдѣленія всегда стояла куча темныхъ поклонниковъ женской красоты, которые бесѣдовали съ любезными сквозь щели перегородки и передавали подарки. Въ то-же время по всему острогу въ окошкахъ этажей и въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ и щеляхъ между обоями полами или непрерывные разговоры, любезности, увѣренія въ любви, обѣщанія увидѣться гдѣнибудь и т. п.

— Милый, дорогой мой Ваня, вѣдь я, голубчикъ, только и думаю, что о тебѣ. Ты, Ваня, въ карты-то не играй!— раздается вверху богъ-знаетъ изъ какого-то угла голосъ страстной любовницы.

— Я оченно вѣрю вамъ, Амфиса Семеновна, и самъ къ вамъ въ расположеніи чувствъ, потому 4 калача и заварку чаю...!—отвѣчаетъ изъ такого-же укромнаго мѣста снизу голосъ страстнаго любовника, какого-то фешенебельнаго поселенца.

— Не вѣрь, не вѣрь, Глаша, онъ Аниску безпятую хочетъ въ любовницы взять!—интригуетъ кто-то въ другомъ углу снизу.

— А плевать ему, мерзавцу! Вотъ ужъ съ недѣлю ни чаю, ни куска сахару не видала, а онъ кутитъ, жиганъ проклятой!—разражалась обиженная Дульцинея.

— Какъ-есть прогорѣлъ, и рубаху-то, что ты ему шила, тоже проигралъ,—продолжаетъ интриганъ.—Глаша! давайте лучше со мной любезничать, потому какъ я всегда къ вамъ съ нашимъ удовольствіемъ!...

— Очинь пріятно! только я очинь чай люблю пить.

— Одно слово убдаготворю, сичасъ два калача наверхъ предоставлю!

Такъ идутъ интимные разговоры, любезности и интриги по угламъ острога. Около перегородки въ коридорѣ въ то-же время толкутся какъ любовники, такъ и мужья арестантокъ. Если острожные „любовники", щеголевато одѣтые въ красныя рубахи, примасленные и вычесанные, скромно ожидаютъ случая и берутъ хитростью, чтобы увидѣться съ любовницами, то мужья уже всегда ломятся, опираясь на свое право. При этомъ всегда разыгрывались самыя разнообразныя сцены.

— Могу я надъ своей законной женой власть имѣть? По закону я съ ней обвѣнчанъ али нѣтъ?—задаетъ, бывало, внушительно вопросы пьяный арестантъ Мишка Ивановъ часовому, недопускавшему его на женскую половину къ женѣ.

— Насьва! А Насьна! Стерва, выйдешь-ли ты сюда?—вопіетъ мужъ.

Около перегородки показывалась жена его, бойкая и гулящая баба.

— Насьва! Ты нынче, стерва, полюбовниковъ завела, а? Я тебѣ всѣ ребра, стерва, сокрушу! Ты законная моя жена, аль нѣтъ?!—(Настька исчезала).—Наська, а Наська! да поди сюда, стерва! Дай мнѣ мою чашку!—начиналъ вопіять снова мужъ.

Наська снова появлялась.

— На что тебѣ чашку?

— Чашку мою, чашку чайную, стерва, отдай! Ты законная моя жена аль нѣтъ? Отдай чашку!

— Да на что тебѣ чашка?—спрашивала жена своего буйнаго мужа.

— Чай хочу пить! Могу я чай пить али нѣтъ? Моя чашка и ты законная моя жена! Подай!

Жена высовывала чашку изъ-за перегородки:

— Бери, подавись, пьяница, сволочь! да не шляйся сюды!

Мишка Ивановъ взялъ чашку, молча покачнулся, посмотрѣлъ на нее и со всего маху хряснулъ чашку объ полъ.

— Вотъ тебѣ, стерва! заводи полюбовниковъ! — промолвилъ онъ и пошолъ совершенно довольный съ лѣстницы.

— Ишь вѣдь ты, шальной! — замѣтилъ часовой.

Настька разразилась проклятіями.

— Позвольте мнѣ чашку щей пронести къ женщинамъ! — подскакивалъ въ это время къ часовому съ вѣжливымъ и заискивающимъ тономъ парень въ красной рубахѣ.

— Нельзя, — отвѣчалъ сухо часовой.

— Позвольте, будьте такъ добры, — умолялъ парень.

— Нельзя, значитъ: не приказано васъ на женской пускать. Вызови и передай!

— Позвольте, — приставалъ парень, незамѣтно пріотворяя дверь плечомъ, и затѣмъ, быстро плеснувъ щами на сюртукъ часовому, мгновенно шмыгалъ въ двери женскаго корридора.

— Ахъ ты, шельмецъ! вотъ шельмецъ-то! — растопыря руки, ругался озадаченный часовой, смотря на свой облитый сюртукъ.

Въ то-же время изъ женской половины, пользуясь смущеніемъ стража, выскакивали двѣ-три арестантки и въ корридорѣ ихъ облапливали цѣлыя полдюжины острожныхъ любезниковъ. Часовой совсѣмъ смущался. Наконецъ онъ приходилъ въ себя.

— Прочь, прочь! дьяволы! я вотъ прикладомъ васъ! — гналъ онъ любезниковъ. — Сичасъ ефлетора позову! Вотъ напасть-то: тутъ не усмотришь!

Женщины междутѣмъ скрывались, а любовники скалили зубы. Въ женскую половину такимъ образомъ вѣчно кто-нибудь протискивался подъ разными предлогами и часовой былъ въ вѣчномъ осадномъ положеніи.

— Что-жъ ты не пущаешь? Видишь, что за дѣломъ! — ломился какой-нибудь арестантъ съ дѣловымъ видомъ и съ громаднымъ, гдѣ-то случайно пойманнымъ, полѣномъ въ рукахъ.

— Не пущу! ступай прочь! — огрызался взбѣшоный часовой.

— Видишь, печки несу топить, — настаивалъ арестантъ. — Чаво-жъ-ты боишься? Что тебѣ жалко что-ли меня? Эхъ ты! на острожныхъ бабъ польстился! у нашего брата сталъ отбивать! Небось, я даве видѣлъ, какъ ты Аляшку обнималъ! Фараонъ! — начиналъ доѣзжать арестантъ стража.

Часовой выходилъ изъ терпѣнія. — Ты какъ смѣешь часового ругать, а? Ты знаешь-ли, что такое часовой, а?!

— Кто ругалъ? кто? Анафема! Гдѣ свидѣтели? Тузъ, суконная голова, селитра, гарнизонная крыса!

Но если не удавалось иногда нахрапомъ ворваться въ женскій корридоръ, то опытный арестантъ, непожалѣвши пятачка часовому, всегда имѣлъ туда входъ.

Междутѣмъ на дворѣ, чрезъ окошки верхняго этажа, шла совершенно открытая бесѣда съ женщинами. Здѣсь раздавалась цѣлый день перекличка, шутки, остроты и всевозможныя «causeries» острожныхъ любовниковъ. Иногда хоръ женскихъ голосовъ затягивалъ какую-нибудь тоскливую пѣсню, да и арестанты въ свою очередь старались развлечь и развеселить своихъ любезныхъ разными удовольствіями. Предъ ихъ окнами представляли медвѣдя; мѣстный селадонъ — арестантъ Ваничъ, въ яркой пестрой фуфайкѣ, въ зеленыхъ чулкахъ, въ красныхъ шерстяныхъ перчаткахъ, съ тросточкой въ рукахъ, разыгрывалъ городского франта; какой-то отрепанный арестантъ, безъ шароваръ и въ хламидѣ, но съ шикарнымъ краснымъ платкомъ на шеѣ, кидалъ пронзительные взгляды кверху и произносилъ убійственно-страстные монологи.

— Очинно желательно познакомиться! чувствіямъ моимъ нѣтъ конца... Сударыни! не брезгайте знакомствомъ; мы очень понимаемъ всякую учливость. Сосланъ за женщинъ; отъ нихъ страдаю, патаму съ ихней стороны большое коварство... но я всею душою! пропадаю отъ любви!... Сгораю!.

Монологи вызывали взрывы хохота: это былъ своего рода Théâtre comique.

Въ сторонѣ сидѣли сантиментальные любовники съ блѣдными лицами и томно возводили глаза горѣ. Осторожный фатъ фигурировалъ въ добытыхъ гдѣ-то бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Извѣстный острожный Отелло, старый и всклоченный арестантъ, ходилъ хмуро вдали, изрѣдка взглядывалъ на окно, гдѣ сидѣла его любезная, толстая и рябая баба лѣтъ подъ 50, и—то грозилъ ей внушительно кулакомъ, то—показывалъ калачъ. Около стѣны сидѣли и лежали, закинувъ головы, группы арестантовъ; татары и черкесы горящими глазами жадно пожирали женщинъ. Счастливые любовники ходили, закинувъ армяки, посвистывая и напѣвая удалые куплеты. Изъ оконъ дамъ сыпались скорлупы орѣховъ, обрѣзки картофеля и разныя «souvenirs d'amour», въ видѣ отрѣзанныхъ косоплетокъ и лоскутковъ, изъ-за которыхъ внизу шла страшная возня у обожателей. Это времяпровожденіе нарушалось лишь явленіемъ буйнаго Мишки Иванова...

— Наська! стерва!—начиналъ онъ орать передъ окнами верхняго этажа:—Я тебѣ косу!...

Его начинали унимать.

— Нѣтъ, она стерва, потаскуха!—и ревнивый мужъ, схвативъ кирпичъ, пускалъ имъ въ верхнія окна. Дамы прыгали отъ окошекъ; арестанты обыкновенно сваливали буяна и начинали утюжить; но скоро порядокъ возстановлялся и любезничанье шло попрежнему.

Кромѣ этихъ мѣстъ въ прежнихъ острогахъ арестанты имѣли случай изрѣдка встрѣчаться съ женщинами въ кухняхъ, въ прачечныхъ, на прогулкахъ во дворѣ и въ церкви. Притомъ всегда можно было видѣть выразительные взгляды, мимику и молчаливый обмѣнъ вниманіемъ обоихъ половъ острога.

У нѣкоторыхъ арестантовъ любовь чуть-ли не главное занятіе. Большую часть дня эти любезники и влюбленные, тоскливо прижавшись къ рѣшоткамъ, пожираютъ взорами женщинъ. Надо впрочемъ замѣтить, что въ острогѣ любовь

большею частью платоническая и ограничивается взглядами, любезностями и подарками. Конечно, арестанты тщательно добиваются свиданья съ своими любезными, но это бываетъ не легко, хоть отваги для этого имъ не занимать стать. Иногда они похищаютъ женщинъ съ прогулокъ подъ халатами, проламываютъ стѣны и перегородки въ женскія отдѣленія, спускаютъ для свиданій другъ друга на веревкахъ въ какихъ-нибудь пробитыхъ отверстіяхъ между этажами; иногда арестанты затесываются въ женскія отдѣленія переодѣтыми въ женщинъ и т. д.

Жажда любви, при искусственномъ целибатѣ, но при постоянномъ видѣ женщинъ, страшно разгарается: она обнаруживается иногда то порывами необыкновенной нѣжности, то—самыми грубыми проявленіями чувственности. Достаточно женщинѣ выйдти на лѣстницу въ корридорѣ или на прогулку, какъ ее облапятъ сотни рукъ и влѣплены будутъ сотни поцѣлуевъ.

Тоже-самое побуждаетъ мужчинъ къ преувеличенной ревности. „Любитель" (какъ называютъ любовниковъ въ острогѣ) доставляетъ женщинѣ подарки въ видѣ чаю, сахару, папиросъ, калачей и кушанья, но взамѣнъ того требуетъ вѣрности и вниманія къ нему одному; женщинѣ онъ мститъ иногда за ласковое слово, за разговоръ и за оказанное другому вниманіе; зато и самъ любовникъ иногда проигрываетъ любезную въ карты, или продаетъ и уступаетъ право на нее другому. Мужчина и въ острогѣ сохраняетъ преобладаніе и несправедливое господство надъ женщиною.

Соперничество въ любви между арестантами возбуждается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что женщинъ всегда бываетъ значительно меньше, чѣмъ мужчинъ: онѣ составляютъ всегда $^1/_{10}$ или даже $^1/_{20}$ всего населенія тюрьмы. При такихъ условіяхъ претензіи на женскую любовь очень значительны и соблазнъ для женщины великъ; поэтому для молодой красивой дѣвушки или женщины острогъ представляетъ иногда много шансовъ къ

паденію. Молодая дѣвушка или женщина, попадающая въ острогъ, съ перваго раза приковываетъ уже сотни взоровъ острожныхъ любезниковъ; какъ добычу, ее сторожатъ вездѣ; при вступленіи ея въ острогъ уже начинаетъ претендовать на нее десятокъ мужчинъ. Кто фигурируетъ предъ ней красотой своей; кто обольщаетъ деньгами; кто высказываетъ сожалѣніе къ ней и старается подкупить ее сочувствіемъ. Въ тоже время опытныя арестантки и любовницы разныхъ арестантовъ подводятъ къ ней свою тактику: ее начинаютъ выспрашивать, утѣшать, узнаютъ ея характеръ и вкрадываются къ ней въ довѣренность. Ей легко намекаютъ на возможность жить здѣсь легко: „Ты молода,—говорятъ ей,—красива, можешь всѣмъ пользоваться, жить привольно, копить деньги. Ты не будешь скучать здѣсь; тебѣ все доставятъ; наконецъ ты утопишь грусть въ любви. Иначе ты будешь голодать въ острогѣ: пища у насъ скверная; да нужно бываетъ иногда дать и подарокъ надзирательницѣ, и откупиться отъ взваливаемой на тебя работы. Всѣ вѣдь у насъ такъ живутъ! Наконецъ, ты вотъ ужъ принимала угощенье отъ такого-то; такъ вѣдь надо и отплатить". И тысячи подобныхъ резоновъ и аргументовъ подводится, чтобы представить женщинѣ выгоды острожной интриги. И вотъ дѣвушка, поставленная въ тяжолыя условія острожной жизни, колеблется и, осаждаемая подругами, безъ гроша денегъ, видя кругомъ примѣры, терзаемая скукой, подходитъ къ окну. А здѣсь красивый и бойкій, съ русыми волосами, съ ласковыми глазами, съ завлекающими любезностями, въ красной щегольской рубахѣ, давно поджидаетъ ее острожный любезникъ. И пойдутъ ласковыя слова, и утѣшенія, медовыя сладкія рѣчи да любовные взгляды. И забьетъ тревогу сердце дѣвичье, а затѣмъ и ласковый взглядъ мелькнетъ на блѣдномъ, тоскливомъ лицѣ арестантки. А тутъ въ темномъ корридорѣ красавецъ, проскользнувъ мимо часового, беретъ ее за руку, шепчетъ нѣжныя рѣчи,

похищаетъ поцѣлуй.... И любовь начата. А тамъ... и ея послѣдствія. Но еслибы ни ласковыя рѣчи и взгляды, ни острожная скука и насмѣшки арестантокъ не подѣйствовали, то рано иль поздно отчаяніе, голодъ и нужда возьмутъ свое....

Бывали и возмутительные случаи принужденія. Въ прежнее время женщины возбуждали, въ особенности, претензіи острожныхъ палачей; было это въ то время, когда женщины подвергались тѣлесному наказанію *). Положеніе было страшное, безвыходное: вслучаѣ отказа грозила месть палача; за ласки любви палачъ обѣщалъ своей любовницѣ покровительство; и вотъ, подъ гнетущимъ вліяніемъ страха и отчаянія, женщина или дѣвушка рѣшалась отдаться на поруганіе, чтобы-только сохранить свою жизнь въ минуту непосильныхъ адскихъ истязаній...

Острожный развратъ...это—одна изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ острожной жизни; но надо замѣтить, что развратъ здѣсь являлся подъ очень сильными и даже непреоборимыми мотивами: неестественныя условія острога, горькая нужда, запретный плодъ любви, острожная скука... все—способствовало ему, и для уничтоженіе его, для ограниченія безнравственности нужны были, конечно, не такія средства, какъ плетки и розги надзирательницъ, почему-то нашедшія широкое примѣненіе въ русскихъ острогахъ. **) Безъ сомнѣнія, для этого нужна-бы хоть по-крайней-мѣрѣ постройка особыхъ женскихъ тюремъ.

Надо впрочемъ сказать, что въ старыхъ острогахъ наряду съ интригами иногда зараждались и сильныя,

---

*) Тѣлесное наказаніе съ 1863 г. было уничтожено абсолютно для всѣхъ женщинъ, даже и ссыльныхъ. Недавно впрочемъ въ петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что оно опять примѣняется къ ссыльнымъ какъ мужскаго, такъ и женскаго пола.

**) Плетки практируются большинствомъ надзирательницъ женскихъ отдѣленій въ острогахъ. Этотъ способъ водворенія послушанія усвоенъ надзирательницами вслѣдствіе недостатка въ нихъ физической силы; но права на это имъ никто и никогда не давалъ...

искреннія привязанности. Здѣсь можно было встрѣтить и тихо воркующую любовь, полную острожнаго платонизма, самыя нѣжныя сантиментальныя отношенія, и пылкую привязанность, доходящую до самоотверженія. Въ нашемъ острогѣ разъ разыгралась самая трогательная драма въ этомъ родѣ: это была странная любовь сосланнаго въ каторгу кавказца къ сосланной нѣмкѣ. Они оба были на каторгѣ и оба бѣжали. Поблуждавши бродягами по Сибири, они подверглись наконецъ почти общей участи бродягъ и взяты были въ острогъ, въ тобольской губерніи. Единственнымъ ихъ желаніемъ было послѣ суда соединиться снова вмѣстѣ. Чтобы выждать время и узнать, куда сошлютъ его любезную, бывшій кавказецъ объявилъ себя подъ чужимъ именемъ, слышаннымъ на родинѣ: конечно, онъ разсчитывалъ, что показаніе его не оправдается и онъ останется въ Сибири. По странной случайности, когда его любезную уже присудили къ каторгѣ, его вызываютъ и объявляютъ, что показаніе его подтвердилось и что онъ будетъ высланъ на Кавказъ: впереди представлялась ему родина и свобода, хотя и подъ чужимъ именемъ; но любовникъ великодушно отказался отъ счастья вернуться на родину. Чтобы не разставаться съ своею любовью,—въ моментъ отправки онъ объявилъ смотрителю, что онъ—не тотъ, за кого показывался, что онъ—бѣжавшій каторжный 1-го разряда и желаетъ слѣдовать въ рудники; но смотритель не могъ перемѣнить рѣшенія и съ новымъ показаніемъ, заковавъ его въ кандалы, отправилъ его на Кавказъ: несчастный былъ въ отчаяніи... И это не единственный примѣръ: по сибирскимъ острогамъ я видалъ женщинъ, уходившихъ изъ деревенскихъ семей въ темные лѣса за какимъ-нибудь бродягой, несущимъ вѣчно клейма и плети и неимѣющимъ впереди ничего кромѣ каторги; приходилось мнѣ также видать, какъ любовники весело идутъ объ руку на каторгу; приходилось видѣть и отцовъ семействъ изъ каторжныхъ съ самыми добрыми родительскими чувствами. Одинъ изъ

никъ, помню, Гуляевъ, — содержавшійся въ омскомъ замкѣ, осужденный на вѣчную каторгу за побѣги, въ послѣдній разъ бѣжавши съ рудника, прошолъ всю Сибирь съ женой и маленькими дѣтьми, которыхъ во всю дорогу несъ, поочередно съ своей половиной, на рукахъ, пробираясь въ Россію. Это былъ человѣкъ подъ 70 лѣтъ, исклеймленый кругомъ, всю жизнь проведшій безнадежно на каторгѣ, 6 разъ бѣжавшій и желавшій еще въ послѣдній разъ испытать счастья, чтобы пристроиться гдѣ-нибудь съ семьей подъ чужимъ именемъ. Это—несчастная надежда всѣхъ сосланныхъ.

Какъ бы то ни было, но любовь женщины въ неволѣ и въ несчастьи, несомнѣнно, представляла иногда много трогательнаго: здѣсь женщина любитъ больше „за страданіе“ и въ этой любви просвѣчиваетъ чистѣйшая капля искренняго человѣческаго чувства къ отвергнутому всѣми несчастію.

У тебя клеймо на лбу (говоритъ эта любовь),
Но вездѣ пойду съ тобою.
Кто тебя полюбитъ тамъ,
Если будешь брошенъ мною?
Цѣлый міръ тебя отвергъ,
И грѣшна душа твоя;
Цѣлый міръ тебя отвергъ,
Но не я, не я, не я!

VI.

Преступники острога.

Шпіоны и палачи.

Мы привыкли, читатель, судить о преступникахъ какъ о лицахъ крайне-безнравственныхъ, не имѣющихъ ни совѣсти, ни закона, какъ о людяхъ sans foi ni loi, предающихся необузданно своимъ порочнымъ наклонностямъ,

и потому, можетъ быть, [illegible]
что въ острожной средѣ [illegible]
нихъ преступленій и [illegible]
общественныя связи [illegible]
(rat social), также [illegible]
слѣдованіе ихъ наруш[illegible]
люціонные человѣческ[illegible]
преступники — болѣе [illegible]
соединиться въ своихъ [illegible]
койствія и заключені[illegible]
ключенія. Являя [illegible]
вою, среди [illegible]
были создавать [illegible]
само собою [illegible]
сти и ограничен[illegible]
чательства. Въ [illegible]
[illegible]
и фальшивыхъ денегъ, [illegible]

составляются общія предпріятія, наконецъ, ведутся стачки и заговоры противъ тюремнаго начальства. Все это порождаетъ общіе интересы, способствуетъ общественному сближенію, вызываетъ взаимныя услуги и, наконецъ, развиваетъ въ острожной средѣ дружное товарищество съ своими опредѣленными воззрѣніями, правилами и законами. Въ такой средѣ, естественно, должно было развиться глубокое отвращеніе ко всякой измѣнѣ своему обществу и всякое предательство должно было возбуждать преслѣдованіе. И дѣйствительно, въ тѣсномъ кругу арестантства нѣтъ ничего невыносимѣе, какъ шпіонство, и нѣтъ хуже преступника у арестантовъ, какъ шпіонъ. Описанію отношеній арестантовъ къ подобнымъ личностямъ я намѣренъ посвятить нѣсколько разсказовъ.

Сколько подобная личность приноситъ безпокойства въ арестантской жизни, мы имѣли случай видѣть въ одномъ небольшомъ обществѣ военныхъ арестантовъ, которые сожительствомъ съ такою личностью были доведены до положительнаго отчаянія. На одной изъ военныхъ гауптвахтъ нашего города содержалось нѣсколько дезертеровъ и подсудимыхъ солдатъ. Ихъ жило человѣкъ до сорока въ одной тѣсной, грязной и душной комнатѣ, тѣснясь другъ послѣ друга на нарахъ, горюя, обсуждая свою участь и придумывая разные выходы изъ своего положенія во время слѣдствія. Въ эту-то среду дезертеровъ былъ приведенъ, тоже пойманный въ бѣгахъ, изъ нижнихъ военныхъ чиновъ, нѣкто Катаевъ. Это была довольно странная и загадочная личность. Онъ постоянно путалъ на допросахъ, скрывалъ свое настоящее званіе, измѣнялъ показанія и бѣсилъ этимъ постоянно аудиторовъ. Онъ выдавалъ себя за бѣжавшаго съ казенными деньгами во время крымской войны юнкера Катаева; онъ-же былъ и бѣглый казакъ амурскаго штрафного войска; нѣкоторые бродяги видѣли его на каторжныхъ заводахъ; когда разъ военное начальство, за какую-то вину, присудило его высѣчь, онъ объявилъ себя даже полити-

ческимъ преступникомъ изъ дворянъ; въ сущности же онъ былъ просто смотавшійся и запутавшійся военный писарь. Онъ то-и-дѣло дѣлалъ фальшивыя показанія, затягивалъ дѣло, прикидывалъ посторонніе вещи, подписывался подъ отвѣтами разными руками, и потомъ отказывался отъ подписей. Какъ видно было, казуистика, ябеда и процессъ писанія доставляли ему истинное наслажденіе. Это была личность хитрая, крайне-бойкая и зоркая, но въ тоже время страшно-безалаберная. У арестантовъ онъ считался авторитетомъ и законникомъ; онъ писалъ разными руками прошенія и жалобы, рѣзалъ печати, стряпалъ паспорты и былъ на всѣ руки. Онъ былъ до того безпокоенъ и подвиженъ, что не могъ пробыть дня, чтобы чего-нибудь не изобрѣсти и не предпринять: то онъ давалъ совѣты, то обнаруживалъ какое-либо преступленіе въ своихъ сотоварищахъ, то самъ рѣзалъ фальшивыя печати, то доносилъ на другихъ начальству. Преимущественно онъ былъ невыносимъ для остальныхъ арестантовъ, жившихъ съ нимъ въ тѣсной каморкѣ. Простые рядовые, люди невѣжественные, вынужденные тяжолой жизнью къ побѣгамъ и преступленіямъ, они всегда нуждались въ совѣтахъ для своихъ показаній. Главная цѣль военныхъ дезертеровъ обыкновенно состояла въ томъ, чтобы перейти въ положеніе обыкновенныхъ бродягъ и идти лучше въ каторжные заводы, но миновать службы: ссылка на поселеніе для нихъ была счастливая карьера. У этихъ-то простыхъ и наивныхъ людей своими совѣтами Катаевъ обыкновенно добивался откровенности, выпытывалъ у разныхъ дезертеровъ ихъ происхожденіе, разные проступки, и давалъ лицемѣрно указанія, какъ вести показанія и какъ выпутаться. Многимъ счастливилось въ этомъ случаѣ, и они успѣвали выйти на поселеніе или прямо на свободу; другіе, на мѣсто арестантскихъ ротъ, подъ чужимъ именемъ пристроивались въ мѣстные баталіоны. Тогда-то Катаевъ, зная всѣ секреты, предательски обнаруживалъ ихъ, уличалъ и такимъ образомъ погу-

били нѣсколькихъ товарищей. Они возвращались въ острогъ; надъ ними начиналось слѣдствіе, и оказывалось, что самъ-же Катаевъ ихъ запуталъ. Этотъ шпіонъ дѣйствовалъ притомъ въ своихъ доносахъ безъ всякой выгоды и пользы для себя, кромѣ какого-то подлаго злорадства чужому несчастію. Доносы сдѣлались его стихіей, и онъ не ограничивался арестантами и конвоемъ; онъ строчилъ записки для подкидыванія начальству, наконецъ, писалъ высшимъ властямъ безымянныя письма, въ которыхъ доносилъ на разныхъ лицъ и на злоупотребленія ихъ по разнымъ городамъ и губерніямъ Россіи. Письма были такого содержанія: „Окружному генералу NN. Ваше превосходительство, проѣзжая чрезъ городъ X., я узналъ многія дѣла, имѣющія въ себѣ не только явное нарушеніе порядка и законовъ, существующихъ въ государствѣ, но также явное попраніе Высочайшихъ указовъ и постановленій, вмѣстѣ съ тѣмъ явныя злоупотребленія начальства и дѣла, клонящіяся не только къ нарушенію казеннаго интереса, но къ измѣнѣ и государственнымъ преступленіямъ. Такъ я узналъ, что баталіонный командиръ такого-то баталіона Б., продалъ столько-то пудовъ пороху. Тотъ-же баталіонный командиръ заставляетъ команду засѣвать свой собственный огородъ, пользуется даромъ капустой мѣстнаго баталіона, причемъ жена онаго...“ и т. д. „Далѣе извѣстно мнѣ учинилось, что іерей такой-то церкви, въ великій день праздника Рождества, потерялъ крестъ, а діаконъ сей-же церкви на литургіи во время эктеніи пропустилъ нѣкоторыя имена и препоясывается ораремъ не въ то время, какъ положено по церковному уставу. За симъ я неоднократно замѣчалъ измѣну: такъ офицеръ У. виноватъ въ политическомъ преступленіи; какъ полякъ, хотя и состоящій на службѣ; онъ явно недоброжелательствуетъ правительству и, изгнавъ, якобы за пьянство, русскаго писаря, опредѣлилъ поляка, изъ Кіевовой губерніи, Степана Окунева и т. д. Подписано: проѣзжающій статскій совѣтникъ Колесовъ“.

Такихъ доносовъ всегда по нѣскольку находилось въ портфелѣ Катаева. Такимъ образомъ онъ надоѣдалъ всѣмъ. Онъ подводилъ подъ отвѣтственность караулъ, доносилъ караульнымъ офицерамъ на арестантовъ, на караульныхъ офицеровъ военному начальству и постоянно требовалъ жандармскаго штабъ-офицера для объявленія „высочайшаго секрета“. Прося солдатъ или прислугу сдѣлать ему снисхожденіе, онъ немедленно доносилъ на нихъ. Казалось, онъ до того извертѣлся, что потерялъ всякое нравственное чувство. Но болѣе всего онъ становился невыносимъ для арестантовъ, которые не смѣли дохнуть при немъ и уже ничего не говорили между собой. Положеніе было мучительное въ этой тѣсной, узкой камерѣ, гдѣ строгости увеличивались день ото дня, а ночью и днемъ шли обыски по доносамъ Катаева. Наконецъ арестанты рѣшились соединиться и упечь доносчика. Они сами указали, какъ найти у Катаева его доносы и печати, которые онъ искусно пряталъ. Выведенное изъ терпѣнія начальство, наконецъ рѣшилось посадить его въ уединенный карцеръ, и тѣмъ только арестанты избавились отъ этого ужаснаго сожительства.

Но это было маленькое общество арестантовъ, безсильное и неорганизованное. Въ большихъ острогахъ, гдѣ арестантство сильнѣе и могущественнѣе, власть его относительно своихъ преступниковъ проявляется грандіознѣе! Союзы арестантовъ въ большихъ сибирскихъ острогахъ, какъ мы наблюдали, получаютъ особенное развитіе. Во всѣхъ поселенческихъ, бродяжническихъ и каторжныхъ общинахъ мы находимъ выработанными особые нравы и обычаи, свое самоуправленіе съ властью общины во главѣ; эти общины внесли артельное начало въ свое хозяйство, создали свои кассы, общественныя лавочки (майданы) и, подъ вліяніемъ одинаковыхъ воззрѣній, установили свое общественное мнѣніе и судъ. Для веденія заговоровъ противъ начальства, для огражденія своихъ льготъ они еще тѣснѣе организовались, и демократиче-

ская община арестантовъ во имя общаго интереса подчиняетъ совершенно своихъ членовъ своей власти. Общественное мнѣніе здѣсь требуетъ безусловной преданности арестантству, и человѣкъ, идущій противъ общины, считается самымъ-сильнымъ преступникомъ. Арестантская среда, снисходительная ко всѣмъ преступленіямъ, дозволяя иногда воровство, грабежи и буйства, никогда не потерпитъ одного въ своемъ обществѣ,—это измѣны. Предательство здѣсь не прощается. Для обузданія его большая община арестантовъ всегда находитъ средства и возможность скрыть слѣды своей расправы. Примѣры подобныхъ приговоровъ и арестантскаго суда въ сибирскихъ острогахъ постоянны!

Мы помнимъ, какъ въ нашей тюрьмѣ наказанъ былъ *фискалъ* изъ арестантовъ, доносившій смотрителю. Это былъ посаженный въ острогъ проворовавшійся полицейскій сыщикъ, мѣщанинъ Ивановъ; его-то и выбралъ смотритель для наблюденія за арестантами. Поводомъ къ наказанію Иванова былъ слѣдующій случай. Однажды къ празднику, острогу было необходимо значительное количество вина. Арестанты, изобрѣтательные въ подобныхъ случаяхъ, придумали новое средство для проноса его. Возвращаясь съ работъ изъ города, они принесли очень много говядины, въ легкихъ которой и было налито вино. Въ это время фискалъ пробрался къ смотрителю и донесъ о случившемся. Въ острогѣ произведенъ былъ тщательный обыскъ, но смотритель отыскалъ всего нѣсколько бутылокъ, тогда-какъ остальныя спокойно переносились изъ камеры въ камеру во время осмотра. Послѣ переполоха подозрѣніе арестантовъ пало на Иванова, который не въ первый разъ подводилъ ихъ. Острогъ рѣшилъ проучить его. И вотъ нѣсколько молодцовъ въ тотъ-же день, въ сумерки, когда Ивановъ проходилъ по мрачному корридору, кинулись на него сзади, накрыли голову халатомъ, запутали его руки и начали бить изо всѣхъ силъ; толпа прибывала; когда опомнился Ивановъ, кру-

темъ его уже никого не было. Скоро наказанный лежалъ въ больницѣ, не имѣя возможности указать, кто его билъ. Это наказаніе въ острогѣ называется *накрыть темной*.

Но шпіону въ острогѣ угрожаютъ не одни побои, ему угрожаетъ часто и смерть. Я помню другой случай въ томъ-же острогѣ. Въ зданіи шла перестройка ретирадовъ. Ловкое арестантство придумало воспользоваться этимъ для своихъ цѣлей и продѣлало въ стѣнѣ лазейку въ женское отдѣленіе острога, гдѣ у арестантовъ были всегда любовницы. Когда работы приходили къ концу, завѣдывавшій перестройкой, молодой и робкій столяръ изъ арестантовъ побоялся отвѣтственности и передалъ объ этомъ смотрителю. Конечно, лазейка была открыта и крѣпко задѣлана. Съ тѣхъ поръ арестанты постановили самымъ рѣшительнымъ образомъ поступить съ столяромъ. Они застали его разъ на чердакѣ передъ отверстіемъ надъ ретирадами, которое проходило всѣ четыре этажа острога. Арестанты воспользовались случаемъ и одинъ изъ нихъ сильно толкнулъ столяра, который полетѣлъ въ бездну и разбился-бы въ дребезги при сверженіи съ этой импровизированной Тарпейской скалы, еслибы внизу на счастье не подхватили его стоявшіе работники.

Власть арестантской общины иногда выступаетъ и болѣе открыто: для этого арестанты учреждаютъ свой судъ посредствомъ сходки всего острога; сходка составляетъ свой общественный приговоръ и личность здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ рукахъ большинства. Тотъ, кто не знаетъ всей твердости и суровости каторжно-арестантской закаленной среды, тотъ не въ состояніи представить себѣ всей строгости и безпощадности подобнаго суда. Для этого нужно видѣть острожную сходку. Въ самой большой камерѣ острога располагается до сотни и болѣе людей. Старые каторжные здѣсь являются самыми авторитетными судьями: за ними опытъ и традиція острога, толпы суровыхъ, закаленныхъ арестантовъ, всегда гото-

людяхъ, пріученныхъ къ общественной и артельной жизни и всего болѣе въ вышедшихъ изъ іерархической среды, гдѣ были старшіе и младшіе. Такъ, въ военныхъ арестантскихъ ротахъ, какъ видно изъ записокъ Ѳ. Достоевскаго, шпіонство бываетъ значительно развито и пользовалось терпимостью арестантовъ. Къ тому-же мы должны прибавить, что наши арестантскія роты выпускали самыхъ деморализованныхъ людей, какихъ когда-либо мы видали изъ острожниковъ и каторжныхъ. Въ гражданскихъ острогахъ, гдѣ преобладаетъ крестьянскій и мѣщанскій элементъ, шпіонство всего-менѣе развито и строго преслѣдуется. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое явленіе обусловливается общественной и артельной жизнью гражданскихъ остроговъ, тѣснымъ единеніемъ арестантовъ и господствомъ общины надъ остальными членами. Тамъ, гдѣ существуетъ близкая общительность, взаимный интересъ, общее благо и братство между людьми, — тамъ всего менѣе мѣста предательству, этому антисоціальному, противохристіанскому и противочеловѣческому пороку. Люди достаточно сознали, что предательство разрушаетъ всѣ соціальныя связи, на которыхъ построено общество,—что жизнь становится невыносимой въ средѣ, гдѣ шпіонство, какъ тайное убійство, наводитъ вѣчный страхъ и угрожаетъ каждому члену. Лицемѣріе шпіонства можетъ зараждаться лишь при отсутствіи въ сердцѣ человѣка самаго-священнаго чувства,—братской любви, общей всѣмъ людямъ, а потому такая личность осуждена носить вѣчное проклятіе человѣчества. Мы видимъ, что люди, на самой-низшей степени паденія, достаточно сохранили соціальнаго чутья и любви другъ къ другу, чтобы объявить этотъ порокъ преступленіемъ и признать самымъ-чорнымъ изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ: сами преступники отвернулись отъ него съ отвращеніемъ. Вѣчная правда и любовь, значитъ, слишкомъ живучи въ сердцѣ человѣка!

Вторыми врагами арестантовъ и преступниками ост-

рожной среды должны-бы были считаться палачи. „*Палачъ*“ самое ужасное слово между людьми. Нѣтъ народа, который-бы не питалъ самаго глубокаго отвращенія къ исполнителямъ приговоровъ, и омерзеніе къ нимъ равняется развѣ-только омерзенію, питаемому къ ихъ братьямъ, шпіонамъ. Обстановленные страшнымъ эффектомъ на своихъ кровавыхъ подмосткахъ, они наводятъ паническій страхъ на толпу и заставляютъ питать къ нимъ ненависть и презрѣніе. Всякій считаетъ позоромъ протянуть руку палачу; всякій побоится даже близко быть около него. Заграницею, и, кажется, въ Польшѣ, былъ обычай, когда палачъ закуситъ или напьется чаю въ трактирѣ, то посуду, изъ которой онъ пилъ, разбивать и уничтожать, такъ-какъ хозяинъ стыдился угощать изъ нея другихъ. Въ Россіи про палачей ходятъ страшные разсказы; говорятъ, что вступая въ свою обязанность, они снимаютъ навсегда съ себя крестъ: по народному понятію, палачъ уже не можетъ быть христіаниномъ. Разсказываютъ иногда, какъ палачи наказывали свою мать или отца; говорятъ, что идутъ на эту обязанность дѣти, проклятыя родителями и т. д. Знакомясь съ русскимъ острогомъ, мы думали, что палачъ долженъ былъ быть самымъ заклятымъ врагомъ арестантовъ, подвергаемыхъ или ожидающихъ подвергнуться тѣлесному наказанію *). Они бы должны къ нему питать и страхъ, и самую ярую ненависть; но на дѣлѣ выходило совсѣмъ не такъ. Мы нашли, что въ русскомъ острогѣ арестанты жили съ палачомъ въ добромъ согласіи, сохраняли къ нему дружественныя отношенія, величали его всегда по имени и отчеству и окружали его всегда почтеніемъ и особеннымъ уваженіемъ, нисколько не лицемѣря. По этому поводу я припоминаю слѣдующій забавный случай изъ

*) Очеркъ нашъ относится къ прежней роли палачей въ русскомъ острогѣ, нынѣ же касается преимущественно сибирскихъ остроговъ, гдѣ тѣлесное наказаніе для ссыльныхъ продолжаетъ существовать и роль палачей еще не кончена.

моего знакомства съ острогомъ. Разъ я сидѣлъ въ больницѣ тюрьмы; вдругъ входитъ арестантъ.—„Крестный“ здѣсь? спрашиваетъ онъ меня почтительно. У насъ междутѣмъ былъ дворянинъ, который постоянно занимался проповѣдями и обращеніемъ раскольниковъ. Полагая, что спрашиваютъ его, я отослалъ арестанта въ другую палату; но арестантъ скоро возвратился и сказалъ, что „крестнаго“ тамъ нѣтъ.

— Да кого-жъ тебѣ надо! переспросилъ я.

— Да *нашего* крестнаго, палача! отвѣчалъ онъ.

Къ удивленію своему, я узналъ, что арестанты дѣйствительно зовутъ своего палача и „крестнымъ“, и „батюшкой“. Эта, повидимому, странность объяснялась однако легко при знакомствѣ съ жизнью острожной общины и съ установившимися издавна отношеніями между палачомъ и арестантами,—отношеніями, порожденными исторической жизнью арестантства. Русское арестантство придумывало съиздавна всевозможныя фикціи, чтобы облегчить свою участь и смягчить себѣ наказанія. Оно старалось обойти законъ разными хитростями; оно маскировалось „непомнящими“; оно мѣнялось именами, придумывало всевозможныя лазейки и выходы и наконецъ даже старалось преобразовать острогъ по своимъ нравамъ и примѣнить его къ своему общежитію. Будучи всетаки поставлено подъ конецъ въ положеніе безвыходное, стоя на краю гибели и опасности и видя, что судьба его рано или поздно будетъ въ рукахъ палача, оно рѣшилось сдѣлать съ нимъ стачку и покорить его. Съ палачами завелись сношенія и скоро дѣла обоюдно уладились. Во всѣхъ значительныхъ острогахъ арестантская артель взяла палача себѣ на откупъ. Арестанты обыкновенно полагаютъ палачу ежемѣсячное жалованье въ 6 и 10 руб.; кромѣ того каждый приговариваемый къ наказанію несетъ ему что-можетъ отдѣльно; неимущимъ артель даетъ передъ наказаніемъ въ помощь нѣкоторую сумму. Палачу затѣмъ часто дѣлаются передъ праздни-

ками подарки. Артель заботится вообще тщательно объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ палача; когда необходимо, ему доставляется платье и сапоги. Захочетъ покутить палачъ,—ему доставляется въ острогѣ водки сколько-угодно. Взамѣнъ всего этого, отъ палача требуется, чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно въ пользу арестантства, чтобы никого не наказывалъ жестоко, чтобы само наказаніе было по-возможности легко. Палачи, дѣйствительно, усовершенствовались въ этихъ фокусахъ; кромѣ-того сами арестанты были такъ не требовательны, что просили лишь смягченія наказанія и только нѣкоторой пощады. Палачи, получая ничтожное содержаніе въ 3 рубля въ мѣсяцъ отъ казны, легко поддались арестантамъ и заключили съ ними договоръ. Сами они лично не могли питать никакой злобы къ арестантамъ, и даже, скорѣе, должны были сочувствовать имъ. Палачъ у насъ выбирается обыкновенно изъ тѣхъ-же преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, срокъ которой онъ долженъ прослужить палачомъ. Онъ самъ изъ тойже арестантской среды, слѣдовательно одного поля ягода. Живетъ онъ постоянно въ острогѣ, иногда при полиціи, но арестанты всегда составляютъ его сообщество. Все это обусловливало его сближеніе съ арестантствомъ, и онъ сталъ скоро изъ его врага — другомъ и союзникомъ. Палачъ сталъ уже не столь страшенъ для арестантовъ, и они болѣе боятся строгаго экзекутора при наказаніи или, какъ называютъ его, „секутора". Я видалъ и слышалъ про многихъ палачей и большинство изъ нихъ были вѣрные слуги арестантства.

Въ одномъ изъ остроговъ мнѣ указали разъ на такого палача. Это былъ молодой и скромный парень изъ латышей. Въ фигурѣ его не было ничего ни дерзкаго, ни страшнаго; напротивъ онъ былъ красивъ и очень изященъ. Если-бы надѣть на него фракъ и бѣлыя перчатки, то съ его мягкими бѣлорусыми волосами, съ его красивымъ юношескимъ профилемъ, съ симпатичнымъ лицомъ

и гордыми пріемами, можно было бы принять его за самаго лучшаго денди и любая барышня не отказала бы ему на кадриль. Это былъ человѣкъ характера скромнаго, не пилъ вина, любилъ хорошо одѣваться и немного раззорялъ арестантскую артель на эту роскошь; въ городѣ онъ имѣлъ любовницу. Приходя въ острогъ, онъ держалъ себя солидно и нѣсколько важно съ арестантами; въ сущности же онъ вѣрно держалъ договоръ съ арестантами: наказывалъ онъ всегда легко и для виду. Разъ ему присутствовавшій экзекуторъ приказалъ наказывать арестантовъ сильнѣе, но онъ бросилъ плети и ушолъ, сказавши, что сдѣлать этого не въ силахъ; за это его нерѣдко присылали изъ полиціи въ острогъ подъ арестъ. И надо было видѣть, какъ арестанты въ это время за нимъ ухаживали: они заботливо доставляли ему и заказывали у острожнаго повара лучшій обѣдъ, доставляли ему въ секретную все, что нужно,—папиросъ, лакомства и т. д. Они знали, что онъ сидитъ здѣсь за нихъ, какъ искупительная жертва.

Я много видалъ въ острогѣ наказанныхъ, и никто на него не жаловался. Конечно, и арестанты были неслишкомъ требовательны. Разъ между-прочимъ зашедши въ свою комнату, я засталъ въ ней знакомаго арестанта изъ раскольниковъ, судившагося за побѣгъ съ каторги и за фальшивыя деньги. Это была хитрая личность старовѣра, и онъ было-разсчитывалъ почему-то избавиться отъ наказанія, но судъ приговорилъ-таки его къ наказанію. На сей разъ арестантъ былъ сильно выпивши.

— Здравствуй! обратился онъ ко мнѣ,—поздравь меня!

— Съ чѣмъ? спрашиваю я.

— Я сейчасъ *съ публики.*

Это меня болѣзненно передернуло: „*съ публики*“ значитъ „только-что съ наказанія“.

— Какъ-же ты, бѣдный, отдѣлался? спрашиваю я.

— Что, братъ: ничего, какъ видишь. Получилъ 80, и ничего..

Я покачалъ головой.

— Да, продолжалъ арестантъ,—ты думаешь насъ не берегутъ, а? вѣдь 80 не шутка! А вотъ какъ-видишь! Спасибо Якову (палачу); ей-богу, спасибо! Какъ-слѣдуетъ; одно слово какъ-слѣдуетъ; просто удружилъ! И вѣдь 80...

Этотъ арестантъ болѣе напиралъ на нравственную обиду.

— Обидно одно, говорилъ онъ,—за что меня наказали? Нѣтъ, ты скажи мнѣ, за что меня наказали? Я вѣдь бродяга; а я по бродяжеству у купцовъ бывалъ принятъ, съ архіереями обѣдалъ; да-съ, по бродяжеству съ архіереями... а мнѣ теперь 80!

Палачи впрочемъ не всегда легко отдѣлывались за легкое и снисходительное наказаніе арестантовъ. Нерѣдко они сами платились спиной за манкированіе своей обязанностью и вслѣдъ за наказаніемъ сами были сѣчены при полиціи. Но чтобы исполнить договоръ и не потерять выгодъ отъ арестантовъ, они обязаны были нести это тяжелое возмездіе. Мнѣ разсказывали про одного палача,—кажется, въ Енисейскѣ, который по этому случаю переносилъ страшныя испытанія, которыя только могъ выдержать, благодаря своей богатырской конструкціи. Полицейское начальство когда-то было очень строгое и требовало отъ палача особеннаго усердія при наказаніи; но палачъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, угодить арестантамъ и щадилъ ихъ. Послѣдствіемъ этого было то, что этому несчастному приходилось послѣ каждаго наказанія, т. е. еженедѣльно, отдуваться самому. Но этотъ добродушный богатырь терпѣлъ все. Вздуютъ его, пошлютъ въ острогъ, — здѣсь арестанты накачаютъ его пьянымъ,—и онъ совершенно обязанный, въ слѣдующій-же разъ считаетъ обязанностью великодушно отплатить имъ снисхожденіемъ и снова несетъ кару. Великодушію такого палача, конечно, приходилось дивиться,—и арестанты сохранили о немъ память, какъ о своемъ героѣ и бла-

годѣтелѣ. Однако менѣе крѣпкіе исполнители приговоровъ, взявъ на себя обязанность защищать арестантовъ, совершенно иногда не выносятъ такого положенія. Они такъ часто начинаютъ платиться спиной сами, что жизнь имъ становится не въ терпежъ, и они бѣгутъ. Бѣглыхъ палачей также немало по острогамъ. Въ прежнее время, когда старое суровое начальство иногда требовало отъ палачей безчеловѣчнаго наказанія арестантовъ, бывали, говорятъ, палачи, которые кидали кнутъ и говорили: „извольте сами наказывать!“

Безъ сомнѣнія, въ такомъ положеніи, какъ люди подневольные, палачи всегда недовольны своей обязанностью и клянутъ ее. Дѣйствительно, только желаніе избавиться сроковъ каторги вынуждало ихъ къ этому адскому ремеслу. Есть между ними люди смирные и безхарактерные, которыхъ только безвыходное несчастіе или безалаберная рѣшимость и страхъ каторги заставили принять на себя эту обязанность. Я имѣлъ случай видѣть именно подобную несчастную личность въ одномъ изъ великорусскихъ остроговъ. Мнѣ указали, какъ на палача, на личность скромную, стыдливую, прилично одѣтую въ нѣмецкое платье; лицо его было однако какое-то безпокойное, угрюмое и отчаянное. Это былъ человѣкъ неглупый и даже начитанный, знавшій притомъ хорошо торговое дѣло. Всѣ говорили, что онъ человѣкъ очень честный: онъ не бралъ ни одной копѣйки съ арестантовъ и, самъ имѣя деньги, дѣлился съ другими. Въ острогѣ онъ дичился, уединялся, тосковалъ и пилъ горькую. Неся позорную обязанность, онъ старался въ винѣ заглушить внутренніе упреки и стыдъ. Исторія его была очень печальная. Я узналъ, что это былъ сынъ одного изъ богатыхъ русскихъ мануфактуристовъ. Богатый купеческій сынъ послѣ смерти отца ждалъ съ братомъ и сестрой раздѣла наслѣдства. Въ это время онъ влюбился въ жену какого-то мѣщанина и началъ кутить. Разъ пьяный, онъ встрѣтился съ мужемъ своей любовницы; затѣялась ссора и взбѣшонный

любовникъ разрубилъ мужу голову топоромъ. Его схватили и посадили въ острогъ, затѣмъ осудили на каторгу. Положеніе его было критическое: братъ угрожалъ захватить часть его наслѣдства; каторга пугала его, какъ смерть; разставанье съ любовницей доводило до отчаянія. Въ острогѣ ему посовѣтовали одинъ выходъ, чтобы остаться на родинѣ, устроить дѣла и не разставаться съ своею любовью... это — проситься въ палачи въ мѣстномъ острогѣ. Въ отчаяніи и спьяну онъ рѣшился. Это ему стоило жестокихъ мученій, и онъ пилъ не на животъ, а на смерть. Къ счастью его, тѣлесное наказаніе въ это время было уничтожено въ Россіи, и во всю свою карьеру ему удалось наказать человѣкъ двухъ ссыльныхъ, къ чему онъ долженъ былъ принудить себя, напившись до одуренія вина. Онъ питалъ глубокое отвращеніе къ своему званію, проклиналъ жизнь свою и терялъ силы изо дня въ день. Срокъ его заключенія, къ счастію, однако, скоро кончился; наслѣдство попало ему въ руки и онъ вышелъ счастливымъ человѣкомъ, — конечно, безъ всякаго слѣда отъ своего несчастнаго прошлаго ремесла. Я видѣлъ его черезъ день, какъ онъ вышелъ изъ тюрьмы. Онъ былъ богато одѣтъ, напомаженъ и уѣзжалъ съ нѣжно любящей его сестрой на собственную мануфактуру въ одной изъ среднихъ русскихъ губерній.

Такимъ-образомъ если мы отнимемъ то кровожадное чувство, то жосткое сердце, которое обыкновенно привыкли предполагать въ палачахъ, то мы увидимъ въ этихъ „исполнителяхъ правосудія“ обыкновенныя орудія, противъ которыхъ можно менѣе, чѣмъ противъ кого-либо, питать злобу. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что палачи эти идутъ не добровольно, а въ виду наказанія, въ виду страха его и желая найти себѣ какой-либо выходъ; часто люди эти—не только не кровожадные, но скромные и мягкіе по натурѣ. Мало того: многіе изъ нихъ становились заступниками арестантовъ и, своими

стачками съ подсудимыми, старались по возможности смягчать наказаніе, насколько это было въ ихъ власти. Они не имѣли ни мести, ни злобы къ своимъ жертвамъ; ихъ роль была вынужденная и часто они отъ нея отказывались. Другое дѣло, если-бы они питали другое чувство,—то кровожадное и жосткое чувство, которое не видитъ въ преступникѣ человѣка, которое не хочетъ знать чужихъ страданій и которымъ руководитъ злоба, месть, холодное убѣжденіе въ необходимости нанести наиболѣе вреда, и которому недоступно снисхожденіе: если-бы они въ самомъ дѣлѣ питали такое безчеловѣчное чувство и поддавались ему добровольно, тогда-бы только развѣ можно было назвать ихъ палачами по натурѣ. Но они не таковы. Я не замѣчалъ въ номинальныхъ форменныхъ палачахъ этого чувства.

Но что страннѣе всего, можно замѣтить ожестѣлое чувство въ такихъ лицахъ, въ которыхъ менѣе, чѣмъ въ комъ-либо, можно предполагать его и которыя рѣшительно не должны бы были быть жостки сердцемъ. Возьмите иного криминалиста,—часто еще молодого, либеральнаго, который съ какимъ-то удовольствіемъ старается завинить *во что бы то ни стало* преступника, не щадя для этого средствъ, — который сурово проповѣдуетъ всю строгость и жестокость наказанія, забывая, что преступникъ — человѣкъ, что это наказаніе будетъ стоить ему столько горя, слезъ, крови, а иногда и величайшаго блага—жизни. Какъ вы назовете такую безчувственность? Возьмемъ другой случай. Вы, можетъ быть, видали, когда блѣднаго и потеряннаго преступника везутъ на эшафотъ,—когда страшное, мучительное чувство блуждаетъ на лицѣ его—и его, почти безсильнаго, снимаютъ для страшнаго приговора. Это бываетъ моментъ, когда многіе закрываютъ глаза, другіе плачутъ. Но вотъ находятся въ толпѣ люди, которые говорятъ: „подѣломъ ему, злодѣю“. Какъ вы назовете чувство такихъ людей?

Въ старое время бывали случаи, что съ такимъ без-

человѣчнымъ чувствомъ, съ такой чудовищной жестокостью относились къ преступнику люди, которые самымъ занятіемъ своимъ и долгомъ призваны были помочь ему. Я укажу на старыхъ медиковъ. Эти медики, будучи врачами въ острогахъ, питали къ преступникамъ часто негодованіе за то, что тѣ пробовали обманывать ихъ фальшивыми болѣзнями, чтобы увернуться отъ наказанія. Медикъ за это старался нарочно подставить арестанта подъ наказаніе и оказать ему какъ-можно меньше помощи при самомъ процессѣ выполненія, забывая въ преступникѣ человѣка, которому простительны всякія увертки предъ ожидающей его участью, и неумѣстность всякой мести за это. Такой случай я встрѣтилъ даже въ отчотѣ одного медика объ его острожной практикѣ. Медикъ К. разсказываетъ *печатно*, какъ одинъ арестантъ въ острогѣ сдѣлалъ себѣ искуственную болѣзнь, чтобы избавиться отъ тѣлеснаго наказанія; это возмутило г. К. и онъ, разоблачивъ болѣзнь его, постарался, чтобы арестанта, во что бы то ни стало, наказали; при этомъ онъ смотрѣлъ на самый актъ наказанія съ особеннымъ самодовольствіемъ, чувствомъ превосходства и гордости, а на преступника—съ полнымъ торжествомъ. Когда кончился ужасный актъ наказанія, какъ описываетъ г. К., преступникъ всталъ и съ видомъ нераскаянности сказалъ господину К.: „Любуйся-же! Это праздникъ тебѣ! Радуйся!"—онъ былъ весь окровавленъ. Поведеніе это и нераскаянность арестанта г-ну К. показались *отвратительными*. И медикъ, представьте, занося этотъ фактъ, не замѣтилъ даже всей его уродливости и не понялъ той роли, въ какой онъ себя выставилъ.

Но возьмите, кромѣ того, въ самомъ обществѣ, сколько еще встрѣчается самыхъ безсердечныхъ людей, сколько варваровъ-мужей, истязующихъ своихъ жонъ и семейства, сколько грубыхъ педагоговъ, не могущихъ обойтись безъ розогъ, линеекъ и оплеухъ съ беззащитными дѣтьми! сколько теоретическихъ проповѣдниковъ

всякаго насилія и жестокостей! Это все люди одной категоріи.

Да, господа, есть люди съ палаческими чувствами и въ такъ-называемой цивилизованной средѣ; есть безчувственные и грубые тираны, есть безсердечные резонеры, агитаторы казней и преслѣдованій въ литературѣ и обществѣ, которые, проповѣдуя разные суровые планы и системы, якобы во имя блага людей, забываютъ, что за ними стоятъ тѣже люди, а за осуществленіемъ этихъ плановъ польется человѣческая кровь.

Предъ такими господами что значатъ грубые невѣжественные каторжные мужики, безвыходнымъ положеніемъ доведенные до необходимости держать кнутъ или плеть въ рукахъ своихъ!

VII.

Острожная поэзія, музыка и тюремное творчество.

Несчастіе имѣетъ свою пѣсню; точно-также и острогъ создалъ свою поэзію, въ которую вложилъ свое чувство, свою душу и тоску. На тюремную пѣсню нельзя смотрѣть только, какъ на развлеченіе заключонныхъ: она выражаетъ суету тѣхъ думъ, тѣхъ ощущеній, которыя выноситъ человѣкъ въ тюрьмѣ и въ неволѣ. Тысячи людей проводили у насъ цѣлую жизнь въ тюрьмахъ, на каторгахъ и въ бродяжничествѣ; въ тюрьмѣ создалась своя гражданственность, свой культъ; она имѣетъ свою исторію, свои преданія: какъ-же она могла обойтись безъ пѣсни?

Я прислушивался часто къ этой пѣснѣ въ лѣтніе тихіе вечера, когда чувство любви къ свободѣ и волѣ сильнѣе пробуждается въ груди арестанта при видѣ зеленѣющихъ полей, темно-синяго неба и весело порхающихъ птицъ. Въ это время съ оконъ острога обыкновенно неслись

разнообразные мотивы, то цѣпляясь другъ за друга, то перемѣшиваясь и дробясь, то сливаясь въ общую надрывающую сердце мелодію.

Въ тюремной пѣснѣ много горькаго: ее поютъ съ кандалами на ногахъ удалые добрые молодцы; въ ней переливаютъ они свои воспоминанія и соображенія о своей судьбѣ, бездольи, о своемъ прошломъ и будущемъ. Жизнь тюрьмы, бродяжества, каторги и ссылки живо отражается въ ней. Можно сказать, что это вскормленное и взросшее въ неволѣ дитя острога. Острожная пѣсня обнимаетъ собственно особый циклъ и не можетъ быть смѣшиваема ни съ какою другою. Есть множество пѣсенъ о тюрьмѣ и наказаніи, созданныхъ народомъ, внѣ остроговъ и тюремъ; но прямо острожная пѣсня разнится отъ нихъ настолько, насколько ощущенія людей свободныхъ при видѣ тюрьмы разнятся отъ ощущеній и взгляда на нее людей, сидящихъ въ ней. И г. Максимовъ, включивъ именно эти древне-народныя пѣсни о казни и тюрьмѣ въ число арестантскихъ,—по нашему мнѣнію, допустилъ большую ошибку.

Конечно, въ тюрьмѣ можно слышать и народныя пѣсни, но это потому, что разнообразное ея населеніе приноситъ въ нее съ собой знаніе всевозможныхъ пѣсенъ, начиная съ романсовъ „Ваньки Таньки", „Въ одной знакомой улицѣ" и т. д. и кончая древними народными пѣснями и былинами. Оттого у г. Максимова вошли въ число острожныхъ пѣсни объ Иванѣ Василичѣ Грозномъ и о монастырской казнѣ, пѣсня „Ужъ ты воля моя волюшка дорогая",—которую поетъ героиня Островскаго въ одной изъ комедій,—„Гулинька", которая поется въ Сибири,—и множество другихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ архангельской губерніи и между-прочимъ даже встрѣчающихся въ сборникѣ Сахарова и т. п.; но все это пѣсни не тюремныя.

Арестантская пѣсня отличается отъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ своимъ новѣйшимъ складомъ; она тоже

что пѣсня мѣщанская, фабричная, которая носитъ особую тональность, рифму и подходитъ къ новѣйшему языку. И это естественно: острогъ представляетъ всегда болѣе развитое населеніе, населеніе городское, понятія, вкусы, привычки и воззрѣнія котораго выше простонародной среды. Извѣстно, что народъ, получая нѣкоторое развитіе, не довольствуется уже древнимъ содержаніемъ пѣсенъ и ихъ формами; ему остаются чужды герои и событія временъ Владиміра-Красна-Солнышка и царя Ивана Васильевича Грознаго. Его жизнь течотъ иначе, и потому, чтобы отражать эту жизнь, ему нужна новая пѣсня и новый языкъ. Славянофилы у насъ были очень недовольны, что новыя пѣсни, — большею частью мѣщанскаго, писарскаго и лакейскаго склада,— вытѣсняютъ полныя художественной образности древнія пѣсни; но что-же дѣлать, если простой народъ нашъ при своей малограмотности сталкивается съ одной мѣщанской, фабричной и лакейско-писарской цивилизаціей, изъ среды которой выходятъ его поэты, и вкладываетъ въ свои дубоватые вирши его современную жизнь? Кто виноватъ, что для изображенія этой жизни онъ не имѣетъ лучшихъ народныхъ поэтовъ или они ему неизвѣстны?....

Во всякомъ случаѣ переходъ отъ древней пѣсни къ новѣйшей, такъ-называемой мѣщанской, проявляется вездѣ. Въ нѣдра простого народа входятъ понемногу пѣсни фабричныя, бурлацкія, солдатскія, мѣщанскія и т. п. Тоже самое замѣчаетъ Риль и въ Германіи. Такъ онъ говоритъ, что съ переходомъ нѣкоторыхъ округовъ къ промышленной и фабричной дѣятельности, древне-германская поэзія исчезаетъ и замѣняется новой. Вслѣдствіе этого-же закона прежнія народныя пѣсни изъ тюрьмы давно вытѣснены. Объ этомъ говоритъ уже Ѳ. М. Достоевскій въ „Запискахъ изъ мертваго дома“.

Г. Максимовъ глубоко негодуетъ на замѣнъ старой народной пѣсни арестантскою пѣснею новаго склада.

Дѣйствительно, арестантская пѣсня порою нескладна; она не можетъ сладить ни съ размѣромъ, ни со стихомъ; содержаніе ея бѣдно, прозаично,—слова часто пошлы; поэтому она иногда можетъ оскорблять вкусъ нашъ; но нельзя-же быть къ ней и взыскательнымъ—хоть потому, что эта пѣсня въ той или другой формѣ изображаетъ дѣйствительную жизнь народа, жизнь ссыльно-арестантской среды, ея судьбу, ея горе и радости. Притомъ недостатки формы, слабость или тривіяльность словеснаго выраженія и бѣдность содержанія часто выкупаются музыкою пѣсенъ, тѣмъ чувствомъ и душою, съ которыми онѣ поются; поэтому многіе свободные люди, прислушиваясь къ тюремной пѣснѣ, несущейся изъ-за стѣнъ острога, всегда находили ее глубоко-выразительною.

Обратимся теперь къ самымъ замѣчательнымъ пѣснямъ острога.

Самою любимою въ острогахъ пѣснею является „Собачка" или „Послѣдній день". Какъ извѣстно, это передѣлка прощальной пѣсни (Good Night) Чайльдъ Гарольда, заимствованная грамотнымъ народомъ, вѣроятно, изъ перевода Козлова *) Въ этой пѣснѣ, приноровленной

*) Пѣсня эта, какъ извѣстно, у насъ переводилась Козловымъ, М. И. Михайловымъ, г. Минаевымъ, Гольцъ-Миллеромъ, также переведена Мицкевичемъ на польскій языкъ, но все-таки та роскошь поэзіи и полнота картинъ, которыми обладаетъ подлинникъ, не были вполнѣ переданы никѣмъ. Лучшій переводъ Михайлова обладаетъ легкостью стиха и чувствомъ, но сокращаетъ картины. Подстрочный переводъ Гольцъ-Миллера подражаетъ подлиннику, но теряетъ легкость и размѣръ. Вѣроятно, трудность перевода состоитъ въ томъ, что англійскій языкъ слишкомъ сжатъ и выразителенъ. Такъ напримѣръ строки:

The nighjt-winds sigh, the bleakers roar
And shrieks the wild sea-mew

т. е. «Ночной вѣтеръ стонетъ, шумитъ бурунъ и дикая морская чайка несется надо мною съ проницательнымъ крикомъ», или

And now I'm the world alone
Upon the wid, wid sea:

«И опять я одинъ въ мірѣ среди этого широкаго, широкаго моря», и другія подобныя выраженія не могли сохраниться со всею силою чувства, полнотою картины и мысли.

арестантами къ ихъ положенію, не звучитъ того гордаго горя, той мужественной тоски, которая проникаетъ послѣднюю пѣсню байроновскаго героя, покидающаго, съ гордымъ хохотомъ надъ своею судьбою, постылую родину и силящагося подавить сжимающую его тоску, которая невольно прорывается въ его пѣснѣ; арестантство напротивъ, взяло самый-нѣжный и простой мотивъ ея и запечатлѣло его одною любовью къ покидаемому краю (это вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію ссыльнаго); кромѣ-того варіанты этой пѣсни носятъ слѣды и тюремнаго, и ссыльнаго, и бродяжескаго элемента. Вотъ ея полный варіантъ, какъ ее поютъ арестанты.

Россійскій тюремный.

Ахъ, въ той странѣ, странѣ родной,
Въ которой я рожденъ,
Терпѣть мученья безъ вины,
На вѣки осужденъ.

Послѣдній день красы моей
Украситъ Божій свѣтъ;
Увижу море, небеса,
А родины ужъ нѣтъ.

Отцовскій домъ покинулъ я:
Травою заростетъ; —
Собачка вѣрная моя
Завоетъ у воротъ;

На кровлѣ филинъ прокричитъ;
Раздастся по лѣсамъ;
Заноетъ сердце, загруститъ:
Меня не будетъ *тамъ*.

Затѣмъ варіанты—

Ссыльный сибирскій.

Не видѣть мнѣ страны родной,
Въ которой я рожденъ,
Идти же мнѣ въ тотъ край чужой,
Въ который осужденъ.

Прощайте, всѣ мои родные;
Прощай ты, матушка Москва!
Пройду я всѣ губерни—города
Въ оковахъ, въ кандалахъ.

На утро рано на зарѣ
Малютки спросятъ про отца,
Расплачется жена.....
Потомъ и вся семья моя.

Судьба несчастная моя
Къ разлукѣ повела,
И разлучила молодца
Чужая дальня сторона!

Бродяжескій варіантъ.

Но исполню я отместку
И назадъ я ворочусь;
Я, какъ воронъ, прокрадуся
И злодѣю отомщу.

Пѣсня эта поется съ большимъ чувствомъ арестантами, „Кто-нибудь,—припоминая ее, говоритъ Ѳ. М. Достоев„скій,—въ гулевое время выйдетъ бывало на крылечко „казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щоку рукой и затянетъ ее высокимъ фальцетомъ. Слушаешь и какъ-то душу надрываетъ. *)

Въ нашей тюрьмѣ слыхалъ я, какъ часто пѣли ее ссыльные арестанты; изъ нихъ при этомъ особенно отличался одинъ бродяга,—„Губернаторъ“ (такое прозваніе онъ самъ себѣ далъ). Этотъ „Губернаторъ“ обладалъ страшнымъ басомъ, который былъ слышенъ по всѣмъ угламъ четырехъэтажнаго острога, когда пѣвцу взбредало на умъ произносить многолѣтія и анафемы разнымъ начальникамъ. Иногда этотъ „Губернаторъ“ подби-

*) «Записки изъ мертваго дома», стр. 228.

ралъ человѣкъ двухъ-трехъ съ такими-же богатырскими голосами и въ корридорѣ, поражающемъ резонансомъ, запѣвалъ классическую „собачку“. Могучіе голоса пѣвцовъ заставляли дрожать стѣны, разбивали слуховой барабанъ и разомъ брали за сердце; эфектъ былъ чудовищный! Но эта пѣсня производитъ еще болѣе впечатлѣнія, когда ее поетъ ссыльная партія, приближаясь къ Сибири, среди темнаго бора, подъ звукъ кандаловъ и скрипъ телѣгъ; тогда она неотразимо разстрогиваетъ слушателей и часто прерывается неудержимымъ рыданіемъ женщинъ.

Изъ другихъ арестантско-поселенскихъ пѣсенъ также очень извѣстна „Сидитъ воронъ на березѣ“; она является въ двухъ варіантахъ, — россійско-тюремномъ, и бродяжеско-ссыльномъ. Въ россійскомъ говорится между прочимъ: „Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка, съ своей родины бѣжалъ“, т. е. оставилъ свою родину и пришолъ въ ссылку, а въ Сибири поется „Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка, въ свою родину бѣжалъ“, т. е. бѣжалъ изъ Сибири опять въ Россію. Часто къ ней примѣшиваются и другія пѣсни, а потому она составляетъ агрегатъ, какъ и приведена у г. Максимова. Наконецъ третью, самую-популярную пѣсню въ острогѣ составляетъ пѣсня „О разбойникѣ“. Пѣсня эта поражаетъ съ перваго раза пошлымъ наборомъ словъ; оттого, когда она попалась намъ въ одномъ спискѣ, мы прониклись тѣмъ-же чувствомъ негодованія, какое овладѣвало г. Максимовымъ при видѣ нѣкоторыхъ арестантскихъ пѣсенъ того-же склада; но въ одинъ изъ вечеровъ мнѣ пришлось услышать ее въ неизуродованной формѣ изъ устъ лучшаго тенора нашего острога: въ этой формѣ она посправедливости приковала вниманіе къ себѣ всего тюремнаго населенія. И напѣвъ, и содержаніе ея трогательны и глубоко потрясяютъ чувство: трудно было не заслушаться ея. У арестантовъ она производила фуроръ; ни одинъ звукъ въ многолюдномъ острогѣ не прерывалъ ея, когда она неслась въ своей грустной мелодіи. Она изображаетъ проща-

ніе разбойника передъ казнью; онъ ждетъ палачей и, не чувствуя никакой въ себѣ жалости, проситъ жечь, рубить и казнить его, такъ-какъ онъ никому не давалъ пощады:

Я въ полѣ былъ воинъ,
Рубилъ и губилъ,
Въ лѣсахъ и дубравахъ
На всѣхъ нападалъ,
Какъ воронъ изъ тучи
На всѣхъ налеталъ.

Затѣмъ разбойникъ прощается съ лѣсами и дубравами, съ широкими полями и дорогою волею.

Теперь бы я помчался
Къ родной сторонѣ,
Съ друзьями бъ повидался,
Что плачутъ обо мнѣ.

Но вотъ застучали приклады у дверей, входятъ палачи, быстро ведутъ его на площадь; „позорный примѣръ", заканчиваетъ пѣсня.

Палачъ размахнулся:
Разбойника нѣтъ.

Замѣчательно, что вся пѣсня проникнута необыкновеннымъ соотвѣтствіемъ между музыкальнымъ выраженіемъ и идеей. Вы слышите, какъ въ началѣ ея изливается самое—мягкое душевное чувство, какіе-то грустные звуки далекихъ сердечныхъ воспоминаній; но вдругъ пѣсня переходитъ къ суровымъ звукамъ, холоднымъ, какъ дѣйствительность; затѣмъ слышится опять тоскливая замирающая мелодія прощанія съ родиной и жизнью, и вдругъ ее опять обрываетъ ледяной голосъ, напоминающій о казни. Тамъ, гдѣ говорится: „*Но вотъ застучали приклады у дверей*," прерывается послѣдняя предсмер-

тная нота, послѣдняя жалоба; вы чувствуете, что все кончено, и затѣмъ быстрый речитативъ пѣсни звучитъ, какъ безпощадный рокотъ барабана, бьющаго къ наказанію. Этотъ перебой слышится тихо, какъ-будто вдали, еще и въ самомъ началѣ пѣсни; но выступаетъ все-ближе и ближе къ концу ея; затѣмъ при пѣніи стиховъ о растворившихся дверяхъ онъ выступаетъ уже со всею рѣзкостью. Немудрено, что этотъ звукъ, хорошо знакомый арестанту, перенесенъ имъ и въ пѣсню, переплетенный чувствомъ замирающей тоски, которую онъ испытываетъ предъ наказаніемъ.

Слова этой пѣсни, какъ мы узнали послѣ, приписываются разбойнику Латышеву, кончившему жизнь на эшафотѣ и отличавшемуся музыкальностью и пѣвучестью, какъ приводитъ г. Соколовскій въ его біографіи. Кромѣ этихъ пѣсенъ славится пѣсня о побѣгѣ Ланцева изъ Мосѣевскаго замка, очень извѣстная по своему содержанію и кончающаяся картиннымъ изображеніемъ, какъ бѣглецъ благополучно скрывался въ темный лѣсъ.

Погоня тихо удалялась
И вѣтеръ тучи разгонялъ.

Арестанты со всѣми подробностями любятъ запоминать побѣги своихъ героевъ; такъ занесенъ ими въ пѣсню и и другой побѣгъ бродяги Травина, выѣхавшаго даже изъ острога въ парашѣ, т. е. въ нѣкоей бочкѣ. *)

---

*) Пѣсня даже изображаетъ Травина мифическимъ героемъ:

Какъ выѣхалъ нашъ Травинъ
На охоту самъ одинъ;
Какъ забралъ табунъ Травинъ
Въ сорокъ тысячь самъ одинъ.

Затѣмъ онъ попался въ острогъ и наконецъ бѣжалъ.

И выѣхалъ нашъ Травинъ
Онъ въ парашѣ самъ одинъ.

Затѣмъ острогъ наполняется значительнымъ количествомъ поселенческихъ и бродяжескихъ пѣсенъ. Въ этихъ пѣсняхъ играетъ роль большею частью судьба „бѣднаго мальчишки въ чужой дальней сторонѣ". Ссыльному достаточно услышать хоть нѣсколько словъ въ пѣснѣ „о родинѣ и дальней сторонѣ", какъ онъ заноситъ ее въ свой репертуаръ. Такъ-напримѣръ вошла въ употребленіе пѣсня „Въ одной знакомой улицѣ" только потому, что тутъ есть намекъ о какой-то узницѣ, сидящей подъ окномъ (острогъ это понялъ посвоему) и затѣмъ слова:

Такія рѣчи, дерзкія она твердила мнѣ
О мужествѣ, о родинѣ, о дальной сторонѣ,

вмѣсто „объ обществѣ, о музыкѣ, о дальной сторонѣ".

Другая пѣсня описываетъ, какъ какой-то пошлый франтъ кутилъ въ маскарадѣ; она также взята изъ пѣсенника, но къ ней арестанты придѣлали свое дополненіе:

Оставайся ты, мой другъ, во столицѣ;
Я пойду во Сибирь гулять,
Сквозь желѣзную рѣшотку
Ручку къ сердцу прижимать.

Вообще нѣкоторыя пѣсни отличаются крайне-сантиментальными выраженіями старыхъ пѣсенниковъ, куда вносились разные вздохи старыхъ романтиковъ. Такъ я помню, одинъ старый 50-ти лѣтній бродяга, человѣкъ забитый грубою жизнью, мукосѣй и парій въ тюрьмѣ, пѣлъ мнѣ необыкновенно-заунывнымъ голосомъ народныхъ пѣсенъ слѣдующую пѣсню:

Межъ горъ енисейскихъ
Раздается томный гласъ;
Тутъ сидѣлъ бѣдный мальчишка
Съ превеликою тоской.

Бѣлы ручки свои ломалъ.
Проклиналъ свою судьбу.
Ты судьба моя несчастна,
Ты за что разишь меня?

Всѣ люди на волѣ
Забавляются съ друзьями,
А я, бѣдный мальчишка,
Заливаюсь горькими слезами.

Бродяга приэтомъ плакалъ. Онъ-же сообщилъ мнѣ, что это—пѣсня знаменитаго бродяги Свѣтлова, который долго скитался въ енисейскихъ горахъ. Это, можетъ быть, и не правда; но про этого героя много разсказываютъ бродяги, и лицо это въ ихъ разсказахъ очень симпатично.

Затѣмъ слѣдуютъ пѣсни, написанныя слогомъ солдатскихъ пѣсенъ; онѣ наполнены описаніемъ случаевъ изъ жизни тюремъ, побѣговъ, ссылки и бродяжества, также какъ и ихъ обстановки. Иногда онѣ полны описаній самаго процесса наказаній плетьми или шпицрутенами. Приэтомъ всегда арестантская пѣсня проникнута глубокимъ сочувствіемъ и даже нѣжностью къ своимъ собратьямъ. Какъ нѣжно, трогательно и заунывно звучитъ эта пѣсня, можно судить по слѣдующей:

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы, бродяженьки мои!
Что и полно-жъ вамъ, бродяги,
Полно горе горевать:
Вотъ придетъ зима—морозы:
Мы лишилися гульбы. *)
Гарнизонъ стоитъ порядкомъ,
Барабаны по бокамъ.
Барабанщики пробили,
За прикладъ всѣхъ повели;
Плечи, спину исчеканятъ:
Въ госпиталь насъ поведутъ.
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Насъ на коечки кладутъ,
Мокрыми тряпицами обкладаютъ:

---

*) Осенью бродяги принуждены идти въ деревни и тамъ попадаются или просятся въ остроги.

Знать, насъ вылечить хотятъ.
Мы со коечекъ вставали,
Становилися въ кружокъ,
Другъ на дружку посмотрѣли,
Стали службу разбирать:
Вотъ кому идти въ бобруцкій,
Кому въ нерчинской заводъ. *)

Вся эта пѣсня носитъ оттѣнокъ братской дружбы и симпатіи, порождаемыхъ одной участью, одинаковостью судьбы и единствомъ несчастія. Нечего удивляться, что въ арестантскую поэзію входятъ часто и „мокрыя тряпицы" и „машина" и „палачъ Федька" и т. п.—все это было горькою правдою ихъ жизни. Пріемы этой пѣсни, складъ ея и сюжетъ кажутся прозаичны и нѣкоторые любители народныхъ пѣсень все бы еще хотѣли для эстетическаго удовольствія, чтобы арестанты пѣли древнюю разбойничью пѣсню „Не шуми ты, мати зеленая дубравушка". Но вѣдь это требованье рѣшительно неумѣстно, когда прежняя жизнь давно ужь отлетѣла отъ народа: теперь не то время, когда гордый разбойникъ, какъ царь лѣсовъ, гордо выражалъ свою волю и считалъ себя въ правѣ переговариваться съ правительствомъ; нынѣшнему преступнику, подавленному силой государственной, трепещущему передъ судомъ, приходится только оплакивать свою судьбу да выражать свою жалкую участь въ тюрьмѣ и въ бродяжествѣ. Въ пѣснѣ теперь и выражается большею-частью простое горе: то ссыльный прощается съ милой, отправляясь въ Сибирь, съ папенькой и маменькой, которыхъ больше не увидитъ,—то описываетъ, какъ его сѣкутъ, лечатъ въ лазаретѣ, наказываютъ на кобылѣ,—наконецъ наивно рисуетъ свое нищенство въ бродяжествѣ, какъ онъ именемъ христовымъ „хлѣба соли наберетъ, въ баньку ночевать пойдетъ" **)

*) Смотри бродяжескую пѣсню во статьѣ о бродягахъ.

**) Вполнѣ приведена эта пѣсня у г. Максимова.

Такой сюжетъ пѣсни и выраженіе ея кажутся пошлыми эстетикамъ; они находятъ, что это похоже „на кисло-сладкіе романсы". Но „кисло-сладкіе романсы" пѣсенниковъ воспѣваютъ печаль глупую, безпричинную, вымышленную, арестантская же пѣсня—дѣйствительное горе, какъ-бы оно тамъ ни было сантиментально выражено. Въ народной пѣснѣ нельзя быть строгимъ къ формѣ. Есть напримѣръ пѣсня горныхъ рабочихъ, гдѣ говорится:

Какъ въ *фонталы* воду пустятъ,
Наше сердце пріопустятъ.

Неужели-же приходится смѣяться надъ этими „*фонталами* вѣдь это бы вышло пошлое глумленье". Точно-также извинительны разныя неправильности и въ тюремной пѣснѣ; она всетаки есть выраженіе истинныхъ чувствъ и положенія тюремнаго населенія. Какъ-бы ни выражались эти чувства народнаго горя,—они выношены, пережиты, выстраданы; поэтому къ нимъ нельзя относиться съ эстетической брезгливостью и взыскательностью.

Перейдемъ къ слѣдующему циклу пѣсенъ. Исторія преступленія рѣдко фигурируетъ въ каторжныхъ и бродяжескихъ пѣсняхъ, — вѣроятно, потому, что ссыльные несдишкомъ любятъ вспоминать про это; покрайней мѣрѣ, мы не часто слышали ихъ въ ссыльномъ острогѣ. Но зато такія пѣсни чаще попадаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди судятся впервые за преступленія, напримѣръ, въ россійскихъ замкахъ. Пѣсни, имѣющія предметомъ эпосъ преступленія, необыкновенно быстро расходятся и въ народѣ, въ особенности же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преступленіе совершено. Самая-популярная, разошедшаяся по всей Россіи и Сибири и даже проникшая къ обрусѣвшимъ киргизамъ,—пѣсня про убійство на нижегородской ярмаркѣ дочери купца Сафронова: ее поютъ повсюду. Складъ этой пѣсни запечатлѣнъ характеромъ древняго народнаго творчества; первыя строфы ея превосходны и вѣютъ неподдѣльной поэзіей старорусской пѣсни.

Вотъ пѣсни, которыя намъ случилось слышать въ Россіи и которыя, кажется, не были еще записаны.

Пѣсня саратовскаго арестанта.

Толи, чтоли нутко чтоли!
Гулялъ молодецъ на волѣ;
Гулялъ молодецъ на волѣ,
А теперь онъ во неволѣ.
Какъ сказали про мальчишку,
Что отцовскій домъ поджогъ,—
Не за толи посадили
Во саратовскій острогъ.
Скучно было сидѣть мнѣ
Во саратовской тюрьмѣ,
Что никто того не знаетъ,
Чрезъ кого я пропадаю!
Пропадаю я, мальчишка,
Черезъ роднаго отца,
Черезъ роднаго отца,
Черезъ тестя подлеца,
Черезъ мачиху лихую,
Чрезъ женёнку молодую.
Долго-ль, долго-ль, не дождуся
Къ себѣ грозныхъ палачей?
Я тогда-же разочтуся
Со судьбою со своей.
Какъ и дню-то второй часъ,
Поведутъ къ допросу насъ.
Не успѣлъ промолвить слова,—
Тутъ колясочка готова,
Чорной краской раскрашена,
Чорной краской раскрашена,
У ней пара заложена.
Посадили молодчика,
Его задомъ на передъ;—
Тутъ восплакалъ весь народъ.
Повезли тутъ молодчика
Въ неизвѣстныя мѣста,
Ко незнакому селу,

Ко чорному столбу.
Тутъ явились мастера,
Засучали рукава.
Палачъ скоро подбѣжалъ,
Рубашонку разорвалъ;
Рубашонку разорвалъ,
Бѣлый саванъ надѣвалъ.
Меньше году просидѣлъ,
Ко разстрѣлу подоспѣлъ.

Эта исторія поджигателя. Вотъ другая исторія преступленія изъ другой мѣстности Россіи.

Во сторонушкѣ ночной,
Что надѣлалось весной
Во приходѣ—во Кромахъ
Стали рѣзать во дворахъ;
Въ деревнюшкѣ Врусовѣ,
На задворкѣ въ улицѣ,
Въ маршалевой горницѣ:
Гриша, Гриша Маршалевъ
Во постелю вѣчно легъ.
Онъ не самъ собой ложился,—
Отъ своей подлой жены:
Его подлая жена
Съ Гриши голову сняла;
Сынъ ещо смерти прибавилъ,
Больше молотомъ набавилъ.
Со той ли, со бѣды садились на лавочку,
Садились на лавочку подъ красное окошечко,
Стали думать да гадать,
Намъ куда татьку дѣвать.
«Не шути-ко моя мать,
«Не горюй-ко моя мать:
«Ужь я эту-ли бѣду,
«Бѣду въ *Ланды* отведу,
«Я по ныцкой по дорожкѣ
«И подъ Ландинскій мостокъ,
«Подъ мостокъ, мостокъ, мостокъ
«Тятю съ камнемъ положу:
«Ты лежи-ко, лежи, тятя,

«Лежи, тятенька родной:
«Придетъ полая вода,
«Унесетъ тебя съ собой».
У Параши *) сердце чуетъ;
Въ цѣликѣ **) Гришка ночуетъ.
Парашенька рыскала,
Своего Гришеньку искала.
«Ахъ намъ пятница приходитъ,
«Намъ солому набивать:
«Надо въ Ландахъ побывать».
Не солому продавать,
Надо тятю повидать.
Онъ пріѣхалъ на гору
Ко Цареву кабаку.
Ребятеночки гуляли
И ледянки вырубали,—
Тутъ Платошу ***) увидали,
Всѣ домой понабѣжали
И отцамъ поразсказали,
Гдѣ Платошу увидали.
На немъ шапочка съ кистямъ,
А за нимъ домой съ вѣстямъ.
На широкій его дворъ
Наѣзжаетъ становой.
Ему рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
Во Владиміръ повезли,
Во Владимірской острогъ
Посадили на годокъ.
«Я не стану годъ сидѣть;
Въ палачи я поступлю,
Свою мать я засѣку».

Мѣстами въ этихъ пѣсняхъ мы замѣчаемъ какое-то необыкновенно-легкое отношеніе къ преступленію, а иног-

*) Параша, какъ говорятъ, была любовница Марцалева.

**) Въ цѣликѣ, въ сугмѣтѣ.

***) Платоша—сынъ убившій отца. Онъ ѣдетъ справляться о трупѣ на замерзшей рѣкѣ; но его тутъ застаютъ ребята, рубившіе ледъ, и слухъ объ убійствѣ распространяется.

да пѣсня сопровождается какимъ-то плясовымъ напѣвомъ, напримѣръ:

Ты лежи-ко, лежи, тятя,
Лежи, тятенька родной!

Подобное-же веселое и даже юмористическое отношеніе при описаніи преступленія мы находимъ и въ другой пѣснѣ, которая сложена про преступленіе въ нижегородской губерніи въ Городцѣ, преступленіе, даже, какъ видно, поразившее народное воображеніе.

Ужь какъ было въ Городцѣ
Въ самой улицы концѣ,
Какъ ни думать, ни гадать,
Убилъ сынъ родную мать;
Не святымъ убилъ онъ духомъ,
А простымъ ее обухомъ.

Далѣе описывается, какъ убійца стащилъ трупъ въ полынью, привязалъ камень и „браннымъ словомъ прикрѣпилъ“.

Здѣсь, моя родная мать,
Будешь вѣчно ты лежать;
Ты лежи, родная мать:
За тебя буду страдать.

Затѣмъ описывается съ фотографическою точностью, какъ убійца затираетъ кровавыя пятна чернилами, ломаетъ сундуки, покупаетъ ведро вина и приглашаетъ пріятелей кутить. Замѣчательно, что, несмотря на внѣшнія подробности, въ этихъ пѣсняхъ ни слова не поминается о мотивахъ преступленія; во всѣхъ пѣсняхъ преступникъ обыкновенно винитъ, какъ причину своего несчастія, разныя косвенныя обстоятельства и постороннихъ лицъ, но никогда себя. Такъ въ одной пѣснѣ онъ жалуется, что „загубила молодца чужа дальня сторона, макарьевска ярмарка“, въ другой винитъ „тестя подле-

ца", „мачиху лихую и женёнку молодую" (въ пѣснѣ саратовскаго арестанта). Наконецъ въ пѣснѣ владимірской сынъ винитъ мать, которая подбила его убить отца и т. д. Особенной драматичности и грусти въ пѣснѣ о преступленіи мы рѣшительно не замѣчаемъ. Напротивъ всѣ эти пѣсни поются въ народѣ хоромъ; мотивъ ихъ— живой и веселый. Въ мотивахъ этихъ пѣсенъ мы можемъ отгадать ихъ характеръ только развѣ при хорошемъ выполненіи ихъ и когда онѣ поются съ особеннымъ чувствомъ. Мы сошлемся на извѣстную музыку пѣсни про убійство на нижегородской ярмаркѣ.

«Какъ подъ липой, подъ липой
Стоялъ парень молодой».

Она поется хоромъ, съ присоединеніемъ бубна, скрипокъ и гармоній необыкновенно весело; но нельзя не замѣтить, что во всей пѣснѣ слышится тяжолое раздумье, мѣстами какая-то ноющая и разслабляющая тоска, которая то на минуту овладѣваетъ пѣсней подъ вліяніемъ описываемаго положенія, то быстро переходитъ къ самому-неудержимому веселью и разгулу, силящемуся подавить внутреннее чувство. Тѣмъ-же отличается пѣсня, какъ мы слышали, саратовская:

Толи чтоли, нутко чтоли!
Гулялъ молодецъ на волѣ,
Гулялъ молодецъ на волѣ,
А теперь онъ во неволѣ.

Она начинается самымъ разудалымъ и беззавѣтнымъ мотивомъ какъ-будто съ энергіей внезапно оживившагося и тряхнувшаго кудрями молодца, но вслѣдъ за этимъ этотъ разудалый мотивъ получаетъ какой-то унылый оттѣнокъ и постепенно падаетъ по мѣрѣ того, какъ „бѣдный мальчишка" описываетъ судьбу свою и приближается къ описанію наказанія. Поэтому едвали въ подобныхъ пѣсняхъ

распѣваемыхъ съ громомъ и акомпаниментомъ торбановъ и тарелокъ, можно видѣть одну шумиху и пошлое извращеніе вкуса *). Въ нихъ пробивается своя музыкальная идея. Такое сочетаніе самаго забубеннаго веселья, сливающагося мѣстами съ ноющей грустью, въ русскихъ пѣсняхъ нерѣдко можно встрѣчать; оно придаетъ музыкѣ какую-то своеобразную прелесть и колоритъ: такіе контрасты, вѣроятно, всего-болѣе соотвѣтствуютъ вкусу народа и его темпераменту. Въ подобныхъ пѣсняхъ выражается какъ-будто стремленіе „закрутить горе веревочкой", „размыкать", „разгулять" его; потому-то, вѣроятно, слышатся въ нихъ иногда порывы къ самому бѣшеному и страстному разгулу, хотя въ тоже время истинное внутреннее чувство, невольно прорываясь въ пѣснѣ, выдаетъ надрывающее и щемящее сердце горе. Таково, можетъ быть, и есть свойство нашего національнаго горя **). Музыка острога поэтому заключаетъ свой смыслъ, а къ ея словамъ мы должны иногда снисходить, какъ къ обыкновеннымъ недостаткамъ либретто.

Но тюремная пѣсня не всегда страдаетъ нескладницей и носитъ печать писарской и лакейской поддѣлки. Это была только ея историческая переходная форма; поэзія тюрьмы быстро совершенствовалась. Это зависѣло отъ уровня образованія тѣхъ лицъ, которые сюда входили; въ числѣ терпящихъ наказаніе были вѣдь и образованные люди. Даже въ старинное время нѣкоторыя бродяжескія и тюремныя пѣсни отличались безукоризненной отдѣлкой по внѣшней формѣ и вѣрностью стиха, как извѣстная пѣсня, или скорѣе стихотвореніе.

Славное море—привольный Байкалъ, ***)
Славный корабль и кулевая бочка и т. д.

---

*) См. между прочимъ замѣчанія г. Максимова, ст. 380 т. I. Сибирь и каторга.

**) Мы увѣрены, что чуткіе къ народной пѣснѣ музыканты, какъ напр. г. Балакиревъ, нашли-бы въ такой пѣснѣ глубокій музыкальный смыслъ.

***) Помѣщена въ первый разъ у г. Грицко въ Современникѣ, также у г. Максимова.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ и стихотвореніяхъ, написанныхъ съ тщательной отдѣлкой, г. Максимовъ видитъ только искуственную подделку подъ арестантскій тонъ какого-нибудь „барина, который снизошолъ подаркомъ арестантамъ, подобно столичнымъ стихотворцамъ, пишущимъ стихи клубнымъ швейцарамъ и банщикамъ"; но, по нашему, только славянофильскія тенденціи этнографа и его воззрѣнія на народъ не позволили ему видѣть того важнаго явленія, что въ тюрьму проникали съ теченьемъ времени лучшіе элементы, лучшій вкусъ,—въ тюрьму попадали и болѣе развитые люди, и лучшія книги современной литературы. Хоть случайно, но заносились сюда и были извѣстны арестантамъ произведенія Пушкина, особенно „Братья Разбойники" (ихъ декламируютъ поселенцы), стихотворенія Кольцова, романсы Варламова, и т. п. Извѣстно, по свидѣтельству очевидца, что когда вышелъ „Мертвый Домъ" Достоевскаго, въ одной тюрьмѣ онъ былъ выученъ наизусть; въ другомъ замкѣ мы встрѣтили пожертвованную какимъ-то старымъ чиновникомъ, за ненадобностью ему, библіотеку лучшихъ современныхъ журналовъ, которую арестанты читали и перечитывали, и многое даже выучили наизусть; наконецъ у арестантовъ въ послѣднее время распѣвались даже стихотворенія Михайлова изъ тюремной жизни, который не писалъ стиховъ для банщиковъ. Все это доказываетъ, что лучшіе вкусы проникали къ арестантамъ непосредственно путемъ литературы. Они постепенно освоились съ Пушкинской, Лермонтовской и Кольцовской поэзіей; она имъ нравилась и проникала въ ихъ среду; такимъ образомъ подъ вліяніемъ литературы могла улучшаться и острожная пѣсня,—могли выработываться произведенія болѣе совершенныя, чѣмъ мѣщанско-писарскія.

На каторгѣ въ прежнее время писались стихотворенія, складывались легенды, сатиры и т. п. языкомъ чисто книжнымъ; порывшись въ преданіяхъ каторги, можно было-бы отыскать ихъ не мало. Вотъ напримѣръ, образчикъ, ко-

торый намъ случилось найти: это—описаніе одного изъ старыхъ событій прежней каторги, неизвѣстно-кѣмъ написанное стихами въ сатирическомъ родѣ. Въ этомъ стихотвореніи видно настолько-же вліяніе современнаго сатирическаго стиха и склада, какъ и слѣдъ самороднаго арестантскаго элемента и его образа выраженія. Въ тоже время эта арестантская поэма можетъ служить доказательствомъ для нашихъ этнографовъ, какъ въ самыхъ насмѣшливыхъ и забавныхъ народныхъ стихахъ можетъ заключаться самая трагическая сторона жизни. Вотъ это описаніе событія на каторгѣ, можетъ быть, нѣсколько и преувеличенное въ стихахъ. Мы осмѣливаемся его представить потому, что оно нынѣ уже составляетъ историческую древность, такъ-какъ это случилось лѣтъ 20 слишкомъ тому назадъ, слѣдовательно не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ положеніемъ каторжныхъ. *)

Историческая Быль 18 . . . года.

Какъ въ недавнихъ-то годахъ,
На каринскихъ промыслахъ
Царствовалъ Иванъ,
Не Васильевичъ царь грозный,
Инженеръ былъ это горный
Р. . . . . . въ сынъ.
Въ наказанье сего края
Его бросило съ Алтая,
Видно за грѣхи.
Онъ съ начальнаго вступленья
Генералу донесенье
Сдѣлалъ отъ себя:
«Кара-рѣчка такъ богата,—
Въ одинъ годъ пудовъ сто злата
Я берусь намыть.»

---

*) Объ этомъ событіи на каринскихъ промыслахъ, гдѣ въ одно время было согнано множество каторжныхъ и гдѣ они умирали отъ голода и тифа, говорится и у г. Максимова См. Сибирь и каторга, част. III Исторія каторги.)

Имъ представлена и смѣта,
И съ весны того-же лѣта
Начался покосъ.
Со всѣхъ рудниковъ, заводовъ,
На турецкихъ какъ походахъ,
Партіями шли.
Лишь вода въ Карѣ открылась,
Тысячь пять зашевелилось
Рабочихъ людей.
Р. . . . въ всѣхъ ласкаетъ,
Всѣмъ награду обѣщаетъ,
Кто будетъ служить.
За тюрьмою и за пищей
Онъ слѣдилъ какъ гривны нищій:
Спасибо ему!
Въ службѣ строгій введъ порядокъ:
Каждый дѣлалъ безъ оглядокъ
Что бъ ни приказалъ.
Но заглянемъ мы въ разрѣзы,
Гдѣ текли ручьями слезы,
Въ мутную Кару.
На разрѣзѣ соберутся,
Слезой горькою зальются,
Лишь примутъ урки.
Попадетъ сажень другая,
Одна галька лишь сливная,
А урокъ отдай!
Не беретъ ни клинъ, ни молотъ,
А къ тому-жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ.
Сильно машины гремѣли,
А толпы людей рѣдѣли,
Мерли на повалъ.
Съ кого рубль, полтину взяли
И работу задавали
Въ половину тѣмъ.
Но хоть духъ сейчасъ изъ тѣла,
Имъ какъ-будто нѣтъ и дѣла,
Если кто не дастъ.

Какъ работы работали,
Зарывать не успѣвали
Мертвыя тѣла.
Всяку ночь къ бѣлу разсвѣту,
И съ работы, съ лазарету
Убыль велика.
Трупы тѣ въ амбаръ таскали
И въ полѣнницы тамъ клали
На обѣдъ мышамъ.
Да и мертвыхъ уже клали
Не въ гроба, а зарывали
Просто безъ гробовъ.
Оказалося, что власти (горныя)
При такой большой напасти
Спутались совсѣмъ.
Мертвыхъ въ табель отмѣчали,
Содержанье назначали,
А живыхъ долой.
Тюрьмы смотритель К . . . . . въ
На умершихъ удальцовъ
Получалъ провьянтъ.
А кап. . . . . . . и комисары
Мертвыхъ, какъ живыхъ, писали «выдана даба» *)
За работою слѣдили,
А въ ключевкѣ положили
Тысячи больши.
Кто съ печали, кто съ заботы,
Больше съ тягостной работы...
Вѣчный имъ покой!
Положенья не нашли,
До 3000 схоронили....
Вотъ были года!

Такія стихотворенія были не рѣдкость въ каторгѣ. Тѣмъ-же размѣромъ мы нашли описанными и другія событія каринскаго промысла, также какъ и восхваленія

*) Бумажная матерія.

добраго начальника, прибывшаго вслѣдъ за извѣстнымъ Раз—вымъ. Но литература каторги даже и на этомъ не остановилась; у ней явились еще лучшіе образчики. Что тюремная поэзія въ послѣднее время выкладывалась уже въ новыя формы языка, доказательствомъ тому могутъ служить произведенія другого каторжнаго поэта, — не какого-нибудь барина, а человѣка, недалеко ушедшаго отъ народа. Людей, обладавшихъ нѣкоторыми поэтическими талантами, бывало, конечно, и прежде немало въ каторгѣ, но они выражали свою жизнь въ старой поэтической формѣ, въ формѣ отсталой отъ просвѣщенныхъ классовъ; въ послѣднее же время начали появляться поэты, обладающіе совершенно безукоризненными формами стиха и подходящіе подъ уровень современной литературы. Образчики этого просвѣщенно-народнаго творчества очень любопытны. Мы въ этомъ случаѣ осмѣлимся привести стихотворенія каторжнаго поэта Мокѣева, котораго тетрадка намъ попалась въ Россіи. Объ этомъ поэтѣ упоминаетъ и г. Максимовъ въ описаніи каторги. *) Вотъ біографія этого поэта. Бѣдный Мокѣевъ пришелъ въ Сибирь по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи, въ которомъ онъ однако не участвовалъ. Онъ былъ купеческимъ сыномъ и буйно проводилъ свою молодость. При недостаткѣ денегъ, закутившись, онъ натолкнулся на какихъ-то негодяевъ, которые рѣшились совершить грабежъ на большой дорогѣ; во время предпріятія они въ борьбѣ убили свою жертву; Мокѣевъ былъ свидѣтелемъ и не донесъ, это и послужило поводомъ къ его ссылкѣ. Такая судьба не рѣдкость въ средѣ ссыльныхъ: множество замотавшихся купеческихъ сынковъ дѣлаются соучастниками преступленій, — и примѣровъ этому приведено много даже и въ нашихъ очеркахъ. Но Мокѣевъ, какъ видно, былъ изъ нихъ самый невиннѣйшій и наименѣе испорченный.

*) Сибирь и катор., ч. I с. 98, 99.

Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ глубоко кается въ своей веселой жизни во время молодости; самый кутежъ признаетъ онъ преступленіемъ; „я воръ; я воръ родного“, говоритъ онъ, намекая на свое мотовство. Родные и ихъ интересы остаются для него всегда священными. Пришедши въ каторгу, онъ работалъ на петровскомъ заводѣ и въ рудникахъ на Корѣ. Здѣсь-то онъ и проявилъ свой поэтическій талантъ, посвятивши его описанію арестантской жизни, ея горю и страданіямъ, которыя онъ самъ раздѣлялъ съ другими. Участь его была обыкновенная, тяжолая-каторжная участь, какъ видно изъ стиховъ.

Вставалъ съ слезами на зарѣ,
Ложился спать въ заботахъ...

Окончивши срокъ, какъ видно изъ тойже его стихотворной біографіи, онъ пошолъ искать работы по Забайкалью, но,—какъ бѣдный ссыльно-каторжный вездѣ въ пренебреженіи, вездѣ въ загонѣ,—не могъ ничего добиться. Наконецъ его схватила общая болѣзнь всѣхъ поселенцевъ—„тоска по родинѣ“. Эта тоска, постоянная жалоба, и отчаянно-безнадежное положеніе ссыльнаго выражается во всѣхъ его стихотвореніяхъ.

Нѣтъ прошла, знать, жизнь моя;
Я свое отжилъ;
Хоть и на свободѣ я,
Но безъ всякихъ силъ.

И далѣе:

Я изгнанникъ родины;
Мнѣ не быть на ней.

Это ядовитое сознаніе невозможности увидать когда-нибудь родину, вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой скорби и раскаянія за свою молодость, все-болѣе и болѣе растравляло жизнь этого человѣка. Мокѣевъ ударился подъ вліяніемъ этой тоски въ запой; онъ блуждалъ по горо-

дамъ, по базарамъ, прося милостыни,—какъ разсказываетъ самъ,—валялся въ больницѣ, должно быть, въ бѣлой горячкѣ, и жизнь смололась. Стихотворенія его начали мельчать; въ нихъ онъ началъ себя выставлять забитымъ, униженнымъ и смотавшимся безнадежно. Г. Максимовъ засталъ этого, по виду скромнаго и тихаго человѣка, въ безнадежныхъ запояхъ. Несмотря на то, что онъ иногда получалъ деньги отъ родныхъ, что неразъ пристраивался къ мѣсту у сибирскихъ купцовъ, которыхъ онъ мѣстами воспѣваетъ, онъ не могъ однако до послѣдняго времени ужиться въ Сибири. Онъ постоянно терзался мыслью, что „отца, брата, мать родную долженъ схоронить въ живыхъ", т. е. не видать, „забыть подругу дѣтства" и т. д.; онъ рѣшилъ, что нѣтъ ему мѣста въ чужой сторонѣ, нѣтъ крова, и эта мысль постоянно его преслѣдовала. Такимъ образомъ Мокѣевъ былъ чисто-ссыльнымъ поэтомъ; онъ не только изображалъ каторгу въ прежней ея формѣ съ каторжнымъ житьемъ простого человѣка, но онъ испытывалъ всю участь поселенца въ Сибири, смотрѣлъ на жизнь глазами ссыльнаго, испытывалъ всѣ его чувства, всѣ муки и всю раздирающую боль изгнанія. Поэтому всѣ произведенія его проникнуты глубокою жизненною правдою. Въ тоже время этотъ арестантскій поэтъ, вышедшій изъ народной среды и писавшій для простого народа, какъ видно, уже находился подъ обаяніемъ новой литературы; у него видно близкое подражаніе Пушкину, Лермонтову, Жуковскому, Полежаеву и Кольцову. Стихъ его до того близокъ къ этимъ поэтамъ, что иногда рѣшительно невозможно отличить его подражаній отъ оригиналовъ, но рядомъ съ этимъ перемѣшиваются и стихи, напоминающіе складъ прежней арестантской пѣсни и ея арестантскій языкъ. Точно также на ряду съ прекрасными и выдержанными стихотвореніями у него попадаются лакейскія и писарскія вирши, имѣющія сюжетомъ—лесть благодѣтелямъ, прашиванье двугривеннаго, воззваніе къ водкѣ и т

Вотъ напримѣръ замѣчательное по безукоризненности стихотвореніе

Узникъ.

Что не вольная пташка въ клѣточкѣ,
И не робкая рыбка въ неводѣ,
Груститъ молодецъ въ тюрьмѣ каменной
За желѣзною за рѣшоточкою.

Послѣ горькихъ слезъ, послѣ мрачныхъ думъ
Добрый молодецъ вспомнилъ родину,
Вспомнилъ юные дни невозвратные,
Когда жилъ еще съ отцомъ съ матерью.

Ахъ, ты молодость, жизнь прошедшая,
Жизнь прошедшая—подневольная!
Ты успѣла лишь обольстить меня
И сокрылася за сини—моря.

Для кого-же я по ночамъ не спалъ?
Кому сыпалъ я серебро-золото?
Не тебѣ ли я буйной-вѣтреной
Платилъ дань, неразъ почти жизнью?

Такіе стихи острожнаго поэта напоминаютъ вполнѣ стихи Кольцова и Полежаева, напр. стихотвореніе „У меня ли молодца ровно въ двадцать лѣтъ, со бѣла лица спалъ румяный цвѣтъ и т. д.

Подобными-же стихами поэтъ описываетъ самую жизнь арестантской среды. Таково напримѣръ описаніе предчувствія арестанта предъ наказаніемъ. Въ этомъ же стихотвореніи необыкновенно вѣрно изображено прежнее наказаніе, извѣстное подъ именемъ „Зеленой улицы“, столь часто встрѣчающееся въ арестантскихъ стихотвореніяхъ и взятое тюремнымъ поэтомъ, вѣроятно, изъ живыхъ разсказовъ, если не самимъ испытанное.

*9

Ночь предъ наказаніемъ.

Мѣсяцъ въ небѣ возвѣстилъ
Часъ полуночи глубокой
И случайно свѣтъ продилъ
Въ сводъ тюрьмы моей жестокой.
Грусть чугунною плитой
Налегла ко мнѣ на грудь,
И безъ страха я не могъ
Сердцемъ трепетнымъ вздохнуть.
Бьетъ полночь; никто ни слова;
Всюду спали крѣпкимъ сномъ;
Только окликъ часоваго
Раздавался подъ окномъ.
Вѣтеръ вольный, вѣтеръ сильный
По корридору шумитъ,
А сердце вѣщее дрожитъ
И будто ждетъ чего-то злого.
И на слова мои ни слова
. . . .
Мой часовой не говоритъ.
Проходитъ ночь; душа скорбитъ...
Разсвѣтъ мнѣ страшенъ, какъ могила.
Чего-же сердце такъ заныло?
Скажи, чего тебя страшитъ;
Скажи, чего тебя пугаетъ!

А вотъ и описаніе казни.

На мѣсто казни я пришелъ;
Со всѣхъ сторонъ толпы бѣжали.
Опрѣделенье мнѣ читали:
Четыре тысячи пройдти,
И вѣчно чтобъ въ Сибири хладной
Въ работѣ каторжной пробыть.
Я слышалъ приговоръ ужасный,
Потомъ, «Повзводно» — закричалъ
На офицеровъ батальонный.
Склоня я голову стоялъ,
Угрозы слушалъ я невнятно

Раздали палки по рядамъ,
Къ прикладамъ руки привязали,
«Дробь»—барабанщикамъ сказали;
Въ моихъ глазахъ померкнулъ свѣтъ.
Иду въ рядахъ; пощады нѣтъ;
Удары сыплютъ въ спину градомъ,
А я безъ чувствъ верчу прикладомъ.
Прошелъ 500,—ходить не могъ.
Неразъ меня сбивали съ ногъ,
Неразъ водой меня полили.
Начальникъ закричалъ: «Отбой»!
Тряслися ноги подо мной;
Дыханье я переводилъ;
Не-то былъ мертвъ, не-то былъ живъ;
Не зналъ, что дѣлалось со мной.
И долго въ забытьи я былъ...
Тогда лишь принялъ мало силы,
Когда мнѣ фельдшеръ кровь пустилъ
. . . .
Чрезъ часъ въ больницѣ я лежалъ;
За мной товарищи ходили.
Ни дня—ни ночи я не зналъ,
Не могъ сидѣть, не могъ ходить,
Съ трудомъ лишь могъ проговорить,
Чтобъ мнѣ рубашку намочили.

Это стихотвореніе, повидимому совершенно выдержанное, внезапно оканчивалось словами на манеръ арестантской пѣсни

Такъ десять дней ее мочилъ (рубашку)
И облегченье получилъ.

Много глубины чувства встрѣчаемъ мы въ стихотвореніяхъ Мокѣева, посвященныхъ его личнымъ воспоминаніемъ. Таково напр. описаніе чувствъ ссыльнаго при оставленіи родины. Стихотвореніе это начинается подраженіемъ Пушкинскому „прости, Москва“, мы его не вносимъ, но вотъ оригинальныя его строфы:

Послѣдній разъ «прости» родному
Пріюту долженъ я сказать,
Послѣдній разъ кресту златому
Приходской церкви долгъ отдать.

Сказавъ «прости», не тройкой мчаться
Мнѣ суждено по столбовой,—
Идти въ цѣпяхъ, душой терзаться
Съ полуобритой головой,

И на этапахъ въ казематахъ,
Въ сырой забившись уголокъ,
Мечтать о долѣ невозвратной
И слезы лить на злобный рокъ.

Прости отчизна, край отрадный!
Въ изгнанье вѣчно я рѣшонъ,
Туда, гдѣ ровсыпи ужасны,
Какъ башни, гдѣ хребты стоятъ,

Гдѣ нѣтъ невинныхъ развлеченій,
Равнинъ, украшенныхъ полей,
И гдѣ упреки и презрѣнья
Должно нести душѣ моей.

Тамъ буду жить съ подругой-скукой,
Вдали отъ милыхъ, сиротой,
Съ воспоминаньемъ и разлукой.
Страдать въ работѣ вѣковой!

Вотъ-какъ авторъ изображаетъ судьбу свою въ ссылкѣ.

Изъ жизни ссыльнаго.

За преступленье я лишонъ
Отечества святого,
И нить влачится бытія
Среди чужого крова.

Чужіе нравы и народъ...
Обычай встрѣтилъ новый;
Не тотъ лазурный небосклонъ
И климатъ ужъ суровый...

Въ Петровскомъ былъ заводѣ
Въ тяжолыхъ я работахъ,
Вставалъ съ слезами на зарѣ,
Ложился спать въ заботахъ.

Въ тюрьмѣ сидѣть и вольно жить.
Тянулся годъ за годомъ.
Надежды я похоронилъ
Подъ чуждымъ неба сводомъ.

Тянулись такъ пятнадцать лѣтъ.
Надежда появилась,
Мелькнулъ погасшей жизни свѣтъ,
Свобода мнѣ открылась.

Я взялъ билетъ и съ нимъ пошелъ,
Летѣлъ я вольной птицей,
Съ нимъ проходилъ хребты и долы
Станица за станицей.

Кудажъ, зачѣмъ? и самъ не зналъ;
Тащился я усталый.
Нигдѣ привѣтъ меня не ждалъ
Въ одеждѣ обветшалой.

Войдешь въ станицу и съ трудомъ
Ночлегъ найдешь съ привѣтомъ,
Въ другой всю ночь изъ дома въ домъ
Проходишь до разсвѣта.

Глядятъ съ презрѣньемъ на меня;
Не видно сожалѣнья,—
И часъ отъ часа, день отъ дня
Я чуждый сталъ терпѣнья.

Не милъ и божій свѣтъ мнѣ сталъ
И въ тягость увольненье,
Я шолъ впередъ и разсуждалъ:
«Ахъ, гдѣ стряхну мученье!»

В деревнѣ жить, пахать, косить
Отъ роду я не знаю,
Снопы вязать и молотить
Совсѣмъ не понимаю.

Далѣе мы извлекаемъ слѣдующія лучшія строки, гдѣ поэтъ жалуется на бѣдность.

О бѣдность, бѣдность, недругъ злой!
Твоя волшебна сила,
Ты сколько геніевъ, съ тобой
Сроднившихся, сгноила!

Орелъ паритъ до облаковъ.
Чей взоръ съ его сравнится?
Подрѣжь крыло,—онъ останови,
Не та ужъ будетъ птица:

Онъ вмѣстѣ съ курами живетъ
И съ робостью шагаетъ;
Сердитый гусь его клюетъ;
Пѣтухъ его пугаетъ.

Такая-жъ доля бѣдняка:
Онъ вянетъ въ самомъ лѣтѣ,
Когда могучая рука
Сжимаетъ его въ свѣтѣ.

Въ этомъ хотя и не совершонномъ стихотвореніи вполнѣ вѣрно рисуется судьба поселенца въ Сибири, который не знаетъ, куда дѣваться, которому Сибирь противна, люди и мѣстность чужды, и гдѣ ему, по полученіи свободы, становится „немилъ божій свѣтъ" и „въ тягость увольненье".

Поэзія Мокѣева въ этомъ случаѣ превосходно изображаетъ поселенческое или ссыльное міросозерцаніе. Антипатія его къ Сибири, какъ къ странѣ ссылки, проявля-

ется у него вездѣ; поэтъ изображаетъ ее „холодной“ и „ужасной“; онъ видитъ здѣсь

Не тотъ лазурный небосклонъ
И климатъ ужъ суровый,

хотя Забайкалье въ южной Сибири и отличается мягкимъ и прекраснымъ климатомъ. Поэтъ говоритъ, что онъ осужденъ

Туда, гдѣ розсыпи ужасны, —
Какъ башни, гдѣ хребты стоятъ,
«Гдѣ люди, какъ звѣри, опасны
«И правыхъ безъ вины винятъ».

Несмотря на то, что въ своихъ стихахъ онъ воспѣваетъ гостепріимство и покровительство многихъ благодѣтелей изъ сибирскихъ жителей,—взглядъ на Сибирь и сибиряковъ у него остается озлобленнымъ. Нравы ему крайне чужды и противны; „чужіе нравы и народъ, обычай встрѣтилъ новый“, пишетъ онъ. Его поражаетъ, напримѣръ, карымскій *чай* или *ватуранъ* (чай съ масломъ, молокомъ и солью), который употребляютъ жители Забайкалья. „Я все привыкъ переносить“—говоритъ ссыльный,

Но не могу сносить я муки:
Карымскій чай съ кумиромъ пить.

Ссыльному все кажется дико и глупо; все его мучитъ, даже „карымскій чай“; вся Сибирь для него какъ-будто только одинъ коринскій рудникъ, окруженный хребтами. Въ своей ненависти къ странѣ ссыльный поэтъ доходитъ даже до того, что влагаетъ свое чувство вѣтру, который говоритъ:

Опредѣленъ былъ небесами
Я парусъ въ море навѣвать;
Мнѣ душно здѣсь между горами
Въ Сибири хладной завывать.

А потому вѣтеръ также хочетъ въ край родной, какъ и ссыльный. Такая черта въ высшей степени характерна. Подобныя чувства наполняютъ всѣхъ поселенцевъ въ Сибири. Мѣсто изгнанія всѣмъ имъ одинаково противно. У поэта присоединяется къ этому бѣдственнее положеніе, бѣдность и наклонность къ крѣпкимъ напиткамъ. Онъ также не умѣлъ, какъ всѣ поселенцы, въ деревнѣ жить, пахать, косить, снопы вязать и молотить"; зато тѣмъ неудержимѣе влечотъ чувство поэта къ воспоминаніямъ и къ родной мѣстности. Съ необыкновенно-теплымъ чувствомъ онъ обращается къ нимъ.

Я описалъ-бы все полнѣй
И въ рифмѣ больше бы явилось,
Когда-бъ спокойствіе ко мнѣ
Хотя на мигъ бы возвратилось,

Хотя на мигъ бы могъ забыть
Родимый край и кровъ священный,
Или *надеждою* могъ жить,
Въ глуши Сибири отдаленной.

Да, мнѣ надеждъ счастливыхъ нѣтъ.
Прости, прелестное былое!
Знать, прежнихъ дней и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное.

Эта безнадежность ссылки именно и составляетъ самыя-жгучія страданія ссыльнаго въ Сибири. Вотъ прекрасныя поэтическія строфы, навѣянныя этими-же чувствами:

Какъ-же мнѣ не грустить
О прошедшей веснѣ?
Мое сердце болитъ
О родной сторонѣ.

Оглянусь я въ ту даль,
Даль глубокую,
Гдѣ дѣвицу любилъ
Черноокую,

Въ золотѣ кудрей
Цѣловать-миловать,
И слезинку съ очей
Пить, какъ нектаръ святой.

Я могу не грустить
Лишь въ забвеньи одномъ;
Научите-жъ забыть
О быломъ, о родномъ!

Это стихотвореніе даже безукоризненно-прекрасно. Наконецъ вотъ еще стихотвореніе, замѣчательное по выработанной формѣ стиха, написанное въ видѣ эпитафіи арестантамъ и, какъ видно, относящееся къ тому старому времени, когда для преступниковъ еще не было отмѣнено тѣлесное наказаніе:

Спите, трупы, подъ землею,
Сонъ вашъ крѣпокъ и глубокъ;
Ни съ несчастьемъ, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ.
Мать сыра земля—защита
Вамъ отъ гибели прямой;
Ею ваша грудь закрыта;
Вы не встрѣтитесь съ бѣдой.
Недоступны вамъ раздоры,
Стонъ не встрѣтитъ васъ ничей;
Тамъ не встрѣтятъ ваши взоры
Кнутъ и грозныхъ палачей.

Подобныя стихотворенія ясно показываютъ, до какого совершенства уже достигла поэтическая форма въ арестантско-народномъ творчествѣ.

Такими стихами пушкинско-лермонтовскаго склада описывалась судьба простого арестанта, его горе и несчастія, и эти стихи составляли исключительное достояніе каторги. Арестантская среда показала этимъ, что она

можетъ не только давать даровитыхъ поэтовъ, занесенныхъ сюда несчастіемъ, но и понимать прелести новаго литературнаго стиля и быстро осваиваться съ нимъ.

На переходъ старой русской народной пѣсни къ новому, хотя и неудовлетворительному стилю, нельзя поэтому смотрѣть какъ на регрессъ и на утрату поэтическаго чутья въ народѣ, какъ увѣряли славянофилы, а за ними утверждаетъ и г. Максимовъ. Неудовлетворительная стихотворная форма мѣщанскихъ, фабричныхъ, солдатскихъ, писарскихъ, лакейскихъ, а затѣмъ и арестантскихъ пѣсенъ есть только первая подражательная форма новой литературной поэзіи. Это, такъ сказать, только пѣна, пробиваемая въ народной жизни изъ просвѣщенныхъ слоевъ общества, за которою должны слѣдовать болѣе чистыя волны, приносящія ей вполнѣ выработанный литературный стихъ — наслѣдство лучшихъ поэтовъ. Центръ просвѣщенія, моды, иниціативы находится теперь въ просвѣщенныхъ классахъ общества; отсюда постепенно распространяется цивилизація, охватывая разные слои народа и ассимилируя въ себя его лучшія силы. Народъ перестаетъ нынѣ жить своею самобытною, замкнутою жизнью, какъ прежде. Пропасть, отдѣляющая его отъ просвѣщенныхъ классовъ, все болѣе уменьшается; поэтому складъ просвѣщенной жизни, привычки, нравы, литературный языкъ и литературная форма поэзіи должны все болѣе проникать въ него. Что теперешняя подражательная поэзія есть только переходная форма и что народъ готовъ перейти къ формамъ языка и поэзіи, выработаннымъ нашею литературою, при первой возможности, — это доказывается исторіею острожной пѣсни и тюремнаго творчества. Затѣмъ не столько нужно печалиться о томъ, что нашъ народъ оставляетъ древне-русскія формы поэзіи, сколько содѣйствовать его переходу къ новѣйшимъ образцамъ, для чего необходимо дать ему поскорѣе возможность познакомиться съ сокровищами нашихъ лучшихъ поэтовъ. Дай только Богъ, чтобы въ

новыхъ формахъ, народъ могъ выражать лучшія и болѣе-отрадныя явленія своей жизни, чѣмъ тѣ, которыя отмѣчены въ оканчивающей свое существованіе арестантской пѣснѣ.

VIII.

Исторія тюремной общины и ея общинныя учрежденія.

Изъ исторіи какъ россійскихъ, такъ и сибирскихъ остроговъ видно, что жизнь здѣсь давнымъ-давно течетъ помимо офиціальнаго, основаннаго на буквѣ, устава. Общинная жизнь острога проложила новое себѣ русло и крѣпко утвердилась въ немъ. Уставы остаются сами по себѣ, а жизнь течетъ сама по себѣ, такъ-что между ними часто нѣтъ ничего общаго. Какъ сложилось это самостоятельное арестантское житье и какую роль въ этой перемѣнѣ играло острожное начальство? — Такіе вопросы я задавалъ себѣ долго, до тѣхъ поръ, пока не понялъ, что въ острогѣ никакихъ уставовъ и никакого начальства нѣтъ, кромѣ „*острожной общины*", вполнѣ подчинившей себѣ жизнь отдѣльной личности. Союзъ арестантовъ возникалъ въ каждомъ мѣстѣ заключенія, обусловленный одинаковостью положенія преступниковъ, потребностью самозащиты и достиженія разныхъ льготъ. Каждый входившій въ острогъ преступникъ примыкалъ въ корпораціи такихъ-же несчастныхъ, какъ и онъ самъ. Постепенно оріентируясь въ новой средѣ, связывая себя съ интересами и жизнью острога, онъ невольно дѣлался изъ обыкновеннаго гражданина, крестьянина, мѣщанина или солдата *арестантомъ*, т. е. членомъ острожной семьи. Въ острогѣ онъ находилъ себѣ новую среду, гдѣ встрѣчалъ сочувствіе своему горю, пріобрѣталъ друзей, помощниковъ и учителей; скоро онъ отрекался отъ всякаго другого общества, кромѣ острожнаго, и безвавѣтно от-

давался своимъ новымъ братьямъ и союзникамъ. Еще тѣснѣе связь и союзъ арестантскій скрѣплялись въ сибирскихъ острогахъ, наполненныхъ ссыльно-каторжными и бродягами: такіе люди чувствовали еще больше солидарности; ихъ взаимные интересы были еще прочнѣе: они были уже кастою или сословіемъ въ средѣ другихъ людей. Для нихъ острогъ становился центромъ жизни, мѣстомъ сбора, исходнымъ и конечнымъ пунктомъ жизни; для однихъ—онъ былъ гаванью, гдѣ они отдыхали отъ побѣговъ, для другихъ,—тяжкихъ преступниковъ,—вѣчнымъ жилищемъ, для третьихъ — мѣстомъ, гдѣ они перебываютъ за преступленія десятки разъ.

Какъ ни печально положеніе людей, осужденныхъ на безвыходное заключеніе въ тюрьмѣ, но такою жизнью у насъ жили тысячи бродячаго и ссыльнаго люда, все-таки предпочитавшаго острогъ голодной смерти. Понятно поэтому, что эти люди, проводя здѣсь цѣлые года, переживая изъ поколѣнія въ поколѣніе, должны были тѣснѣе сплотиться, создать себѣ свою собственную, болѣе свободную жизнь, выступившую изъ тѣсныхъ рамокъ казеннаго устава. Такимъ-образомъ устроился арестантскій союзъ.

Путемъ долгой и опасной борьбы сложилась арестантская община и сформировала условія, нравы и обычаи своей жизни. Она подчинила все своей волѣ и стала полновластнымъ хозяиномъ острога. Затѣмъ она установила извѣстныя отношенія между членами своего общества, гарантирующія какъ права отдѣльной личности, такъ и управленіе общественными дѣлами. Такимъ-образомъ временной союзъ, вызванный борьбой съ подневольнымъ и горькимъ житьемъ, превратился въ организованную общину, которая создала себѣ самоуправленіе, свое законодательство, свое хозяйство и развилась въ стройныя, опредѣленныя формы съ своеобразнымъ общественнымъ типомъ. Установленіе общественныхъ законовъ на началахъ справедливости и обоюдныхъ выгодъ казалг

бы невозможнымъ въ средѣ нравственно-падшихъ людей, а между тѣмъ тутъ есть и чувство справедливости, и глубокое состраданіе къ ближнему. Но еще поразительнѣе самый строй этой общины, основанный на строгой равноправности и взаимности. Творцомъ ея былъ русскій простолюдинъ; поэтому въ складѣ ея отразился тотъ же духъ *общинной* жизни, какимъ отличается русскій народъ во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности, когда онъ дѣйствуетъ самобытно. Составъ этой общины и духъ соціальнаго интереса, поглощеніе ею личности, остроумныя общинныя установленія, равномѣрное распредѣленіе правъ, обязанностей и повинностей, — все въ ней носитъ печать народнаго таланта и міросозерцанія. Въ этомъ случаѣ она есть такое же порожденіе русской жизни, какъ артель, крестьянская община, міръ, вѣче, казацкіе круги и другія подобныя явленія.

Острожная община создалась не разомъ; она вырабатывалась вѣковою жизнью арестантства и имѣла свою исторію. Каждая община отдѣльныхъ остроговъ сначала самостоятельно завоевывала права свои, вела борьбу, запасалась опытомъ, организовалась, создавала свои правила и самоуправленіе. Понемногу эти пріемы борьбы, какъ арестантскій опытъ и арестантскія установленія, созданныя обычаями, переходили отъ общины къ общинѣ, ассимилировались острогами, обобщались и усвоивались ими. Бродячіе ссыльные арестанты, бѣгло-каторжные и другіе вѣчные обитатели остроговъ, то идя въ Сибирь, то снова возвращаясь въ Россію, были всегда живыми резервуарами острожнаго опыта, распространителями острожной науки, дѣятельными проводниками идей арестантской общины; піонерами и учителями арестантской независимости. Въ продолженіе своей жизни они дѣятельно поддерживали знакомства и сношенія съ сотоварищами по разнымъ острогамъ; поклоны, порученія, посланія, извѣстія постоянно переносились ими отъ общины къ общинѣ, отъ острога къ острогу. Въ самыхъ отдален-

ныхъ углахъ рудниковъ арестанты не упускали изъ виду своихъ знакомыхъ; ссылка и скитанія не раздѣляли ихъ, а скорѣе связывали; по сибирскимъ этапамъ, по острогамъ они узнавали, гдѣ кто находится, и неразъ встрѣчались въ жизнь свою со многими какъ въ бродяжествѣ, такъ на поселеньи и въ каторжномъ заводѣ. Въ каждомъ острогѣ можно видѣть, съ какимъ любопытствомъ разспрашивается каждый пересыльный или бродяга о томъ, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ. Бывалые арестанты и старые странники всегда встрѣчаютъ знакомыхъ или по крайней мѣрѣ толкуютъ объ общихъ пріятеляхъ. На этапахъ у арестантовъ существуетъ своего рода почта; каждый идущій въ какомъ либо направленіи арестантъ оставляетъ свой адресъ. Эти автографы, нацарапанные карандашомъ, углемъ, гвоздемъ или кирпичомъ можно встрѣтить на стѣнахъ всѣхъ пересыльныхъ замковъ и этаповъ, на верстовыхъ столбахъ сибирской дороги и на памятникѣ, отдѣляющемъ пермскую губернію отъ тобольской. „Прошелъ изъ Вологды мѣщанинъ Сергѣй Палтусовъ на вольное поселеніе“. „Максимъ Карташевъ изъ Тамбова въ каторгу на 6 лѣтъ *за любовъ*“. „Кланяюсь Михею Семенычу Бирюкову — бродяга Игнатій Непомнящій“. „Степанъ не забудь бѣднаго Микиту Безухова“. „Авдотья Горюнова ночевала здѣсь, но безъ милова“. Такими надписями украшены стѣны видѣнныхъ нами этаповъ, и по этимъ надписямъ послѣдующіе арестанты узнаютъ своихъ знакомыхъ и путь ихъ. Въ Сибири послѣ посѣщенія экспедиціи о ссыльныхъ, опредѣляющей мѣста поселенія, ссыльные по этапамъ записываютъ, для указанія позднѣе идущимъ товарищамъ, мѣста своего назначенія. Арестантскія сношенія такимъ-образомъ шли по всѣмъ захолустьямъ Россіи до самыхъ дальнихъ предѣловъ сибирской ссылки; такимъ путемъ арестантство браталось, дружилось, обмѣнивалось знаніемъ и сливалось въ одну общую, солидарную массу по мыслямъ и чувствамъ, выработывая сознаніе полнаго единства ар-

дились торги на майданъ, проектировались субсидіи палачу и обсуждался образъ поведенія въ отношеніи начальства. Община такимъ-образомъ является не только управляющею, но и опекающею арестантство. Она ограждаетъ своихъ членовъ отъ властей, защищаетъ ихъ отъ разныхъ непріятностей, гарантируетъ имъ спокойствіе и свободу занятій, наконецъ печется какъ о хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлахъ ихъ, такъ и о доставленіи имъ возможно-большихъ удобствъ въ острогѣ и взамѣнъ этого требуетъ отъ нихъ покорности ея приговорамъ, преданности ссыльному братству и арестантскому дѣлу. Она поставила закономъ, чтобы арестантскій интересъ стоялъ выше всего въ острогѣ, чтобы, находясь подъ одними условіями, всѣ арестанты стояли крѣпко другъ за друга, чтобы острожная тайна хранилась свято и съ врагомъ арестантства не было никакихъ связей.— Поэтому всякая измѣна арестантству и всякій доносъ начальству подлежатъ самому-безпощадному суду общины и грозной карѣ. Всякаго нарушающаго общественный интересъ, всякаго измѣнника и шпіона арестантство призываетъ предъ лицо общины и судитъ его на своей сходкѣ. И страшны, и грозны бываютъ эти сходки взволнованной и неукротимой общины. Арестантство кипитъ гнѣвомъ и бушуетъ, какъ море: наморщены грозныя лица; раздаются крики негодованія, взрывы угрозъ и мести; иногда даже выхватываются ножи... Предъ такимъ ареопагомъ предстаетъ преступникъ. Грозныя обвиненія и улики сыплются на него обвинителями; часто безъ оправданій онъ сваливается на полъ сильными ударами, и затѣмъ начинается бойня: его бьютъ всѣ разомъ страшно, безчеловѣчно. Если такого преступника не кончаютъ сразу, то онъ захвораетъ и умретъ послѣ. Наказанный не только не смѣетъ жаловаться, но онъ даже не смѣетъ идти въ больницу, чтобы не обнаружить своихъ судей; избитый, онъ безпрекословно ползетъ подъ нары. Таковъ терроръ этой общины. Арестантство не

затрудняется навязать шпіона и измѣнника даже и въ томъ случаѣ, если онъ находится подъ защитою и охраною начальства: его незамѣтно столкнуть съ лѣстницы, изобьютъ въ темнотѣ, пустятъ въ него изъ-за угла кирпичомъ, накроютъ *темной*, наконецъ умудрятся измять и перевернуть всѣ внутренности безъ всякихъ слѣдовъ на тѣлѣ. Смерть шпіоновъ—вещь обыденная въ нашихъ острогахъ. Доносчики на арестантовъ обыкновенно просятъ, чтобы ихъ отсаживали отдѣльно, но приговоръ острожнаго трибунала не минетъ ихъ нигдѣ: бывали случаи, что шпіону мстили уже послѣдующія поколѣнія арестантовъ, также-какъ иногда ушедшаго въ партіи шпіона преслѣдовали въ другомъ острогѣ. Въ виду такихъ строгихъ преслѣдованій, нѣтъ хуже обвиненій въ арестантской средѣ, какъ доносъ,—нѣтъ болѣе гнуснаго грѣха, какъ шпіонство за своими товарищами. Подозрѣніе въ „музыкѣ“, какъ называютъ арестанты это преступленіе, наводитъ ужасъ на обвиняемаго. По острожному и ссыльно-бродяжескому кодексу оно равносильно убійству. На самой-низкой степени паденія люди сохранили достаточно нравственнаго чувства, чтобы такое явленіе считать настолько-же противочеловѣчнымъ, какъ и отвратительнымъ. Создавши свой судъ, арестантство такимъ образомъ гарантировало себѣ безопасность всевозможныхъ занятій и ненарушимость тайны острога. Вмѣстѣ съ тѣмъ таже община выполняетъ и полицейскія функціи; она заботится сама о ненарушеніи порядка и въ крайнихъ случаяхъ употребляетъ свою власть и вмѣшательство. Всякія кражи, грабежи и обиды розыскиваются самой общиной или камерою обиженнаго; всѣ буйства и драки прекращаются самими арестантами; такимъ-образомъ въ хорошо-организованныхъ острожныхъ и каторжныхъ общинахъ начальство избавлено отъ всякихъ жалобъ и претензій, которыя иначе ему пришлось-бы разбирать тысячами: судъ общины вполнѣ замѣняетъ его.

Обезпечивъ себѣ невмѣшательство начальства

бодную, безопасную жизнь своимъ членамъ, община занялась устройствомъ повинностей, обязанностей и налоговъ. Извѣстно, что въ каждомъ острогѣ существуютъ, кромѣ обыкновенныхъ работъ. работы и службы общественныя, состоящія въ чисткѣ двора, содержаніи въ чистотѣ острога, корридоровъ, камеръ, ретирадныхъ, въ исполненіи обязанностей хлѣбопековъ, квасниковъ, поваровъ, водовозовъ, служителей при больницѣ, при секретныхъ и т. д. Такія повинности, конечно, должны падать равномѣрно на всѣхъ и исполняться по очереди; но въ общинѣ всегда находится много людей неспособныхъ, неумѣлыхъ, лѣнивыхъ, строптивыхъ, общественная служба которыхъ можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Для повара, хлѣбопека, квасника требуется умѣнье, для многихъ физическихъ работъ—сила; потому, налагая насильно на кого-либо такія обязанности, чтобы соблюсти очередь, можно было-бы остаться безъ пищи, безъ воды, безъ дровъ и услугъ.

Понимая это, община предпочла натуральную повинность замѣнить денежною. Каждый, входящій въ острогъ, обязанъ денежною податью. Этотъ налогъ распредѣляется равномѣрно, смотря по сословію, къ которому на волѣ принадлежалъ арестантъ. Бродяги платятъ въ артель 30 к., поселенцы 75 к., крестьяне и мѣщане 1 р. 50 к., съ купцовъ и дворянъ берутъ 2 и 3 р. *) Изъ такихъ взносовъ накопляется сумма для содержанія общественныхъ должностныхъ лицъ и для найма изъ арестантовъ поваровъ, водовозовъ, квасниковъ, хлѣбопековъ и другой прислуги, необходимой общинѣ. Натуральная повинность явилась обязательною только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ въ общихъ рабо-

---

*) Цѣны взноса измѣняются въ разныхъ острогахъ, смотря по населенію; на свободныя сословія налагается всегда больше, чѣмъ на поселенцевъ и бродягъ; бродяги пользуются особой привилегіей и платятъ иногда до 9 копѣекъ.

тахъ, гдѣ нужны усилія всего острога, или въ такихъ службахъ, за которыя денежнаго награжденія давать не стоило,—дневальныхъ, дежурныхъ по камерамъ, службы которыхъ выполняются по очереди. Наемъ и денежная повинность, допущенные въ демократической и равноправной острожной общинѣ, были полезны тѣмъ, что внесли раздѣленіе труда въ острогѣ, вознагражденіе за трудъ—и необременяли остальныхъ арестантовъ обязанностями въ противность ихъ силамъ и способностямъ. Вѣрный инстинктъ общины здѣсь превосходно разрѣшилъ одинъ изъ практическихъ вопросовъ жизни. Взявши на себя распредѣленіе повинностей, острожная община взяла на себя и управленіе всѣми хозяйственными и финансовыми дѣлами острога; для этого она выбрала своихъ агентовъ и свои органы. Для наблюденія за кухней и пищей, за порядкомъ раздачи хлѣба, порцій и подаяній, для распредѣленія работъ и повинностей, для веденія разсчотовъ по взносамъ и расходамъ общины, также-какъ и для представительства предъ начальствомъ, каждая арестантская община выбираетъ старосту и писаря. Староста является столь удобнымъ и необходимымъ членомъ въ организаціи острожной общины, что его существованіе признано даже самимъ начальствомъ. Поэтому въ каждой арестантской общинѣ, гдѣ бы она ни была, — въ острогѣ, въ дорогѣ, на этапѣ, въ обширной каторгѣ и миніатюрной чижовкѣ, всегда выбирается староста. Онъ — представитель исполнительной власти во всѣхъ арестантскихъ дѣлахъ; онъ-же довѣренный и адвокатъ арестантскихъ интересовъ предъ лицомъ начальства. Должность эта — выборная и избранное лицо несетъ ее до тѣхъ поръ, пока ему довѣряетъ община. За всѣ свои дѣйствія онъ отдаетъ отчотъ общинѣ, которая во всякое время можетъ смѣстить его и замѣнить другимъ; за дѣйствія же общины онъ не отвѣтственъ и служитъ только исполнителемъ ея приговорѣвъ. Онъ не управляетъ, но самъ подчиняется ей, и гдѣ

ковъ и торгашей самымъ-суровымъ налогомъ и самыми строгими условіями и тѣмъ убить въ корнѣ торгашескую монополію и злоупотребленія. Всякій лишній процентъ, взятый майданщикомъ съ бѣднаго арестанта, она признавала самымъ-безсовѣстнымъ налогомъ на него и считала долгомъ, въ видѣ налога на майданъ, возвращать его въ общую кассу арестантства.

Такимъ-образомъ то, чего добивались другія общества созданіемъ *потребительныхъ ассоціацій* и общественныхъ лавокъ, арестантская община создала у себя простымъ здравымъ смысломъ русскаго простолюдина.

Но, кромѣ суда, администраціи, податей и майдана, острожная община создала самое-солидное учрежденіе,— общественную кассу, приспособленную къ особому употребленію. Эта касса составлялась изъ сборовъ, вносимыхъ арестантами, изъ подаяній, изъ суммъ, платимыхъ за майданъ, и изъ всевозможныхъ источниковъ дохода. По важности своего значенія, касса составлялась изъ послѣднихъ грошей арестантовъ. Въ ссыльной общинѣ эта касса, кромѣ содержанія старосты, писаря и служителей острога, имѣла особый расходъ, который шолъ главнымъ образомъ на палача и на смягченіе приговоровъ. Расходъ этотъ вызванъ былъ тяжолыми условіями ссыльно-арестантской жизни въ прежнее время и выработанъ долгимъ арестантскимъ опытомъ, какъ и изученіемъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависѣла судьба всякаго подсудимаго, ссыльнаго и каторжнаго арестанта. Многочисленный опытъ судившихся и судящихся арестантовъ давалъ имъ надлежащія свѣдѣнія о чиновникахъ и писаряхъ низшихъ судовъ; знакомства съ писарями и съ чиновниками полиціи, въ родѣ письмоводителей, квартальныхъ и другихъ заводились весьма легко и доходили до интимности; поэтому наблюденіе за своимъ процессомъ и полученіе надлежащихъ свѣдѣній чрезъ писарей судейскихъ канцелярій и полицій было весьма обыкновеннымъ дѣломъ въ ссыльныхъ острогахъ стараго вре-

мени. Пятачки, гривеннички, двугривеннички отправлялись изъ арестантскихъ кармановъ въ карманы писцовъ въ земскихъ судахъ и полиціяхъ; но невсегда можно было ограничиться такой мизерной благодарностью; въ такомъ случаѣ являлась на помощь артельная касса. Писцы не оставались въ долгу, и въ арестантскихъ дѣлахъ являлись, конечно, незначительныя подчистки, поправки, дополненія заднимъ числомъ, иногда утеривались листы показаній и т. п.; также получались инструкціи, какъ давать показанія, какъ лучше вывернуться и т. д. Но процессъ оконченъ, наказаніе назначено и весьма тяжолое; надо обратиться къ исполнителю — къ палачу. Самый послѣдній арестантъ отдавалъ послѣдніе скопленные гроши на умилостивленіе грознаго исполнителя кары; бывали случаи, что для этого необходимаго расхода, который носилъ простое, но многозначительное названіе „на рогожку", бѣдный арестантъ продавалъ свой крестъ. Но далеко не всякій могъ пріобрѣсти или скопить необходимую на подкупъ сумму; тогда братская артель острога считала обязанностью помогать каждому бѣдняку, идущему подъ кнутъ, выдавая ему необходимую сумму изъ общественной кассы, предъ выполненіемъ приговора (въ нашемъ острогѣ каждому идущему къ наказанію артель выдавала рубль). Кромѣ этихъ единовременныхъ взносовъ, община платила палачу опредѣленное содержаніе. Палачъ, получающій отъ казны всего 3 рубля въ мѣсяцъ на прокормленіе, былъ, конечно, такимъ-же бѣднякомъ, какъ и всѣ арестанты; поэтому склонить его на сдѣлку было нетрудно, и въ каждомъ значительномъ острогѣ палачъ состоялъ на откупу у арестантовъ. Община давала ему отъ 6 до 10 рублей въ мѣсяцъ, кромѣ разныхъ подарковъ и экипировки. Въ расходахъ на палача община не жалѣла денегъ, цѣня всякіе расходы ни во что передъ человѣческимъ страданіемъ: палачи же, въ свою очередь, знали свою силу и свое значеніе въ острогѣ и потому не стѣснялись обирать арестантовъ.

Кромѣ жалованья, они не только поглощали бездну денегъ, но требовали постоянно подарковъ и раззоряли арестантовъ на свои прихоти. Требуя себѣ одежды, палачи часто получали не только сапоги, шапки, полушубки щегольскаго вида, но даже пары дорогого нѣмецкаго платья; на арестантскій счотъ они содержали любовницъ, пили вино и кутили напропалую. Палачъ, приходя изъ полиціи въ острогъ, являлся самымъ-почотнымъ гостемъ: онъ спаивался виномъ и угощался всевозможными лакомствами на счотъ артели; майданщикъ открывалъ для него весь свой майданъ. Понятно, что это былъ самый значительный, самый-тяжолый и самый-раззорительный налогъ на всю арестантскую артель; но, неся эту фатальную подать и примиряясь съ ней, арестантство требовало отъ палача обратной услуги. Исполняя приговоръ надъ арестантомъ, онъ обязанъ былъ жалѣть его, не бить жестоко, въ противномъ случаѣ лишался всякой арестантской субсидіи и община прерывала съ нимъ сношенія. Всю отвѣтственность предъ начальствомъ за легкое наказаніе онъ долженъ былъ нести на себѣ и не выдавать арестантовъ ни при какихъ обстоятельствахъ. А отвѣтственность была немалая и для палача, такъ-какъ за легкое и притворное наказаніе его взбучивали палками и розгами. Самопожертвованіе, на которое въ этомъ случаѣ обрекали себя палачи, конечно, въ свою очередь, не вознаграждалось никакими деньгами. Подвергая себя сплошь и рядомъ наказаніямъ, старые палачи сослужили вѣрную службу арестантской общинѣ. Они скоро усовершенствовались до того, что создали искуство бить только для вида и помощью фокусовъ производили оптическій обманъ для глазъ наблюдателей. Извѣстны разсказы о палачахъ, которые, подобно индейскимъ фокусникамъ, разбивали на спинѣ листъ бумаги, не разсѣкая кожи. Бывали однакожъ и такіе случаи, что палачъ вымогалъ у общины непомѣрныя субсидіи или не исполнялъ ея условій и начиналъ крѣпко наказывать арестантовъ. Проис-

ходила ссора и разрывъ съ нимъ. Тогда начиналась жестокая борьба; палачъ озлоблялся, мстилъ и высѣкалъ у арестантовъ требуемый налогъ, а арестантство, не поддаваясь хищническимъ претензіямъ, крѣпко стояло на своемъ и, терпя истязанія, силилось сломить и покорить палача своимъ терпѣніемъ. Рѣшившись дружно нести истязанія, не поддаваться на условія палача и не платить ему ничего, арестантство заставляло палачей идти на сдѣлку съ собою и соглашаться на условія общины. Палачъ такимъ-образомъ пасовалъ передъ силой и мужествомъ арестантскаго тѣла: руки его нѣмѣли предъ силою общины и, подкупленный артелью, этотъ врагъ и мучитель арестантовъ становился другомъ, защитникомъ своей жертвы и союзникомъ арестантства.

Но вліяніе общины этимъ еще не ограничивалось: не было случая, гдѣ бы она не являлась предупредительнымъ опекуномъ, попечителемъ и помощникомъ самому-бѣдному и задавленному своему члену; она оказывала ему массу разныхъ услугъ при помощи своего знанія, доставляла ему совѣтниковъ, учителей-юристовъ и соучастниковъ. Извѣстно, какъ важны для подсудимаго арестанта знанія уголовныхъ законовъ и всевозможныхъ лазеекъ во время судебнаго процесса. Это знаніе иногда давало возможность избавиться отъ каторги, плетей, — могло вывести изъ вѣчной могилы-тюрьмы — снова на свѣтъ божій и иногда даже перенести съ рудника на родныя поля своей „Расеи". Поэтому понятно, какъ каждый арестантъ нуждался въ такихъ свѣдѣніяхъ и совѣтахъ. Острожная община, въ лицѣ своихъ каторжныхъ старѣйшинъ, въ лицѣ самыхъ-опытныхъ и бывалыхъ арестантовъ, давала мудрые совѣты молодымъ и неопытнымъ. Эти знанія были возведены у арестантства въ науку, и эта наука была плодомъ долгаго изученія, результатомъ сотенъ слѣдствій и уголовныхъ процессовъ, испытанныхъ разными бродягами и каторжными,—результатомъ горькихъ, тяжолыхъ опытовъ боровшагося и рисковавшаго

судьбой своей арестантства. Но не одни совѣты опытныхъ простолюдиновъ-арестантовъ могла давать подсудимому эта община: на помощь ему являлись самые-знающіе теоретики и практики-юристы, умудренные опытомъ приказные и посѣдѣвшіе юсы канцелярій, изучившіе всѣ лазейки Свода,—разные писаря, подсудимые и ссыльные чиновники, которые въ новую среду свою внесли весь свой жизненный опытъ, все знаніе и всю подноготную судейскаго и канцелярскаго дѣла. Всѣ эти учители научали арестанта, какъ вести себя во время процесса, какъ дѣлать показанія и какъ его выиграть. Въ тоже время собратья-арестанты давали подсудимому новое имя и званіе, а также и необходимыя свѣдѣнія, чтобы показаться на другое лицо, подъ именемъ котораго арестантъ и бродяга измѣнялъ свою участь къ лучшему *). Но, при случаѣ крайности, таже община дѣйствовала еще радикальнѣе въ спасеніи своихъ членовъ. Въ случаѣ совершенной безнадежности она давала средства своимъ собратьямъ совершенно избавиться отъ наказанія побѣгомъ. Побѣгъ, развѣ въ самыхъ-рѣдкихъ случаяхъ, совершался безъ вѣдома арестантства, и можно сказать положительно, что онъ не можетъ быть совершонъ, если этого не пожелаетъ община, и если, въ данную минуту, онъ повредитъ общему арестантскому интересу. Но другое дѣло, когда онъ вызывается необходимостью и опасностью собрата и возбуждаетъ естественное арестантское сочувствіе. Тогда община, считая его, по своимъ убѣжденіямъ, *законнымъ*, не только не препятствуетъ ему, но, вѣрная арестантскому интересу и принципу взаимной помощи, даетъ и свои услуги, и средства для его осуществленія. Собратья-арестанты подсадятъ бѣгущаго черезъ стѣну, спустятъ че-

---

*) Такой обмѣнъ именами между собою или изысканіе личностей, подъ именемъ которыхъ можно явиться, были постоянно цѣлью бродяжескихъ процессовъ.

резъ отверстіе ретирада, вывезутъ въ бочкѣ съ нечистотами въ поле (побѣги въ *парашѣ* особенно часто употребляются арестантами), отвлекутъ вниманіе часовыхъ въ другую сторону, собьютъ повѣрку во время тревоги, такъ-что караулъ станетъ внѣ возможности узнать, всѣ-ли на лицо и кого нѣтъ (это дѣлается перебѣганіемъ изъ камеры въ камеру, поддѣлкой чучелъ, подмѣномъ людей и т. д.), оттянутъ время розысковъ или направятъ ихъ въ другую сторону. Наконецъ, при общемъ содѣйствіи, побѣги устраиваются такимъ образомъ, что начальство не можетъ открыть даже путей, какими ушолъ арестантъ, также-какъ не можетъ хватиться бѣжавшаго очень долгое время *). Такая загадочность и тайна побѣговъ создала у насъ въ народѣ цѣлые мифы о чародѣйскихъ и волшебныхъ побѣгахъ многихъ знаменитыхъ разбойниковъ и преступниковъ съ помощью чашки воды, нарисованной лодки и тому подобнаго, которые междутѣмъ объяснились просто таинственной помощью арестантской общины. Общій уговоръ и взаимная помощь, конечно, имѣли еще болѣе значенія при общихъ побѣгахъ. Такимъ-образомъ, вслѣдствіе заговора разбѣгались съ заводовъ десятки каторжныхъ по одному крику въ разныя стороны, такъ-что конвою не было возможности пуститься въ погоню и приходилось ограничиваться спѣшной и неудачной стрѣльбой. Точно-также разбѣгались цѣлыя сибирскія партіи. Какъ продуктъ общаго заговора и со-

---

*) Какъ образчикъ такихъ побѣговъ, мы не можемъ не представить здѣсь характеристическій случай, бывшій у насъ въ острогѣ. Этотъ побѣгъ былъ произведенъ во время общихъ арестантскихъ работъ въ городѣ. Бѣглецъ имѣлъ подъ арестантской одеждой обыкновенный мѣщанскій костюмъ. Въ то время, когда начались работы, арестанты отвлекли часовыхъ притворной ссорой; пользуясь этимъ, бѣглецъ снялъ арестантскій халатъ, вышелъ на дорогу и пошелъ спокойно мимо часовыхъ. Арестанты кинулись къ нему, какъ къ вольному прохожему просить подаянія, но часовые отогнали этого благотворителя. Такимъ образомъ арестантъ ушолъ по волѣ часовыхъ и конвой никакъ не могъ догадаться, какъ онъ исчезъ.

муки не вырывали стона, въ сердцѣ котораго убито всякое чувство жалости, а несчастія заставили проклясть всякую любовь къ людямъ,—и онъ размягчился. Старое, забытое чувство охватило его; что-то сокровенное, святое, встало изъ озлобленной души, согрѣло и освѣтило этотъ мигъ прощанья. И онъ почувствовалъ и всю силу любви, связывавшей его съ общиной этихъ несчастныхъ, какъ онъ самъ, и всю силу грусти, разставаясь съ ними.

— Прощайте братцы! Приведетъ-ли Богъ еще видѣться... говоритъ въ раздумьи ссыльный арестантъ, прощаясь съ друзьями.

— Увидимся, увидимся, дружище; Богъ приведетъ еще и въ Расею идти и *саватеекъ пострѣлять* вмѣстѣ, говорятъ ему собратья-бродяги, закрѣпляя прощанье лозунгомъ ихъ бродяжеско-поселенческой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря фатальной судьбѣ русскаго ссыльнаго и бродяги, многимъ и многимъ изъ нихъ еще придется встрѣтиться. Безчисленное количество ссыльнаго люда съ заводовъ и каторгъ, съ мѣстъ водворенія и поселенія, погоревавши на чужой сторонѣ, подъ вліяніемъ отвращенія къ мѣсту ссылки, подъ вліяніемъ влеченія къ родинѣ, снова уйдутъ въ бѣга или, подъ тяжестью нужды и преступленія, придутъ къ стѣнамъ тогоже острога, который станетъ ихъ неизбѣжнымъ удѣломъ въ заколдованномъ кругу ихъ несчастной жизни. Часто, въ глухую осеннюю ночь, посреди вьюги и снѣга, около сибирскихъ остроговъ слышатся крики: „караулъ! караулъ! спасите!“ Кто-же это? Это бродяги, кончившіе лѣтнее странствіе, полузамерзшіе, окоченѣлые, голодные, просятъ убѣжища въ единственномъ пріютѣ своемъ—острогѣ. И куда-же, въ самомъ дѣлѣ, идти этому несчастному и гонимому, котораго преступленіе лишило навсегда родины и не дало ни силъ, ни всеобъемлемости сердца, чтобы привязаться къ чуждому отечеству? Гдѣ найти ему мѣсто, къ чему прилѣпиться, какъ не къ семьѣ такихъ-же несчастныхъ? И вотъ эта община снова явилась его

пріютомъ, куда онъ принесъ свое горе, свою исповѣдь и раны наболѣвшаго сердца. Эта община собратій становится ему матерью, у которой на груди онъ хоть на время успокоитъ и залечитъ свою буйную исвалеченную голову.

IX.

Борьба общины и бунты стараго острога.

Разъ возведя крѣпкое и замкнутое зданіе своей общины, со всѣми ея учрежденіями, арестантство естественно должно было оградить его отъ всякихъ внѣшнихъ вторженій, отъ нарушеній его порядковъ и установленій, какъ и отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, чтобы сдѣлать его наиболѣе прочнымъ и продолжительнымъ, а не временнымъ и мимолетнымъ. Не столько трудно было установить извѣстный порядокъ, сколько удержать его и защитить отъ всякихъ невыгодныхъ для арестантства измѣненій.

Для этого всякой острожной общинѣ приходилось стоять каждую минуту на стражѣ, ревниво охраняя свои льготы впродолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и бороться противъ всевозможныхъ покушеній на цѣлость ея учрежденій. Совершая это дѣло, острожная община выказала все свое коллективное могущество, весь свой умъ, всю энергію и настойчивость. Мѣнялась ея обстановка, измѣнялись десятки начальниковъ, примѣнялись самыя суровыя и разнообразныя мѣры, но арестантство стояло крѣпко и съумѣло сохранить права своей общины и установить прочныя и твердыя отношенія къ тюремнымъ формальностямъ и начальству. Наэту-то борьбу общинъ мы и должны обратить теперь свое вниманіе.

Но прежде, чѣмъ станемъ описывать эту борьбу, по-

смотримъ на тѣхъ допотопныхъ смотрителей тюремъ стараго порядка, съ которыми арестантству приходилось имѣть дѣло; разсмотримъ всѣ недостатки ихъ управленія.

Смотрителями въ остроги по большей части назначали мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ и квартальныхъ надзирателей, изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ и такъ называемыхъ *„благонадежныхъ* унтеръ-офицеровъ“. Каждый изъ этихъ смотрителей имѣлъ свой типъ, свою систему обхожденія съ арестантами: всѣ слабости его характера до тонкости изучались арестантами, которые умѣли всегда воспользоваться ими въ свою пользу. Полицейскихъ чиновниковъ назначали въ смотрители, имѣя въ виду ихъ знакомство съ преступниками, военныхъ — за ихъ распорядительность и энергію; но компетентность полицейскихъ чиновниковъ далеко не оправдывалась, также какъ энергія и распорядительность смотрителей изъ военныхъ не приводила къ цѣли. Это былъ народъ почти безъ всякаго образованія и отличался отъ прочаго мелкаго канцелярскаго люда только полицейскимъ талантомъ—энергически требовать выполненія своихъ приказаній. Часто, грубые по натурѣ, любившіе осуществлять приказанія силою, эти смотрителя внушали арестантамъ затаенную ненависть къ себѣ и вызывали явную оппозицію. Вышедши изъ писарей военныхъ или гражданскихъ, а нерѣдко изъ солдатъ, они не вынесли ничего, кромѣ грубаго эмпиризма, къ какому способенъ неразвитый умъ; невѣжественные, жестокіе сердцемъ, какъ они могли влiять на арестантовъ! О нравственномъ вліяніи, о воспитаніи арестанта, о смягченіи и возстановленіи преступника тутъ не могло быть и рѣчи. Воззрѣніе на арестанта, какъ на злодѣя, свойственное невѣжеству, одно руководило ими и заставляло ихъ прибѣгать къ розгамъ и кандаламъ при самыхъ незначительныхъ проступкахъ арестанта. Подъ вліяніемъ такихъ мѣръ арестантъ дѣлался звѣремъ; каждымъ своимъ шагомъ онъ старался протестовать противъ приказаній

и запрещеній начальства и искалъ случая чѣмъ-нибудь досадить ему, не щадя себя. Рядомъ съ этимъ употреблялись всѣ средства, чтобы перехитрить смотрителя, обмануть его надзоръ и достичь того времяпрепровожденія и той независимости, какую хотѣли пріобрѣсти арестанты. Всякій поступокъ, выводившій изъ себя смотрителя, доставлялъ арестантамъ удовольствіе. Скоро нарушенія порядка входили въ привычку острога. Строгій смотритель, видя, что при всѣхъ усиліяхъ, онъ не въ состояніи искоренить зла, первый опускалъ руки и начиналъ смотрѣть на все сквозь пальцы. Перепробовавъ всѣ „*энергическіе мотивы*“, онъ приходилъ только къ такому заключенію, что съ „*злодѣями*“ ничего нельзя подѣлать!“

Болѣе мягкій характеръ смотрителей и ихъ компромиссы съ арестантами также мало вели къ цѣли. За однимъ компромиссомъ слѣдовалъ другой, третій, четвертый и, пріученные къ уступкамъ, арестанты наконецъ добивались всего, что имъ требовалось. Они быстро овладѣвали всѣмъ механизмомъ острога, всѣми льготами и смотрителю только оставалось примириться съ обширностью зла, съ которымъ онъ не былъ въ силахъ справиться. Но самое главное, въ чемъ состоялъ недостатокъ и слабая струнка смотрителей и чѣмъ обыкновенно ловко пользовались арестанты, — это склонность прежнихъ чиновниковъ острога пользоваться разными источниками дохода, экономіями и поборами съ арестантовъ. Смотритель, человѣкъ съ маленькимъ жалованьемъ, иногда обремененный семьей, мелкій канцеляристъ безъ всякихъ убѣжденій и стойкихъ понятій о честности, такъ какъ въ средѣ квартальныхъ и писарей трудно было воспитать въ себѣ эти чувства, соблазнялся большими доходами остроговъ и легко подкупался арестантами.

Источники доходовъ прінскивались болѣе или менѣе энергично и остроумно, а дѣло управленія острогомъ и дисциплинированіе арестанта отодвигалось на задній планъ. Смотрителя всегда экономили на арестантскомъ кушаньи,

свѣчахъ, дровахъ, одеждѣ и прочемъ. За все это арестанству обезпечивалось право водворять свои вольности. Этимъ одними не ограничивались доходы смотрителя: всякій майданъ, торговецъ виномъ, картами и табакомъ были обложены особымъ сборомъ въ его пользу; такъ съ майданщика, даже въ небольшихъ острогахъ смотрители брали по 30 и 40 руб. въ мѣсяцъ. Въ громадныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ сборъ этотъ повышался, сообразно доходу, до сотень рублей. Смотрителя брали деньги съ заключонныхъ за дозволеніе свиданія съ родственниками и знакомыми; иные брались за опредѣленную плату адвокатствовать за арестантовъ въ судахъ и пересыльныхъ экспедиціяхъ. Гдѣ-же при такихъ условіяхъ заботиться объ искорененіи безпорядковъ! Если жь чиновничество пасовало предъ силою и хитростью арестантовъ и, привлеченное выгодами, сдавалось на подкупъ, то что-же и говорить о смотрителяхъ, вышедшихъ изъ „благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ!“ Они составляли всегда низшій типъ смотрителей остроговъ; если смотрители съ чинами внушали еще нѣкоторый авторитетъ своимъ званіемъ и держали себя на нѣкоторой высотѣ и даже, вступая съ арестантами въ стачку, не допускали отнюдь побратимства съ ними, то „благонадежные унтеръ-офицеры“, въ качествѣ смотрителей, не могли дѣйствовать и такимъ авторитетомъ. У нихъ были два пріема въ отношеніи арестантовъ: или они старались внушить къ себѣ уваженіе палкой и площадной бранью, или напоминали о своемъ авторитетѣ сборомъ въ свою пользу разныхъ пятаковъ, въ видѣ штрафовъ, причомъ арестанты могли откупаться отъ всякой вины. Доходы ихъ были впрочемъ не велики и не замысловаты; такъ они иногда конфисковали табакъ и возвращали его, когда имъ давали пятакъ; тоже дѣлали и съ водкой. При установленіи мирныхъ отношеній, „благонадежный унтеръ-офицеръ“ уже не могъ удержаться на высотѣ своего наличнаго авторитета; онъ пускался въ закадычную дружбу

съ арестантомъ, въ побратимство и окончательно утрачивалъ свой авторитетъ и свое вліяніе. „Благонадежный унтеръ-офицеръ“ по уму, развитію и привычкамъ былъ на уровнѣ тогоже простого человѣка-арестанта, и выше солдатской кордегардіи онъ подняться не могъ.

Если такіе унтеръ-офицеры назначались въ обширные губернскіе остроги, съ сотнями причудливаго, артистическаго и продувного арестантства, уровень развитія котораго превышалъ всѣ способности унтеръ-офицера, то можно представить себѣ, какую жалкую роль игралъ онъ здѣсь: арестанты надували его на каждомъ шагу, добивались своего и брали острогъ въ свои руки.

Въ своей борьбѣ арестантство опиралось не столько на естественный инстинктъ свободы, сколько на традицію ранѣе сложившагося порядка, такъ-какъ у арестантства было уже давно санкціонированное временемъ и обычаемъ право на жизнь своей общины. Разъ допущенныя начальствомъ, волею или неволею, вольности острога арестантство стало считать своимъ законнымъ правомъ, которымъ стало дорожить и на отнятіе котораго смотрѣло, какъ на явную несправедливость. Въ убѣжденіе арестантовъ вошло, что это должно быть *такъ:* иначе почему-же все это допускалось прежде и почему вдругъ стало непозволительнымъ? Почему прежде можно было такъ жить, а теперь нельзя? Наконецъ арестантъ, руководясь обширными примѣрами, опытомъ и стариной, видѣлъ, что вездѣ, по всѣмъ тюрьмамъ допускались эти вольности; почему-же въ его тюрьмѣ должны быть исключенія, почему онъ одинъ долженъ подвергаться лишеніямъ и строгостямъ? Къ такимъ вопросамъ обыкновенно приходило арестантство, когда новое тюремное начальство или строгій смотритель, вознегодовавшій на распущенность, пробовали обуздать острогъ и поставить его въ строгія рамки устава, предписаннаго сводомъ постановленій. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній всѣ запрещенія въ глазахъ арестантовъ считались несправе-

дливостью, прихотью и вынужденіемъ поборовъ. Если къ этому присоединить неумѣлость, бестолковыя мѣры, пущенныя въ ходъ противъ арестантства, то мы поймемъ ту вражду и то ожесточонное сопротивленіе, какими охватывались арестанты противъ старыхъ регламентаторовъ въ дѣлѣ тюремныхъ порядковъ. Иногда самый малѣйшій предлогъ, ничтожное ограниченіе, производили самые неожиданные и необъяснимые взрывы всего населенія острога. Часто самые скромные и добрые, но приверженные къ формализму, чиновники возбуждали больше ярости противъ себя, чѣмъ самые суровые, безсердечные смотрители, безпощадно тузившіе арестантовъ, но дозволявшіе имъ извѣстную свободу во внутренней жизни. Арестантство готово было перенести все, но не потерять своей *арестантской свободы*. Снося, съ одной стороны, всѣ несправедливости и лишенія, арестанты мгновенно возставали противъ малѣйшихъ ограниченій прерогативъ своей общины. Въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ Сибири были остроги, гдѣ не давали арестантамъ ни одежды, ни пищи, гдѣ они ходили чуть не голые, нося скудное бродяжеское платье, гдѣ жили впроголодь, безъ свѣчей и безъ дровъ; но они и не думали протестовать и мирились съ своимъ положеніемъ, лишь-бы не стѣсняли ихъ въ свободѣ жизни, въ прогулкахъ, майданахъ, въ игрѣ, контрабандѣ, а главное, въ водкѣ. Не то бываетъ, если, при всей честности и акуратности педантовъ-смотрителей въ дѣлѣ управленія, они вздумаютъ вводить строгій уставъ: тогда немедленно слѣдуетъ протестъ, даже сопротивленіе всего острога. При прежнихъ порядкахъ арестанты пріучены были къ тому, чтобы во всемъ и всегда видѣть одинъ произволъ смотрителей; смотрителя, для удобнѣйшаго вымогательства взятокъ или изъ-за начальническаго самолюбія, словомъ и дѣломъ старались поселить въ арестантахъ убѣжденіе, что они все могутъ сдѣлать и измѣнить радикально всѣ порядки тюрьмы; о правилахъ и законѣ арестантъ обыкновенно не слыхалъ; вслѣдствіе того и за-

конныя требованія устава; онъ начиналъ также считать за смотрительскую прихоть: считая свои требованія законными, арестантъ обыкновенно протестовалъ и вызывалъ высшее начальство для жалобы; а когда ему говорили, что начальства не будетъ, онъ настойчиво требовалъ его. Явись начальство, укажи арестанту, чего *законъ* отъ него требуетъ,—и онъ бы охотно покорился; но у насъ выходило наоборотъ: смотрителя самыя требованія закона старались выдавать за свою личную власть, чтобы выказать свою силу. Вотъ разгадка тѣхъ протестовъ и бунтовъ, которые совершались въ нашихъ острогахъ по поводу самыхъ-законныхъ поступковъ смотрителей. И въ такихъ случаяхъ арестанты дѣйствовали крѣпко и дружно, не выдавали никого, несмотря на самыя суровыя мѣры и страшныя наказанія. Прежде всего арестантство старалось сбыть ненавистнаго смотрителя. Всякія, до того сохранявшіяся, сдѣлки съ нимъ прерывались; всё, что сохранялось въ тайнѣ, что терпѣливо сносилось, выходило наружу; вся дѣятельность смотрителя подлежала строгой оцѣнкѣ и учоту. Опытное арестантство знало до мелочной подробности, что отпускалось на острогъ, на что обязанъ былъ расходовать смотритель и что онъ удерживалъ въ свои доходы, на чемъ экономилъ и гдѣ наживался; все это высчитывалось до послѣдней копейки. А такъ-такъ подобные грѣхи водились и за самыми-строгими, распорядительными и исправными смотрителями стараго острога, то арестанты всегда находили поводъ жаловаться. Острогъ мгновенно наполнялся кучей претензій по поводу дровъ, свѣчей, гнилой пищи, скверной муки, по поводу задержанія платья, бѣлья и т. п. То-и-дѣло арестанты подавали всевозможныя жалобы стряпчимъ, прокурорамъ, директорамъ тюремнаго комитета и всякимъ властямъ, посѣщавшимъ острогъ *). Вызывались для тайныхъ аудіенцій жандармскія

*) До какой степени единообразно и по однимъ законамъ происходила борьба арестантства, это свидѣтельствуетъ даже борьба петербургскаго

власти; самыя-эхидныя прошенія и доносы сыпались градомъ на голову смотрителя. Въ свою очередь, раздраженный смотритель еще настойчивѣе начиналъ искоренять малѣйшія нарушенія правилъ: отнимался табакъ; строго преслѣдовалась картежная игра; замки навѣшивались на камеры; арестантамъ давали меньше прогулокъ или совсѣмъ не выпускали ихъ; за всѣ проступки употреблялись самыя-суровыя наказанія; доносчики и коноводы тщательно розыскивались и пр. Часто смотрителя доходили до неумѣстной придирчивости, до средствъ мести чисто-противозаконныхъ; такъ держали арестантовъ за замками цѣлые дни, не выпускали ихъ вовремя за нуждой, задерживали обѣдъ, пользовались пристрастно правомъ расправы за проступки и пр. Но какъ ни допекали арестантовъ, какъ ни допытывали ихъ о зачинщикахъ и заговорщикахъ, — ничего не узнавали. Арестанты спокойно лежали подъ розгами и не говорили ни слова; они несли наказанія, но продолжали жалобы, подвохи и дѣлали все наперекоръ смотрителямъ. Розги обсѣкались объ ихъ тѣло; кандалы обнашивались; тайные карцеры обсиживались, а арестанты все стояли на своемъ. Но, вынося всевозможныя наказанія, арестанты не останавливались подводить мины подъ начальство. Если нельзя было допечь смотрителя претензіями, арестанты пускались на хитрости; они старались подвести смотрителя подъ дѣло, которое вызоветъ слѣдствіе надъ нимъ и подсудность. Если не находилось такого предлога подъ рукою, то надо было создать его, а изобрѣтательность арестантства въ этомъ случаѣ была неистощима. Они обвиняли смотрителей преимущественно въ участіи въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ играли роль и сами арестанты; такимъ-образомъ это

замка до 1868 года. Здѣсь арестанты долго сопротивлялись, употребляли, покушеніе на смотрителей и тактику жалобъ. (См. Жизнь заключенныхъ Никитина с. 84, 85, 86).

дѣло было въ рукахъ обвинителей; напримѣръ обвиняли смотрителей и доносили, что они содѣйствовали и поощряли въ острогѣ производство фальшивыхъ бумажекъ или способствовали скрытію краденыхъ вещей. Такъ-какъ и такія вещи бывали въ старыхъ острогахъ, то слѣдствію трудно было отличить клевету отъ правды. Дѣло обдѣлывалось ловко: нарочно попадался въ дѣланьи фальшивой монеты какой-нибудь арестантъ; сначала онъ долго запирался, наконецъ, подъ угрозами, которыя съ простыми людьми въ былое время нерѣдко у насъ употреблялись, сознавался и открывалъ въ острогѣ цѣлую организацію монетчиковъ и воровъ, а вся эта организація искусными показаніями выводила на свѣтъ самого смотрителя, какъ руководителя всѣмъ этимъ дѣломъ. Для доказательства и для уликъ арестанты совѣтовали сдѣлать обыскъ въ такихъ мѣстахъ, какъ-напр. цейхаузъ, ключи отъ котораго въ рукахъ у смотрителя и куда арестанты не проникали. Слѣдователи производили обыскъ и находили здѣсь и фальшивыя деньги, и краски, и краденыя вещи. Какъ арестанты умудрялись просунуть ихъ сюда, — это секретъ ихъ ловкости, но смотритель оказывался подъ судомъ. Но если ни жалобы, ни протесты, ни хитрости не помогали арестантамъ, если смотрителя не удавалось допекать никакими средствами, а онъ былъ слишкомъ жестокъ и донималъ арестантовъ наказаніями и утѣсненіями, то арестантство прибѣгало къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: въ него летѣлъ пущенный изъ-за угла кирпичъ или употреблялся въ дѣло даже ножъ. Каторжные и осужденные безъ срока или на громадные сроки, которымъ уже хуже не могло быть, или люди, питающіе личную ненависть къ смотрителю,—такіе явно выходили съ ножомъ противъ смотрителей. Покушенія на жизнь послѣднихъ были нерѣдки въ старой исторіи острога, и не одна арестантская голова поплатилась за это жизнью. Въ самыхъ-крайнихъ случаяхъ прибѣгали даже къ бунту цѣлымъ острогомъ. Бунтовъ всего болѣе

боялись старые смотрители и тотчасъ-же прибѣгали къ посторонней помощи; иногда съ намѣреніемъ преувеличивая значеніе факта и представляя его желаніемъ арестантовъ вырваться на волю, хотя сами хорошо знали, что весь этотъ бунтъ есть ничто иное, какъ только желаніе арестантовъ или принудить смотрителя къ отмѣнѣ разныхъ мѣръ, или средство вызвать высшее начальство для принесенія жалобы. Изъ этого выходили иногда самыя плачевныя послѣдствія. Исторія прежняго острога представляетъ много бунтовъ, которые, начинаясь съ мелочей, разыгрывались потомъ весьма серьезно.

Мы приведемъ одинъ примѣръ такого бунта, бывшаго въ одномъ изъ большихъ остроговъ нашихъ сѣверовосточныхъ губерній. Этотъ бунтъ произошелъ вслѣдствіе запиранья камеръ на замки. По взгляду начальства, протестъ противъ запиранья былъ не болѣе, какъ простой капризъ испорченнаго и разнузданнаго арестантства, но арестанты на этотъ случай смотрѣли иначе. Нужно было принять во вниманіе ранѣе бывшія причины недовольства и убѣжденіе арестантства, что такія мѣры произвольны, такъ-какъ въ большинствѣ остроговъ, они жили безъ всякихъ замковъ, что въ этомъ-же самомъ острогѣ прежде никогда не было этого обыкновенія, что наконецъ запоръ камеръ произошолъ въ день перваго дня пасхи, т. е. въ такой день, когда въ самыхъ-строгихъ острогахъ вошло въ обыкновеніе на три дня торжественнаго праздника отворять камеры. Арестантъ вѣдь тоже желаетъ имѣть свѣтлые дни въ ряду чорныхъ дней его несчастія; онъ ждетъ этого свѣтлаго дня, ища въ немъ воспоминаній о потерянной свободѣ, ищетъ въ немъ отдыха отъ тоски; его наполняетъ въ это время всепримиряющее религіозное чувство, и въ самихъ людяхъ въ этотъ день онъ привыкъ встрѣчать братское участіе къ своему несчастію.... И вдругъ этотъ день у него отняли. Горькое чувство закипаетъ въ груди арестанта и глубо-

вой обидой ему кажется подобное недовѣріе къ нему; въ такомъ поступкѣ онъ видитъ оскорбленіе его человѣчности и горькое несправедливое гоненіе на него, беззащитнаго. Не мудрено, что должна была нахлынуть буря ненависти въ этой давно терзаемой и давно озлобленной душѣ; трудно было не закипѣть гнѣву, накопленному десятками лѣтъ. А проявленіе арестантскаго гнѣва бываетъ страшно и грандіозно. Когда загудятъ двери остроговъ, затрещатъ рѣшотки, начнутъ рушиться нары и сотнями яростныхъ глотокъ потребуютъ смотрителя; то это одно можетъ испугать хоть-кого. Обыкновенно запертые арестанты требуютъ смотрителей для объясненій, но въ это-то время они и имѣютъ безтактность не показываться и прятаться: это ведетъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. Арестантамъ угрожаютъ, бранятъ ихъ, но это еще болѣе разжигаетъ страсти: арестанты въ этихъ случаяхъ начинаютъ биться, какъ львы за своими рѣшотками; народъ приходитъ въ ярость; ревъ и громъ потрясаетъ корридоры и съ желѣзными болтами несокрушимыя острожныя двери вылетаютъ, какъ щепки! Наконецъ на арестантскій шумъ выдвигается караулъ наружу, призывается военная команда. Тогда наступаетъ окончательный разрывъ. Торжественная и страшная минута наступила для острога. Молчаливо и грозно проходятъ ряды солдатъ по корридорамъ; тяжелые поднятые приклады, энергическая команда начальниковъ, — все указываетъ на безнадежность. На мигъ воцарилась тишина, какое-то тяжкое раздумье — и вдругъ острогъ разразился крикомъ: „Не выдавай, братцы“! „За нары“! и пошла потѣха. Раздернуты крѣпкія нары; болты, бревна, плахи очутились въ рукахъ арестантовъ; воплемъ огласился острогъ и началась кровавая свалка. Арестантъ бьется на смерть: ему нечего ожидать отъ побѣды, нечего ждать пощады въ неудачѣ; отчаянные падаютъ трупами; побѣжденныхъ ждутъ плети и каторга, вожаковъ — разстрѣлянье.

Такими-то безутѣшными, кровавыми сценами иногда потрясался старый острогъ.

X.

Лучшія стороны русской тюремной общины.

Бунты были однако чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ въ тюремной жизни, и ихъ можно было всегда устранить переговорами съ общиною: всякая община, когда съ ней мирно вели переговоры, была чрезвычайно довольна. Въ большинствѣ случаевъ общины остроговъ, разъ достигнувъ извѣстныхъ льготъ, начинали довольно спокойную жизнь, безъ всякихъ треволненій и катастрофъ, и даже устанавливали самыя дружественныя и патріархальныя отношенія къ начальству. Тамъ, гдѣ такія отношенія утверждались, община являлась не только безопасною, но и представляла необыкновенныя удобства для ея управленія и прирученія. Община, когда ее не затрогиваютъ, тиха, какъ агнецъ. И это мы видимъ въ особенности въ тѣхъ острогахъ, гдѣ смотрители не вмѣшиваются во внутреннія дѣла арестантовъ, а слѣдовательно и не имѣютъ поводовъ для непріятныхъ столкновеній съ ними. Добрыя отношенія скоро утверждаютъ за смотрителями привычку смотрѣть на арестантовъ человѣколюбиво и снисходительно; многіе изъ нихъ свыкаются съ арестантствомъ, сближаются съ нимъ, начинаютъ сочувствовать его несчастію и принимаютъ на себя защиту его интересовъ. При этихъ патримоніальныхъ отношеніяхъ бывали примѣры, что смотрители такъ соединяли себя съ дѣломъ арестантства, что считали обязанностью ходатайствовать за него и облегчать какъ жизнь въ острогѣ, такъ и судьбу арестантовъ вообще. Смотрители иногда адвокатствовали за арестантовъ въ судахъ и полиціяхъ, вліяли на смягченіе тѣлесныхъ наказаній

или слѣдили, покрайней-мѣрѣ, чтобы тутъ не было излишнихъ притѣсненій арестантству. Такая дѣятельность была самою-благородною чертою и самою-свѣтлою стороною въ управленіи старыхъ смотрителей.

Съ своей стороны, община сама берегла смотрителя, не допуская безпорядковъ и явныхъ скандаловъ. Понявши, чего требовалъ формализмъ устава, она всегда старалась выполнять его для вида, тщательно скрывая внутреннюю жизнь свою. Передъ пріѣздомъ начальства, въ случаѣ обысковъ, сами арестанты приводили все въ исправность и готовы были отвѣчать за все, выгораживая смотрителя. Довольно было въ такой общинѣ обратиться съ предложеніемъ и убѣжденіемъ, и она готова была слушать смотрителя, повиноваться и даже жертвовать иногда своими интересами. Вмѣсто вмѣшательства въ мелочи, вмѣсто постоянной опеки, вмѣсто приказаній, которыхъ не слушали, или принужденій, которымъ сопротивлялись, достаточно было предложить что-либо общимъ добромъ, во имя ея-же интересовъ, и совершенно положиться на ея здравый смыслъ. Такое дѣло было и проще, и выгоднѣе для обѣихъ сторонъ.

Обыкновенно, при такихъ порядкахъ, смотритель все управленіе предоставлялъ на отвѣтственность общины, а самъ бралъ на себя лишь распоряженіе хозяйственной частью острога. Такія отношенія между смотрителемъ и арестантствомъ существовали въ нашемъ острогѣ, гдѣ правилъ мирный, толстенькій и добродушный смотритель, окруженный цѣлымъ сонмомъ ребятъ и родственниковъ. Это былъ настоящій конституціонный смотритель. Онъ не вмѣшивался въ жизнь общины, никогда не употреблялъ жестокихъ взысканій и штрафовъ и, въ случаѣ безпорядковъ, развѣ только добродушно бранилъ арестантовъ своей патріархальной поговоркой „чтобъ ихъ подшибло", да грозился кулакомъ. За все это острогъ добродушно звалъ его „карасемъ", любилъ его, дозволялъ ему *экономить* и искренно приносилъ ему поздравле-

ніе въ тѣ дни, когда бывалъ имянинникомъ онъ или кто-либо изъ его родныхъ.

Такимъ-образомъ опытные, сжившіеся съ арестантомъ смотрители всегда понимали, какъ надо вести себя, чтобы ужиться мирно и тихо съ сильною и настойчивою арестантскою общиною. Съ своей стороны, эта община, когда съ ней обращались гуманно, всегда умѣла гарантировать наибольшее спокойствіе острога и сама самымъ тщательнымъ образомъ слѣдила за внутреннимъ порядкомъ въ острогѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на русскіе, и особенно сибирскіе остроги, наполненные тысячами каторжныхъ, ссыльныхъ и преступниковъ, нельзя не изумляться, какъ управляютъ ими и сдерживаютъ ихъ эти инвалиды и отставные патріархальные чиновники. Точно-также насъ должны поразить удивленіемъ и тѣ тысячныя партіи, которыя тянутся изъ года въ годъ въ ссылку и на рудники безъ всякаго сопротивленія, отраждаемыя ничтожными отрядами, не разбивая ни остроговъ, ни своихъ рудниковъ и заводовъ, хотя бы они могли исполнить это очень легко, если бы только захотѣли. Взгляните на партію, идущую за Байкаломъ къ Нерчинску; взгляните, какъ растянулась она отъ станціи до станціи въ совершенномъ разбродѣ, съ кандалами, спрятанными въ мѣшки и влачимыми на плечахъ, съ десяткомъ убогихъ казаковъ, скорѣе тянущихся за партіей, чѣмъ конвоирующихъ ее. Взгляните на заводы и каторжные остроги, гдѣ смирно гуляетъ каторжное арестантство по своимъ дворамъ и, обогащонное въ изобиліи ножами, рѣжетъ ими только черствыя корки казеннаго хлѣба. Думалъ ли кто, что удерживаетъ этихъ людей? Какая сила покорила ихъ, какими пружинами владѣло начальство, удерживая и направляя арестантовъ по своему желанію! А между-тѣмъ сила эта была въ складѣ и устройствѣ арестантской общины и, такъ сказать, въ ея свойствахъ.—Ребята,—говорилъ нашъ патріархальный смотритель бродя-

гамъ и каторжнымъ своего острога,—я не буду затворять на замки ваши камеры на эти дни пасхи; условіе одно: чтобы буйства, драки, дебошу, шуму и жалобъ не было,—чтобы все было смирно!—„Все будетъ тихо, отецъ: вѣрьте намъ!" гремитъ острожная община,—и дѣйствительно, лишь-только разбушуется какой пьяный, лишь-только кто съѣздитъ другъ друга въ зубы, лишь-только гдѣ начнется потасовка, какъ арестанты мигомъ усмиряютъ сильными кулаками буйства, вяжутъ непокорныхъ пьяныхъ и соблюдаютъ свято три дня обѣщаннаго спокойствія. И это выполняла не одна наша община: такой пріемъ былъ употребляемъ въ каждой тюрьмѣ, въ каждой каталажкѣ. Да это и понятно: всякое общество дорабатывается до ограниченія воли личности, если она переходитъ чрезъ-мѣру; полиція сама собой учреждается. Но договоры съ арестантами бывали и гораздо шире. „Братцы,—говоритъ смѣтливый офицеръ, конвоирующій, подъ незначительнымъ конвоемъ старыхъ инвалидовъ, партію каторжныхъ въ какому-либо пункту,—я сниму съ васъ оковы, чтобы дойти поскорѣе; даете-ли слово, что никто не уйдетъ изъ васъ?"—Все будетъ благополучно—вѣрьте намъ, ваше высокоблагородіе! гремитъ масса народа, поставившая цѣлью жизни побѣгъ.—Ладно! говоритъ офицеръ,—снимаетъ съ арестантовъ кандалы,—и арестанты достигаютъ благополучно всѣ въ цѣлости назначеннаго пункта; никто и мысли не имѣлъ пуститься бѣжать; община рѣшила—всѣмъ дойти исправно,— и никто не посмѣетъ подумать противиться такому рѣшенію. Чѣмъ больше уступокъ и льготы давали препровождаемымъ арестантамъ конвоирущіе ихъ начальники, тѣмъ больше они заботились о сохраненіи ихъ интересовъ. Такъ, составился договоръ у всего арестантства не бѣгать на этапахъ, гдѣ были снисходительные офицеры; подъ вліяніемъ такихъ обязательствъ тянулись прежнія каторжныя партіи съ кандалами за плечами, разсыпаясь по всей дорогѣ безъ всяка-

го надзора; точно-также распускались люди для сбора подаяній, отлучались въ сосѣднія деревни, отпускались съ заводовъ и изъ остроговъ подъ обязательствомъ одного честнаго слова,—и все это выполнялось честно и свято.

Сама община въ этихъ случаяхъ была чрезвычайно ревнива къ своимъ интересамъ и слѣдила за своими членами, чтобы они вѣрно выполняли обязательства. Нѣкоторые изъ многихъ случаевъ и даже подвиговъ арестантской артели получили достаточную извѣстность. Г. Максимовъ, говоря объ этапномъ препровожденіи въ Сибири, замѣтилъ, что значительная часть смышленныхъ этапныхъ командировъ давно усвоила эту систему взаимной поруки арестантовъ. Онъ приводитъ до 4 или до 5 случаевъ, когда артель бралась, за извѣстныя льготы, слѣдить, чтобы никто не убѣжалъ во время препровожденія и всегда ревностно выполняла эту обязанность *). Мало того: когда какой-нибудь отщепенецъ рѣшался тайно отъ артели ускользнуть, то арестанты просились отпустить ихъ на поиски, честнымъ словомъ ручаясь воротиться. Смѣлые и попавшіе въ проруху офицеры иногда рѣшались на этотъ рискъ—и что же? арестанты всегда приводили бѣглеца; бывало, что, за неимѣніемъ настоящаго, отыскивали какого-нибудь по пути бродягу и зачисляли за настоящаго бѣглаго. Такой повидимому-странный фактъ объяснялся однако очень просто. Въ большой артели арестантовъ далеко не всѣмъ выгодно бѣжать; напротивъ большинство изъ нихъ не имѣетъ никакого интереса въ побѣгѣ: одни имѣютъ въ виду отработать срокъ наказанія, другіе ссылаются на поселеніе, третьи по инымъ причинамъ. Заинтересованныхъ въ побѣгѣ такимъ-образомъ является очень мало; но и изъ этихъ извѣстная часть во имя общей выгоды, артельной дружбы или вслѣдствіе мотива чести при обязательствѣ общины, рѣшается удержаться отъ этого; поэтому оста-

*) Сибирь и каторга, ч. 1 с. 64, 65, 78.

ется въ артели можетъ-быть двѣ, много—три личности, которыя высказываютъ несогласіе съ артельнымъ желаніемъ, но за этими двумя, тремя людьми цѣлой артели всегда легко услѣдить: она имѣетъ ихъ постоянно на примѣтѣ, такъ-какъ знаетъ хорошо своихъ членовъ. Подобное ручательство артели наконецъ перешло понемногу совершенно въ нравы арестантскихъ партій. Онѣ ручались за цѣлость партіи, за предупрежденіе безпорядковъ и дѣлали это при малѣйшихъ облегченіяхъ, за дозволеніе напримѣръ купить водки, за лишній роздыхъ во время пути, за дозволеніе купаться и т. п. Ссыльныя партіи, очень опытныя въ этомъ дѣлѣ, сами вызывались на круговую поруку при всѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ могутъ хоть-что-нибудь выторговать; но довѣріемъ дорожатъ арестанты невсегда только въ видахъ какого-нибудь личнаго ихъ интереса: имъ нравилось уже то, что имъ вѣрятъ, признаютъ ихъ людьми, признаютъ въ нихъ чувство чести, принимаютъ ихъ ручательство; это льстило ихъ самолюбію и они стремились посоперничать исправностью, блеснуть ею, показать начальству, что они достойны довѣрія и, хоть преступники и арестанты, но способны на честныя дѣла и на хорошіе подвиги. Только-бы затронутъ былъ у нихъ этотъ мотивъ,—обезпеченіе являлось вѣрное. Извѣстны случаи, когда во время пожаровъ на этапахъ и въ острогахъ начальникъ взывалъ къ арестантамъ, требовалъ отъ нихъ помощи, предоставляя имъ полную свободу въ это время, и арестанты, обрадовавшись и возгордившись, что и имъ предоставляется сослужить полезную службу, совершить хорошее дѣло, кидались вперебой помогать въ минуту опасности, вылѣзали изъ кожи, показывали чудеса храбрости и самопожертвованія; ни одинъ изъ нихъ не думалъ даже воспользоваться суматохой для побѣга. Подобные случаи, какъ извѣстно, публиковались, какъ неожиданные подвиги, а арестантамъ давались награды и сокращались сроки наказанія; но мы тутъ не видимъ ничего необыкно-

веннаго и сверхъестественнаго: у арестантовъ, какъ у людей, можно всегда затронуть эти мотивы. Большинство изъ нихъ обладало естественными человѣческими чувствами, благодарностью и чувствомъ чести. Мало того: мы видимъ, что сами арестанты какъ-будто напрашивались, чтобы въ нихъ признали эти чувства и постоянно силились доказать, подтвердить ихъ; и это было естественно, потому-что отъ этого зависѣло признаніе ихъ человѣческаго достоинства.

Идея договора, взаимнаго довѣрія и ручательства такъ свойственна натурѣ человѣка, что проникала даже и не въ столь товарищески-организованныя общества, какъ ссыльныя артели: опыты договоровъ и довѣрія удавались и въ арестантскихъ ротахъ. Намъ разсказывали много подобныхъ случаевъ; такъ-напримѣръ въ одномъ изъ сѣверныхъ губернскихъ городовъ, гдѣ находились арестантскія роты, потребовалась какая-то частная работа на заводѣ около города; прислали за арестантами, но начальникъ роты не могъ отпустить арестантовъ, такъ-какъ для людей недоставало конвоя; арестанты, близко заинтересованные заработкомъ, начали уговаривать начальника, чтобы онъ, взявъ немного солдатъ съ собою, отправился самъ съ ними, и клялись, что нетолько никто не убѣжитъ, но даже и безпорядковъ не будетъ. Начальникъ согласился. Какъ-только арестанты вышли за городъ въ совершенномъ порядкѣ, то они предложили даже нѣкоторыхъ солдатъ отпустить домой, такъ-какъ солдатамъ этимъ рѣшительно нечего дѣлать. Начальникъ изумился.—Но какъ-же такъ? спросилъ онъ.

— А такъ, ваше в—діе: будьте увѣрены,—все будетъ спокойно; дозвольте только артели послѣ работъ вина купить! — Начальникъ изумился, но рѣшился попробовать, дозволивъ купить ведро послѣ работы, конечно, на громадную партію. Арестанты такимъ-образомъ проработали совершенно спокойно до вечера и въ полной наличности. Въ теченіе всего дня вышелъ только одинъ

казусъ: какой-то арестантъ стянулъ на кухнѣ или въ другомъ мѣстѣ ковшикъ. Начальникъ предъявилъ это артели.—„Что-же вы это, братцы, дѣлаете? обратился онъ къ артели съ упрекомъ, Я вора такъ и быть прощу, но пусть онъ отдастъ ковшикъ“. Артель немедленно засуетилась, и чрезъ 5 минутъ ковшикъ былъ возвращонъ начальнику. Вечеромъ, выпивъ по чаркѣ водки, арестанты благополучно возвратились въ городъ. Съ тѣхъ поръ начальникъ готовъ былъ ручаться головой за свою роту. И такихъ примѣровъ можно насчитать множество. Давно-ли еще „Сѣверная Почта“ публиковала, что на курско-харьковской желѣзной дорогѣ пять арестантскихъ ротъ выполнили тяжкія работы подъ взаимною порукою почти безъ побѣга (на 5 ротъ было лишь 2 побѣга); но на каторгѣ подобные примѣры были дѣломъ обыденнымъ. Если прежде существовало убѣжденіе, что у насъ и тюрьмы, и стражи находятся вездѣ въ порядкѣ и въ достаточномъ количествѣ, то нынѣ, какъ раскрыли обстоятельства, пришлось въ этомъ разубѣдиться. Чѣмъ-же сдерживались наши каторжныя и заводскія общины? Большинство каторжныхъ работъ только и держалось такими договорами. Можно положительно сказать, что общины нашихъ каторгъ если не разбѣгались всѣ сплошь, а производили работы иногда при самыхъ-трудныхъ условіяхъ, то только-благодаря добровольному согласію артели и обоюдному ручательству. Начальство не могло не замѣтить могучаго стимула въ общественномъ духѣ и единствѣ общины и старалось направить весь общественный механизмъ по своему желанію. Снисходя арестантству, не возмущая его строгостями, облегчая по возможности его несчастія, дѣйствуя силою убѣжденія и выгоды, подкупая его довѣріемъ и обѣщаніями, оно добилось не только мирныхъ сношеній съ нимъ, но даже могло заключать договоры и получать гарантіи ихъ выполненія полнымъ ручательствомъ общины за каждаго своего члена: арестанты выполняли эти договоры даже тогда, когда

они шли наперекоръ личнымъ ихъ интересамъ. Связанный однимъ честнымъ словомъ, арестантъ никогда не нарушалъ договора ни дѣломъ, ни словомъ. При выполненіи своего слова каждый каторжный дѣлается педантомъ, и это замѣтилъ еще Достоевскій. „Честное варнацкое слово“, какъ говоритъ г. Максимовъ, въ ходу у арестантовъ и много значитъ. Арестантъ—человѣкъ рѣшительный, способный на подвиги: сомнѣваться въ его словѣ значитъ сомнѣваться въ его силѣ; онъ не понимаетъ измѣны, какъ членъ общины,—и, какъ членъ братскаго союза, презираетъ всякій обманъ и іезуитизмъ. Этотъ каторжный и отверженный человѣкъ глубоко дорожилъ всякимъ человѣчнымъ обхожденіемъ съ нимъ и довѣріемъ къ нему; это довѣріе было ему дорого, какъ признаніе его человѣческаго достоинства, и потому самые деликатные мотивы человѣческаго чувства были всегда доступны ему. За оказанную ему крупицу довѣрія онъ платилъ вдвое, и свою львиную силу клалъ къ ногамъ хозяина, какъ мулъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что льготы и вольности стараго острога и каторги были не столько плодомъ случайности и небрежности, какъ привыкли объ этомъ думать, но скорѣе плодомъ необходимости, вызванной долгимъ опытомъ и дѣломъ благоразумія. Пусть не думаютъ, будто уступки арестантству приносили вредъ; онѣ выкупались безопасностью всего общества, а это что-нибудь да значитъ. Тюремный опытъ доказалъ, что неумѣстныя стѣсненія и ограниченія человѣческой свободы, употребленіе излишнихъ строгостей могли вызывать лишь раздраженіе и возстаніе, и что напротивъ арестантская свобода была громоотводомъ опасности, спасеніемъ общества отъ худшихъ бѣдъ, и что допущеніе льготъ и облегченіе жизни арестанта всегда болѣе обезпечивало его смиреніе, его примиреніе съ несчастіемъ и давало возможность направлять его дѣятельность къ лучшей цѣли. Что-бы ни проповѣдывали

криминалисты, кто-бы они ни были, хоть даже пресловутые юристы Миттермайеръ и Блюнчли, съ какихъ-бы кафедръ ни раздавался ихъ голосъ объ усмиреніи и подавленіи арестанта разными ограниченіями въ родѣ содержанія въ клѣткахъ solitary Confiniment, сколько-бы ни придумывалось новыхъ утонченныхъ наказаній въ родѣ англійскаго „treadmill" или нѣмецкихъ „Krummschlissen"*), едва ли кто повѣритъ, будто это можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ исправленія преступника. Въ дѣлѣ усмиренія и исправленія, какъ доказываетъ опытъ, подобныя средства были всего-менѣе успѣшны. И если черствые теоретики еще продолжаютъ утверждать это, то жизнь, опытъ, человѣческая природа докажутъ имъ, что только одно довѣріе, оказываемое арестанту, какъ человѣку, гуманное обхожденіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей могутъ успокоить и усмирить арестанта, и что только они одни могутъ дать доступъ къ сердцу человѣка! Къ подобнымъ выводамъ день ото дня уже приходитъ европейская наука.

Къ такимъ-же выводамъ и результатамъ приводитъ насъ жизнь русской тюремной общины. Значительныя выгоды ея общественной организаціи, ея артельныхъ учрежденій, взаимности, братскаго вспомоществованія другъ другу, — вотъ лучшій плодъ нашихъ тюремныхъ опытовъ и результатъ нашей самобытной жизни. Начала, выработанныя общиной, проливаютъ свѣтъ не только на ея прошедшее, но и будущее.

Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что самые пороки и бурная жизнь общины, все ея ожесточеніе и борьба противъ уставовъ и тюремной регламентаціи могутъ дать намъ самый поучительный урокъ. Борьба арестантовъ за ослабленіе тюремныхъ стѣсненій являет-

*) Treadmill есть безцѣльное вращанье колеса, изобрѣтенное въ пенитенціаріяхъ въ видѣ наказанія, а «Krummschlissen» это—связыванье нижнихъ оконечностей тѣла съ верхними на нѣсколько часовъ, употребляемое въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ тюрьмахъ.

ся естественнымъ закономъ въ жизни всего арестантства, гдѣ-бы оно ни было. Настойчивость, упорство и энергія, съ которою вело ее арестантство, доказали, что никакія ограниченія, никакія крутыя мѣры и наказанія не заставятъ человѣка отказаться отъ удовлетворенія естественнымъ его потребностямъ; всякія стѣсненія вели лишь къ изобрѣтенію средствъ обойти ихъ и противодѣйствовать имъ, въ чомъ арестантство было неутомимо. Не было случая въ дѣлѣ тюремныхъ порядковъ, чтобы арестантство, разъ рѣшившись на что-либо, не достигло своей цѣли. Вѣковой опытъ нашихъ тюремъ съ ихъ суровыми дисциплинарными наказаніями, какъ и примѣненіе всевозможныхъ строгихъ системъ въ Европѣ, приводили всегда къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Въ такихъ тюрьмахъ, при большихъ ограниченіяхъ, развивалось лишь больше пороковъ и больше ожесточенія у арестантства. Отсутствіе труда въ русскихъ тюрьмахъ не остановило стремленія къ дѣятельности; явилась подпольная работа — дѣланіе фальшивой монеты, поддѣлка паспортовъ и т. п. Природа человѣка при стѣсненіяхъ могла проявиться только уродливымъ образомъ. И что же выходило въ концѣ концовъ? Выходило то, что никакіе тюремные замки и крѣпости, никакіе запоры не сохраняли общество отъ вторженія въ него преступниковъ, и никакія строгости не усмиряли арестанта; напротивъ сжимающая жизнь тюрьмы вызывала только больше побѣговъ,—ограниченіе нормальной человѣческой жизни развивало пороки и ожесточеніе и дарило общество новыми рецидивистами. При старой системѣ наказанія процессъ патологическаго развитія общественныхъ болѣзней не прекращался, а только имѣлъ свой круговоротъ. Болѣзненныя явленія общественнаго организма, развивая преступленія по большимъ городамъ, центрамъ промышленности, въ скопищахъ бѣдности и пролетаріата, концентрировались въ острогахъ и каторгахъ, и изъ заражонныхъ центровъ вліяли снова на общество, разла-

гая здоровыя части организма. Болѣзнь шла отъ периферіи къ центру тюрьмы и отъ центра обратно къ периферіи, отражаясь иногда въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ государства и обнаруживаясь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ее не подозрѣвали. Разбои разбѣгавшихся каторжниковъ, фальшивые монетчики остроговъ отдавались по всей Россіи, и ссыльные, подъ фальшивыми паспортами, проникали даже въ чиновныя сферы. Вся старая тюремная система съ ея строгостями, какъ и ея криминалистика, были въ этомъ случаѣ лишь грубой медициной, вгонявшей болѣзнь внутрь неловкими лекарствами, съ тѣмъ, чтобы она снова возвратилась еще съ большею силою: выпускаемые преступники платили за свои утѣсненія съ процентами.

Такимъ образомъ тюремный опытъ доказываетъ, что только нормальная человѣческая жизнь и отсутствіе излишнихъ стѣсненій сдѣлаютъ арестанта безвреднымъ и дадутъ возможность вліять на него нравственно *). Отсутствіе вызывающихъ на преступленіе причинъ въ острогѣ и гарантіи, созданныя взаимною порукою самой общины, прямо указываютъ на ненужность искуственныхъ огражденій. Въ осуществимость всего этого заставляютъ насъ вѣрить факты изъ жизни существующей общины.

Но самый поучительный урокъ арестантская община даетъ въ дѣлѣ обузданія и перевоспитанія личности. Обладая силою общественнаго авторитета, она побуждала личность сообразоваться въ поступкахъ съ интересомъ общественнаго блага, дисциплинировала своихъ членовъ и заставляла ихъ повиноваться правиламъ, созданнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Всего этого достигала она чисто-нравственнымъ вліяніемъ на своихъ членовъ, воспи-

*) Къ излишнимъ стѣсненіямъ мы относимъ всё то, что мѣшаетъ нормальнымъ отправленіямъ жизни человѣка, т. е. всякое ограниченіе его въ органическихъ потребностяхъ и препятствіе проявленію его здоровыхъ наклонностей и способностей, — стѣсненіе въ моціонѣ, въ трудѣ, пытка уединеніемъ и т. п.

тавъ ихъ въ принципѣ взаимности. Очевидно, что таже община, обладая тѣми-же силами, при другихъ условіяхъ, могла-бы быть обращена къ самой благотворной дѣятельности взаимнаго перевоспитанія, такъ-какъ при лучшихъ условіяхъ жизни ею могла-бы быть усвоена болѣе высокая нравственность, созданы взаимныя обязательства и долгъ поддерживать общій интересъ труда, спокойствія и взаимнаго счастія. Никто лучше не можетъ покорить личность, какъ общество; никто лучше не повліяетъ на направленіе его дѣятельности; никто лучше не перевоспитаетъ его, какъ общественное мнѣніе. Точно-также ничто лучше не приведетъ его къ сознанію правды и выгоды нравственныхъ отношеній, какъ личный опытъ во время жизни въ средѣ такой общины. Если до сихъ поръ люди, сроднившись съ общимъ каторжнымъ интересомъ, страдали за него,—если они до сихъ поръ создавали свое общественное мнѣніе, свою нравственность и свои средства самозащиты въ острогахъ при самыхъ-враждебныхъ условіяхъ, то при другихъ, разумѣется, лучшихъ условіяхъ представится болѣе возможности развить такую нравственность и стремленія, которыя будутъ направлены къ самымъ-человѣчнымъ и благимъ цѣлямъ: все дѣло, стало-быть, въ направленіи имѣющейся уже силы.

До сихъ поръ всѣ тюремныя системы, проектируя тюремную дисциплину для арестанта, какъ-то—страхъ наказанія, разныя ограниченія, чтобы удержать, дисциплинировать и перевоспитать арестанта, не подумали о самомъ могущественномъ человѣческомъ стимулѣ, — объ общемъ интересѣ, взаимныхъ выгодахъ, взаимныхъ обязательствахъ, которымъ всего-естественнѣе подчиняться человѣку,—не подумали о неотразимомъ вліяніи самой общины на отдѣльную личность силою своего общественнаго мнѣнія. А междутѣмъ созданіе такого порядка могло-бы разрѣшить весь тюремный вопросъ. Общественная власть и мнѣніе большинства есть самая-лучшая

сила обузданія личности, какъ общественная среда съ общественными ея учрежденіями—лучшая школа для нея. Мотивы сочувствія, основанные на взаимномъ интересѣ и благѣ, создающіе естественный долгъ поступать честно и справедливо относительно другихъ,—настолько присущи нравственной природѣ человѣка, что возбужденіе ихъ въ преступникахъ и арестантахъ также возможно, какъ и во всякомъ человѣкѣ. А усвоеніе ихъ есть уже полное ручательство человѣческаго исправленія и способности человѣка къ общественной жизни.

На такіе мотивы, какъ на средства исправленія пороковъ при помощи общественной жизни, неразъ указывали лучшіе европейскіе мыслители и даже успѣшно примѣняли эту силу общественнаго мнѣнія для перевоспитанія человѣка; напр., искореняя въ фабричномъ населеніи пороки и преступленія, возбуждая общественное мнѣніе противъ нихъ,—достигали того, что живущая въ средѣ общины личность невольно подчинялась общему правилу.

Наша острожная община впервые примѣнила эту силу самымъ успѣшнымъ образомъ къ своимъ членамъ. Направленіе этой общественной силы къ нравственнымъ цѣлямъ должно обусловить дальнѣйшее ея существованіе, и въ этомъ случаѣ русская острожная община имѣетъ свое будущее. Мы можемъ сказать, что прошедшая жизнь арестантства не прошла для насъ безслѣдно и подарила насъ не однимъ отрицательнымъ опытомъ. Раскрывъ до нѣкоторой степени картины арестантской жизни, мы желали-бы, чтобы взглянули на эту жизнь несчастныхъ гораздо глубже и серьезнѣе, чѣмъ это дѣлали до сихъ поръ; мы желали-бы, чтобы криминалисты и строгіе судьи арестантства увидѣли въ жизни общины не одни только отступленія отъ тюремнаго закона, не одно преступное упорство, возмутительный безпорядокъ или безнравственный союзъ *„злодѣевъ“*, котор... надо уничтожать. Нѣтъ, не желаніе замѣны пре

арестантской льготы болѣе строгою тюремной дисциплиной, не стремленіе еще-большаго угнетенія несчастія заставило насъ взяться за анализъ арестантской жизни: на это у насъ не поднялось-бы перо. Не намъ, видѣвшимъ несчастіе, поднимать руку на несчастныхъ! Но мы желали разъяснить, что жизнь преступниковъ—таже человѣческая жизнь, что она совершается по тѣмъ-же человѣческимъ мотивамъ. Скажемъ болѣе: жизнь падшихъ и несчастныхъ намъ только даетъ новыя доказательства величія и стремленія человѣческой природы къ добру. Она доказала тотъ высоконравственный принципъ, что братство и любовь—такая глубоко-естественная черта человѣчества, что не изглаживается въ сердцахъ никакихъ преступниковъ,—ни убійцъ, ни разбойниковъ. Ихъ община не поѣла себя среди междоусобій, а создала себѣ свои законы; на мѣсто вражды и преступленій —она внесла братскій союзъ всѣхъ угнетенныхъ, отверженныхъ и страдающихъ, высокочеловѣчную любовь другъ къ другу, защиту бѣднаго брата, геройское самопожертвованіе за жизнь и счастіе другихъ людей; несчастіе только сплотило людей и еще болѣе возбудило въ нихъ это чувство. Оно одно наполнило ихъ жизнь, облегчило ихъ въ минуты горя и дало имъ силы для защиты себя.

Такимъ образомъ самая-отверженная и признанная негодною община увѣнчала себя дѣломъ, достойнымъ человѣка. Она была новымъ свидѣтельствомъ, что сила общества, связаннаго любовью, способна разрушить всѣ препятствія, мѣшающія жить человѣку, а любовь способна обновить и воскресить человѣчество!

ТЮРЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Типы и характеры ссыльныхъ и заключонныхъ.

(Изъ разсказовъ одного ссыльнаго).

I.

Изъ падшихъ чиновниковъ.

Жить можно вездѣ приучиться. Такъ и я начиналъ обживаться въ своемъ новомъ отечествѣ. Мы съ нѣсколькими дворянами занимали особенную комнату, которая въ острогахъ обыкновенно зовется „дворянской", и были совершенно довольны своимъ помѣщеніемъ. Утромъ—занятія, чтеніе; послѣ обѣда прогулка по острогу и созерцаніе острожной жизни; вечеромъ чай, бесѣда о минувшемъ, разныя воспоминанія, разсказы о пережитыхъ впечатлѣніяхъ, иногда серьезный споръ, иногда веселый анекдотъ; все это пережилось въ длинные осенніе вечера. И такъ протекали не одинъ и не два года. Чуемъ мы, что тамъ, гдѣ-то далеко жизнь кипитъ, люди волнуются, устроиваютъ и перестроиваютъ свою жизнь, а мы все сидимъ въ своей скорлупѣ, живемъ какой-то робкой созерцательной жизнью. Въ это время можно даже дойти до совершеннаго равнодушія къ своему положенію и жить тихо своею внутреннею жизнью.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ, часовъ въ 11, у насъ, по обыкновенію, весело пылала печка, на столѣ привѣтливо журчалъ самоваръ и лилась оживленная бесѣда по поводу какой-то прочитанной новой книги. Вдругъ

дался громъ отпиравшагося замка въ нашей камерѣ. „Что-бы это такое?“ Въ острогѣ это впечатлѣніе совершенно особое. Здѣсь нужно быть готовымъ ко всякимъ неожиданностямъ; мы замолкли.

Чрезъ нѣсколько секундъ въ дверяхъ показался ключникъ и за нимъ въ темнотѣ выдвинулась фигура арестанта.

— Я вотъ къ вамъ привелъ, господа, переночевать одного человѣка; они только-что прибыли съ дороги... тоже изъ благородныхъ-съ.

Мы переглянулись недовѣрчиво и не успѣли даже спросить ключника, почему непремѣнно пересыльнаго ввели къ намъ, какъ замокъ снова заскрипѣлъ и насъ заперли.

Арестантъ междутѣмъ спустилъ съ плеча свой мѣшокъ. и все-еще стоялъ у дверей.

Это былъ высокій черноватый мужчина лѣтъ за 40 въ полномъ арестантскомъ костюмѣ, т. е. въ казенномъ полушубкѣ съ какими-то намалеванными назади клеймами, въ сермяжныхъ штанахъ, въ котахъ и съ сермяжнымъ уродливѣйшимъ треухомъ вмѣсто шапки. Лицо пришедшаго было правильное и обладало крупными чертами, волосы короткіе, борода давно не брита въ дорогѣ, а чорные, какъ уголь, глаза безпрестанно метались въ ту и другую сторону.

— Извините, господа,—началъ онъ нѣсколько-мягкимъ и изысканнымъ голосомъ; я самъ *изъ блаародныхъ чиновниковъ*; конечно, теперь въ несчастіи и, будучи всего лишонъ, нахожусь другимъ...

Онъ подошолъ къ столу и робко сѣлъ.

— Вы издалека?—кто-то изъ насъ спросилъ его.

— Изъ пензинской губерніи, города Краснослободска. Былъ блаародный человѣкъ, но разстройства и несчастія... такъ-какъ я имѣлъ отношенія и столкновенія на счотъ разныхъ аттенцій и патаму пострадалъ...

Незнакомый обвелъ насъ медленно своими черными глазами.

— Да-съ,—началъ онъ, нѣсколько помолчавъ,—я сосланъ былъ сначала на жительство изъ города Краснослободска въ городъ Мокшаны Т... губерніи и тутъ я имѣлъ семейное разстройство, такъ-какъ я старъ. Жена моя говоритъ: „не хочу старика: нужно молодого“; я-же впалъ въ отчаянность и выкинулъ эти самыя афиши...

Понять незнакомца было нѣсколько мудрено. Мы предложили ему чаю; онъ также почтительно принялъ стаканъ и посмотрѣлъ какъ-то особенно ласково.

— Какъ пріятно, господа, видѣть блаародныхъ чиновниковъ! я давно не видалъ-съ! а какъ пріятно!

Онъ медленно пилъ чай, деликатно откусывая кусочекъ сахару. Казалось, онъ былъ очень доволенъ; несмотря на то, лицо его было наполнено какой-то странной игрой: то у него появлялась какая-то блуждающая улыбка, то вдругъ выказывалась серьезность, и тогда глаза его искрились, а взглядъ становился злобнымъ, впивающимся. Подъ вліяніемъ нашего особаго расположенія это непріятно дѣйствовало, по крайней-мѣрѣ, на меня. Мы молчали.

Чрезъ нѣсколько минутъ незнакомецъ вытащилъ кошелекъ и высыпалъ на столъ мѣдныя колечки, нѣсколько грошиковъ и нѣсколько оловянныхъ крестиковъ.

— Вотъ все мое имущество,—сказалъ онъ, посматривая на насъ, и выдвинувъ крестикъ, прибавилъ:—вотъ за что мы страдаемъ-съ!

— То-есть „крестъ несемъ“, вы хотите сказать? — кто-то добавилъ изъ насъ.

— Да, господа! и ходитъ женихъ по граду, и ищетъ себѣ невѣсты, и будетъ она изъ дома Манютиныхъ..— Незнакомецъ послѣднія слова проговорилъ тихо и кинулъ своимъ чорнымъ загадочнымъ взглядомъ. „Сектантъ“, мелькнуло въ умѣ моемъ.

Я, господа, много священнымъ писаніемъ изощрялся, — началъ онъ, сидя потупившись: —ког
жался въ части, то все божественныя кн

Спросятъ меня бывало, что я читаю, а я плакать. Такъ и начальство обо мнѣ знало. Опять-же когда я былъ исключонъ изъ службы, то я началъ ходить по святымъ обителямъ на поклоненіе мощамъ. Купечество меня также приглашало: „здравствуйте,— бывало-скажутъ,— Иванъ Фомичъ! пожалуйте поговорить о божественномъ!“ И живешь у нихъ дня два. Да, господа, я былъ блюстителемъ храмовъ господнихъ, подвижникомъ... конечно, много терпѣлъ по странничеству: иногда меня и били... Онъ замолчалъ.

— Вы всѣ здѣсь, господа, изъ блаародныхъ?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ своимъ вѣжливо-заискивающимъ голоскомъ.

— Всѣ.

— Позвольте папиросочку, блаародные чиновники!

— Онъ закурилъ ее, тщательно держа между двухъ пальцевъ.—Давно не видалъ-съ обхожденія! Пріятно!—бормоталъ онъ.—А тамъ арестанты, мужики, грубость-съ! они на меня, и я съ ними ругаюсь, послѣдними-скверными словами ругаюсь. Нельзя-съ, Господа! я самъ былъ блаародный...—онъ тихо вздохнулъ.

Было уже поздно: бесѣда становилась вялою. Скоро прекратился разговоръ и товарищи мои улеглись спать; но меня разбирало любопытство. Я налилъ чиновнику еще чаю, закурилъ и началъ разговоръ.

— Вы служили? спросилъ я.

— Гмъ, да-съ!... Изволите видѣть: когда я былъ въ городѣ Краснослободскѣ, то я служилъ въ земскомъ судѣ канцелярскимъ служителемъ, также писалъ прошенія и жалобы. Тутъ у насъ начальство было дурное. Я началъ выводить покражу въ 2000 рублей, которую раздѣлили исправникъ съ становымъ... опять объ убійствѣ дѣвки. Тутъ я два года отписывался-съ...—(Эге! да это Перегоренскій! подумалъ я).—Конечно, не понравилось-съ: былъ исключенъ изъ службы и тогда впалъ въ отчаянность и придерживался крѣпкихъ напитковъ. Такъ и въ

отзывахъ начальство обо мнѣ писало: „отличается буйственнымъ поведеніемъ и придерживается крѣпкихъ напитковъ“. Это было, дѣйствительно-съ. Иду-съ я, бывало, изъ кабака, и идетъ исправникъ, а тутъ народъ. Я въ его сторону „такъ, молъ тебя“ и рѣзну-съ скверными-то словами. Да-съ. Онъ ко мнѣ: „Ты что сказалъ?“ — „Ничего“.— „Какъ ничего?“—„Такъ, потому какъ я пьянъ и не знаю, что говорю; а вы что къ пьяному человѣку придираетесь? ваше дѣло взять меня въ часть“. Возьмутъ. Отсижу и опять за тоже. Много я дѣловъ тутъ позаводилъ. Спрашиваютъ-бывало меня: „Кто ты такой? Гдѣ твое мѣсто жительства?“ а я отвѣчаю: дома-жительства не имѣю, а служу у его Сивушества господина Откупа, занимаюсь посѣщеніемъ благородныхъ питейныхъ заведеній, гдѣ и пребываю отъ „яко взыдетъ зорница“ до „тако отыду ко сну“. Давши такой отвѣтъ, потомъ, какъ кончится дѣло, я и пишу бумагу: „Почему земскій судъ допустилъ меня отвѣчать такимъ образомъ, такъ-какъ таковые отвѣты могутъ означать лишь насмѣшку надъ закономъ? и почему оный судъ должное постановленіе о семъ не составилъ? “Ну, чтоже-съ? Надоѣлъ я имъ. Выслали меня въ городъ Мокшаны подъ надзоръ полиціи. Жилъ я здѣсь; сначала выдавали по 7 рублей содержанія въ мѣсяцъ, а потомъ перестали и выдавать... Занятій нѣтъ-съ. Тутъ я въ отчаянности и написалъ афишу: „Что-же, господа, вы смѣетесь чтоли надо мною; а если такъ, то знайте-же.....„ да тутъ и выразился. Затѣмъ подписалъ чинъ и званіе.

— Что-же вышло?

— Посадили-съ. Спрашиваютъ: какъ ты осмѣлился и гдѣ писалъ? Я говорю, что такъ-какъ мнѣ перестали выдавать вспоможеніе, то вынужденъ былъ въ отчаянности выкинуть афишу, чтобы посадили меня снова,—карандашъ же и бумагу взялъ у полицейскаго служителя Матвѣя Өедорова Рылова...

— Да я еще и не то писалъ-съ,—продолжалъ онъ, воодушевляясь:—во время моего содержанія я пишу: „Могущественный Губернаторъ и обладатель земнаго шара! Будучи вверженъ, яко Даніилъ, въ ровъ львиный, я опасаюсь, чтобы сіи коварные звѣри, какъ краснослободскій исправникъ, не истерзали меня. Я прошу правосудія и защиты! Ежели же ты, Губернаторъ и обладатель земнаго шара, откажешь мнѣ, то я, аки Солиманъ, пойду по землѣ твоей и сокрушу лживыхъ и нечестивыхъ рабовъ твоихъ!“ Вотъ какъ я писалъ-съ! — Онъ захохоталъ груднымъ смѣхомъ, хоть лицо его не измѣнилось.

— Потомъ,—прибавилъ онъ тихо, — я еще просилъ отправить меня въ Санкпетербургъ для открытія высочайшаго секрета... Потому-какъ я ничего не боюсь. Что мнѣ жисть? Я готовъ-съ хоть сейчасъ на смерть. Да, я такой человѣкъ-съ! Нате мою душу! и онъ откинулъ судорожно свой полушубокъ и впился въ меня темными глазами, въ которыхъ глубоко сверкали огоньки.

— Ну-съ и отправили? спросилъ я, оправившись отъ смущенія.

— Нѣтъ! Я былъ посланъ на освидѣтельствованіе въ Пензу, такъ-какъ признали во мнѣ помраченіе разсудка. Ну, опять-же я много виноватъ передъ святѣйшей особой, а потому приговоренъ на жительство въ Тобольскую губернію...

Я взглянулъ теперь на эту фигуру, но уже въ ней не было ничего страшнаго; онъ сидѣлъ согнувшись и казался изломаннымъ, опустившимся, утомленнымъ.

Я простился съ нимъ и легъ спать.

Скоро улегся на полу, положивъ подъ голову мѣшокъ, и мой новый знакомецъ. Я слышалъ, какъ онъ долго бормоталъ засыпая: „я самъ, я самъ былъ благородный чиновникъ... какъ пріятно.... а они, мужики меня бьютъ, меня ругаютъ....“ вырвалось у него и вдругъ онъ судорожно зарыдалъ во снѣ.

Мнѣ стало жутко: я не спалъ и предо мной понемногу

проносилась жизнь этого человѣка, жизнь бѣдныхъ приказныхъ, атмосфера мелкихъ канцелярій и темныхъ подваловъ, жизнь семейнаго горя и кляузъ, жизнь, размыванная, истрепанная по кабакамъ и по большимъ дорогамъ.... А вѣдь были-же и тутъ силы! велась и тутъ какая-то борьба! Вѣдь въ искрахъ этихъ глазъ все-еще видна какая-то душевная сила.... А рыданія?.... Надломило. . . . .

Много я съ тѣхъ поръ видѣлъ подобныхъ мелкихъ канцеляристовъ, занесенныхъ судьбою въ острогъ; но они еще были жалче этого. Всѣ они были потеряны, забиты, угнетены своимъ положеніемъ. Небритые съ одутловатыми лицами послѣ перепоевъ, съ тусклыми глазами, они виднѣлись посреди арестантовъ и никуда въ острогѣ не могли пристроиться. Странная судьба подобныхъ личностей: если они не совершенно опустятся, т. е. не сдѣлаются униженными паріями острога, то попадутъ иногда въ другую крайность еще худшую: они сбросятъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность и сдѣлаются безнравственнѣйшими негодяями даже въ средѣ арестантовъ. Такой примѣръ мы видимъ въ „запискахъ изъ Мертваго дома" въ дворянинѣ Д. Подобные люди дѣлаются преимущественно шпіонами смотрителей въ острогѣ. Я помню у насъ въ тюрьмѣ двухъ такихъ людей,—виноторговца Б... и его пріятеля Ф... Оба они не стѣснялись плутовать и считались на самомъ дурномъ счету у арестантовъ. Бывшій поручикъ Б..., никогда нетерпѣвшій нужды въ тюрьмѣ, такъ-какъ имѣлъ деньги и торговалъ виномъ,—кралъ у арестантовъ тряпки, пятаки, трешники, соленую рыбу и т. д. Причиной окончательной распущенности этихъ людей въ острогѣ бываетъ: то, что они, составляя исключеніе изъ общей массы, не принадлежатъ къ общинѣ, какъ простые арестанты, которыхъ эта община связываетъ своимъ общественнымъ договоромъ и извѣстными нравственными обязательствами. . . . .

Объ острожной нравственности трудно судить, не зная дѣла. Я помню споръ одного умнаго бѣгло-каторжнаго съ волостнымъ писаремъ, человѣкомъ богатымъ и попавшимъ въ острогъ по случайности, но который былъ безсовѣстнѣйшимъ малымъ и наканунѣ выпуска своего изъ тюрьмы надулъ бѣдныхъ каторжныхъ какой-то лоттереей!

— У насъ честь есть,—говорилъ съ убѣжденіемъ каторжный Вагинъ: — Мы своего брата никогда не обманемъ. Я 30 лѣтъ въ бродяжничествѣ хожу; я дѣлился кускомъ съ своимъ братомъ; у меня на него рука не подымется, потому-что мы всѣ несчастные. Значитъ, у меня совѣсть есть! а у тебя нѣтъ ея.... Остолопъ!

Вотъ тутъ и посудите о человѣческой нравственности.

II.

Фармазонскій купецъ.

При воспоминаніи о старыхъ знакомыхъ по сибирскому острогу, съ которыми когда-то столкнула насъ одна участь, на первомъ планѣ представляется мнѣ острожная жизнь русскаго крестьянства,—сословія, которое платится наиболѣе-значительнымъ процентомъ тюремном заключенію.

Я живо помню, какъ привели и посадили въ сосѣднюю со мною секретную камеру одну типическую личность—крестьянина. По одну сторону отъ меня тогда сидѣлъ еврей, взятый за воровство, по другую—проштрафившійся палачъ; тотъ и другой пользовались не особенно, а все-таки довольно снисходительнымъ обхожденіемъ ключниковъ, но съ мужикомъ повели дѣло иначе. Разъ кого-то съ насмѣшкой втолкнули въ маленькую захолустную секретную нашего корридора. Замокъ тяжело брякнулъ. „Сидико теперь, *чалдонъ!*“ прибавилъ нашъ ключникъ

Самойло Иванычъ, и поспѣшно удалился по корридору! Приведенный былъ мужчина громаднаго росту, коренастый и здоровый, съ рыжей бородой, съ атлетическими формами и въ тоже время съ тоненькимъ дѣтскимъ голосомъ, составлявшимъ положительный контрастъ съ его фигурой. Въ острогъ онъ попалъ за найденныя у него фальшивыя деньги, страсть къ которымъ сильно распространена между сибирскимъ крестьянствомъ.

Въ то время, какъ наши секретные арестанты, уже привыкшіе къ острожной жизни, постоянно кричали, вели оживленныя сношенія чрезъ форточки дверей, пѣли пѣсни и ругались съ ключниками, нашъ сосѣдъ сидѣлъ безмолвно; онъ казался самымъ забитымъ, а потому остальные секретные относились къ нему свысока и съ презрѣніемъ. Изрѣдка отопрутъ его по настоятельной просьбѣ,—громадная фигура прокрадется по корридору и снова возвратится; ключникъ дастъ ему по дорогѣ тумака и снова запретъ. Самойло Иванычъ, низенькій и плюгавенькій человѣкъ изъ выкрещенныхъ жидковъ, приставленный къ секретнымъ, питалъ необыкновенное озлобленіе къ гиганту и даже нарочно не выпускалъ его за настоятельною нуждою; но мужикъ все терпѣлъ. Помню, онъ захворалъ тифомъ; пришолъ докторъ и прописалъ ему слабительное. Мужикъ отнесся къ нему крайне скептически. Утромъ мы узнали, что онъ выпилъ заразъ всю стклянку и... не подѣйствовало. Долго глумился надъ этимъ Самойло Иванычъ, а мужикъ окончательно почувствовалъ презрѣніе ко всякой медицинѣ. Онъ былъ попрежнему угрюмъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ не говорилъ ни слова.

— Какъ ты это терпишь? говорили своему сосѣду секретные: — въ острогѣ у насъ самъ съ бою ничего не будешь брать, такъ тебя такъ-ли еще загонятъ! Что ты смотришь на ключника? Шаркни его *парашей*, такъ и будетъ впередъ знать!

— Ну ихъ! говорилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ

гигантъ: еще, пожалуй, зашибешь на смерть. Я, братцы мои, годковъ десять назадъ по подозрѣнью въ поджогѣ сидѣлъ, такъ толи еще терпѣлъ! Въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ близь году держали, одноважъ штукъ 300 розогъ ввалили, комлемъ дули..., Да вѣдь чтожъ дѣлать-то? притерпѣлся!

— За что ты теперь-то попалъ сюда? спрашивали его арестанты.

— Да деньги фальшивыя въ сапогѣ нашли, какъ мы съ товарищемъ въ „паскудномъ домѣ" были.

— Ну и что-же?

— Что?... я говорю: сапогъ былъ не на мнѣ, — подкинули,-деньги не мои!

— Врешь, братъ: не отдѣлаешься: улика!—говорили юристы-арестанты.

— Пустяки! ничего не будетъ: только стой на своемъ!—говорилъ спокойно нашъ герой.

— Пойдешь въ каторгу! подстрекали арестанты.

— Пустяки: ничего не будетъ...

— Вѣдь полиція нашла деньги-то у тебя, — пойми ты, голова! Подкинуть-то некому!

— Ничего не будетъ!... попрежнему утверждалъ стоикъ и снова закупоривался въ своей секретной, гдѣ спалъ и ѣлъ безъ всякой заботушки, также-какъ хладнокровно выносилъ гоненія и тумаки маленькаго Самойлы Иваныча, который съ своимъ миніатюрнымъ кулачишкомъ передъ нимъ являлся самымъ-безпокойнымъ лилипутомъ. Самойло Иванычъ междутѣмъ всѣ силы употреблялъ, чтобы досадить этой флегматической натурѣ, этому неотесу, котораго, кажись, ничто не пробирало, и вотъ — онъ продержалъ его разъ, не выпуская цѣлые сутки изъ каземата. У гиганта терпѣнье лопнуло. Онъ постучался разъ-два подъ оглушительныя насмѣшки секретныхъ и затѣмъ мгновенно, не говоря ни слова, вышибъ кулакомъ дверь съ замкомъ, пробоемъ и притолками и очутился предъ смутившимся часовымъ въ кор-

ридорѣ. Только тогда секретные увидали, что эта личность побойчѣе ихъ, болѣе хваставшихъ, чѣмъ выполнявшихъ свои угрозы. Послѣ этого случая даже Самойло Иванычъ присмирѣлъ и стушевался.

Скоро мы еще ближе ознакомились съ нашимъ сосѣдомъ. Какъ оказалось, это былъ старообрядецъ, посвоему начитанный и неглупый, но начитанный именно той раскольничьей литературы, которая составляетъ достояніе нашего простого народа: это смѣсь библіи и псалтыря съ разными символическими и мистическими книгами. Такъ, однажды разговорившись съ сосѣдями, старообрядецъ разсказывалъ о фармазонахъ и междупрочимъ о фармазонскихъ купцахъ, будтобы разъѣзжающихъ съ товарами по Россіи и обращающихъ людей въ свою вѣру. Обращеніе это, по его словамъ, знаменуется снятіемъ портрета, который, въ случаѣ измѣны *посвящоннаго*, достаточно прострѣлить, чтобы настоящее лицо немедленно умерло. *) Для нашихъ секретныхъ, большихъ насмѣшниковъ и скептиковъ, мифъ этотъ показался столь забавнымъ, что разсказчика самого назвали фармазонскимъ купцомъ. Онъ долго носилъ эту кличку, — до тѣхъ поръ, пока не былъ выпущенъ изъ секретной и не сдѣлался крестьянскимъ старостою въ нашемъ острогѣ. Тогда ему дали новое названіе „*Минина-Пожарскаго*" за его колоссальную фигуру, напоминавшую московскій монументъ.

Съ фармазонскимъ купцомъ я сблизился впослѣдствіи, когда мы оба были выпущены изъ секретныхъ. Онъ очень занималъ меня. Это былъ типъ сѣвернаго русскаго крестьянина, угрюмаго, флегматичнаго, преданнаго расколу, но въ тоже время довольно фривольнаго и неособенно

---

*) Этотъ старый мифъ старообрядецъ извлекъ изъ одной книги о франкмасонахъ, изданной при Александрѣ I. Извѣстіе о ней есть въ статьѣ г. Пыпина о масонствѣ въ Вѣстн. Европ. 1868 г. Книга эта до сихъ поръ ходитъ въ народѣ.

строгаго въ нравахъ. Тотъ, кто знавалъ близко раскольниковъ, вѣроятно, замѣчалъ, что эти противоположныя черты сплошь и рядомъ въ нихъ уживаются. Въ тоже время, какъ мы убѣдились, это былъ представитель несокрушимаго стоицизма и полное выраженіе непочатой и страшной мускульной силы русскаго народа.

Однажды зашолъ разговоръ о предкахъ фармазонскаго купца; онъ разсказалъ, какъ они пріобрѣтали новыя земли въ Вятской губерніи и душили вотяковъ. Какъ-такъ? кто-то спросилъ его.—„Какъ?! —возразилъ фармазонскій купецъ:—земля нужна,—ну, и придушатъ его и въ болото... Что его не душить? вѣдь онъ все равно, что *мыша*“. Это воззрѣніе на инородца, какъ на мышь, это несокрушимое завоевательное хладнокровіе вполнѣ отразило въ себѣ русскаго первобытнаго земледѣльца-завоевателя. Самъ фармазонскій купецъ вполнѣ принадлежалт къ этому первобытному типу.

Нельзя сказать, чтобы это былъ тупой и грубый умъ: начитанный, онъ любилъ дѣлать свои характеристики, проводилъ мѣткія сравненія, любилъ цитаты изъ библіи и не лишенъ былъ народнаго юмора.

Часто онъ, какъ философъ, обозрѣвалъ острогъ. Я помню его величественную фигуру, въ сѣромъ кафтанѣ, безъ шапки и, руки за поясомъ, стоящую, какъ статуя, на дворѣ и любующуюся на огромное четырехъ-этажное зданіе острога.—Вѣдь эдакой *чертовикъ* вымогли! говорилъ онъ, саркастически искривляя губы. Вавилонъ! продолжалъ онъ, покачивая головою на шумъ и бѣготню острожнаго люда. Ты знаешь ли, какъ этотъ самый замокъ строился? обратился онъ ко мнѣ. Постой, вотъ я тѣ скажу. Какъ строился этотъ острожище, ѣхалъ мимо него мужичокъ на базаръ и заглядѣлся на эту махину. Встрѣчается въ тѣ поры баринъ съ нимъ.—Что, говоритъ, мужичокъ, смотришь? вотъ бы тебѣ въ эдакихъ хоромахъ пожить?—Куда намъ, воронамъ,—говоритъ мужичокъ,—въ такія хоромы! вотъ хоть бы вашему-то почте-

нію такъ больше бы это пристало! И фармазонскій купецъ заливался своимъ звонкимъ тонкимъ смѣхомъ.

Какъ крестьянинъ, онъ не любилъ острога и совершенно чуждую ему среду его; онъ презиралъ бродяжескую праздную и безцѣльную жизнь. Антагонизмъ между бывшими въ острогѣ крестьянами и бродягами былъ порожденъ еще на волѣ. Бродяги не терпѣли крестьянъ за то униженіе, которое выносили во время бродяжества, а крестьяне смотрѣли на бродягъ, какъ на людей, которые предпочитали нищенствовать, жить воровствомъ и ничего не дѣлать. Фармазонскій купецъ къ этой жизни относился съ самой горькой ироніей. Разъ, когда мы были во дворѣ, въ острогъ ввели цѣлую кучу этого народа, только-что взятаго съ дорогъ. Оборванные, запыленные, закоптѣлые около полевыхъ костровъ, съ своими нищенскими мѣшками, они представляли самый жалкій видъ, даже въ средѣ острожныхъ обитателей! — „Вонъ они, негры-то при собраніи сахарнаго тростника!“, мѣтко сравнивалъ фармазонскій купецъ этихъ чумазыхъ и закоптѣлыхъ людей. Сравненіе онъ извлекъ изъ только-что прочитаннаго имъ путешествія Лакіера.

Начальства онъ не любилъ, какъ подсудимый и какъ раскольникъ; съ нимъ онъ былъ грубъ и дерзокъ до невѣроятія. На допросахъ онъ всегда грубилъ и любилъ обличать слѣдователей и чиновниковъ, противъ которыхъ былъ страшно озлобленъ; канцелярская процедура бѣсила его.

— Что ты пишешь тамъ? ну, что ты пишешь!—говорилъ онъ на допросахъ. — Развѣ, что напишешь, такъ тому и быть? Пиши, сколько хочешь! Чернильный человѣкъ и больше ничего!.... О немъ составляли постановленія и отправляли его въ острогъ.—Гоги и магоги и желѣзные носа!—говорилъ онъ, выражаясь своимъ книжно-мистическимъ языкомъ.

За имѣніе фальшивыхъ денегъ, за грубость и упорство на допросахъ онъ былъ приговоренъ въ шестилѣт-

ней каторжной работѣ. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ пришолъ онъ ко мнѣ послѣ рѣшенія, т. е. по объявленія приговора.—Какъ-же ты теперь?—спросилъ я его.—„Что? улыбаясь отвѣчалъ онъ: отработаю, давали бы пищу: ничего!" Онъ также невозмутимо надѣлъ кандалы и пошолъ на каторгу.—„Пища была-бы, отработаю!" попрежнему утверждалъ онъ на прощаньи. Но мнѣ припомнилось невольно, что есть каторжная „марцовка" (жиденькіе арестантскіе щи), которая едвали удовлетворитъ аппетитъ такого организма; такія натуры на Руси съѣдаютъ по 8 фунтовъ хлѣба заразъ. Я промолчалъ и только взглянулъ на его страшную и рѣшительную фигуру.

Что будетъ далѣе съ нимъ, можно предполагать по субъектамъ его натуры: или онъ впроголодь рѣшится отработать 6 лѣтъ на каторгѣ, такъ-какъ и это при его гигантскомъ стоицизмѣ возможно, и тогда онъ, покончивъ съ рудниками, попрежнему станетъ осѣдлымъ работникомъ; или его взорветъ, какъ взорвало вышибить дверь въ острогѣ, и онъ убѣжитъ съ каторги. Тогда онъ станетъ бродягой, но не изъ тѣхъ нищихъ-воровъ, которые наполняютъ сибирскія деревни: озлобленный каторгой и несчастіями, онъ пойдетъ на всё, и тогда кто знаетъ, чѣмъ отразится страшная сила и хладнокровіе этой натуры.

III.

Фельтикультетный человѣкъ.

Какъ-то я лежалъ въ тюремной больницѣ; подлѣ меня лечился низенькій и плотный арестантъ (такихъ по фигурѣ почему-то въ острогѣ называли *тарбачанами*; онъ лечилъ отмороженную ногу.

При первомъ знакомствѣ Никифоръ Губковъ объявилъ

мнѣ, что онъ—поселенецъ, а на волѣ занимался *качествами* *). „Впрочемъ, — прибавилъ онъ,—все будетъ въ сохранности: мы вѣдь только на волѣ занимаемся художествами: надо чѣмъ-нибудь жить. Насъ вѣдь здѣсь много *фельтикультетныхъ* людей“,—замѣтилъ онъ улыбаясь. Фельтикультетными людьми онъ называлъ особенно-плутоватыхъ изъ своего брата поселенцевъ, проживающихъ въ Сибири разными хитростями. Скоро съ фельтикультетнымъ человѣкомъ я побольше познакомился.

Онъ жилъ въ больницѣ довольно камфортабельно и неизвѣстно-откуда доставалъ водку, которую и продавалъ въ острогѣ. Каждое утро по этому случаю я слышалъ въ камерѣ спиртную атмосферу, происходившую отъ переливанія спирта въ пишки, которыя въ обильномъ количествѣ сушились въ нашей печкѣ. Никифоръ Губковъ въ острогѣ считался капиталистомъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ рублей тридцать, зашитыхъ въ подвязкѣ: ими-то онъ и спекулировалъ по части водки и закладовъ. Самъ онъ для себя не скупился и жилъ настоящимъ бонвиваномъ: какъ-то онъ умѣлъ всегда перехватить въ больничной кухнѣ самый лакомый кусокъ, счерпнуть себѣ самыхъ жирныхъ щей, достать лучку, перичку, иногда устроить уху, яичницу и затѣмъ наслаждался блаженствомъ сна послѣ обѣда. „Надо умѣть жить-съ: тутъ надо смѣкалку имѣть“, говорилъ онъ мнѣ, подмигивая и водоча что-нибудь особенно-лакомое изъ больничной кухни. Иногда его прорывало: онъ запивалъ; тогда шлялся пьяный по острогу, бахвалился, игралъ въ карты и буянилъ, но скоро оправлялся, считалъ деньги, и опять начиналъ спекулировать. Больше-всего былъ интересенъ Никифоръ, или Никишка, какъ его звали въ острогѣ, культяный тоже, когда онъ пускался въ споръ, ругалъ

---

*) Качествами въ острогѣ называютъ всякое плутовство и мелкое преступленіе.

Сибирь и показывалъ свое знаніе и превосходство передъ всѣмъ прочимъ міромъ.

— И что это за Сибирь, за глушь, за необразованности проклятая! Что въ ней за *чалданы* такіе живутъ! Самая это пропащая сторона Сибирь,—злился онъ на койкѣ.

— Хлѣба за-то много! — возражаетъ Никифору мой пріятель, лежащій въ больницѣ и желающій позлить Никифора.

— Хлѣба! — ожесточонно хватается Никифоръ, какъ собака на брошенную кость.—Хлѣба! А у насъ фрукты! А города-то какіе?!

— Ну чтоже и здѣсь тоже есть города!

— Деревни, деревни-съ у васъ. Теперь вы возьмите нашу Кострому. Значитъ, дома какіе... — въ пять этажовъ! церквей сколько! кумполъ волочоный... а Волга? судовъ сколько! Куда-же тутъ до насъ!

— Но вѣдь и здѣсь.... — старается, улыбаясь, что-то возразить мой пріятель.

— Что-съ? Гдѣ фруктовые сады-то-съ? а?! Вы это мнѣ скажите! Эхъ, сударь! я васъ въ туясъ, въ туясъ, сударь, загналъ!

И онъ, не слушая никакихъ больше возраженій, окончательно торжествуетъ и закатывается смѣхомъ на своей кровати, болтая культяной ногой.

— Теперь возьмите нашъ замокъ: гдѣ-жъ здѣшнему противъ него!—черезъ нѣсколько минутъ онъ обращался уже ко мнѣ.—Теперь у насъ въ Костромѣ палаты выстроены; вездѣ лампы горятъ. Патреты теперь съ насъ стали снимать.

— Какъ портреты?

— А такъ-съ.. Какъ возьмутъ бродягу неизвѣстнаго, сичасъ патретъ стеклами снимаютъ. Снимали и съ меня-съ. Какже... Вымыли это, знаете, меня сначала, расчесали. „Рожи, говорятъ, не корчи“ и сичасъ патретъ,—съ насъ-то, съ неотесовъ. Каково-съ! Ха!

— Да когда-же это было?

— Да вотъ когда я изъ Сибири на родинѣ былъ.

— Какъ-же вы туда попали?

— Очень просто-съ: захотѣлъ и попалъ.

— Однако...

— Очень просто-съ. Вышелъ изъ деревни, пошолъ въ городъ; паспортъ въ куски, къ чорту!.. Прихожу „кто такой!“—Бродяга.—„Откуда?“—Такой-то костромской парень... былъ въ Сибири на заработкахъ. А ужъ раньше я намѣтилъ, на кого показаться... Свѣрились. Дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ какъ въ деревнѣ такой-то парень пропалъ. Ну, и выслали меня туды.

— Но вѣдь вы, Никифоръ, на другого показались: какъ-же васъ тамъ приняли?

— Очень просто-съ! Сейчасъ обществу два ведра вина. Приходитъ, значитъ, отецъ этого парня и братъ. Я стою улыбаючись.

— „Что,—говоритъ міръ мужику,—узнаешь сына?“

— Какъ-будто,—говоритъ,—не признаю.

— Ну, что старина,—говоритъ міръ,—съ чего свово не призналъ? бери: нечего толковать; да поцалуйтесь. Давно не видались; отъ того и не призналъ!“ а сами смѣются.—Аль взять? говоритъ старикъ. Я въ ноги...— „Ну тебя къ лѣшему!“—говоритъ старикъ:—пойдемъ въ кабакъ. Такъ я и сталъ сыномъ. Потому мужику тоже бываетъ выгодно работника взять: сына не нашолъ, ну такъ пріемышъ будетъ. И забавно мнѣ это было, какъ это я къ нимъ въ избу пришолъ. Сижу я въ переднемъ углу тихохонько; кругомъ новые братья и сестры ходятъ. Одна старшая вытащила рубаху пестрядинную и штаны.—„На, говоритъ, Митрофанъ, передѣнь чистенькое“. А я кой-чортъ Митрофанъ: поди, сами знаете. А въ избу, то-и-дѣло, деревенскіе заходятъ.—„Ну-ко, гдѣ у васъ сынокъ-то?“ Я молчу. Наконецъ старшій братъ закричалъ: „Чего, говоритъ, лѣзете? чего не видали! Пойдемъ, говоритъ мнѣ, въ кабакъ!“ Пошли. Небольше, какъ черезъ недѣлю старикъ на ярмарку недалеко поѣ-

халъ, взялъ меня и старшую сестру. Въ первый день и я ходилъ съ ними, сестрѣ орѣховъ еще купилъ. Одначе, думаю, не удрать ли мнѣ отъ нихъ. На другой день, какъ ушли они на базаръ я ,благословясь цапнулъ тятинькинъ полушубокъ, два рубля денегъ мѣдныхъ, да сестрино полотенце и поминай-какъ звали! Такъ и накрылъ ихъ, тятиньку-то. Ха-ха-ха!

— А потомъ всетаки попались?

— Попался ужь въ самой Костромѣ; ну, и сюда опять по Владимiркѣ.

Никифоръ нерѣдко пускался въ разсказы о своихъ приключенiяхъ.

— А я вѣдь не то, что эти чалданы; я знатнаго происхожденiя,—какъ-то говорилъ онъ мнѣ.

— То-есть какого-же знатнаго?

— Хотите, я вамъ свое происхожденiе объясню?

— Пожалуй.

И въ этотъ вечеръ Никифоръ долго меня посвящалъ въ свою бiографiю.

„Происхожу я изъ торговаго сословiя въ Санктпетербургѣ, — разсказывалъ онъ; — и прiѣхали мы сюда, въ столицу, то-есть, съ тятенькой изъ Костромы, и завелъ онъ въ Питерѣ лабазъ: въ малолѣтствѣ моемъ онъ отдалъ меня на обученiе къ торговцу фрухтами и пряниками. Много насъ жило ребятъ у хозяина. Мы разносили фрукты и лакомства по городу и дачамъ, а-то сидѣли въ александровскомъ паркѣ—знаете? Ну-съ, началъ я подростать; было ужъ мнѣ лѣтъ четырнадцать, и сталъ я съ своими товарищами, тоже разносчиками, заводить компанства; начали баловать. Разъ я прожоталъ отъ хозяина весь товаръ да и бѣжалъ; однако меня нашли; отецъ выдралъ и взялъ къ себѣ. Тутъ ужъ я былъ неудержимъ-съ: сижу въ лавкѣ у отца, а самъ думаю, какъ-бы стащить что-нибудь да въ трактиръ. Сошолся я въ это время съ купеческимъ сыномъ, у котораго отецъ недалеко отъ насъ у андреевскаго рынка трактиръ держалъ.

богатѣйшій человѣкъ — одно слово. Этотъ самый купеческій сынъ хватилъ разъ у отца рублей триста, и пошли мы съ нимъ кружить.... Шатались дня три, всѣ деньги уходили и растеряли, а ужъ насъ розыскиваютъ. Пріѣхали, накрыли насъ, добрыхъ молодцовъ. Купеческаго сына въ тѣ поры отецъ отстранилъ отъ распоряженія выручкой въ трактирѣ, а меня родитель вздулъ, какъ сидорову козу. Началъ я тутъ подумывать, какъ-бы вырваться на волю, — и вотъ взялъ я разъ изъ-за прилавка выручку, да и былъ таковъ — пошолъ по Питербургу. Долго я шатался по городу, — гдѣ ночь, гдѣ день. Покуда были деньжонки, все было ладно, а тамъ и подъ открытымъ небомъ въ лѣтнемъ саду пришлось ночевать. Гдѣ я тутъ ни шатался... ну, и наткнулся я на моихъ наставниковъ, да и сталъ карманникомъ. Дѣло тутъ самое простое, значитъ. Знаете, какъ мы на Невскомъ или около балагановъ отличаемся. Много у меня тоже происшествіевъ и приключеніевъ бывало. Къ работѣ я былъ непривыченъ. Бѣжалъ безъ вида и кушать хотѣлось и покутить тоже: вотъ и сталъ я воровать. Нарвался, — меня послали въ Сибирь на поселенье. Что-же? въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Нашъ братъ идетъ важно: духу не теряемъ, — продолжалъ Никифоръ. — Идемъ мы въ партіи; сначала щеголяли: деньги были... Москва награжаетъ подаяніемъ... шаровары плисовые, поддевка новая, рубашечка красная французскаго ситцу, шапочка на бекрень... знатно мы идемъ въ походѣ. Подходимъ къ деревнѣ: стукъ въ окно. „Хозяинъ! медъ, икра есть“? — Что надо? — „Подайте милостыньку, Христа ради“. — Богъ подастъ: рожа толста. — Ничего, идемъ дальше: съ деньжонками-то все ладно. Другіе сударушкой въ партіи обзаведутся. Она и начнетъ нагрѣвать нашего брата: купи, — говоритъ, — душка, мнѣ этого гуся или этого поросенка, а сама башмачкомъ, носочкомъ-то и толкаетъ гуся съ поросенкомъ. Ну, нашъ братъ не рядится. Сейчасъ на, что запросилъ: значитъ, народъ идетъ съ форсомъ; однако покупаетъ, покуд

да и профершпилится; опять *фалька* *) подкузьмитъ. Глядь, изъ Казани выходитъ голъ, какъ соколъ: такъ и пѣсня сложена:

От Москвы и до Казани
Идемъ съ полными возами;
Отъ Казани до Тобола
Идемъ съ горькими слезами.

Глядь, въ Сибири-то подходимъ; сударушка и говоритъ: дай, душка, чорнаго хлѣбца. Тутъ ужъ носочкомъ-то шевелить покупки не удастся: прогоримъ. Другой сударушку и на карту ставитъ. Придемъ въ Сибирь,— голь одна. Запрутъ это насъ въ сибирскую волость, въ деревню. Здѣсь глухо; народъ необразованный; только и знаютъ, что соху; вотъ я и попалъ въ такую деревню. Къ работѣ тяжолой непривыченъ, а пришлось заниматься. Нанялся я въ работники къ мужику, и проклялъ я въ тѣ поры и жизнь свою. Ничего не знаю, потому какъ пріучонъ не былъ и деликатное воспитаніе получилъ. „Эй ты,—кричитъ хозяинъ, — поди-запряги лошадей! на покосъ надо ѣхать“. Какъ тутъ, думаю, быть: я отродясь не запрягалъ, однако надо какъ-нибудь! пошолъ; вижу рядъ саней другъ подлѣ друга; сталъ соображать, запрегъ. Только выходитъ хозяинъ; какъ взглянулъ, такъ животики и подперъ... и почалъ-же онъ ругать меня: „ахъ ты, дуракъ—говоритъ: да гдѣ-же ты видѣлъ, чтобы такъ лошадей запрягали? да гдѣ ты, сокровище такое, уродился?“—Я стою, не понимаю; досадно мнѣ. А я, знаете, оглобли-то совсѣмъ перепуталъ; какъ стоялъ рядъ саней, я взялъ оглоблю отъ однихъ, да оглоблю отъ другихъ, да въ нихъ и впрягъ лошадей. Долго надо мной хозяинъ дивовался. Такъ вотъ я какой въ Сибирь-то пришолъ! Въ другой разъ собирались мы на сѣнокосъ; я приготовилъ все, что было нужно.—Взялъ ли ты баст-

*) Острожный терминъ картежной игры.

рыкъ-то? говоритъ мнѣ хозяинъ.—Какой, думаю бастрыкъ?—Взялъ, говорю. Вышелъ хозяинъ на дворъ.—Гдѣже онъ? говоритъ. — Здѣсь! указываю я на телегу. — Ахъ ты, глупая башка! да вѣдь вонъ онъ, бастрыкъ-отъ, въ углу еще стоитъ! Указалъ онъ мнѣ на жердь въ углу, что на сѣно привязываютъ поверхъ воза для упора.— А кто его зналъ, какой онъ-бастрыкъ такой! Ну и много-же горя и ругани съ перваго разу я принялъ. Бывало хозяинъ ругаетъ, а меня досада беретъ. Къ тому-же и работа трудная. Злому татарину я не желаю жить въ работникахъ у сибирскаго мужика: онъ изъ тебя всѣ кишки выжметъ! Кормитъ—кормятъ хорошо: всего вдоволь,—щей, мяса, каши, квасу и водки: ну, зато и работай съ нимъ, какъ волъ. Они здоровы работать, потому имъ это дѣло привычное; ну а мнѣ ужь за ними бывало не угнаться. Еще куда до зори проснется хозяинъ; позавтракаемъ: сбирайся,—говоритъ,—на пашню. Поѣдемъ... давай боронить!.. работаемъ до обѣда. Послѣ обѣда отдохнуть-бы надо—анъ нѣтъ: „пойдемъ,—говоритъ хозяинъ, — паря, порубимъ дровецъ; чего дѣлать-то!" А, чтобъ тебя!.. Рубимъ до вечера... пріѣдешь; — походи за конями. Къ вечеру такъ умаешься, что не ѣмши свалишься. На другой день, чуть свѣтъ, опять будитъ: „ну, паря, надо въ поле: вставай"! Опять до вечера работа. Другой разъ въ воскресенье только пообѣдаемъ, „что?—скажетъ;—не съѣздить-ли намъ на пашню". Посмотрѣлъ я это... „нѣтъ!" говорю—„*птру!*" На другое воскресенье, чуть свѣтъ, шасть въ кабакъ, да до другого утра и поминай-какъ-звали. Ничего; „что, говоритъ, погулялъ? Да, да оно и надо въ праздникъ",—такъ я и отбился отъ воскресенья. Зимой опять работа настала— возки съ товарами возить; — ямщиной, значитъ, хозяинъ занимался. Возки такъ и повалили — такая гоньба пошла, что бѣда. Только придешь, закусишь — опять надо ѣхать! Разъ я три дня почти съ козелъ не слѣзалъ. Отвезешь возокъ, — ѣдешь назадъ—др

лень. Пріѣхалъ,— опять подъ новый запрягаемъ. Хозяинъ спрашиваетъ: „не свезешь-ли?“ Ну—нельзя, опять ѣду: только виномъ и жилъ. Помотался я эдакъ дня съ три: чортъ съ вами, думаю. Зашолъ въ кабакъ—напился, да и пошолъ кружить дня на четыре. Прихожу послѣ къ хозяину. „Что-же ты, говоритъ, въ такое пущее время запилъ: другого-то времени не нашолъ—жить не хочешь, что-ли“.—„А что, молъ, я вамъ за батракъ дался? развѣ я другого мѣста не найду“,—разругался съ хозяиномъ и отошелъ. Поступилъ къ другому мужику,—вижу: такая-же маетная работа. Нашему брату поселенцу совсѣмъ тутъ непривычно—и житья нѣтъ—плохо. Потому-то мы ихъ не терпимъ. Сибирякъ норовитъ все насъ батракомъ сдѣлать, а мы не хотимъ. Теперь въ годъ онъ работнику платитъ 20, 25, много 30 рублей: ну, за что я ему тутъ буду выбиваться изъ силъ? Денегъ у него просить начнешь, — скупится, жилитъ, а коли дастъ, пропить норовитъ съ тобой-же. И жилы-же эти богатые мужики, — сущіе живодеры, да и остальные-то челдоны—такіе-же. Есть теперь деньги у поселенца,—все къ его услугамъ; лучше его на свѣтѣ нѣтъ; все предоставитъ, жену отдастъ; будь бѣдный, только и норовитъ нашего брата утѣснить. Придешь на сходку: „давай подати“.—Нѣтъ.—Гдѣ хочешь, возьми да подай, а то драть; ну, и пойдешь воровать: у нихъ-же украдешь, да имъ-же и принесешь. Али теперь судъ случится—нѣтъ, вѣдь челдоны своего оправдаютъ, а нашего брата драть примутся. Кто что ни нагрезилъ,—въ отвѣтѣ у нихъ все поселенецъ; все валятъ на поселенца. Идешь по деревнѣ,—такъ только облаять тебя норовятъ: „вишь“ скажутъ; „варнакъ идетъ: мотри, ребята, какъ-бы не стянулъ что“.—Ладно, думаешь, ужъ покажу-же я вамъ варнака, желторотые. Ну и подъѣдаетъ-же ихняго брата челдона нашъ братъ, коли насолятъ ему. Ночью у него ворота вымажешь дегтемъ,—куръ, барановъ перерѣжешь, лошадямъ гривы и хвосты острижешь. На вотъ тебѣ! Ему

на лошадяхъ-то показаться никуда нельзя будетъ: всѣ смѣяться станутъ, какъ на безхвостыхъ лошадяхъ поѣдетъ. А-то стога сожжомъ. Но пуще всего имъ, какъ мы, поселенцы, съ женами ихъ валандаемся, потому ихъ бабы насъ, поселенцевъ, лучше любятъ; нашъ братъ и развернуться умѣетъ, и красивѣе ихъ мужлановъ. Опять имъ этимъ досаждаютъ. За все это мужикъ норовитъ тебя побить, или прямо изъ винтовки *бахманъ* дастъ: „а вотъ я ему варнаку пулю въ бокъ“,—скажетъ; у него расправа коротка. Вотъ съ нимъ и держишься опаски: Придешь въ гости къ женѣ его, а у самого двѣ шапки: одну всегда въ карманѣ на случай держишь; застанетъ хозяинъ насъ,—пойдешь будто до вѣтру,—надѣнешь другую шапку, да ффю: поминай, какъ звали, потому иначе съ ними нельзя. Этихъ челдоновъ часто нашъ братъ облапошиваетъ, потому куда имъ до россейскихъ: неотесы неотесами; только мы ихъ и образовываемъ; они должны за нашего брата Бога молить. Нашъ братъ и ассигнаціи имъ дѣлаетъ; нашъ братъ ворожитъ и колдуетъ ихъ бабамъ: вѣдь они во все это вѣрятъ. Одно слово „дураки“, какъ ихъ ни учи. Теперь на счотъ воровства, куда-же имъ за нами гнаться или поймать,—я вамъ скажу... Продамъ я купцу мѣсто чаю, а тамъ будетъ глыба песку; или продамъ тюкъ ситцу, а вмѣсто него рогожка... дамъ я ассигнацію въ обложкѣ,—онъ посмотритъ, возьметъ, а у него обложка только и останется, ассигнація-то у меня: гдѣ-же имъ это сдѣлать? Насмотрѣлся я на этихъ мужиковъ, когда жилъ въ горничныхъ у засѣдателя. Ну и крутили-же мы ихъ съ засѣдателемъ... Послѣ этого какъ-же нашему брату, поселенцу, не управиться съ ними, какъ ихъ не *панкрутить*!.. Ну, и панкрутимъ. Одначе въ деревнѣ все-же нажива плохая: оттого нашъ братъ больше норовитъ на пріиски: крестьянская работа 30 рублей въ годъ, а на пріиски даютъ однихъ задатковъ по 40, 50 и 70 рублей: погулять можно. Ну вотъ, я польстился на нихъ, хоть и покаялся. Пріѣзжу

намъ приказчикъ нанимать на пріиски; пошли мы, поселенцы, наниматься. Пришли,—дали намъ задатковъ по 40 руб.; раскутились мы въ тѣ поры, задали пыли сибирскимъ мужикамъ; другіе нанимали ихъ возить себя—знай нашихъ. Наконецъ стали насъ собирать вести на пріиски,—и приказчикъ тутъ. Дорогой такой-же кутежъ у насъ идетъ. Кто пропилъ деньги: шапка, рукавицы, бродни, полушубокъ—все въ закладъ идетъ; выйдетъ другой голъ, какъ мать родила; сейчасъ его опять одѣваютъ: такъ вовъ съ одежей за нами и ѣхалъ. Само собой, что все это въ счотъ ставятъ; на квартирахъ наши буйствуютъ, хозяевъ бьютъ, стекла, посуду ломаютъ,—ничего: приказчикъ за все платитъ. Другой разъ въ деревнѣ или городѣ такъ разсыплемся, что едва соберутъ,—полиціи деньги даютъ, чтобъ насъ пораньше выгнали: и гулянка-же идетъ... Такъ мы до пріиску и кружимъ. За нами, какъ за наемщиками въ рекруты, ухаживаютъ. Пришли на пріискъ еще пьяные. „Ну,—говорятъ намъ, ложитесь: отдохнете,—завтра на работу“. Легли,—только-что разоспались, какъ-вдругъ чуть-свѣтъ слышимъ: „Ну-ка вы, шкаличники, бутылочники—вылазь... ну-ну, такъ васъ суды-туды, пьяницы, пропойцы, кабачники“! Лежимъ: что, молъ, такое. „Что вы не встаете! я вотъ васъ палкой, голь кабацкая. Сволочь пропившаяся“! Это *будилка* пришелъ, какъ его называютъ. Ну, думаемъ, попались. Погнали насъ на работу; башка трещитъ,—не доспали. Работа трудная, землю копать, кайлой бить. Въ разрѣзъ поставили: иные въ водѣ, да въ грязи, какъ черти перепакостились. За работой понукаютъ, ругаются, стращаютъ, а управляющимъ на томъ пріискѣ былъ Л—скій: во всей тайгѣ только двое варваровъ такихъ было—онъ, да В—ковъ. Сейчасъ, чуть не сработалъ, что требуется, или провинился,—драть; 200, 500, 700 розогъ всыплютъ; для того тутъ у нихъ и казаки на пріискахъ приставлены начальствомъ. На другой день у насъ руки отнялись, какъ кайлой пома-

хали: нѣтъ, не привычна намъ, —думаемъ,—эта работа; а насъ ужь стали примѣчать. „Ну, говорятъ, лѣнтяи, погодите, пріучимъ васъ работать какъ слѣдуетъ—вотъ только управляющій пріѣдетъ" (его въ то время на пріискѣ не было). Подумали, подумали мы: нѣтъ, молъ, надоть убираться отъ этой каторги. Лѣшій ихъ возьми и съ пріискомъ; сговорилось нашихъ человѣкъ шесть, взяли хлѣба, да ночью вышли и айда! Ну и натерпѣлись-же дорогой горя, какъ бѣжали. Все травы да лѣса, утесы да горныя рѣчушки. Сошолъ въ падь,—опять наверхъ подымайся; опять и хлѣба мало. Чуть не утонули на Енисеѣ, чуть съ голоду не умерли, однако всеткакъ до деревни дошлелись. Съ писаремъ сдѣлались, чтобъ это дѣло замазать. Съ тѣхъ поръ баста,—думаемъ,—ходить на пріиски; какъ пріѣдутъ приказчики нанимать рабочихъ,—стой, насъ не проведешь! мы начали штуки дѣлать: и много-же денегъ у нихъ побрали въ задатки. Я одинъ раза четыре биралъ — и ниразу не ходилъ въ тайгу. Это можно дѣлать: придемъ наниматься по фальшивымъ поспортамъ; паспортъ дадимъ, деньги возьмемъ,—а послѣ отыскивай. А-то тутъ былъ у насъ калѣка безъ пальцевъ на рукахъ. Придетъ въ рукавицахъ; сначала не примѣтятъ; возьметъ задатокъ, пропьетъ, а послѣ что съ него взять.... сами откажутся. Послѣдній разъ мы снова наялись и взяли задатки; только приказчикъ и узналъ, что мы столько разъ нанимались, да бѣгали или совсѣмъ не ходили; а задатки мы ужь получили съ него. Призываетъ онъ насъ эдакъ черезъ часъ. „Ребята, гдѣ у васъ деньги?—говоритъ:—я бы вамъ помельче далъ, а-то не такія выдалъ". А мы, конечно, смекнули, въ чомъ дѣло: кто пять, кто трешницу выложилъ. А остальныя,—говоримъ, — ужь размѣняли: нѣту; такъ ничего и не могъ взять.

„Давно ужъ я бьюсь въ Сибири; разъ и бродяжкой ходилъ, къ Рассеи пробирался, — однако не
послѣднее время я вотъ въ городѣ *** при

здѣсь опять пришлось заниматься *качествами*, потому больше нечѣмъ заниматься. Къ работѣ мы непривычны, а больше все своимъ умомъ да смѣкалкой живемъ. Думаешь, думаешь, да и выдумаешь штуку: что-же дѣлать: надобно чѣмъ-нибудь питаться. Вдругорядь крайность заставляетъ. Попадешься съ хапанымъ, — надо отвуиться; опять воровать идешь".

Никифоръ, дѣйствительно, смотрѣлъ на свой промыселъ, какъ на произведеніе своего генія и свой трудъ, иногда крѣпко защищая украденное, какъ законную добычу.

„Я вотъ вамъ разскажу,—говорилъ онъ мнѣ разъ,—какое въ нашемъ дѣлѣ соображеніе нужно и смѣтку. Прошлымъ лѣтомъ тутъ телегу съ лошадью мы стянули; на насъ пало подозрѣніе. Приводятъ меня въ полицію. Нельзя-ли, говорю, отпустить? Нѣтъ! требуютъ за это 10 руб. — Гдѣ-же, говорю, мнѣ взять такую сумму? — А нѣтъ, такъ будешь въ острогѣ.—Дайте, говорю, хоть сроку достать эти деньги. Отпустили на три дня;—надо было какъ-нибудь промышлять. Иду я и вижу на рѣкѣ бадьи меду на плотахъ приплавили... смекнулъ; вечеромъ подхожу къ плотамъ,—вижу: по берегу два караульныхъ ходятъ. Я съ палкой тоже началъ похаживать около сосѣднихъ плотовъ; начинаю съ караульными разговоръ: „что, молъ, покараууливаете?". Точно такъ! говорятъ. „И мы тутъ вчера плотикъ прикупили...." разговорились, — покурили. Только я и говорю: „что, молъ, братцы, мы будемъ всѣ трое караулить? давайте по очереди; я вотъ теперь сосну, а вы поприглядите; а потомъ я за васъ. Согласились. Полежалъ часа два въ караулкѣ,—вышелъ, зѣваю. Что выспался? спрашиваютъ. „Все маненько легче", говорю.—Ну ладно: мы теперь соснемъ; посматривай.—Ладно!... Пошли они спать; я хожу постукиваю. Черезъ полчаса захожу въ караулку, будто цыгарку закурить. Что, спите? спрашиваю. Молчатъ. Не хотите-ли покурить? Только всхрапываютъ. Дѣло,—думаю,—ладно! Вышелъ; взялъ я эти три бадьи,

скатилъ на берегъ, да въ навозъ и зарылъ, а самъ махни... драло. На другой день я взялъ знакомаго извозчика, и ночью мы перевезли эти бадьи въ одинъ домъ. Однако оставалось еще ихъ сбыть. Выхожу я на утро на рынокъ, а со мной и встрѣчается пріятель изъ такихъ-же торговцевъ, какъ и я: „даровыми товарами“, значитъ, торгуетъ.—Ну что?—говоритъ,—нѣтъ ли у тебя чего продажнаго?—Что-же молъ тебѣ надо? медъ есть.—Аль пчолъ,—говоритъ,—завелъ?—Да—молъ: свои ульи. Надо и въ Сибири своимъ хозяйствомъ обзаводиться!—Что-же!—говоритъ:—я найду человѣка купить.—Да вѣрнаго-ли?—Будьте спокойны!—Тутъ-же онъ мнѣ на рынкѣ татарина и укажи. Сговорились мы на завтра утромъ представить медъ. Взяли на утро телегу, поѣхали; съ нами ѣдетъ пріятель и татаринъ; я иду около воза.—Ну,—спрашиваю,—далеко-ли?—А вотъ,—говорятъ, за городъ выѣдемъ.—Проѣзжаемъ мимо полиціи; ничего. Выѣзжаемъ и за городъ. Только-какъ съ послѣднимъ домомъ поровнялись, татаринъ и свисни. Ну, тутъ я въ подозрительность вошолъ; однако духу не теряю. Выѣзжаемъ за кладбище. Глядь, на насъ квартальный мчится.—„Стой!“ кричитъ. Пріятель мой съ татариномъ бѣжать... „бѣги и ты!“ кричатъ мнѣ. Нѣтъ, тю! Я смекнулъ дѣло-то мигомъ, что они въ заговорѣ. Наскочилъ на меня квартальный: „Бѣги,—говоритъ,—такой-сякой!“ а самъ для примѣру нагайкой машетъ.—„Нѣтъ, молъ, ваше благородіе! зачѣмъ-же баловаться! Это моя собственность“. Да и какъ-же теперь,—скажите,—я долженъ все бросить, коли я сколько тутъ трудовъ убилъ! А квартальный и догонись за татариномъ,—думаетъ, что я въ это время убѣгу. Одначе хоть дѣло плохо, я всетаки успѣлъ одну бадью съ возу стянуть да черезъ лѣсъ, черезъ лѣсъ... Прихожу послѣ въ полицію. Квартальный мнѣ грозитъ.—Что-же?—говорю,—ваше благородіе: вѣдь вамъ больше досталось, а труды-то мои. Такъ-то-съ иногда приходится своимъ добромъ платиться“.

Никифоръ въ послѣдній разъ попался въ острогъ за то, что съ фальшивымъ паспортомъ ходилъ и занимался воровствомъ по деревнямъ. Изъ-подъ ареста въ волости онъ пробовалъ бѣжать. Была зима; онъ ознобилъ пальцы ногъ, которые пришлось отрѣзать. Съ тѣхъ поръ фельтикультетный человѣкъ началъ еще пуще клясть Сибирь-немшоную. Скоро онъ однако какъ-то выпутался изъ дѣла и вышелъ чистъ изъ острога.

Чрезъ нѣсколько дней арестанты, ходившіе на работу, видѣли на базарѣ, что онъ верхомъ продаетъ доморощенныхъ лошадей.

— Ребята! культяпый конѣ въ конницу поступилъ; въ пѣхотѣ больше не можетъ служить! — острили въ острогѣ.

— Ахъ куцый плутъ! хохоталъ острогъ.

Черезъ полгода однако мнѣ суждено было увидѣть еще разъ Никифора Губкова: онъ внезапно встрѣтился мнѣ во дворѣ острога.

— Ты какъ опять здѣсь? спросилъ я его.

— *Съ качествомъ-съ*, говорилъ онъ улыбаясь и низко кланяясь.

IV.

Первый человѣкъ въ Сибири.

„Петръ Рѣшето—первѣющій человѣкъ въ Сибири, потому-какъ я былъ придворный поваръ, а второе я свое воспитаніе въ Санк-Петербургѣ получилъ“.—Такъ говорилъ обыкновенно передъ острожными сотоварищами ссыльнопоселенецъ Петръ Рѣшето; при этомъ онъ высоко поднималъ брови и дѣлалъ внушительный жестъ своими большими засученными руками съ скрюченнымъ пальцемъ. Это былъ высокій рыжеватый мужчина съ щетинистыми волосами, съ открытою, самоувѣренною физіономіей, въ рябинахъ, съ выступающимъ жиромъ

на лицѣ, какъ-будто онъ отошолъ сейчасъ отъ плиты. Онъ носилъ притомъ импровизированный поварской костюмъ изъ широкихъ шароваръ, нанковой куртки и фуражки безъ козырька и по старой привычкѣ постоянно засучивалъ рукава.

Это былъ типъ истиннаго петербуржца и двороваго человѣка. Онъ неиначе говорилъ, какъ „у насъ въ С.-Петербургѣ“. На всякаго, когда-либо бывавшаго въ столицѣ, онъ кидался съ жадностью. Такъ онъ наткнулся и на меня.

— Ну-что, какъ у насъ теперь въ Санкт-Петербургѣ? обратился самодовольно онъ.

— Я давно оттуда,—отвѣчалъ я; но поваръ продолжалъ.

— Знавали вы, сударь, князя Воронцова?

— Нѣтъ.

— А графа Алексѣя Петровича?

Я сказалъ, что вообще такихъ лицъ не знавалъ. Петръ Рѣшето посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ; но разспрашивать продолжалъ, все больше вращаясь въ аристократическихъ сферахъ.

Съ такими-же вопросами онъ нападалъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, на всякаго и часто совершенно невпопадъ; такъ онъ какого-то бѣдняка-чиновника спрашивалъ, судя по фамиліи, не родственникъ-ли онъ такого-то генерала; а одного бродягу принялъ за камердинера барона Александра Модестыча и проч. и проч.

Познакомившись со мной, онъ сообщилъ, что онъ не разсчитывалъ пробыть въ Сибири долго, потому-что за него хлопочутъ: „а попалъ я въ несчастье изъ-за генеральской дочки... любовь была!“ прибавилъ онъ.

— Будто за это ссылаютъ?

— Нельзя... Генералъ!—Петръ Рѣшето пожалъ плечами и посмотрѣлъ на меня многозначительно.

— Онъ васъ и сослалъ? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ! да пожалуй, я вамъ разскажу исторію: здѣсь всѣ ее знаютъ.

— Изволите-ли видѣть, сударь мой: когда у меня вышли непріятности,—началъ важно поваръ,—на придворной кухнѣ съ старшимъ поваромъ, я поступилъ къ одному генералу. Генералъ этотъ былъ престарѣлый генералъ: только ихъ кашкою и кормилъ,—манною, знаете. И такъ они были стары, что ихъ подъ руки два капельдинера водили: Иванъ и Селифанъ тогда жили у насъ. Селифанъ-то былъ славный малый; мы часто съ нимъ ходили покучивать. На Вознесенскомъ (направо трактирчикъ тутъ есть, изволите знать?) пиво все больше пили. Да, такъ, вотъ скажу вамъ, генералъ былъ ктому-же слѣпъ и глухъ; такъ все въ креслахъ и сидѣли. Сынокъ пріѣзжалъ изъ гвардіи.—Что,—говоритъ,—тятенька?.. а тятенька ничего не понимаетъ, такъ, какъ есть, малый ребенокъ. Махнетъ сынъ рукой, поищетъ въ карманахъ въ халатѣ; въ столъ къ нимъ слазаютъ и маршъ опять. И все они еще при своей старости въ какой-то должности состояли. Сначала возили ихъ, а потомъ уже и возить не могли. Всѣ бумаги на домъ присылали, а такъ-какъ при нихъ была единственная дочь, то все больше барышня эти бумаги подписывали... Только въ послѣднее время барышня стала чаще изъ дому выѣзжать къ тетушкѣ, такъ какъ за нихъ сталъ женихъ, полковникъ, свататься. Генералъ у насъ на рукахъ оставались. Принесутъ это бывало безъ барышни бумаги подписывать, что тутъ дѣлать?! Бѣжитъ ко мнѣ бывало, Селифанъ, такъ-какъ я одинъ былъ, кромѣ барышни во всемъ домѣ грамотный: „Что,—говоритъ,—тутъ дѣлать? дожидаются“. — Что-же? — я говорю: — бумагу, можетъ, и дѣйствительно надо подписать: дѣло спѣшное. Прокричи ему хорошенько! „Кричалъ,—говоритъ;—не слышитъ; только чмокаетъ“. Я вамъ сказывалъ, что онъ былъ, какъ есть, дитя малое. Нечего дѣлать: вижу, что тутъ безъ Петра Рѣпкина дѣло не обойдется. Извѣстно: я человѣкъ образованный, а они что! Иду, бывало, въ кабинетъ.—Что,—говорю,—

ваше превосходительство? а его превосходительство только мурлыкают. Давай,—говорю,—Селифанъ перо, Селифанъ даетъ: сажусь я подлѣ этого самаго генерала, возьму его за правую ручку; чиркъ перомъ и готово! И такъ я, братецъ, навострился, что никакая бумага отъ меня замедленія не потерпѣла. Вѣдь это надо взять въ умъ тоже!..

И долго-же я за этого генерала правилъ... Пріѣдетъ, бывало, наша барышня изъ гостей.—„Что, все благополучно?"—Все благополучно, ваше превосходительство.— „А бумаги приносили?"—Приносили.—„Кто-же,—говоритъ,—подписался? неушто батюшка?—Никакъ нѣтъ.— „Развѣ братецъ пріѣзжалъ!"—Нѣтъ,—говоритъ:—теперь всѣмъ этимъ Петръ Рѣшето орудуетъ. Разъ это ей сказали, два, три.—Да что-это у васъ за Петръ Рѣшето такой?—говоритъ генеральская дочь:—покажите вы мнѣ его.—Призываютъ меня. Одѣваюсь я, значитъ, какъ слѣдуетъ: сичасъ бѣлый фартукъ, куртку, крахмальный колпачокъ; на желетку цѣпочку выпустилъ, и иду въ акуратѣ. „Ты—Петръ Рѣшето?" спрашиваетъ барышня.— Я,—говорю,—ваше п-ство!—„Почему ты,—говоритъ,— такую способность и образованность имѣешь, что за папашу дѣла можешь справлять?"—Я говорю:—потому я такое образованіе получилъ, такъ-какъ мои дяденька бухенистомъ на апраксиномъ находились и въ ихъ лавкѣ я всякую науку могъ превзойти.

— „Что-же, ты, Петръ Рѣшето,—говоритъ барышня,— любишь книжки читать?"

— Страсть моя, ваше п—ство, — говорю: — ежели теперь занятный романъ, — я ночи читаю. Вотъ я недавно читалъ молодой Альфонсъ и прекрасная Амалія и графиня Лаварьеръ.

— Проси у меня, когда нужны книги, — говоритъ. Стала она мнѣ давать разные романы.—И ста ходить получать приказы насчотъ кушаньевъ тутъ перестала къ теткѣ выѣзжать; свадьба не

такъ какъ за эвтого полковника нельзя было, сохраняя свою фамилію, выйдти. Поэтому барышня оставалась больше дома. Приду это, бывало, въ сумерки, стою у притолка, а она со мной насчотъ романовъ беседуетъ. Прошло много-ли, мало-ли. — Стою это я также разъ въ сумерки; вдругъ она подходитъ ко мнѣ и говоритъ:—„Что-же, Петръ Рѣшето, могу я тебѣ свою любовь открыть?"—Меня, знаете, такъ и взяла дрожь: вѣдь генеральская дочь!... однако я говорю:—Сударыня! чувствамъ моимъ нѣтъ конца, такъ-какъ самъ любовію пылаю и готовъ во всякое время вручить вамъ сердце! Тутъ-же я, знаете, въ уста! И стали мы съ тѣхъ поръ любиться. Что тутъ было, говорить нечего. Гости не ѣздили; вечеромъ сидишь съ ней. Она, бывало, за клависиномъ, а я, примѣрно, покавалерски въ сертучкѣ стою за стуломъ, руки за жилетъ и насчотъ своихъ чувствъ говорю. Опять поѣдетъ она вечеромъ кататься, а я сзади на запяткахъ у ней. Вечеромъ чай... такъ время-то и коротали. Все это поджидали, какъ умретъ генералъ, который очень плохъ былъ; тогда я ей и свою руку могъ вручить. Только случилось тутъ происшествіе. Хотя мы и вели дѣло въ аккуратѣ и Селифанъ былъ мой первѣющій пріятель, однако другой камердинеръ, Иванъ, такая была гадина, что, разнюхавши все это наше времяпровожденіе, прямо, значитъ, къ брату барышниному, гвардейскому капитану, и донесъ. Сижу это я разъ въ ея комнатѣ.... руки въ карманы, сигара въ зубахъ (изъ генеральскаго кабинета пользовался: 50 рублей сотня). Вдругъ шасть съ задняго крыльца братъ-гвардеецъ. Генеральская дочь только „*Ахъ!* — *Ты* что здѣсь?! говоритъ онъ мнѣ. Однако я сейчасъ—съ аккуратомъ къ стѣнкѣ... Говорю: Я насчотъ приказаніевъ пришолъ. — Пошолъ, говоритъ, на кухню! — Я ушолъ. Сижу въ кухнѣ. Смотрю: спустя немного погодя, ко мнѣ въ кухню идетъ капитанъ съ полицейскимъ.—Такъ и такъ, говоритъ, — когда я осмотрѣлъ тятенькино хо-

зяйство, то у насъ оказалась пропажа. Капельдинеръ Иванъ, говоритъ, на тебя показываетъ. А у меня, дѣйствительно, было кое-что, но только мнѣ все это барышня „въ знакъ любве“ дарила,—серебряный ларчикъ, полдюжины ложекъ, бритвенница, шандалъ.... и еще кое-что. Нашли это у меня. Сколько я ни объяснялся, а меня къ господину оберъ-полицмейстеру. Оберъ-то полицмейстеръ въ ухо. — Гдѣ ты,—говоритъ,—шельмецъ вещи взялъ? — Я говорю: я не шельмецъ, а Петръ Рѣшето. Оберъ-полицмейстеръ покричалъ на меня, назвалъ грубіяномъ и стали меня судить. Какъ я ни объяснялъ, что я вещи отъ барышни и отъ покойнаго генерала (онъ къ тому времени умеръ) получилъ за свои заслуги, однако не повѣрили, такъ-какъ братъ барышни капитанъ за эту мораль надъ сестрой непремѣнно меня хотѣлъ въ Сибирь сослать. Ну, и порѣшили меня черезъ колокольный звонъ да въ Сибирь. Что-же дѣлать-то! черезъ свою глупость!... Одначе я духу не теряю, потому я князю отсюда писалъ, чтобы меня возвратили. Ктому-же полагаю: ежели теперь барышня за генерала Ранцева замужъ вышли, то и онѣ похлопочутъ. Да и Петра Рѣшето, эхъ! въ Петербургѣ многіе знатные господа знаютъ!... Затѣмъ Петръ Рѣшето, ловко подмигнувъ, удалился на острожную кухню и, важно покуривая цигарку, снова съ кѣмъ-то бесѣдовалъ о князѣ Воронцовѣ.

Я же подумалъ насчотъ разсказа, что хотя Петръ Рѣшето и подкрашивалъ его и особенно замазывалъ насчотъ серебрянныхъ вещей, но о связи его.... чего-же мудренаго? я еще недавно читалъ нѣсколько французскихъ процессовъ, гдѣ раскрывалось сожительство съ прислугой. При „Сантиментальномъ воспитаніи“ по Флеберу *) это бывало возможно. Конечно, такая любовь не походила далеко на идиллическую картину Некрасовскаго „Огородника“. На этомъ предположеніи я и остановился.

*) «Сантиментальное Воспитаніе»—извѣстный французскій романъ Флебера.

Съ тѣхъ поръ я чаще видѣлъ Петра Рѣшето, когда на острожномъ дворѣ онъ съ важностью сообщалъ случайнымъ слушателямъ:

— Когда я служилъ поваромъ при придворной кухнѣ, всѣ за совѣтомъ къ Петру Рѣшето обращались (онъ говорилъ о себѣ не иначе, какъ въ третьемъ лицѣ). Бывало думаетъ, думаетъ старшій поваръ съ другими поварами, что-бы такое новое изобрѣсти. Ничего не могутъ выдумать, „Позвать, —говорятъ,—Петра Рѣшето“. Прихожу.—„Скажи намъ,—говорятъ,—Петръ, что намъ сдѣлать? А Петръ Рѣшето ужъ давно придумалъ. — А вотъ, — говорю, — не хотите-ли фрикасы съ размариномъ?—Ну, и согласятся.—„Будемъ говорить опять на счотъ приготовленія“. Моя часть была пирожныя дѣлать. У меня подъ рукою было 6 поваренковъ и 2 младшихъ повара. Начнутъ они безъ меня дѣлать; стряпаютъ, стряпаютъ, — нѣтъ: все не выходитъ. Прихожу. „Что вы, курицыны дѣти!“ Сичасъ засучаю рукава, подхожу къ столу: „Смотри!“ разъ!... два! у меня фигура, а у нихъ ничего! Приэтомъ Петръ Рѣшето, ковырнувъ пальцемъ, быстро подставлялъ слушателямъ съ улыбкою ладонь, какъ-будто на ней въ самомъ дѣлѣ находилась удивительная фигура печенья.

— Петръ Рѣшето рѣдкую книгу не читалъ!—сообщаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Да вотъ скажу я вамъ, напримѣръ, въ тобольскомъ замкѣ, какъ пришолъ я въ Сибирь, пріѣзжаетъ губернаторъ. — „Что, говоритъ, Петръ Рѣшето, каково тебѣ?“ (Онъ меня въ Петербургѣ зналъ).

— Скучно, говорю, ваше превосходительство.

— „Ты,—говоритъ,—книжку-бы почиталъ!“—Я,—говорю,—просилъ у господина смотрителя, но такихъ книжекъ у нихъ не находится.—Что-же ты, Петръ, желалъ бы почитать?“ спрашиваетъ губернаторъ.—Я-бы желалъ теперь, говорю, ваше п—ство, одно только сочиненіе генерала Жоминини. — „Отыщите!“ говоритъ губерна-

торъ смотрителю.—Чтоже! искали-искали: нѣтъ у нихъ въ городѣ этой книги.—А я,—говорю,—другихъ книгъ, кромѣ Жоминини, читать не желаю!...

Такъ вотъ здѣсь какое мѣсто! Могу-ли я по своей образованности здѣсь жить! Вѣдь насъ по званію-то нашему во всей Сибири только двое,—я да еще кучеръ Илья въ Тюмени! Только вѣдь и есть!

Приэтомъ Петръ Рѣшето рѣшительно жалъ плечами и уходилъ, оставляя слушателей въ самомъ загадочномъ изумленіи. Кучеръ Илья, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ петербурскимъ пріятелемъ Петра, служилъ у князей и также былъ сосланъ, какъ и онъ. Петръ Рѣшето такъ былъ увѣренъ въ себѣ, что не позволялъ ни капли сомнѣваться въ своихъ разсказахъ. Когда-же кто изъ слушателей пробовалъ заикнуться, онъ грозно обращался и спрашивалъ:

— А ты зналъ графа Александра Степаныча Панина?

Противникъ предъ такимъ вопросомъ останавливался въ недоумѣніи и нерѣшительности. Это была минута торжества для Рѣшето: онъ уходилъ, важно подмигивая и ухмыляясь на противника. Изъ всѣхъ арестантовъ у него однако былъ одинъ сильный антагонистъ, это—поселенецъ, который называлъ себя то дровендоромъ изъ Царскаго села, то капитаномъ. Дровендоръ былъ хромой, ходилъ на костылѣ и въ ознаменованіе воспоминаній носилъ военную фуражку съ краснымъ околышемъ, и также любилъ хвастаться Петербургомъ. Дровендоръ и поваръ другъ друга ненавидѣли, такъ-какъ видѣли другъ въ другѣ соперниковъ. Въ первое время они часто вступали въ споръ и уличали другъ друга.

Часто, когда дровендоръ распространялся передъ публикою въ углу двора или въ камерѣ, вдругъ подкрадывался незамѣтно Петръ Рѣшето и внезапно выступалъ на арену.

— Хорошо ты такъ говоришь!—начиналъ онъ:—Ну, а скажи: ежели ты бывалъ въ С.-Петербургѣ, знаешь-ли ты Садовую?

— Ну, знаю! говоритъ дровендоръ.

— Ну какъ она идетъ, скажи! неотступно спрашивалъ Петръ Рѣшето.

— Что-же какъ?

— Ну, вотъ тебѣ, положимъ, Невскій... чертилъ прутикомъ по полу поваръ:—покажи, какъ она теперь отъ Невскаго.....

Дровендоръ начиналъ чертить своимъ костылемъ—ну вотъ!

— Врешь: не сюда!—съ злобною улыбкою перебивалъ поваръ;—куда ты пошолъ? Ну, куда?!

— Ну вотъ тебѣ линія... начиналъ опять дровендоръ.

— Линія,—хорошо! а потомъ?

— Потомъ сюда, велъ дровендоръ.

— Врешь: не туда! — спорящіе тыкали палками въ разныя стороны на предполагаемомъ чертежѣ и перебивали другъ друга.

— Такъ сюда? внезапно восклицалъ поваръ.

— Сюда!—увѣренно говорилъ дровендоръ.

— А, сюда! такъ вѣдь ты куда? къ тріухмальной аркѣ, за городъ выйдешь! Эхъ ты! ха, ха, ха!—начиналъ хохотать поваръ и, считая себя побѣдителемъ, уходилъ изъ камеры.

Дровендоръ его ругалъ вслѣдъ.

Сначала арестанты слушали повара и, видя его увѣренность, проникались къ нему уваженіемъ, но скоро увидѣли въ немъ замѣчательнаго хвастуна. Хвастать—это обыкновенная страсть поселенцевъ въ Сибири, но Петръ Рѣшето былъ образцовымъ и самымъ остроумнымъ типомъ изъ нихъ. Онъ дотого навострился, что въ похожденіяхъ романическихъ героевъ прямо вставлялъ свое имя и говорилъ. А я вамъ вотъ разскажу, какъ Петръ Рѣшето къ испанской принцессѣ ѣздилъ и т. д. Когда онъ говорилъ, то онъ положительно самъ былъ увѣренъ въ справедливости всего, что говорилъ, — какъ Хлестаковъ,—и готовъ былъ убить, кто не повѣритъ.

Разъ я вошолъ въ камеру, гдѣ слышенъ былъ страшный шумъ и хохотъ.

Петръ Рѣпкинъ стоялъ, раскраснѣвшись, посрединѣ.

— Дураки! вы хоть не вѣрите про это! — продолжалъ поваръ. — Я вамъ скажу, вотъ какіе даже коровники у генераловъ бываютъ. Вотъ, напримѣръ въ Царскомъ Селѣ. Домъ-палаты для коровъ-то выстроены; полъ паркетъ; зеркала по обѣ стороны стойла, а посрединѣ ковры. Нечистоты — ни, ни: пылинки нѣтъ. Тутъ особые служителя въ ливреяхъ ходятъ и какъ-только корова хвостъ подымаетъ, сичасъ бѣжитъ къ ней служитель съ особымъ черпакомъ.....

Оглушительный хохотъ потрясъ камеру; арестанты схватились за животы; какой-то арестантъ стремглавъ выскочилъ изъ камеры и началъ кашлять отъ смѣху.

— Что, онъ постоянно у васъ такъ? — спросилъ я, вышедши за нимъ.

— Все вретъ! — промолвилъ, харкая и надрываясь, арестантъ.

— И у генерала тоже не служилъ? — невольно спросилъ я.

— Все вретъ! — Арестантъ замахалъ руками и окончательно захлебнулся отъ смѣха и кашля.

ВѢЧНЫЕ СТРАННИКИ.

V.

Дѣдушко Абрамовъ.

Среди острожной скуки я сталъ знакомиться съ *общими* арестантскими камерами; здѣсь я просиживалъ цѣлые часы, заслушиваясь разныхъ бывалыхъ людей. Общія камеры были обыкновенно обширныя комнаты, напичканныя однако до-нельзя людьми и провонявшія насквозь прокислой капустой, онучами, полушубками и тютюн

По нарамъ былъ раскиданъ всегда полуодѣтый народъ въ кургузыхъ рубахахъ и штанахъ, изъ-подъ которыхъ обнаруживались атлетическіе мускулы ногъ и рукъ, широкія груди, нерѣдко поросшія густою шерстью, и могучія тѣла, могшія вызвать восторгъ у любого жанриста. Часть этого народа спитъ, подложивши подъ себя худые армячишки и отчаянно закинувъ головы съ открытымъ ртомъ; другіе рѣжутся въ карты, сидя на полу; третьи слушаютъ какого-нибудь балагура и краснобая, острожнаго разсказчика. Прислушиваясь порой, какъ у послѣднихъ неисчерпаемымъ потокомъ лились приключенія за приключеніями, какъ они поражали своихъ слушателей эффектами и невѣроятными происшествіями, я скоро понялъ, что это было импровизированное созданіе сказокъ, служащихъ лишь забавою скучающимъ арестантамъ, а потому я мало сталъ интересоваться подобными разсказчиками, тѣмъ болѣе, что всѣ они повторялись. Я рѣшился познакомиться съ болѣе скромными повѣствователями, но и болѣе искренними. Къ числу этихъ знакомствъ относились мои сношенія съ дѣдушкой Абрамовымъ. Дѣдушко Абрамовъ чуть-ли не былъ самымъ скромнымъ во всемъ острогѣ. Это былъ худенькій, беззубый старичокъ съ тонкими, сѣдыми волосенками, жиденькой бородкой и какими-то птичьими, неподвижными глазами, которые онъ не поворачивалъ, а обращалъ вмѣстѣ съ шеей, что еще болѣе напоминало его сходство съ царствомъ пернатыхъ. Арестанты часто подсмѣивались надъ дѣдушкой Абрамовымъ и заставляли его разсказывать, какъ онъ во время бродяжества, чтобы поѣсть, убилъ въ полѣ крестьянскаго „ягняшку". Это считалось важнымъ подвигомъ отъ такого скромнаго человѣка. Разъ я наткнулся на него, когда дѣдушко велъ какой-то странный разсказъ о *бѣлой арапкѣ*. Когда онъ мнѣ его повторилъ, то я узналъ и его біографію.

— Былъ я-съ дворовымъ человѣкомъ у князя Д*,—говорилъ дѣдушко,—и взяли они меня изъ деревни истоп-

никомъ въ Петербургѣ. Считалъ я это въ тѣ поры за большое счастье. Пріѣхалъ я къ нимъ: домъ у нихъ былъ свой, налѣво отъ Аничкова моста, большущій такой. Тутъ и жилъ князь съ женой. Жена у него была бѣлая арапка, привезена изъ бѣлой Арапіи. Красавица была эта бѣлая арапка, и такая-то злющая, страсть! Самъ князь просто ее ублажалъ и позлащалъ. Комнаты у ней были убраны все статуями, веркалами, цвѣтами да райскими птицами. Мраморная ванна была, и каждое утро въ ней бѣлая арапка въ молокѣ купалась съ разными духами и снадобьями, что ей докторъ составлялъ. Сами мы эту ванну и наливали. Теперь къ этой бѣлой арапкѣ много генераловъ ѣздило, ѣздили и князья; мужъ ужь и не входилъ, такъ-какъ онъ души въ ней не чаялъ и боялся ея. Теперь были у этой арапки горничныя, и онѣ часто меня то за кофеемъ, то за щиколадомъ въ лавочку посылали: все, бывало, гривенничекъ али двугривенничекъ перепадетъ. Ну, а былъ я молодой, тоже и гульнуть любилъ. Только разъ тутъ у насъ съ этимъ прогуломъ ссора вышла. Жилъ у бѣлой арапки арапъ чорный, и данъ онъ былъ за ней въ приданое. Съ этимъ арапомъ разъ на праздникъ мы и отпросились гулять. Посидѣли въ трактирѣ и погуляли изрядно. Къ вечеру приходимъ: глядь! весь домъ въ переполохѣ: говорятъ, бѣлая арапка, княгиня, угорѣла. Ключница налетѣла на меня; какъ ударитъ ключами, такъ голову и проломила: ты, говоритъ, поскуда всему причиненъ! на конюшню тебя отправить!—Воля, молъ, ваша, а только я никакъ тому дѣлу непричиненъ, потому какъ трубы въ покояхъ княгини закрывалъ не я, а ихъ капельдинеръ, чорный арапъ. Тутъ меня позвали къ князю; тотъ тоже хотѣлъ на конюшню отправить: я и ему тоже сказалъ, что виноватъ не я. Тогда онъ напустился на чорнаго арапа и отправилъ его на конюшню — дать 50 розогъ. Съ тѣхъ поръ у насъ дѣло съ арапомъ разошлось. Сталъ арапъ своей барынѣ, бѣлой арапкѣ, все на меня насказывать

да наушничать. Встали разъ утромъ, а въ большой залѣ статуй разбитъ,—такой большой: голый стоялъ. Кто такой это сдѣлалъ? допросъ... А арапъ и говоритъ княгинѣ:—Это, говоритъ, больше некому, какъ истопнику!— Я говорю: мнѣ на што статуя бить: пусть его стоитъ; нешто! Однако бѣлая арапка отправила меня на конюшню и велѣла мнѣ дать 25 розогъ. Пришолъ я; жисть мнѣ не въ жисть: стыдъ, срамота! Потомъ, немного погодя, у арапки кто-то ночью умывальникъ разбилъ, а умывальникъ-то у ней былъ любимый: въ приданое ей былъ данъ отцомъ, хрустальный, съ кольцомъ золотымъ. Опять на меня арапъ-капельдинеръ наскочилъ, а я ни сномъ, ни духомъ не виноватъ былъ. Арапка разозлилась, велѣла дать мнѣ 50 розогъ. Я арапу погрозился: „погоди, молъ: всѣ твои штуки выведу!“ Глядь,—въ ту-же ночь кто-то зеркало, что во всю стѣну было въ гостиной, расколотилъ. Арапъ говоритъ про меня: — „Это онъ за дранье отомщаетъ“. Велѣли мнѣ 100 розогъ дать. Не втерпежъ мнѣ было житье. Вижу,—арапъ мнѣ, капельдинеръ, пакоститъ; князь сулитъ въ солдаты отдать. Тутъ мы съ Кирюшкой, молодымъ форейторомъ, восплакались (онъ тоже въ тотъ день дранъ былъ) и порѣшили бѣжать. Вечеромъ-то у господъ балъ былъ; бѣлая арапка разфуфыренная ходитъ посреди генераловъ и князей: наѣхало—страсть! Мы съ Кирюшкой въ это время взяли лучшихъ двухъ господскихъ сѣрыхъ жеребцовъ изъ конюшни и... ай-да! Примчались прямо въ Москву, тамъ жеребцовъ продали и пошли пѣшкомъ въ свою деревню. Приходимъ. Сначала староста—ничего, а потомъ получилъ отъ барина письмо и говоритъ намъ: „васъ, ежели вы придете, князь приказалъ взять и въ солдаты отдать“.—„Что-же, молъ, ужь намъ лучше въ солдаты идти!“ Сдали насъ въ Кіевѣ и лобъ забрили. Пробыли мы не больше полугода въ военной службѣ. Трудна показалась солдатская служба: въ то время крѣпко наказывали. Пошли мы съ Кирюшей опять въ бѣга. Шата-

лись мы, шатались и посовѣтовали намъ добрые люди идти къ помѣщику Петру Александровичу Волкову. Онъ бѣглыхъ принималъ и зачислялъ замѣсто своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Принялъ онъ и насъ. Жили мы съ полгода, да случись тутъ дѣло! Присланы къ нему были на улику его бѣглые дворовые люди; они какъ-то и разузнай, что насъ двое недавно принято помѣщикомъ, и покажи они при дѣлѣ, что насъ въ бѣгахъ видѣли, да къ своему воровству и причислили, такъ-какъ остальные ихъ товирищи скрылись. Насъ осудили и отправили въ Сибирь *конвертными* *) для исполненія наказанія. Жили мы съ годъ въ Сибири, въ Тоболѣ, какъ вышло наказать насъ 20 ударами плетей. Перепужались мы и пошли опять бродить по Сибири. Въ тѣ поры тутъ было свободно; бродяги ватагами ходили; много они и разбоевъ, и грабежей учиняли, да насъ Богъ помиловалъ: мы въ сторонѣ держались. Однако при розыскахъ насъ взяли въ 1854 году въ ишимскомъ округѣ. Обсудили насъ тогда плетьми наказать и въ заводъ сослать, да подъ манифестъ подошли и посланы были на поселенье въ Иркутскъ. Тутъ я гдѣ работишкой промышлялъ—вотъ я сапоги умѣю шить-съ,—да старъ сталъ-съ, такъ больше подаяніемъ питался-съ. Началъ я опять по деревнямъ ходить, отлучился далеко да 12 лѣтъ и проходилъ вчужѣ. Теперь снова *за безписьменность* судился-съ.

— Чего-же ждешь, дѣдушка?

— Я ужь получилъ 20 плетей и на 4 года въ заводы иду. За *непомнящаго* судился.

— Да вѣдь ужь тебѣ много лѣтъ?

— А 65-й годокъ-съ. Плохъ ужь я, старъ-съ. Ужь тамъ, видно, и помру-съ.

Дѣдушко повернулъ шею и невозмутимо-хладнокровно посмотрѣлъ своими птичьими глазами.

*) *Конвертными* тогда назывались, какъ передавалъ дѣдушко, пересыльные, отправляемые по этапамъ въ Сибирь при особыхъ конвертахъ; нѣкоторые только тамъ уже получали наказаніе.

VI.

Жиганъ.

Какъ-то вечеромъ я сидѣлъ у рѣшотки моего окна, смотря на унылый, поросшій мелкою травкою острожный дворъ. Легкія тучки неслись по темнѣющему небу. Вѣтки зелени качались за бѣлой высокой стѣной и напоминали о лѣтѣ. Вечеръ былъ свѣжій и пахучій; издали навѣвало травой и полевыми цвѣтами; откуда-то доносились отрывистые звуки колокольчика. Съ верхнихъ этажей острога видно было, какъ разстилалось далеко зеленое поле и мелькали дальніе огни цыганскихъ костровъ. Въ окнахъ внутренняго фасада высовывались арестантскія лица, обвѣваемыя вѣтромъ; многіе сидѣли, прикнувъ къ рѣшоткамъ и высунувъ наружу голыя ноги. Мѣстами слышалось мурлыканье разныхъ заунывныхъ пѣсенъ, то вдругъ обрывавшихся, то вновь настраивавшихся. Но вдругъ гдѣ-то посреди смѣшенія звуковъ вырвалась сильная нота; громче всѣхъ разлилась эта пѣсня въ воздухѣ и могуче и стройно воцарилась надъ всѣми остальными звуками.

Пѣлась популярная въ острогѣ пѣсня разбойника Латышева,—прощанье съ жизнью и родиной:

Теперь-бы я помчался къ родной сторонѣ,
Съ друзьями-бъ повидался...

залился голосъ и вдругъ разразился такими плачущими, тоскующими нотами, что, глубоко потрясъ весь острогъ, и безъ того грустно настроенный.

Арестанты чутко прислушивались къ этой пѣснѣ и, когда звукъ послѣдней ноты ослабѣлъ и замеръ въ воздухѣ, острогъ разразился громкими восторгами.

— Молодецъ, Ваня! душа человѣкъ! валяй еще! Вань-

ка, повтори! Серебряковъ, спой еще ее!—галдѣли съ разныхъ оконъ острога.

Въ одномъ изъ этажей высунулась голова молодцоватаго парня, тряхнула кудрями и залилась снова. Эффектъ былъ чрезвычайный! Повторивши, пѣвецъ перешолъ къ болѣе веселымъ и удалымъ мотивамъ фривольныхъ острожныхъ пѣсенъ.

На другой день я встрѣтилъ нашего пѣвца на дворѣ острога. Это былъ красивый парень, съ широкой грудью, съ румянцемъ на лицѣ, съ закрученными молодецки усами, съ примазанной масломъ головой. Онъ имѣлъ претензію на франтовство и лоскъ, въ противоположность плохому до-нельзя сѣрому кафтану, который онъ фарсисто закидывалъ на одно плечо, до-нельзя короткимъ холщевымъ штанамъ и огромнымъ, стоптаннымъ, надѣтымъ на-босу-ногу „котамъ", съ которыми невообразимо какъ онъ справлялся. По мѣдному кольцу на пальцѣ видно было, что онъ принадлежитъ къ острожнымъ Донъ-Жуанамъ.

Зашла рѣчь насчотъ его пѣсенъ.

— Что-же-съ, надо какъ-нибудь скуку препровождать въ нашемъ монастырѣ,—говорилъ, шаркая туфлями, пѣвецъ.

— Давно вы здѣсь, въ острогѣ?—спросилъ я.

— Третій годъ нахожусь въ заключеніи.

— Что-же вы дѣлаете здѣсь: ремесло какое, занятіе у васъ есть?

— Играю-съ,—почтительно, но развязно отвѣтилъ пѣвецъ.

— То-есть, какъ играете?—спросилъ я, нѣсколько озадаченный такой профессіей.

— Да въ карты-съ.

— Это и занятіе?

— Это одно и занятіе-съ.

Съ тѣхъ поръ, запримѣтивъ хорошо пѣвца, я постоянно встрѣчалъ его въ острогѣ. Онъ былъ всегда боекъ,

веселъ, щеголеватъ, мазалъ волосы, крутилъ усы и шаркалъ немилосердно туфлями на-босу-ногу. Цѣлый день онъ былъ въ занятіяхъ, — торопливо бѣгалъ на кухню или въ „майданъ“, хлопоталъ около казеннаго пайка хлѣба, такъ-же быстро продавалъ ее и немедленно проигрывалъ, толкался по корридорамъ, затѣмъ летѣлъ повидаться съ какой-нибудь любезной на женской половинѣ, гдѣ всегда толпились кучи арестантовъ-щеголей и „любезниковъ“. Здѣсь онъ отпускалъ комплименты и разныя остроты. Никто не выдумывалъ острожнымъ дамамъ лучшихъ „бо-мо“, никто лучше не волочился, какъ онъ. Вечерами онъ услаждалъ острожную публику своимъ звонкимъ теноромъ, а ночь напролетъ игралъ въ карты, проигрывая все, что могъ. Звали его за его бойкость *„крученымъ“*, а настоящую свою фамилію онъ объявлялъ Серебряковымъ.

— И что-это вы играете, отъ скуки, что-ли? — спросилъ я встрѣтивши разъ его проигравшимся до нитки.

— Нѣтъ-съ: больше бѣдность заставляетъ, такъ-какъ здѣсь копейку негдѣ получить...—говорилъ онъ.—Теперь возьмите, сударь, сами знаете, какія у бродяги деньги: вотъ вѣдь все на мнѣ-съ...—онъ показалъ на свой живописный костюмъ.

— Что-же васъ, поселенцевъ, больше бродяжить заставляетъ?

— Гм! какъ что-съ? Зачѣмъ-же меня сослали въ эту „Сибирь немшоную?“ И чѣмъ я здѣсь теперь заняться должонъ-съ? Положимъ, въ Расеѣ я находилъ кусокъ хлѣба. Я „кубовщикомъ“ на макарьевской ярмаркѣ служилъ, половымъ былъ-съ, разносчикомъ товаровъ: деньги наживаешь и живешь въ свое удовольствіе. А здѣсь что-съ? Къ сохѣ я не привыкши-съ; что-же я должонъ дѣлать? Побился я туды-сюды... вездѣ мозоли натеръ-съ. На пріискахъ жисть проклялъ; у мужиковъ сибирскихъ въ работникахъ жить — хуже каторги. Ну, и плюнулъ,

и пошолъ бродяжить-съ... потому, какъ я хочу жить въ свое удовольствіе!

— Да въ бродяжничествѣ-то чѣмъ лучше?—замѣтилъ я.

— Что-же-съ: я тамъ все-таки самъ себѣ хозяинъ: хоть и подъ кустомъ, да вольный человѣкъ. Хочу—лежу, хочу—сплю, а-то въ деревняхъ и покучу на славу!

— Ну, а гдѣ деньги-то на это достанете?

— Эхъ! умному бродягѣ не достать денегъ!—замѣтилъ онъ, вскинувъ гордо волосами.—На выдумки пускаемся, сударь,—лекарствомъ, волшебствомъ, колдовствомъ промышляемъ, мужиковъ обдѣлываемъ, да еще намъ-же кланяются...

— Ну, а вы-то что дѣлали?

— Я монетчикъ, и за это сужусь-съ.

— И хорошій монетчикъ?—хотѣлъ я ознакомиться съ этимъ производствомъ.

— Нѣтъ-съ: не умѣю!—отвѣтилъ Серебряковъ, улыбаясь.

— Какъ такъ?

— Да зачѣмъ-же умѣть-съ? Вѣдь это только мужики вѣрятъ. Они здѣсь ужасные охотники до фальшивыхъ денегъ,—разъяснялъ мнѣ Серебряковъ. — Вотъ найдешь такого мужика-охотника и заберешь у него на матерьялъ рублей 30—50, какъ удастся,—начнешь ему мазать что-нибудь на бумагѣ, а потомъ и *латата* задашь (т. е. убѣжишь), а-то поѣдешь съ нимъ въ городъ, будто матерьялъ закупать. Деньги въ карманѣ; выйдешь на базаръ; затерся въ народѣ, да и поминай, какъ звали! Бываетъ, что гонятся за нами: такъ я разъ что сдѣлалъ. Вижу, мужикъ не отпускаетъ меня. Я, бацъ, подхожу прямо къ полиціи,—вижу, мужикъ стоитъ издали. Я и давай ему махать рукой, чтобы подъѣзжалъ, а самъ стою съ солдатомъ у воротъ, разговариваю. Увидалъ это мужикъ, повернулъ лошадей, давай удирать, а мнѣ того и нужно!.. На все это надо имѣть сноровку и опять вольный духъ. Въ деревняхъ такъ и живешь въ

свое удовольствіе: знай, изъ одной деревни въ другую щелкай! *).

— А вѣдь вотъ попадаетесь-же въ острогъ...—снова возразилъ я.

— Что-же тутъ? только осудишься,—съ видомъ опытнаго человѣка продолжалъ Серебряковъ;—ну, посидишь годъ, два, а какъ пошолъ въ заводъ, такъ и уходишь. Все-же я, коли бѣгу, — годъ, два на волѣ буду, ежели *съ качествомъ* не попадусь **).

— И неужели этакъ цѣлую жизнь вы будете по острогамъ ходить?..

— Да нельзя-съ: иначе ничего не подѣлаешь! Такъ ужь, видно, намъ на роду написано!—фатально прибавилъ онъ.—Хе, хе, хе!.. позвольте папиросочки-съ...

Казалось, Серебряковъ нимало не унывалъ: онъ какъ-будто свыкся съ своей обстановкою, лучшаго ничего не ожидалъ и былъ вполнѣ доволенъ своей сферой. Не смотря на нищету, голодъ и проигрыши, онъ не падалъ духомъ и жилъ отъ игры до игры. Такихъ игроковъ въ острогѣ называютъ *жиганами*. *Прогорѣлые*, т. е. проигравшіеся, они играютъ на пайки хлѣба, на порцію казенныхъ щей. Терять имъ болѣе нечего, дорожить нечѣмъ; поэтому они всѣ были безпечальны, и лучшимъ типомъ веселости и ухарства былъ у нихъ Серебряковъ. Я не знаю, бывало-ли ему когда-нибудь скучно и грустно и выходилъ-ли онъ когда изъ шутовской своей шкуры. Если и находило на него что-нибудь подобное, то какъ-будто невзначай. Взберется онъ въ верхній этажъ, присунется къ окошку, взглянетъ вдаль на городъ, на церкви высокія, на голубое небо и вольно-несущееся облако — и вдругъ зальется пѣсней и сердечныя ноты заноютъ и

---

*) Серебряковъ принадлежалъ къ такъ-называемымъ „*нечестнымъ* монетчикамъ“, въ противоположность «*честнымъ*», исполняющимъ договоры съ крестьянами по дѣламъ денегъ.

**) Подъ именемъ *качества* разумѣется преступленіе.

заплачутъ въ его голосѣ; но прошла минута, и гдѣ-нибудь онъ уже пляшетъ, бьетъ въ шайку, какъ въ бубенъ, поетъ развеселую пѣсню и шлепаетъ туфлями, или фигурируетъ передъ окнами женской половины взывая:

— Фф-ю! Павлинька!

VII.

Французъ.

Однажды зимою передъ вечеромъ я посѣтилъ камеру, съ которой давно собирался познакомиться. Составъ ея былъ большею частію изъ бродягъ. Тутъ были дезертиры, бѣглые поселенцы и каторжные, тщательно скрывавшіе свои клейма; былъ какой-то *русскій татаринъ*, выдававшій себя то за татарина, то за татарскаго мѣщанина русскаго происхожденія и одинаково подходившій къ тому и другому типу; тутъ были люди, приписанные къ разнымъ обществамъ одновременно, — лица, перебывавшія солдатами, поселенцами, каторжными, опять солдатами, мѣщанами и т. д. Словомъ — это было скопище лицъ самое-пестрое и самое-разнообразное. Всѣ они однако были теперь съ однимъ званіемъ, терпѣли одну участь и всѣ одинаково ненавидѣли и бранили мѣсто ссылки—Сибирь „немшоную“.

Засталъ я ихъ впрочемъ за задорнымъ споромъ, свойственнымъ всѣмъ ссыльнымъ и поселенцамъ. Каждый изъ нихъ хвалилъ свое мѣсто: одни восхваляли астраханскую губернію съ ея арбузами, другіе хвалили красивую Кострому, третьи Москву-матушку и также московскій замокъ; какой-то малороссъ клялся „маткой“ и „батькой“, что „лучше черныговской губерніи во всимъ свити нѣтъ!“

— Что говорить!—рѣшилъ одинъ философъ-бродяга, лежавшій съ задранными ногами на нарахъ:—россейская земля, положимъ, хороша, но въ иностранныхъ земляхъ разсказываютъ, еще лучше.

— Ты почему знаешь, что въ иностранныхъ земляхъ лучше?—обратился я къ нему для перваго знакомства.

— Да вотъ спроси у *француза*, каково тамъ въ нѣмецкихъ да во французскихъ земляхъ,—сказалъ онъ флегматически, повернувшись на нарахъ.

Я взглянулъ на указаннаго арестанта. Это былъ черноволосый мужикъ, съ большой русской бородой, въ крестьянской шапкѣ, волоса въ скобку,—словомъ, имѣлъ видъ какъ-нельзя-болѣе русскій. „Что-это-за французъ?" подумалъ я.

— Французская земля — одно слово! — началъ чисто-московскимъ выговоромъ *французъ*, приближаясь къ намъ. — У насъ вовѣкъ не найти того, что тамъ есть. Такъ хорошо, что, я говорю, здѣсь-бы умереть, тамъ-бы воскреснуть!

— А вы были во Франціи?—спросилъ я его уже съ любопытствомъ.

— Какъ-же, сударь! я тамъ порядочно былъ и насмотрѣлся-таки довольно.

— Разскажите, пожалуйста, какъ вы туда попали?

Мы усѣлись въ уголокъ, закурили, и такъ-называемый французъ сообщилъ мнѣ свою біографію.

— Скажу вамъ, сударь, что я служилъ въ солдатахъ и стояли мы во время крымской войны на Аландскихъ островахъ. Въ тѣ поры подходилъ къ намъ французъ и Непиръ съ англичанами. Войска у насъ было очень мало, а тутъ еще комендантову жену взяли въ плѣнъ, какъ она изъ крѣпости отлучилась. Она, значитъ, и пишетъ съ корабля мужу записку: „отдай да отдай крѣпость, потому какъ французъ ничего намъ не сдѣлаетъ". Записку эту у насъ въ крѣпости перехватили, сдаться коменданту не позволили, а сталъ распоряжаться крѣпостью священникъ *). Держались мы—держались,—ви-

*) Такимъ-образомъ, какъ видно, солдаты объясняли слабость коменданта Бодиско. Этотъ анекдотическій разсказъ мы не нашли нужнымъ выкидывать изъ повѣствованія дезертира.

димъ, они палятъ, всю крѣпость у насъ испортили. Рѣшили тогда сдать крѣпость и вывѣсили бѣлый флагъ. Досадно, а нечего дѣлать! Какъ мы сдались, посадили насъ на корабли и повезли сначала въ Англію, а затѣмъ въ Тулонъ, французскій городъ. Въ Тулонѣ насъ однако не стали держать, такъ-какъ тутъ раньше русскіе плѣнные пришли, да въ городѣ, подвыпивши, давай трахтиры да дома разносить. Потому французы стали осторожность имѣть, а перевезли насъ на о. Эльбу, куда императоръ Наполеонъ былъ заключонъ, и отвели намъ здѣсь особыя казармы. Тутъ былъ особый французскій гарнизонъ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на французскую военную службу. Хорошая служба! Теперь ученье,—выйдутъ съ барабаномъ, поучатся съ часъ. Потомъ барабанъ забьетъ, и пошли по трахтирамъ, да по кофейнямъ. Придутъ и кофей пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ офицерами. Удивительно, какъ это у нихъ!... И всѣ такъ дружно, великатно толкуютъ. Видѣли и судъ мы надъ однимъ солдатикомъ. Судили его тутъ за покражу рубахъ. Судятъ у нихъ опять особо. Большущая такая зала; въ одномъ мѣстѣ, за столомъ, значитъ, судьи сидятъ, а по другую сторону, значитъ, публика; кто-хошь входи. Теперь преступникъ на скамейкѣ сидитъ, и выходитъ у нихъ запщитникъ, по ихнему *абвокатъ*. Онъ и говоритъ „такъ и такъ, господа судьи: это невинный человѣкъ; вы помилуйте его!“ Тутъ судьи кладутъ шары зеленые и красные; коли вынется больше красныхъ—казнить, а зеленыхъ больше—помиловать. Когда мы жили въ казармахъ, намъ выдавали французскій паекъ, такой-же какъ и ихнимъ солдатамъ. Только это стало намъ мало, потому мы къ ихъ пищѣ не привыкли. Дадутъ намъ, бывало, булку дня на три;—отличная бѣлая булка, сверху сахарнымъ масломъ помазана. Неутерпишь, всю до обѣда и съѣшь; а супъ легонькій: ни капусты, ни гороху нѣтъ. Дадутъ плодовъ, яблоковъ, фрукту разнаго; а это намъ что? Съѣшь и опять голоденъ. Стали мы жаловаться. Священникъ къ

намъ русской изъ Парижа пріѣзжалъ; такъ мы все ему обсказали. Дѣло доходило до Наполеона императора. Прислалъ онъ своего генерала. А у насъ былъ юнкеръ, хорошо по-французски разумѣлъ; онъ и объяснилъ этому генералу, что русскій солдатъ не можетъ ихней пищи употреблять: онъ любитъ рѣдьку, капусту, квасъ да хлѣбъ, чтобы въ брюхѣ туго было, а французской пищи онъ ѣсть не можетъ, голоденъ. Тогда приказали перевести насъ во Францію на вольныя работы. Проѣзжали мы многіе города и все на чугункахъ: были и въ Ліонѣ, и въ Бурдѣ, и въ другихъ городахъ; пріѣхали наконецъ въ Парижъ. Посадили насъ въ особый домъ съ оградой. Господи, сколько народу сбѣжалось смотрѣть на насъ! И какой отличный народъ! Все несетъ намъ,— платья, сертучки, жилетки шолковыя—французскаго шолку,—сульеты, рубашки: все черезъ рѣшотку кидаютъ. Одинъ кричитъ: *русь, русь*, на *шемизъ!* другой: на *сулье!* кто бутылку рому суетъ. Хорошій народъ! Тутъ насъ до вечера въ городъ отпустили, съ тѣмъ, чтобы мы къ 7 часамъ на желѣзную дорогу собирались. Пошолъ я; встрѣчаетъ меня французъ. „Русь!" показываетъ мнѣ на ноги и зоветъ съ собой. А на мнѣ были сульеты немного стоптанные, такъ чуть-чуть. Что-же? Зазвалъ меня въ магазинъ, купилъ новые и даритъ мнѣ; я хотѣлъ-было ему старые отдать. „Нѣтъ! возьми,—говоритъ—съ собой: не надо!"—головой замоталъ. Вотъ какой народъ! Къ вечеру мы на машину пришли, и отправили насъ въ разные города на фабрики. Вотъ и я попалъ въ одинъ маленькій городокъ, тоже поступилъ на фабрику. Чудесное было житье! Климатъ теперя у нихъ теплый: виноградъ растетъ; сады такіе-то веселые; оконъ никогда не запираютъ, а кругомъ плющъ да цвѣты... Господи! истинно рай земной! А въ саду-это дѣвочки, въ бѣлыхъ платьицахъ, такія хорошенькія, землю плугами подъ виноградъ обработываютъ. Ну, и работницы-же!

— Что-же и вы, вѣрно, удивляли своей русской силой?

— Куда намъ, сударь, противъ этихъ дѣвочекъ! Мы пробовали-это пахать: въ поту изъ силъ выбьешься, а онѣ ничего, ножкой поналяжетъ и такъ работаетъ, что чудо! Потому, тутъ сноровка нужна. Удивительный народъ! А что касается до обхожденія, такъ великатство ужасть какое! Теперь не смотря на то, что я солдатъ, а ходилъ я въ гости къ жандармскому ихнему бригадиру, и была у него дочка; милая была это французенка, и какая добрая! Придешь въ прихожую, а она выйдетъ, возьметъ за руку и поведетъ въ садъ; тамъ между цвѣтами мы и ходимъ. — Русь, русь, говоритъ, учи меня порусски твое имя писать; я тебя пофранцузски стану учить свое.—И возьметъ-это меня рученькой-то да руку мою по бумагѣ и водитъ. Истинный ангелъ! И какая простая: сядетъ, бывало, рядомъ и болтаетъ, и за руку беретъ, и волосы чешетъ; только ужь насчотъ баловства... ни-ни! это ужь тоже не позволитъ!

— Что-же, вы не женились тамъ?

— Нѣтъ-съ, а предлагали. Одна графиня французская еще въ Тулону: „Русь, иди въ нашу вѣру,—говоритъ,— и *кюре*,—поихнему попъ,—тебя окреститъ. Мы тебя женимъ, говоритъ. „*Ву ресте иси, нотръ фуа*, а мы, говоритъ, *мамзель донне и маріе*...“ Ну, да я не захотѣлъ. Пять франковъ дала мнѣ и крестъ. Добрая графиня! „Когда вздумаешь, скажи!“ говоритъ.

— Русскихъ они любили,—ничего; вотъ и дѣвочка бригадирская тоже. „Русь, говоритъ, *бонъ*, только *буа боку дю вэнъ*. Русь, говоритъ, *буа гранъ веръ*, это значитъ, большими стаканами пьетъ. Тамъ все вина легкія: „*вэнъ блянъ*“ называется и „*вэнъ ружъ*“, а наши все до коньяку дорываются. И, дѣйствительно, покутить любили! Идешь, бывало, по городу; народъ толпится и хохочетъ. „Что это?“ думаешь, „медвѣдя показываютъ?“ А это, глядишь, нашъ пьяный русской какой-нибудь шарашится. Вотъ только за это нашихъ и не лю-били.

— Какъ-же вы въ Россію-то изъ Франціи воротились?— спросилъ я моего французомана.

— А вотъ я вамъ скажу. Когда мы были еще въ плѣну, аглицкая королева вызывать стала изъ русскихъ плѣнныхъ, кто желаетъ служить и обучать артикулу пановъ. Тогда польской легіонъ формировался, а начальницей, значитъ, его была аглицкая королева. 15 талеровъ въ мѣсяцъ давали, хорошую аммуницію и хорошую пишшу. Нѣсколько изъ нашихъ и согласились, и я пошелъ; другіе же отказались. „Измѣна", говорятъ; мы же подумали: „мы противъ своихъ драться не будемъ, а будемъ только караулы занимать". Дѣйствительно, мы все въ Скутари, около Константинополя, простояли да караулы занимали. Пріѣдетъ-это лордъ посланникъ,—сходимъ къ нему на смотръ, пройдемъ мимо него маршемъ; подадутъ намъ по чаркѣ и пойдемъ себѣ въ лагерь. Кончилась война; намъ дали *демиссіи*, т. е. паспорты, на два года: куда хочешь поѣзжай—во Францію и въ нѣмецкія земли, а послѣ двухъ лѣтъ, куда знаешь, приписывайся. Оставили намъ тонкую аммуницію и дали по 40 франковъ на дорогу. Стали мы думать: „куда теперь?" Люди мы вольные... Хорошо-бы и тутъ, да опять къ родинѣ тянуло, въ Расеюшкѣ побывать: сердце стало тосковать. Отдали мы деньги на греческій корабль, *демиссіи* эти самыя порвали и явились въ Одессу. „Изъ плѣна, молъ, воротились". А междутѣмъ товарищи, которые раньше насъ воротились, уже объявили объ насъ, что мы измѣну учинили. Изъ Одессы, намъ ничего не говоря, насъ въ Екатеринославъ препроводили вольно, а тамъ, какъ мы пришли, такъ представили въ военную комиссію и заарестовали. Осудили насъ сквозь строй и въ кіевскую крѣпость... Я бѣжалъ оттуда, да вотъ съ тѣхъ поръ и странствую; въ Сибири на заводахъ побывалъ, оттуда пробирался въ Рассею, да вотъ опять поймали....

— Куда же вы теперь думаете бѣжать?

— Куда Богъ приведетъ! Думалъ раньше туда, къ турецкой границѣ, да ужъ, видно, не удастся.... А земля Франція!... еще-бы тамъ побывать хотѣлось. Одно слово — здѣсь умереть, тамъ воскреснуть!...

— Берегись, ожгу! раздалось въ темномъ коридорѣ и дверь камеры мгновенно распахнулась. Затѣмъ влетѣлъ босой арестантъ съ громаднымъ ушатомъ казенныхъ щей; запахъ кислой капусты и теплый паръ обдали комнату.

Арестанты столпились, вынули ложки, перекрестились и начали хлебать. Французъ также снялъ шапку и приблизился къ нимъ.

— Эхъ! мы вѣдь не во Франціи! Ну-ко рассейскихъ... подмигивая сказалъ онъ. — Охъ! ты, марцовка, марцовка каторжная!

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. По мрачнымъ корридорамъ носились арестанты съ ушатами и громкими криками. „Ожгу! берегись, ожгу, ожгу!“ Слышались проклятія, брань, смѣхъ, хлопанье дверей, — и острогъ гудѣлъ во мракѣ, какъ адъ. Паръ клубами валилъ изъ кухни; кислый воздухъ разносился по всему острогу. Было какъ-то душно, тяжело въ этой атмосферѣ. Или это, можетъ быть, отъ того, что я наслушался о тепломъ небѣ Лотарингіи и Шампаньи?...

VIII.

Тюремный сказочникъ.

Въ подвальномъ этажѣ нашего острога былъ глухой корридоръ съ одиночными секретными камерами. Сюда запирали обыкновенно или очень важныхъ преступниковъ, или проштрафившихся арестантовъ, — вмѣсто карцера. Одиночныя кельи, находясь въ нижнемъ этажѣ фундамента, вросли въ землю; окошки едва-едва выходили на

поверхность земли снаружи. Въ этомъ-то убогомъ помѣщеніи разъ арестанты коротали длинный осенній вечеръ. Сальная свѣча, вставленная въ деревянный обрубокъ, тускло горѣла на полу; часовой лѣниво дремалъ, опершись на ружье; подчасокъ спалъ на сыромъ полу корридора, свернувшись въ клубокъ. Дождь дробилъ на улицѣ; вѣтеръ порывисто взвизгивалъ, и желѣзные листы острожной крыши глухо трещали. Время тянулось тоскливо и уныло.

Належавшись и выспавшись послѣ обѣда, секретные арестанты начали показываться около форточекъ дверей.

— Спите, чтоль, ребята? окликнулъ кто-то хриплымъ голосомъ изъ форточки.

— Это ты, Кузьма, покаянная голова! ты еще не умеръ? раздалось изъ другой.

— Хе, хе, хе! живъ еще! а что это у насъ Петръ Алексѣичъ закручинился? Что онъ намъ какую сегодня исторію подведетъ? Петръ Алексѣичъ, ау!

Гдѣ-то громко, съ варіаціями, зѣвнули. Голова Петра Алексѣевича показалась около окошечка. Это былъ тщедушенькій и низенькій арестантъ, про котораго можно было сказать: „въ чемъ душа держится?“ Лицо его было зеленое, отощавшее, глаза вялые, хотя живые и бѣгающіе, бороденка рѣденькая, волосы торчали вихрами и вся фигура какая-то худосочная и скомканная. На его тощемъ тѣлѣ торчалъ продранный арестантскій армячишко безъ воротника; коротенькіе и узкіе штанишки болтались на тонкихъ, какъ спички, ногахъ, обутыхъ въ истасканные башмаки. Видно, что жизнь не улыбалась Петру Алексѣичу. Кромѣ настоящаго названія его звали „Иваномъ Мотыгой“. Онъ былъ отчаянный изъ игроковъ острога и любилъ поставить ребромъ послѣднюю копейку и послѣдній паекъ хлѣба. Въ послѣднее время онъ, раскутившись, проигралъ казенный халатъ, за что и былъ посаженъ въ карцеръ на покаяніе. Несмотря однако на непредставительность и тщедушность этой натуры,

лицо Петра Алексѣича было самое интересное и любимое въ средѣ арестантовъ. Это былъ краснорѣчивый острожный разсказчикъ, котораго арестанты любили слушать. Находясь теперь въ секретной, онъ каждый вечеръ забавлялъ арестантовъ сказками и безчисленными приключеніями изъ своей жизни, что развлекало острожную публику въ долгіе вечера; разсказы эти то переносили ее въ область фантазіи, то передавали ей горькую и трогательную арестантскую исповѣдь, полную жизненнаго горя.

— Петръ Алексѣичъ, потѣшь! — приставали арестанты — Разскажи намъ еще про свою жисть... али про свои занятія, какъ, значитъ, по карманной части благодушествовали.

— Эхъ, братцы, вспоминать-то тошно! — заговорилъ, нѣсколько очнувшись отъ сна, Петръ Алексѣичъ: — много-бы я вамъ могъ объяснить, да что слова-то терять!... Вы думаете, что наша карманная часть и въ самомъ дѣлѣ прибыль да богатство даетъ! Думаете, и въ самомъ дѣлѣ житье намъ въ сласть аль спокой намъ есть? Хе! Скажу я вамъ, — это самое пропащее дѣло!

Петръ Алексѣичъ началъ задумчиво вертѣть сигарку, видно, что онъ былъ нѣсколько въ мрачномъ расположеніи духа. Однако арестанты навострили уши: они знали, что это только введеніе. Часовой, нѣсколько оживившись, поправилъ свѣчку: огонь веселѣе запылалъ въ корридорѣ.

— Потише только, братцы, разговаривайте! — замѣтилъ наставительно солдатъ.

— Молчи, служба, слушай: уму-разуму научу! — промолвилъ въ свою очередь Петръ Алексѣичъ.

— Скажу я вамъ, братцы, какъ я сдѣлался жуликомъ, и какъ я эту самую жизнь проклялъ и бѣжалъ отъ нея, — началъ онъ свой разсказъ сказочнымъ тономъ. — Былъ я когда-то не Иваномъ Мотыгой, а, примѣрно сказать, купеческимъ сыномъ Петромъ Алексѣичемъ и

съ тятенькой моимъ въ Москвѣ лавку держалъ. При жизни меня тятенька держали въ строгости и баловства не позволяли, однако, приходя въ возрастъ, я началъ пошаливать: пойдешь за дѣломъ — и въ кандитерскую; тяпнешь денегъ въ лавкѣ съ прикащиками да и въ трахтиръ. Далъ мнѣ родитель раза два порку, одначе я не унялся. Вскорѣ я, значитъ, тятеньки лишился и совсѣмъ свою волю взялъ. Капиталу осталось 25 тысячъ, а было мнѣ всего годковъ 20, и, Господи, какъ я закрутился тутъ! Захвачу-это я пріятелевъ и прихлебателевъ и пустимся мы на лихачахъ вдоль матушки-Москвы, а трактирщики ужъ насъ поджидаютъ... Огни горятъ, органъ играетъ, цыганочки плянутъ да плечами лебяжьими поводятъ; пробки хлопаютъ, шипучка рѣкой льется; красавицы насъ любуютъ и милуютъ, за наши денежки цѣлуютъ. А въ головѣ, братецъ ты мой, туманъ и безумство... Житье! Надоѣсть въ трактирѣ, сядемъ на лихачей и покатимъ мы къ привилегированнымъ дѣвицамъ танцовать танцы и пить вина лучшихъ сортовъ. Такимъ-то манеромъ въ годикъ съ небольшимъ мы денежки-то всѣ и профинтили. Остались мы,—я да двое купеческихъ дѣтей со мной, — что называется на фу-фу! Стали мы въ трахтиры меньше заглядывать, а больше во царевы кабачки. Прекрасныя дѣвицы на насъ смотрѣть не стали; сюртучки пообносились; картузики поистерлись; карманы попротерлись,—ну, значитъ, наступилъ великій постъ. Сидимъ мы разъ въ одной портерной и съ горя полуштофъ распиваемъ да насчотъ своей фортуны размысливаемъ. И подходитъ къ намъ человѣкъ, невидный такой, шлафрокъ худой и самъ кривой, рожа опухла—видно, съ похмѣлья.—„Что,—говоритъ,—молодцы, задумались, аль жевать нечего?“ Мы начали ему свою фортуну объяснять. „Эхъ! — говоритъ, — ребята, я вижу, вы молодые, а ума въ васъ ни на грошъ; есть у васъ грабли?“

„Да что-же, молъ, намъ съ граблями-то дѣлать?“—

„Ставь,—говоритъ,—полуштофъ: разуму выучу!“ Мы думали, что онъ насчетъ какой работы. Поставили ему вина и сталъ онъ намъ механику своего ремесла разсказывать. Тутъ мы съ нимъ знакомство свели и началъ онъ насъ въ свою шайку звать, своей наукѣ обучать. Поступили мы. Стали мы прогуливаться по бульварамъ да по гуляньямъ, стали въ Марьиной рощѣ и подъ Новинскимъ отличаться. Однако намъ это мазурничанье хуже горькой рѣдьки досталось. И скажу я вамъ теперь, что эта карманная часть—самая анаѳемская! Выйдешь-это оборванный да ощипанный; съ голоду да съ похмѣлья зубъ на зубъ не попадетъ; идешь—оглядываешься: ровно, каждый бутарь тебя ловитъ. Съудишь-ли что, по воровскому дѣлу,—тебѣ грошъ дадутъ да и тотъ въ кабакъ снесешь; опять-же за всякое дѣло спиной отвѣчай. Бывало, таскаешь,—анъ, смотришь, тебя за шиворотъ да въ часть! А тамъ въ зубы, въ рыло, да дерутъ, дерутъ, какъ сидорову козу! Выпустятъ, съ голодухи опять таскаешь, таскаешь, таскаешь, пока опять цапъ!—и опять дерутъ. Вышелъ,—хоть тресни съ голоду,—и опять за-тоже надо приниматься. Такая ужь наша воровская участь! Господи, думаю, да какое это житье проклятое! Горько мнѣ стало отъ эвтихъ розогъ, и вздумалъ я все бросить и изъ Москвы удрать. Оставилъ я товарищей и пошолъ я именемъ христовымъ по дорогамъ побираться, будто на богомолье слѣдую. Забрелъ я въ вятскую губернію и тутъ мнѣ вышло прелюбопытное знакомство. Вотъ слушайте! Зашолъ я въ одинъ заѣзжій домъ на дорогѣ, пропилъ 6 коп. подаянныхъ, весь хлѣбъ—и сижу себѣ смирненько въ углу. Сидѣлецъ посматриваетъ на меня. „Что?—говоритъ:—ты прохожій?“—„Точно такъ-молъ: работы на зиму ищу“. Потолковали мы; сидѣлецъ, значитъ, смекнулъ, изъ какихъ я. Пріѣхалъ въ тѣ поры богатый мужикъ, выпилъ съ полуштофъ и давай шептаться съ хозяиномъ. Вижу: благопріятели. „Вотъ,—говоритъ сидѣлецъ,—человѣкъ въ рабочіе просится“,—и указалъ на меня.

Заговорилъ-это мужикъ со мной, порасспросилъ да, вижу, сидѣльцу и подмигиваетъ. „Такъ ты,—говоритъ,—московскій? Можешь-ли ты мнѣ вѣрно служить? Мнѣ надо аккуратно за конями ухаживать“.—Выпили мы тутъ, и согласился я идти къ нему въ работники. Поступилъ; вижу, домъ богатѣющій, и живутъ тутъ три брата. И молодцы-же къ молодцу, рослые да видные, силища у всѣхъ трехъ — страсть! Подковы гнутъ, а старшій братъ тройку на бѣгу останавливалъ. Живу я у нихъ недѣлю,— другую, мѣсяцъ; ознакомился, и стали они мою вѣрность пытать... Видятъ—ничего... Пришла зима; поговариваютъ они, что скоро работа будетъ. Разъ ночью запрягли они тройку самыхъ лихихъ коней, взяли меня кучеромъ, сами пріодѣлись, пріосанились, какъ на свадьбу, взяли вина съ собой, подвязали бубенчики и поѣхали. Проѣхали мы ночь и на другой день въ сумерки заѣхали въ заѣзжій домъ къ знакомому сидѣльцу. Отдохнули маненько и, какъ стемнѣло, поѣхали дальше въ село и прямо къ попу на дворъ: богатѣющій тутъ попъ жилъ. Меня оставили съ лошадьми и велѣли ждать. Сами съ попомъ чай стали пить и начали у него овесъ и муку торговать: сторговали, деньги выложили, могарычи роспили. Вынесъ и мнѣ одинъ братъ стаканчика два.—„Смотри,—говоритъ,—только не дремли!“ Междутѣмъ у попа все пиръ идетъ. Ужъ стало за полночь. Тутъ-то братья ровно отрезвѣли: заперли двери, попа связали, жену и свояченицу тоже, вынули ножи и давай постращивать: „выкладывай деньги!“ Попъ давай молить и жизни просить съ малыми ребятами. Мигомъ братья пошли въ тотъ сундукъ, куда хозяинъ спряталъ деньги, взяли свои да поповскихъ нѣсколько тысячъ, забрали серебро, золото да что поцѣннѣе изъ имущества, потушили огни, приперли двери снаружи, да какъ кинутся въ сани: „ай да!“ говорятъ. Я крикнулъ на тройку—да стрѣлой по деревнѣ и помчались, а колокольцы-то съ бубенчиками вдарили и залились. Я,

значитъ, забылъ ихъ подвязать! Братья такъ и схватились за голову. Выѣхали за деревню,—однако, колокольцы отрѣзали. Тутъ одинъ братъ изъ хозяевъ самъ сталъ править лошадьми и началъ ихъ пріудерживать; прошли мы версты три ни шатко, ни валко—значитъ, коней жалѣючи. „Господи!—думаю я,—сгубятъ эти ребята и мою, и свою голову!"—„Что же?—говорю,—хозяева, хоть бы пошибче: неравно, погоня будетъ!„—"Молчи, говорятъ, не твое дѣло!"—А междутѣмъ въ деревнѣ, какъ мы промчались съ колокольчиками, кто-то къ попу завернулъ и пошла тревога. Верстъ черезъ 5, слышимъ, погоня; раздается топотъ за нами. Братья—какъ ни въ чомъ не бывало,—остановили лошадей и стали прислушиваться. Скачутъ все ближе. Тутъ старшій братъ какъ всталъ да гаркнетъ на лошадей,—и взвились-же онѣ, какъ вихри, только вѣтеръ насъ пронизываетъ. Верстъ пять мы мигомъ отхватили и погоню оставили за собой. Смотрю, —братья опять лошадей пріудержали и пошли рысцой: меня ажно сердце стало брать. Погоня опять, слышимъ, идетъ,—все ближе, ближе, — стали уже въ виду. Тутъ всталъ второй братъ, гаркнулъ—и опять мы понеслись, какъ вихорь. Верстъ пять проскакали, стали пріудерживать и пошли-было шагомъ, а двѣ тройки опять уже за нами такъ и дуютъ: значитъ, рѣшились догнать во что-бы-то ни стало. Вижу, ужь около насъ летятъ; только кони храпятъ у нихъ, изъ силъ выбиваются. Я тутъ такъ струхнулъ.—„Ну,—думаю,—влопались; пропало дѣло!" Хотѣлъ изъ саней выскочить да въ лѣсъ, а меня старшій братъ хвать за ногу, какъ крикнетъ: „куда ты, сволочь дохлая!" да какъ мотнетъ меня съ размаху въ маковку: я такъ и растянулся на дно саней,—только въ глазахъ завертѣлось. Очнулся,—мы снова, какъ птица, летимъ, а погони и совсѣмъ неслышно; значитъ, ихъ лошадямъ совсѣмъ не въ моготу стало, а наши кони свѣжіе, только-что расходились. Пустились мы проселками и гнали-же мы въ эту ночь!—почесть верстъ 200 сдѣлали

и къ утру домой въ ворота влетѣли. Ну, тутъ я только ахнулъ!

„Митомъ мы добычу въ подвалы да секретныя мѣста попрятали; братья пошли по деревнѣ ходить, а я на сѣнникѣ спать завалился, потому отъ этого ушибу у меня сильно голова болѣла. Къ вечеру, слышимъ, по деревнѣ начальство съ колокольцами летитъ. Я опять струхнулъ. „Ну,—думаю,—доберутся до насъ!“ и прямо, значитъ, какъ подкатило начальство—у насъ передъ воротами и остановилось. Вижу, вышелъ къ нему старшій братъ безъ шапки, смѣется и разговариваетъ. Немного погодя, воротился старшій братъ въ комнату, пошолъ въ сундукъ, вынулъ пачку, отсчиталъ, вышелъ и наклонился... Пріѣхавшій снова посмѣялся съ нимъ, крикнулъ на ямщика и умчался на тройкѣ. Братья только перемигнулись.

„Такъ вотъ-какъ люди дѣла обдѣлывали! Послѣ я узналъ, что они все свое богатство такимъ способомъ накопили. Выждутъ, выждутъ хорошее дѣло, обдѣлаютъ тонко и сидятъ смирно годъ, два,—потому народъ тонкій, *образованный* народъ!

„Вотъ-каковы молодцы-то бываютъ, вотъ воры-то съ аккуратомъ, а не то, что нашъ братъ карманникъ, человѣкъ пропащій!

„Много я опосля по странствію такихъ купцовъ видалъ. Кто фальшивыя деньги распущалъ, кто крадеными вещами промышлялъ, кто при пожарѣ шкатулку съ деньгами тилиснулъ, кто съ чужой женой мужа обокралъ, а кто и убивствомъ промыслилъ, да осталось все шито и крыто. Такъ вотъ-какъ другіе прочіе богатство-то наживаютъ и цѣлы бываютъ. А мы—какіе мы воры: украли луковицу да и погибай!.. Эхъ!..“—И Петръ Алексѣевичъ зарядилъ себѣ такую понюшку, изъ тавлинки, что носъ его зашипѣлъ на всѣ лады и во всемъ коридорѣ было слышно, какъ сказочникъ сорвалъ на немъ свою злобу.

IX.

Острожный Брутъ.

Разъ около полудня нашъ острогъ сильно волновался: до него долетѣлъ слухъ, что высланныхъ на работу арестантовъ побили солдаты. Дѣло было такъ:

Въ городѣ ждали кокого-то ревизора; городское начальство распорядилось высылать арестантовъ на работы для насаживанія какого-то искуственнаго садика, долженствовавшаго быть декораціей задхлыхъ и грязныхъ канавъ, которыя надо было прикрыть отъ почтеннаго гостя.

Арестантамъ обѣщали сначала плату, и въ первый день дали по 3 копейки; во второй полицеймейстеръ купилъ на артель нѣсколько десятковъ калачей и молока; на третій однако всякая плата прекратилась. Работая безъ копейки денегъ цѣлые дни, арестанты начали роптать. Разъ они, проработавъ съ 4 часовъ утра до 3 пополудни, начали проситься въ острогъ обѣдать; конвой и квартальный ихъ не отпускали. Началась перебранка и принужденіе. На случай ѣхалъ мимо дежурный по карауламъ; унтеръ-офицеръ подошолъ къ нему и началъ жаловаться на арестантовъ. — „Прикладами ихъ, шельмовъ!“ прикрикнулъ для страха арестантовъ старый капитанъ и, успокоившись, поѣхалъ дальше. Арестанты продолжали требовать, чтобы ихъ отвели въ острогъ. Чрезъ полчаса проѣхалъ мимо батальонный командиръ, возвращаясь изъ гостей домой.—„Что такое?“ крикнулъ онъ. Ему сообщили. —„А пуля?!“ взвизгнулъ онъ, взглянувъ грозно на арестантовъ, и уѣхалъ. Арестанты принялись опять за дѣло, но вяло, нехотя: они негодовали. Скоро снова начался споръ [illegible] рабочихъ бросили лопаты; конвой р[illegible]ушниковъ прикладами и тесаками. Ско[illegible] острогу.

Караульный офицеръ, выскочивши изъ кордегардіи, испугался бунта и приказалъ зарядить ружья и окружить приведенныхъ, причомъ разгоряченные унтера опять нанесли нѣсколько побоевъ. Когда избитые вошли въ острогъ и огласили его жалобами, это произвело страшное впечатлѣніе на возбужденную острожную общину. „А, такъ насъ бить?!“ заревѣлъ острогъ и затѣмъ разсыпался по двору группами. Все загудѣло негодованіемъ; лица пылали злобой; руки дрожали; слышались брань, угрозы; самыя радикальныя и рѣшительныя совѣты подавались со всѣхъ сторонъ. Бродя около толпы, я то-и-дѣло слышалъ:

— Да что: взяться за нары!—кричали одни.

— Смотрителя кирпичомъ! офицера въ корридорѣ придушить!—слышалось кругомъ.

Острогъ волновался, какъ море; я его никогда такимъ не видывалъ.

Знакомыхъ арестантовъ я не узнавалъ. Я встрѣтилъ каторжнаго Вагина; онъ дрожалъ. — „Что-же изъ этого шума выйдетъ?—сказалъ я:—вѣдь скажутъ, что въ острогѣ бунтъ. Вы-бы это разъяснили“.—Вагинъ былъ опытный и благоразумный каторжный и держался крайне умѣренной партіи. — „Не въ томъ-съ, отвѣчалъ онъ мнѣ,—а дѣло въ томъ, что въ послѣднее время дурную привычку съ нами взяли всякую несправедливость чинить: видятъ, что острогъ смиренъ, вотъ и крутятъ. Вѣдь въ другихъ мѣстахъ... я вотъ, знаю случай... и смотрителя, и офицера за это... у!! Они этого не понимаютъ. Вѣдь мы *каторга*! что съ нея возьмутъ? Мы за свои права стоимъ-съ. Старые-каторжные жизни не пожалѣютъ“.

— Да вѣдь будутъ военнымъ судомъ судить!

— Вопервыхъ никого не отыщутъ-съ, а суди всѣхъ. Притомъ когда высшее начальство пріѣдетъ, дѣло лучше разберутъ. Я и теперь говорю, надо требовать жандармскаго. Требуй да и конецъ!

— Но вѣдь васъ усмирять?

— За что-же-съ? мы вѣдь не вырываемся изъ острога; мы просимъ только насъ выслушать по закону, потому-какъ мы обиду терпимъ.

Замѣчательно, что въ большинствѣ бунтовъ требованія арестантовъ всегда опираются на легальную почву: они желаютъ видѣть только высшее начальство, но такъ шумятъ или галдятъ, что это принимается большею частію за бунтъ или за его предвѣстіе.

Въ этихъ случаяхъ арестанты считаютъ себя совершенно правыми и все относятъ къ произволу смотрителей, который они привыкли видѣть вездѣ. Сознавши разъ, что они правы, арестанты готовы постоять за эту, по ихъ мнѣнію, правду. Въ то-же время они понимаютъ, что въ этихъ случаяхъ всетаки затронутъ ихъ общій интересъ. Вотъ почему каторжная община въ минуты опасности ближе чувствовала солидарность: дѣло считалось общимъ и при случаѣ за него находились смѣлые борцы.

Я слышалъ, какъ громко хлопали двери и какъ собирались сходки. Ни одного сторожа не было въ острогѣ. Встрѣтясь съ прежнимъ острожнымъ старостой, довольно-неглупымъ ссыльнымъ, я вышелъ на дворъ. Около воротъ стояла група арестантовъ. Калитка отворилась и смотритель издали кричалъ, чтобы арестанты расходились по камерамъ. Изъ группы выдѣлился загорѣлый, сухощавый арестантъ и, низко кланяясь, просилъ офицера войти. Офицеръ однако не вошелъ во дворъ.

— Это—Николашка!—сказалъ мнѣ мой спутникъ,—онъ тутъ недаромъ...—и пошолъ къ толпѣ арестантовъ.

Скоро онъ воротился назадъ задумчивый и сказалъ:

— Я такъ и думалъ: у Николашки въ рукавѣ былъ ножъ...

Когда мимо насъ проходили арестанты, я взглянулъ на Николашку. Это былъ сухощавый черкесъ; бѣлки его были кровяные; онъ шолъ какъ-то подергиваясь. Мы пошли молча въ острогъ.

— Вы знаете Николашку? спросилъ меня черезъ нѣсколько минутъ староста.

— Нѣтъ.

— Это сорви-голова! Я его знаю съ Кавказа, такъ какъ я самъ оттуда. Онъ былъ замиреннымъ черкесомъ. Приглашонный разъ казакомъ въ гости и выпивши немного вина, онъ чѣмъ-то обидѣлся, выдернулъ шашку, хотѣлъ хватить по казаку, но отрубилъ ему только ухо. Его сослали въ кіевскія, кажется, арестантскія роты. Онъ былъ чрезвычайно озлобленъ, а въ арестантскихъ ротахъ и еще больше ожесточился. Черезъ недѣлю по прибытіи, онъ уже убилъ притѣснявшаго его унтеръ-офицера. Его прогнали сквозь строй, увеличили вдвое срокъ работъ и приковали къ тачкѣ. Это окончательно ожесточило его. Съ тѣхъ поръ онъ такъ остервенился, что достаточно было арестантамъ сказать: „Николашка, убей такого-то изъ начальства“ — и онъ билъ. Такъ онъ убилъ до 8 человѣкъ, въ томъ числѣ и офицеровъ. Когда ему нечѣмъ было бить,—прикованный за обѣ руки, онъ дѣйствовалъ тачкой. Николашку каждый разъ наказывали сквозь строй и переводили въ другія роты. Я слышалъ, что когда въ одномъ мѣстѣ осматривало арестантскія роты какое-то важное лицо, Николашку, прикованнаго къ цѣпи, взорвало.—„Что твой законъ!—крикнулъ онъ,—твой законъ...“—и онъ пустилъ страшную брань. Его приказали наказать, но мѣра истощилась: онъ былъ безсрочный. Какой-то начальникъ арестантскихъ ротъ, чтобы отвязаться отъ такого опаснаго, бѣшенаго арестанта, который постоянно покушался убить кого-нибудь, сталъ вмѣстѣ съ докторомъ просить и убѣждать Николашку вести себя смирно хоть полгода и подъ этимъ условіемъ обѣщался выпустить его за болѣзнью въ ссылку; Николашка укрѣпился, продержался полгода, не убивши никого, и его выпустили по болѣзни на поселенье въ Сибирь. Въ Сибири онъ жилъ мирно и попалъ теперя въ острогъ за кражу лошади... Однако имъ шутить нельзя!

Таковъ былъ этотъ острожный Брутъ, вступившійся за арестантскую общину, хотя лично онъ тутъ ничѣмъ не былъ затронутъ и на работу не ходилъ. Когда въ камерѣ у него товарищи отняли ножъ, убѣждая его не горячиться понапрасну, онъ бросилъ его на нары и крикнулъ: „Я знай ихъ! Бери башка!“

Въ этомъ словѣ выразилась вся мысль Николашки: онъ этимъ хотѣлъ выразить, что готовъ отдать свою голову: пусть ее возьмутъ, а онъ поставитъ на своемъ.

Такіе характеры между каторжными—не рѣдкость. Необыкновенная страстность придаетъ имъ страшную живучесть, не смотря на всѣ испытанія. Эту натуру, сухую, жилистую, кажись, не могли сокрушить никакими палками; но зато Николашка совершенно покорялся при мирныхъ занятіяхъ и когда его не тревожили: это доказала его жизнь на поселеньи.

Острогъ къ вечеру совершенно замолкъ и успокоился: благо его не безпокоили; арестанты беззаботно улеглись спать, а на утро уже бросили эту исторію.

Вечеромъ вошолъ къ намъ, въ „дворянскую“, караульный офицеръ побесѣдовать.

Я припомнилъ, что этотъ добродушный человѣкъ могъ быть сегодня жертвою вслѣдствіе своей безтактности.

— Отчего вы не вошли во дворъ, когда васъ звали?— спросилъ я его.

— Я хотѣлъ, да меня окликнулъ зачѣмъ-то смотритель.

Я понялъ, что этого человѣка спасла только случайность.

X.

Ищущіе спасенія и свѣта.

Въ числѣ громадной семьи арестантовъ, гдѣ смѣшивались люди всевозможныхъ національностей и разныхъ званій, жившіе общею жизнью, въ нашемъ острогѣ была

колонія, которая держалась совершенно отдѣльно,—колонія скопцовъ. Въ концѣ острога, гдѣ-то подъ лѣстницей, имъ была отведена особая маленькая и темная комнатка. Воздухъ здѣсь былъ сырой и удушливый. Полкомнаты занимала большая русская печка и нары. Въ углу стоялъ старый, потертый образъ; къ стѣнѣ была придѣлана полочка, гдѣ лежали двѣ-три книги, въ томъ числѣ Евангеліе и Библія въ кожаномъ переплетѣ; далѣе висѣли большіе, старинные часы, поваренка, полотенце и другія принадлежности; по стѣнамъ стояла въ порядкѣ посуда—ярко вычищенный самоваръ, сундучокъ, а на нарахъ валялась цѣлая груда подушекъ. Чистота и опрятность царствовали повсюду; видно, что съумѣли здѣсь обстроиться. Сами они (четверо молодыхъ и одинъ пожилой) скромно сидѣли и жались на нарахъ, и лишь иногда нѣкоторые располагали лежанкой.

Когда я, во время перваго знакомства, посѣтилъ ихъ, то они меня приняли очень ласково и сейчасъ-же засуетились за самоваромъ.

— Братикъ, позвольте я наставлю самоваръ,—говорилъ одинъ.

— Нѣтъ ужь позвольте наставить мнѣ, братикъ: сегодня моя очередь.

— Братикъ, позвольте мнѣ,—вызывался третій. Такимъ образомъ они препирались до тѣхъ поръ, покуда не принялись хлопотать всѣ вмѣстѣ.

Скоро большой, свѣтлый самоваръ стоялъ на чистой крестьянской скатерти; на столъ выложили всевозможныя булочки, пироги и тщательно вымыли посуду. Затѣмъ они вѣжливенько и скромно усѣлись всею семьею вокругъ стола. Они то-и-дѣло тщательно угощали не только меня, но и другъ друга, но особенное ихъ попеченіе заслуживалъ маленькій скопецъ, лѣтъ 11-ти, приходившійся одному изъ нихъ братомъ. Это былъ одутловатый и пухлый ребенокъ, рябоватый лицомъ, съ лѣнивыми и вялыми манерами. Его напичкивали безпре-

станно булками и сухарями, пока болѣзненный ребенокъ не наѣлся до пресыщенія и не улегся снова въ груду подушекъ на нары.

Скопцы мнѣ сообщили за чаемъ, что у нихъ былъ священникъ и спросилъ у нихъ Библію, думая, что она у нихъ какая-нибудь особая, что спросилъ онъ у нихъ также стихи, *которые ему и обѣщали*,—замѣтили скопцы съ лукавой улыбкой. Держать себя вообще они старались сдержанно и загадочно.

— Про васъ теперь ужь много печатаютъ,—сказалъ я имъ.

— Что-же такое?—съ живымъ любопытствомъ обратился самый молодой изъ нихъ, но сейчасъ-же сконфузился. Я обѣщалъ имъ дать книжекъ.

— Пусть печатаютъ!—замѣтилъ педантически старый, скопецъ,—имъ врутъ, а они это вранье-то и печатаютъ.....

— Почему-же вы думаете, что все это вранье?

— Оттого, что имъ правды никто говорить не будетъ. Эти сочинители пишутъ изъ разныхъ судейскихъ бумагъ да показаній, а тутъ ужь какая правда! На допросахъ, извѣстно, врутъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться..... А-то другіе пишутъ съ вѣтру, по слуху..... Пожалуй, пиши что хочешь, только наша вѣра тоже сокрыта... не всякому дается знать!—важно замѣтилъ онъ.

— Вотъ и мы сидимъ полторагода,—продолжалъ онъ,—тянутъ да тянутъ дѣло.....

— Что-же дѣлать, братикъ—замѣтилъ молодой;—надо терпѣть.—Скопцы погрузились въ задумчивость.

Изъ собесѣдниковъ моихъ одинъ былъ широкоплечій мужикъ лѣтъ 45, съ широкимъ, калмыковатымъ лицомъ, узенькими, лукавыми глазами и съ бритой бородой: онъ поражалъ широкой структурой и особенно развитымъ абдоминомъ. Онъ держалъ себя очень важно и солидно, ходилъ переваливаясь, при чтеніи надѣвалъ синіе консервы и пускалъ отрывочныя и самодовольныя замѣчанія. По виду можно было принять его за доктора скоп-

ческой учености. Трое другихъ были очень молодые крестьянскіе парни, одинъ смотрѣлъ крайне-забитымъ и недовольнымъ, другой былъ пухлый и постоянно улыбающійся, и только третій поражалъ какою-то деликатностью сложенія, прекраснимъ лицомъ, умными глазами, высокимъ лбомъ и меланхолическимъ видомъ. Это было самое-симпатичное лицо изъ всѣхъ ихъ. Самый младшій, какъ я уже говорилъ, былъ ребенокъ; скопцы его звали „ангеломъ“ и, кромѣ неумѣреннаго употребленія пищи, онъ не игралъ никакой роли въ ихъ семьѣ.

Что меня поразило при первомъ знакомствѣ,—такъ это крайняя вѣжливость и нѣжность, съ которыми они обращались другъ съ другомъ. Не было минуты, чтобы они не старались одинъ другому угодить. Я подумалъ сначала, что они всѣ родственники: такъ отношенія были близки; но оказалось, что кромѣ двухъ братьевъ всѣ они чужіе другъ другу. Видно, что въ ихъ жизни не было никогда ни ссоръ, ни брани. Скопцы притомъ избѣгали всякихъ соблазнительныхъ разговоровъ и даже, по скопческому правилу, не произносили слово „дьяволъ“ и замѣняли его въ случаѣ крайности или „лукавымъ“, или просто мѣстоименіемъ.

Послѣ моего перваго визита я послалъ имъ только-что вышедшую тогда статью „О святорусскихъ двоевѣрахъ въ Тульчѣ“ Кельсіева; они прочитали ее, какъ видно, съ большимъ любопытствомъ.

— Вотъ вы говорили, что ученіе ваше сокрыто,—сказалъ я старшему скопцу,—а вотъ тайна ваша открывается, *„государственная-то тайна, высочайшій-то секретъ!“*

— Да, конечно, будетъ время,—она откроется всему свѣту... и теперь уже открывается; однако многое еще неизвѣстно... и не откроется! упорно настаивалъ педантъ-скопецъ.

— Кому-же она откроется?

— Кто пожелаетъ воспринять....—важно и загадочно намекнулъ скопецъ.

Изъ другихъ книгъ, посылаемыхъ мною, они прочитали статью „О скопцахъ“ г. Щапова, которою очень остались недовольны, и разсказы объ американскихъ шекерахъ Диксона, которыми восторгались. — „Вотъ-это наши!“ говорили они. Отъ повѣстей и романовъ они настойчиво отказывались, говоря, что это имъ читать даже *вредно*.

Въ началѣ разговоры мои шли только съ старшимъ скопцомъ Андреичемъ, который однако любилъ сначала уклоняться и иронизировать. Такъ спросишь его о молитвѣ ихъ, а онъ отвѣтитъ: „какая у насъ молитва: вѣдь мы пляшемъ!“ намекая на то, что о нихъ пишутъ.—„Вы вѣрите образамъ?“—„Нештo, пусть его стоитъ!“ скажетъ онъ, смотря на образъ, и т. д.

Но разъ съ Андреичемъ я поговорилъ нѣсколько подробнѣе.

— Положимъ, вы убѣждены и увѣрены въ своемъ ученіи,—сказалъ я ему,—но скажите, правда-ли, будто вы соблазняете, подкупаете и даже насильно обращаете въ свою вѣру?

— Никого мы насильно не обращаемъ и никого не подкупаемъ,—сказалъ скопецъ сухо.—Насильство употребить—такъ будетъ жаловаться, да и что толку въ такомъ человѣкѣ! А подкупить — такъ кто-же за какія деньги согласится оскопиться? Ну, вотъ хоть тебѣ, хоть сколько тысячъ давай, согласишься-ли ты!... У насъ, братъ, кто только увѣровалъ да убѣдился, такъ только тѣхъ принимаютъ, да и-то надо крѣпкую вѣру имѣть. Нужно силу имѣть—крестъ этотъ взять, а нѣтъ силы,— не бери!...

— Ну, а какъ-же вонъ у васъ маленькій, 11-лѣтній скопецъ очутился? неужели и онъ увѣровалъ да убѣдился?

— И онъ увѣровалъ,—настаивалъ упорно с

и онъ понимаетъ; грамотѣ учится по *писанію*. Скопителя не видалъ! — прибавилъ онъ въ видѣ аргумента.

— Ну, хорошо, если вы хотите вести дѣвственную жизнь, такъ неужели нельзя удержаться безъ оскопленія? — возражалъ я Андреичу.

— Это вольному воля! у насъ есть скопцы и нескопленые, и много такихъ, что и въ мірѣ живутъ и семьи имѣютъ; одно только — съ женами ужь послѣ того не живутъ; такихъ еще больше... А мы—монахи: такихъ немного,—замѣтилъ онъ про себя.

— Вотъ я читалъ въ вашихъ стихахъ, — снова спросилъ я,—вы часто женщинъ срамите и позорите *блудницами, нечистыми* и другими названіями, а междутѣмъ, по св. писанію, женщина такой-же человѣкъ!

— Это мы не женщину... въ нашей вѣрѣ есть тоже женщины, и мы зовемъ ихъ сестрами, а въ стихахъ другое разумѣется...

— Что-же такое?

— Власть нынче несправедлива,—проговорилъ скопецъ:—вездѣ предательство и подкупъ, и нѣсть правды на землѣ!

Андреичъ вообще любилъ впадать въ обличительный тонъ. Онъ возставалъ на всякія удовольствія, пѣсни, пляски и особенно ненавидѣлъ театры. Разгорячившись, онъ даже забывалъ свою солидность и начиналъ представлять, какъ актрисы ломаются и румянятся, и не называлъ ихъ иначе, какъ—„срамота!“ Ко всему плотскому онъ относился съ пренебреженіемъ:

Плоть крѣпка,—
Задай ей трепка!

говорилъ онъ скопческими стихами. Андреичъ притомъ считалъ свои изреченія и мнѣнія верхомъ мудрости и остроумія. По натурѣ это былъ туповатый, но упорный малый.

Разъ онъ попросилъ у меня французское руководство.— „Зачѣмъ вамъ?“ спросилъ я. — „Учиться буду“. — „Да на что вамъ французскій языкъ?“ — „А вотъ записку когда написать“. — „Да вѣдь ее разберутъ всегда!“ — „Можетъ, во Франціи буду, — такъ говорить!“ Я пожалъ плечами и далъ, чтобы развязаться. Къ удивленію моему, недѣли черезъ двѣ Андреичъ какъ-то добрался разбирать слова, и началъ зазубривать переводъ. Онъ цѣлые дни лежалъ на своей печкѣ и твердилъ разныя названія; я его иногда встрѣчалъ въ синихъ очкахъ и съ французскимъ руководствомъ гдѣ-нибудь въ углу двора, прохаживающимся чрезвычайно важно. Скоро онъ началъ даже хвастать своимъ знаніемъ. „*Муриръ!*“ говорилъ онъ, затаптывая таракана. — „Сеня, выгребите *шарбо*“, говорилъ онъ предъ наставленіемъ самовара, или: „куда это у меня *кордонъ* задѣвалась!“ — сообщалъ онъ, отыскивая веревку. Разъ онъ особенно-важно пришелъ ко мнѣ въ комнату и серьезно произнесъ: „*донеръ муа*....“ Но затѣмъ какъ-то улыбнулся, сконфузился и изчезъ. Только чрезъ четверть часа возвратился онъ и объявилъ „*крейонъ*“, что по-его означало карандашъ. Оказалось, что онъ, идя, позабылъ это слово.

Комическая сторона Андреича и его напыщенная важность были замѣтны и для другихъ скопцовъ, и они часто надъ нимъ трунили, что однако не мѣшало имъ жить крайне-дружно. Братство и полный коммунизмъ вполнѣ осуществлялись въ этой семьѣ. Они другъ друга утѣшали и другъ другу помогали; все это производило впечатлѣніе очень оригинальное. Присутствіе нѣкотораго довольства, опрятныя платья братцевъ, ихъ женскія манеры, утончонное обхожденіе *на вы*, сантиментальная нѣжность другъ къ другу, названія „братецъ, братчикъ, братишка“, ихъ сосредоточенныя ласки на маленькомъ скопцѣ „ангелѣ“, — все это вѣяло миромъ-согласіемъ, показывало, что скопцы всею душою сосредоточились въ своей семьѣ и здѣсь искали утѣшенія и радости. Ихъ

участіе особенно выказывалось, если кто изъ нихъ хворалъ. Помню, я разъ засталъ скопцовъ въ одно утро, когда они окружали красиваго и молодого Ивана, ихъ сотоварища. Онъ лежалъ на печкѣ подъ шубою и сообщалъ, что его ночью преслѣдовали бѣсы. Какъ видно, это была галюцинація послѣ *радѣнія*. Тихо и задумчиво стояли около него братцы съ грустными лицами и слушали благоговѣйно, какъ больной повѣствовалъ имъ пророчески, что онъ гналъ „*его*“ далеко, далеко.

Скопцы жили очень уединенно и не сближались съ остальными арестантами, но обходились со всѣми крайне-вѣжливо и старались всѣмъ угодить. У нихъ былъ, напримѣръ, самоваръ, и они давали его всякому, кто ни попроситъ, немедленно. Бывало, только поставятъ себѣ, но кто-нибудь обратится къ нимъ, и они вытряхаютъ угли и отдаютъ. Были у нихъ также часы, и наружные часовые постоянно справлялись, скоро-ли смѣна, причомъ всегда стучали къ нимъ въ окошко, и скопцы постоянно предупредительно отвѣчали имъ. Но и этого мало: скоро часовые привыкли стучать и справляться о часахъ по ночамъ; иногда скопцы не спали цѣлыя ночи, потому что промерзшіе солдаты стучали черезъ пять минутъ, но и тогда не выражали они никакой досады. „Вѣдь солдатикъ-то тоже замерзнетъ; надоѣстъ стоять-то!“ объясняли они гуманно причиняемое имъ безпокойство.

Не смотря на гоненія и самыя-нахальныя насмѣшки арестантовъ надъ ихъ *скопчествомъ*, они держались съ достоинствомъ и всегда отвѣчали молчаніемъ, какъ-будто ничего не слышали. Бродяги въ особенности преслѣдовали ихъ, напирая на то, что будто скопцы наслѣдствіи показываютъ всегда, что ихъ оскопилъ неизвѣстный бродяга. Болѣе всего доставалось скопцамъ, когда они ходили съ общими арестантами въ баню; но скопцы все выносили стоически. Они показывали видъ, что стояли выше насмѣшекъ. Страданіе и терпѣніе они считали долгомъ.

Ожидая приговора, они сообщили мнѣ, что „скопцу подобаетъ страдать безропотно“, что ему не позволяется уйти ни съ каторги, ни съ мѣста ссылки, хотя-бы и былъ къ тому случай. Дѣйствительно, когда один бродяга сообщилъ, что онъ видѣлъ въ бѣгахъ скопца, они крайне изумились и замѣтили, что теперь его никто изъ своихъ не приметъ, такъ-какъ онъ опозорилъ себя.

Преслѣдуемые, гонимые, подвергаемые насмѣшкамъ, скопцы должны были тѣмъ крѣпче и нѣжнѣе привязаться къ своему братству. Искренно и страстно любили они другъ друга, не имѣя другихъ привязанностей въ жизни. И эта „евангельская любовь“ была, быть можетъ, самою симпатичною и чарующею стороной, которая своею прелестью привлекала къ нимъ прозелитовъ, искавшихъ мира и утѣшенія въ вѣрѣ отъ несправедливаго, мятежнаго и враждующаго свѣта. По крайней мѣрѣ, это можно было видѣть на нашихъ молодыхъ скопцахъ. Исторія одного изъ нихъ, молодого Ивана, съ умнымъ и задумчивымъ лицомъ, была очень трогательна.

Мать Ивана была крестьянка — раскольница. Съ малолѣтства она уже внушала своему сыну священное писаніе, наполняла его голову божественными разсказами, толкованіемъ о будущей жизни и рано расположила его впечатлительную натуру къ мечтательности и мистицизму. Она его рано выучила грамотѣ, и онъ, приходя въ возрастъ, уже задумывался надъ суетою міра сего, и съ своими мистическими думами часто сидѣлъ на поляхъ и въ лѣсахъ около своей деревни, погруженный въ торжественное самосозерцаніе. Онъ чувствовалъ уже отвращеніе отъ мірской жизни; добрая душа его возмущалась притѣсненіями; грубая и страдальческая жизнь мужика вызывала въ немъ жалость; веселье и пѣсни его не привлекали; какъ дѣвственникъ, онъ презиралъ окружающій развратъ; міръ ему казался мрачнымъ, несправедливымъ и развращеннымъ, и онъ цѣлые часы горько плакалъ и молился. Ему не у кого было учиться: всѣ думали о мірскомъ;

мужики были темны; въ сельскомъ духовенствѣ онъ разочаровался и самъ мечталъ создать себѣ новую жизнь, мечталъ спасти себя и другихъ... Жажда религіознаго идеала охватывала его душу, — но гдѣ и кто укажетъ ему этотъ идеалъ?

И вотъ онъ отправился на 16 году искать вѣры. Онъ прошолъ почти всю Сибирь; гдѣ могъ,—онъ жилъ прикащикомъ, гдѣ—работникомъ; но скоро опять, въ своихъ мученіяхъ, уходилъ изъ городовъ и шолъ все дальше и дальше. Онъ наталкивался на раскольниковъ и подолгу проживалъ въ ихъ скитахъ. Среди темныхъ, глухихъ и величественныхъ сибирскихъ лѣсовъ онъ присматривался къ жизни подвижниковъ, слушалъ ихъ поученія и горячо молился; но, вѣрно, и здѣсь мірской и житейскій характеръ смутилъ и разочаровалъ его, а онъ искалъ подвиговъ, самопожертвованій. Тогда-то онъ столкнулся съ скопцами. Онъ увидѣлъ ихъ суровыми монахами, отвергавшими мірскую жизнь и наслажденія на самомъ дѣлѣ; его поразилъ и этотъ пуризмъ, и эта чистота, и духъ братства, въ которомъ сплотились они и который такъ вѣялъ первобытной христіанской искренностью. Вѣроятно, они произвели на Ивана очень сильное впечатлѣніе, потому-что, когда я пробовалъ разочаровывать его въ скопцахъ, онъ вспоминалъ ихъ, говоря: „Ахъ, какіе это добрые! ахъ, какіе это хорошіе и добрые люди, еслибъ вы знали!“

Онъ сдѣлался самымъ вѣрнымъ послѣдователемъ ихъ ученія. Нервный, впечатлительный, способный къ экстазу, къ горькимъ слезамъ, къ вдохновенію, къ любви, къ самопожертвованію, онъ не остановился на полудорогѣ и, сохранивши свою дѣвственность до послѣдняго дня, пожертвовалъ радостями міра сего и отдался скопчеству.

Теперь онъ сталъ фанатикомъ; жажда пропаганды, обученія и спасенія другихъ стала его задачею, и такимъ-то онъ явился въ свою деревню. Молодой, дѣвственный, съ прекраснымъ и симпатичнымъ лицомъ, съ пылаю-

щимъ взоромъ, съ страстью мученичествовать, онъ былъ пророкомъ среди другихъ скопцовъ и казался святымъ, какъ для прозелитовъ, такъ и для остальныхъ крестьянъ, которые узнавали его. Кто-бы могъ подумать въ нашемъ острогѣ, не исключая и меня самого, что этотъ скромный мальчикъ, тихій и застѣнчивый, въ толстой сермягѣ и съ пестрымъ платочкомъ на шеѣ, былъ предметомъ поклоненія и обожанія десятковъ прозелитовъ и множества крестьянъ!

Я самъ видѣлъ, какъ пріѣхавшіе изъ его деревни мужики, увидя его только въ пріотворенную калитку острога, стояли безъ шапокъ, чуть не въ землю кланялись и смотрѣли на него какъ-то грустно-благоговѣйно.

Такова была эта натура, искавшая свѣта и спасенія и попавшая въ омутъ скопчества. Въ острогѣ онъ былъ предметомъ безграничной любви остальныхъ скопцовъ; самъ Андреичъ питалъ къ нему уваженіе и слушался его. Но по всему было видно, что Иванъ потухалъ день за днемъ. Ему было 20 лѣтъ, но легкій, ранѣе выступавшій, румянецъ уже не показывался на его щекахъ; пушокъ не росъ болѣе на граціозной бородкѣ, и онъ грустно смотрѣлъ своими прекрасными, добрыми глазами, въ которыхъ, казалось, горѣли муки.

Два остальные, молодые крестьяне-скопцы, подверглись не лучшей участи. Одинъ изъ нихъ былъ деревенскій работникъ, бобыль и сирота, молодость котораго протекла безъ утѣшенія, безъ дружбы, въ горькой нуждѣ и на чужомъ кускѣ хлѣба, и вотъ онъ тихонько отъ хозяина, по задворкамъ, пробирался въ ночныя собранія скопцовъ, гдѣ шла горячая проповѣдь, гдѣ называли его братомъ, другомъ, и, вмѣстѣ съ товарищами по деревнѣ, онъ рѣшился искать спасенія и утѣшенія въ скопчествѣ. Другой, полный и добродушный парень, бѣжалъ просто отъ отца, который хотѣлъ его женить насильно. Оба они были даже неграмотны, и видно, что ихъ привлекала только дружба и покровительство

скопцовъ. Такова участь нашего народа, впадающаго въ расколъ.

Но я помню еще одного. Подлѣ блѣднаго и задумчиваго Ивана, я часто встрѣчалъ на острожномъ дворѣ высокаго и мужественнаго, пожилого раскольника. Это былъ человѣкъ другого сорта; онъ не былъ скопецъ. Человѣкъ необыкновенной начитанности, съ громадной памятью, знавшій половину библіи наизусть,—человѣкъ, избороздившій всю Россію и Сибирь въ бродяжествѣ, побывавшій на каторгѣ и бѣжавшій съ нея, въ свою жизнь испытавшій и изучившій всѣ раскольничьи толки и ученія, имѣвшій понятіе о современномъ состояніи раскола,—это былъ Лаврентій Федоровъ, философъ-самородокъ, пропагандистъ и учитель раскола, даровитѣйшій представитель русскаго народа и русскаго плебса преимущественно,—личность, о которой я сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе.

Трудно было узнать, какъ протекала жизнь этого человѣка. Онъ былъ когда-то сосланъ на каторгу за расколъ. Слышалъ я отъ него, что когда-то онъ жилъ въ Охотскѣ, куда былъ сосланъ очень давно,—что онъ оттуда бѣжалъ и прошолъ пустыню, переваливъ черезъ яблоновый хребетъ съ ружьемъ, географической картой и путешествіемъ Сарычова. Разъ я слышалъ, какъ онъ описывалъ арестантамъ эти страшныя, скалистыя горы и утесы, гдѣ перебрасываются горные потоки и водопады, гдѣ хищныя птицы рѣютъ по вершинамъ горъ, подножія которыхъ заволакиваются безконечными туманами, сбивающими съ пути путешественника. Онъ сказывалъ, что здѣсь онъ чуть не умеръ съ голоду. Послѣ того онъ скитался подъ разными именами по Сибири и Россіи. Цѣлая жизнь, чуть не съ 1824 года, у этого человѣка составляла рядъ странствій. Гдѣ онъ не скитался въ это время! Мелькомъ я слышалъ отъ него, что онъ жилъ на вершинахъ Енисея, куда не проникала до сихъ поръ ни одна географическая экспедиція; видно было, въ то-

же время, что онъ былъ неособенно давно въ центрѣ Россіи въ средѣ раскольниковъ. Взятъ онъ былъ въ Сибири съ ручной типографіей, которою печаталъ раскольничьи книги и стихи. Я не считалъ себя въ правѣ разспрашивать этого человѣка и требовать у него отчота въ его пятидесятилѣтней, дѣятельной жизни.

Я познакомился съ нимъ по поводу книгъ: онъ ужасно любилъ читать и поэтому обращался иногда ко мнѣ за книгами. Онъ былъ знакомъ и съ свѣтскою литературою: сказывалъ онъ мнѣ, что у него была даже скоплена библіотечка изъ Карамзина, сочиненій Крылова и другихъ какихъ-то книгъ. Крылова онъ особенно любилъ и часто цитировалъ мѣткія басни. Онъ былъ настолько развитъ, чутокъ и проницателенъ, что, читая нѣкоторыя литературныя произведенія, удивлялъ глубокимъ пониманіемъ ихъ; онъ никогда не оставлялъ книжки непродумавши. „Вчера я читалъ-съ и размышлялъ вечеромъ...“ говорилъ онъ. Иногда за хорошей книжкой онъ приходилъ второй разъ: „мнѣ еще надо тутъ размыслить“ или: „справиться“,—добавлялъ онъ. Разъ у меня не было никакихъ книгъ, и я далъ ему одинъ журналъ. Когда онъ возвратилъ мнѣ его, я спросилъ, что ему больше тутъ понравилось. — „Прометей-съ... ахъ! какая это прекрасная статья“.—„Да это языческая сказка....“ замѣтилъ я.—„Такъ-съ, но вѣдь это иносказаніе“, отвѣтилъ онъ хитро улыбаясь и смотря на меня.

Замѣчательно было и то, что онъ при своемъ старообрядчествѣ не былъ отнюдь фанатичнымъ: онъ сознавалъ и силу просвѣщенія, и его благодѣянія. Я высказалъ сожалѣніе, что разные раскольничьи толки отвлекаютъ народъ отъ образованія и школъ, такъ-какъ старообрядцы думаютъ, что свѣтская наука—„порожденіе сатаны“, а междутѣмъ темнота народа порождаетъ его предразсудки и несчастія...

— Да-съ,—сказалъ онъ съ своею обыкновенной сосредоточенностью:—дѣйствительно, сіе многіе могутъ ду-

мать, но въ священномъ писаніи ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, какъ я изучалъ Библію, тамъ есть многое о пользѣ *познанія*... Такъ въ книгѣ „Бытія“ говорится...—И онъ цитировалъ мнѣ нѣсколько текстовъ съ ссылками на главы изъ разныхъ частей Библіи и обѣщалъ прислать книгу.—Надо только это объяснить народу-съ и выставить эти главы,—продолжалъ онъ: не мѣшало-бы издать объ этомъ книгу для простого народа какому-нибудь *вѣрующему*.

Такія свѣтлыя и практическія мысли являлись у этого самородка.

Прошедши всѣ толки, онъ обладалъ самобытностью взгляда и относился ко всѣмъ имъ критически, но въ то-же время какъ-будто чувствовалъ внутреннюю связь всего раскола и старобрядчества: „все это *вѣрующіе*“,—говорилъ онъ,—т. е. глубоко *убѣжденные* и размышляющіе о религіи.

— Такъ неужели, Лаврентій Федорычъ, вы ни въ одномъ ученіи еще не нашли *истины*?—говорилъ я ему иногда послѣ разговора о русскихъ раскольническихъ сектахъ.

— Нѣтъ-съ, не нашолъ...

— Гдѣ-же, по-вашему, *истина-то*?

— Есть одна *великая* истина... это—евангельская любовь къ ближнему, а относительно другихъ вопросовъ—о спасеніи и вѣрѣ—указано въ Библіи, только я еще не уразумѣлъ, хотя по сіе время тщательно изучаю слово Библіи.

— Но, помилуйте, когда-же вы доищетесь и уразумѣете эту *истину*, когда, какъ вы говорите, никто не нашолъ ея и вы сами: вотъ уже вамъ 50 лѣтъ, а все еще не отыскали!..

— Что-же дѣлать! А она тамъ есть!.. Я вѣрую-съ!..

И я часто видѣлъ его фигуру глубоко размышляющею и двигающеюся медленно по двору острога въ своемъ халатикѣ, подпоясанномъ молитвеннымъ поясомъ... Что онъ думалъ?.. Можетъ быть, послѣ ночныхъ чтеній

Библіи онъ все еще отыскивалъ это *истинное ученіе* для народа. Онъ носилъ въ душѣ религіозныя муки и сомнѣнія....

Такова была эта личность, все еще сильная и могучая, несмотря на свои 50 лѣтъ сохранившая самую обширную память, какую когда-либо мнѣ случалось видѣть, свѣтлый умъ, вѣру въ народъ, какую-то высокую терпимость и такое любящее, христіанское сердце, не смотря на самую суровую каторжную и бродяжескую жизнь!

Кто знаетъ, можетъ-быть, это была самая-богатая сила самая-даровитая личность изъ всего русскаго простонародья, цѣлую жизнь искавшая *свѣта* и *спасенія*! Здѣсь-ли мѣсто подобнымъ натурамъ? невольно задумывался я. И мнѣ рисовалось, какимъ-бы преданнымъ, любящимъ свое дѣло могъ быть молодой скопецъ Иванъ въ какой-нибудь сельской школѣ, а Лаврентій Федоровъ съ этимъ пытливымъ умомъ, съ этимъ вселенскимъ горемъ за народъ, съ этимъ самороднымъ геніемъ!..

Такіе-то люди встрѣчались иногда въ старомъ русскомъ острогѣ. Изъ всѣхъ этихъ тюремныхъ жителей, говоря чистосердечно, мы не могли-бы указать на окончательно-безсердечныхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Всѣ эти люди въ старой тюрьмѣ жили довольно мирною жизнью, руководствовались обыкновенными отношеніями и были въ своей общинѣ обыкновенными людьми. Встрѣчая бродягъ, каторжныхъ и разбойниковъ, намъ не удавалось слышать хвастовства и оправданія всякому злодѣянію. Старые каторжные и бродяги постоянно оговариваются, что хотя имъ и случалось воровать и грабить, но отъ „загубленія души Богъ избавилъ". Въ то-же самое время нельзя безусловно утверждать, чтобы въ самыхъ озлобленныхъ изъ преступниковъ не проявлялось человѣческое чувство.

Мы старались себѣ припомнить такихъ преступни-

и всетаки не можемъ указать, въ комъ-бы изъ нихъ выказывалась окончательная безчувственность и вполнѣ злодѣйская натура. Были у насъ каторжные, подобные Я**, который отличался множествомъ преступленій. Самый взглядъ этого человѣка былъ холодный, оловянный, какъ-будто безчувственный; еслибы этотъ человѣкъ зашолъ среди ночи къ кому-нибудь въ комнату, то последній, казалось, въ одномъ-бы этомъ ледяномъ взглядѣ прочолъ: „нѣтъ пощады!"; мѣждутѣмъ мы видѣли, какъ этотъ человѣкъ мирно и весело толковалъ съ своими пріятелями, смѣялся искреннимъ смѣхомъ; ему доступна была дружба и даже любовь, за которую онъ постоянно платился, такъ-какъ, убѣгая изъ тюремъ, являлся къ своей любовницѣ, гдѣ его постоянно и ловили.

Былъ у насъ Калина, извѣстный каторжный, также замѣчательный убійствами; но и это былъ смѣлый, отважный парень, презиравшій опасности, но любимый въ средѣ товарищей. Припоминаю я и Василія Тарбагана, тупого и ограниченнаго мужичонку, который былъ, какъ говорили, убійцею даже своихъ бродягъ: въ его бабьей фигурѣ не было ничего устрашающаго, но онъ сохранялъ тупую упругость, былъ безчувственъ по тупости и едвали даже понималъ всю тяжесть своихъ злодѣяній. Казалось, это былъ самый антипатичный типъ; онъ даже бывалъ гдѣ-то палачомъ: но мы укажемъ ниже, что и въ немъ могли пробуждаться, хоть на минуту, человѣческія чувства *).

Разсказываютъ много про разбойника Коренева, какъ про настоящій типъ *злодѣя*. Г. Достоевскій получилъ при видѣ его самое дурное впечатлѣніе; г. Максимовъ описываетъ этого разбойника хвастливымъ и безсердечнымъ убійцей **); но посмотрите его біографію,—и вы

*) *Ссыльное бродячее населеніе*, въ гл. Бродяги-разбойники, Вас. Тарбаганъ.

**) Народн. Несчастія и Преступленія. Сибирь и Каторга, ч. II.

увидите, что этотъ человѣкъ плакалъ, когда пріятель, каторжный, оказалъ ему помощь въ дорогѣ *); въ острогѣ собратья-арестанты видѣли въ немъ иногда великодушнаго товарища и рыцаря **). Было-же, значитъ, и у этого человѣка чувство!

И что-же тутъ удивительнаго? Не можетъ-же человѣкъ быть постояннымъ звѣремъ, даже среди своихъ товарищей! Преступленія этихъ людей совершались, вѣроятно, все-таки въ критическихъ обстоятельствахъ, въ критическую минуту жизни: въ остальное время жизни они были людьми; человѣческія чувства, остатки сердца видны были и у нихъ.

Вѣдь иногда подумаешь, подумаешь да и скажешь: да, полно, есть-ли совершенно-то безсердечные злодѣи въ человѣческой породѣ?.. Мы, по крайней-мѣрѣ, не беремся отвѣчать на этотъ вопросъ положительно...

---

*) Ibid., ч. II, с. 28.

**) Ibid, стр. 21.

ИСТОРІЯ ЭТАПНАГО СТРАНСТВІЯ ОБЫКНОВЕННАГО СМЕРТНАГО.

(Изъ записокъ безпаспортнаго) *).

Этапное странствіе простого смертнаго начинается очень просто. Сначала я былъ приведенъ въ тотъ прекрасный домъ, который называютъ замкомъ, но который жильцы его величаютъ „чертовикомъ“ и „адомъ кромѣшнымъ“. Здѣсь я долженъ былъ провести день до высылки по назначенію, а на ночь заперли меня въ маленькой комнаткѣ.

Это была безсонная ночь. Какая-то глупая, сантиментальная тоска охватываетъ человѣка, въ первый разъ попавшаго изъ вольнаго міра подъ замóкъ. Рисуются въ воображеніи какіе-то контрасты, копошится зависть, кипитъ злоба. „За что-же, за что-же?“ стучитъ сердце, а потомъ снова безсильная, жгучая тоска...

Сборы мои были не велики. На утро снабдили меня двумя рубахами, зипуномъ съ яркимъ клеймомъ, котами, т.-е. обувью, и какимъ-то обширнымъ, какъ лохань, треухомъ. Признаюсь, когда я облекся въ этотъ неуклюжій халатъ и треухъ, во мнѣ что-то съежилось; я смутился. Я почувствовалъ себя разобщоннымъ съ

---

*) Записки эти принадлежатъ лицу, прошедшему значительный путь за просрочку паспорта. Такихъ лицъ вообще пересылается огромное количество. Въ 5 лѣтъ черезъ одинъ петербургскій замокъ прошло ихъ 36,527 челов. Лицо, дѣлавшее подобный путь, на сей разъ обладало способностью занести свои впечатлѣнія.

остальнымъ міромъ и ощутилъ себя какъ-будто виновнымъ: это платье наводитъ чувство стыда и позора. Я понялъ, что въ такомъ костюмѣ одно что-нибудь: или человѣкъ чувствуетъ себя убитымъ и раздавленнымъ, или изъ оскорбленнаго самолюбія въ немъ разовьется безконечное презрѣніе къ толпѣ, которой онъ выставленъ напоказъ.

Съ десяткомъ человѣкъ насъ отдали подъ конвой трехъ инвалидовъ; это была обыкновенная инвалидная команда, имѣющая самый-жалкій видъ. Обдерганныя шинели, оборванные лацкана, худенькія, бракованныя, сползающія съ бедра портупеи, старыя, дребезжащія ружья... все это крайне-убого. Но и эта команда намъ казалась грозною: ружья ея были заряжены; солдаты бодрились передъ начальствомъ, а ихъ испитыя и изношенныя лица старались хмуриться. Послышалось: „Задніе, заряди ружья! маршъ!"—и мы потащились по пыльному городу.

Слава-богу! вотъ зазеленѣли и кусты. Только тогда мы оправились и замѣтили, что лица нашей стражи вполнѣ добродушны, а скоро увидѣли, что они „homo sum", и ихъ человѣческія сердца не лишены человѣческихъ слабостей. Давно уже около партіи бѣжала какая-то бабенка съ узелкомъ, провожая пересыльнаго мужа-мѣщанина. Выйдя за городъ, она то-и-дѣло справлялась о чомъ-то у солдатъ. „Погоди еще: вотъ отойдемъ къ лѣску!" сообщалъ ей унтеръ. Наконецъ подошли и къ лѣску; мы остановились, и баба закопошилась въ узелкѣ съ пирогомъ; тутъ-же она вынула посудинку, налила солдатамъ, потомъ мужу, отерла слезы, поцѣловалась и поклонилась мужу въ ноги. Инвалиды выпили. Это и было „nihil humanum".

Сердца инвалидовъ открылись. Я вовсе не имѣю намѣренія смѣяться надъ этими людьми: это—добрый старый типъ, въ которомъ сформировалось много комичнаго, но и много добродушнаго. Въ этихъ кривыхъ, кособокихъ, удрученныхъ старостью и крѣпкими напитками воинахъ мы часто встрѣчали неподдѣльное участіе и

искреннее человѣческое чувство. Это были отживающіе „могикане“, и на другихъ трактахъ мы встрѣтили уже новыхъ.

Маршрутъ, предстоявшій мнѣ, былъ несовсѣмъ-обыкновенный. Цѣлью была Архангельская губернія.

Благодаря патріархальности, которая сохраняется въ отдаленныхъ захолустьяхъ, мы шли довольно-свободно. Изчезъ городъ съ своимъ оффиціальнымъ видомъ, съ громаднымъ, каменнымъ замкомъ въ пыльной дали, и тѣснящее чувство оставило насъ. Раскинулись широкія пашни, ярко-зеленыя, облитыя горячимъ свѣтомъ солнца; каждый кустикъ, каждая травка трепетала жизнью въ воздухѣ; весело бился жаворонокъ; свѣжій воздухъ обвѣвалъ лицо, грудь... Этотъ свѣтъ, этотъ воздухъ, эти яркіе колориты обдавали такъ щедро, послѣ темноты и духоты, что голова кружилась. Зелень казалась ярче, небо синѣе, воздухъ прозрачнѣе; слаще звучала пѣсня лѣсной птички, и сердце трепетало отъ полноты впечатлѣній. Мы вступили въ темный лѣсъ; дохнуло прохладой, тѣнью, и нервы отдохнули послѣ ослѣпительной картины и первыхъ впечатлѣній. Кругомъ глухо шумѣли высокія ели и сосны; старые мхи подъ ногами: торжественностью и покоемъ вѣяло здѣсь. Съ узенькой дороги мы разбрелись въ стороны и незамѣтно разошлись по лѣсу. Лѣсъ становился гуще. Вѣковыя, темныя деревья уходили въ высь и старчески покачивали головами; громадныя колоды громоздились около жилистыхъ корней. Я очутился въ трущобѣ невидимымъ; „я одинъ, я свободенъ!“ шевельнулось во мнѣ намигъ, и эта иллюзія была обольстительна. Вѣроятно, это-же чувство охватило и другихъ, и вдругъ перешло въ шумную радость: молодые наши спутники запрыгали, какъ молодые олени. Между деревьями, все далѣе и далѣе, началось ауканье, крикъ; изрѣдка мы показывались другъ другу и снова изчезали въ глубинѣ лѣса, а между кустами порой высовывались добродушныя старческія лица инвалидовъ, без-

заботно бесѣдовавшихъ, поддерживавшихъ несчастныя портупеи и несшихъ дребезжащія старыя ружья. „И неужели эти люди кого-нибудь могутъ удержать? Вѣдь теперь мы можемъ бѣжать: мы почти свободны", думалось мнѣ. Но тутъ снова мелькнули на дорогѣ довѣрчивые, смѣющіеся и нюхающіе табакъ старцы-конвоиры, и я подумалъ: да справедливо-ли платить за снисхожденіе измѣной? Да и кому, куда бѣжать? И я припомнилъ тысячи случаевъ и десятки разсказовъ о препровожденіи партій по Сибири. Тысячи народа проходятъ ежегодно на каторгу съ этими убогими командами, и бѣгства все-таки составляютъ исключеніе; за Байкаломъ можно видѣть, какъ десятокъ казаковъ съ заржавленными пиками ѣдетъ за толпой, растянувшейся отъ станціи до станціи; эти люди часто сами несутъ кандалы въ мѣшкахъ за плечами; они за двѣ версты до этапа кидаются въ перегонку, чтобы поскорѣе разобрать мѣста въ тюрьмѣ. Старые этапные офицеры всегда довѣряли преступникамъ и полагались на ихъ честь, и что-же? Арестанты платили за маленькія льготы полнымъ ручательствомъ артели; они сохраняли договоръ и сдерживали его свято. Конечно, желающихъ бѣжать ничто не удерживало, но побѣги дѣлались только у командировъ, которыми арестанты были особенно-недовольны. Доброта и снисхожденіе подкупаютъ человѣческое чувство, а за порядокъ ручается общественная сила, гораздо больше дѣйствительная, чѣмъ самый строгій конвой. Тайною этихъ человѣческихъ мотивовъ обладали иногда старики, какъ практики, они, конечно, натолкнулись на нихъ случайно. „Да и куда бѣжать русскому человѣку?" думалось мнѣ; „да и далеко-ли онъ убѣжитъ?" „Даль-то какая! ширь-то какая! И прежде, чѣмъ доберешься куда-нибудь, сколько разъ тебя поймаютъ!" И вспомнилъ я слова бродягъ, которыхъ много видалъ; всѣ они говорили: „шляемся мы только временно; ... немного на волѣ, а дальше княжеской ...

уйдешь!“ Это ихъ поговорка и убѣжденіе. Некуда уйти русскому человѣку, да и незачѣмъ, потому-что въ другомъ мѣстѣ ему дѣлать нечего. Въ Киргизской степи онъ дѣлается киргизомъ-паріемъ, какихъ видѣли на Чорномъ Иртышѣ; въ Коканѣ и Бухарѣ — онъ становится жалкимъ коканцемъ, какими дѣлались плѣнные солдаты; на Западѣ онъ умретъ съ голоду, потому-что ему не подъ силу кипучая, дѣловая жизнь Европы. Вспомнилъ я и нашихъ юношей-эмигрантовъ, бѣгущихъ съ Запада назадъ въ Россію...

На ночь мы отдыхали въ крестьянскихъ избахъ на проселочныхъ трактахъ. Мы встрѣчали тамъ мирныя, патріархальныя семьи, живущія своей хозяйственной, общинной жизнью. Тѣ-же деревенскія хижины, прижмнутыя задомъ и передомъ другъ къ другу; навозныя кучи; запахъ сѣна и ржи... Я замѣтилъ одну перемѣну въ этихъ деревняхъ: меня поразила улица, гдѣ между 10 домами я нашелъ 5 маленькихъ кабачковъ. Это было только-что послѣ дозволенія вольной продажи вина и въ сезонъ дешовыхъ патентовъ. Домохозяева не сидѣли въ этихъ кабачкахъ, но держали ихъ, какъ побочную отрасль хозяйства. Торговля дробилась чрезвычайно, до индивидуальности.

Наряду съ бѣдными деревнюшками рисовалась, какъ всегда, широкая природа. Роскошные виды открывались по берегамъ рѣкъ; то высились цвѣтныя горы съ пашнями на отклонахъ, то темные лѣса, уходящіе вдаль, долины, затягиваемыя блѣднымъ туманомъ, откуда слышится смѣшанный крикъ птицъ. Проходимъ, и рѣзко вырисовывается какой-нибудь рельефный пейзажъ,—чорная пашня, залитая розовымъ огнемъ заходящей зари, и рѣзкіе, темные силуэты боронящихъ верхомъ крестьянина и крестьянки: она сдѣлала полуоборотъ и красное, яркое пятно легло на ея щекѣ. Вечерѣетъ. Мошки и комары вьются

круглымъ облакомъ передъ глазами; выступаетъ темная, мерцающая зелень; широкая, мохнатая тѣнь ели помахываетъ длинными руками; кругомъ мракъ и нѣмая тишина ночи, и вдругъ громадный костеръ около поскотины, освѣщающій бѣлую голову лошади, обмахивающейся хвостомъ, и за ней фигуру сѣдого старика и кудряваго мальчика. А тамъ сонная деревня съ пилікающимъ огонькомъ около кабачка, неясный крикъ, отдаленный говоръ и тѣнь, пробѣжавшая по огороду. Все это такъ знакомо! А днемъ опять пылающая пашня подъ жгучими лучами солнца, вьющаяся дорога, небритыя лица инвалидовъ, обливающихся потомъ, крестьянская скрипучая телега, везущая арестантскіе мѣшки. Убогій, отрепанный ямщикъ идетъ подлѣ несчастной клячонки съ веревочной упряжью. Мы идемъ подлѣ и тоже не смѣемъ сѣсть, хоть облились потомъ. Больно худа лошадь, больно отрепанъ мужикъ, такъ-что смотрѣть жалко. Ему тяжела и эта повинность: у него теперь работа стоитъ. Ну, вотъ и колесо на-трехъ расклеилось... Не знаю, кто былъ жалче въ этой картинѣ — мы, или онъ, или конвой?.. Ничего тутъ не разберешь!

Прошли заштатный городокъ, гдѣ смѣнили команду. Здѣсь мы остановились у маленькой инвалидной казармы, гдѣ провели день. Команда куда-то временно выбралась. Подлѣ казармы, въ прихожей я замѣтилъ маленькую отгородку съ хилой дверцей, въ половину человѣческаго роста, съ тусклою надписью: „*карцеръ*“. Она была меньше двухъ шаговъ ширины и шага три длины; соръ, сметаемый отовсюду, покрывалъ полъ. Сюда сажали проштрафившихся и пьяныхъ инвалидовъ. Стало быть, есть еще худшее помѣщеніе, чѣмъ то, которое мы испытали. Пришолъ полу-пьяный, одноглазый писарь, вызвалъ кого-то Ершова, посмотрѣлъ на насъ свирѣпо, инственно пописалъ богъ-знаетъ-что въ бумагахъ

мы ушли, я попросилъ инвалида показать списки. Это было короткое обозначеніе объ отправкѣ такого-то до такого-то города для путеслѣдованія туда-то; затѣмъ подробный списокъ вещей казенныхъ и своихъ. Сколько графъ, сколько подробностей! А междутѣмъ изъ рукъ того-же писаря вышли списки уже измѣненными. Къ моему удивленію, я увидѣлъ, что мы отправляемся изъ города Мышина въ городъ-же Мыщинъ. Вотъ-те и разъ! Самыя фамиліи были искажены. Черемухинъ сталъ Четвертухинымъ, потомъ Шеренихинымъ, далѣе по тракту онъ сталъ Шицишкинымъ, а потомъ Шишкинымъ. Это одна изъ самыхъ-скверныхъ сторонъ нашей патріархальной распущенности. Ей всегда присуща небрежность, а междутѣмъ, при нашей бумажной системѣ, отъ одной описки часто зависитъ будущность людей. Сколько можетъ быть недоразумѣній и несчастій изъ-за этого вранья! Впослѣдствіи я узналъ, что арестанты нерѣдко пересылаются совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ, а одинъ солдатъ, по ошибкѣ, прогулялся до Астрахани, а потомъ оказалось, что его надобно переслать въ Архангельскъ.

— Помилуйте,—говоритъ иногда арестантъ, на дорогѣ, когда перестаетъ уже узнавать свою фамилію даже по созвучію:—я не Шишкинъ, а Черемухинъ.

— Толкуй!—отвѣчаетъ скептически смотритель, зная, что нерѣдко арестанты пускаются на всякія штуки.

— Я не туда слѣдую, а туда-то!—говоритъ арестантъ.

— Нечего говорить! мы сами знаемъ: у насъ документъ налицо.

Но если бы и началось на дорогѣ разъясненіе недоразумѣнія, то нужно посылать справки въ отдаленнѣйшія губерніи, къ мѣсту отправки, а человѣкъ безвинно просидитъ полгода и болѣе въ тюрьмѣ. То-же самое случается и за потерею отдѣльныхъ списковъ при разборкѣ ихъ писарями. Поэтому я понялъ, что вся судьба наша была въ рукахъ полупьянаго писаря и что его безграмотность или лишняя чарка могутъ заставить насъ сдѣ-

вать лишнихъ тысячу или двѣ версть. Такія малыя причины у насъ на Руси ведутъ къ большимъ послѣдствіямъ!..

На границѣ одной сибирской губерніи насъ встрѣтила большая рѣка. Она выбѣжала изъ-за зелени, широкая, раздольная, съ нѣжною голубою далью, съ бѣлыми облаками, проносящимися въ глубинѣ. На обрывистомъ берегу собирается переправляться цыганское семейство, съ телегой, запряженной громадными волами, на которыхъ облокотился старикъ цыганъ въ бѣлой войлочной шляпѣ, съ прядями чорныхъ и сѣдыхъ волосъ, нависшихъ на смуглое лицо; подлѣ него стройная дѣвушка съ пылающимъ румянцемъ, съ чорными, широко-открытыми глазами, смотрящими вдаль; кругомъ маленькія, курчавыя дѣти. Эта группа подъ ослѣпительнымъ солнцемъ была какъ-будто выхвачена съ итальянской картины. Широко и свѣжо чувствовалось на этой рѣкѣ; просторомъ и свободой вѣяла природа. Перевозчики однако торопились перевезти партію. Конвой брякалъ своими старенькими ружьями и тоже торопился отдѣлаться отъ насъ; ему, конечно, было выгоднѣе поскорѣе сдать партію и сложить съ себя отвѣтственность. Всѣмъ мы были въ тягость!

Наконецъ паромъ отдѣлился отъ берега подъ тихій плескъ воды. Насъ унесло въ эту синюю, загадочную даль. Какая-то грусть охватила меня въ виду будущаго. Чего-то придется еще извѣдать въ этомъ дальнемъ пути? А теченіе все безпощаднѣе отдѣляло отъ прошлаго и куда-то несло...

Я взглянулъ на берегъ; тамъ все еще стояла молодая цыганка и смотрѣла на насъ грустно своими большими глазами.

Кончилось наше патріархальное странствіе съ старыми инвалидами. Въ послѣдній разъ наканунѣ мы [...]вали въ деревнѣ, гдѣ добрая бабушка кормила на

сдяными лепешками. Наутро мы вошли въ городскую тюрьму. Въ этомъ городѣ мы попали на главный этапный трактъ въ Сибирь, въ который, какъ въ широкое русло, текли всѣ побочныя этапныя дороги. Предъ нами открылся громадный пересыльный замокъ одной изъ восточныхъ губерній. Когда мы вошли во дворъ, то были поражены шумомъ и массой охватившаго насъ народа. Это было то-же впечатлѣніе, какое испытываешь въ первый разъ, попадая на дебаркадеръ петербургско-московской желѣзной дороги: сколько тутъ разнообразныхъ сценъ, людей, и все это мелькаетъ такъ быстро, что не успѣваешь запечатлѣть ихъ. Остается въ головѣ только какое-то смѣшеніе цвѣтовъ, образовъ и безконечнаго движенія. Такое-же впечатлѣніе производитъ и пересыльный замокъ. Въ этомъ острогѣ соединялись партіи, шедшія въ Сибирь и идущія изъ Сибири; кромѣ того тутъ были люди, сошедшіеся съ разныхъ побочныхъ трактовъ. Всѣ эти люди были самаго-разнообразнаго происхожденія. Въ этой суетившейся толпѣ видны были и черкесы въ большихъ папахахъ, смуглые, загорѣлые, съ вращающимися зрачками,—черкешенки въ чадрахъ,—грузины въ высокихъ шапкахъ; флегматическіе эстонцы въ зеленой курткѣ, въ клѣтчатыхъ панталонахъ и съ фарфоровой трубкой,—казанскій татаринъ съ грязной татаркой,—ярославскій мужикъ въ поддевкѣ, черемисы, цыгане въ яркомъ отрепьи, евреи, чухны и лица въ нѣмецкихъ сюртукахъ; затѣмъ двигались цѣлыя толпы безразличнаго сѣраго народа въ арестантскихъ кафтанахъ; вдали, на другомъ дворѣ, видны были еще болѣе-сѣрые и уродливые люди въ треухахъ и разношорстныхъ курткахъ изъ чорнаго и сѣраго сукна, и тамъ, какъ въ аду, гремѣли цѣпи: это было отдѣленіе каторжныхъ. На дворѣ, когда я прохаживался, мнѣ бросилось въ глаза нѣсколько фигуръ. Встрѣтился молодой армейскій офицеръ въ военной шинели, ссылаемый за растрату суммъ; онъ взялъ съ собой любимый скарбъ,

запаковалъ ружье и былъ теперь совершенно спокоенъ, разгуливая по двору. Подлѣ него была молодая жена,—одно изъ тѣхъ простыхъ, добрыхъ созданій, которыя слѣдуютъ покорно за любимымъ человѣкомъ и переносятъ всякія лишенія; она совершенно примирилась со всѣми неудобствами острога. Далѣе прогуливался какой-то графъ или называвшій себя венгерскимъ графомъ, но въ сущности французъ изъ Петербурга, принадлежавшій къ обществу аферистовъ, распространявшихъ фальшивыя ассигнаціи; сухой, во французской визиткѣ, въ пледѣ и въ черкесской папахѣ, онъ сосредоточенно гулялъ по двору и что-то бормоталъ: говорили, что онъ помѣшанъ. Онъ шолъ на каторгу, но не вѣрилъ и все сулился подать куда-то прошеніе объ освобожденіи его. Тутъ-же, между разными дворянами, терся бойкій и разбитной дѣтина высокаго роста съ красивымъ и выразительнымъ профилемъ, бойко сыпавшій словами, поминутно поминавшій о Москвѣ и вставлявшій французскія бон-мо: это былъ истый бель-омъ, личность изъ тѣхъ бойкихъ франтовъ, какіе живутъ на содержаніи старыхъ барынь, чрезвычайно-развязно ведутъ себя на общественныхъ гуляньяхъ, распоряжаются въ буфетахъ, какъ дома, и постоянно лѣзутъ всюду, гдѣ есть толпа и шумъ. Но въ какомъ печальномъ видѣ былъ теперь этотъ франтъ! На немъ былъ долгополый кафтанъ, коты: платье, какъ видно, было въ дорогѣ проѣдено, но онъ объявлялъ, что „все украли",—остался только клеенчатый картузъ. Однако бель-омъ не терялъ ни присутствія духа, ни манеръ, ни развязности. Скоро я его увидѣлъ толкущимся около кухни съ какимъ-то горшкомъ, когда онъ громко кричалъ: „Это—чортъ-знаетъ-что! въ семнадцати острогахъ бывалъ, и только здѣсь нахожу, что ужина недостало!" Онъ протестовалъ, какъ и вездѣ. Въ Сибири онъ далеко пойдетъ при своей юркости. Мѣстами встрѣчались другія фигуры,—сухая, старая нѣмка съ кисетомъ, небритый чиновникъ, помѣщикъ, какой-то г-

динеръ, выдававшій себя хоть не вполнѣ дворяниномъ, но всетаки оберъ-офицерскимъ сыномъ. „Вы не знали на Большой Морской домъ князя NN?..“ къ кому-то приставалъ онъ съ вопросомъ. Далѣе тѣснились уже мазурики, воры, бродяги, солдаты и всякій простой людъ. Около службъ былъ крикъ, давка, брань; тутъ таскали дрова, ведра, ушаты, щи и обливали ими другъ друга; въ острогѣ была тѣснота страшная; народу скоплялось съ прибывающими партіями изъ Перми до 2,000 человѣкъ. Камеры были завалены народомъ; дворяне тѣснились въ подвалѣ; спали въ повалку — и сухая нѣмка-гувернантка, и бель-омъ, и молодой офицеръ съ женой: разбирать было некогда. Для простого народа, неумѣщающагося въ камерахъ, подѣланы были какіе-то лари на дворѣ. Послѣ шума и трескотни я залегъ въ тѣсной подвальной камерѣ съ тяжолою головою, но шумъ не унимался и ночью. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ бездну арестантовъ, — вѣроятно, разныхъ служителей и хлѣбопековъ, — которые висѣли на бѣлыхъ стѣнахъ острога, прилѣпившись къ рѣшоткамъ женскаго отдѣленія. О, любовь, всегдашняя романическая спутница людей, ты и здѣсь?!

Предстояло путешествіе по новому, только-что реформированному, главному тракту; мы уже прислушивались къ разсказамъ тѣхъ, которые проѣхали по немъ. — „Везутъ на тройкахъ, скоро, хорошо, да вотъ имущества не позволяютъ больше 20 фунтовъ везти по арестантскому положенію“, жаловались дворяне. — „А у меня, сударь, ящикъ съ иконами!“ горячился помѣщикъ. — „Намъ на желѣзной дорогѣ, — говорили другіе, — запретили ящики брать и самовары, а такъ-какъ мы не были предупреждены, то пришлось ихъ бросить, потому-что поѣздъ не ждалъ, а отдать некому“... „И какъ эти самовары пошли кидать — ужасъ! Въ дребезги-съ!“ подхватывалъ энергическій бель-омъ въ длинномъ кафтанѣ: — „это несовсѣмъ

удобно; для простыхъ колонистовъ, отправляющихся въ Сибирь, идти безъ всякаго имущества, раззореннымъ: плохіе задатки для осѣдлости!“

Насъ разбудилъ въ 5 часовъ утра громкій голосъ: „вставайте, молодцы!“ Предъ нами стоялъ новый, реформированный конвойный, красивый молодой солдатъ въ бѣлой щеголеватой рубахѣ изъ парусины, съ револьверомъ за поясомъ, шапкой и свисткомъ на перевязи, въ высокихъ съ красными отворотами сапогахъ. „А-а, вонъ они каковы щеголи!“ сказалъ я себѣ. Посадили насъ въ большую телегу по 4 человѣка, ноги въ середину телеги; остальныхъ арестантовъ сврѣпили стальными, легкими браслетами (наручнями) и связали цѣпочками съ замкомъ; мнѣ удалось сѣсть съ спутниками изъ дворянъ, и это спасло меня впослѣдствіи отъ многаго, что я могъ испытать. Раздался свистокъ, и поѣздъ двинулся. Конвойный сидѣлъ на каждой телегѣ лицомъ къ арестантамъ. Нѣсколько телегъ мчалось быстро въ клубахъ пыли; приходилось дѣлать по двѣ и по три станціи въ день; на ночь останавливались на этапахъ. По дорогѣ намъ встрѣчались поѣзды, идущіе въ Сибирь, — длинный рядъ телегъ съ запыленными пассажирами самаго разнообразнаго свойства. Поѣзды обмѣнивались свистками. Изъ телегъ высовывались разныя лица и фигуры: сѣрые кафтаны мѣшались съ полушубками, съ рубахами, треухи— съ ермолками и картузами; были телеги съ матерями и грудными дѣтьми; высовывалась и голая нищета, и разрушенное довольство. На лицахъ отражалась забота, утомленіе,—мѣстами тоскливый взглядъ назадъ, въ другихъ мѣстахъ какая-то оживленная бесѣда и смѣхъ тѣхъ, кому нечего жалѣть, нечего терять; въ одномъ поѣздѣ мы встрѣтили телегу дворянъ съ семействами, ссылаемыхъ по участію въ громкомъ дѣлѣ о фальшивыхъ серіяхъ.

Встрѣча была рано утромъ. Въ шубкахъ съ бобровыми воротниками, забрызганныхъ грязью, въ помятыхъ модныхъ шляпахъ поднялись одутлыя и утомленныя ли-

ца изъ-за подушекъ. Видъ ихъ былъ измятый, растрепанный, точно у проснувшихся игроковъ, потерявшихъ наканунѣ все, что они ставили на карту. Таково было впечатлѣніе, оставленное ими. Когда на обширные этапы прибывала партія, простой народъ начиналъ выбивать пыль изъ рубахъ и потомъ стекался къ огромному чану обмываться. Скоро дворъ наводняли торговки и усаживались врядъ съ провизіей,—дешовыми яичницами, щами, молокомъ и проч., которыя разбирались арестантами. А затѣмъ препровождаемыхъ запирали до утра. Въ 5 часовъ опять ѣзда. Поѣзды мчались въ порядкѣ: вездѣ, какъ видно, строго соблюдались правила; на стѣнахъ этаповъ вывѣшены были объявленія, что для арестантовъ дозволяется продавать припасы, по самымъ-дешовымъ цѣнамъ, мѣстными жителями, которые допускаются къ торгамъ. Все приноровлено; не было распущенности и конвой былъ строгій. Однако на одномъ этапѣ, гдѣ съѣхалась встрѣчная партія, подошолъ ко мнѣ арестантъ.

— А что, здѣсь водку черезъ кого достаютъ? вы вѣдь ѣхали съ здѣшними конвойными,—спросилъ онъ.

— Да будтобы здѣсь можно? Помилуйте! Тутъ такія строгости!

— Ну, вотъ еще! мы на той станціи доставали сколько-угодно.

Иллюзіи мои начали разсѣиваться. Скоро на какомъ-то этапѣ оказалась продающею припасы унтер-офицерша, съ полной монополіей, а на мѣсто дешовыхъ съѣстныхъ припасовъ продавали корольки, конфекты, орѣхи, бронзовыя запонки, кольца и все неподходящее, но необходимаго не было. Открывались и другія стороны, и замелькала старая подкладка. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили громадный поѣздъ ссыльныхъ въ Сибирь, отправкой котораго распоряжался юркій и распорядительный офицеръ. Онъ постоянно горячился.

Передъ нами стояли телеги, покрытыя головами, какъ арбузами.

— Вонъ тамъ не хотятъ внутрь ноги складывать, ваше благородіе,—докладывалъ молодой унтер-офицеръ.

— Ахъ они, канальи!—Офицеръ кидается къ телегѣ.

— Вы кто такіе?—слышится визгливый голосъ: — вы знаете-ли, кто вы такіе?—вы всѣ—выброшенная дрянь, всѣ, всѣ!—Энергичная рука, подпрыгивая, начала шлепать арбузы подрядъ. Офицеръ былъ живчикъ и исполненъ сознанія своихъ обязанностей. Онъ сѣлъ на облучокъ и возвращался съ возвратной партіей на свой этапъ. Одѣтъ онъ былъ по формѣ, съ револьверомъ и свисткомъ, и поминутно распоряжался за унтер-офицера. На большой торговой дорогѣ постоянно встрѣчаются обозы. По правиламъ, по знаку свистка, они должны сворачивать съ дороги, но ямщики невсегда могутъ это исполнять: обыкновенно обозъ останавливается, но лошадей отвести въ сторону не имѣетъ возможности. Энергичный офицеръ свиститъ вмѣстѣ съ унтер-офицеромъ. Обозъ останавливается; мужикъ отводитъ передовую лошадь; остальные суетятся.

— О, канальи! долго-ли васъ учить?—вспыхиваетъ живчикъ-офицеръ и, схвативши бичъ у ямщика, мчится къ обозу.—Зачѣмъ намъ даны свистки!—вопіетъ онъ, поражая направо и налѣво.

Унтеръ слѣдуетъ за начальникомъ и разгоняетъ лошадей, которыя кидаются въ разныя стороны. Непріятель разсѣянъ; обозъ представляетъ необозримый хаосъ. Ямщики спасаются большей частью бѣгствомъ или закрываются рукавицами и рѣдко вступаютъ въ борьбу, стараясь иногда только отнять бичъ. Сонныхъ особенно чувствительно задѣваютъ на телегахъ; на одной станціи высокій, съ сѣдой бородой, ямщикъ схватился въ борьбу съ унтер-офицеромъ, вооруженнымъ бичомъ.

— Я самъ кавалеръ... отставной... я буду жаловаться!—кричалъ онъ.

Это была единственная оппозиція, какую я помню.

Битвы повторялись нерѣдко. Эти выходки показывали,

что нравы старыхъ дѣятелей и старыя привычки еще отзывались и въ новыхъ дѣятеляхъ.

У насъ такъ заведено: если строжиться, такъ строжиться; середины не существуетъ. Поэтому отъ самой голой распущенности легко переходятъ къ произвольнымъ строгостямъ. На такія мысли наведенъ я былъ встрѣченнымъ на дорогѣ замкомъ П., въ которомъ существовали самые строгіе порядки. Недавно только въ этомъ острогѣ былъ бунтъ, а потому его особенно подтянули. Самый бунтъ, какъ говорятъ, произошолъ оттого, что послѣ нѣкоторой свободы, усвоенной арестантами, вдругъ прибѣгли къ строгостямъ, къ запиранью на замки. Подобное распоряженіе принято было за капризъ смотрителя и за утѣсненіе; произошолъ протестъ, слѣдовательно—бунтъ... Это отсутствіе постоянныхъ правилъ, эти постоянныя колебанія тюремнаго начальства и заключаютъ въ себѣ корень всѣхъ недоразумѣній и бунтовъ.

Мы пришли въ замокъ, когда его уже усмирили и введено было множество строгостей. Громадный острогъ съ тысячью или болѣе людей былъ отданъ въ распоряженіе отставному унтер-офицеру, отличавшемуся только выправкой и чистыми пуговицами. Обыски происходили ежедневно; арестанты не выходили изъ-подъ замка по суткамъ; мелочность была страшная: чтобы купить калачъ, надо было брать записку въ конторѣ острога на пропускъ. Распущенность или чрезмѣрная строгость по произволу—это черта чисто-русская, оставшаяся отъ старыхъ нашихъ воззрѣній. Въ нѣмецкой тюрьмѣ, даже въ самомъ строгомъ пенитенціаріи, вы не найдете отступленія: все по правиламъ; нѣтъ тамъ патріархальной простоты, нѣтъ доброты, пожалованной случайно, изъ милости, но нѣтъ и излишняго утѣсненія сверхъ правилъ, нѣтъ произвола. Вы знаете, чего можете требовать и чего не можете; васъ ограничатъ, но не утѣснятъ сверхъ закона. Встрѣчая же

распущенность, вы начинаете сначала благодушествовать и благословлять патріархальный порядокъ. Часто, входя въ какой-нибудь острогъ и видя, что всѣ мирно гуляютъ, всѣ прокуриваютъ, вы считаете это дѣло обыкновеннымъ и дозволеннымъ; вынете и вы папироску, но вдругъ подвертывается смотритель, какой-то истрепанный, старый чиновникъ.

— Ты что стоишь съ сигарной? Ты кто такой! Арестантъ!!! Я тебя скручу! пошолъ въ камору!..

Вы упали съ облаковъ; вы унижены, оскорблены вслѣдствіе вашего недоразумѣнія. Вы поняли, что васъ не только ограничатъ при случаѣ, но и скрутятъ, да и скрутятъ-то чересчуръ. У насъ вездѣ вкоренилось убѣжденіе, что когда отдаютъ кого-нибудь въ подчиненные, то начальникъ можетъ съ нимъ все сдѣлать, что угодно, — „и дугой гнуть, и лучину щепать“. Оттого горячій этапный треплетъ арестантовъ по щекамъ съ полнымъ сознаніемъ своего права. Завѣдующій на пароходѣ отправкой арестантовъ начальникъ недавно еще при насъ отправлялъ партію. Отправлявшіеся на арестантской баржѣ дворяне хотѣли обратиться къ нему съ просьбой объ отведеніи имъ особой каюты. Просьба ихъ, можетъ быть, была тутъ неумѣстна, но совершенно законна. Одинъ изъ препровождаемыхъ дворянъ началъ такъ: „извините, господинъ полковникъ, на основаніи статей....“ — „Безъ статей!“ загремѣлъ начальникъ: „говори безъ статей: что нужно?“ — и затѣмъ пошла гроза.

„Безъ статей“!! Это — общій вопль рутинеровъ по всей Россіи. Безъ статей?.. какъ-будто это не величайшее оскорбленіе закона! И ежели часто подобный произволъ практикуется на простомъ вольномъ человѣкѣ, то что-же остается ожидать арестанту? По взгляду старыхъ служакъ, съ нимъ все позволительно, — все, даже самое-несправедливое! Сколько разъ я слыхалъ въ тюрьмахъ жалобы арестантовъ начальству на дурную пищу, на излишнія стѣсненія.

— Ваше высокоблагородіе, отъ этой прижимки намъ жизнь не въ жизнь!—говорятъ они.

— А кто-же вамъ, милые други, велѣлъ попасть сюда! — отвѣчаетъ онъ. — На то и тюрьма, чтобы худо было!

Пренаивное смѣшеніе понятій образовалось въ этихъ головахъ. Они охотно по собственному произволу усугубляютъ мѣру законнаго наказанія, не допуская ропота на томъ основаніи, что они начальники, и въ то-же время забываютъ, что мѣра наказанія назначена закономъ, что они сами только подчиненные и что, слѣдовательно, не ихъ дѣло разсуждать, за что попалъ и кто велѣлъ. Этого самороднымъ философамъ не разсудить вовѣкъ.

Старыя воззрѣнія на безправность арестанта глубоко впитались въ наши нравы... „Ты кто такой? Арестантъ!“ слышатъ постоянно заключенные. Съ грустью приходится задуматься, что эти нравы могутъ проникнуть и въ новыя тюрьмы, и тогда ни чистота помѣщенія, ни новыя зданія, ни новая обстановка не помогутъ дѣлу. Когда на арестанта, — все-равно, при пенсильванской или осборнской системѣ, — будутъ кричать: „я тебя выдерю!“ да „въ дугу согну!“—дѣло останется въ прежнемъ положеніи.

Намъ пришлось предпринять водяное путешествіе по Волгѣ, и ежели капитанъ Гулливеръ путешествовалъ въ клѣткѣ, то мы странствовали въ курятникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели вы видѣли съ высокаго берега Волги, съ чди пассажирскаго парохода, баржу, покрытую сверху проволочной сѣткой, то она должна была навѣрное напомнить вамъ „курятникъ“, какъ ее и называютъ арестанты. Новая арестантская баржа имѣла крытую палубу, обнесенную легкою, но крѣпкою сѣткою; внутри ея были три каюты для препровождаемыхъ людей, наверху каюта офицера и службы для команды. Какъ ни уютно

было все устроено, но каюты томились при перевозкѣ большихъ сибирскихъ партій. Въ нихъ было два яруса коекъ или деревянныхъ выкрашенныхъ наръ, между которыми тянулся маленькій проходъ. Шумъ, звонъ кандаловъ постоянно гудѣли кругомъ. При постоянномъ наплывѣ грязнаго народа, при сырости, развелись миріады блохъ, которыя не позволяли ночами ни на минуту уснуть. Еще хорошо, что днемъ люди выпускались на палубу. Здѣсь мы посматривали на вольный міръ сквозь вуаль проволоки; вольный міръ и за этою вуалью былъ хорошъ. Рисовались плывущіе красивые берега, то утесистые, то утопавшіе въ зелени; мелькали сады,—качающіеся на волнахъ рыбачьи лодки,—лѣпящіяся по берегамъ деревни, голубая даль воды и лѣтняя синева неба съ тающимъ бѣлымъ облакомъ: все было обольстительно. Впереди бойко бѣжалъ красивый зелененькій пароходъ, выкидывая бѣлые клубы дыма. Я вспоминаю и свои прежнія странствія на этомъ пароходѣ, вижу издали какъ-будто знакомую публику. И изящный помѣщикъ въ 1-мъ классѣ съ серебрянымъ нессесеромъ, занятый постоянно бритьемъ и перемѣной рубахъ, и купецъ около буфета съ дешовой сигарой во рту, и нѣмка-гувернантка, и чорный грузинъ около смазливой горничной, и мечущійся отецъ-діаконъ въ широкой шляпѣ, которую безпрестанно прожигають падающіе уголья. Видно, какъ тамъ кипитъ жизнь: смѣхъ и веселье долетаютъ оттуда. Сотни сценъ и лицъ возникаютъ въ памяти... Но вотъ пароходъ подбѣгаетъ къ пристани, и арестантамъ надо идти, по правиламъ, въ трюмъ, который запираютъ желѣзною дверью.

Теперь приходится смотрѣть только въ маленькое окошечко. Волжскія пристани, какъ извѣстно, красивы, но теперь онѣ еще болѣе привлекательны. Вотъ широкимъ амфитеатромъ раскинулся городокъ, путающійся въ яркихъ зеленыхъ садахъ надъ голубой, свѣтлой рѣкой, и все это залито ослѣпительнымъ свѣтомъ. На берегу сто-

итъ какая-то группа молодежи и разряженныхъ женщинъ въ цвѣтахъ и лѣтнихъ шляпахъ; рядомъ молодой медико-хирургъ въ бѣломъ кителѣ дѣтски смѣется, показывая свои перламутровые зубы. Сколько здѣсь свѣта и жизни! Какъ хорошо живется въ это лѣто! На берегу между-тѣмъ высыпали пассажиры. Я просовываю свою голову въ окошечко и нахожу, что она пролѣзаетъ съ плечомъ: это психическая страсть заключоннаго пытать выходы, хотя и безъ всякой цѣли...

Застучалъ пароходъ, и мы, вдали отъ взоровъ публики, опять выползли изъ трюма. Новыя картины береговъ мелькаютъ сквозь темную сѣтку. На баржѣ стоитъ этапный офицеръ, молодой, солидный человѣкъ изъ новыхъ, и разговариваетъ съ какимъ-то дворяниномъ.

— Теперь у насъ все новое: баржа превосходная, — тридцать тысячъ стоила; люди у меня всѣ съ револьверами; трезвые, на подборъ; служба у насъ легкая. Да теперь все измѣняется-съ: вотъ земство введено въ нашей губерніи...

Офицеръ, какъ видно, былъ прогрессистъ, и я приготовился выслушать парламентскій спичъ, но, какъ нарочно, подсунуло унтеръ-офицера сообщить, что какіе-то арестанты нейдутъ въ каюту.

— Ахъ, канальи! вотъ я имъ покажу!

Молодой человѣкъ быстрой походкой побѣжалъ къ кормѣ. На другомъ концѣ баржи послышался энергичный крикъ и трескъ, похожій на разбиваніе пистоновъ.

— Ну что съ такимъ народомъ подѣлаешь! — говорилъ, возвратясь, раскраснѣвшійся молодой человѣкъ: — впрочемъ я ихъ мигомъ усмиряю; у меня народъ надежный, да я и самъ опытный человѣкъ, — важивалъ цѣлыя партіи отъ Казани: подтянешь ихъ, знаете, въ цѣпи.

Я не сталъ даже слушать офицера.

— Я знаю, какъ съ этимъ народомъ дѣлаться! — говорилъ мнѣ разъ очень молодой и добросердечнѣйшій

юноша изъ кадетскаго корпуса:—у меня кто забунтуетъ во время дежурства,—я и прикажу его связать *калачикомъ*: небойсь, присмирѣетъ!

И юноша вѣровалъ въ дѣйствительность своего „калачика". Когда ограничили употребленіе тѣлеснаго наказанія и рукопашной расправы, у насъ появились взамѣнъ „калачики", крѣпкое сковываніе, „колодки", „карцеры" и т. п., въ которыхъ люди, привыкшіе къ розгѣ, искали замѣны.

Когда наступилъ вечеръ и по тихой рѣкѣ разлилась широкая заря, а на пароходѣ высыпала публика, военная команда на носу баржи составила хоръ съ бубномъ и разлилась веселыми пѣснями. Это составляло немножко рѣзкій контрастъ съ грустными пассажирами баржи; но зато была истинная любезность для парохода.

— Вотъ у меня,—говорилъ прогрессистъ дворянину,—посмотрите, какіе молодцы: они у меня и рыбу ловятъ по пути, и хоръ я изъ нихъ составилъ, и на пароходѣ они выгружать помогаютъ,—словомъ, что хотите.

Былъ блестящій и свѣтлый день, когда мы подплывали къ Нижнему. Лѣтнее солнце особенно-роскошно блестѣло; на берегу красовались деревни съ чистыми постройками, издали напоминая то швейцарскіе домики, то голландскія живописныя мызы; рѣка была загромождена сотнями барокъ и баржъ, подошедшихъ къ ярмаркѣ. Мы долго лавировали между ними, пока пароходъ нашъ не подбѣжалъ къ пристани, уставленной другими веселыми пароходами. Видъ пристани и города былъ праздничный. На палубѣ парохода суетилась разряженная, аристократическая публика. Все это было оживлено, весело, гудѣло.

Длиннымъ рядомъ, окруженная конвоемъ, съ глухимъ звономъ кандаловъ и съ мѣшками за плечами, двинулась наша партія. Это были люди въ грязныхъ рубахахъ

въ пыли, въ грязи, покрытые заклейменными кафтанами. Я взглянулъ на нихъ и вспомнилъ выраженіе: „Они имѣютъ что-то злодѣйское“. Еще-бы: послѣ столькихъ безсонныхъ ночей и расписанные такой грязью! Я шолъ такимъ-же оборваннымъ въ срединѣ толпы и во мнѣ что-то непріятно щекотало. Тяжело вѣдь идти среди улицъ большого города, среди массы свободнаго народа, съ клеймомъ! Съ этимъ даже преступникъ не можетъ примириться: онъ злобствуетъ. Я все-еще не могъ отвыкнуть отъ мысли, что на насъ смотрятъ, ругаются надъ нами. Но на самомъ дѣлѣ на насъ никто не смотрѣлъ. Лица также смѣялись и улыбались: всѣ были такъ полны самодовольства. Мы проходили мимо элегантныхъ пассажировъ парохода, и насъ не замѣчали. У великосвѣтской публики не открылся даже ширазу кошелекъ, чтобы бросить монету проходившимъ нищимъ женщинамъ съ голыми дѣтьми... За партіей заковыляла какая-то уличная торговка и подала копейку ребенку... У этихъ людей есть еще сердце!

Солнце пріятно свѣтило только для болѣе счастливыхъ, но оно безпощадно жгло ссыльныхъ. Когда поднималась партія на набережную съ мѣшками, съ людей лилъ потъ градомъ, жажда томила страшно. Послѣ всего этого намъ пришлось подъ жгучимъ зноемъ еще просидѣть часа два около пересыльнаго этапа. Молодой офицерикъ, очень элегантный на видъ, низачто не хотѣлъ принимать партію, такъ-какъ, по счоту, у арестантовъ не хватало казенныхъ вещей. Дѣло это было очень обыкновенное. Нѣкоторые арестанты говорили, и не безъ основанія, что они не получили всей одежды, записанной въ арматуру; иные, можетъ-быть, проѣли ее при бѣдности; иные оборвали, а обувь часто кидали за негодностью; именно такъ поступилъ и я съ своей. Молодой формалистъ долго сердился, обѣщалъ обо всемъ донести начальству,

я наконецъ рѣшился вытребовать препровождавшаго насъ ранѣе этапнаго офицера. Этапный пріѣхалъ и насъ наконецъ впустили въ пересыльную, гдѣ, послѣ жары, утомленные и безсильные, мы разлеглись на грязныя нары. Дипломатическіе переговоры кончились между этапными благопріятно, а для полнаго удовлетворенія вызвали нѣсколько арестантовъ, у которыхъ не досчитывали одежды.

— Ну, что? дралъ?—спрашивали арестанты воротившагося изъ экспедиціи въ нашу казарму товарища.

— Ничего! — отвѣчалъ безпечно краснощекій и улыбающійся парень: — помирились! Мнѣ нашъ-то шесть штукъ далъ, однако здоровыхъ!—прибавилъ онъ иронически, коснувшись до подбородка.

— Ну, и слава Богу!—отвѣчали арестанты.

Хотя отведенная казарма на этомъ отдѣльномъ этапѣ была темна и грязна, зато выкупалъ все обширный дворъ, по которому можно было цѣлый день прогуливаться. Посрединѣ этого двора была устроена лавочка, куда допускался частный торговецъ. Это было уже нововведеніе. Лавочка была то-же, что „cantines“ при французскихъ тюрьмахъ, то-есть мелочная продажа для арестантовъ. Въ ней мы нашли французскія булки, колбасы, сыръ, сардинки, конфекты, орѣхи, мармаладъ, но, къ удивленію, не было ни мяса, ни яицъ, ни хлѣба, то-есть того, что необходимѣе и доступнѣе всего для арестантовъ, такъ-какъ имъ выдается всего 10 коп. на прокормъ.

— Почему-же этого всего нѣтъ?—спрашивали мы.

— Да оттого, что не позволено: иначе арестанты будутъ на руки деньги просить и казенной пищи брать не будутъ.

— Такъ что-жъ? ну, и пусть кто-хочетъ покупаетъ.

— Гм!... Это, говорятъ, нельзя: невыгодно смотрителю!

Разговоръ тутъ какъ-то прервался. Мы увидѣли

мѣтого, что цѣны въ этой лавочкѣ были высокія и что держалъ ее монополистъ-подрядчикъ. Не смотря на то, что лавочки эти необходимы и полезны, но при такомъ положеніи онѣ не замѣняли даже прежнихъ арестантскихъ майдановъ, которые сдавались обществомъ острога на торгахъ майданщику и деньги шли на общину. Майданщикъ обязанъ былъ имѣть все необходимое и продавать по дешовой таксѣ: новыя „cantines" не отличались этими удобствами; лабазникъ эксплуатировалъ арестантовъ, какъ хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе и это было нововведеніе. Въ иныхъ замкахъ дѣлались и другія либеральныя уступки: такъ напримѣръ дозволяли покупать и курить табакъ. Впрочемъ приэтомъ встрѣчались постоянныя колебанія.

— Вотъ въ Казани, — сообщалъ намъ одинъ арестантъ,—было дозволено покупать табакъ, да одинъ изъ арестантовъ бросилъ табакомъ въ часового; такъ опять запретили.

Это намъ напомнило другой, видѣнный нами уѣздный замокъ въ Пермской губерніи, гдѣ смотритель изъ-за того, что кто-то плеснулъ кипяткомъ на солдата во время ссоры, отобралъ у арестантовъ всѣ самовары и запретилъ пить чай. Вотъ это называется уничтоженіемъ зла въ корнѣ!..

Послѣ обѣда въ нашъ этапъ прибыла громадная партія съ московской желѣзной дороги. Партія шла въ Сибирь, была утомлена и жаловалась на тѣсноту и духоту въ вагонахъ. Если мы припомнимъ вообще тѣсноту въ третьемъ классѣ вагоновъ, то поймемъ, что въ арестантскихъ бываетъ еще потѣснѣе. Сверхъ того, тамъ выходъ не позволенъ. (A propos, отчего-бы не прогуляться кому-нибудь изъ газетныхъ репортеровъ въ этихъ вагонахъ? Въ Англіи этимъ не брезгуютъ и посѣщаютъ всевозможные притоны.)

Прибывшіе шумѣли на дворѣ и толпились около „cantine"; мелькали, какъ всегда, пальто, кафтаны; встрѣ-

чались сѣрыя куртки въ цѣпяхъ. Это были люди только-что изъ московскаго и петербургскаго замковъ, изъ залы суда; лица были для меня новыя. Я присмотрѣлся къ дворянамъ. Тутъ былъ интересный помѣщикъ изъ полтавской губерніи, толстый paterfamilias съ большими усами и величественною фигурой. Онъ объявилъ, что страдаетъ за „кама". Далѣе было семь человѣкъ дворянъ: какіе-то молодые юнкера съ Кавказа, офицеръ и проч.,—всѣ они объявили, что сосланы за дерзость противъ начальства.

Это обыкновенная дворянская рекомендація; настоящія причины ссылки всегда скрываются. Въ Сибири вы всегда встрѣтите въ маленькихъ городахъ подобныхъ людей, въ солдатскихъ пальто, въ старой военной фуражкѣ, съ фіолетовой физіономіей, въ лицѣ бойкаго съ рыжими усами дѣтины, который вламывается къ проѣзжему и бойко начинаетъ:

— Самъ благородный человѣкъ... несчастіе... бури жизни... влекомый судьбой... на Кавказѣ на балу баталіонному командиру, вступясь за даму, нанесъ дерзость и—т. д.

Онъ довольствуется двугривеннымъ и вѣжливо расшаркивается. Между тѣми-же дворянами былъ молодой человѣкъ изъ Москвы, кудрявый, въ усахъ, въ щеголеватомъ пиджакѣ и съ лаковымъ саквояжемъ черезъ плечо. Не смотря на его изысканный видъ, товарищи отзывались, что это жалкій человѣкъ и голый бѣднякъ, у котораго, кромѣ изысканнаго туалета и непреодолимой страсти къ комфорту, ничего не было.

— Что будетъ онъ дѣлать въ Сибири: погибнетъ! — говорили нѣкоторые, жалѣя его.

А молодой человѣкъ, въ шитомъ халатикѣ съ кистями и въ легонькихъ туфляхъ, съ душистымъ мыломъ подъ мышкой, междутѣмъ торопливо бѣжалъ въ баню. Это былъ типъ gentelmen convict'а, какъ ихъ называютъ въ Австраліи. Между смурымъ народомъ видны был

ные камердинеры, маркеры, смазливая горничная съ чѣмъ-то завязаннымъ въ носовой платокъ, единственнымъ ея имуществомъ. Она краснѣла и начинала кокетничать, чтобы кто-нибудь угостилъ ее чаемъ; это былъ первый шагъ; далѣе въ партіи судьба ея извѣстна: сначала грошовый комфортъ, а потомъ продажа любовникомъ или проигрышъ ея въ карты другому: таковъ ужь обычай. Женщины въ партіяхъ подвергаются всевозможнымъ соблазнамъ и почти всѣ подъ конецъ имѣютъ любовниковъ.

Впрочемъ я случайно познакомился съ однимъ изъ простыхъ русскихъ людей, шедшихъ въ Сибирь. Когда я проходилъ въ женское отдѣленіе, гдѣ полная польза-щинкарка образовала родъ кафе, то-есть продавала чай около громаднаго, шумящаго самовара, я услышалъ, какъ кто-то дернулъ меня за плечо. Я оглянулся и увидѣлъ предъ собою скромную, почтительную, даже умоляющую фигуру человѣка въ холщовой рубахѣ, съ выбритымъ, широкимъ подбородкомъ, съ усами и съ лицомъ, поражавшимъ необыкновенной блѣдностью. Это былъ кто-то изъ новоприбывшихъ.

— Извините, ради Бога, — началъ онъ: — я васъ хотѣлъ только на минуту спросить: вы изъ восточныхъ губерній идете?

— Да.

— И о Сибири слыхали?

— Слыхалъ.

— Простите, я васъ задержу только на одну минутку. Позвольте васъ угостить чайкомъ. Сдѣлайте одолженіе!

Онъ засуетился, началъ подстилать какой-то платокъ подъ меня; потомъ развязалъ узелокъ, въ которомъ было завязано два рубля, взятые на дорогу; горячился, требовалъ чаю, навязывалъ мнѣ непремѣнно стаканъ, совалъ кучу сахару и все спрашивалъ, чего я хочу. Пересыльный былъ разсѣянъ; голова его кружилась, какъ будто онъ только-что вырвался изъ острога на свѣтъ и

былъ въ туманѣ; мысли его путались, и въ то-же время онъ былъ какъ-будто обрадованъ, искалъ что-то высказать. Видно, что это былъ новичокъ на этапѣ, что онъ былъ готовъ и раскутиться на два рубля, и отдать ихъ кому-угодно, и что кинутый на широкую дорогу, озадаченный, потерянный, онъ искалъ утѣшенія. Насилу я его успокоилъ и обѣщалъ сообщить все, что знаю о Сибири.

— Я изъ военныхъ писарей,—быстро сообщалъ онъ:—попалъ подъ судъ за погрѣшность: меня уговорили подсобить, *чуточку* только подсобить,—прибавилъ онъ:—я не зналъ, что изъ этого выйдетъ худо. Я долго сидѣлъ въ Москвѣ и осужденъ на поселеніе въ Сибирь. Мнѣ тридцать лѣтъ; я умѣю писать, пишу хорошо-съ. Но что такое Сибирь? куда я тамъ дѣнусь? есть-ли тамъ хоть какая-нибудь работа? можетъ, я пропаду тамъ?

И тѣнь мучительной, загадочной тоски пробѣжала по его лицу. Я поспѣшилъ сказать ему, что опасаться нечего, что Сибирь та-же Россія, что тамъ нѣсколько губерній, что, какъ писарь, онъ тамъ не пропадетъ, а можетъ пристроиться и въ волости, и въ городѣ; сообщилъ нѣсколько подробностей.

— А, а!—съ жадностью хватался онъ за слова:—такъ вы говорите, я не пропаду? тамъ можно будетъ и писаремъ пристроиться? А вѣдь я ничего этого не зналъ: говорятъ „Сибирь", а что такое Сибирь?.. тамъ, думаю, гибель!

И дѣтская какая-то радость и надежда закопошилась въ немъ: онъ началъ путаться, лепетать и благодарить. Это впрочемъ и понятно: у насъ большинство людей идетъ въ ссылку — и не знаетъ, что такое Сибирь. Съ мѣстомъ ссылки не знакомятъ предварительно, какъ это стали дѣлать въ ирландскихъ тюрьмахъ предъ отправкою въ Австралію. Русскій простой человѣкъ представляетъ себѣ Сибирь иногда рудникомъ, иногда городомъ, а чаще всего онъ видитъ неизвѣстность, чорное пят-

впереди, какую-то темную пропасть и зловѣщее будущее, полное невѣдомыхъ мукъ.

— Тамъ гибель!—говорятъ всѣ они.

Я проходилъ между смурыми кафтанами, и на всѣхъ лицахъ одинаково видны были тѣ-же блуждающіе, загадочные взоры, тотъ-же слѣдъ безнадежности и неизвѣстности. Этотъ народъ былъ съ блѣдными лицами, по которымъ перебѣгала какая-то тѣнь истомы, какъ-будто слѣдъ недавняго кризиса болѣзни. У нихъ было вчера еще горькое прощанье и пережита была сильная внутренняя борьба; казалось, послѣдняя слеза еще дрожала на глазахъ, послѣдній звукъ прощанія еще не замеръ въ сердцѣ. А какое это тяжолое прощанье! Я помню, какъ при мнѣ отправлялся въ ссылку съ родины старый отставной солдатъ. Онъ жилъ въ костромской губерніи, выслуживши тридцать лѣтъ безпорочно, бывалъ въ походахъ и былъ закаленъ жизнью; подъ конецъ онъ жилъ на покоѣ въ деревнѣ, имѣлъ старуху-жену, съ которой прожилъ сорокъ лѣтъ; жизнь его была завершена. Какой-то несчастный случай его подкузьмилъ: къ нему, какъ онъ говорилъ, на дворѣ подбросили воровскія вещи изъ-за вражды. Сѣдой, какъ лунь, добродушный, прямой, разсудительный, онъ былъ честенъ въ высшей степени, въ чомъ я убѣдился, живя съ нимъ. Послѣ приговора онъ все на что-то надѣялся. Изрѣдка онъ отрывочно размышлялъ:

„Подъ старость гдѣ придется умереть-то! Будь я одинъ — все равно, да старуха... съ нею сорокъ лѣтъ жили... я ей не возьму! Кто знаетъ, что тамъ будетъ... А обидно, тридцать лѣтъ!..“ и т. д.

Наконецъ въ одно утро его вызвали и приказали сейчасъ собираться въ партію. Я сидѣлъ подлѣ него; вызовъ былъ неожиданнъ. Старикъ сложилъ покорно старый армячокъ, рукавицы, рубаху—молча, только руки затряслись да лицо поникло; а потомъ всталъ, скрѣпился и пошолъ между арестантами твердой поступью.

Сѣдые волосы откинуты; лицо какъ-будто спокойное, торжественное; онъ произносилъ: „Прощайте, братцы! Прощайте, братцы!“ Хоть на него никто не обращалъ вниманія, но голосъ былъ глухой и глубокій, какъ вздохъ, а въ глазахъ туманъ. Такъ прощаются только умирающіе... Другіе ссыльные также хоронятъ всю жизнь, все прошлое, а сколько тутъ дорогого оставлено! Только вдолгѣ, послѣ подавленной боли, разразится это чувство страшной истерикой на ночной койкѣ... А покуда его надо выносить, перемочь, задушить... Одинъ изъ романистовъ захотѣлъ изобразить выѣздъ каторжныхъ изъ Петербурга, которые поютъ *циническія*, удалыя пѣсни. Что мудренаго! И я слыхалъ эти пѣсни въ острогахъ, иногда подъ звонъ кандальный. Онѣ громко поются, потому-что надо очень громко пѣть, чтобы заглушить то отчаяніе, которое клокочетъ внутри; надо, чтобы слова, мотивы были противоположны по смыслу дѣйствительности, чтобы отвлечься отъ того, что чувствуется въ сердцѣ и щемитъ надрывающей болью. Пронзительный хохотъ, дикая удаль и сумасшедшая пляска несется въ громѣ звуковъ—выше—громче, а тамъ надтреснула нота, оборвалась струна отъ рѣзнувшей боли... Въ какой-то оперѣ придворный шутъ поетъ веселый мотивъ и пляшетъ, а въ звукахъ дрожатъ слезы: онъ потерялъ дочь,—а вѣдь эти люди теряли еще больше!..

Наступила и наша отправка. Мы долго сидѣли около военной канцеляріи во дворѣ стараго дома, съ ободраннымъ балкономъ, съ покинутымъ помѣщичьимъ садомъ, полнымъ рдѣющими яблоками и запущенною зеленью, среди которой валялись зацвѣтшія бутылки отъ клико,—остатокъ бывшихъ пиршествъ. Инвалидные солдаты сидѣли въ ожиданіи офицера и отъ нечего-дѣлать философствовали.

— И отчего это одинъ человѣкъ родится хилымъ и

слабосильнымъ, а другой здоровымъ? — задавалъ разсѣянно вопросъ одинъ изъ нихъ.

— А это недаромъ, — говорилъ другой: — коли онъ хилый, безсильный, нездоровый, зазорный, — значитъ, что и Богъ отъ него отступился, — значитъ онъ грѣхъ въ себѣ имѣетъ али родители его имѣютъ...

Откуда только берется такая философія у русскаго человѣка?.. Пришолъ наконецъ офицеръ, молодой, элегантный, — разсѣянно взглянулъ на партію и отправилъ ее часовъ въ двѣнадцать. Мы пошли по Нижнему: день былъ ярмарочный; улицы были оживлены и полны народомъ; блестящіе экипажи неслись то-и-дѣло; залитые золотомъ мундиры, разряженный людъ, цвѣты, перья, ленты, зонтики такъ и мелькали. Мы двинулись на главный базаръ, гдѣ простой народъ и торговцы хлынули къ партіи. Масса народа совала подаянія со всѣхъ сторонъ: несли булками, калачами, которыми завалили цѣлую телегу съ ѣхавшими больными; мелкіе торговцы и торговки несли, что могли, — сушоные плоды, пучки луку, горсти изюму, грецкіе орѣхи; все это сыпалось въ полы. Торговки бѣжали за партіей и догоняли ее, какъ будто спѣшили исполнить долгъ; сибирки и купцы совали арестантамъ копейки; попадались гривенники и пятіалтынные, случались и двугривенные, но не болѣе. Больше всѣхъ далъ пьяный рекрутъ около солдатской казармы: онъ вынулъ арестантамъ рублевую бумажку. Когда староста раздѣлилъ, вышедши изъ города, подаянія, то оказалось человѣкъ на 12 рубля по 3 серебромъ на каждаго. Приходится иногда, говорятъ, и больше. Арестантскимъ партіямъ прежде давали больше всего въ Москвѣ, и ссылаемые въ Сибирь говорятъ, что они отсюда выносили прежде по 30 и 10 рублей на человѣка. Помощь эта — немаловажна на дорогу, но, не будучи организована и отдаваемая въ распоряженіе каждому, она быстро расходуется. Простой народъ еще до сихъ поръ свято сохраняетъ привычку подавать арестанту. По

мелкимъ деревнямъ за Нижнимъ постоянно отворялись окна съ краюшками хлѣба и булками. Скоро у крестьянъ-старообрядцевъ подъ Нижнимъ мы имѣли случай испытать необыкновенную ихъ заботливость объ арестантахъ, когда мы задыхались отъ жажды. На самыхъ глухихъ трактахъ я имѣлъ случай видѣть участіе даже бѣднѣйшихъ и несчастнѣйшихъ жителей. Въ одной сѣверной полуголодной губерніи, проходя деревню, мнѣ страшно захотѣлось ѣсть; я пошелъ розыскивать лепешки, чтобы купить ее; хлѣбъ былъ съ мякиной, очень плохъ, но лепешки были ржаныя, хотя тоже съ шелухой. Онѣ составляютъ, однако, лакомство у крестьянъ въ праздники и пекутся въ небольшомъ количествѣ для семьи. Подойдя къ одной избѣ, я спросилъ, не продадутъ-ли лепешки (шанешки); старая, полунищая женщина посмотрѣла на меня, потомъ отрѣзала четвертушку и подала въ окно. „Простите, батюшко!“ сказала она; „это для ребятенокъ оставлю“. Я хотѣлъ отказаться, но, чтобы не обидѣть, далъ три копѣйки. „Что вы! съ васъ нельзя брать: грѣхъ!“ заговорила старуха и стала отбиваться. Такъ я и ушолъ, оставивъ деньги на подоконникѣ. Простой народъ старается прокормить „несчастнаго“, но при его бѣдности, конечно, собираются только гроши. Вообще о благотворительности мы, конечно, должны сказать, что гораздо плодотворнѣе выраженіе ея въ „покровительственныхъ обществахъ“ (Sociétés de patronages) и въ снабженіи тюремъ большими средствами; тѣмъ не менѣе при извѣстныхъ условіяхъ жизни частная помощь въ критическія минуты сохраняетъ свое значеніе. Арестанту выдаютъ въ острогѣ 7 копеекъ: на это не пороскошничаешь! Ближе къ народу стоятъ купцы: они свозятъ иногда къ празднику съѣстные припасы для арестантовъ — кадки капусты, соленые огурцы и т. п. Къ сожалѣнію, случается, что свозится именно то, что негодно и залежало во время зимы изъ собственнаго хозяйства: „дескать, арестантики и этимъ будутъ до

вольны: гдѣ имъ!..“ Смотрителя такой провизіей пользуются при выдачѣ порцій, вмѣсто свѣжей. Бываютъ случаи и такой русской благотворительности: какой-то купецъ въ одной восточной губерніи пожертвовалъ не очень-давно 200 или 300 паръ кандаловъ для арестантовъ. Пожертвованіе это, конечно, было въ пользу казны, но купецъ нарочно адресовалъ его на имя острога. Какой смыслъ имѣла эта безчувственная выходка,—я не знаю; но среди арестантовъ она произвела эффектъ. Одни, молодые, разразились проклятіями; но опытные, любящіе смотрѣть на свои дѣла съ объективной точки зрѣнія, очень забавлялись. „Вотъ одолжилъ! чтобъ ему ни дна, ни покрышки; ха, ха, ха!“ заливались они.

Теперь мы опять повернули на побочный трактъ и подъ надзоромъ инвалидныхъ солдатъ пошли пѣшкомъ. Первая станція была особенно-мучительна. Мы вышли довольно поздно и прошли около 36 верстъ до ночлега. Солнце пекло невыносимо; дорога была песчаная; ноги тяжело брели по песку, а нѣкоторые изъ насъ тащили еще кандалы. Сапоги начали сбрасывать. Послѣ тяжолаго перехода на пути давали отдыху не болѣе пяти минутъ, потому-что вышли поздно, а солнце все-болѣе и болѣе припекало; голова кружилась; ноги подкашивались; пыль лѣзла въ горло и жажда томила невыносимо. Чаще и чаще тянуло пить, что, впрочемъ, благодаря частымъ, почти сплошнымъ, деревнямъ подъ Нижнимъ, было дѣлать довольно сподручно. Въ это-то время выскакивали изъ домовъ староверовъ женщины съ холоднымъ квасомъ и давали возможность хоть немного освѣжиться партіи. Но только немного проходили, какъ жажда еще-сильнѣе мучила, и мы опять искали колодца. „Погодите, погодите, немного,—говорили солдаты:—вотъ сейчасъ будетъ деревенька: староверы живутъ. Тутъ будетъ одинъ домъ: они ужь всегда

встрѣчают арестантовъ, никогда не пропустятъ. У нихъ и лавочка около дому выстроена; квасъ отличнѣйшій, холодный!“ И только-что начинали подходить къ дому, какъ дѣйствительно краснощокая, сильная молодуха вытаскивала громадное ведро съ холоднымъ, ледянымъ квасомъ и съ деревяннымъ ковшомъ. Посуда эта была нарочно приготовлена для проходящихъ; свою они держатъ для себя. „На здоровье, на здоровье, батюшки!“ кланялась молодуха и уходила. И какъ предусмотрительно и скромно все это выполнялось! Къ вечеру жара начала немного спадать и мы очувствовались; ощущалось только утомленіе и разбитость. Когда стемнѣло, мы вошли въ Балахну. Въ какомъ-то особенно-пріятномъ свѣтѣ представился мнѣ этотъ тихій городокъ, или я усталъ и былъ отуманенъ. Вѣяло кругомъ тишиной и прохладой; веселые дома, необыкновенно-красивыя лица дѣтей и женщинъ кинулись въ глаза. На тѣнистомъ бульварѣ еще прохаживалась публика. Въ острогѣ мы заснули, какъ убитые. На другой день мы отдыхали: здѣсь была дневка. Городокъ и самый замокъ былъ скромный и патріархальный; около острога виднѣлся бульваръ и зелень; въ острогѣ, довольно чистомъ, текла скромная жизнь; къ намъ доносилось пѣніе священника изъ маленькой острожной церкви, легкій дымъ ладона, а кругомъ тихо качалась и лепетала зелень. Покой, забвеніе и тихая грусть вѣяли кругомъ, какъ на мирномъ сельскомъ кладбищѣ...

Отдохнувшіе и свѣжіе, мы двинулись далѣе. Только теперь я замѣтилъ, что мы находились среди густого населенія, около самаго центра Россіи. Деревни были особенно-часты, мѣстами выдвигались красивыя рощи дубовъ и кленовъ. Еще вчера мы проходили мимо очаровательнаго фруктоваго сада, изъ котораго пахнуло такимъ букетомъ цвѣтущихъ липъ, яблони и си-

Этотъ садъ, какъ мы узнали, благопріятно разцвѣлъ на *соленой* почвѣ, а владѣлецъ его испытывалъ уже горькую участь заключенія въ Нижнемъ. Около деревень были засѣяны колосистыя поля. Въ одномъ мѣстѣ подъ горой открылся ослѣпительно-зеленый покосъ; близь дороги стояли въ яркихъ рубахахъ мужики и въ мускулистыхъ, засученныхъ рукахъ ихъ блестѣли поднятыя косы. „Вотъ-бы кого заставить поработать!" замѣчалъ кто-нибудь изъ нихъ: „это карманниковъ!" Это относилось къ намъ. Но это было несправедливо: въ партіи было нѣсколько людей въ оборванныхъ пальто, но мазуриковъ не было: составъ партіи былъ болѣе скромный. На телегѣ больныхъ ползалъ сумасшедшій нищій, котораго препровождали изъ Нижняго до ближайшаго уѣзда; подлѣ сидѣла вологодская зырянка, ходившая въ пермскую губернію на заработокъ, но заболѣвшая тамъ сухоткой и отправлявшаяся умирать на родину. Отъ этой молодой, 19-тилѣтней женщины остался только скелетъ; глаза слезились; она едва ползала. Скоро ее по болѣзни оставили въ маленькомъ городкѣ на пути; тамъ она, вѣроятно, и умретъ. Шла въ партіи другая зырянка, здоровая и выносливая баба, тоже изъ пермской губерніи, бывшая назаработкѣ и просрочившая паспортъ. Еще шолъ костромской парень, ушедшій въ бурлачество и жившій въ Перми въ маркерахъ. Пропустивши срокъ паспорту, онъ работалъ на пристаняхъ и послѣ облавы полиціи взятъ былъ съ цѣлой ватагой другого безпаспортнаго народа. Онъ былъ въ старомъ суконномъ пальто, въ портахъ, босикомъ и почему-то въ оковахъ. Далѣе шолъ мальчикъ 14-ти лѣтъ, изъ Петербурга, жившій въ ученьи у красильщика, заболѣвшій и очутившійся безъ вида, бойкій парнюга, съ большой рыжей головой, въ одной старенькой рубахѣ съ манишкой и въ коленкоровомъ картузѣ. Онъ постоянно баловалъ и рвалъ наручни, къ досадѣ конвойныхъ, которые все его пристращивали, но прис[illegible] не могли. Еще шла какая-то авантюрист-

ка, солдатка Аринка, бѣгавшая постоянно отъ мужа и часто гулявшая по этапу. Наконецъ нѣсколько мужиковъ: это были лица, пересылаемыя къ обществамъ. И такихъ людей пересылается у насъ громада...

Подъ вечеръ мы приблизились къ маленькой деревнѣ съ чорными избами.

— Гдѣ-же этапъ? спрашивали мы.

— А вотъ въ концѣ деревни.

Мы остановились около маленькой, гнилой избушки, полувросшей въ землю; подлѣ находился хлѣвокъ шагахъ въ шести: это былъ какъ-будто дворикъ. Въ скосившейся, развалившейся избушкѣ была темнота: ее едва освѣщали два узенькія слуховыя окошка, перегороженныя крестъ-на-крестъ желѣзными прутиками. Это была низенькая и узенькая клѣтка, шаговъ въ восемь длины; кромѣ того она была отгорожена, и за перегородкой жилъ старикъ-нищій, карауливщій этапъ. Печь стояла чорная; стѣны закопчены сажей; на полу грязная солома; тутъ приходилось размѣститься 12-ти человѣкамъ да еще конвою.

— Какъ-же мы тутъ влѣземъ? — спросилъ кто-то.

— А какъ-нибудь влѣземъ! — отвѣтилъ солдатъ.

И, дѣйствительно, влѣзли. И вспомнилъ я анекдотъ, разсказанный на дорогѣ. Солдатъ разсказывалъ про необыкновенныхъ пчелъ, водившихся въ его губерніи.

— Вотъ какія пчолы! — говорилъ онъ, сжимая два кулака.

— Ну, а ульи? — спрашивали его.

— Что ульи? ульи — обыкновенные!

— Какъ-же такія пчолы-то вылѣзаютъ?

— Да у насъ хоть тресни, а полѣзай! — съ энергіей промолвилъ разсказчикъ.

Ночь въ этомъ маленькомъ хлѣвкѣ была, дѣйствительно, непріятная! Люди разлеглись подрядъ, тѣсно сжавшись другъ подлѣ друга, на грязной соломѣ; заперли на замокъ, какъ слѣдуетъ по уставу; ча

дать ушла въ хлѣвокъ, а человѣка 3 остались съ арестантами; одинъ изъ инвалидовъ сидѣлъ, примкнувшись въ дверямъ, на кукоркахъ и зажогъ лучину. Послѣ лѣтней жары воздухъ сперся; тучи комаровъ и мошекъ нахлынули и вились около голыхъ тѣлъ; лучина чадила около дремавшаго солдата; насѣкомыя кусали и жалили: заснуть было невозможно; въ какомъ-то бреду раскидывались тѣла; въ ушахъ звенѣло; дыханіе сперло; казалось, это была агонія асфиксіи. Такой этапъ находился въ центральной губерніи, въ 60-ти верстахъ отъ богатѣйшаго города! Такимъ онъ оставался и въ рукахъ земства, которое уже существовало въ этой губерніи.

Мнѣ въ первый разъ доводилось видѣть внутреннюю Россію съ ея густымъ населеніемъ, съ ея садами, усадьбами и деревнями. Я зналъ ее только по книгамъ. Теперь мнѣ вдобавокъ еще пришлось видѣть „обновляющуюся Россію“. Здѣсь на меня повѣяло воспоминаніями давно-прочитаннаго, чего-то идеальнаго, мечтательнаго. Вотъ эти помѣщичьи дома, сады, усадьбы, которые столько разъ рисовались и Пушкинымъ, и Гоголемъ, и Тургеневымъ. На красивыхъ дрожкахъ прокатила по дорогѣ сѣдая, сухопарая помѣщица, съ жолтымъ, сморщеннымъ лицомъ, держа въ рукахъ роскошный букетъ оранжерейныхъ цвѣтовъ. Открылся въ тѣни помѣщичій домъ, и за рѣшотчатой оградой, на крыльцѣ, стоялъ старичокъ въ халатѣ, съ трубкой и длиннымъ чубукомъ, какіе теперь, вѣроятно, нигдѣ не встрѣчаются; передъ нимъ безъ шапки, по старой памяти, стоялъ крестьянинъ. Старичокъ былъ помѣщикъ, но какъ онъ осунулся и посѣдѣлъ послѣ 19-го февраля! Вотъ и прудъ, и садъ съ душистыми яблонями, съ темными арками и аллеями. Не здѣсь-ли бродила мечтательная Татьяна? Не здѣсь-ли разыгрывались похожденія героевъ Тургенева? Тамъ, на обрывѣ, подъ этимъ старымъ дубомъ слышались тре-

петныя рѣчи любви; здѣсь, на берегу, мечтали о Гете и Шиллерѣ; въ той бесѣдкѣ звучалъ поцѣлуй, по темному саду въ полумракѣ таинственно пробѣгали тѣни, а изъ окна сладко замирала соната Бетховена и страстно дрожалъ женскій голосъ итальянской мелодіей. Пустыненъ теперь стоитъ этотъ садъ: зацвѣлъ прудъ, покрытый когда-то лебедями, и старая липовая бесѣдка покачнулась, и романическій балконъ на домѣ, ободранный, полуразрушенный, смотритъ старымъ чепцомъ, надвинутымъ на плѣшивой старушечьей головѣ. Старые Лаврецкіе стоятъ съ горькою думою надъ этими развалинами. Можетъ быть, новыя сцены разыгрываются здѣсь изъ романа „Молодая и старая Россія", и идетъ современная драма; а можетъ быть, иная жизнь уже копошится и проникла сюда; можетъ быть, разсуждаютъ и тутъ о современныхъ вопросахъ, и въ эту минуту въ прохладныхъ библіотекахъ, посреди кучи газетъ, слышится споръ юнцовъ и лихорадочно-бьющійся пульсъ новой жизни... „А хорошо-бы теперь взглянуть, что тутъ дѣлается!" мелькнуло у меня въ головѣ. А партія бренчитъ и проходитъ мимо новаго, блестящаго лѣтняго домика съ отворенной стеклянной дверью на балконъ, выходящей въ цвѣтники.

— Вѣдь хорошо-бы теперь въ этакомъ домѣ побывать!—коварно обращаюсь я къ длинному, шагающему подлѣ меня приказчику изъ Юрьевца, идущему за какую-то продерзость начальству въ Кострому.

— Да, очень-бы теперь пріятно въ привилегированномъ домѣ, съ прекрасными дѣвицами привилегированные танцы танцовать, вести привилегированные разговоры и пить вина лучшихъ сортовъ!—говоритъ онъ, вздыхая.

Этотъ милый коробейникъ и приказчикъ своимъ живымъ юморомъ постоянно развлекалъ мои думы. Откуда онъ пріобрѣлъ столько мудреныхъ словъ? „Ну, вотъ мы и отдохнемъ теперь съ прокламаціей" (т.-е. съ про-

хладой),—говоритъ онъ, располагаясь на травку на растахѣ... Идти легче. Вечерняя прохлада охватила свѣжестью. Дорога стала песчанѣе; боръ становился гуще; выше поднимались вершины синяго лѣса; мѣста дичаютъ, и скоро охватило насъ величественною тишиною и покоемъ: повѣяла „темная дубравушка“. Люди шли бодрѣе. „А что, не гаркнуть-ли намъ, господа часовые?“ говоритъ удалый арестантъ Соловьевъ, изъ костромскихъ крестьянъ, русскій гулящій человѣкъ, побывавшій вездѣ, отъ Сибири до волжскихъ пристаней, веселый и неунывающій.

И—ахъ ты чернобровая моя да съ крапинами
И за что ты меня высушила?...

вдругъ звонко подхватилъ Соловьевъ, и голосъ его заметался, зазвенѣлъ съ самою-беззаботною удалью и полился по рощѣ. Понемногу это настроеніе перешло въ партіи: затянули хоръ, а два молодыхъ, живыхъ солдата сбросили шинели, обнялись и начали выкидывать ногами. На минуту живыя чувства охватили и конвойныхъ, и конвоируемыхъ, и никто-бы не узналъ теперь, что это партія. А междутѣмъ на каждомъ шагу мелькаетъ „обновляющаяся Россія“. Въ городкахъ попадается земская управа съ новою, золоченой вывѣской. По тракту видно, какъ проскачутъ бойкіе земскіе дѣятели и сѣятели на красивой, уютной тележкѣ съ бубенчиками, въ гарибальдійкѣ, въ пенсъ-не, съ дѣловымъ видомъ, и скроются въ облакѣ пыли. Это ужь не то, что старый становой въ колымагѣ! Попадаются мужики и старосты съ большими мѣдными бляхами. Проѣхали какія-то сельскія власти въ приличныхъ сюртукахъ; одинъ изъ нихъ съ важной бородой.

— Кто это такіе?—спросили мы попавшагося мужика.

— Писарь съ приказникомъ палку съ набодданникомъ отыскиваютъ: вчера проѣздомъ потеряли.

Побывалъ я разъ случайно за билетомъ на подводу

около земскаго собранія. Проходили какіе-то молодые чиновники, осанистые, гордые, въ вицмундирныхъ фракахъ, которые сидѣли на нихъ также ловко, какъ и на чиновникахъ особыхъ порученій; физіономіи въ независимыхъ бородкахъ и усахъ. Сбросивъ пальто, чиновникъ небрежно взбивалъ назадъ волоса и входилъ развязно. Писаря были молодые мальчики, одѣтые прилично, съ хорошо-завязанными галстучками. Я стоялъ въ прихожей съ благоговѣніемъ и припоминалъ слова либеральнаго старичка, когда-то мнѣ сказанныя: „вѣдь это, батюшка, сельфговернементомъ пахнетъ!“ Даже на насъ отразилась новизна: и плакаты на подводу подъ больныхъ были новенькіе, чистенькіе, желтенькіе. Въ одной деревнѣ при покупкѣ яицъ я присталъ къ мужику.

— Что ваши земскіе порядки? — спросилъ я.

— Какіе? — отвѣчалъ худенькій, отрепанный мужичишка.

— Ну, извѣстно какіе: вѣдь у васъ теперь земство... выборы есть въ собраніи...

— Не могимъ знать.

— Да какъ-же, братецъ!...—начинаю я объяснять: — теперь у васъ и раскладки другія, и повинности иначе исполняются.

— Не могимъ знать; намъ это неизвѣстно.

— Ну, вотъ мировые судьи, чиновники новые.

— Это дѣйствительно, что чиновники есть новые!

Мужикъ ничего и не слыхалъ о земствѣ; а можетъ быть, это и исключеніе. Въ другой разъ на красивомъ обрывѣ около помѣщичьей деревни, когда пришлось покупать молоко, я спрашиваю:

— Ну, какъ ваша барыня? вы ходите къ ней въ усадьбу?

— Добрая барыня: сахару дѣтямъ даетъ! — говоритъ баба.

— Что-же, это очень хорошо!

— Да, вотъ только покосъ при раздѣлѣ.

— Ну, это дѣло другое!

Деревни попадались хилыя. Тѣ-же чорныя, закопчоныя избы; въ лавочкахъ однако продаютъ корольки, колбасы и папиросы. На дорогѣ посреди лѣсу встрѣчаются щегольскіе экипажи—легкая коляска съ цѣлымъ цвѣтнымъ букетомъ дамъ въ шиньонахъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ и болтающихъ пофранцузски. Я иду и на дорогѣ нахожу недавно кинутый французскій билетикъ, клочокъ газеты, коробочку отъ англійскихъ спичекъ съ надписью „London, Piccadilly“ и т. п. Да, мы всетаки въ центрѣ цивилизаціи; кругомъ даетъ себя знать другая жизнь: шутка-ли... съ улицы Пикадили спички! А вотъ на этой-же дорогѣ иная сцена: встрѣчаются какіе-то безсрочно-отпускные солдаты. Около нихъ цѣлая ватага бабъ, вопіющихъ о чомъ-то. Оказывается какое-то дѣло о кражѣ сарафана этими проходящими. Бабы угрожаютъ, обѣщаютъ пріѣхать съ обыскомъ. Безсрочные идутъ до нашимъ стопамъ и, когда крестьяне удалились, начинаютъ другъ-друга обыскивать. Сарафанъ находится въ мѣшкѣ одного подгулявшаго отставного. Начинается хлопъ, хлопъ! а потомъ идутъ и учреждаютъ судъ: товарищи очень возмутились поступкомъ негодяя.

— Что намъ теперь дѣлать съ нимъ?—говорили они:—надо его заковать да сдать въ партію. Этого мы не потерпимъ: онъ позоритъ...

— А не лучше-ли, братцы, своимъ судомъ?—вступаются нѣкоторые.

— И-то, братцы, своимъ судомъ, потому-какъ пойдетъ онъ подъ судъ, долженъ лишиться всего, всей своей службы, а лучше....

— Это лучше!—подтвердили многіе.

— Такъ согласись своимъ судомъ? — обратились они къ виновному.

Полупьяный солдатъ, угрюмый и тупой, покачалъ головой.

— Ну, какъ хочешь... худо будетъ тебѣ!

— Вѣдь тебѣ-же лучше будетъ!—кто-то уже начиналъ

убѣждать:—сейчасъ нарѣжемъ прутьевъ!—какъ-будто въ видѣ утѣшенія говорилъ ораторъ.

— Эхъ-бы я какъ принялъ съ удовольствіемъ!—восклицалъ какой-то молодой.

— Согласись! Потомъ вѣдь все забудемъ: ничего тебѣ не будетъ: и поминать не будемъ!— умоляли другіе.

— Это какъ есть... потомъ молчокъ, братцы!

Шли дальше; желаніе судить разгаралось.

— Пятьдесятъ только... согласенъ?

— Двадцать!—глухо проговорилъ виновный.

И вотъ на большой проѣзжей дорогѣ, въ то время, когда партія стояла въ сторонѣ, растянули тѣло на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ валялся лондонскій пакетъ отъ спичекъ,—и свершился русскій самосудъ. О, еслибы въ это время проѣхала аристократическая коляска съ шиньонами,—какой пасажъ! Я лежалъ въ эту ночь на этапѣ и долго не могъ заснуть, ибо хотя этапъ уже былъ новый, но лѣтній, удушливый воздухъ какъ-то тѣснилъ меня; а въ головѣ тѣснились земство и несчастный этапъ въ хлѣвѣ, мировые судьи, и расправа на большой дорогѣ, коляски, шиньоны, улица Пикадилли и ужасный свистъ розогъ... чортъ-знаетъ-какой сумбуръ! Все это мѣшалось въ головѣ; а голова была тяжолая; глаза не поднимались.

Днемъ мы двигались между красивыми аллеями. Это была дорога въ центральной губерніи, но она была пустынна, потому-что проѣзжіе ѣхали на пароходахъ. Между зеленою листвою тянулась телеграфная проволока. Намъ не удавалось однако идти подъ тѣнью аллей; порядки были строже; инвалиды хотя патріархальные, но съ большью требовательностью.

— Не расходитесь, не расходитесь!—говорили они:—идите посреди дороги.

— Зачѣмъ-же посреди?—говорили мы:—тутъ солнце печотъ.

— Нельзя: такой уставъ; партіи приказано посрединѣ идти.

— Никого вѣдь нѣту; и вамъ самимъ жарко!—возражаешь имъ.

— А вдругъ генералъ проѣдетъ!

На стѣнахъ казармъ висѣли предписанія и циркуляры, примѣры случаевъ при препровожденіи арестантовъ съ 1845 года. Когда мы на одномъ этапѣ улеглись спать, старый, бравый унтер-офицеръ показалъ значительное пониманіе дѣла.

— Ну,—говорилъ онъ молодому солдатику:—знаешь-ли ты теперь науку? Что такое солдатъ?

— Солдатъ есть имя общее...—залепеталъ рекрутъ.

— Ну, ну,—снисходительно бормоталъ старикъ:—такъ скажи-же, какіе наши враги внѣшніе?

— Французъ, нѣмецъ, турка,—говорилъ молодой солдатъ.

— Ну, вотъ! Ну, а какіе-же враги внутренніе?—спросилъ опять старшій.

Я приподнялся съ койки. Молодой солдатъ молчалъ и былъ въ затрудненіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этотъ вопросъ немалый: онъ разрѣшается газетами,—думалъ я.

— А внутренніе враги: вотъ мы ихъ ведемъ!—вдругъ сказалъ важно и тихо унтер-офицеръ.

Внутренніе враги въ это время мирно храпѣли на нарахъ. И въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, вѣдь этотъ сложный вопросъ проще, чѣмъ о немъ думаютъ. Сколько у насъ публицистовъ, романистовъ старалось опредѣлить и разрисовать, что такое и кто такіе внутренніе враги. И всѣ они болѣе ничего не сказали и пришли къ одному заключенію.

По дорогѣ изъ-за лѣсу выдвигались теперь уютные, маленькіе, жолтые этапные домики, едва вмѣщающіе человѣкъ десять. Наружный видъ ихъ былъ опрятный; вну-

три находились небольшія, крашеныя нары; кругомъ домика ровъ и перекидной мостикъ. Издали для проѣзжающаго казалось: просто, это бесѣдки. Тутъ мы и остановились ночевать. На стѣнѣ иногда были надписи и каракули о личныхъ впечатлѣніяхъ, напримѣръ: „пей воду какъ гусь, лежи какъ свинья, живи здѣсь чортъ, а не я“. Но всего было невыносимѣе послѣ путешествія подъ свѣтлымъ небомъ, послѣ чистаго воздуха, послѣ нѣкоторой свободы, попадать дня черезъ два въ темные остроги, торчащіе въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Спускаешься какъ-будто въ какой-то подвалъ, въ колодезь, среди яснаго лѣтняго дня, Снова обшариванье кармановъ и тѣла, грубые солдаты и смотрителя.

— Все, все оставляй здѣсь,—говоритъ усатый фельдфебель, покуда мы стоимъ подъ мрачными воротами замка предъ кордегардіей:— и табакъ, и спички, и ножичекъ; все будетъ сохранно.

Сохранно однако не бываетъ, особенно табакъ. Въ мелкихъ острогахъ смотрителями служатъ или отставные унтер-офицеры, или мелкіе канцелярскіе писцы. Строгіе изъ нихъ проявляютъ власть неумолкаемой бранью съ перекатами по всему острогу, болѣе же снисходительные ограничиваютъ свою власть тѣмъ, что сбираютъ по 3 копейки и по 5 съ рыла на табакъ и сами доставляютъ водку и т. п.: тогда они совершенно уже живутъ съ арестантами за панибрата. Эти мелкіе смотрителя въ зенитѣ своей власти обыкновенно лежали на нарахъ въ солдатскихъ кордегардіяхъ, покуривали махорку и толковали „о нонѣшней службѣ“ съ солдатами; при паденіи же авторитета они служили на посылкахъ у арестантовъ, маклачили у нихъ „на цыгарку“, играли съ ними въ пинки, бѣгали за водкой и нерѣдко сами таскали „параши“. Такими „благонадежными унтер-офицерами“, какъ они называются на оффиціальномъ языкѣ, до сихъ поръ [illegible] съ мелкіе уѣздные остроги. Такіе люди, [illegible] ающіеся

простымъ людомъ и крупной бранью, быстро разрѣшаютъ всѣ уголовные вопросы, надъ которыми задумываются лучшіе мыслители и юристы.

У насъ, что ни острогъ, то уставъ; правила, примѣняемыя въ нихъ, до безконечности разнообразны: то курятъ табакъ, то не курятъ; въ одномъ мѣстѣ поютъ пѣсни, въ другомъ строго запрещаютъ. Это особенно бѣсило нашего спутника, пѣвуна Соловьева: только-что онъ расположится подъ вечеръ около окошка затянуть пѣсню, какъ вдругъ часовой крикнетъ:

— Эй ты! У насъ это не положено: чичасъ въ карцеръ; нельзя пѣть!

— Нельзя, ваше благородіе?—иронически-робко произноситъ Соловьевъ.—Ну, такъ позвольте хоть высморкаться!

Въ иныхъ мѣстахъ запрещаютъ имѣть даже самовары. Строгости до того доведены, что людей не отпускаютъ на колодезь за водой, не заковавши въ кандалы; а это —люди вольные, иногда неосужденные еще.

— Нельзя-ли воды? — какъ-то я обратился на кухню одного острога.

— Подождите, батюшка, немного,—говоритъ смирный крестьянинъ:—вотъ третій разъ сегодня иду *на заковку*: безъ этого не отпускаютъ; всѣ ноги стеръ!

Народъ, сидящій въ этихъ провинціальныхъ замкахъ, —смирный, неопытный; это большею частію крестьяне, посаженные на сроки, или люди, высылаемые по приговорамъ обществъ. Они сидятъ, томятся и скучаютъ безъ всякаго дѣла. Въ то время, когда стараются привить трудъ въ тюрьмахъ и дѣлаютъ усилія въ большихъ и видныхъ замкахъ, въ мелкихъ уѣздныхъ тюрьмахъ держится неотмѣненный, старый уставъ, по которому всѣ орудія труда, какъ-то шило, ножикъ, отбираются и строго запрещаются: по уставу запрещено держать острыя орудія. Мысль эта, по-нашему, произошла изъ того-же источника, какъ и догадка запрещать самовары, чтобы люди не могли об-

варивать другъ друга кипяткомъ. Между другими неудобствами во время пути арестанта опутываетъ тысяча формальностей. Для одной повѣрки казеннаго бѣлья, т.-е. пары рубахъ и кафтана, въ каждомъ городѣ приходится сходить въ полицію, въ губернское правленіе; та-же повѣрка производится въ острогѣ смотрителями при входѣ и при выходѣ; кромѣтого повѣрка производится конвоемъ и каждымъ этапнымъ начальникомъ, — и при всемъ томъ бѣлье всетаки не уберегается. Иногда даже тоска возьметъ отъ этого пересчитыванья.

— Степанъ Петровъ, рубаха есть? Порты есть? Коты есть?—читаетъ офицеръ, путаясь въ спискахъ.

— Ну, ты, Анна Меньшикова, штаны есть? Шапка есть?

— Она—баба, отвѣчаютъ арестанты.

— А, ну, хорошо. Ермилъ Филимоновъ, юбка есть? Каптуръ есть?

— О, Господи помилуй!—шепчутъ арестанты.

Но не все-же „грязь и овчинные тулупы“, какъ говоритъ графъ Гаранскій. Вотъ и я увижу реформирующійся замокъ въ губернскомъ городѣ К. Снова предо мною „обновляющаяся Россія“. Замокъ былъ съ обширнымъ помѣщеніемъ: здѣсь былъ особый корпусъ для женскаго отдѣленія съ чистымъ дворомъ,—дѣтское отдѣленіе съ особой надзирательницей и учительницей,—особый корпусъ для одиночнаго заключенія „съ секретными“. Камеры освѣщались лампами; арестанты ходили въ парусинныхъ пальто. Порядокъ тоже начиналъ водворяться. Въ особой столовой во время обѣда читалось Евангеліе и молитвы. Жизнь однако при многолюдности была шумная и оживленная. Въ особенности на меня пріятное впечатлѣніе произвела столовая, гдѣ утрами располагалось нѣсколько вычищенныхъ самоваровъ, столы, накрытые салфетками, хорошія булки, сливки и принадлежности къ чаю. Арестанты сидѣли групп... ...чив-

ленную бесѣду. Дѣло это очень обыкновенное. Во всѣхъ острогахъ есть продажа чаю и майданы; здѣсь это проявилось весьма опрятно. Такіе майданы лучше держать открытыми даже и для надзора. Но однажды въ острогъ внезапно заѣхало какое-то старое начальствующее лицо. Оно ожидало встрѣтить всѣхъ за замками, въ уныломъ и удрученномъ состояніи, но на сей разъ застало за чаемъ. „Что это: трактиръ?" возопило оно. Продажа чаю съ тѣхъ поръ была ограничена. Изъ новыхъ порядковъ, какъ я узналъ, вводилось многое. Пробовали основать школу для арестантовъ, и сюда ходили съ особою охотою секретные. Общіе арестанты впрочемъ также любятъ учиться и читать; во многихъ острогахъ они научиваютъ другъ-друга грамотѣ, читаютъ съ жадностью романы, путешествія. Къ несчастію, о библіотекахъ въ тюрьмахъ у насъ нѣтъ и помину. Школа, послѣ горячаго порыва, была оставлена, и начальство, а, можетъ быть, и самъ учитель охладѣли. Кромѣ того въ замкѣ хотѣли вводить ремесла, но и это было только въ планѣ. Дворянамъ предлагали заняться переплетнымъ мастерствомъ, но дворяне были на сей разъ оригинальнѣе: временно они занимались клееніемъ цвѣтныхъ коробочекъ и бездѣлушекъ, а въ остальное время ржали, въ буквальномъ смыслѣ: для нихъ было развлеченіемъ—подъ вечеръ на крыльцѣ изображать жеребцовъ. Составъ ихъ былъ слѣдующій: штабсъ-капитанъ, служившій въ гусарахъ, промотавшійся, переживавшій у разныхъ помѣщиковъ приживалкой и наконецъ укравшій воротникъ у собственнаго портного, человѣкъ впрочемъ почтительный и услужливый; тутъ-же находился дворянинъ безъ чиновъ, поступившій по волѣ въ солдаты и потомъ удравшій изъ полка; два юноши-семинариста, попавшіеся въ церковной кражѣ, и молодой чиновникъ — за растрату казенныхъ денегъ, рублей 400, которые онъ прокутилъ по молодости.

Въ реформирующейся тюрьмѣ повѣяло и при мнѣ „но-

вымъ духомъ". При мнѣ была прислана смотрителю книга Галкина о тюремномъ вопросѣ. Къ ней былъ приложенъ рисунокъ пентонвильской тюрьмы; смотрители, конечно, полюбовались. При мнѣ-же пріѣхалъ изъ С.-Петербурга на видный постъ молодой и либеральный чиновникъ, вѣжливый, предупредительный, получившій высшее воспитаніе и въ теоріи исповѣдующій реформу; онъ посѣтилъ острогъ. Новый чиновникъ вѣжливо и мягко обошолся съ арестантами, гдѣ каждый предъявлялъ просьбу о своемъ дѣлѣ. Весь этотъ народъ сидѣлъ до рѣшенія дѣла по году, по два, по три и болѣе. Чиновникъ все записалъ въ книжечку и обѣщался справиться. Онъ посѣтилъ камеру съ малолѣтними, и ему понравился крестьянскій ребенокъ лѣтъ 9-ти, диковатый, угрюмый, но необыкновенно серьезный. Тотъ, кто не видалъ крестьянскихъ дѣтей, сосредоточенныхъ, усвоившихъ рано серьезность среди горькихъ лишеній, дѣловой видъ и взгляды взрослаго, для того крестьянскія дѣти очень любопытны. Молодого чиновника заинтересовалъ ребенокъ: онъ сталъ къ нему ѣздить чаще. Въ нашихъ общихъ острогахъ дѣти получаютъ ужасное воспитаніе. Я видѣлъ въ Юрьевцѣ мальчика лѣтъ 14, взятаго за поджогъ. Это по характеру былъ, что-называется, enfant terrible—забитый и озлобленный сирота; онъ началъ мстить крестьянамъ, и когда его взяли въ острогъ, то обхожденіе съ нимъ сдѣлалось еще хуже. Характеръ ожесточился. Мальчикъ показывалъ необыкновенный, буйный и упорный характеръ. Когда его садили въ карцеръ, онъ билъ стекла, не стѣснялся оковами, и его ничѣмъ не могли усмирить. Въ острогѣ онъ съ какими-то плутами предпринялъ отважнѣйшее предпріятіе — проломать стѣну, пролѣзъ подъ печкой и обокралъ острожный цейхгаузъ. Удаль, безстрашіе и хладнокровіе его удивляли окружающихъ, и даже грубые люди смотрѣли на него, какъ на феноменъ. Его приговорили въ каторгу, и этотъ ребенокъ, можетъ быть 15—16-ти лѣтъ, надѣлъ гордо кандалы, подвязалъ съ ис-

ствомъ подкандальники и съ чувствомъ достоинства вышелъ изъ острога и пошолъ въ Сибирь...

Молодой чиновникъ справился и о дѣлахъ заключонныхъ.

— Ну, что?—послѣ спросилъ я арестантовъ.

— Да что!.. отвѣтилъ то-же, что и стряпчій,—гдѣ дѣло находится.

— Ну, а вамъ что-же еще нужно?

— Извѣстно, мы просили, чтобы скорѣе рѣшили.

— Да ничего онъ не подѣлаетъ съ нашимъ губернскимъ правленіемъ!—прибавили нѣкоторые рѣшительно.

Въ воскресные дни видно было изъ окна, какъ женское отдѣленіе посѣщалъ комитетъ разряженныхъ дамъ; шолковыя платья ихъ шелестѣли; онѣ пріѣзжали опекать своихъ «malheureuses». У насъ между женщинами острога, среди грубаго обхожденія, есть усвоившія совершенно мужской, упругій характеръ и всю циничность обращенія, на которой можетъ оборваться всякая тюлевая филантропія. Была въ этой тюрьмѣ, какъ разсказывали, оригинальная женщина—крѣпостная горничная, взятая за бродяжество. При входѣ въ острогъ она объявила, что она генеральша и графиня такая-то и увѣренно предложила справиться объ этомъ. Говорятъ, что она мастерски выдерживала свою роль и не позволяла нималѣйшей фамильярности. Въ томъ-же замкѣ сидѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, князь, обревизовавшій двѣ центральныхъ губерніи; теперь онъ, говорятъ, служитъ писцомъ у стряпчаго и—странное дѣло!—человѣкъ ничего не имѣетъ, кромѣ внушительной физіономіи...

Снова дорога. Показалась лѣсная, сѣверная губернія. Села стояли дальше другъ отъ друга, дорога длиннѣе, поля пустыннѣе, а усадьбы попадались ужь очень-рѣдко. Около одного городка мы ночевали въ избѣ крестьянина, отданной подъ этапъ. Чтобы выполнить повинность, крестьяне здѣсь нанимаютъ избу у какого-нибудь бѣдняка, ко-

торый съ торговъ принимаетъ ее за самую дешовую цѣну. Междупрочимъ мы останавливались у сиротъ—мальчика съ нѣсколькими дѣвочками, которымъ отдали выполненіе этой повинности ради хлѣба и милостыни. Въ избѣ, въ которой мы на сей разъ ночевали, помѣщалось крестьянское семейство изъ бывшихъ крѣпостныхъ. Изба была чорная, закопчонная, грязная; кругомъ вповалку валялись дѣти; хозяйка жаловалась на болѣзнь мужа. Отецъ былъ сухощавый, съ больнымъ и удручоннымъ видомъ, мужичокъ лѣтъ подъ 40; онъ постоянно кашлялъ и хилѣлъ отъ чахотки въ послѣднемъ развитіи. Какъ мы узнали, это—былъ „обломокъ крѣпостного права", вынесшій всю тяготу его. Жизнь оканчивалась уже на волѣ. „Вотъ жалко! работать не могу, силы нѣтъ... а тутъ семейство"... Но это старая повѣсть. Въ этой-же избѣ ночевалъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, другой „обломокъ крѣпостного права" съ противоположнаго полюса. Это былъ барченокъ изъ богатой помѣщичьей семьи, замотавшійся недоросль, ссылаемый теперь въ отдаленную губернію за буйство, подъ надзоръ полиціи. Напившись водки, барченокъ пѣлъ фривольные французскіе куплеты и выдѣлывалъ самыя циническія выходки. Цѣлую ночь онъ не давалъ никому спать. Шедшіе съ нимъ арестанты сообщили о немъ нѣсколько подробностей. Изъ очень-богатаго дома въ О... губерніи, онъ получилъ домашнее свѣтское воспитаніе съ французскимъ языкомъ и манерами, но безъ всякаго человѣческаго развитія. Избалованный дворней и барствомъ, мальчишка поступилъ недорослемъ въ юнкера и, получая груду денегъ отъ родныхъ, повелъ разнузданную жизнь. Милыя увлеченія начались разбитіемъ трактировъ и закончились дуэлью, за что молодой человѣкъ и былъ выгнанъ изъ службы. Очутившись безъ дѣла, барченокъ началъ таскаться по столицамъ, ѣздилъ осматривать погребки за границу, отплясывалъ канканъ на шпицбалахъ и надѣлалъ кучу долговъ съ балетной танцовщицей. Это стоило

рыхлой и нервной матушкѣ нѣсколькихъ истерикъ. Долги были уплочены, а сынку положили проживать въ годъ *тысячи дві*, что-ли, чтобы жилъ *скромно*. Дитя проводило все время съ страшными скандалами въ отместку родителямъ, такъ-что родительница падала въ обморокъ при одномъ извѣстіи о немъ; его называли въ семьѣ „enfant terrible“. Деньги однако всетаки высылались. Мальчишка сталъ себя считать героемъ. Посреди постоянныхъ безобразій накопилась цѣлая куча уголовныхъ дѣлъ, отъ которыхъ надо было отплачиваться. И вотъ это дитя 19-ти лѣтъ, благодаря своеволію и деньгамъ, истаскалось, изразвратничалось и имѣло на своей шеѣ 18 уголовныхъ дѣлъ. Барченокъ уже этимъ хвастался и говорилъ, что онъ посвятилъ свое время на то, чтобъ пытать терпѣніе правосудія. Онъ разсчитывалъ постоянно на деньги. Запутавшись, онъ попалъ, наконецъ, въ тюрьму, избилъ тамъ смотрителя и теперь былъ высланъ подъ надзоръ въ глухую губернію. Это былъ настоящій сынъ крѣпостнической среды, плодъ безсодержательнаго воспитанія, барскаго баловства, безпутнаго мотовства и праздности.

Сосланный барчукъ не унимался и въ дорогѣ; скандалъ всякаго рода доставлялъ ему истинное удовольствіе; причиненіе безпокойства и непріятностей другимъ было его наслажденіемъ. Поэтому на дорогѣ, посреди этаповъ и солдатъ, въ бѣдныхъ крестьянскихъ семьяхъ, въ тюрьмахъ между арестантами, какъ разсказывали его спутники, онъ совершалъ тѣ-же скандалы и былъ истинной язвой всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала его судьба. Капризный и тщеславный, онъ то кидалъ деньгами, развращалъ и соблазнялъ бѣдныхъ людей, то хвастался дворянствомъ и лѣзъ въ морду. Напившись водки и побитый въ дракѣ солдатомъ, онъ въ этотъ-же вечеръ валялся въ избѣ и горько плакалъ, „что сволочь не понимаетъ его положенія, что это можетъ чувствовать только дворянская кровь“. На утро онъ вымаливалъ шкаликъ водки опохмѣлиться, а къ вечеру опять напи-

вался. Наконецъ онъ опротивѣлъ и арестантамъ, и самимъ конвойнымъ, которыхъ онъ соблазнялъ деньгами, а потомъ подводилъ подъ отвѣтственность и выдавалъ начальству съ какимъ-то злорадствомъ. Въ этомъ случаѣ у него не было даже той честности, которая водится у простыхъ арестантовъ. Получая постоянно деньги изъ наслѣдства, онъ будетъ долго продолжать свои безобразія и надѣлаетъ много еще бѣдъ. Подумаешь, сколько тутъ было изведено тысячъ на это балованное дитя, сколько крѣпостного труда и пота унесено, сколько денегъ и теперь достается въ руки его!.. И этотъ субъектъ ничего не могъ нанести людямъ, какъ только бездну горя, несчастій и оскорбленій!...

Мы оканчивали путь. Теперь тянутся бѣднѣйшія сѣверныя губерніи. Купить хлѣба у крестьянъ почти было невозможно и приходилось спрашивать у сельскихъ поповъ. Близко, близко, кажется, до цѣли, но здѣсь нѣсколько сотъ верстъ приходится идти дни, недѣли. До города обыкновенно доѣхать на почтовыхъ трое сутокъ; по этапу приходится пройти мѣсяцъ съ недѣлей. Черезъ каждые два дня сиди въ деревнѣ цѣлыя сутки. Утомительно, тоскливо, однообразно! И люди идутъ такъ мѣсяцы, а въ Сибирь достигали прежде даже черезъ годъ. Каково было терпѣнье солдата, прошедшаго такимъ путемъ недавно въ Астрахань по ошибкѣ, а потомъ пересланнаго въ Архангельскъ!

Въ это время арестантъ въ полномъ распоряженіи конвоя. И сколько на побочныхъ трактахъ натерпится арестантъ! Сколько тутъ патріархальной распущенности, небрежности и пренебреженій къ закону! Какимъ образомъ, напримѣръ, проходитъ съ нами пересылаемый за безпаспортность къ обществу гражданинъ въ кандалахъ? Идти 3—4 мѣсяца въ оковахъ... это что-нибудь да значитъ, и гдѣ это написано?... а молодой парень бѣжит

да побрякиваетъ. На глухихъ трактахъ у насъ случается, что заковываютъ въ одни кандалы двоихъ за недостаткомъ кандаловъ. Бывали еще недавно этапы, гдѣ-то въ западномъ краѣ, въ захолустьи,—этапы, гдѣ, чтобы не убѣжали арестанты, на ночь клали на ноги бревно съ прорѣзанными отверстіями, изъ которыхъ нельзя выдернуть ноги. Мало-ли что, однако, бывало!... бывали при полиціяхъ „кляпы“ и мало-ли чего! Сколько кромѣ того произвола и мелкихъ оскорбленій вытерпливалъ беззащитный арестантъ на глухой дорогѣ! За что этого хватили въ шею? за что этого треснули въ морду?... за этимъ русскій человѣкъ уже не гонится. А этотъ произволъ какъ развращаетъ самихъ людей, которые имъ пользуются! Я не забуду одного изъ послѣднихъ эпизодовъ моего странствія, когда я чуть-было не прогулялся въ желѣзахъ. Отправлялъ партію въ одномъ городѣ красивый и элегантный молодой человѣкъ съ большими усами и съ прекрасными пріемами,—какъ видно, свѣтскій левъ губернскихъ гостиныхъ. Онъ осмотрѣлъ партію и приказалъ вытряхнуть изъ мѣшковъ имущество. Бѣлье было положено передъ нимъ на полъ. Онъ сталъ на него небрежно каблуками, мѣрно покачиваясь, и началъ что-то разспрашивать, потаптывая съ пренебреженіемъ арестантскую нищету.—„А васъ надо заковать!“—обратился онъ ко мнѣ и къ другимъ молодымъ людямъ, которыхъ онъ никакъ не могъ заковывать. Ему робко объяснили, что мы мирные люди, — идемъ къ своему обществу и шли безъ оковъ вотъ-уже нѣсколько сотъ верстъ по распоряженію начальства. О статьяхъ закона, вслѣдствіе ранѣе видѣнныхъ уроковъ, мы боялись говорить (сказано: „безъ статей“). — „Ну а я закую: такъ слѣдуетъ!“ сказалъ джентльменъ, видимо наслаждаясь нашимъ смущеніемъ. Конечно, легкіе наручни только неудобны и нестрашны, но это было беззаконіе, и мы знали, что за этимъ пойдутъ уже толчки, оплеухи и сотни униженій. Сердце невольно сжималось,

лица блѣднѣли, а маленькій властитель нашей судьбы тихо нѣжился и услаждался на подножіи изъ арестантскаго отрепья. Однако онъ только немного понѣжился властью и всетаки заковать не рѣшился. Это услажденіе властью, изъ котораго вытекаетъ часто произволъ, это чувство маленькихъ Фіеско, мечтающихъ о своемъ могуществѣ, много мѣшаютъ нашей жизни. Кичиться властью, баловаться ею и превышать ее—вѣдь это черта нашихъ старыхъ нравовъ. Этотъ произволъ, концентрируемый на арестантѣ, широко однако разливался и въ другихъ сферахъ жизни. Вспомнимъ, сколько въ газетахъ мы встрѣчали случаевъ о расторопныхъ полицмейстерахъ со старыми привычками держать кулакъ наготовѣ,—сколько еще есть Сквозниковъ-Дмухановскихъ, которые дерутъ не однѣхъ унтер-офицерскихъ жопъ, но задаютъ баню и купцамъ, чтобы только доказать свою власть, — сколько встрѣчается становыхъ, квартальныхъ и будочниковъ, обольщонныхъ властью, желающихъ быть всевластными царьками, и проявляющихъ свой произволъ надъ бѣднымъ, безграмотнымъ и незнающимъ закона народомъ. „У насъ гордость властью начинается уже съ того, — говорилъ мнѣ старый учитель,—когда разсыльный мужичокъ, приглашонный въ ратушу, беретъ въ правую руку рукавичку (это было тонко старикомъ подмѣчено), и съ разсыльною сумочкою чрезъ плечо уже не сторонится прохожимъ“. Это понятіе о власти идетъ далѣе и широко разливается во всѣхъ слояхъ: оно отражалось и въ матери-командиршѣ, держащей на послугахъ роту супруга, и въ уѣздной почтмейстершѣ, читающей своимъ знакомымъ письма, проходящія черезъ руки ея мужа по службѣ.

Въ моихъ замѣткахъ я не жалуюсь ни на что, не обличаю ничего. Дѣло тутъ не въ обличеніи, не въ частностяхъ, не въ исключеніяхъ. Это—нравы сложившейся вѣками жизни, плодъ историческаго порядка вещей, вышедшаго изъ цѣлаго склада прежнихъ учрежденій и по-

нятій, отъ которыхъ мы не можемъ еще оторваться. Измѣняясь вверху и снаружи, они остаются въ глубинѣ, въ корнѣ нашей жизни нетронутыми. Я видѣлъ эти грубые нравы, какъ они обрушиваются въ самыхъ-низшихъ сферахъ жизни надъ безправными людьми. Они, продолжая существовать подъ всей внутренней подкладкой нашей жизни, губятъ иногда многіе лучшіе зачатки нашихъ реформъ, дѣлая изъ нихъ одну внѣшность. Объ этомъ стоитъ задуматься.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ХАРАКТЕРОВЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ ВЪ НОВОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ.

Съ преобразованіемъ тюремъ и введеніемъ новыхъ началъ исправительнаго наказанія судьба преступниковъ, ихъ жизнь и характеры, безъ-сомнѣнія, будутъ обращать на себя уже гораздо болѣе вниманія,—изслѣдованія жизни преступниковъ, анализъ ихъ нравственной природы будутъ принадлежать не однимъ частнымъ изслѣдователямъ и писателямъ. Если литература до сихъ поръ доказала, какъ необходимо такое изученіе преступниковъ и какія заботы должны быть употреблены приэтомъ, то одна изъ благородныхъ миссій ея окончена и остальное предоставляется разрѣшить исправительной практикѣ.

Европейская исправительная система давно уже обратилась къ болѣе тщательному изученію преступника и ея заботы охватываютъ широкую область всѣхъ преступленій.

Исправительный элементъ входитъ въ Европѣ не только въ наказанія второстепенныя, не только по преступленіямъ, гдѣ личность показываетъ неокончательное паденіе и подаетъ еще надежды явиться снова годною и безвредною для общества, но распространяется на всѣ уголовныя наказанія и охватываетъ массу преступниковъ самыхъ-безнадежныхъ, по прежнимъ понятіямъ,—самыхъ серьезныхъ. Наблюденія и опыты уже доказали, что самые-жестокіе, самые-испорченные преступники могутъ

преобразовываться и улучшаться по мѣрѣ доставленія имъ болѣе нормальныхъ условій жизни, по мѣрѣ воспитанія въ нихъ лучшихъ привычекъ, по мѣрѣ умственнаго и нравственнаго ихъ развитія. Главною цѣлью пенитенціарной науки и всѣхъ системъ исправленія является изысканіе тѣхъ средствъ, которыя могли-бы лучше вліять на перевоспитаніе преступника и исправить въ немъ тѣ недостатки, пороки и наклонности, которые были привиты къ нему дурной обстановкой.

Притомъ въ основу всякой системы исправленія само собою должно лечь основательное изученіе личности, чтобы лучше узнать тѣ недостатки характера, которыми она страдаетъ, и тѣ хорошія свойства ея природы, которыя при развитіи и воспитаніи человѣка должны составить противовѣсъ его порочнымъ наклонностямъ и дурнымъ инстинктамъ. Изслѣдованіе характеровъ заключонныхъ поэтому должно играть главную роль во всякой исправительной системѣ; безъ этого невозможно никакое исправленіе, никакое нравственное вліяніе. Тюрьма въ этомъ случаѣ представляетъ то преимущество предъ частными изслѣдованіями, что въ ней можетъ быть сосредоточено гораздо болѣе свѣденій, при содѣйствіи правительства и общества, о личности преступника и свойствахъ его преступленія.

Пенитенціарная наука пока еще не обладаетъ опредѣленными, твердо-установившимися правилами относительно перевоспитанія преступниковъ, и тюремная практика еще не выработала никакихъ пріемовъ для ознакомленія съ личностью и распознаванія ея нравственнаго характера. До сихъ поръ не выработано ни опредѣленныхъ основаній для размѣщенія преступниковъ въ тюрьмѣ по уровню ихъ нравственности, ни правильной теоретической систематизаціи преступленій по ихъ родамъ.

Вопросъ о классификаціи преступниковъ въ тюрьмахъ по уровню нравственности до сего времени остается спорнымъ въ теоріи и на практикѣ; тѣ-же недоразумѣнія, какъ и вездѣ, возникли и у насъ по поводу 3-го

параграфа объяснительной записки къ офиціальному проекту тюремной реформы, указывающему отдѣлять людей испорченныхъ и закоснѣлыхъ въ преступленіяхъ отъ менѣе испорченныхъ сотоварищей. Какая мѣрка, какой критерій долженъ быть въ этомъ случаѣ примѣненъ къ человѣческой испорченности?—вотъ вопросъ, который возникъ въ этомъ отношеніи... И пришлось обратиться къ тѣмъ комбинаціямъ, которыя давно уже обсуждались и примѣнялись въ западной тюремной практикѣ и теоріи.

Распредѣлять преступниковъ по категоріямъ преступленій,—воровъ къ ворамъ, убійцъ къ убійцамъ и проч., было давно принято эмпириками и грубою практикою; но это оказалось неудобнымъ и даже вреднымъ. Родъ преступленія, положимъ, и одинъ, но причины преступленія и нравственное настроеніе преступниковъ могутъ быть до безконечности различны. Убійца, защищавшій честь своей жены или свою, безконечно разнится отъ убійцы изъ-за денегъ, для грабежа, для удовлетворенія дурныхъ наклонностей: различіе тутъ видно уже съ перваго взгляда. „Оно, конечно, убивство, да вѣдь надо его сообразить, убивство-то!“ говоритъ одинъ изъ подсудимыхъ мужичковъ при посѣщеніи острога въ разсказѣ Щедрина. — Второй недостатокъ этой системы: при такомъ размѣщеніи люди одной профессіи, легче сближаясь, составляли воровскую ассоціацію и укрѣплялись въ своемъ призваніи.

Другая комбинація, которой можно-бы держаться въ тюрьмахъ, именно — раздѣленіе арестантовъ по срокамъ заключенія, — точно-также неосновательна: самый - испорченный человѣкъ можетъ попасть за ничтожный проступокъ, а человѣкъ болѣе нравственный, вынужденный обстоятельствами, совершитъ серьезное преступленіе; но уровень ихъ нравственности будетъ разный.

Какъ ни смѣшивай преступниковъ, всетаки окажутся люди испорченные среди менѣе испорченныхъ и въ состояніи будутъ неблагопріятно дѣйствовать на послѣднихъ.

Какихъ соображеній въ этомъ отношеніи ни строили теоретики, они не пришли къ точнымъ, исключающимъ ограниченія, оговорки и сомнѣнія, заключеніямъ.

Нѣкоторые западные пенитенціаристы (какъ напр. Кроуфертъ) порѣшили наконецъ, что классификація по нравственности невозможна, и склонились или къ целейному разъединенію арестантовъ, или къ системѣ абсолютнаго *мюэтизма*, т. е. къ запрещенію преступникамъ говорить и сноситься между собою. Но такъ-какъ въ общихъ мастерскихъ всетаки нужно, и при системѣ молчанія, устроить какое-либо распредѣленіе по нравственности, такъ-какъ дурной примѣръ и здѣсь можетъ обнаружиться, то вопросъ такъ и остался открытымъ.

По вопросу о классификаціи мы не можемъ не замѣтить, что онъ оставался неопредѣленнымъ не потому, чтобы не могло быть никакой мѣрки для различенія нравственнаго уровня въ преступникахъ, а потому, что признаки для опредѣленія нравственности были недостаточны и слишкомъ поверхностны,—что насчотъ преступниковъ не находилось въ прежнихъ тюрьмахъ никакихъ свѣдѣній и не предпринималось никакого ознакомленія съ ними. Въ тюрьмы обыкновенно не присылалось никакихъ документовъ насчотъ преступника, кромѣ указанія его преступленія и срока заключенія, а во многихъ мѣстахъ такъ и совсѣмъ ничего не означалось *): при старомъ судопроизводствѣ въ Россіи сообщеніе подробныхъ свѣденій было и невыполнимо. Междутѣмъ со введеніемъ исправительной системын епремѣнно должны быть доставляемы возможно-подробныя свѣдѣнія о преступникѣ.

---

*) Никитинъ сообщаетъ наприм., что въ с.-петербургской срочной тюрьмѣ размѣщать заключонныхъ по категоріямъ преступленій не представляется никакой возможности, вслѣдствіе того, что многіе судьи совсѣмъ не означаютъ въ посылаемыхъ въ тюрьму бумагахъ виновности арестанта, а одинъ изъ нихъ, заключивъ до 500 человѣкъ, ни въ одной бумагѣ не объяснилъ, за что ихъ содержать. «Жизнь заключонныхъ», Никитина, стр. 225.

Въ этомъ случаѣ основнымъ и важнымъ подспорьемъ могли-бы служить уже уголовные процессы каждаго преступника: при помощи этихъ процессовъ могутъ быть лучше всего изучены обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, его побужденія и, наконецъ, поведеніе преступника во время суда. Въ этомъ случаѣ рѣчи адвокатовъ, выясняющія жизнь и мотивъ преступленія, могутъ оказать важную услугу въ отношеніи всей послѣдующей судьбы преступника, тогда-какъ теперь онѣ приносятъ иногда лишь ничтожную пользу, потому-что усилія адвоката защитить личность часто далеко не выкупаются приговоромъ, имѣющимъ въ виду не одну нравственную оцѣнку личности, но и много другихъ побочныхъ соображеній (напр. буквальный смыслъ закона, примѣрность наказанія для другихъ и т. п). Въ настоящее время всѣ рѣчи защиты послѣ процесса совершенно теряются, тогда-какъ онѣ могли-бы еще долго быть полезными: какъ-бы ни была пристрастна обрисовка преступника адвокатомъ, она можетъ быть повѣрена всегда фактами самаго процесса; кромѣ того слова защиты останутся всетаки указаніемъ на лучшія стороны въ характерѣ преступника, а такія свѣдѣнія могутъ послужить наилучшимъ руководствомъ для лицъ, завѣдующихъ исправленіемъ. Самый важный въ этомъ случаѣ пунктъ—мотивъ преступленія: онъ всегда ясно указываетъ ту долю соблазна, ту страсть, которая овладѣла личностью и повела къ свершенію преступленія; онъ можетъ опредѣлить и то направленіе, въ которомъ должно дѣйствовать исправленіе.

Опредѣленіе характера можетъ быть также сдѣлано отчасти и по внѣшнимъ признакамъ самаго преступленія; для опредѣленія опасности характера преступника могутъ быть приняты болѣе или менѣе отягчающія или облегчающія вину обстоятельства въ юридическомъ смыслѣ. Такіе признаки указываетъ, напримѣръ, Бэнтамъ: „характеръ человѣка кажется болѣе или менѣе опаснымъ,—говоритъ онъ,—смотря по тому, больше или менѣе

не имѣютъ на него вліянія предохраняющіе мотивы въ сравненіи съ силою мотивовъ соблазняющихъ". Поэтому къ признакамъ опасныхъ характеровъ, которые могутъ служить отягченіемъ (aggravation) вины, то-есть выражать степень испорченности, онъ относитъ—„*притѣсненіе слабаго*", такъ-какъ это показываетъ, что человѣкъ лишонъ былъ чувства состраданія, и доказываетъ отсутствіе въ немъ мотива чести;—„*отягченіе бѣдственнаго положенія*" другого лица, т. е. увеличеніе несчастія личности больной, несчастной и бѣдной; — „*пренебреженіе къ авторитету*, къ которому естественно человѣкъ долженъ былъ питать уваженіе", „*жестокость* безъ всякой надобности", — „*обдуманность*, то-есть совершеніе преступленія подъ вліяніемъ моментально вспыхнувшей страсти или послѣ долгаго обсужденія"; *заговоръ* нѣсколькихъ лицъ и, наконецъ, *обманъ* и *нарушеніе* довѣрія. Послѣдній признакъ Бэнтамъ относитъ къ глубокой испорченности натуры *). Нельзя не замѣтить, что кромѣ того должна быть принята во вниманіе сила обстоятельствъ, вызывающихъ на преступленіе, а также и степень умственнаго развитія личности. Къ числу обстоятельствъ, смягчающихъ и дающихъ болѣе благопріятныя указанія на характеръ, Бэнтамъ относитъ 1) отсутствіе злого намѣренія; 2) самоохраненіе; 3) предварительный вызовъ; 4) сохраненіе дорогихъ связей; 5) переходъ чрезъ границы необходимой защиты; 6) подчиненіе угрозамъ; 7) подчиненіе авторитету; 8) опьяненіе; 9) дѣтскій возрастъ. Всѣ эти внѣшніе признаки могутъ служить до извѣстной степени характеристикой личности.

Подобныя-же общія указанія мы можемъ найти при разборѣ самаго рода преступленія. Разграничивая, напримѣръ, преступленія противъ собственности отъ преступленій противъ личности, мы увидимъ, что разница ихъ обусловливается разностью и въ чертахъ личнаго

*) Бэнтамъ, Основ. Нравств. и Законод. ч. 1, гл. XIII Характеръ преступниковъ.

характера; такъ личность способная на кражу совершенно отличается по складу своего характера и наклонностямъ отъ человѣка готоваго на явное насиліе. Каждое изъ подраздѣленій этихъ преступленій также указываетъ на особенность личности; эти частные роды преступленій, носящіе имена кражи, плутовства, убійства и проч. могутъ раздѣляться на особыя категоріи, указывающія еще новыя особенности въ направленіи характера: кража напримѣръ можетъ быть простая, кража, сопряженная съ хитро-задуманнымъ планомъ, кража, сопряженная съ извѣстной смѣлостью и разрушеніемъ преградъ, кража случайная и кража по профессіи, мошенничество, мазурничество, поддѣлка документовъ: всѣ эти развѣтвленія характеризуютъ такія страсти и такія частныя наклонности, которыя ясно указываютъ уже на степень и родъ нравственной испорченности. Подобныя частныя характеристики различныхъ родовъ преступленія могутъ быть кромѣ того дополнены свѣдѣніями объ экономическомъ благосостояніи, общественномъ положеніи различныхъ лицъ, совершающихъ преступленія, и степени ихъ образованности и т. п.

Вообще схемы и характеристики извѣстныхъ преступленій, собранныя на основаніи уголовной статистики, этнографическихъ изслѣдованій о жизни „преступныхъ и опасныхъ классовъ“, наконецъ наблюденія, накопленныя въ самыхъ тюрьмахъ, должны быть приняты тюремнымъ начальствомъ во вниманіе при характеристикѣ преступниковъ. На основаніи всего этого можетъ быть создана положительная систематизація родовъ преступленій, характеризующая нравственность и могущая служить подспорьемъ при изслѣдованіи преступника *).

*) Многія этнографическія изслѣдованія о жизни преступныхъ классовъ уже и теперь предпринимаются за границей; такъ извѣстны труды Фрегье Les classes dangereuses, Paris 1840, Моро-Кристофа Le monde des Coquins. Нѣкоторые писатели Англіи говорятъ уже о естественной исторіи преступныхъ классовъ (Plint: Crime in England, p. 144).

Совокупность всѣхъ признаковъ, извлеченныхъ изъ уголовныхъ процессовъ, какъ и изъ характеристики каждаго рода преступленій, примѣняемая къ даннымъ личностямъ по сходству признаковъ можетъ служить уже первоначальнымъ діагностическимъ опредѣленіемъ степени преступности. Это ознакомленіе укажетъ намъ довольно точно, гдѣ мы должны искать испорченности личности и на что направить преимущественно исправленіе; тѣ-же признаки будутъ указаніемъ и при классификаціи преступниковъ въ тюрьмѣ. Что касается этой классификаціи, т. е. размѣщенія людей въ тюрьмѣ, то она должна имѣть одну цѣль—предупрежденіе порчи преступниковъ и устраненіе дурного примѣра, который могутъ подать наиболѣе испорченные, ожесточонные и буйные при примѣненіи тюремныхъ правилъ. Въ этомъ случаѣ первое различіе должно быть сдѣлано по характеру личностей: люди буйные, страстные, раздражительные, оказывающіе сопротивленіе должны быть, конечно, строго отдѣляемы отъ остальныхъ во избѣжаніе соблазна. Относительно нравственности и психическаго состоянія могутъ быть также сдѣланы особыя подраздѣленія.

Въ этомъ случаѣ французскій академикъ Феррю предлагаетъ слѣдующую классификацію:

1) люди вполнѣ разумные и развитые, но крайне развращонные (des pervers intelligents), у которыхъ дурныя дѣйствія были обдуманы и предусмотрѣны.

2) люди и порочные, но ограниченные (des vicieux bornés), которые дѣлали зло по неразборчивости и по индиферентизму къ добру.

3) Люди глупые и неразвитые (desneptes), которые сами не знали, чему они подвергаются.

Психическое состояніе этихъ родовъ преступниковъ, безъ сомнѣнія, должно быть принято къ свѣдѣнію при классификаціи по палатамъ, но только въ такомъ случаѣ, если эти лица заявили свою испорченность уже въ тюрьмѣ и чѣмъ-нибудь нарушали дисциплину; но

роду преступленія и нравственному состоянію преступниковъ едвали необходимо примѣненіе излишнихъ строгостей, если преступники подчиняются общему правилу тюрьмы *). Феррю предлагаетъ къ каждому роду прилагать особую дисциплину.

Относительно проведенія дисциплины лучше всего поступаетъ ирландская система: она пропускаетъ преступника сквозь всѣ ряды дисциплины и, примѣровляясь къ его поведенію, оставляетъ въ тѣхъ условіяхъ, какія необходимы для выработки характера и предупрежденія безпорядковъ. Ирландская система, какъ извѣстно, первые 8—9 мѣсяцевъ оставляетъ вошедшаго въ тюрьму въ отдѣльномъ помѣщеніи. Это время употребляется на ознакомленіе съ личностью, на ея обученіе и на предварительное дисциплинированіе. При тѣхъ разумныхъ средствахъ и способахъ сношеній, какія здѣсь примѣняются, это уединеніе, конечно, ничего не имѣетъ вреднаго.

Нельзя не замѣтить однако, что классификаціямъ по уровню нравственности до сихъ поръ въ дѣлѣ исправленія придавалось слишкомъ преувеличенное значеніе, котораго онѣ въ сущности не имѣютъ. Въ первое время тюремной реформы считали единственною причиною деморализаціи общее содержаніе и заразу (contagion) преступниковъ другъ отъ друга; теорія изъ этого по противоположенію вывела, что для предупрежденія этой деморализаціи необходимо если не совершенное разъединеніе, то строгое распредѣленіе по категоріямъ; но сваливать всю вину, всѣ безчисленные недостатки прежнихъ тюремъ только на одно общее заключеніе было крайне одностороннe: причины деморализаціи преступниковъ въ преж-

*) Объ общепринятомъ въ европейскихъ тюрьмахъ отдѣленіи извѣстныхъ категорій преступниковъ мы уже не говоримъ. Извѣстно, что необходимо отдѣленіе подслѣдственныхъ отъ подсудимыхъ, политическихъ отъ уголовныхъ, особое отдѣленіе для женщинъ [illegible] ѣтей,

нихъ тюрьмахъ были очень сложныя: здѣсь играли роль праздность, нищета арестантовъ, ихъ лишенія, также какъ и крайне дурное обращеніе съ ними и отсутствіе надзора.

Въ новыхъ исправительныхъ тюрьмахъ эти недостатки, служившіе прежде только къ развращенію заключонныхъ, сами собой предупреждаются уже введеніемъ труда и ежедневною работою, недающею времени для частыхъ разговоровъ, наконецъ постояннымъ надзоромъ и разобщеніемъ преступниковъ на ночь. Занятые цѣлый день работою, школьными занятіями и т. п., они имѣютъ меньше шансовъ къ дружественнымъ бесѣдамъ, и такимъ образомъ опасность близкихъ сношеній во многомъ предупреждается; покрайней-мѣрѣ въ ирландской системѣ, гдѣ примѣнены всѣ исправительные эксперименты, всѣ добрыя вліянія и тщательный надзоръ, — преступники содержатся по классамъ безъ строгихъ классификацій, а междутѣмъ не приходится слышать жалобъ на то, чтобы преступники заражали другъ друга.

Во всякомъ случаѣ, какъ мы сказали, раздѣленіе по уровню нравственности достижимо даже по внѣшнимъ признакамъ преступленій, когда о нихъ существуютъ въ тюрьмѣ подробныя данныя. Собраніе подобныхъ данныхъ о нравственности преступника, сверхъ указанныхъ выше источниковъ, можетъ быть дополнено и другими свѣдѣніями, почерпаемыми начальниками тюремъ отъ ихъ родственниковъ, знакомыхъ, начальниковъ и т. п. Но ознакомленіе по уголовнымъ процессамъ съ преступниками, даже помимо цѣлей классификаціи ихъ въ тюрьмѣ, должно составить важную задачу: оно должно послужить основаніемъ всѣхъ сношеній и вліяній на преступника въ тюрьмѣ, пока не будетъ изслѣдованъ его характеръ и его наклонности во время близкаго личнаго знакомства.

Ознакомленіе съ характеромъ преступника въ тюрьмѣ совершается, конечно, нелегко: сразу нельзя узнать лич-

ности, входящей въ тюрьму; точно также трудно получить о ней понятіе и изъ офиціальныхъ ея разспросовъ; личность въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ наказанія является улиткою; поэтому это ознакомленіе должно быть совершаемо долгимъ опытомъ и наблюденіемъ во все время заключенія. Необходимы разспросы о наклонностяхъ человѣка къ извѣстнымъ занятіямъ, его призваніи, степени образованія и т. п.; все это можетъ быть принято къ свѣдѣнію для приноровленія преступника къ работамъ въ тюрьмѣ, къ обученію его и для опредѣленія ему здѣсь мѣста и рода занятій.

Точно-также чрезвычайно полезно изслѣдованіе личности преступника и въ санитарномъ и физическомъ отношеніяхъ, на что обыкновенно мало обращается вниманія въ тюрьмахъ. Такое медицинское изслѣдованіе каждаго входящаго въ тюрьму необходимо для опредѣленія его физическаго строенія въ виду приноровленія къ тѣмъ или другимъ работамъ, въ виду изслѣдованія его тѣлесныхъ или нравственныхъ болѣзней, которыми можетъ обусловливаться характеръ личности, ея душевныя расположенія и страсти, наконецъ изслѣдованіе физіологическое, которымъ опредѣляется темпераментъ человѣка.

Введеніе подобныхъ вѣдомостей и регистровъ необходимо и для того, чтобы постепенно слѣдить, какое вліяніе имѣетъ на здоровье субъекта тюремное заключеніе. Дальнѣйшее ознакомленіе съ личностью преступника и съ ея характеромъ во время заключенія должно идти уже наряду съ самымъ исправленіемъ. Въ этомъ случаѣ мы устраняемъ слишкомъ отвлеченный и теоретическій вопросъ, который служилъ предметомъ спора европейскихъ пенитенціаристовъ,—какое заключеніе способствуетъ болѣе изученію характера,—одиночное или общее. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изъ нихъ преступникъ можетъ обнаружить и извѣстную скрытность характера, и откровенно

смотря по пріемамъ обхожденія съ нимъ и умѣнью его изслѣдовать.

Признаками для сужденія о нравственномъ характерѣ заключонныхъ при исправительной системѣ служитъ общее поведеніе ихъ въ тюрьмѣ. Для этого во французскихъ тюрьмахъ ведутся такъ-называемые „бюллетени нравственной статистики" (bulletin de statistique morale); въ другихъ европейскихъ тюрьмахъ и пенитенціаріяхъ мнѣнія о поведеніи преступника составляются по тому терпѣнію, съ какимъ онъ выноситъ наказаніе, по его повиновенію и послушанію или на основаніи штрафовъ, которымъ онъ подвергается. Впрочемъ такая мѣрка, въ особенности при одиночной системѣ, слишкомъ пристрастна, такъ-какъ при неестественныхъ мукахъ одиночнаго заключенія всякій характеръ, всякій человѣкъ, независимо отъ его нравственности, можетъ быть доведенъ до раздраженія, озлобленія и т. п. Одинъ изъ лучшихъ способовъ сужденія о поведеніи представляетъ ирландская система, гдѣ оно измѣряется числомъ балловъ, которыми опредѣляется: 1) общее поведеніе въ тюрьмѣ, 2) прилежаніе въ школѣ и 3) прилежаніе въ работѣ. Такіе баллы дают преступнику право на нѣкоторыя отличія, какъ и на постоянныя облегченія, сопряжонныя съ переходомъ изъ класса въ классъ, тѣмъ обусловливается самый срокъ наказанія. Кромѣтого въ ирландскихъ тюрьмахъ ведутся особые списки выговорамъ и общій списокъ о характерѣ,—„General Character book". Въ эту книгу записывается преступленіе, на основаніи котораго послѣдовало осужденіе,—наказаніе, всѣ свѣдѣнія о прежней жизни преступника, сообщонныя изъ другихъ тюремъ о его характерѣ, исправительныя наказанія, которымъ онъ подвергался,—число выданныхъ ему марокъ (опредѣляющихъ поведеніе и прилежаніе къ занятіямъ) и другія особыя замѣчанія *). Такія свѣдѣнія даютъ

*) Ирландская тюремная система, Гольцендорфа, стр. 57.

средства въ ирландскихъ тюрьмахъ къ довольно-полному ознакомленію съ характеромъ исправляемой личности и сужденію объ ея исправимости. Затѣмъ изученіе характера преступника продолжается постоянно во все время пребыванія его въ тюрьмѣ.

Выходя изъ опытныхъ изслѣдованій и научныхъ обобщеній, что большинство преступленій совершается по неумѣнью или невозможности заработать честно кусокъ хлѣба, вслѣдствіе праздности, невѣжества, дурныхъ привычекъ и деморализаціи, система исправленія поставила своею цѣлью введеніе обязательнаго труда въ тюрьмахъ, обученіе ремесламъ, обученіе грамотѣ, умственное развитіе арестанта, предоставленіе ему нѣкотораго образованія и привитіе лучшихъ привычекъ. Трудъ, обученіе и извѣстный порядокъ жизни въ тюрьмѣ признаны обязательными для всѣхъ арестантовъ уже потому, что этимъ обусловливается нравственность и спокойствіе тюрьмы; они въ этомъ случаѣ являются не столько наказаніемъ, сколько естественною потребностью нормальной человѣческой жизни и естественныхъ ея отправленій. Эти общія исправительныя и педагогическія мѣры полезны каждому преступнику: каждый изъ нихъ можетъ пріобрѣсти здѣсь способность къ какому-нибудь ремеслу, выучиться грамотѣ, пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя для жизни, воспитать лучшія привычки и пополнить недостатокъ развитія.

Это воспитаніе, носящее общій характеръ для всѣхъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть приноровлено и къ потребностямъ каждаго въ отдѣльности. Для примѣненія труда въ тюрьмѣ въ этомъ случаѣ необходимо руководствоваться индивидуальными отличіями, особенностями характера, какъ и потребностями личности въ жизни. Здѣсь должны приниматься въ соображеніе, къ какому труду личность болѣе способна, гдѣ она можетъ выказать болѣе таланта, какой трудъ соотвѣтствуетъ ея призванію; наконецъ всегда долженъ быть предпочтенъ

тотъ трудъ, который всего-болѣе соотвѣтствуетъ общественному положенію лица по выходѣ его на свободу, т. е. который дастъ ему всего-болѣе обезпеченія. Въ лучшихъ тюрьмахъ съ этою цѣлью введено возможно-большее разнообразіе работъ и обученіе имъ. Даже въ одиночныхъ тюрьмахъ предлагается въ этомъ случаѣ замѣчательное разнообразіе выбора. Деметцъ считаетъ до 78 ремеслъ, доступныхъ въ уединеніи, Беранже 90. Въ такихъ тюрьмахъ, какъ Моабитъ, существуетъ обученіе множеству ремеслъ: здѣсь есть ткачи, столяры, сапожники, портные, токари, рѣзчики на деревѣ, часовщики и т. п.; для надзора за работами существуютъ особые инспектора и мастера, обучающіе ремесламъ. Въ Англіи для обученія арестантовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Портлэндѣ и Дартмурѣ были основаны особые рабочіе классы (special service-classes). Въ ирландской системѣ пріученіе къ труду также составляетъ основу воспитанія. Въ одной изъ лучшихъ тюремъ въ Валенсіи, какъ сообщаетъ Ганкинксъ, при входѣ арестанта предлагаютъ ему вопросъ, какому ремеслу онъ желаетъ выучиться, и предоставляется на выборъ до 40 ремеслъ; въ этой тюрьмѣ существуетъ даже печатная машина („Spain as it is").

Вообще всѣ европейскія тюрьмы положили главнымъ образомъ трудъ въ основу исправленія. Кромѣ подготовленія къ честной жизни, къ пріобрѣтенію средствъ на свободѣ, кромѣ предоставленія возможности изучить наиболѣе-выгодныя производства для полученія лучшаго обезпеченія въ жизни и слѣдовательно въ виду большихъ гарантій отъ преступленія, пріученіе къ труду въ тюрьмахъ должно содѣйствовать всего-болѣе къ образованію самаго характера и къ созданію привычки трудиться, а не сидѣть безъ дѣла. Морализующая сторона труда состоитъ въ томъ, что преступникъ получаетъ при этомъ понятіе, что „въ жизни ничего безъ труда не дается", что трудъ есть естественное призваніе жизни и ея потребность,

Во время занятій преступника, всего, конечно, легче, въ то-же время, услѣдить, насколько охотно онъ трудится, насколько увлекается работою, и по этому составить понятіе объ его призваніи и степени исправимости.

Вторымъ могучимъ средствомъ исправленія личности является воспитаніе, а потому школа есть непремѣнное условіе современной исправительной тюрьмы. Она-же служитъ источникомъ образованія характера и его смягченія. Извѣстно, что большинство преступниковъ—жертвы невѣжества, неразвитія, грубости и отсутствія твердыхъ нравственныхъ принциповъ; поэтому всѣ исправительныя системы одинаково сознали необходимость обученія и нравственнаго вліянія. Обученіе и умственное развитіе въ этомъ случаѣ должно идти наравнѣ съ ремесленнымъ. Чѣмъ больше будетъ развитъ преступникъ, чѣмъ больше обогатится онъ свѣдѣніями насчотъ окружающей природы, человѣческаго общества и человѣческихъ отношеній, тѣмъ тверже водрузятся въ нѣмъ основы нравственности. Никакая мораль не сравнится въ этомъ отношеніи съ развитіемъ сознанія. Вотъ-почему въ лучшихъ тюрьмахъ Европы не ограничиваются одною грамотностью: въ Германіи, напримѣръ въ Брухсалѣ, кромѣ чтенія и письма, преподаются арифметика, черченіе, рисованіе, географія, начала естественныхъ наукъ и сельское хозяйство. Въ Моабитѣ существуетъ для заключонныхъ пятиклассная школа; кромѣ того заключоннымъ предоставляется разнообразное чтеніе; при тюрьмѣ устроена библіотека изъ 1,500 томовъ, содержащая книги по географіи, исторіи и по многимъ техническимъ знаніямъ, которыя болѣе-всего интересуютъ заключонныхъ.

Но нигдѣ болѣе не обращено было вниманія на образованіе, какъ въ Ирландіи; зато тамъ получены и блистательные результаты въ дѣлѣ исправленія.
здѣсь начинается со входа въ тюрьму, ещ

предварительнаго уединеннаго заключенія. Это время особенно благопріятствуетъ умственнымъ занятіямъ и сосредоточенности заключонныхъ: поэтому нигдѣ лучше не воспользовались уединеніемъ, какъ здѣсь. Во время этого отдѣленія арестанта отъ остальныхъ и, такъ-сказать, во время перваго ознакомленія съ нимъ для него отперты широко двери школы, причомъ обученіе производится сообща; предметы преподаванія не ограничиваются обученіемъ чтенію, письму и счоту. Священная исторія, граматика и географія преподаются одновременно; географія особенно занимаетъ вниманіе арестантовъ. На умственное развитіе заключонныхъ обращается серьезное вниманіе.

Это развитіе тѣмъ важнѣе, что имъ обусловливаются нравственное вліяніе и нравственныя убѣжденія. Множество безнравственныхъ наклонностей существуетъ въ человѣкѣ по глупости, по легкомыслію, по непривычкѣ сознательно отдавать себѣ отчотъ въ своихъ поступкахъ. Преподаваніе поэтому должно сосредоточиваться преимущественно на искорененіи заблужденій ума и ложныхъ понятій о жизни. Это было какъ-нельзя-лучше понято ирландскими преподавателями; поэтому ими сообщаются по-возможности наиболѣе здравыя научныя понятія о соціально-экономическихъ вопросахъ. Этимъ путемъ устраняются или, покрайней-мѣрѣ, преодолѣваются многіе предразсудки, вредные для блага рабочихъ классовъ. „Ложныя понятія о рабочей платѣ,—говоритъ одинъ изъ ирландскихъ преподавателей,—о повышеніи и пониженіи цѣнъ на жизненныя потребности, о конкурренціи въ торговлѣ, о желѣзныхъ дорогахъ и машинныхъ работахъ составляютъ несомнѣнный источникъ пауперизма и преступленій. Искорененіе подобныхъ мнѣній въ возрастающемъ поколѣніи есть задача первѣйшей важности для общественнаго благосостоянія“. (Отчетъ Гарана). Нѣтъ сомнѣнія, что полученіе такихъ свѣдѣній и выясненіе пониманія объ общественныхъ отношеніяхъ всего-лучше

убѣждаетъ въ нравственныхъ истинахъ. Необходимость и плодотворность такого реальнаго обученія была признана даже ирландскимъ духовенствомъ, которое сознаетъ невыгоду одного церковнаго вліянія и его односторонность. Одинъ изъ тюремныхъ капеллановъ, Кауней, говоритъ по этому поводу, что одиночное заключеніе въ Моунтджоѣ въ связи съ религіознымъ обученіемъ впродолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ вліяло еще на поведеніе уединеннаго преступника, но невѣроятно, чтобы религія могла надолго сохранить такое рѣшительное вліяніе. „Бѣдные арестанты,—добавляетъ онъ,—не призваны Творцомъ для жизни созерцательной; поэтому душевное ихъ состояніе и требуетъ замѣны ея другими занятіями“ *). Такое вліяніе свѣтскаго образованія на нравственность показываетъ всю высоту его значенія и всю его необходимость. Поэтому вліяніе школы и образованіе преступниковъ должно составить не побочное, но основное исправительное средство.

Превосходный примѣръ того, какимъ образомъ путемъ научнаго и практическаго пріема могутъ быть проведены нравственныя доктрины, представляемъ преподаваніе въ смитфильдскомъ учрежденіи для приготовляющихся къ выпуску арестантовъ (Smithfield Reform. Institute). Преподаваніе здѣсь преимущественно состоитъ въ лекціяхъ, читаемыхъ по вечерамъ для взрослыхъ арестантовъ. Въ этихъ лекціяхъ не только касаются научныхъ истинъ, но анализируются и обыкновенныя житейскія положенія, междучеловѣческія отношенія и нравственныя обязанности. Лекціи состоятъ изъ примѣровъ гражданской жизни, изъ различныхъ біографій и обсужденія поступковъ людей съ ихъ послѣдствіями. Предъ слушателями ясно рисуются различныя положенія личностей, объясняются ихъ дѣйствія; имъ указывается на согласіе между внутренними законами воли и внѣшнимъ положеніемъ дѣй-

*) Ирландск. сист. Гольцендорфа.

ствующаго лица. Притомъ широкая картина ложится на душу арестанта, а затѣмъ, съ участіемъ собственнаго мышленія, онъ анализируетъ тѣ или другія практическія правила, которыя логически вытекаютъ изъ всего имъ продуманнаго. Въ этомъ случаѣ нравственный выводъ является предъ нимъ неизбѣжнымъ, какъ математическое положеніе, и нравственность такимъ путемъ глубоко входитъ въ самыя убѣжденія личности. При обсужденіи всѣхъ этихъ практическихъ и нравственныхъ вопросовъ въ то-же время до того затрогивается любознательность и интересъ слушателей, что арестанты сами принимаютъ участіе въ обсужденіи ихъ; они припоминаютъ примѣры изъ собственной жизни и въ этомъ случаѣ исполняются лестнаго сознанія, что самостоятельно могутъ дорабатываться до извѣстныхъ нравственныхъ истинъ и подтверждать даже ихъ собственными примѣрами. Притомъ между преподавателемъ и слушателемъ образуется то сближеніе, та непринужденность отношеній, которая способна оказать самое-благотворное нравственное вліяніе. „Постоянныя личныя сношенія обучающаго съ арестантами,—говоритъ Гольцендорфъ,—особенно способствуютъ къ изслѣдованію, объясненію и обсужденію испытаній въ жизни каждаго отдѣльнаго арестанта,—прошедшаго его времени, побужденій къ преступленію, наконецъ надеждъ на будущность и его душевныхъ влеченій“.

Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ школа является превосходнымъ средствомъ для сближенія съ преступникомъ, для изученія его характера и для плодотворнаго вліянія на его умъ и нравственное чувство. Никто лучше не можетъ выполнить это, какъ способный педагогъ, богатый педагогическими средствами и психологическими знаніями; никто не можетъ заслужить такого довѣрія и уваженія, какъ учитель, обладающій умственнымъ преимуществомъ, стоящій высоко по своему безпристрастному взгляду, полный высокой любви и вѣры въ человѣческую природу. Отношенія такого педагога будутъ всегда гуман-

ны, взглядъ его на преступника—вполнѣ человѣченъ. Вотъ слова одного знаменитаго педагога Ирландіи, пріобрѣтшаго завидную славу и опытность въ управленіи смитфильдскимъ заведеніемъ. „Арестантскій преподаватель долженъ удовлетворять двумъ условіямъ,—говоритъ онъ:—вопервыхъ онъ долженъ постоянно помнить, что съ арестантами нельзя обращаться небрежно, такъ-какъ они взрослые, а не дѣти, — вовторыхъ не давать имъ никакого повода замѣчать, что подозрѣваемъ ихъ во лжи или нечестности. Я бы желалъ напомнить каждому, какъ учителю, такъ и преподавателю, что его обязанность заключается не въ одномъ лишь обученіи чтенію, письму и счисленію: высшая его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы ознакомиться, во время обученія, съ постепеннымъ развитіемъ характера его учениковъ и со всѣми оттѣнками ихъ наклонностей. Онъ долженъ изслѣдовать прежнюю ихъ жизнь, познать надежды ихъ на будущность, причины ихъ веселья и печали, желанія и стремленія ихъ; онъ долженъ поддерживать въ нихъ разумныя ожиданія успѣха въ новой, предстоящей арестанту жизни, который, преисполненный надеждъ и хорошихъ намѣреній, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ освобожденія своего" *).

Изъ этого видно, какая высокая и благородная миссія лежитъ на преподавателѣ въ тюрьмѣ. Добрыми отношеніями и совѣтами этотъ педагогъ можетъ достигнуть такого уваженія, какимъ пользуется знаменитый преподаватель въ Смитфильдѣ, Органъ, между арестантами. Онъ повліялъ глубоко на нравственность своихъ воспитанниковъ; онъ устроилъ между ними кассу для взаимнаго вспомоществованія; при выходѣ склонялъ многихъ дать обѣтъ не пить вина; онъ отыскивалъ имъ мѣста при выходѣ изъ заведенія. Многіе изъ арестантовъ по выходѣ изъ тюрьмы долго поддерживали письменныя сноше-

---

*) Organ, Lectures on educational, social and moral subjects delivered to the inmates at the Smithfield Reform. Institute, Dublin 1858.

нія съ нимъ и просили совѣтовъ своего друга и наставника въ жизни. „Этотъ человѣкъ,—какъ отзываются о немъ въ Ирландіи,—сдѣлалъ болѣе, чѣмъ цѣлыя общества“,—и такая оцѣнка не выше его.

Въ виду такого важнаго значенія обученія и воспитанія преступниковъ, школѣ въ ирландскихъ тюрьмахъ, какъ и во многихъ европейскихъ, посвящается ежедневно нѣсколько часовъ. Даже при постоянныхъ работахъ въ Смитфильдѣ, сверхъ 9-ти-часового утомительнаго труда, вечернія лекціи занимаютъ 2 часа, а упражненія въ чтеніи и письмѣ 1 часъ 45 минутъ до отхода ко сну.

Вотъ-почему, въ видахъ того важнаго и почти первостепеннаго вліянія, оказываемаго на исправленіе обученіемъ въ школѣ и преподаваніемъ, желательно, чтобы въ нашемъ новомъ тюремномъ уставѣ школѣ было отведено больше простора и времени, чтобы въ ней происходили ежедневныя занятія, а не урывчатое обученіе по праздникамъ и воскресеньямъ. У насъ такое обученіе и умственное развитіе тѣмъ важнѣе, что масса нашего народа еще безграмотнѣе, еще неразвитѣе и предразсудочнѣе, чѣмъ масса народа гдѣ-либо на Западѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ преподавателя, изученіе жизни преступника, его характера и близкое знакомство съ нимъ должны составить обязанность въ тюрьмѣ также и всего остального тюремнаго начальства, слѣдящаго за дисциплиною исправительнаго заведенія. Начальство тюрьмы должно пріобрѣсти глубокое довѣріе и уваженіе арестанта; а этого достигнуть можно только человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ нимъ и стараніемъ возбудить въ немъ прежде всего добрые инстинкты, находящіеся всегда въ душѣ каждаго человѣка. Нужно стараться, чтобы ваше довѣріе къ нему и доброе расположеніе послужило импульсомъ къ его исправленію.

Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени у насъ никакъ не могутъ согласить мысль о человѣколюбивомъ общеніи съ арестантомъ съ мыслью о дисциплинѣ. Прежніе

тюремные начальники понимали, что человѣколюбіе и доброе обращеніе несовмѣстимо съ дисциплиною и всю свою заботу прилагали только къ тому, чтобы ввести и поддержать дисциплину, а тюремную дисциплину полагали только въ безпрекословномъ повиновеніи арестанта, въ распоряженіи по произволу его жизнью и смертью. Старые смотрителя думали, что арестантъ имъ отдается въ крѣпостную зависимость: „какъ дурно ни обращайся съ нимъ, онъ все того заслуживаетъ"; самое дурное обращеніе они считали справедливымъ, а свою волю закономъ. Потому-то не существовало такого униженія, такого позора, такой несправедливости, какой не выносилъ-бы арестантъ въ старой тюрьмѣ. Смотрителя остроговъ при назначеніи своемъ обыкновенно думали, что отъ нихъ ничего не потребуется, кромѣ строгости, — что они могутъ управляться такъ, какъ знаютъ; затѣмъ всю тактику свою они сводили къ строгости и жестокости наказанія. Самыя-возмутительныя грубости, самыя-невѣжественныя выраженія были дѣломъ обыкновеннымъ. — „А что съ ними иначе подѣлаешь?.." — „Гдѣ мнѣ всѣхъ ихъ знать?!.." — „Вы думаете, это люди? это скоты!" — или: „ты кто такой?! Арестантъ!... я тебя выпорю! я тебя въ дугу согну! я что хочу, съ тобой то и сдѣлаю!" — Вотъ почему при этомъ родѣ постоянныхъ репрессалій въ старомъ острогѣ арестанты сами вооружались противъ начальства, пускались въ самую ожесточенную борьбу за свое существованіе и часто заставляли смотрителей сдаваться. Эта борьба иногда представляла ужасную анархію острога, а побѣда арестантовъ вела къ совершенной распущенности въ тюрьмѣ, подобно тому, какъ власть смотрителя служила къ произволу и неестественнымъ стѣсненіямъ. Старая тюрьма не представляла никакихъ гарантій для арестанта. Жалобы его не выслушивались; когда онъ жаловался на дурное содержаніе, ему обыкновенно отвѣчали: „На то и тюрьма, чтобы было худо" или: „а кто велѣлъ вамъ попасть сюда, милые други", какъ-будто

этимъ оправдывались всѣ злоупотребленія тюрьмы и какъ-будто дѣло тюремнаго начальства разбирать, „кто велѣлъ попасть“! Обхожденіе съ арестантами было самое грубое: параграфъ тюремнаго устава „о добромъ и человѣческомъ обхожденіи“ какъ-будтобы былъ вычеркнутъ; арестанту постоянно кололи глаза, что онъ преступникъ, что онъ человѣкъ погибшій. Такое обращеніе болѣе всего способствовало развращенію личности. Постоянно-дурное мнѣніе о человѣкѣ служило къ тому, что онъ самъ наконецъ увѣрялся, что онъ—величайшій негодяй, и уже не думалъ болѣе подняться. Онъ старался всѣ свои недостатки оправдать тѣмъ, что онъ—погибшій, а потому начиналъ бравировать этимъ. Крайняя деморализація нашихъ тюремъ поэтому скорѣе-всего объяснима этимъ дурнымъ обращеніемъ съ арестантомъ; а такое обращеніе было естественно при невѣжествѣ и неразвитіи прежнихъ смотрителей *).

Не такъ должно смотрѣть на соблюденіе дисциплины въ тюрьмѣ исправительной: подъ дисциплиной здѣсь разумѣется соблюденіе тѣхъ правилъ, какіе указаны уставомъ тюрьмы и закономъ. Представляя правила и законъ тюрьмы, смотритель долженъ объяснить каждому изъ преступниковъ, что выполненіе этихъ правилъ неизбѣжно-обязательно для преступника, также-какъ обязательно и неизмѣнимо и для самого начальника. Отличивъ законъ отъ произвола, заключонный будетъ понимать самъ

*) Извѣстно, что въ этомъ случаѣ выборъ ихъ былъ у насъ крайне невзыскательный. Смотрителя назначались изъ мелкихъ приказныхъ, полицейскихъ канцеляристовъ, изъ отставныхъ военныхъ. Такія назначенія были сплошь и рядомъ. Такъ извѣстно, что еще въ 1868 г. пермскій замокъ, вмѣщающій до 1000 и 2000 арестантовъ самаго-разнообразнаго свойства, людей всевозможнаго развитія былъ отданъ подъ команду отставного унтера, отличавшагося одною чисткою пуговицъ и фельдфебельской выправкой. Въ уѣздныхъ замкахъ постоянно встрѣчаются смотрителя изъ выгнанныхъ писцовъ, которые цѣлые дни оглашаютъ остроги раскатами [illegible]чнической брани и считаютъ это непремѣнною принадлежностью съ арестантомъ.

это хорошо. Всѣ споры, недоразумѣнія и непослушаніе, происходившіе въ старыхъ тюрьмахъ, проистекали именно отъ того, что вслѣдствіе постояннаго произвола смотрителей самыя законныя требованія вслѣдствіи принимались за произволъ. Для ознакомленія съ правилами тюрьмы въ заграничныхъ тюрьмахъ обыкновенно вывѣшиваются въ комнатахъ арестантовъ регламенты, опредѣляющіе поведеніе арестанта. Такія росписанія существуютъ въ Моабитѣ, въ Мазасѣ, въ дозанской тюрьмѣ и другихъ. По нимъ арестантъ видитъ условія дисциплины, санкціонированныя закономъ.

Точно-также произволъ смотрителей можетъ быть легко устраненъ введеніемъ регистровъ, куда заключонные, по примѣру англійскихъ преступниковъ, могутъ вписывать свои жалобы и претензіи. Само собою разумѣется, что эти жалобы время отъ времени должны просматриваться высшей тюремной администраціей. Устраненіе произвола можетъ быть гарантировано только однимъ этимъ. Нужды и жалобы арестантовъ должны быть всегда принимаемы къ свѣдѣнію: во французскихъ тюрьмахъ, напр. въ Мазасѣ, арестантамъ предоставлено передавать, въ запечатанныхъ пакетахъ, письма къ судьямъ и административнымъ лицамъ. Жалобы арестантовъ ничего не имѣютъ деморализующаго: онѣ всегда поддерживаютъ въ нихъ вѣру въ справедливость; поэтому онѣ и должны быть внимательно обсуждаемы.

Самая дисциплина исправительной тюрьмы должна отличаться отъ всякой другой дисциплины: это—дисциплина не военная, какъ у насъ привыкли понимать: это—дисциплина педагогическая. Смотрителя тюремъ должны отличаться необыкновенною предупредительностью, вниманіемъ и мягкостью обращенія съ преступникомъ: утончонно-внимательное и вѣжливое обращеніе съ заключоннымъ—отличительный признакъ европейскихъ пенитенціарныхъ тюремъ: оно соблюдается даже при самыхъ строгихъ уставахъ уединенія. Во всѣхъ европейскихъ

пенитенціаріяхъ начальники тюремъ ежедневно обходятъ заключонныхъ и вѣжливо и предупредительно опрашиваютъ ихъ; въ французскихъ тюрьмахъ, которымъ первымъ принадлежитъ честь изгнанія тѣлеснаго наказанія, не только всякое грубое обращеніе, но даже слово „ты“ не допускается начальствующими лицами въ отношеніи къ арестанту; на такое обращеніе указываетъ Видаль (Vidale) даже въ военныхъ тюрьмахъ Франціи, какъ напримѣръ въ Метцѣ.

Вся исправительная европейская система сводится къ слѣдующимъ правиламъ: 1) она признаетъ въ преступникѣ вполнѣ человѣка со всѣми его натуральными способностями, а поэтому предписываетъ вполнѣ и человѣческое съ нимъ обхожденіе, требующее тѣмъ болѣе гуманной осторожности, что это—человѣкъ больной и раздраженный; 2) измѣряя преступника обыкновенною человѣческою мѣркою, она силится создать нормальную жизнь въ тюрьмѣ на болѣе-раціональныхъ началахъ, устраняя все вредное, все неестественное для человѣческой природы и доставляя болѣе средствъ для развитія лучшихъ человѣческихъ способностей; 3) она стремится къ развитію его нормальныхъ способностей и возбужденію лучшихъ инстинктовъ обыкновенными педагогическими средствами, причомъ не теряетъ надежды на исправленіе каждой личности. „Опытъ и свидѣтельство тюремныхъ чиновниковъ доказали въ Европѣ, что ни въ одномъ преступникѣ не слѣдуетъ предполагать неспособности къ исправленію“. Даже приговоренные къ казни и обречонные на вѣчное заключеніе исправляются *).

Въ видахъ всего этого исправительная система должна возможно-лучше разузнать личность, воспользоваться всѣми оттѣнками ея характера для пріобрѣтенія ея довѣрія. Такое довѣріе, такое сближеніе съ человѣкомъ, во-

*) Миттермайеръ, Смертная Казнь, с. 88, 98—100; Holzendorf, Strafrecht zeitung 1861, S. 8, 265. Diez, Über Verwaltung etc. S. 69.

нечно, не может быть достигнуто ни приказаніемъ, ни грубостью: они могутъ быть достигнуты только крайне-деликатнымъ обхожденіемъ, знаніемъ человѣческаго сердца и, главное, вѣрою въ лучшія наклонности человѣка. Не отчаявайтесь въ людяхъ, не показывайте имъ вида, что считаете ихъ совершенно-испорченными: иначе они уже не будутъ стыдиться дурныхъ страстей своихъ и недостатковъ: дескать все равно, коли насъ считаютъ такими!... Нѣтъ! Покажите, что вы ихъ лучше считаете, чѣмъ они есть; покажите вѣру въ ихъ исправленіе, затроньте въ человѣкѣ благородные мотивы: они есть въ душѣ самыхъ-испорченныхъ; и повѣрьте, что вы лучше добьетесь цѣли! Таковы правила, на которыхъ должно держаться исправленіе. Уваженіе человѣческаго достоинства должно соблюдаться въ тюрьмѣ, какъ и вездѣ. „Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ,—говоритъ Ѳ. М. Достоевскій въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома",—хотя и инстинктивно, хотя и безсознательно, а всетаки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто предъ начальникомъ, но никакими клеймами, никакими кандалами вы не заставите забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ-какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно надо съ нимъ и обращаться почеловѣчески. Боже мой! да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнулъ образъ Божій". Эти слова не мѣшало-бы крупными буквами вырѣзать для назиданія смотрителей на стѣнахъ нашихъ тюремъ. Слова эти, выведенныя изъ опыта, тѣмъ важнѣе, что онѣ относятся къ русскому арестанту. „Я видѣлъ, — добавляетъ г. Достоевскій, — какое дѣйствіе производило человѣколюбивое обращеніе на этихъ униженныхъ: нѣсколько ласковыхъ словъ—и арестанты воскресали нравственно" *).

*) Записки изъ Мертваго Дома, с. 135.

Дѣйствительно, ничто не можетъ оживить, сдѣлать благодарной природу человѣка, какъ самомалѣйшее сочувствіе во время его несчастія. Въ это время человѣкъ выскажетъ все, что накипѣло на его душѣ; онъ выяснитъ причину своихъ несчастій и исторію своего паденія. И для этого ненужно многаго: достаточно было гуманному начальнику морской тюрьмы спустить непокорнаго, озлобленнаго арестанта съ цѣпи, усадить рядомъ и заговорить съ нимъ въ первый разъ почеловѣчески, — и онъ изложилъ ему свою исповѣдь, выложилъ свою душу съ едва-сдержанными рыданіями, какъ разсказываетъ одинъ изъ изслѣдователей петербургскихъ тюремъ, г. Никитинъ *). Въ разсказѣ Щедрина „Добрая душа“ старый, озлобленный каторжникъ рыдаетъ предъ простою старухою, принесшею ему рубашку послѣ наказанія. Такимъ-образомъ мы видимъ, что искренность и умѣнье вызвать человѣческое чувство въ душѣ падшаго человѣка доступно было даже простымъ людямъ; чего-же не сдѣлаетъ человѣкъ, обладающій воспитаніемъ, человѣкъ высоко-гуманный, съ теплой душою и проникнутый глубокой вѣрой въ человѣка и его обновленіе!

Вотъ-почему необходимо, чтобы назначались для управленія тюрьмами люди вполнѣ-образованные, обладающіе столь-же развитымъ умомъ, какъ и развитымъ сердцемъ, — люди, полные преданности дѣлу и сознанія своего честнаго и высокаго призванія.

Съ реформою тюремъ въ Россіи въ особенности желательно введеніе гуманнаго обращенія съ преступникомъ и изгнаніе старыхъ привычекъ, которыя все-еще могутъ отрыгаться и въ новыхъ тюрьмахъ.

Объ этомъ прежде-всего, по нашему мнѣнію, нужно позаботиться реформѣ, такъ-какъ это—внутреннее ея содержаніе. Для всего этого мы полагаемъ необходимымъ:

---

*) Жизнь заключенныхъ, с. 249, 250.

чтобы при назначеніи начальниковъ и смотрителей тюремъ былъ положенъ извѣстный *образовательный* цензъ или спеціальный экзаменъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы у насъ были примѣнены тѣ-же заботы къ спеціальному образованію смотрителей и наблюдающихъ за преступниками, какъ это дѣлается въ Германіи и Англіи. Въ Германіи и Пруссіи, какъ извѣстно, хлопочутъ теперь объ устройствѣ семинарій, въ которыхъ будутъ подготовляться люди, готовящіеся для службы при тюрьмахъ; ихъ намѣрены снабдить общимъ образованіемъ, внушить необходимость терпѣнія, снисхожденіе къ павшимъ питомцамъ, наконецъ доставить имъ извѣстныя психологическія познанія. Бывшій директоръ моабитской тюрьмы по этому поводу приготовлялъ цѣлую программу воспитанія. Наконецъ уже въ настоящее время уровень образованія смотрителей и тюремныхъ чиновниковъ въ Европѣ столь значителенъ, что они основали въ 1864 году въ Германіи общество для того, чтобы дѣлиться своими наблюденіями, и имѣютъ свой литературный органъ („Bläter für Gefängnisskunde"). Съ преобразованіемъ тюремъ въ Ирландіи весь тюремный штатъ былъ замѣненъ новымъ, причомъ лица, назначаемыя въ тюремную службу, опредѣляются не иначе, какъ выдержавъ 6 мѣсяцевъ испытанія. Втеченіе этого времени губернаторы каждой тюрьмы ежемѣсячно доносятъ объ ихъ способностяхъ и поведеніи. Для того, чтобы образованію въ тюрьмахъ дать надлежащее назначеніе, ирландское правительство выбрало двухъ старшихъ учителей (Headschoolmasters) и дало имъ средства на объѣздъ всей Англіи, съ тою цѣлію, чтобы они изслѣдовали методъ и способъ преподаванія взрослымъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ эти мѣры дали уже превосходные результаты для дѣла исправленія и перевоспитанія преступниковъ въ европейскихъ тюрьмахъ.

Въ Россіи точно также желательно, чтобы съ введеніемъ тюремной реформы открыты были особыя к...

для смотрителей при тюрьмахъ (хотя первоначально въ Петербургѣ), знакомились ихъ съ пенитенціарною и педагогическою наукою, чтобъ создано было образованіе кандидатовъ на тюремную службу при центральныхъ тюрьмахъ, предпринято было изданіе спеціальныхъ руководствъ для смотрителей и чтобы, наконецъ, были привлечены наиболѣе способные педагоги для преподаванія арестантамъ. . . . .

. . . .

. . . .

ССЫЛЬНОЕ БРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНІЕ СИБИРИ.

(Изслѣдованіе о жизни бродяжескихъ общинъ).

I.

Исторія бродяжества.

Русскій народъ издавна имѣлъ наклонность къ бродяжеству, порожденную особенными условіями его исторической жизни. Сначала пустота и обширность территоріи, которую онъ занималъ, естественно влекла его отъ центра къ мѣстамъ незанятымъ. Государственный складъ старой Руси, полный неустройствъ и притѣсненій всякаго рода, споры независимыхъ княжествъ съ Москвою вызвали обширныя эмиграціи на украйны, и затѣмъ во все продолженіе исторіи народъ искалъ предчувствуемой имъ свободы въ бѣгствѣ. Побѣги составляли единственное средство избавиться отъ дурной обстановки и тягостной жизни въ обществѣ. Какъ въ древней, такъ и въ новой Руси побѣгъ и бродяжество были единственнымъ протестомъ личности противъ стѣснявшихъ ее всякаго рода обстоятельствъ. Тяжело-ли было русскому человѣку отъ крѣпостного права, давилъ-ли его воевода, брали-ли его въ войско, начинали-ли записывать въ податной подушный окладъ, запрещали-ли исповѣдывать старую вѣру, накладывали-ли тяжолую подать, голодъ-ли приходилъ, бѣдность-ли душила, семья-ли одолѣвала, — онъ дѣлалъ одно — бѣжалъ и бѣжалъ. Обиліе какъ историческихъ терминовъ, такъ и ходячи-

нынѣ для характеристики бѣгствъ показываетъ близкое знакомство народа съ этимъ дѣломъ. Какъ прежде, такъ и нынче тысячи людей любятъ бродить по пространству необъемлемаго русскаго царства. Можно сказать, что русскій народъ воспитался въ бѣгахъ; на его почвѣ выработалась даже религія бѣгства (бѣгуны). Въ историческомъ значеніи эти побѣги, можетъ быть, составляли болѣе пассивную, чѣмъ активную сторону народной жизни; во всякомъ случаѣ, приступая къ разбору подобнаго явленія въ современной жизни, мы должны коснуться исторической стороны вопроса о бродяжествѣ въ Россіи.

Древняя Русь почти вся состояла изъ бродячихъ людей; конецъ бродяжеству,—покрайней-мѣрѣ, въ сословіи земледѣльцевъ и работниковъ думали положить прикрѣпленіемъ крестьянъ къ помѣщичьей землѣ, но эта мѣра нисколько не искоренила бродяжества. Ея непосредственнымъ результатомъ было обращеніе массы народа въ рабство, что, въ свою очередь, и способствовало усиленію вѣковой страсти народа къ бродяжеству, съ тою только разницею, что теперь оно стало предъ закономъ преступленіемъ. Бродяжеству также помогъ новый государственный строй Россіи: на развалинахъ стараго порядка строилось сильно-централизаціонное государство, обращавшее народъ подъ власть воеводъ и круто дисциплинировавшее распущенную массу; это порождало новыя эмиграціи и усиливало старыя. Бродячіе люди всякаго сорта создавали казачество на украйнахъ, на Днѣпрѣ, Дону, Волгѣ, Терекѣ и Яикѣ; чуть не вся Русь разбрелась врозь, и повалила въ Польшу, Турцію, на югъ и въ сѣверо-восточные лѣса. Неудовлетворительное состояніе крестьянства, посады и села, обремененные повинностями, пошлины, таможни, злоупотребленія воеводъ и служилыхъ людей, дурное правосудіе, правежъ и пытки дѣлали жизнь для населенія невыносимою и гнали его. „Причины шатанія и побѣговъ лежали во вну-

треннемъ организмѣ гражданскаго порядка,—говоритъ Костомаровъ;—побѣги были до того обыкновенны, что въ челобитныхъ жители угрожали правительству, что разбредутся врознь". Соловьевъ въ своей исторіи точно-также довольно картинно рисуетъ печальное положеніе тогдашней, бѣгущей во всѣ стороны, Руси *). Время междуцарствія, расколы, наборы Петра, бироновщина, самоуправство временщиковъ, безурядица по смерти Петра I до Елизаветы Петровны и ея слабое управленіе, — все способствовало побѣгамъ. Крестьяне крѣпостные, дворовые, архіерейскіе и монастырскіе бѣгали непрестанно. Широкимъ потокомъ стремилось бѣгущее населеніе; цѣлыя деревни становились безлюдными — и такихъ насчитывали десятками. Напротивъ сѣверовостокъ и юговостокъ населялись: на Уралѣ, въ Оренбургѣ и Астрахани оказалось такъ много бѣглыхъ и пришлыхъ, что если-бы ихъ вывести, то въ Уралѣ всѣ заводы остановились-бы, въ оренбургской губерніи надобно было опустошить цѣлыя слободы, а астраханская почти вся состояла изъ „сходцевъ" **). Правительству только оставалось признать существующій фактъ и оставить бѣглецовъ на новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній: такъ оно и распорядилось со всѣми, кто бѣжалъ до ревизіи 1719 г. Однакожъ подобныя распоряженія были исключеніемъ; напротивъ думали удерживать бродяжество изданіемъ строгихъ мѣръ: „за бѣглыми отправляли сыщиковъ,—говоритъ Костомаровъ;—ловили, били кнутомъ и водворяли на прежнихъ мѣстахъ, но усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, а произвела только разбойничество. Пойманные и водворенные облагались большею повинностію и потому снова бѣжали, соединялись для защиты и составляли разбойничьи шайки. Во второй

*) Историческія монографіи Костомарова, т. 2-й, стр. 233—235, Истор. Росс. Соловьева, т. XIII, стр. 132—138.

**) Сѣверовосточная колонизація Ешевскаго, Вѣсти. Евр., 1866 г., кн. 1.

половинѣ XVII столѣтія разбои особенно усилились. Люди оставившіе трудъ, праздные, гонимые и ожесточенные естественно кидались на воровство и грабежъ въ своей безконтрольной бродячей жизни. Бродяжескія шайки казаковъ, такимъ образомъ, бушевали на украйнахъ государства, разбивая караваны, а внутри шайки воровъ грабили крестьянство. Общество разъѣдала какая-то анархическая борьба однихъ элементовъ противъ другихъ и дѣлала жизнь небезопасною и бѣдственною. Бродяжество самымъ неблагопріятнымъ образомъ отзывалось на всемъ гражданскомъ строѣ остальнаго осѣдлаго общества" *). Изъ многочисленныхъ шаекъ бѣглыхъ составлялись даже цѣлыя арміи: такъ въ 1603 году Хлопка Косолапый, во главѣ такой бродяжеской арміи, является самозванцемъ и идетъ на Москву; въ 1724 году шайка въ тысячу человѣкъ, подъ начальствомъ бѣглаго солдата Клопова, въ пензинской губерніи стоитъ крѣпостцу; бродячіе-же элементы дали готовую силу для Стеньки Разина и пугачовщины. Но въ то время, когда бродяжеству, повидимому, становилось уже тѣсно въ Россіи, одна изъ бродячихъ шаекъ героически ринулась за Уралъ и открыла новый міръ и новый просторъ для бѣглыхъ.

Стѣсняемое бродяжество получило тогда право гражданства въ Сибири и на первыхъ порахъ развивалось въ ней совершенно свободно, какъ и въ древней Руси. Новая страна, представлявшая свободную жизнь безъ властей и контроля, съ готовыми землями и промыслами, была такъ обольстительна, что въ нее народъ кинулся массами, а сѣверовосточныя губерніи Россіи стали, наоборотъ, пустѣть. Сначала правительство смотрѣло на эти переселенія благосклонно, поощряя колонизацію но-

---

*) Историч. моногр. Костомарова, т. 2-й, стр. 283—5; о томъ-же Соловьевъ въ Истор. Росс., т. XI, стр. 80—83, т. XIII, стр. 182; Елисеевъ въ Вѣст. Евр. 1861 кн. 1-я.

вопріобрѣтенныхъ земель, но скоро оно замѣтило, что переселенія угрожаютъ увлечь чуть не все крестьянство, что деревни пустѣютъ, цѣлыя тысячи тяглыхъ людей исчезаютъ безслѣдно, перевалившъ за Уралъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ Сибири. Скоро оно ограничило колонизацію только одними вольными, гулящими людьми, бобылями и захребетниками, запретивъ перемѣщаться тяглымъ людямъ. Для удержанія переселенія крестьянства въ Сибирь поставлены были даже „заставы крѣпкія *); но это, разумѣется, не прекратило движенія: Сибирь представляла, какъ по своимъ физическимъ условіямъ, такъ и по малочисленности населенія, превосходный пріютъ для бродяжества; темныя тайги и урманы, скалистыя и трудно-проходимыя горы Алтая и Саяновъ, неизвѣданныя и неоткрытыя мѣста,— все благопріятствовало побѣгу. Сибирь сдѣлалась притономъ раскольниковъ, которые создавали здѣсь скиты, деревни и такъ разростались и утверждались, что правительство наконецъ перестало ихъ ссылать сюда **). Крѣпостные крестьяне здѣсь искали убѣжища во все время крѣпостного права. Сюда уходили бѣглые солдаты и преступники: они дѣлались промышленниками-звѣровщиками, а иногда и работниками у жителей. Такіе бродячіе люди разнаго сорта назывались „гулящими людьми". Они были типомъ тогдашняго колонизаторства, — піонерами колонизаціи, и всегда образовывали линію, по которой должно было идти дальнѣйшее осѣдлое заселеніе. Они занимали лѣса, строили избушки и приступали къ звѣриному промыслу. Люди одинокіе, бобыли, вызванные сюда или нуждой, или стѣсненіями, не боялись опасностей и шли, не останавли-

*) Истор. Росс. Соловьева, т. XIII, стр. 137—8. Дополненіе къ актамъ историч., т. VI, № 19.

**) Указъ 15 декабря 1728 года. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи.

ваясь передъ трудностями. Люди закаленные въ нуждѣ, они не заботились о завтрашнемъ днѣ и продолжали питать антипатію къ прочной осѣдлой жизни. Этотъ духъ непостоянства увлекалъ ихъ впередъ, въ завоеванныя пустыни, а нужда и голодъ не позволяли сидѣть сложа руки. Но бродячее населеніе не ограничивалось только одними пришельцами. Селимые и водворяемые въ Сибири на правахъ гражданства, послѣ непродолжительнаго отдыха начинали испытывать тѣ-же неудобства, которыя гнали ихъ изъ Россіи. Имъ часто приходилось едвали еще не хуже. Воеводы вдали отъ контроля высшаго правительства были необузданнѣе и своевольнѣе; поборовъ и гнета было еще болѣе, и жизнь становилась еще тяжелѣе, а повинности въ неустроившемся обществѣ еще тягостнѣе. Крестьяне и здѣсь стали прикрѣпляться: они приписывались къ заводамъ и монастырямъ. Все это вызвало и здѣсь уходы и скитальчество. Жители разсыпались по лѣсамъ и промысламъ, такъ-что трудно было отличить гражданина отъ бѣглаго. По мѣрѣ заселенія и введенія осѣдлости въ краѣ, все бѣглое и промышленное населеніе двигалось въ глубь еще-неизвѣданныхъ мѣстностей и гнѣздилось по окраинамъ, скрываясь отъ надзора. Только въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда крестьянство стало переходить отъ звѣроловной къ земледѣльческой промышленности, когда въ краѣ утвердилось прочное управленіе вмѣстѣ съ кое-какой гражданственностью, правительство контролируетъ скитаніе и стремится ловить бѣглыхъ, но темные лѣса и пустыни въ тысячи верстъ все-еще даютъ широкій пріютъ и не позволяютъ властямъ услѣдить за бродяжествомъ: оно скрывается все глубже и глубже. Въ вершинахъ Бухтармы между скалъ создаются деревни бѣглыхъ; въ лѣсахъ гнѣздятся скиты, привлекая крестьянъ-раскольниковъ. Такъ создались деревни *каменьщиковъ* въ 1760 г., скитъ чернеца Некрасова на Убѣ въ 1760-же году или подобный-же, основанный чарыжскими крестьянами на той

же р. Убѣ *). Кромѣ того все прошлое столѣтіе на Барабѣ, по всей южной Сибири, на Карасунѣ, Ульбѣ, Убѣ и Бухтармѣ разсыпались промышленныя избушки, открытыя для бѣглыхъ. Ямщичьи зимовья были такими-же притонами. Правительство начинаетъ борьбу съ бѣглыми и бродящими, принимая противъ нихъ жестокія и карательныя мѣры: крестьяне, бродившіе ранѣе свободно, наказываются за переходъ границы, указомъ 1743 года, свыше 40 лѣтъ отъ роду кнутомъ, а моложе—плетьми; отлучившіеся отъ мѣста приписки отыскиваются. Такъ промеморіей 1762 года начальство колывано-воскресенскихъ горныхъ заводовъ объявляетъ объ отлучившихся 114 подзаводскихъ крестьянахъ, невзявшихъ паспортовъ и скитающихся неизвѣстно-гдѣ, и такъ-какъ люди закабаляютъ себя часто купцамъ въ работы, то проситъ ихъ не держать, а выслать. Зимовщикамъ по дорогамъ дается инструкція бѣглыхъ не держать, ночлега не давать и представлять начальству. Сверхъ того посылаются военныя команды, чтобъ по дорогамъ и лѣсамъ ловить бѣглыхъ **). Начались поиски—и въ прошломъ столѣтіи возникаетъ цѣлая масса дѣлъ о разныхъ личностяхъ, находившихся въ бѣгахъ. Забираются крестьяне, ходящіе на рыбныя ловли въ степи, на хмелеванье и за звѣроловствомъ на линію; берутся крестьяне, жившіе по лѣсамъ по десяти и двадцати лѣтъ, такъ Устюжанинъ изъ Тары или подзаводскій крестьянинъ Березовскій, шедшій по казенной надобности, но увлекшійся соболинымъ промысломъ и оставшійся въ лѣсахъ, какъ бродяга. Попадаются бѣглые ямщики, преступники изъ ссыльныхъ, солдаты изъ полковъ и всякіе другіе ***). Подъ вли-

*) Акты омскаго областного архива. *Матеріалы къ исторіи Сибири*, Г. Н. Потанина.

**) Омск. обл. архивъ, томъ № 48 1759 г. стр. 80, томъ 67 стр. 727. томъ 47 стр. 78.

***) Омск. обл. арх., т. 67, 73 и др. Матеріалы къ истор. Сиб. Г. Н Потанина.

яніемъ преслѣдованія образовался уже не такой мирный типъ бѣглыхъ. Въ 1747 году берутъ съ оружіемъ въ рукахъ шайку полупромышленниковъ, полуразбойниковъ, предводимую Селезневымъ; она отчаянно сопротивлялась, и ее можно было захватить только послѣ рѣшительнаго боя. Затѣмъ безпрестанно являются донесенія о шайкахъ бродягъ, дѣлающихъ нападенія на деревни для грабежа, отстрѣливающихся отъ командъ и упорно защищающихся. На Карасунѣ устроилась цѣлая колонія бѣглыхъ; ее розыскивали по показаніямъ казака Нагибина въ 1759 году и взяли послѣ сильнаго, упорнаго сопротивленія *). Разбои долго еще свирѣпствовали по Сибири въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій. Это было явное послѣдствіе преслѣдованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ заселеніемъ Сибири бродяжество уже имѣло менѣе простора и свободы. Бродяги и бѣглецы не могли свободно скрываться, и большая часть изъ нихъ должна была низойти до участи воровъ и нищихъ. Уже въ 1762 году взятые бѣглый ямщикъ съ барабинской степи и бѣглый оренбургскій солдатъ Пономаревъ пробираются по деревнямъ ночами, воруютъ по погребамъ на пропитанье и отгоняютъ лошадей. Въ 1762 году пойманный тобольскій солдатъ Батеневъ съ товарищами показываетъ, что скрывались они по избушкамъ,—проходя по деревнямъ, нищенствовали или нанимались работать: такъ шили они на Барабѣ у мужика шубу три дня. Словомъ, складывался уже другой типъ бѣглецовъ,—типъ паразитствующій, приниженный, занимающійся воровствомъ и скрывающійся между осѣдлымъ населеніемъ.

Изъ этого мы видимъ, что какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири существовали одинаковые переходы бродяжества. Сначала оно имѣетъ полную свободу, потомъ, подъ вліяніемъ запрета, превращается въ бѣглыхъ и, преслѣдуе-

*) Мат. къ истор. Сиб. стр. 215—222 и омск. обл. арх. т. 47 стр. 164.

мое, проявляетъ свою дѣятельность безчинствами и разбоемъ; съ введеніемъ же гражданственности, бродяжество принимаетъ характеръ воровства и паразитизма. При дальнѣйшемъ развитіи государственнаго порядка и улучшеніи общественной организаціи оно должно было уменьшиться и, наконецъ, совершенно исчезнуть. Къ этому бродяжество приходитъ нынѣ въ Россіи, къ тому же оно приближалось въ Сибири въ прошломъ столѣтіи; но затѣмъ здѣсь явились особенныя обстоятельства, отчасти измѣнившія характеръ бродяжества, усилившія его новымъ элементомъ и потому увеличившія число его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ, когда мы видимъ въ Россіи бродяжество довольно слабымъ, стѣсненнымъ и тщательно скрывающимся отъ правосудія, въ Сибири оно живетъ довольно свободно, получивши своего рода право на существованіе, рядомъ съ осѣдлою гражданственностью. Причина, увеличившая снова бродяжество и поддерживающая его донынѣ въ Сибири... это—ссылка. По мѣрѣ того, какъ уничтожалось вольное бродяжество народа, въ Сибири создавалась новая форма его—ссыльная, принявшая свой оригинальный характеръ.

Ссылка въ Сибирь завелась давно, но прежде она была въ небольшихъ размѣрахъ: она началась въ 1653 г. посылкою воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ отсѣченію руки; съ 1686 г. стали ссылать бунтовщиковъ, мятежныхъ псковичей, жителей Углича, крамольныхъ стрѣльцовъ. Число ссылаемыхъ увеличилось особенно съ 1754 г., съ отмѣной смертной казни, но постоянно установилось только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1807 г. было учреждено общее по колодницкой части присутствіе въ Тюмени. Въ 1823 г. учрежденъ приказъ о ссыльныхъ въ Тобольскѣ. Съ учрежденіемъ его, являются положительныя свѣдѣнія о числѣ ссыльныхъ. По статистическимъ отчотамъ видно, что съ 1822 по 1852 г. сослано было 200,000 человѣкъ обоего пола разныхъ званій. Съ 1852 по 1868 годъ число это,

разсчоту, должно было увеличиться еще на 150,000 человѣкъ *), т. е. въ 46 лѣтъ прибыло въ Сибирь всего около 350,000 ссыльныхъ. Ссылка по самому своему характеру не могла быть слишкомъ благопріятною для осѣдлости: она наводняла Сибирь людьми, шедшими по неволѣ, большею частію безъ семействъ **), крайне предубѣжденными противъ здѣшней жизни, безнравственными и малоспособными къ труду, которые притомъ ставились здѣсь нарочно въ дурныя экономическія условія, какъ люди наказанные. Поэтому-то ссылка необходимо увеличила въ поразительныхъ размѣрахъ бродяжество. Ссыльные не могли обѣщать прочной осѣдлости и по неудовлетворительности ихъ обстановки на поселеніи и въ особенности на каторгѣ. Большая часть ихъ потому и ссылалась, что неспособна была къ гражданственности и труду на своей родинѣ; а страна такая, какъ Сибирь, требующая и по климату, и по нетронутости почвы упорныхъ и неутомимыхъ физическихъ усилій, не могла имъ нравиться. Они были лишены наиболѣе благородныхъ мотивовъ труда, и къ нему могли побудить ихъ лишь крайняя нужда и голодъ. Труда они избѣгали до послѣдней возможности и прежде, чѣмъ обра-

*) По вычисленію Гагемейстера, съ 1822 по 1852 годъ прибыло въ Сибирь 200,000 всякаго рода ссыльныхъ. (Истор. статист. обозр. Сибири Гагемейстера, т. 2-й). Въ 1854 г. было ссыльныхъ 7,350 чел. об. пола, съ 1854 по 1859 г. прибыло въ пять лѣтъ 47,842 ссыльныхъ (Тоб. губ. вѣд. 1859 г, № 28—31), въ 1860 г. прибыло 7,728, въ 1861 г. 9,003, въ 1862 г. 7,377, въ 1863 г. 8,079 (Статист. Временникъ 1866 г.) Ежели мы сюда прибавимъ по 8,000 ссыльныхъ, ежегодно прибывающихъ до 1868 г., то найдемъ, что ссылка дала Сибири съ 1822 по 1868 г. до 350,000 ссыльныхъ.

**) Изъ 200,000 ссыльныхъ, явившихся съ 1822 по 1852 г., женщинъ было только 40,000; притомъ большая часть изъ ссыльныхъ прибываетъ холостыми, незамужними и не въ молодыхъ лѣтахъ: такъ съ 1851—1852 г. 1/5 всѣхъ женщинъ и 1/2 мужчинъ были старѣе 40 лѣтъ. Въ 1851 г. въ губерніяхъ тобольской, томской и енисейской было 34,123 ссыльныхъ женщинъ и у нихъ только 28,146 дѣтей. (Историко-статистическое обозрѣніе Сибири Гагемейстера, т. 2-й, стр. 65—70).

титься къ нему, разумѣется, изыскивали всѣ средства для пропитанія, къ которымъ прибѣгаютъ люди, нечувствующіе пользы и разумности труда и получившіе къ нему отвращеніе. Гораздо легче пуститься въ легкое наживаніе денегъ разными предосудительными способами, —обманами, кражей, попрошайничествомъ, нищенствомъ и бродяжествомъ, нежели рѣшиться заняться тяжолымъ трудомъ. Ссыльные одинаково прибѣгали ко всѣмъ этимъ средствамъ. Сибирское бродяжество такимъ-образомъ концентрировало и довольно рельефно выражало всѣ дурныя стороны ссылки и было продуктомъ ея. Мы постараемся въ этомъ этнографическомъ очеркѣ показать настоящій характеръ сибирскаго бродяжества.

По оффиціальнымъ отчотамъ мудрено составить общую цифру ловимыхъ бѣглыхъ. Ихъ могла-бы свести въ общему итогу одна администрація, но, къ сожалѣнію, даже попытокъ къ этому не дѣлается или, покрайней-мѣрѣ, о нихъ не публикуется. Сами по себѣ мѣста, могущія доставить цифры, какъ тюремные комитеты, остроги, экспедиціи о ссыльныхъ, приказы и т. п. учрежденія къ собранію свѣдѣній ничѣмъ не побуждаются, а губернскіе статистическіе комитеты ограничиваются только той программой, которую имъ даетъ центральный статистическій комитетъ. Старыми оффиціальными данными, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ, мы не рѣшаемся руководствоваться, какъ мало-заслуживающими довѣрія, а приведемъ цифры изъ нашихъ собственныхъ наблюденій, вынесенныхъ изъ изученія острожной жизни. Надобно замѣтить, что всѣ сибирскіе остроги—(сюда-же слѣдуетъ причислить и пермскій, какъ пограничный)—запружены бродягами; тобольскій, омскій, томскій и иркутскій остроги, а въ особенности маріинскій, каинскій, лежащіе на бродяжескомъ трактѣ, наполнены почти-исключительно бродягами. Острогъ, который былъ доступенъ нашимъ наблюденіямъ, также содержалъ большую часть этого ссыльнаго бродячаго населенія. Въ 1865—6 годахъ

сло бродягъ доходило здѣсь до 500 на 100 крестьянъ и мѣщанъ. Въ 1867 г. перебывало въ годъ 1,367 арестантовъ, —большинство изъ нихъ бродяги. Составъ бродяжескаго населенія показываетъ, что они большею-частію изъ сосланныхъ на поселеніе, съ заводовъ, рудниковъ и дезертиры. Но число бродягъ по острогамъ должно считаться minimum'омъ ихъ настоящаго, бродящаго по Сибири, числа: это только бродяги, попавшіе за обнаруженныя преступленія во время скитальчествъ или взятые по поводу разныхъ розысковъ преступленій, совершонныхъ бродягами-же; большая часть этихъ скитальцевъ ходитъ свободно и безпрепятственно: стоитъ только пошарить въ любой волости, чтобы найдти сотни такого проходящаго неизвѣстно-куда и неизвѣстно-откуда народа. Въ 1867 г. въ юдинской волости тобольской губерніи, по случаю убійства трехъ проѣзжихъ монахинь, набрали облавами до 400 человѣкъ бродягъ. Въ той-же губерніи въ кулачинской волости (первая станція отъ Омска), по случаю убійства еврейскаго семейства, взято было до 200 бродягъ. Къ острогу разомъ подвозили по десяти и болѣе подводъ съ этимъ людомъ. Забираніе по деревнямъ прекращается иногда только вслѣдствіе предписанія земскаго начальства: садить некуда: остроги переполняются наловленными арестантами. Какъ велико число кочующихъ по волостямъ и округамъ, мы предоставляемъ судить по слѣдующимъ разсказамъ бродягъ. Они говорятъ, что въ 1864 г. около Иркутска по разнымъ волостямъ зимовало до 4,000 бродягъ; около Верхнеудинска ихъ было одно время 500; близь одной деревни иркутской губерніи, въ 400 человѣкъ жителей, зимовало по избушкамъ до 200 бродягъ. Тамъ, гдѣ лежитъ бродяжескій трактъ по большой дорогѣ, проходитъ чрезъ деревню лѣтомъ по 30, 40 и даже 60 бродягъ, да и зимою случается человѣкъ по 20. Иркутская губернія наиболѣе обильна числомъ бродягъ, какъ имѣющая нѣсколько казенныхъ заводовъ и благодаря проходящему чрезъ нее пути изъ Забайкалья,

гдѣ еще больше заводовъ и рудниковъ. Въ селеніяхъ енисейской губерніи число бродягъ также значительно, хотя часть ихъ и отвлекается на пріиски. Въ 1866 г. въ каинскомъ округѣ зимовало ихъ 400 человѣкъ. На большомъ трактѣ, на одной мельницѣ, по случаю какой-то задержки въ проходѣ, ихъ скопилось до 200 человѣкъ. Черезъ деревни лѣтомъ здѣсь также проходитъ отъ 40 до 60. Въ томской губерніи бродяжество также распространено, хотя и болѣе разсыпано по губерніи, такъ-какъ тѣ, которые хотятъ остаться въ Сибири, далѣе нейдутъ. Въ укромныхъ мѣстахъ, по лѣсамъ, даже создаются цѣлыя деревеньки изъ бродягъ: такъ мнѣ разсказывали о деревнѣ въ 30 дворовъ на одной рѣчкѣ въ томской губерніи.

Цифру всѣхъ бродящихъ по Сибири однако опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ многіе весьма вѣроятные факты показываютъ, что число это громадно. Едвали мы ошибемся, если положимъ такого народа въ Сибири отъ 20,000 до 30,000 человѣкъ. Эта цифра заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что бродяжество не только не уменьшается, но новыми ссылками постоянно пополняется и увеличивается. Ссыльные, ловимые снова, отправляются на заводы и снова бѣгутъ оттуда. Такимъ-образомъ отъ востока Сибири до Урала идетъ постоянный бродяжескій perpetuum mobile.

Явленіе бродяжества, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ изслѣдованія по многимъ причинамъ; вопервыхъ оно обращаетъ на себя вниманіе, какъ участь нѣсколькихъ тысячъ людей, ведущихъ жалкую, случайную жизнь. Вынужденные обстоятельствами идти въ бѣга, они обрекаютъ себя къ этому на цѣлую жизнь. Ловимый и ссылаемый постоянно, онъ такъ и сякъ спасается отъ наказаній и, проводя часть своей жизни въ бѣгахъ, проводитъ остальную въ острогѣ и каторгѣ. Такъ тянется цѣлая жизнь его. Онъ убьетъ всю ее на отысканіе п' зрачной свободы, выбьется изъ силъ, но, какъ въ за

дованномъ кругу, не можетъ найдти ея. Стараясь выбиться изъ Сибири, онъ неминуемо схватывается полиціей или населеніемъ, когда готовъ уже выйдти за ея границы. Это отравляетъ ему дальнѣйшую жизнь, дѣлаетъ его ожесточеннымъ, озлобленнымъ. Постоянная оппозиція въ душѣ противъ общества и властей не потухаетъ въ немъ, а по мѣрѣ препятствій только разгарается и превращается иногда почти въ бѣшенство. Самые энергичные члены бродяжества борются съ своей судьбой цѣлую жизнь на смерть и вымещаютъ свою злобу на всемъ, что имъ попадется на пути. Какъ отдѣльно страдающая личность, бродяга достоинъ состраданія, какъ лицо деморализованное — психическаго анализа. Біографіи подобныхъ личностей достойны вниманія, и онѣ неразъ встрѣчались въ нашей литературѣ: жалко только, что въ нихъ увлекались одной романической стороной дѣла. Еще замѣчательнѣе тотъ бытъ, который сложился у этихъ людей, связавъ ихъ въ отдѣльное сословіе, живущее независимо и слѣдующее своимъ правиламъ и принципамъ. Въ цѣломъ оно представляетъ довольно грандіозное явленіе, захвативъ тысячи людей, создавъ имъ особую жизнь, слѣдующую своимъ законамъ причинности. Массы этого бродячаго населенія создали интересы своей корпораціи, свои нравы, обычаи, поэзію, преданія, мифы и свое законодательство. Они завоевали себѣ извѣстныя права у общества, которыя удерживаютъ донынѣ и за которыя борются съ крестьянствомъ. Потому тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ они по вліянію на страну, гдѣ блуждаютъ, предъ которой не принимаютъ никакихъ обязательствъ, и на общество, на счотъ котораго живутъ. Охарактеризовать это вліяніе составитъ главную нашу задачу.

II.

Причины побѣговъ ссыльныхъ.

Какъ ни разнообразны причины бродяжества, вслѣдствіе индивидуальныхъ побужденій каждой личности и разнохарактерности обстановки субъекта, но ихъ можно все-таки формулировать. Понятно, что общая основная причина скрытной-бродячей жизни есть неудовлетворительность окружающей обстановки, въ которую поставленъ человѣкъ,—бѣдность, нужда, голодъ, желаніе избѣжать наказанія за преступленія и т. п. Такъ-какъ въ Сибири по преимуществу бродяжничаютъ ссыльные каторжные, ссыльные поселенцы и дезертиры, то мы и будемъ говорить только о нихъ. Большая часть ссыльныхъ является въ Сибирь уже со всѣми задатками къ бродяжеству, съ рѣшимостью на это и съ готовыми планами бѣгства.

Болѣе-всего побужденій къ бѣгамъ существуетъ, конечно, у каторжныхъ. Первый побѣгъ каторжныхъ объясняется страхомъ наказанія и желаніемъ избавиться долголѣтней каторги, наложенной за преступленіе, подвергшее его ссылкѣ. Часто бѣгутъ съ дороги, изъ остроговъ и едва добравшись до завода. Бѣгство имѣетъ цѣлью не постоянное бродяжество, а желаніе послѣ поимки показаться поселенцемъ, солдатомъ или просто непомнящимъ, а не каторжнымъ. Такое стремленіе улучшить судьбу очень естественно въ ссыльномъ человѣкѣ и рѣдкій его не желаетъ. Во время бродяжества и въ острогахъ подыскивается случай сослаться на какое-нибудь лицо и затѣмъ совершается побѣгъ, имѣя въ виду, что во время слѣдующей поимки бѣжавшій дастъ новыя показанія и перемѣнитъ свою участь. Это удается и нѣтъ. Выходятъ ложныя справки, т. е. показанія не подтверждаются, клейма обнаруживаются, знаки прежняго на-

казанія также уличаютъ, и вотъ приходится отвѣчать за побѣгъ, какъ каторжному, хотя иногда и неоткрывшему завода или рудниковъ, куда онъ былъ прежде сосланъ. Снова ищется случай бѣжать и вновь показаться на кого-нибудь, снова неудается, и такъ идетъ у нѣкоторыхъ цѣлая жизнь по необходимости въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Все здѣсь зависитъ отъ перваго побѣга, неудача котораго затягиваетъ въ дальнѣйшіе побѣги по необходимости. Стремленіе къ исправленію личности посредствомъ наказанія невсегда-то достигается; наказаніе, опредѣляемое на 30, 40 лѣтъ и безъ срока, разумѣется, не можетъ исправить человѣка, которому рѣшительно все одно, наказываютъ его или нѣтъ. Не видя конца своему наказанію, онъ ищетъ спасенія только въ побѣгѣ. Такъ образуются *вѣчные бродяги*. Мы сказали, что долговременные сроки вынуждаютъ побѣгъ; поэтому наложеніе наказанія за первое преступленіе, обрекающее преступника на ссылку, всегда рѣшаетъ его дальнѣйшую судьбу. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ строже наказаніе и долголѣтнѣе срокъ работъ, тѣмъ болѣе представляется шансовъ къ побѣгу личности и тѣмъ менѣе возможности къ ея исправленію. Это не теорія, а законъ, выработанный жизнью бродяжества. Изъ сотенъ примѣровъ того, какъ дѣлались бродягами *вѣчными* люди еще способные къ исправленію или какъ дѣлаются таким отчасти скромные и неприносящіе зла, мы приведемъ хоть слѣдующіе. Былъ Москвѣ купеческій сынъ, человѣкъ молодой, честный и скромный, но онъ имѣлъ необыкновенно-пылкій характеръ. Разъ сидѣлъ онъ на вечерѣ съ своими товарищами въ холостой компаніи; велась бесѣда о женщинахъ. Одинъ изъ купеческихъ дѣтей сдѣлалъ неприличные намеки на сестру С*. С* проситъ перестать говорить объ этомъ. Товарищъ продолжаетъ, забавляясь надъ скромнымъ С*. Наконецъ С* требуетъ, чтобы наглецъ замолчалъ; тотъ не унимается. Тогда оскорбленный и возмущенный

С* кидается на оскорбителя и такъ его хватилъ въ голову, что тотъ покатился на полъ. С* хотѣлъ просто побить его, но случайно убилъ человѣка. Онъ въ отчаяньи и проситъ послать за полиціей. Входитъ квартальный и начинаетъ ругать С*, клеймя его названіемъ убійцы, душегубца и пр. Тотъ стоитъ блѣдный, съ понуренной головою. Квартальный на него наступаетъ. „Оставьте меня, я и безъ того несчастный!" говоритъ С*. Но квартальный продолжаетъ свое, наконецъ толкаетъ С*. Тогда преступникъ вскрикиваетъ: „А! если ты не понимаешь моего несчастія, такъ вотъ тебѣ!" Затѣмъ ударилъ квартальнаго, сшибъ его съ ногъ и началъ топтать ногами. Начался процессъ „стараго суда". За нечаянное, ненамѣренное убійство С* вышло покаяніе, а за покушеніе убить полицейскаго чиновника во время исполненія имъ обязанностей службы, онъ былъ осужденъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу. И вотъ этотъ купеческій сынъ идетъ на каторгу недовольный, протестующій въ глубинѣ души. Скоро тяжолая жизнь и пылкій характеръ вызываютъ его на ожесточеніе. Онъ связываетъ свою судьбу съ такими-же, какъ и онъ, ожесточонными и отчаянными людьми и бѣжитъ. Затѣмъ уже возврата нѣтъ. Онъ ловится, ссылается, снова бродяжитъ. Онъ принялъ бродяжескую профессію монетчика и обманщика. Ему было еще только 40 лѣтъ, когда онъ сдѣлалъ уже четыре побѣга съ каторги, говорилъ, что выходилъ пѣшкомъ, бродяжа и идя по этапамъ, до 40,000 верстъ (въ Сибири это немудрено) и послѣдній разъ ссылался на 44½ года въ работу. Ему предстояло еще нѣсколько разъ бѣжать въ свою жизнь. Этотъ человѣкъ былъ не грубый каторжникъ; у него на душѣ не лежало тяжкихъ преступленій; обманывать его вынуждала скитальческая жизнь. До сихъ поръ онъ сохранилъ сильную логику, душу способную чувствовать все хорошее и обладалъ завиднымъ даромъ краснорѣчія. Въ острогахъ его считали юристомъ и умницей. Другого я зналъ скромнаго и тихонькаго

старичка, вся жизнь котораго прошла въ бродяжествѣ при всей его скромности и беззлобіи. Онъ бѣжалъ отъ утѣсненій помѣщицы въ 1824 году изъ Петербурга съ однимъ товарищемъ. Пристроились они къ одному помѣщику, принимавшему бѣглыхъ и записывавшему ихъ намѣсто своихъ умершихъ, чтобы недаромъ отдавать за нихъ подати. Въ то время много было такихъ помѣщиковъ. Здѣсь ихъ сдали въ солдаты, но и изъ солдатъ они бѣжали: трудно показалось служить. Взятые, какъ бѣглые, они были сосланы въ Сибирь въ 1847 г. и здѣсь начали снова бродяжескую жизнь. На поселеньи было жить трудно, и вотъ этотъ старикъ бѣжалъ. Его посылаютъ каждый разъ на заводъ и онъ бѣгаетъ. Я его засталъ въ острогѣ въ то время, когда ему было 63 года отъ роду; онъ судился, какъ непомнящій родства, наказанъ былъ 20 ударами плетей и ссылался на 4 года въ заводъ. Это была скромная и самая-безобидная личность. Надъ нимъ смѣялись арестанты, изъявляя сомнѣніе въ томъ, что едвали могъ онъ убить крестьянскаго ягненка во время бродяжества, какъ онъ разсказывалъ, чтобы чѣмъ-нибудь пропитаться.

Кромѣ страха долголѣтняго страданія на каторгѣ и нежеланія выживать такой срокъ, есть еще большой импульсъ къ побѣгамъ... это—тяжолая жизнь на заводахъ, тоска и естественное стремленіе къ волѣ, хоть на мигъ. Для всего этого люди готовы жертвовать даже жизнью, когда совершаются бѣгства.

Представьте себѣ обстановку каторги: въ дальней тайгѣ дикая и угрюмая мѣстность, съ голымъ степнымъ характеромъ; угрюмыя горы и холмы тянутся на значительное пространство; мелкій и тощій кустарникъ пробирается между холмами, а вдали только темно и угрюмо синѣетъ мрачная тайга съ непривѣтными елями, соснами и пихтами. Какъ скучна и подавляюща мѣстность, такъ скучна и тяжела жизнь. Работы въ цѣпяхъ, съ тачками, на трудно-поддающейся лому и кайлу поч-

вѣ, на холодѣ, подъ дождемъ и непогодой, иногда въ разрѣзахъ по колѣно въ водѣ, коченѣя отъ стужи. Какъ трудны работы, можно судить по тому, что рабочіе часто нарочно переламываютъ себѣ ломомъ ногу, уродуютъ руку, чтобы избавиться отъ нихъ. Утомленный арестантъ питается самой-грубой пищей въ четыре фунта хлѣба и жидкой похлебкой. Изнуреннаго и полуголоднаго его мучитъ злость, а если прибавить къ этому дурное обращеніе съ нимъ конвоя, какъ съ каторжнымъ то можно себѣ представить его положеніе. Отъ каторжныхъ я слышалъ постоянныя жалобы на дурное содержаніе. Хлѣбомъ трудно кормиться и усиленная работа заставляетъ человѣка съѣдать его не 4, а 8 фунтовъ (чему нерѣдки примѣры), такъ-какъ мясо ему не дается, а жидкія щи почти равносильны водѣ. Одежда самаго-грубаго свойства и холодная, легко-промокающая въ непогоду. Плохая обувь, какъ черки, при земляной работѣ изнашивается прежде казеннаго срока. Кромѣ того, арестанты, какъ люди полные страстей и угнетаемые невыносимо-душащей ихъ тоской, бросаются, чтобы сколько-нибудь забыться, въ тайную игру и въ пьянство, проматываютъ платье и обувь, проигрываютъ пайки хлѣба. Въ подобныхъ случаяхъ они, конечно, подвергаются тѣлесному наказанію, и вотъ каторжная жизнь представляется имъ рядомъ изнуряющаго труда, голода, перспективой страданій и пытокъ уже чисто-физическихъ *). Такая жизнь предвидится годы и годы сосланнымъ на 10, 12, 15 и болѣе лѣтъ, а иногда и навѣчно.

— И пойдешь къ пріятелю,—говоритъ *коринецъ* **),—и скажешь: что, братъ, намъ себя мучить—пойдемъ. Со-

---

*) Прежде для дисциплинарнаго наказанія каторжныхъ употреблялись даже не розги, а плети, назначаемыя для уголовнаго наказанія. Говорятъ, это было уничтожено съ пріѣздомъ и ревизіей генерала Сколкова.

**) Коринцы съ пріисковъ *коринскихъ*, въ нерчинской ог... боты огромныя и содержаніе строго.

берется насъ такъ пять-шесть человѣкъ, запасемъ хлѣба, выйдемъ на работу и ударимся *на уру*.

Выходятъ наутро каторжные на работу, окруженные цѣпью конвойныхъ съ ружьями; нѣкоторые, подготовивъ кандалы, легко снимаютъ ихъ; другіе освобождаютъ одну ногу и цѣпь берутъ пока въ руки; раздается *ура;* человѣкъ пять отчаянныхъ головъ вылетаютъ изъ-за цѣпи конвоя и, какъ бѣшеные, кидаются къ лѣсу. Раздаются выстрѣлы. Двое-трое ранены или убиты; остальные уходятъ. Идущіе знаютъ навѣрное, что кому-либо изъ нихъ суждено пасть подъ пулями, но здѣсь свобода или смерть ставятся на карту. Выбравшись изъ-подъ пули, они, какъ одурѣлые, мчатся нѣсколько верстъ въ тайгу и, какъ сами говорятъ, блуждаютъ нѣсколько дней въ какомъ-то помѣшательствѣ отъ ужаса и боязни; часто они не могутъ найдти себѣ дороги и возвращаются на тотъ-же пріискъ. Но изступленіе проходитъ: они сидятъ по нѣскольку дней въ трущобахъ, пока пройдетъ погоня, съ фунтомъ-двумя хлѣба и, только истощенные, ночью прокрадываются, чтобы выпросить его на дорогу у пріятелей и собратовъ на своемъ или чужомъ пріискѣ; затѣмъ тихо-тихо, по укромнымъ тайгамъ, ночами, подъ страхомъ встрѣтить бурята или мужика съ винтовкой, боясь каждаго куста, почти голодомъ пробираются они къ Байкалу. Ну вотъ обошли и его, питаясь въ рыбачьихъ балаганахъ, вошли въ иркутскую губернію; раскинулись гостепріимныя сибирскія деревни: слава-богу! Но конченъ-ли рискованный подвигъ? Получена-ли свобода? И надолго-ли она? Подвигъ только начинается, и свобода печальная, бродяжеская свобода! Надолго-ли? Что за нужда!

Хоть часъ-бы одинъ подышать
Дыханьемъ луговъ полевыхъ!
О хоть-бы часъ лишь одинъ!

Недолго ему погулять на свободѣ: первая встрѣча—и онъ узнанъ, какъ „тавреный конь“, какъ называютъ се-

бя бродяги за старыя клейма. Нѣкоторые изъ нихъ еще успѣваютъ пристроиться куда-нибудь, показавшись на другихъ лицъ, но тотъ, кто былъ съ клеймами, тому одна дорога, — на заводъ, откуда онъ снова стремится уйдти. За побѣгъ каторжному даютъ отъ 40 до 80 и до 100 плетей и набавляютъ срокъ работъ; второй и третій побѣгъ ставитъ арестанта въ безнадежность выйдти когда-нибудь съ завода легально. Коринецъ Калина сосланъ на 20 лѣтъ въ работы; за преступленіе получилъ онъ 90 плетей; за первый побѣгъ съ каторги дали ему 20 плетей и набавили 10 лѣтъ работъ; бѣжавши во второй разъ, онъ получилъ 40 плетей и сверхъ 30-ти лѣтъ ему надбавлены еще 15 лѣтъ; за третій побѣгъ онъ получилъ уже 60 плетей и приговоренъ къ работамъ безъ срока; въ четвертый побѣгъ онъ показывается на другого каторжнаго и выигрываетъ нѣсколько десятковъ плетей и 20 лѣтъ работъ вмѣсто безсрочной каторги. Онъ опять пошолъ въ каторгу, но ему всего 28 лѣтъ; онъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, въ полной силѣ и необыкновенно здоровъ; навѣрное онъ еще нѣсколько разъ убѣжитъ.—„Я не хотѣлъ жить 20 лѣтъ въ рудникѣ раньше, неужели я теперь останусь!“ говорилъ онъ самонадѣянно. Другіе, пройдя два раза въ бродяжествѣ, теряютъ всякую надежду выжить срокъ, и имъ одинъ выходъ — бѣгство. Бѣглый съ заводовъ Данила Н. 50-ти лѣтъ отъ роду, приговоренъ за второй побѣгъ къ 50-ти плетямъ и 18 годамъ каторги; хилый и забитый, онъ не надѣется прожить до 68 лѣтъ и обѣщаетъ уйдти, желая попользоваться хоть годомъ какой-нибудь свободы. Есть такіе, которые, будучи сосланы на долгую каторгу, удачно показываются на непомнящихъ и идутъ на 4 года въ заводъ, но иные и этихъ лѣтъ не хотятъ отработать. Остальные, сосланные за одно бродяжество, говорятъ: „за что насъ на заводы—развѣ мы преступленіе сдѣлали? Неужели мы за простокишу работать станемъ?“ Всѣ бродяги прошеніе милостыни, или, иначе, простокишу, въ

время бродяжества считаютъ слишкомъ-невиднымъ занятіемъ, чтобы идти за это на каторгу. Такимъ-образомъ, попавшіе на заводы прямо выходятъ на дорогу вѣчныхъ бѣговъ и вѣчнаго бродяжества. Есть такіе, у которыхъ руки, лопатки и лицо покрыты клеймами, означающими число побѣговъ, доходящихъ до значительнаго числа. Одинъ молодой бродяга разсказывалъ мнѣ, что онъ шолъ съ 75-тилѣтнимъ старикомъ, который бѣжалъ съ каторги 18-й разъ и каждый разъ неудачно. Въ бѣгахъ есть перемѣняющіе свои имена безчисленное число разъ, но есть и ходящіе постоянно подъ своимъ именемъ, не желая перемѣнить крещенаго имени, неся самоотверженно отвѣтственность за всю свою жизнь. Есть нерѣдко бродящіе по 40 лѣтъ и болѣе, которые хотѣли-бы въ концѣ открыть свое происхожденіе и всю свою жизнь, но справокъ никакихъ не оказывается, и они судятся непомнящими. Такимъ, напр., судился 63-лѣтній старецъ, бѣжавшій въ 1864 году изъ Петербурга отъ помѣщицы, о которомъ я упомянулъ. Вѣчный бродяга перенесетъ много бѣдъ; онъ бываетъ избитъ розгами, шпицрутенами, плетями, кнутомъ и обезображенъ клеймами. Нерѣдко приходятъ изъ бѣговъ совершенно искалеченные. Такъ въ больницѣ при мнѣ лежалъ арестантъ бродяга Деревягинъ; въ его медицинскомъ свидѣтельствѣ значилось: на спинѣ слѣды кнута и шпицрутеновъ, на ягодицахъ знаки розогъ и плетей, на спинѣ клейма, на рукахъ клейма, на лицѣ клейма. Онъ былъ худъ, какъ щепка, ходилъ съ костылемъ, жолтъ и со впавшими щеками. Скоро я узналъ, что онъ былъ выписанъ изъ больницы и, какъ бродяга каторжный, наказанъ 60-ю плетьми и сосланъ въ каторгу.

Все сказанное о каторжныхъ на рудникахъ и казенныхъ пріискахъ можно отнести и къ заводамъ и къ арестантскимъ ротамъ съ тою разницею, что съ заводовъ уйдти удобнѣе. На заводѣ жизнь хотя легче, чѣмъ на рудникѣ, но всетаки тяжела и вызываетъ бѣгство. Тя-

жесть работъ и скудное содержаніе почти одинаковы. На большей части заводовъ, разсказываютъ бродяги, отпускается два съ половиною фунта хлѣба на день да 1 р. 10 к. въ мѣсяцъ на приварокъ; изъ этого-же приходится заводить и одежду. Надобно замѣтить, что на работахъ, напр. въ солеваренномъ заводѣ, все необыкновенно-скоро носится и трухнетъ: приходится одежду брать впередъ и потомъ отработывать за нее. Живутъ здѣсь и терпѣливо сносятъ работы развѣ только женатые; остальные немедленно уходятъ. Одинъ изъ бѣглыхъ сообщалъ мнѣ, что въ одинъ годъ съ января по іюнь ушли разъ 1,800 человѣкъ съ завода. По собраннымъ свѣдѣніямъ г. Шелгуновымъ оказывается, что нерчинскій заводъ считалъ за 10 лѣтъ бѣжавшими 4,299 арестантовъ, которые всѣ скитаются по Сибири. Въ 1851 г. было на немъ сосланныхъ 3,992 человѣка; изъ нихъ находилось на лицо 1,127 человѣкъ; бѣжавшихъ на этомъ заводѣ приходилось 109%.

Строгость содержанія не вліяла да едвали и повліяетъ на искорененіе побѣговъ: трудно удержать рѣшительнаго человѣка опасностью, а такихъ людей много между важными преступниками. Есть особенные искусники и люди изобрѣтательные, которыхъ ничто не удержитъ отъ побѣговъ; такъ извѣстенъ теперь въ Сибири сосланный солдатъ, прославившійся въ Ярославлѣ убійствомъ часового и уходомъ изъ секретной. Онъ еще не доходилъ до каторги. Къ характеристикѣ этой неглупой, между прочимъ, личности нужно прибавить, что онъ судился семнадцать разъ и ниразу не былъ наказанъ въ Сибири, а все скрывался до приведенія въ исполненіе конфирмаціи и сидѣлъ каждый разъ подъ новымъ именемъ. Онъ ушолъ изъ томскаго острога, переодѣвшись служителемъ больницы; сидя въ Каинскѣ, онъ сдѣлалъ подкопъ; изъ Омска онъ ушолъ, выѣхавъ изъ острога въ бочкѣ съ нечистотами изъ ретирадовъ. Ушолъ въ іюлѣ 1867 г., въ февралѣ нынче опять взятъ. Въ 7 мѣ-

цевъ его четыре раза ловили и 4 раза онъ уходилъ изъ тюремъ. Надняхъ его уличили въ дѣланьи фальшивыхъ ассигнацій въ секретной.

Самое строгое содержаніе, конечно, въ арестантскихъ ротахъ и острогахъ: здѣсь всѣ подъ замками; кругомъ штыки и тесаки; зданія окружены каменными стѣнами и высокими палями; въ работы ходятъ съ конвоемъ, но.... и здѣсь побѣги — постоянные. Легко найти случай подпоить конвойнаго, обмануть его, изрѣдка подкупить, а-то и убить. Въ острогахъ для побѣговъ употребляется много способовъ, да едвали ихъ можно и предвидѣть: за открытіемъ старыхъ являются новые. Недаромъ тысячи арестантскихъ головъ работаютъ цѣлую жизнь днемъ и ночью, помышляя о побѣгѣ и волѣ: нетолько сдѣлать подкопъ, перекинуть веревку, перепилить рѣшотку, но даже умудряются пролѣзть въ рѣшотку, оставляя часто на безчувственномъ и неподатливомъ желѣзѣ свою кровь. Бѣгутъ на рискъ, съ опасностью жизни.

Я никогда не забуду эпизода, видѣннаго мною въ этомъ родѣ. Изъ острога задумали бѣжать два арестанта. Это были два сильные и отважные парня 23 и 25 лѣтъ. Они должны были идти на каторгу и хотѣли избавиться отъ нея бѣгствомъ. Утромъ, когда арестантамъ были отворены двери для полученія пищи, они вышли на дворъ. Одинъ изъ нихъ взялъ кисть и ведро бѣлильщика, а другой подставилъ лѣстницу къ стѣнѣ; забравшись на нее, они маневрировали на ней, какъ бѣлильщики; лишь-только часовой отвернулся, они успѣли спрыгнуть за стѣну; однако ихъ увидали съ верхняго этажа; поднялась тревога. Изъ острога кинулись въ погоню, поскакали верхами надзиратели; острогъ загудѣлъ; по корридорамъ шла повѣрка и бѣготня. Арестанты приникли къ рѣшоткамъ оконъ и, переговариваясь, стали смотрѣть на результаты поисковъ. Изъ оконъ, какъ на ладони, было видно поле и лѣсокъ, куда скрылись

бѣгущіе. Вниманіе арестантовъ было жадно приковано къ полю. Многіе изъявляли сочувствіе: только знатоки дѣла качали съ горькой досадой головой, говоря: „эхъ, не такъ! кто-же утромъ!... эхъ!“ и т. п. Послѣ тревожнаго ожиданія скоро показалась изъ-за кустовъ группа солдатъ; видно было, какъ поднимались и опускались приклады. Увидя это, острогъ завылъ; вопли и брань огласили его и арестанты въ безсильной ярости потрясали рѣшотками. Бѣглецы шли, окруженные, то падая, то снова поднимаясь на ноги, но, не пройдя нѣсколькихъ шаговъ, снова падали. Бѣжавшіе не могли уйдти: одинъ, увидя погоню, самъ вышелъ на встрѣчу; другой мчался, какъ вѣтеръ, до лѣса, но его настигли на лошадяхъ. Началась расправа; солдаты дѣйствовали по старой традиціи, какъ ихъ ни удерживали: ихъ обуяла злоба *). Говорили, что два приклада и ружейный замокъ были сломаны объ этихъ людей. Скоро бѣглецовъ ввели въ нашу больницу. Одинъ изъ нихъ, парень атлетическаго сложенія, былъ наполовину трупомъ. Пробрала дрожь отъ этого зрѣлища: тогда я еще не привыкъ видѣть кровь. Живѣйшимъ участіемъ окружили ихъ арестанты: къ нимъ прилагались заботы, какъ къ роднымъ страдающимъ; всякій подходилъ и качалъ головой: можетъ, каждый думалъ, что и ему придется испытать то-же. Такъ платятся люди за призракъ свободы!...

Вслѣдъ за каторжными къ бродячему люду нужно отнести поселенцевъ. Причинами побѣговъ ссыльныхъ съ поселенія служитъ неестественное положеніе въ мѣстѣ ссылки,—гнетущая тоска, вторичное преступленіе и желаніе избѣжать наказанія, наконецъ бѣдственное экономическое положеніе. На поселеніе ссылаются или прямо изъ Россіи, или выходятъ туда съ заводовъ и рудниковъ по пробытіи сроковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, и по сво-

*) Прежде солдатъ самъ жестоко платился за побѣгъ арестанта: его прогоняли сквозь строй. Нынѣ это отмѣнено, и это было благодѣяніемъ для арестанта: солдаты прежде вымещали свои шпицрутены на немъ.

ему характеру, и мѣстнымъ условіямъ труда, мало были склонны къ нему, какъ и къ осѣдлости. Нечего говорить, что значительная часть изъ ссыльныхъ—люди испорченные; многіе и здѣсь не оставляютъ своихъ прежнихъ преступныхъ профессій, дѣлаютъ новыя преступленія и бѣгутъ отъ наказаній. Какіе элементы содержитъ ссылка, видно изъ того, что большинство судится за воровство; опубликованныя свѣдѣнія тобольскаго приказа о ссыльныхъ съ 1854 по 1859 годъ это ясно указываютъ (Тобольск. губ. вѣд. 1859 г. №№ 28—31). Второе мѣсто за воровствомъ принадлежитъ бродяжеству.

Ссыльное населеніе въ Сибири ставится вообще въ дурныя условія. Явившись въ другую мѣстность и въ другую среду, ссыльные не могутъ найдти тѣхъ занятій, которыя имѣли на родинѣ и которыя часто становятся имъ ненужными или нетребующимися въ новой странѣ: это зависитъ отъ разницы въ экономической и соціальной жизни между Сибирью и Россіей, наконецъ отъ разности ихъ развитія. Сибирь по преимуществу страна земледѣльческая, а потомъ скотоводческая и горнопромышленная. Она — производительница самаго-грубаго сырья; для добыванія этого сырья изъ нѣдръ природы требуется трудъ по большей части физическій, — нужно пахать, боронить, ходить за скотомъ, копать землю на пріискахъ и т. п. Въ городахъ ремесла и заводская промышленность стоятъ здѣсь на низкой степени развитія и цивилизованныя потребности жителей крайне ограниченны. Россія же въ значительной части своихъ губерній страна мануфактурная въ сравненіи съ Сибирью: въ ней болѣе заводовъ и фабрикъ; ремесла наиболѣе развиты; раздѣленіе труда сильнѣе; функціи его многосложны, а потому населеніе переходитъ отъ труда грубаго и валового къ болѣе-легкому и изысканному. Такимъ-образомъ какому-нибудь мастеру или работнику съ бархатной, суконной, хлопчато-бумажной или сахарной фабрики нѣтъ возможности въ Сибири

найдти обычное занятіе, и онъ принужденъ заняться какимъ-нибудь непривычнымъ трудомъ, напр. идти въ работники къ мужику или наняться на пріиски. Ремесленникъ, сосланный въ деревню, становится въ самое неестественное, стѣсненное положеніе. Многіе изъ поселенцевъ не привыкли ни къ какому физическому труду, бывши на родинѣ приказчиками, торговцами, половыми, лакеями, актерами и т. п. Такихъ значительная часть; наконецъ въ Сибирь является много народу, который снискивалъ средства къ жизни разными предосудительными способами,—игроки, шулера, контрабандисты, фальшивые монетчики, артисты-воры и проч. Всѣ эти люди, переселенные въ страну, гдѣ необходимъ физическій трудъ, усиленное прилежаніе, настойчивость въ преодолѣваніи препятствій, представляемыхъ дѣвственной природой,—въ жизни дѣлаются совершенно несостоятельными. Люди, явившіеся безъ имущества, пролетаріи, большею-частію бобыльные и одинокіе, притомъ поставленные въ своихъ правахъ ниже крестьянства, они совершенно теряются, кидаются въ плутовство, мошенничество, обиранье мѣстнаго населенія разными уловками и обманомъ и наконецъ идутъ скитаться по острогамъ. Должно сказать, что къ числу невыгодныхъ обстоятельствъ для поселенцевъ явился промышленный и буржуазный характеръ сибирскаго общества, охватывающій даже крестьянство, которое стремится закабалить работника. Поселенецъ, какъ человѣкъ продувной и нелюбящій труда, старается, въ свою очередь, надуть крестьянина и поживиться на его счотъ. Оттого возникаетъ между крестьянами и поселенцами антагонизмъ, переходящій въ ненависть. Крестьянинъ считаетъ поселенца *варнакомъ*, человѣкомъ, способнымъ на всякое преступленіе и надувательство, тунеядцемъ, сидящимъ на мужичьей шеѣ. Сибирскіе крестьяне создали пословицу: „поселенецъ, что младенецъ, на что взглянетъ, то и стянетъ". Поселенецъ, въ свою очередь, презираетъ мужика, и

ситъ на него ему-же данное названіе *челдона*, видитъ стремленіе крестьянина эксплуатировать поселенца, а потому считаетъ дозволительнымъ, въ свою очередь, обирать и обкрадывать его, добродушно называя это *ученьемъ сибиряковъ*. Ненавидя мѣсто ссылки, поселенецъ всегда старается вымещать свою злобу на жителяхъ. „*Панкрутить*“ сибиряковъ, какъ выразился намъ одинъ поселенецъ, ихъ любимое занятіе. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами поселенцевъ мы видѣли только одного, много — двухъ, которые еще находили Сибирь хорошею и удобною для жизни страною, да и-то одинъ изъ этихъ хвалившихъ былъ уже бродяга: онъ бѣжалъ въ Россію, чтобы повидать родныхъ: остальные поселенцы не могутъ иначе смотрѣть на все сибирское, какъ съ ненавистью.

По этому можно судить, какъ относятся большею частію поселенцы къ мѣстному населенію. Само собою разумѣется, что вѣчная борьба съ опасностями, страхъ кнута и плети, голодная и холодная жизнь неособенно благопріятствуютъ добродѣтельной жизни поселенцевъ. Жестокость наказанія, имѣющая въ виду устрашить и исправить преступника, приводитъ къ противоположному результату: она ожесточаетъ его еще болѣе... Въ Сибири большая часть преступленій дѣлается ссыльными и подъ ихъ вліяніемъ; покрайней-мѣрѣ, такъ отзываются многіе изъ слѣдователей. Остроги содержатъ всего-болѣе за преступленія бродягъ и поселенцевъ. Наконецъ та безнравственность, развратъ, плутоватость и даже наклонность къ разбоямъ, которыя вошли въ нравы и характеръ сибирскаго крестьянства, совершенно объясняются вліяніемъ штрафной колонизаціи. Значительная часть холостыхъ переселенцевъ, являющаяся въ деревняхъ, не можетъ не понизить уровня нравственности и не отразиться на семейномъ быту крестьянъ. По городамъ, куда являются разные артисты плутовства, не могутъ не возникать преступленія и безнравственность. Изъ полицейскихъ отчетовъ видно, что въ сибирскихъ городахъ

за пьянство, буйство и проч. попадается въ полицію больше всего поселенцевъ (Томск. Губ. Вѣдом. 1865 г.). Часто въ городахъ вдругъ появляется новая профессія воровства, какъ-напр. срѣзыванье часовъ, прежде невиданная: ясно, что появилось какое-нибудь новое лицо. Докапываются, открываютъ; оказывается, что это только-что прибывшій изъ Москвы карманникъ, явившійся на поселеніе и только-что выпущенный изъ острога. Полицейская практика въ Сибири можетъ много представить этому примѣровъ. Этимъ дурнымъ вліяніемъ поселенцевъ объясняется и та вражда и ненависть въ сибирскомъ населеніи, которую питаютъ къ нимъ. Слово „поселенецъ" здѣсь имѣетъ самое-дурное значеніе. Вражда противъ нештрафного населенія выразилась еще-болѣе у крестьянъ въ преслѣдованіи бродяжества. Только самая малая часть начинаетъ жить въ странѣ ссылки осѣдло, обзаводится хозяйствомъ и питается трудомъ. Къ такимъ относятся преимущественно женатые и только тѣ люди, преступленіе которыхъ не предполагаетъ въ нихъ крайней испорченности и было слѣдствіемъ порыва и чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Только ремесленники, работники и трудолюбивое крестьянство изъ сосланныхъ дѣлаются на мѣстѣ ссылки производителями. Для этихъ людей Сибирь, по обилію земель, по дѣвственности, нетронутости природы, по малонаселенности и потребности въ ремесленникахъ, составляетъ кладъ: многіе акклиматизуются, богатѣютъ и не нахвалятся страной. Даже каторжные, выходя съ заводовъ и вздумавши заняться трудомъ, преобразуются въ капиталистовъ. Въ восточной Сибири есть нѣсколько купеческихъ домовъ происхожденіемъ изъ бывшихъ каторжныхъ. Подобные ссыльные говорятъ: „Сибирь что хаять!.... Сибирь земля хорошая, богатая: она всѣхъ накормитъ". Крѣпостные крестьяне считали поселеніе сюда благодѣяніемъ, но такихъ людей изъ поселенцевъ, конечно, весьма немного, и, при всестороннемъ взглядѣ на вліяніе ссылки, [illegible]

принимать ихъ, какъ часть къ цѣлому. При исправ тельномъ вліяніи ссылки на нѣкоторыхъ нельзя упуска изъ виду порчу, вносимую неисправимыми въ среду зд роваго общества. Люди испорченные, тюремныя птаи (les oiseaux de prison) совершенно другого взгляда на м сто ссылки и на трудъ. Такіе люди предпочитаютъ т неядствовать и мошенничать. Они страшатся тяжола труда и особенно не любятъ сохи, т. е. того, чѣм живетъ теперь сибирское населеніе. Они предпочитаю ей пріиски, потому-что здѣсь, получивши задатки, он могутъ погулять; тутъ они ведутъ наполовину каторя ную, наполовину разгульную жизнь. Все, что лѣтом скопляется усиленнымъ трудомъ, осенью проматывается Выходя съ пріисковъ, эти люди, грубые и безнравствен ные, вносятъ въ жизнь страшный развратъ, и за деньг они покупаютъ все, соблазняютъ, безобразничаютъ, буй ствуютъ. Чтобы видѣть, какой производятъ они содомъ надо взглянуть на города Сибири, сосредоточивающі золотопромышленность. Быстро прокутившись, они част до весны и новыхъ задатковъ пускаются въ преступле нія. Такая жизнь, то тяжкая и каторжная, то разгуль ная и безнравственная, конечно, еще-болѣе способ ствуетъ растлѣнію поселенца. Ходя въ тайгу на пріиски и часто бѣгая оттуда, они привыкаютъ бродяжить по Сибири и окончательно дѣлаются бродягами на всю жизнь. Они идутъ часто изъ-за тунеядства, изъ-за голода, отъ подати, отъ наказаній за совершонныя преступленія. Впереди поселенецъ не боится острога: онъ прошолъ его горнило, а это много значитъ; въ немъ онъ провелъ значительный срокъ во время слѣдствія и суда на родинѣ; онъ шолъ въ Сибирь по этапамъ, перебывалъ въ нѣсколькихъ острогахъ, втянулся въ острожную жизнь и сдѣлался гражданиномъ ея. Проводя здѣсь время въ праздности, въ игрѣ, свыкшись съ средой удалыхъ и буйныхъ добрыхъ молодцовъ, напитавшись ихъ разсказами, наконецъ изучивши ихъ профессію мошенничества, онъ

привязывается даже къ этой жизни. У поселенцевъ есть пословицы: „кому острогъ, а намъ домъ“, „кто острожнаго хлѣба поѣлъ, того къ нему и тянетъ“, „что намъ Сибирь! дальше солнца не ушлютъ, а Сибирь мы видали“. Во всемъ они показываютъ довольно легкое отношеніе къ острогу, даже въ названіяхъ; потому для поселенца онъ потерялъ устрашительный характеръ и ему нечего боятся попасть сюда. Кромѣтого къ бродяжеству вызываетъ поселенцевъ ихъ стѣсненное гражданское положеніе, неполноправность, бѣдность, являющіяся вслѣдствіе перемѣщенія и новаго положенія въ странѣ, непривычки и неустройства. Ко всему этому поселенцу, приписанному къ волости и живущему въ деревнѣ, выпадаютъ на долю часто притѣсненія: какъ лицо сосланное и обязанное пріобрѣтать еще права крестьянина, онъ принужденъ быть меньшимъ членомъ крестьянской семьи; онъ не имѣетъ голоса и часто принужденъ повиноваться безусловно мѣстному обществу, которое его иногда обдѣляетъ. Нерѣдко встрѣчаются жалобы, что крестьяне отводятъ ему неполные и дурные участки. Въ дѣлѣ суда и расправы сибирскіе крестьяне пристрастны и болѣе протежируютъ своимъ, чѣмъ поселенцу. Въ отношеніи предложенія труда поселенецъ терпитъ большое затрудненіе, такъ-какъ у крестьянъ репутація поселенцевъ подорвана: крестьяне вновь пришедшаго не возьмутъ, „потому-что кто его знаетъ, кто онъ такой“; есть мѣста, гдѣ не берутъ поселенцевъ въ работники даже изъ-за хлѣба. Наконецъ, на поселенца обрушивается всегда болѣе подозрѣнія въ случаѣ совершившагося преступленія. Все это стѣснительныя стороны поселенческаго быта. Къ причинамъ, затрудняющимъ осѣдлость поселенца, должно отнести и другія препятствія: такъ поселенцамъ 3-го разряда прежде воспрещено было вступать въ бракъ ранѣе 5-ти лѣтъ ссылки, а нынѣ ранѣе 3-хъ лѣтъ; бобыльная, одинокая жизнь, такимъ образомъ, тоже способствовала бродяжеству и не привязывала человѣка къ мѣстно-

сти. Сплошь и рядомъ мелкое начальство не выда
поселенцамъ паспортовъ съ прихода ихъ, что зат]
няетъ ихъ въ выборѣ мѣстностей для труда. Затѣмъ
обзаведеніе поселенца всегда имѣетъ вліяніе дорогови
хлѣба и вообще съѣстныхъ припасовъ. Поселенцы все
справляются, идя на поселенье, почомъ хлѣбъ въ так
то и такой-то губерніи. Самая-страшная въ этомъ слу
губернія—иркутская, гдѣ хлѣбъ доходитъ до 2 р. и д
былъ 2 р. 80 к. Ссыльные говорили, что разъ, во вре
прохода партіи по Забайкалью, они принуждены бі
платить по 7 к. с. за фунтъ чорнаго хлѣба. Понят
какъ тяготятся этимъ переселяющіеся. При дорогови
хлѣба крестьяне мало ихъ принимаютъ и въ работ
ки—и вотъ голодъ является естественнымъ побужде
емъ питаться милостынею, которая легко пріобрѣтае
въ бродяжествѣ. Иркутская губернія, какъ самая-неб
гопріятная въ этомъ отношеніи, вызываетъ и бол
.... Если-бы можно было услѣдить и измѣрить і
токъ бродяжества, и особенно поселенческаго, то мож
было-бы увидѣть колебаніе цифръ бродяжества въ пр
мой зависимости отъ поднимающихся цѣнъ на хлѣб
Что ссыльные на поселеніе мало утверждались осѣдло
Сибири, это можно видѣть до сихъ поръ на населенны
ими волостяхъ, точно-также какъ и то, какую они здѣ
испытываютъ бѣдность. Извѣстно также, что пробова
селить ихъ съ особенною заботливостью по тракту въ во
сточной Сибири, строили имъ дома, давали скотъ
предоставляли имъ готовое хозяйство, и извѣстны такж
тѣ непривлекательные результаты, какимъ подверглись эт
колоніи: поселенцы разбѣжались. Въ значительной сте
пени тутъ, конечно, участвовалъ личный характер
ссыльныхъ. До сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ волостяхъ
восточной Сибири существуетъ обыкновеніе строить дома
для поселенцевъ, куда они являются гуртами; но и это
не помогаетъ имъ при нежеланіи производительнаго
труда съ ихъ стороны. Какъ мало способны они къ граж-

данственности, можно судить по тому, сколько ихъ находится на мѣстахъ приписки. Волостные писаря и крестьяне говорятъ, что ихъ не болѣе одной пятой, много четверти налицо изъ того, что присылается: остальные въ разбродѣ, а больше въ бродяжествѣ. То-же подтверждаютъ и сами поселенцы: они показываютъ напримѣръ что въ черемховской волости иркутской губерніи и уѣзда на 3,000 крестьянъ приписано 5,000 поселенцевъ, но едвали на самомъ дѣлѣ ихъ найдется 300: остальные бродятъ или живутъ въ Иркутскѣ и на пріискахъ. Поселенецъ тобольской губерніи изъ деревни Красноярской, какъ старожилъ, замѣтилъ, что на 100 крестьянъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было у нихъ 180 человѣкъ поселенцевъ, нынѣ же только 16,—остальные повымерли, а другіе въ бѣгахъ и отлучкахъ. Въ городѣ Ишимѣ изъ 600 приписанныхъ поселенцевъ, какъ говорятъ, едва 100 найдется налицо. Жизнь поселенца совершенно особенная въ деревняхъ. Они нанимаютъ иногда человѣкъ 10 одну избу: у нихъ одно ведро, одинъ зипунъ и они по очереди ходятъ по улицѣ; сидятъ они въ деревняхъ больше по кабакамъ, оборванные, пьяные, подбитые, а работать нейдутъ: жизнь неприглядная и ничего недающая для мѣста ихъ новаго поселенія!... Есть и еще одинъ стимулъ, вызывающій поселенца бѣжать съ мѣста поселенія, который обойдти мы не можемъ: это—любовь къ родинѣ. Какъ ни трудно, но большая часть ссыльныхъ желаетъ повидать ее. Эта вѣчно теплящаяся любовь даже въ самомъ грубомъ сердцѣ постоянно влечотъ его къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекли его лучшіе дни, гдѣ онъ оставилъ все родное, любимое и наконецъ свое счастіе. Ему грезится всегда его земля съ родными дубами, съ широкой Волгой или Окой, съ красивыми городами и золотыми куполами; онъ мечтаетъ о ней, какъ изгнанникъ, и вотъ онъ добивается дойти до нея всѣми средствами, не смотря ни на какія трудности. Всѣ они попадаются—самое дальнее—на гр

ницѣ тобольской губерніи съ пермскою, но они все идутъ, и трепетная надежда авось дойти не покида не смотря на несбыточность мечты. Я видѣлъ много кихъ пробиравшихся и рѣдко кто изъ нихъ обращ вниманіе на практическую сторону своей задачи: они руководствуются только инстинктомъ бродяги. Ин безъ всякихъ особенныхъ вынуждающихъ обстоятель идетъ поселенецъ изъ одного того, что онъ въ ссыл Такіе часто встрѣчаются, какъ говорятъ сами брод „Да изъ-за чего ты бѣжалъ?" спрашиваютъ его.—„ какъ-же!—отвѣчаетъ онъ:—меня *навѣчно* на поселе сослали". Всѣ ихъ пѣсни наполнены жалобами на оди чество: „мальчишки въ чужой, дальней сторонѣ".

Непривлекательна такимъ людямъ Сибирь; не св нутся они съ нею; она всегда для нихъ останется ст ною изгнанія, страданія и наказаній; имъ не приг нутся ея пространства, ея крѣпкіе лѣса, дѣвствен природа, требующая титаническаго труда для успѣш борьбы съ нею,—не приглянутся, потому-что они не п шли свободно создать себѣ здѣсь благосостояніе, а п шли поневолѣ, нехотя, на муку и испытаніе. Не кимъ людямъ суждено заселить и обработать Сибирь!

Послѣ поселенцевъ въ бродячемъ людѣ является лѣе-всего дезертировъ и рекрутовъ; они здѣсь скр ваются подъ именемъ „непомнящихъ родства". Всѣ о стремятся обойдти службу и выдти, покрайней-мѣр „на вольное поселеніе", но поступаютъ въ общій ссыл ный водоворотъ и проводятъ жизнь только бродягами каторжниками. О побѣгахъ изъ войскъ извѣстны слѣд ющія оффиціальныя цифры. Въ 1856 г. бѣжало въ Росс 4,294 человѣка, въ 1857 г.—5,791, въ 1858 г.—5,16 но цифры прежде были несравненно крупнѣе. Обыкн венно перемѣщеніе бродяжествъ съ россійской почвы в Сибирь, какъ дезертировъ, такъ и свободныхъ сослові дѣлается путемъ юридическимъ. Бѣглые изъ полковъ ил чѣмъ-нибудь побуждаемые крестьяне переходятъ въ Рос

сіи изъ одной губерніи въ другую и взятые здѣсь за бѣглецовъ, за необъявленіе званія, отправляются въ Сибирь на поселеніе; съ поселенія они немедленно уходятъ и продолжаютъ бродить по Сибири уже болѣе безопасно.

III.

Путь бродягъ.

Если мы окинемъ взглядомъ большую сибирскую дорогу отъ большого нерчинскаго завода до границы пермской губерніи, à vol d'oiseau, то увидимъ цѣлыя массы народа, снующія по ней группами въ 10, 20, а иногда и 40 человѣкъ. Растянувшись по дорогѣ, они то обгоняютъ другъ друга, то отстаютъ, то группируются на мельницахъ, на заимкахъ, на пашенныхъ избушкахъ, то разбиваются и парами расходятся по деревнямъ, лежащимъ близь тракта. Это—сибирскіе бродяги. Они идутъ большимъ трактомъ, какъ кратчайшимъ путемъ, идутъ и проселками по правую и лѣвую сторону дороги, заворачиваютъ въ сторону, кружатъ по деревнямъ и снова выходятъ на большую дорогу. Нѣкоторые пробираются тайгами, гдѣ прямѣе,—нѣкоторые плывутъ рѣками; но у всѣхъ у нихъ, не смотря на запутанность пути, одно направленіе; они всѣ стремятся достичь иркутской губерніи, по преимуществу Забайкалья. Потокъ ихъ направляется на западъ, къ Россіи; по пути онъ увеличивается притоками новыхъ бѣглецовъ съ разныхъ заводовъ и поселенія. Войдя въ иркутскую губернію, они стараются выбраться на большой трактъ: здѣсь идти вольготнѣе, только мѣстами приходится проходить тайги. Сухимъ путемъ они проходятъ енисейскую губернію, обходя городъ Красноярскъ, а въ томской губерніи раздѣляются: одни идутъ отъ Ачинска прямо къ озеру Чаны и, минуя большой трактъ, проходятъ южными округами

подзаводскихъ крестьянъ; другіе идутъ на Томскъ; тѣмъ направляются къ сѣверу на Тюкалу, на Ишим на Ялуторовскъ, Камышловъ или Шадринскъ, къ гра цамъ Россіи. Здѣсь дорога для бродягъ становится безопасною: въ тобольской губерніи ихъ уже чаще вятъ; здѣсь имъ особенно опасны два округа,—омскій тарскій; а въ пермской губерніи они должны соверш но скрываться и идти ночами. Перевалъ черезъ грани тобольской губерніи составляетъ самое-важное затрудн ніе, а потому нѣкоторые идутъ на Ирбитъ, на Пелым и затѣмъ черезъ Уралъ тайгой и безслѣдными мѣстам къ Чердыни; другіе заходятъ еще сѣвернѣе, къ самом Березову, переходя пустыни на лыжахъ; иные проходят изумительныя пространства—тысячъ по сорока верст Необозримыя сибирскія пустыни не останавливаютъ страс наго желанія бродягъ побывать на родинѣ; вѣчныя ск танія знакомятъ ихъ дотого подробно и отчотливо с мѣстностью, что нѣкоторые изъ нихъ пересчитываютъ наизусть всѣ станціи отъ Забайкалья до россійской гра ницы, знаютъ всѣ деревни и деревушки, чрезъ которы слѣдуетъ проходить. Они точно знаютъ, гдѣ приходится для безопасности или удобства, идти непроложенной до рогой и тайгами, гдѣ — чрезъ деревни и даже города вездѣ у нихъ есть свои примѣты, зарубки и надписи.

Громадный путь бродягъ по мѣстамъ часто пустын нымъ, конечно, полонъ трудностей, бѣдствій и неудобствъ всякаго рода. Уже выходя съ завода, они начинаютъ терпѣть лишенія; что-же приходится имъ испытывать, когда они проходятъ громадное пространство по Забайкалью? Здѣсь самое народонаселеніе старается всѣми средствами затруднить путь бродягъ; буряты съ особенной охотой занимаются этимъ. Поэтому бѣглецы здѣсь пробираются тайгами; рѣдкому изъ нихъ не придется поголодать сутокъ трое, четверо, а иногда даже и больше; въ деревни заходить нельзя; приходится пробираться стороною, чуть не ползкомъ. Но самый

трудный переходъ — кругомъ Байкала, длиною въ 350 верстъ. Нынѣ, послѣ проведенія дороги, онъ сталъ нѣсколько легче для обыкновенныхъ путешествій, но не для бродягъ: имъ осталось тутъ еще немало обходовъ по мѣстамъ пустыннымъ и таежнымъ; особенно досаждаютъ имъ рѣчки Снѣжная, Бумажная и другіе горные потоки, быстрые и капризные, прыгающіе по камнямъ и представляющіе весьма серьезныя затрудненія при переправѣ. „Какъ перебраться на другой берегъ?" думаетъ бѣдняга... и вотъ сооружается самодѣльный плотикъ и кое-какъ, палкой или доской, переводятъ его на другой берегъ; бываютъ и такіе смѣльчаки, что кидаются въ бродъ; а то употребляются и другіе способы: рубятъ, напримѣръ, слегу и перебрасываютъ на выдавшійся камень; переберутся по этой слегѣ, утвердятся на камнѣ, — затѣмъ слега перебрасывается на слѣдующій камень и т. д., — но при этомъ малѣйшее неосторожное движеніе — палка повертывается и смѣльчакъ летитъ въ воду; онъ погибаетъ навѣрное: стремительность потока не допускаетъ сопротивленія; упавшій быстро несется къ устью, а затѣмъ и въ громадное озеро. Много жертвъ унесли эти рѣчки: недаромъ бродяги съ тоской и страхомъ вспоминаютъ о трудностяхъ кругоморской дороги:

«Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя»,

поютъ бродяги. Зимой переходъ дѣлается черезъ замерзшій Байкалъ. Этотъ переходъ неразъ уже былъ описываемъ: мы не будемъ много распространяться о немъ. Идутъ 60 верстъ и болѣе по голому льду, подъ вѣтромъ и часто буранами. Представьте себѣ этого путника среди ледяной пустыни, нищаго, въ оборванномъ армякѣ, шагающаго посреди вѣтра, подавляемаго и шириной пространства, и стихійными силами озера! Въ дальнѣйшемъ пути бродягамъ нерѣдко приходится идти дикими урманами, а часто и плавиться водой. Послѣдній путь мно-

гіе избираютъ, не смотря на его опасность. Пускаю по Ангарѣ, внизъ до Енисея, по Бирюсѣ и по Ка Для плаванія иногда крадутъ и угоняютъ крестьянс лодки, а за неимѣніемъ ихъ дѣлаютъ плоты, кое-ка скрѣпленные; плаваютъ на нихъ группами въ 10, 15 25 человѣкъ. Встрѣчающіеся пороги на Кану и Анга обходятъ пѣшкомъ, тайгою; но болѣе-смѣлые пускаю на плотахъ и черезъ пороги, надѣясь провести ихъ. Т кой плотъ, кинувшись въ водоворотъ, кружится и ун сится съ неимовѣрной быстротой, погружаясь иногда с вершенно въ пѣнящіяся волны, и выкидывается на п верхность далеко за порогомъ. Такое плаваніе рѣд обходится счастливо: ударъ о камень полагаетъ коне земному странствованію бродягъ.

— Бѣжали мы, видишь, шестеро изъ тайги съ пріиска,- говорилъ мнѣ одинъ бродяга.—Вышли мы на маленьку таежную рѣчку, что въ Енисей впадаетъ, срубили плот и отправились; былъ у насъ хлѣбъ съ собой запасенъ огонь горѣлъ на плоту. Плыли мы съ баграми дня дв наконецъ начали къ устью подплывать,—только не мо жемъ съ плотомъ справиться: такъ его и относитъ. Раз поднесло къ самому берегу: „ну,—думаемъ,—конецъ" выкинули мѣшки на берегъ, хотѣли-было за тальник схватиться, а плотъ-то какъ двинетъ о берегъ,—мы по падали; глядь... а насъ опять отнесло. Что тутъ дѣлать въ мѣшкахъ у насъ и хлѣбъ лежалъ, а тутъ въ рѣку претъ. Одинъ товарищъ пробовалъ веревку съ петлей накинуть на тальникъ, какъ поровнялись съ берегомъ накинулъ, схватился за веревку, а плотъ какъ повернет- ся,—свернулся бѣдняга и бухъ въ воду... Смотримъ,— насъ отнесло, а его и слѣда нѣтъ; такъ и ушолъ ко дну: царство ему небесное! Вынесло насъ въ Енисей на средину рѣки. Несетъ день, два; голодъ насъ сталъ про- бирать, холодъ, мокрота. „Господи! что это,—думаемъ,— будетъ". На плоту мы огонь кое-какъ все поддерживаемъ. На третій день голодъ насъ сталъ еще хуже мучить;

пьемъ воду—тошнитъ; кору ѣдимъ—тошнитъ... а тутъ плотъ прогорѣлъ, вода заливается: думали—потонемъ. Ходимъ мокрые, иззябли, окоченѣли всѣ; пятый день плывемъ; пусто; кругомъ вода, и къ берегу не подноситъ. Какъ мухи, слабы стали; ползаемъ по плоту; а иной омертвѣлъ и языкъ отнялся. Наутро въ шестой день увидѣли мы людей на берегу; заревѣли мы лихимъ матомъ: „спасите, православные христіане!“ Видимъ,—на берегу человѣкъ стоитъ въ бѣлой фуражкѣ и въ пальто; подлѣ тарантасъ. „Кто вы такіе“? кричитъ намъ. „Бѣглые,—говоримъ,—бродяги: спасите!“—„А, такъ откуда плывете, туда и ступайте“, говоритъ. Плотъ пронесло; безпомощные мы остались; отчаянность на насъ напала; упали мы, начали каяться, къ смерти собираться. Только въ седьмой день къ полудню насъ поднесло къ берегу; такъ плотъ въ песокъ и врѣзался. Вышли мы на берегъ, козаковъ услыхали, пошли къ деревнѣ; а насъ тутъ въ бѣлой шапкѣ баринъ-то и встрѣчаетъ. Это былъ самъ исправникъ. Упали мы въ ноги. „Возьмите насъ, говоримъ, ваше благородіе: съ голоду пропадаемъ“. Разобрали насъ въ тѣ поры мужики, обогрѣли, накормили. Такъ вѣдь что: съ перваго-то раза, облопавшись, мы чуть не умерли!

Переходы пустынь и лѣсовъ также не безъ трудностей,—напримѣръ, путь изъ Охотска въ Якутскъ по мѣстамъ гористымъ, дикимъ и совершенно безлюднымъ, вдали отъ дорогъ и жилья. Путешествіе по этой дорогѣ продолжается по сороку сутокъ, въ одиночествѣ и совершенной пустынѣ, покрытой туманами, посреди утесовъ или извилистыхъ, переплетающихся рѣчекъ. Плутать приходится сплошь и рядомъ. Впрочемъ, проходы по тайгамъ въ 260, 400 верстъ нерѣдки: къ нимъ совсѣмъ привыкли бродяги.

— Тайгой мы часто ходимъ,—разсказываетъ бродяга:—кто знаетъ сноровку,—ничего... я сколько разъ хаживалъ. Запасешь хлѣба пудъ и валяй... Мошка только

одолѣваетъ. Гдѣ тропинки расходятся,—смотришь примѣты наши-же дѣлаютъ... зарубки на деревѣ, хворостъ сложенъ али углемъ на лѣсинкѣ написано, куда идти. Знающему человѣку изъ лѣсу можно выйдти; смотри, гдѣ *полдень*—разъ по вѣтвямъ; также, гдѣ кора на лѣсинкахъ трескается, и по муравьинымъ кучамъ у корней; все это на полдень; мхомъ деревья обросли — къ полуночи; ночью по звѣздамъ смотри, а еще лучше, коли имѣешь *матку* (компасъ). Хлѣба не достанетъ,— ягоды, дикій лукъ ѣдимъ, колбу, солодковый корень, бѣлоголовникъ... траву-то часто по бродяжеству варить въ котелкѣ приходится... А звѣрь?... нашего брата звѣрь не тронетъ. Его, дѣйствительно, въ тайгѣ много, да онъ смиренъ: посмотритъ изъ-за куста и пойдетъ въ сторону".

Но если бродяги и нейдутъ тайгой, то имъ все-таки встрѣчается не меньше неудобствъ и препятствій: здѣсь, проходя кратчайшимъ путемъ въ деревню, бродяга попалъ въ трясину, тамъ, когда переплывалъ черезъ рѣчонку, у него унесло узелокъ съ платьемъ и онъ остался голый въ степи. Такихъ прорухъ и приключеній множество. Жизнь бродягъ представляетъ много опасностей уже потому, что она ничѣмъ не гарантирована: онъ легко можетъ быть обобранъ и даже убитъ какъ своимъ братомъ-бродягою, такъ и крестьяниномъ; отъ того онъ боится идти съ незнакомымъ путникомъ и встрѣчи въ полѣ съ крестьяниномъ постоянно пугается. „Бродяжить—надо каждаго куста бояться", говорятъ бродяги; ему не удается даже хорошенько спрятаться, потому-что кружащіяся вороны указываютъ мѣсто, гдѣ онъ скрылся, и это вошло въ примѣту у крестьянъ. „Воронье войско насъ знаетъ", говорятъ бродяги. Только по широкому сибирскому тракту идутъ они спокойно, хотя, какъ дальніе и нищіе пѣшеходы, неприглядно. — „Эхъ, кабы вы видѣли, любезный господинъ, какъ мы съ тузлуками да котомками по дорогѣ идемъ", говоритъ бро-

дяга:—„лоскутъ на лоскутѣ... кто безъ рубахи, кто безъ сапогъ... посмотрѣть—ровно трубочисты; съ собой ничего—кругомъ *Иванъ Иванычъ*. Другой по дорогѣ зимой лупитъ въ сермяжонкѣ, сѣномъ обернувшись, такъ-что держись. Заткни перо,—полетитъ. Отъ насъ за три версты дымомъ несетъ; какъ пройдемъ по деревнѣ, — три дня собаки лаютъ. Эхъ вы! *пѣтухи поютъ, собаки лаютъ—деревня близко* *): прибавь шагу".

Картину обдерганныхъ, почернѣлыхъ сибирскихъ бродягъ, вѣроятно, случалось видѣть каждому проѣзжавшему по Сибири. Идутъ бродяги массами по дорогѣ; ихъ никто не останавливаетъ: идутъ и по деревнямъ свободно, въ отрепьѣ, безъ рубахъ, въ арестантскихъ халатахъ съ тузами, иногда съ бритыми головами. Всѣ они одѣляются милостынею; къ нимъ привыкли. Бродягамъ незачѣмъ даже скрывать, кто они такіе: они прямо называютъ себя *„прохожими"*. Встрѣчается иногда съ ними засѣдатель,—застанетъ ихъ въ деревнѣ просящими милостыню около окошекъ, подзоветъ къ себѣ. „Кто вы такіе?" спрашиваетъ онъ.—„Бродяги, ваше благородіе", отвѣчаютъ ему спокойно.—„Какъ-же вы смѣете ходить тутъ?"—„Куда-же намъ дѣваться, ваше благородіе? вѣдь надо-же что-нибудь ѣсть; куда-же мы провалимся!" Посмотритъ-посмотритъ засѣдатель, махнетъ рукой да и поѣдетъ дальше. Въ самомъ-дѣлѣ, куда-же дѣваться человѣку? взять его въ острогъ... онъ, можетъ быть, самъ давно туда напрашивается. Да и что толку, когда такого народа не оберешься!

Такъ валятъ бродяги; отдыхаютъ по балаганамъ, лачугамъ, а чаще-всего въ деревенскихъ баняхъ. Иногда, особенно зимой, подъѣзжая къ деревнѣ ночью, можно видѣть, что всѣ бани дымятся: это расположились бродяги на ночлегъ. Крестьяне охотно даютъ пріютъ этимъ странникамъ и смотрятъ на нихъ снисходительно; кром-

*) Бродяжеская поговорка.

они безвредны; крестьяне любятъ слушать бродяжескія сказки и прибаутки. Эта идиллическая сторона бродяжества занесена даже въ одну изъ новѣйшихъ ихъ пѣсень:

«Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя.
Какъ придемъ мы во Култукъ,—
Подъ окошечко стукъ, стукъ.
Мы развяжемъ тарбатейки,
Стрѣлять станемъ саватейки.
Надаютъ намъ хлѣба, соли,
Надаютъ и бараболи.
Хлѣба, соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Тутъ приходятъ къ намъ старые
И ребята молодые
Слушать Франца-Веньціана,
Про Бову и Еруслана.
Проводить ночь съ нами рады,
Хотя потъ течотъ съ нихъ градомъ:
Сибирякъ развѣситъ губы
На полкѣ въ бараньей шубѣ *).

Въ баняхъ и разныхъ избушкахъ проводятъ бродяги зиму: это—самое трудное время для нихъ; но прошла зима, засвѣтило апрѣльское, весеннее солнце, затаялъ снѣгъ, пахнуло теплымъ воздухомъ, показались изъ-подъ снѣга зеленыя прогалинки — и, какъ весеннія вереницы птицъ, вылѣзли и потянулись по дорогамъ закопчоные бродяги. Поэтому лѣто для бродягъ имѣетъ много привлекательнаго: природа и жизнь улыбается, дрожь отъ холода не пробѣгаетъ по тѣлу, и мягкій нѣжащій воздухъ ласкаетъ и грудь, и истомленныя ихъ лица. Они собираются компаніями, набираютъ хлѣба, складываются деньжонками, покупаютъ водки, украдутъ барана или поросенка въ деревнѣ,—и, около костра въ лѣсу завязывается пиръ, слышится шумное веселье и дребезжа-

*) *Тарбатейки*—бродяжескіе мѣшки, *стрѣлять саватеекъ*—просить милостыню, *бараболи*—картофель.

щая бродяжеская пѣсня разносится далеко вмѣстѣ съ вьющимся дымкомъ изъ-за кустовъ.

Такая жизнь представляетъ много привольнаго, въ особенности для арестанта и каторжнаго. Свобода... никакихъ повинностей и труда... праздное препровожденіе времени, готовая пища и разнообразіе пути охватываютъ человѣка, и онъ скоро привыкаетъ къ кочевой жизни, какъ цыганъ. Бродяги также зовутъ себя „полевыми дворянами“, какъ и цыгане. Полевая жизнь становится для нихъ тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ чаще они мечтаютъ о ней въ острогѣ. На бродягу раздражительно дѣйствуетъ и травка, и березка, и пѣніе кукушки, и все, что говоритъ о пробужденіи природы: недаромъ они сложили поговорку, что кукушка зоветъ ихъ въ поле. Однакожъ не слѣдуетъ увлекаться и воображать, что одна поэзія лѣса и поля вызываетъ людей къ бродяжеству. „Правда-ли, что кукованье кукушки подстрекаетъ нѣкоторыхъ бѣжать съ заводовъ?“ спросилъ я разъ опытнаго бродягу. Онъ только улыбнулся. „Это только наша поговорка-съ,—сказалъ онъ;—съ заводу заставляетъ бѣжать тяжолая работа да плети. Что тутъ кукушка!“ Конечно, это былъ самый-умный отвѣтъ.

Невесела жизнь бродяги и на волѣ. Тянется она, горькая, бездольная, нищенская, страдальческая, тянется цѣлые годы безъ конца. Пріѣдается до-нельзя эта безконечная дорога, это вѣчнос странствованіе, вѣчные побѣги и вѣчныя опасенія за свою свободу. Какъ печальна жизнь бродяги, такъ печаленъ и конецъ его. Пробираясь въ страшную непогоду, подъ дѣйствіемъ весеннихъ и осеннихъ ливней, среди болотъ, переправляясь чрезъ разлившіяся озера и рѣки, бродя зимой въ сильные холода и морозы въ худой одежонкѣ, обмораживаясь и простужаясь, бродяга часто хвораетъ,—и вотъ больной и холодный онъ тащится по тайгѣ, нерѣдко въ лихорадкѣ или съ началомъ тифа; едва-едва добирается до деревни и просится къ мужику въ баню, куда при-

нимаютъ его. Здѣсь на полкѣ въ одномъ кафтанишкѣ, безъ всякой помощи, лежитъ онъ въ бреду; изрѣдка развѣ навѣдается боязливый хозяинъ узнать, не умеръ-ли бродяжка, да сердобольная хозяйка приведетъ знахарку, чтобы вспрыснуть съ уголька. Принять-то его примутъ больного, но, опасаясь его смерти, стараются поскорѣе сбыть волостнымъ властямъ: кому охота быть въ отвѣтѣ; впрочемъ и самъ бродяга въ случаѣ болѣзни норовитъ явиться въ волость, гдѣ и проситъ взять его. Счастье, если онъ можетъ дотащиться до деревни, гдѣ мужики дадутъ ему пріютъ, но часто болѣзнь застаетъ его въ полѣ; кое-какъ добредетъ несчастный до одинокаго балагана, гдѣ продуваетъ со всѣхъ сторонъ, и лежитъ больной, надѣясь только на своего брата-бродягу. Проходящіе мимо, такіе-же бѣглые, начинаютъ ухаживать за нимъ, принесутъ хлѣба, молока, подѣлятся съ нимъ, поговорятъ, успокоятъ больного. Пока полевымъ дворянамъ лѣтняя пора и теплые дни позволяютъ, они и не оставляютъ своего брата; но вотъ наступаетъ осень,— пора идти въ деревни, товарищи начинаютъ уходить, больной остается одинъ съ маленькимъ запасомъ хлѣба и воды до выздоровленія. Лежитъ онъ одинъ среди пустого лѣса: лишь свиститъ вѣтеръ, ломаются сучья да кричитъ птица. Медленно тянется время; ночью слышенъ дикій вой волковъ да среди болѣзненной безсонницы иногда хрустѣнье валежника и ревъ медвѣдя. Все полно безнадежности: и молится, молится бродяга, чтобы поскорѣе Богъ далъ смерти. Самая смерть его будетъ одинокою и бобыльною, какою была цѣлая жизнь. Откроютъ весной его тѣло и бросятъ въ болото, чтобы не имѣть лишнихъ хлопотъ съ начальствомъ: вотъ и конецъ бродяжеской жизни.

«Какъ да надъ богатымъ
Ставятъ мавзолей,
А надъ нашимъ братомъ
Пищитъ воробей».

Такъ изображаютъ бродяги въ передѣланной пѣснѣ свою могилу.

IV.

Бродяжеская корпорація и самосудъ.

Сибирское бродяжество заключаетъ въ себѣ всѣ элементы отдѣльной корпораціи. Одинаковыя условія жизни, одинаковые интересы, одинаковыя цѣли и судьба создали изъ бродягъ довольно-солидарную массу, которая имѣетъ свою общественную силу, свое общественное мнѣніе и извѣстныя общественныя условія. Сходство обстановки породило одинаковые нравы и воззрѣнія, правила и законы. Наконецъ внутренняя жизнь корпораціи потребовала и извѣстныхъ гарантій безопасности и своего уголовнаго кодекса. Бродяги, проходя постоянно по нѣскольку разъ съ востока на западъ Сибири, сталкиваясь и знакомясь, обмѣниваются наиболѣе интересующими ихъ извѣстіями, толкуютъ о своихъ дѣлахъ и соображаютъ, какъ направленіе пути, такъ и свои дальнѣйшія дѣйствія. Гдѣ ловятъ, гдѣ нѣтъ? Гдѣ безопаснѣе пройдти? Гдѣ начальство легче судитъ? Каково на заводахъ?—все это вопросы интересующіе бродягъ и имѣющіе важное для нихъ значеніе. Жизненный опытъ, выработанный бродяжескими поколѣніями, далъ свои правила и доктрины, которымъ невольно подчиняется всякій, выступившій на бродяжескую дорогу. Острогъ, въ которомъ перебываетъ каждый бродяга, еще-болѣе сплочиваетъ членовъ бродяжества: здѣсь бродяга натурализуется окончательно, т. е. признается достойнымъ принятія въ члены корпораціи; здѣсь онъ посвящается во всѣ тайны корпораціи, роднится съ ней и пріучается жить ея интересами. Личная жизнь его начинает[ь]... сѣть отъ жизни общественной, и онъ волнуетс[я]... лится, радуется и живетъ общими дѣлами кор[...]

Такъ слагается внутренняя жизнь бродяжеской общины.

Бродяжеская корпорація сильна своимъ единствомъ. Она создалась во имя крайней необходимости и потому даетъ извѣстныя гарантіи каждому изъ своихъ членовъ. Желая хотя сколько-нибудь обезпечить свою безопасность, бродяги создали свое собственное гражданское общество, каждый членъ котораго обязанъ безпрекословно исполнять всѣ уставы этого общества. Общество имѣетъ право контролировать, судить и наказывать своего члена. Тамъ, гдѣ представляется случай, бродяги всегда соединяются въ одно общество: это особенно легко замѣтить въ острогѣ; здѣсь бродяги не смѣшиваются съ остальными арестантами, живутъ своей средой, имѣютъ свою особенную администрацію, т. е. старосту и писаря, свои сходки, свою кассу и майданъ. Во время бродяжества они также, при первой возможности, стараются соединиться въ отдѣльную общину. Такъ, когда въ нѣкоторыхъ деревняхъ томской губерніи, лежащихъ на рѣчкѣ Сосновкѣ, скопилось много бродягъ по работамъ у крестьянъ, то они составили свое общество, выбрали своего голову и писаря: это общество существовало на ряду съ крестьянскимъ; если бродяга попадался въ какой-нибудь винѣ, то надъ нимъ учреждался судъ и производилась расправа; наказанія за провинности назначались очень суровыя и бывали примѣры, что виновному давали отъ 500 до 700 розогъ публично, при крестьянахъ. Тутъ у бродягъ съ крестьянствомъ установились чисто-международныя отношенія.

Въ остальныхъ случаяхъ хотя корпорація и въ разбродѣ, но группируется, по мѣрѣ надобности, для какого-нибудь предпріятія. Бродягамъ невыгодно составлять разбойничьи шайки, но они соединяются часто, чтобы отомстить кому-нибудь, напримѣръ, преслѣдующему ихъ засѣдателю. Одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ, что ему разъ случилось ѣхать въ Омскъ; была страшная распутица; на одномъ мосту его экипажъ завязъ; выта-

щить было трудно; пришлось остановиться. Вдругъ изъ-подъ мосту выскакиваютъ человѣкъ 40 бродягъ. Священникъ съ дьякономъ испугались, но бродяги спокойно объявили, что вовсе не намѣрены ихъ трогать, а дожидаются засѣдателя, котораго хотятъ сжечь, причемъ указали костеръ, разложенный подъ мостомъ. Затѣмъ вытащили завязшій экипажъ священника и, получивъ небольшое подаяніе деньгами, отпустили его. Засѣдатель кстати былъ предупрежденъ, переѣхалъ въ другомъ мѣстѣ черезъ рѣку и, такимъ-образомъ, избавился отъ неминуемой опасности. Впрочемъ случаи расправы съ лицомъ постороннимъ составляютъ весьма-рѣдкое исключеніе въ жизни бродяжества, отличающейся попреимуществу мирнымъ характеромъ; но бродяги крайне-строго судятъ своего провинившагося товарища. Каждый членъ корпораціи не долженъ нарушать интересовъ своей среды; онъ обязанъ защищать своего собрата. Онъ не долженъ выдавать начальству, что знаетъ о своихъ собратьяхъ, и не показывать на нихъ. Показанія бродягъ на крестьянъ, у которыхъ они имѣли пріютъ, также не одобряются. Вообще требуется строгое сохраненіе тайнъ корпораціи. Нарушеніе этихъ основныхъ законовъ бродяжеской корпораціи считается измѣною и жестоко наказывается. Точно-также бродяги преслѣдуютъ воровство у своихъ, битье, увѣчье, отбиваніе насильно бродяжескихъ жонъ и любовницъ, особенно-же караютъ за убійство своего брата: за послѣднее преступленіе иногда даже опредѣляютъ смертную казнь. Вотъ-напримѣръ разсказанный мнѣ случай. Шолъ парень со старикомъ; многіе бродяги встрѣчали ихъ и обгоняли; только на одну ночовку парень приходитъ одинъ и въ стариковомъ платьѣ. Случившемуся тутъ бродягѣ, который зналъ ихъ раньше, это показалось подозрительнымъ. Ночью онъ отправился назадъ въ тотъ балаганъ, гдѣ встрѣтилъ въ послѣдній разъ парня съ старикомъ. Здѣсь онъ нашолъ кровь и, по ея слѣду, дошолъ до бо-

лота, куда былъ брошенъ трупъ старика. Вернувшись немедленно, онъ засталъ еще парня, и позвалъ его съ собою на мельницу къ знакомымъ бродягамъ. Пришедши туда, онъ сообщилъ о случившемся. Парень былъ задержанъ, а для удостовѣренія были посланы депутаты; скоро они явились и подтвердили объ убійствѣ. Преступникъ сознался; его связали и начался судъ. Обвинителемъ явился старикъ, бродяга, работавшій на мельницѣ. Онъ обратился къ собранію съ такой рѣчью: „что, братцы, ежели онъ 17-ти лѣтъ такія убійства съ своимъ братомъ дѣлаетъ, то что-же послѣ-то изъ него будетъ! Онъ, пожалуй, перебьетъ еще десятки людей въ лѣсу, такъ-что никто не узнаетъ. Можно-ли послѣ этого и ходить намъ, коли свой-же братъ убивать насъ станетъ!“ Отвѣтомъ было одобреніе. — „Это такъ, ужь чего больше!“ говорили бродяги. — „Ну, такъ дайте-же мнѣ его: я съ нимъ расправлюсь!“ сказалъ старикъ. Всѣ согласились. Тогда бродяга, взявшій на себя исполненіе приговора, велѣлъ вести за собой арестанта.— „Ну, иди, братъ: расправа съ тобой будетъ коротка!“ промолвилъ исполнитель. Парень чувствовалъ, что его ожидаетъ недоброе.—„Дяденька, позвольте хоть трубочку въ послѣдній разъ покурить“, сказалъ онъ. Бродяги разсмѣялись этому хладнокровію, дали ему покурить и затѣмъ повели въ лѣсъ. Здѣсь старикъ снялъ ремень съ кольцомъ съ бродня, сдѣлалъ петлю, приказалъ нагнуть березу, закрѣпилъ ее. И черезъ нѣсколько минутъ преступникъ висѣлъ.

Часто бродяги пускаются въ розыски за преступниками изъ своей корпораціи верстъ за 100, за 200 и болѣе. Такъ въ 1867 г. отыскивали какого-то *Омуля кривого*, который, вмѣстѣ съ любовницею, убивалъ бродягъ. Встрѣчая денежнаго спутника бродягу, Омуль приглашалъ идти съ собою. Въ пустынномъ мѣстѣ онъ на спутника накидывалъ петлю, а любовница била его обухомъ топора. Наконецъ ихъ схватили бродяги. Омуль

однако при началѣ суда вырвался и бѣжалъ, бросивъ даже платье, а любовница его была повѣшена. Долго бродяги отыскивали его по большимъ дорогамъ, но не нашли. Каждаго проходившаго бродягу спрашивали, не видалъ-ли Омуля, и сообщали ему примѣты преступника.

Убійцѣ однакоже не всегда въ наказаніе опредѣляется смерть, но его наказываютъ розгами и палками такъ жестоко, что неминуемымъ слѣдствіемъ наказанія все-таки почти всегда бываетъ смерть. Въ томской губерніи одинъ бродяга убилъ любовницу. Товарищи увидали его въ шубейкѣ, снятой съ убитой; начали его допрашивать, наконецъ дознались. Убійца въ то время былъ въ банѣ въ одной деревнѣ. Его стали сѣчь, засѣкли до полусмерти и бросили въ банѣ, а сами ушли. Высѣченный скоро умеръ.

— Ночевали мы въ одной банѣ, — разсказывалъ мнѣ одинъ бѣглый, — только приходитъ къ намъ бродяга-чухна и расположился тутъ-же. Ему дали мѣсто. Поздно ночью явились другіе посѣтители. Зажгли огня. Пришолъ бродяга съ любовницей.—„Надо посмотрѣть, нѣтъ-ли знакомыхъ!“ сказала женщина, и начала открывать спящихъ. Чухна старался плотнѣе закрываться: это возбудило ея любопытство.—„Э, да это мой женихъ!“ сказала она. Дѣло въ томъ, что чухна съ товарищами-бродягами нѣсколько дней тому назадъ напали на нее, когда она оставалась въ лѣсу одна, и произвели насиліе. Чухна, испугавшись теперь отвѣтственности, пустился бѣжать. Его нагнали бродяги, и любовникъ оскорбленной женщины попросилъ бродягъ расправиться съ чухной своимъ судомъ. Вырѣзали таволожекъ, разложили виновнаго около бани и выдрали.

Преслѣдованіе бродягъ, совершившихъ преступленіе противъ своихъ, не прекращается и въ острогѣ; напротивъ, такіе бродяги больше всего опасаются суда въ острогѣ: здѣсь корпорація въ болѣе полномъ составѣ.

При мнѣ въ острогѣ раскрыли слѣдующій случай: судились трое бродягъ, взятые властями за убійство. Сидя въ острогѣ, они объявили товарищамъ, что судятся за за убійство коробейника и его товарища; но бродяги узнали положительно, что при слѣдствіи представлены котомки и котелки убитыхъ; оказалось, что они убили своихъ-же бродягъ. Тогда надъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ учинили судъ и избили его жестоко; онъ не смѣлъ даже идти жаловаться. Подобные процессы въ острогѣ часты. Такъ бродяги для собственной безопасности создали себѣ самосудъ и свой уголовный кодексъ.

Половину жизни бродяги проводятъ въ полѣ; половина жизни проходитъ въ острогѣ, который даетъ имъ одинаковость положенія, общіе нравы и сближаетъ ихъ. Ихъ конецъ—заводы или смерть въ лѣсу—тождественны. Все это скрѣпляетъ этихъ людей и возбуждаетъ сочувствіе другъ въ другу. Прожившія поколѣнія бродягъ имѣютъ свою исторію, передаваемую въ устныхъ разсказахъ. Часто приходится слышать разсказы объ одномъ и томъ-же знаменитомъ лицѣ изъ разныхъ устъ, варьируемые и изукрашенные вымыслами. Это бродяжескіе мифы. Бродяжеская корпорація, какъ всякая корпорація, выработала свои типы и идеалы. Всякій бродяга въ душѣ желаетъ достигнуть бродяжескаго идеала, героя. Отличительные признаки такого героя—неустрашимость въ опасностяхъ, смѣлость въ похожденіяхъ, хитрость для того, чтобы провести преслѣдователей; онъ долженъ быть отличный воръ; деньги у него не должны переводиться; онъ долженъ кутить и вести ожесточонную борьбу съ властями и крестьянствомъ. Когда-то у бродягъ велась безпощадная борьба съ крестьянствомъ, и въ разсказахъ сохранились до сихъ поръ нѣкоторые эпизоды изъ нея, имѣющіе сказочный характеръ. Мы приведемъ одинъ изъ мифовъ, болѣе-выдающійся, — какъ наказанъ былъ крестьянинъ, промышлявшій убійствомъ бродягъ. Крестьянина звали Заворота и жилъ онъ въ енисейской губер-

ніи въ деревнѣ Кольцовой, назаровской волости, ачинскаго округа. Онъ выслѣживалъ денежныхъ бродягъ, принималъ ихъ у себя въ избѣ, угощалъ, потомъ нагонялъ и убивалъ въ лѣсу, обирая ихъ до нитки. Состояніе его было громадное; бродяги его боялись. Но вотъ разъ шолъ съ каторги мальчишка-бродяга, которому и суждено было стать героемъ. Узнавши о Заворотѣ, онъ запасся деньгами, приодѣлся и, пригласивъ товарища-бродягу, отправился къ Заворотѣ, а остальныхъ спутниковъ оставилъ за деревней. Пришедши, онъ началъ требовать водки, кушаній и за все щедро платитъ, показывая нарочно передъ Заворотой, что у него есть деньги. Наконецъ онъ прощается.—„Куда, вы, батюшка пойдете?“ спрашиваетъ Заворота.—Туда-то... отвѣчаетъ бродяга, указывая откровенно настоящее направленіе. Онъ соединяется съ товарищами и всѣ они отправляются въ дальнѣйшую дорогу. Будущій герой объясняетъ, что онъ разжогъ Завороту на погоню и намѣренъ проучить его. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ изъ-за кустовъ показался Заворота верхомъ на лошади и съ винтовкой. — „Эй, варнаки, стой! становитесь всѣ подъ одну пулю!“—крикнулъ онъ и положилъ винтовку между ушей лошади. Бродяги остановились. Заворота спустилъ курокъ—осѣчка... ещо — то-же самое... ещо — и опять то-же. На полкѣ у него вмѣсто пороху очутилась вода. Бродяга-герой, посѣтившій его, улыбнулся. Винтовка была заговорена. Затѣмъ лошадь у Заворота начала кружиться. Тогда бродяги подошли и сняли Завороту съ лошади; вокругъ пояса нашли опоясанные два мѣшка для добычи. Предводитель бродягъ приказалъ изрубить бродяжескаго убійцу и куски его сложить въ мѣшки, привязавъ ихъ къ лошади. Другой варіантъ этого разсказа говоритъ, что герой-бродяга предварительно спрашивалъ мужика Завороту, сколько онъ душъ погубилъ? Тотъ отвѣчалъ, что 90. „Много!—сказалъ бродяга,—я не хочу твоихъ грѣховъ на душу брать“—и приказалъ его высѣчь. Его такъ жестоко

наказывали, что, возвратившись домой, онъ слегъ; три дня онъ былъ при смерти, три раза оживалъ и наконецъ умеръ. Есть подобный-же разсказъ о томъ, какъ какому-то крестьянину, въ наказаніе за убійство 60-ти бродягъ, бродяги перерѣзали поджилки.

Этими разсказами характеризуется та ожесточонная борьба и кровавая вражда, которыя существовали между бродягой и его преслѣдователемъ. Они служатъ какъ-бы утѣшеніемъ бродягамъ, что и ихъ смерть не остается безнаказанною. Вотъ разсказъ, подтверждающій это предположеніе. Въ одной деревнѣ жилъ мужикъ, который билъ и обиралъ бродягъ, но подъ конецъ жизни бросилъ свои злодѣянія и раскаялся. Къ такому раскаянію его побудило слѣдующее приключеніе. Разъ къ нему пришло нѣсколько бродягъ; иные были съ деньгами. Онъ пріютилъ ихъ и, когда они ушли, отправился за ними въ погоню. Въ лѣсу онъ нашолъ ихъ всѣхъ спящими одинъ подлѣ другого въ одной линіи. Выстрѣливъ вдоль, онъ убилъ шесть человѣкъ, а 7-й побѣжалъ (убійство одной пулей многихъ часто фигурируетъ въ бродяжескихъ разсказахъ). Тогда крестьянинъ догналъ бѣжавшаго и убилъ его прикладомъ. Обобравъ деньги у убитыхъ, убійца присѣлъ отдохнуть на сломленное дерево. Только видитъ: прилетѣла птичка и начала клевать песокъ. Убійцѣ тоже захотѣлось попробовать его; поѣвши, онъ нашолъ его сладкимъ. Тогда его объялъ страхъ и онъ пустился домой. Ночью къ нему явились убитые, требуя похоронъ. Чуть-свѣтъ поѣхалъ онъ на мѣсто, гдѣ перебилъ бродягъ,—на колѣняхъ у труповъ сталъ молить о прощеніи, перецѣловалъ всѣхъ ихъ и предалъ землѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ ничего ѣсть, не съѣвши предварительно горсти земли. Это было наказаніемъ свыше. Съ той поры онъ не пропускалъ ни одного бродягу, не накормивъ его до-сыта.

Кромѣ старыхъ героевъ, у бродягъ много есть и но-[illegible]ъ, напримѣръ Свѣтловъ, Ланцовъ, Травинъ и дру-

гіе. Ихъ жизнь, полная авантюризма, опасности и борьбы, выдвигаетъ энергичныя и сильныя натуры. Каждый бродяга,—можно сказать, до извѣстной степени герой, перенесшій десятки опасностей, десятки разъ жертвовавшій своею жизнью и десятки разъ выходившій побѣдоносно изъ борьбы. Поэтому въ острожномъ мірѣ, между бродягами, замѣтна гордость и они считаютъ себя выше и опытнѣе остального мелко-плавающаго арестантства.

Ихъ герои воплощаются въ самостоятельной бродяжеской поэзіи, гдѣ воспѣваются разныя приключенія героевъ, ихъ побѣги и т. п. Пѣсни бродяжескія наполовину острожныя, потому-что судьба бродягъ постоянно связана съ острогомъ. Въ однихъ пѣсняхъ воспѣвается гулянье по полямъ, городамъ и лѣсамъ, пріюты по банямъ и вообще бродяжеская жизнь, въ другихъ похожденія бродягъ-героевъ, какъ напр. Ланцова. Въ этихъ пѣсняхъ всегда звучитъ грустная и нѣжная нота ссыльнаго, чувствующаго въ Сибири свое одиночество.

V.

Бродяжескіе браки.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что бродяжество вездѣ и во всемъ имѣетъ свои особыя убѣжденія; на все оно смотритъ съ своей особой, оригинальной точки зрѣнія. Съ этой-же точки оно взираетъ на любовь, или, какъ называютъ ее сами бродяги, на „бродяжескій бракъ“.

Бродяжескій романъ разыгрывается какъ во время странствій, такъ-равно и въ стѣнахъ острога; семейная жизнь течетъ на поляхъ, испытывая всѣ превратности и мытарства бродяжества.

Бродяга, какъ человѣкъ одинокій, особенно склоненъ къ любви и расположенъ ко всякой интригѣ. Б

любятъ увлекать любезныхъ съ собой въ бродяжество; въ сибирской семьѣ всегда много недовольныхъ, которыя готовы уйти съ кѣмъ-угодно и куда-угодно, лишь-бы только уйти. Жизнь женщины въ крестьянской семьѣ, по большей части, непривлекательна: мужъ-деспотъ, часто пьяница; свекры и свекрови заѣдаютъ жизнь; постоянные побои, постоянная брань, тяжолый трудъ — вотъ ея всегдашняя обстановка. Рѣдкій мужъ въ Сибири не бьетъ свою жену; при пьянствѣ мужей главный трудъ и поддержаніе семьи иногда ложится на женщину; развратъ въ деревняхъ также очень-развитъ; въ этомъ развратѣ, конечно, болѣе власти и свободы выпадаетъ на долю мужчины; каковъ-бы ни былъ мужъ, жена обязана его любить; мужъ часто заставляетъ жену угождать своимъ любовницамъ: но если женщина дозволитъ себѣ свободныя отношенія, ее ожидаютъ жестокія испытанія. Въ сибирскихъ семьяхъ, вѣроятно, поэтому такъ часты отравленія мужей жонами. При такой стѣснительной обстановкѣ понятно желаніе крестьянки бѣжать изъ семьи. А тутъ для подмоги является удалой парень-бродяга, смазливый собой, любезный и ласковый, съ деньгами, добытыми на большой дорогѣ; онъ увивается за женщиной, увлекаетъ ее; она бросаетъ грубаго мужа и семью и идетъ за удалымъ-добрымъ молодцомъ въ бродяжество. И много такихъ драмъ разыгрывается въ сибирской крестьянской семьѣ. Бываетъ, что женщина, вскорѣ обманутая бродягой, снова является къ мужу и къ семьѣ, но часто потокъ бродяжества совершенно поглощаетъ ее и она исчезаетъ навсегда, сживаясь совершенно съ бѣглоарестантской средой. Часто связь крестьянки съ бродягой бываетъ очень-прочна и не разрывается, не смотря ни на какое наказаніе, къ которому присуждается ея милый: бродяжество ихъ снова соединяетъ. Мнѣ указывали на одну женщину, сибирскую крестьянку, которая пошла за бродягой, попала съ нимъ въ острогъ и судилась. Ее отправили къ мужу, а бродягу на заводы.

Скоро онъ бѣжалъ, явился снова къ любовницѣ, и они опять отправились бродяжить и снова были пойманы. Четыре раза жена отсылалась къ мужу, а бродяга на заводы, и всетаки онъ снова приходилъ за нею и уводилъ ее. Бѣгство очень-обыкновенно у сибирскихъ женщинъ; одинъ бродяга разсказывалъ мнѣ, какъ онъ встрѣтилъ около деревни дѣвочку лѣтъ одиннадцати, которая упрашивала его взять ее съ собою бродяжить. . . . .

Жизнь въ бродяжествѣ для женщины далеко небезопасна: женщина часто служитъ предметомъ спора между бродягами; изъ-за нея идетъ ожесточонная борьба; желая воспользоваться ею, иногда даже убиваютъ ея любовника. „Насъ было двое бродягъ", — говорилъ мнѣ одинъ бѣглый;—„мы встрѣтили каторжнаго съ любовницей съ завода и поселенца-бродягу съ сибирячкой. Во время пути каторжный началъ подтрунивать надъ поселенцемъ, говоря намъ: „эй, холостежь, отбейте-ка отъ этого сибирячку-то!" Поселенецъ началъ трусить. На другой день чуть-свѣтъ онъ убрался тихонько съ своей бабой и сдѣлалъ верстъ 40. Мы скоро однако встрѣтили ихъ опять на берегу рѣчки: онъ удилъ рыбу. Завидя насъ, онъ собралъ удочки и снова пошолъ щелкать въ лѣсъ въ сторону. Такъ перепугались они!" Женщины-бродяги часто, чтобы скрыться, одѣваются въ мужское платье. Кромѣ опасности подвергнуться насилію и перейдти въ руки другого бродяги, женщина должна нести всѣ трудности бродяжеской дороги, которымъ подвергается ея закаленный любовникъ. Чтобы показать, какъ тяжолъ этотъ путь и что должна вынести во время странствій съ бродягою женщина, я приведу два разсказа.

Бродяга Абрамовъ разъ остановился у крестьянки, мужъ которой былъ на пріискахъ. Они слюбились, но пріѣхалъ мужъ, и Абрамовъ долженъ былъ уходить. Когда отошолъ онъ нѣсколько десятковъ верстъ отъ деревни, его нагнала любовница, ѣхавшая въ телегѣ продавать горшки на базаръ въ какое-то село. Встрѣча

была радостная. Абрамовъ уговорилъ ее идти бродяжить; затѣмъ онъ тутъ-же перебилъ горшки, и на лошади они отправились въ Иркутскъ, гдѣ телегу съ лошадью продали. Пѣшкомъ уже они пошли къ Якутску и зашли въ глухую волость. Здѣсь они познакомились съ писаремъ и просили его настрочить имъ билетъ. Писарь согласился, взялъ 25 рублей, но смастерилъ билетъ самаго плохого достоинства. Писарь имѣлъ въ виду сбыть бродягъ такъ, чтобы они никогда не могли сдѣлать на него показаній въ случаѣ поимки. Такъ-какъ бродяги спрашивали дорогу на какую-то деревню, то онъ съ старостой и указалъ имъ путь тайгой; имъ сказали, что если они дня два-три пройдутъ лѣсомъ въ извѣстномъ направленіи, то непремѣнно выйдутъ, куда имъ нужно. Абрамовъ съ любовницей пошли, запасшись полупудомъ хлѣба. Дня четыре они шли непроходимой тайгой, пробираясь тропинками; попадались только пустыя звѣроловныя избушки и ловушки на звѣря. Все было дико и пустынно; ихъ окружали трущобы и высокія ели; не было ни малѣйшаго признака жилья. Прошли они пять дней; на шестой хлѣбъ весь вышелъ. Тогда имъ стало ясно, что они или заплутались, или ихъ послали на вѣрную гибель. Пришлось питаться чѣмъ-попало: они стали ѣсть ягоды, грибы, лукъ, колбу, но такая пища только разслабляла организмъ. Оставалось для спасенія воротиться: это былъ девятый день ихъ выхода. И вотъ они по старымъ тропинкамъ рѣшились выбираться назадъ. Проплутавъ дня два, питаясь травой и ягодами, они стали терять свои силы; они не могли уже ѣсть ни колбы, ни луку. Кое-какъ протащились еще день, другой; обнаружились боли въ животѣ; женщина совсѣмъ ослабѣла и не могла идти далѣе. Абрамовъ долго думалъ, что дѣлать, наконецъ предложилъ любовницѣ остаться покуда, а самому идти до деревни и потомъ съ хлѣбомъ явиться за ней. Женщина боялась, что бродяга ее броситъ; но онъ снялъ съ себя образъ, „родительское благословеніе“,

понялся передъ нимъ, что воротится, и повѣсилъ его надъ больной. Избушку онъ заперъ запорами, ставни припёръ крѣпко, чтобы не забрался звѣрь, и пошолъ шагать. Протащившись дня два, все такъ-же питаясь, онъ и самъ не могъ идти и слегъ около одной избушки. Животъ болѣлъ; силы совершенно истощились; на него напало отчаяніе: приходилось умирать. Но, полежавъ, онъ увидѣлъ бруснику, сталъ ѣсть ее и почувствовалъ себя легче; набравши шапку этихъ ягодъ, онъ опять пошолъ и добрался до деревни. Первымъ дѣломъ, войдя въ какую-то избу, онъ съѣлъ цѣлую ковригу хлѣба; затѣмъ пошолъ къ одному поселенцу и разсказалъ о случившемся. Тотъ принялъ въ немъ участіе и немедленно снарядилъ телегу. Пріѣхавъ, Абрамовъ нашолъ женщину съ пѣною у рта; она ничего не говорила и не слыхала. Абрамовъ влилъ ей молока въ ротъ, и она очувствовалась. Поѣвши, они прибыли въ деревню. Поселенецъ предъявилъ на сходкѣ жалобу на писаря съ головою. Сходъ рѣшилъ вмѣсто удовлетворенія—угостить ихъ хорошенько, и всѣ выпили здорово. Скоро однако Абрамовъ бросилъ свою любовницу. Эти покиданья очень часты у бродягъ. „Попавшись, за бабу отвѣчать придется“, говорилъ Абрамовъ.

Про другое странствованіе съ женщиной мнѣ разсказывалъ каторжный. Калина былъ каторжный перваго разряда; на заводѣ онъ сошолся съ женщиной, тоже каторжной, убилъ ея мужа и бѣжалъ съ ней. Оба они имѣли деньги. Женщина взяла съ собой нѣсколько платьевъ, бѣлье, шали и т. п. Калина тоже былъ одѣтъ щеголевски, въ хорошей однорядкѣ, въ смазныхъ сапогахъ, плисовыхъ шароварахъ, мерлушьей шапкѣ и тулупѣ. Это была молодая и красивая бродяжеская пара. Счастливо миновали они Забайкалье, обошли Байкалъ и явились въ село К*. Калина оставилъ бабу на улицѣ, а самъ зашолъ въ кабакъ купить вина. Выходя онъ встрѣтилъ писаря.—„Кто ты такой?“ спросилъ писарь.—„Развѣ ты не видишь

отвѣчалъ Калина, неразъ бывавшій въ бродяжествѣ и человѣкъ нетрусливый.—„Гдѣ твой видъ?“ спросилъ писарь.—„Подите-возьмите въ Корѣ: я тамъ его оставилъ“.—„А чья это баба?“ продолжалъ разспрашивать писарь.—„Не знаю“.—„Ты чья, матушка?“ спросилъ писарь.—„А вотъ съ нимъ иду“, отвѣчала та.—„Такъ это твоя баба?“ продолжалъ писарь.—„Видно, моя, коли больше ничья!“ Писарь немедленно потянулъ бродягъ на сходку. Рѣшили ихъ забрать. Начали допрашивать, гдѣ украли женскія платья и т. п., такъ-какъ богатыхъ бродягъ мудрено встрѣтить. Калина урезонивалъ; онъ предлагалъ примѣрять всѣ платья на его любовницу и тѣмъ убѣдиться, что они не крадены; но его не слушали. Тогда Калина предложилъ вина на компанію; но вина было мало: за свободу у нихъ потребовали 3 рубля денегъ, да платье женское, да котелокъ, да шаль одну и пр. Баба рѣшилась все отдать, только-бы отпустили. Давши выкупъ, Калина не рѣшился ночевать въ этой деревнѣ, а отправился съ любовницей въ лѣсъ, гдѣ и расположились они въ балаганѣ. Утомленный, онъ тотчасъ-же заснулъ. Ночью его растолкала любовница: къ балагану кто-то подъѣхалъ. Это были два верховые съ винтовками. „Ну, выходи, варнаки“, закричали они. Калина выскочилъ.—„Становись: сейчасъ расправа будетъ! снимай, что есть на тебѣ! Подай котомку!“ Калина увидѣлъ въ пріѣхавшихъ сына писаря и сельскаго старосту, которые явились обобрать и убить ихъ, чтобы они не донесли послѣ на общество. Приказъ снять платье показывалъ, что они не хотятъ его окровянить. Нечего-дѣлать, Калина все снялъ съ себя. „Становись въ уголъ!“ приказали ему. Сталъ. Приказали раздѣться бабѣ. Калина сталъ подходить къ ней. „Не подходи!“ кричалъ верховой и, снявши винтовку, прицѣлился ему въ голову; курокъ былъ спущенъ, но произошла осѣчка. Ночь была морозная. Тогда Калина, схвативъ за рукавъ тулупъ, безъ рубахи и сапогъ пустился въ поле. Онъ пробѣжалъ верстъ

шесть; одна нога его обморозилась: онъ принужденъ былъ возвратиться въ деревню, гдѣ нашолъ и свою бабу. Мужики не смѣли её тронуть, боясь, что спасшійся Калина донесетъ на нихъ; Калину однако снова позвали на сходъ. Мнѣнія раздѣлились. Всѣ, впрочемъ, видѣли, что и отпустить бродягъ опасно, да и представить нельзя, такъ-какъ они донесутъ о происшествіи въ лѣсу. Калина увидѣлъ, что ему угрожаетъ новая опасность: онъ начинаетъ весьма убѣдительно увѣрять, что доносить ему незачѣмъ, такъ-какъ и самъ онъ пробирается тайкомъ, а второе — деревня не можетъ отвѣчать за нападеніе на него: дѣло было въ лѣсу и онъ не можетъ указать, кто-именно на него нападалъ. Крестьяне наконецъ отпустили его, и онъ поплелся съ бабой далѣе.

Можно себѣ представить, каково положеніе женщины-бродяги во время беременности. Часто приходится мучуться родами гдѣ-нибудь въ балаганѣ, подъ кустомъ, а потомъ тащить съ собой грудного малютку. Случается, что бродяжка-мать идетъ даже съ нѣсколькими дѣтьми. Одинъ мнѣ извѣстный бродяга прошолъ всю Сибирь съ женой и съ дѣтьми. Но въ большинствѣ случаевъ бродяги-женщины тяготятся дѣтьми и раздаютъ ихъ по деревнямъ. Женщина, уходившая съ каторжнымъ четыре раза отъ мужа, о которой я уже говорилъ, продавала дѣтей въ крестьянскія семейства по 8 рублей. Многіе приносятъ дѣтей и въ остроги, гдѣ судьба ихъ, конечно, незавидна.

Любовь бродягъ продолжается и въ острогѣ, когда они попадаются съ женщинами. Здѣсь-же часто начинается и новая любовь, финалъ которой долженъ быть въ партіи и бродяжествѣ. Въ каждомъ острогѣ можно видѣть, какъ, приткнувшись къ рѣшоткамъ, сидятъ арестанты, тоскливо поглядывая на окна женскаго отдѣленія. Не смотря на острожную дисциплину, знакомства быстро завязываются, а затѣмъ является и любовь. Любовь острожная—любовь платоническая. Взгляды, воздушные поцѣлуи, разговоръ

черезъ загородки и стѣны, изрѣдка встрѣчи въ коррридорахъ—вотъ все, чего можетъ достичь пылкій и влюбленный. Конечно, между развратомъ, порождаемымъ тюрьмами, бываютъ въ острогѣ и глубокія привязанности, въ которыхъ нельзя отрицать чувства самоотверженія. Я самъ былъ свидѣтелемъ такой привязанности. Грузинъ, уведшій съ каторги дѣвушку-нѣмку, былъ взятъ съ нею въ бродяжествѣ. Сидя въ острогѣ, онъ показался на чужое имя, на Кавказъ, желая продлить время за справками и жить въ мѣстѣ съ своей любезной. Узнавши, куда его присудятъ, онъ самъ разсчитывалъ перемѣнить показанія и всетаки уйдти въ каторгу за любовницей; но приходятъ справки и, къ удивленію его, онъ признанъ за того, на кого показывался. Рѣшено было препроводить его на Кавказъ. Предчувствуя всю тяжесть разлуки, онъ рѣшился отпереться отъ прежняго показанія. Когда его вызвали для отправки, онъ объявилъ начальству острога, что онъ обманулъ слѣдствіе, что, въ сущности, онъ—вѣчный каторжный, а потому проситъ не посылать его на Кавказъ, а судить, какъ слѣдуетъ. Впереди были плети и жестокое заключеніе въ цѣпяхъ; но онъ рѣшился все перенести, лишь-бы не разставаться съ любимой женщиной. Кончилось однако тѣмъ, что его отправили; а для предупрежденія побѣга заковали въ ручные и ножные кандалы; нѣмка осталась въ острогѣ и показалась на поселеніе.

Насколько платонична любовь бродяги въ острогѣ, настолько-же она разнуздана въ бродяжествѣ и иногда доходитъ даже до звѣрства: часто совершаются бродягами самыя-наглыя и дерзкія покушенія на женщинъ и ихъ умыканія; на крестьянокъ бродяги иногда нападаютъ на пашняхъ и, угрожая ножомъ, заставляютъ идти съ собою; иногда женщина дѣлается жертвою нѣсколькихъ человѣкъ; иногда, опасаясь съ ея стороны доноса, послѣ насилованія ее убиваютъ.

Разскажу одинъ случай. Бродяги Абрамовъ шелъ съ

молодымъ товарищемъ по енисейской губерніи. Пройдя въ одну деревню, они узнали, что передъ ихъ приходомъ изчезла женщина съ пашни: ждали засѣдателя и приготовлялись къ облавѣ. Крестьяне посовѣтовали Абрамову съ товарищемъ лучше убираться и указали путь за болотами, гдѣ они могли во время тревоги скрыться. Бродяги пошли. Пройдя верстъ 12, они услышали стонъ въ кустахъ. Молодой бродяга пошолъ въ лѣсъ, и скоро выбѣжалъ оттуда блѣдный и дрожащій: тамъ онъ увидѣлъ голую женщину, повѣшенную за косы на дерево; все ея тѣло было искусано комарами и оводами; она распухла; на губахъ была пѣна; она была безъ чувствъ, но еще жива. Бродяги сняли ее съ дерева, привели въ чувство и снесли въ одну избушку на дорогѣ, а сами дали знать въ деревню. Женщина разсказала, что ее увелъ бродяга съ пашни, подъ угрозою убить: она по неволѣ пошла за нимъ. Когда-же прошли нѣсколько верстъ, съ ними встрѣтился другой бродяга, знакомый первому. Пришелецъ также началъ волочиться за бабой, которая стала сопротивляться. Первый бродяга горько выговариваетъ товарищу.—„Развѣ я не товарищъ тебѣ? будемъ съ бабой жить оба!“ отвѣчалъ второй.—„Коли она не хочетъ съ тобой жить...“ возразилъ первый.—„А если такъ, пусть-же она никому не достанется: повѣсимъ ее!“ Недолго раздумывалъ первый: видно, привязанность къ товарищу была велика; несчастную женщину раздѣли донага, привязали за косы и повѣсили.

Бѣда женщинѣ, если ей приходится ѣхать одной по полю: встрѣтившіеся бродяги постараются непремѣнно захватить ее. Такъ недавно около одной деревни бродяга хотѣлъ схватить 14-лѣтнюю дѣвочку, ѣхавшую по дорогѣ, но лошадь понесла и дѣвушка спаслась. Крестьяне нагнали бродягу и сильно его побили. Насилія противъ женщинъ ожесточаютъ крестьянъ и они расправляются съ пойманными бродягами самымъ-жестокимъ образомъ. Въ одной деревнѣ въ томской губерніи за

насиліе надъ бабами на пашняхъ крестьяне убили на одной недѣлѣ семь человѣкъ бродягъ.

VI.

Бродяжеское пристанище.

Какъ ни привыкаетъ бродяга къ вѣчному шатанью, онъ все-таки ощущаетъ потребность въ пристанищѣ. Ему хочется пріостановиться, хоть на время отдохнуть, пожить осѣдло, обществомъ, и забыть свою собачью, полевую жизнь. Хотя у бродяги и нѣтъ такого юридически-признаннаго убѣжища, но онъ самъ его создалъ въ острогѣ: это его гавань, куда онъ пристаетъ для отдыха отъ бродяжескихъ треволненій; это—альфа и омега его жизни; отсюда онъ уходитъ, здѣсь-же и завершается его странствіе. Застигнутый зимой или горькой нуждой, онъ идетъ въ острогъ и только здѣсь находитъ немного отдыха и спокойствія. „Собачка бѣгаетъ-бѣгаетъ по улицѣ да и прибѣжитъ въ сѣни; кошечка побѣгаетъ-побѣгаетъ да и заскребется лапкой въ дверь; куда-же намъ-то дѣваться? бродягѣ тоже, какъ собакѣ, погрѣться захочется". Такъ буквально говорили намъ бродяги. Бродяга называетъ острогъ „родительскимъ домомъ", потому-что у него нѣтъ другого дома и крова; бродяга сроднился съ острогомъ и дружески называетъ его „дядей". Приходя сюда, онъ попадаетъ въ среду такихъ-же бродягъ; здѣсь онъ—равноправный господинъ, а не парій; здѣсь онъ установляетъ свои обычаи, правила, нравы, держится своихъ привычекъ и наклонностей, живетъ, какъ вздумаетъ. Здѣсь онъ перебываетъ 10, 20 разъ въ свою жизнь во время бѣговъ, проведетъ полжизни въ его стѣнахъ и дальше ихъ все-таки не выберется, какъ ни бьется. Острогъ такимъ-образомъ дѣлается его отечествомъ, а онъ вѣчнымъ гражданиномъ его.

Сибирскіе остроги имѣютъ именно-такое значеніе для бродяги. Они знакомы ему во всѣхъ подробностяхъ, со всѣми мелочами и особенностями быта. Бродяги всегда знаютъ положеніе остроговъ, измѣненія въ управленіи и порядкахъ ихъ и живо этимъ интересуются. Входя въ остроги, они находятъ здѣсь многочисленное общество изъ своей корпораціи, встрѣчаютъ своихъ знакомыхъ и друзей по бродяжеской жизни; многими изъ нихъ они интересуются, какъ знаменитостями, и встрѣчаютъ здѣсь этихъ популярныхъ героевъ, — гордость и цвѣтъ бродяжества. Большая часть населенія въ сибирскихъ острогахъ—бродяги, и они составляютъ здѣсь наиболѣе прочный и окультивированный элементъ. Они не сходятся съ крестьянами и поселенцами и основали здѣсь свою общину и администрацію. Въ острогахъ всегда встрѣчаются двѣ общины,—одна крестьянская, а другая бродяжеская *). Каждая изъ нихъ особо живетъ, особо управляется, имѣетъ своего старосту, своего писаря и даже иногда два особые *майдана* или острожныя лавочки. Это обособленіе въ арестантствѣ бродягъ отъ крестьянъ (съ поселенцами и мѣщанами) объясняется особыми нравами и особыми интересами бродягъ, а потому иными и общественными нуждами. Бродяги подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ и платятъ подать палачу, а также имѣютъ и другіе темные расходы (крестьяне же и мѣщане изъяты отъ этого). Бродяга въ острогѣ платитъ своего рода подать въ свою артель; такъ, въ томъ острогѣ, который я зналъ, платилось бродягами 30 к. съ человѣка (поселенцы платятъ 75 к. крестьяне и мѣщане 1 р. 50 к. также въ свою артель). Бродяжеская община имѣетъ свои сходки, но на выборы, какъ и на рѣшеніе дѣлъ, вліяютъ наиболѣе-опытные бродяги, боль-

*) Такое дѣленіе существуетъ не въ ссыльныхъ только замкахъ: бродяги живутъ отдѣльно и составляютъ родъ отдѣльной корпораціи даже въ столичныхъ замкахъ.

шею-частію каторжные; они диктаторствуютъ надъ остальными, болѣе-умѣренными и болѣе-смирными своими товарищами,—главное, потому, что они энергичнѣе прочихъ и наглѣе: въ ссорахъ они не затрудняются погрозить и ножомъ. При выборѣ главныхъ должностныхъ лицъ, старосты и писаря, употребляются и подкупы. Староста имѣетъ большое значеніе: онъ собираетъ деньги, хранитъ ихъ и расходуетъ, получаетъ подаянія, наряжаетъ на работы въ острогѣ, установляетъ очередь и выполняетъ должность полицейскаго. Сколько мнѣ приходилось слышать, выбранныя лица изъ бродягъ почти всегда растрачиваютъ артельныя деньги. Къ такому безцеремонному обращенію съ общественной кассой бродяжеское общество привыкло и не особенно имъ возмущается. Въ острожной средѣ существуетъ свое оригинальное воззрѣніе на выборную власть: только тотъ можетъ разсчитывать быть выбраннымъ, кто получилъ репутацію расторопнаго удальца, сорви-головы, продувного и хитраго, также кто задобрилъ многихъ деньгами, угощеньемъ и обѣщаніями: на нравственныя качества выбираемаго лица вовсе не обращается вниманія; требуется только, чтобы воровство не переходило извѣстныхъ границъ. Часто бываетъ достаточно такого соображенія: „онъ старый каторжный,—говорятъ бродяги,—да и прогорѣлъ: пусть поправится; выберемъ его!“—и выбираютъ. Дѣйствительно лишь-только бродяга попалъ въ старосты, онъ сейчасъ-же начинаетъ поправляться, заводитъ любовницу между острожными женщинами, щеголяетъ и кутитъ напропалую. Случается, что онъ слишкомъ запускаетъ лапу въ артельную сумму; тогда его усчитываютъ на сходѣ, поругаютъ, побьютъ и смѣнятъ; но и новый дѣйствуетъ не лучше, и мѣняютъ ихъ почти каждый мѣсяцъ.

Каторжно-бродяжеская община составляетъ высшій корпоративный типъ всѣхъ тюремныхъ общинъ. Ей извѣстны всѣ уставы, съ самаго-древняго времени заводимые аре-

старательствомъ по всей Россіи. Бродяжеская община живетъ необыкновенно дружно и ревниво охраняетъ свои интересы. Бродяги — это, такъ сказать, аристократія всѣхъ ссыльныхъ остроговъ, начиная съ сѣверо-восточныхъ замковъ Россіи; они собственно ворочаютъ и распоряжаются порядкомъ жизни въ острогѣ; мало того: члены ея имѣютъ прерогативы предъ всѣми другими жильцами. Во всѣхъ ссыльныхъ замкахъ, гдѣ содержатся сибирскіе крестьяне и поселенцы, составляющіе свою общину, мы замѣчали, что во всѣхъ общихъ дѣлахъ, во всѣхъ спорахъ преимущество остается всегда на сторонѣ бродяжеско-каторжнаго элемента. Въ тюрьмѣ, которая подлежала нашему наблюденію, разладъ и антагонизмъ между двумя общинами, бродяжескою и крестьянскою, особенно былъ рѣзко замѣтенъ. Эта борьба происходила изъ-за всего, — изъ-за подаяній, которыя въ большинствѣ бродяги оттягивали себѣ, изъ-за общихъ работъ въ острогѣ и т. п. Приказываетъ, напримѣръ, смотритель арестантамъ дворъ вымести, „Эй вы! чалдоны, крестьянскій староста! вели своимъ дворъ вымести!" кричатъ бойко бродяги. Крестьянскій староста начинаетъ доказывать, что бродягъ больше, что онъ отрядитъ своихъ людей, но чтобы и они выставили свой контингентъ. „Знать ничего не хотимъ; не родился еще человѣкъ, который бы бродягъ работать заставилъ!" орутъ бродяги. Долго длится споръ; если и отрядятъ двухъ-трехъ бродягъ на работу въ видѣ компромисса, то послѣдніе на дворѣ скорѣе для формы находятся и больше подсмѣиваются и переругиваются съ крестьянами. Точно также мы помнимъ необыкновенный гвалтъ и ссору изъ-за подаяній. Бродяги не хотѣли дѣлиться съ крестьянами: они доказывали, что эти подаянія исключительно назначаются имъ, — хотя подаянія большею частью привозились и отдавались старостѣ родственниками крестьянъ. Крестьянская тюремная община въ защитѣ своихъ интересовъ и въ огражденіи своей самодѣятельности, какъ мы замѣтили, только поддерж-

валась приписанными въ Сибири поселенцами, которые также въ тюрьмѣ причислялись къ крестьянамъ. Если-бы не эти ссыльные, вынесшіе привычки отстаивать свои интересы съ этаповъ и изъ каторгъ, мы увѣрены, что крестьяне были-бы еще больше унижены бродягами, чѣмъ они находятся теперь въ ссыльныхъ острогахъ. Крестьянинъ постоянно атакуется, постоянно преслѣдуется въ сибирскомъ острогѣ, гдѣ сидитъ всегда большинство ссыльныхъ и бродягъ. Обобрать, обворовать крестьянина, попавшаго въ острогъ, считается даже подвигомъ у бродягъ. Въ нашемъ острогѣ мы видѣли нѣсколько подобныхъ случаевъ. Ссоры бродяжеской общины въ крестьянской поэтому были непрерывны. Мало того: бродяжеская община была такъ всегда превосходно организована, такъ умѣла вести интригу, что всегда успѣвала завладѣть преимущественнымъ расположеніемъ тюремнаго начальства предъ общиною крестьянъ, на которыхъ при случаѣ сваливала всякую вину, всякій безпорядокъ острога. . . . .

Бродяга, повидимому, нищъ и убогъ; въ острогъ онъ является часто полуобнаженный, истощенный и избитый, но здѣсь онъ быстро оправляется. Онъ чувствуетъ въ острогѣ себя хозяиномъ, властелиномъ,—говоримъ безъ преувеличенія. Достаточно взглянуть на его позу, на его манеру въ ссыльномъ острогѣ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Тонъ его всегда гордъ и исполненъ чувства собственнаго достоинства. Желчь и иронія ссыльнаго постоянно скользятъ на губахъ его.—„Ты кто такой?!“ вскрикиваетъ бродяга въ минуту величайшаго гнѣва, обращаясь къ крестьянину. Тотъ ему отвѣчаетъ.—„А я—*бродяга!*“ говоритъ онъ гордо и этимъ рѣшаетъ споръ. Однимъ этимъ словомъ онъ старается напомнить о своемъ преимуществѣ. И дѣйствительно, преимущество его въ острогѣ громадно. Крестьяне и люди свободныхъ сословій, попадающіе сюда, какъ временные жильцы, неособенно дорожатъ своими правами и льготами въ острогѣ; не то—бродяга,

который знаетъ, что острогъ его вѣчное убѣжище. На счотъ своихъ претензій и льготъ, узаконенныхъ традиціей стараго острога, онъ—формалистъ, законникъ, историкъ и археологъ.

Во внутренней жизни своей общины у бродяги и каторжнаго каждый шагъ разсчитанъ; на все есть правило, и онъ гордится знаніемъ этихъ правилъ, законовъ и приличій. Такъ-какъ это люди закаленные, выдержанные, то они превосходно подчиняютъ свои желанія и дѣйствія тому, что постановила закономъ и обычаемъ ихъ община. Безъ этихъ законовъ и извѣстной организаціи съ ея общественными функціями немыслима была-бы для бродяги жизнь въ тюрьмѣ цѣлые года; при отсутствіи постояннаго надзора и дисциплины, при прежней распущенности, безъ этой общественной организаціи въ старомъ острогѣ возникла-бы страшная анархія,—люди здѣсь начали-бы пожирать и убивать другъ-друга. Такимъ-образомъ эта общинная организація у бродягъ и каторжныхъ вырабатывалась естественно въ видахъ собственной безопасности и удобствъ жизни. Впослѣдствіи общественные уставы и обычаи такъ твердо установились, что никакой опытный бродяга или каторжный рѣшительно не могъ жить безъ нихъ; онъ формировалъ свою артель, создавалъ свои законы вездѣ, куда ни приходилъ,—въ ссыльный-ли острогъ, въ россійскій-ли замокъ, въ полицейскую-ли каталажку. Попадая въ такія тюрьмы, гдѣ преобладаютъ подсудимые и люди непричастные бродяжескимъ и ссыльнымъ артелямъ, гдѣ поэтому арестанты живутъ довольно-независимо другъ отъ друга и разъединенно, бродяга глубоко возмущается и рѣшительно не можетъ ужиться: онъ — точно рыба, выкинутая на сушу. Даже въ ссыльныхъ замкахъ или преимущественно въ тюрьмахъ смѣшанныхъ, какимъ былъ нашъ замокъ, всякое отступленіе отъ обычаевъ и правилъ, завѣщанныхъ каторжною традиціей хорошо организованныхъ общинъ, возбуждало негодова-

ніе старикъ и опытныхъ бродягъ.—„Эхъ! были-бы здѣсь старые бродяги,—не позволили-бы они этого!" говорятъ бродяги, замѣчая какой-нибудь разладъ или отсутствіе единодушія въ острогѣ. — „Видѣли-бы это каторжные!" съ горемъ иногда восклицаютъ они, и т. д. Благодаря своей подвижности, способности пропагандировать, благодаря ловкости и стойкости, бродяги вездѣ поэтому создали свой міръ и поддерживаютъ свои сношенія по всѣмъ замкамъ и каторгамъ. Большая часть ихъ, постоянно вращаясь по каторгамъ, острогамъ, тайнымъ пріютамъ деревень и по большимъ сибирскимъ дорогамъ, успѣла отлично перезнакомиться между собою, а за своими знаменитостями и героями они постоянно слѣдятъ. Достаточно въ большомъ острогѣ войти къ бродягамъ, когда они занимаются чаепитіемъ или бесѣдой въ комнатѣ майданщика, чтобы слышать самыя-послѣднія новости о судьбѣ бродяжества во всѣхъ концахъ Россіи. Всякій бродяга, поступающій въ острогъ, гдѣ находится хоть-маленькая бродяжеская артель, входитъ въ нее, какъ въ свою родную семью; да и принимаютъ его съ истиннымъ радушіемъ и радостью. Въ сибирскомъ сельномъ замкѣ, гдѣ опытный бродяга всегда встрѣчаетъ старыхъ товарищей, можно нерѣдко видѣть подобныя встрѣчи: — „О! да это ты, Степанъ! здорово, другъ! А гдѣ Никита Беспалый, а Омуль гдѣ, а Калина, Бѣловъ?" такими вопросами закидываютъ извѣстнаго бродягу пріятели. — „Крученый, здорово! Гуляевъ, Ивашка, здравствуйте!" встрѣчаетъ въ свою очередь новоприбывшій пріятелей.—„Съ Кары, съ Кары, братцы, пробирался!— повѣствуетъ онъ.—Калина еще въ енисейской губерніи попался, сидитъ въ красноярскомъ; Бѣловъ печетъ *блинки* въ Вихоревой попрежнему; Омуля убили; Беспалый пропалъ"... и длинная-длинная повѣсть передается въ этой семьѣ о погибшихъ герояхъ поселенчества; грустно и торжественно иногда звучитъ она, напоминая разсказы запорожскихъ товарищей Бульбы объ убитыхъ подъ Си-

нопомъ, о пропавшихъ въ Турціи, о погибшихъ въ бою и т. д. *). Всѣ эти знакомства и привязанности заставляютъ дорожить бродягъ своимъ союзомъ, утверждаютъ ихъ братскую связь и создаютъ не одинъ временный союзъ въ тюрьмѣ, но союзъ на всю жизнь, общій союзъ всей бродяжеской корпораціи на всемъ широкомъ пространствѣ Россіи и Сибири. Съ этимъ союзомъ такъ свыкался бродяга въ прежнихъ тюрьмахъ, что не понималъ своей связи съ какимъ-бы то ни было другимъ человѣческимъ обществомъ; онъ зналъ только одну свою семью, одною ею дорожилъ въ жизни. Поэтому бродяга или ссыльный всегда съ сожалѣніемъ оставлялъ своихъ товарищей и, если выходилъ иногда на поселеніе въ Сибирь, то чувствовалъ себя рѣшительно-отчужденнымъ, оторваннымъ отъ своей среды. Бродяга поэтому рѣдко уживался на поселеніи: подъ вліяніемъ тоски онъ стремился снова въ бѣга и такимъ-образомъ снова соединялся съ своими друзьями и съ своей корпораціей. Особенно связывало бродягъ и возбуждало въ нихъ привязанности другъ къ другу то, что всѣ они—изгнанники, такъ-какъ большинство сибирскаго бродяжества состояло изъ поселенцевъ и каторжныхъ. У нихъ у всѣхъ была одна родина—Россія; всѣ они жили одними воспоминаніями;

*) Какая тѣсная связь существуетъ въ бродяжескихъ общинахъ, авторъ имѣлъ случай убѣдиться многими поразительными примѣрами. Послѣ своихъ наблюденій надъ бродяжескими общинами и знакомствами въ ссыльномъ замкѣ Сибири, много спустя, онъ имѣлъ случай видѣть арестантовъ въ россійскихъ замкахъ. Междупрочимъ въ Костромѣ онъ встрѣтилъ какую-то скромную личность изъ бродягъ, которая тщательно скрывала свое имя; разговорившись съ этимъ человѣкомъ откровенно о бродягахъ, мы внезапно отыскали множество общихъ знакомыхъ, которые извѣстны только въ сибирскихъ бродяжескихъ общинахъ; бродяга этотъ разспрашивалъ именно о тѣхъ личностяхъ, которыя занесены нами въ настоящіе очерки. Другой случай намъ представился нѣсколько позже въ Архангельскѣ, гдѣ въ городской больницѣ арестантъ изъ арестантскихъ ротъ точно-также выказалъ свое знакомство со многими знаменитыми бродягами и мы нашли опять общихъ знакомыхъ. Конечно, арестантъ былъ изъ бродягъ.

у всѣхъ у нихъ была одна надежда достигнуть родной земли; ихъ воодушевляли одинаковыя чувства, мысли и желанія. Вотъ-почему они чувствовали родство свое въ Сибири, братски сближались, какъ земляки, и находили утѣшеніе въ своемъ обществѣ. Здѣсь они какъ-будто приближали свое отечество; мало того: они старались создать его и замѣнить его себѣ въ средѣ своей. Поэтому, кромѣ одинаковыхъ стремленій избавиться отъ наказанія и вести праздную жизнь, историческій союзъ бродяжества связывался и другими болѣе-нѣжными чувствами: ихъ связывала любовь къ далекой, отвергнувшей ихъ, матери-Россіи,—чувство одинаковой тоски и одинаковаго горя. Русскій человѣкъ глубоко привязанъ къ своей родинѣ и—тяжела ему *вѣчная* ссылка,—такъ тяжела, что иногда онъ свою арестантскую среду предпочиталъ свободной жизни на поселеньи среди свободныхъ людей на чужой сторонѣ. Примѣры, какъ привязываются къ бродяжеской артели и острогу, мы видѣли. Знали мы напримѣръ одного арестанта изъ бродягъ, человѣка еще молодого, лѣтъ двадцати. Послѣ побѣга онъ какъ-то извернулся—и ему вышло рѣшеніе выслать его на поселеніе. Такое рѣшеніе было очень благопріятно, такъ-какъ бродягъ обыкновенно ссылаютъ на заводы года на 4. — „Вотъ ты, Александръ, и на поселенье выйдешь, славу-богу! Остепенись, поживи въ деревнѣ, женись; ты еще парень молодой! Чего въ бродяжествѣ-то ходить: кромѣ плетей ничего не выходишь!“ разъ говорили мы ему.— „Надо-бы, надо-бы,— подтверждалъ онъ, — да боюсь... не удержусь-съ“,—вдругъ замѣтилъ онъ въ раздумьи. — „Это какъ?“ — спросили съ изумленіемъ мы.—„*Скучно безъ своихъ*. Чтожъ она мнѣ, эта енисейская губернія! Поживу годъ, два, а потомъ опять.... Знаете, кто „острожнаго хлѣба поѣлъ, того такъ къ нему и тянетъ. Такая ужь наша судьба!“—отвѣтилъ онъ, приведя извѣстную поговорку бродягъ. Такое фатальное стремленіе человѣка къ острожной чорной коркѣ было-бы удивитель-

но, еслибы тутъ не существовало инстинктовъ, которыхъ сами бродяги и ссыльные не могли иногда объяснить. Дѣйствительно, указанный нами молодой бродяга былъ настоящій жилецъ острога: онъ былъ тюремный игрокъ, фланеръ, онъ ни къ чему не былъ пріученъ, работать не умѣлъ и чувствовалъ только привязанность къ товарищамъ по острогу. Что ему было дѣлать въ сибирской глухой деревнѣ, гдѣ его могъ ожидать только тяжолый трудъ, кабала и тоска по родинѣ!..

Бродяги, проводя цѣлую жизнь въ острогѣ, естественно приноравливали старую сибирскую тюрьму къ своимъ цѣлямъ. Мы говорили уже объ общинныхъ учрежденіяхъ русской тюрьмы. У бродягъ здѣсь заведены свои сходки, свое самоуправленіе, свой судъ, который у нихъ необыкновенно строгъ. Особенно бродяги требуютъ сохраненія тайны своихъ псевдонимовъ, хотя они въ большинствѣ другъ-друга и знаютъ. Подчиненіе бродяжеской общинѣ и ея требованіямъ здѣсь соблюдается тѣмъ строже, что бродяга никуда не скроется отъ товарищей: его найдутъ и въ бродяжествѣ, и въ каторгѣ; а не найдутъ сами,—такъ передадутъ другимъ.

Подвергаемые постоянно наказаніямъ, бродяги и каторжные болѣе-всего нуждались въ созданіи своей кассы для дани палачамъ и на другіе расходы. Она образуется изъ общихъ сборовъ съ майдана и подаяній. Для своихъ потребностей и развлеченій у нихъ созданъ майданъ, отдаваемый съ откуповъ. Бродяжеская община у майданщика, какъ у откупщика, наживающагося водкой и картами, выхлопотала себѣ всевозможныя привиллегіи; такъ-напримѣръ майданщикъ обязанъ вѣрить на $1\frac{1}{2}$ рубля всякому, хотя-бы бродяга, входя въ тюрьму, ничего не имѣлъ; это важная помощь; при смѣнѣ майданщика можно иногда не платить долговъ старому. На продажу всѣхъ припасовъ утверждается такса въ то время, когда майданъ сдаютъ на откупъ.

Занятіями бродягъ въ острогѣ является изученіе тѣ-

производствъ, которыя имъ всего-болѣе необходимы, какъ-напримѣръ дѣланье фальшивыхъ денегъ, монеты, кропанье паспортовъ. Подобныя знанія всего-болѣе обезпечивали имъ положеніе въ бродяжествѣ; естественно, что всего-болѣе имъ-то и учились бродяги. Въ то-же время такъ-какъ въ острогѣ бродягѣ рѣшительно ничего не приходилось дѣлать, то онъ изобрѣлъ игру съ самымъ-разнообразнымъ характеромъ и правилами *). Эта игра занимаетъ все время бродяги. Она обусловлена также своими острожными обычаями; напримѣръ положено за правило, что „никто безъ выигрыша съ майдана не выходитъ" и выигравшій возвращаетъ часть денегъ назадъ. Это показываетъ естественное желаніе поддержать игру до безконечности, такъ-какъ она есть ежедневное занятіе и развлеченіе. Такимъ-образомъ бездѣятельное бродяжество создало само себѣ въ тюрьмѣ свои развлеченія и занятія.

Въ острогѣ каждый не стѣсняясь предается своимъ наклонностямъ и упражняется въ своей профессіи. Кто производитъ блинки (фальшивыя бумажки), кто монеты, кто поддѣлываетъ печати, кто продаетъ вино, кто занимается ремесломъ, а кто и ровно ничего не дѣлаетъ. Даровой хлѣбъ и отсутствіе заботы особенно благопріятны привычному бродяжескому far niente. Въ острогѣ бродяга отдыхаетъ или придумываетъ себѣ разныя развлеченія.

Нѣкоторые учатся разнымъ искуствамъ по части плутовства и усвоиваютъ всю эрудицію сламыванія и отпиранія замковъ, передергиванія картъ, фабрикаціи де-

*) Въ ссыльныхъ тюрьмахъ, какъ извѣстно, распространены карты, причемъ употребляется особенно *мѣдная*, которая дозволяетъ играть при части колоды; также существуетъ игра въ юлу, въ кости, въ домино, въ орлянку и даже во вши (въ бѣгунцы). Страсть къ игрѣ такъ велика у бродягъ, что проигрываютъ пайки хлѣба или копятъ ихъ на продажу, а сами питаются жидкими щами съ капустой, по бродяжескому нарѣчію *марцовкой*.

негъ, ловкой кражи, способовъ вывернуться изъ-подъ суда и тому подобному. Понемногу слагается здѣсь довольно безпечная и веселая общинная жизнь, гдѣ люди проводятъ время довольно разнообразно и главное безъ труда. При такихъ условіяхъ понятно, что такое — острогъ для бродяги, человѣка изнуреннаго дорогой и вѣчно-дрожащаго за свою свободу. Въ острогѣ онъ находитъ отдыхъ. Здѣсь онъ получаетъ кучу развлеченій. Арестантъ беззаботно толчотся по корридорамъ, сплетничаетъ и ругается, пьетъ и играетъ въ своемъ клубѣ, — потаенномъ майданѣ. Часто звучитъ балалайка, веселая пѣсня рвется изъ десятка сильныхъ бродяжескихъ грудей и ухарская пляска откалываеття въ камерахъ. Можетъ-быть, благодаря именно этому веселью, люди могутъ содержаться въ острогѣ цѣлые годы подъ слѣдствіемъ, не сойдя съума. Однако случается и послѣднее при долгомъ заключеніи.

Общественная жизнь въ острогахъ развита: обширные дворы часто напоминаютъ ярмарки и площади, гдѣ ходятъ маскарадные медвѣди, устраивается кукольная комедія, и радостно гогочетъ надъ этимъ „каторга". Подъ замками, въ камерахъ, идетъ тоже общественное времяпровожденіе: здѣсь многіе лѣниво лежатъ на нарахъ и толкуютъ о своихъ дѣлахъ; другіе спятъ по цѣлымъ днямъ, даже до одурѣнія, по 18-ти часовъ въ сутки.

Праздность и скука развиваютъ кромѣ игры другую страсть — къ вину. Простой человѣкъ, подъ вліяніемъ невзгодъ жизни и страданій, особенно жаждетъ его, а въ острогѣ оно имѣетъ еще-большую прелесть, какъ запретный плодъ. Въ острогѣ оно не рѣдкость, но продается страшно-дорого. Несутъ обыкновенно сюда спиртъ, маленькая чашечка котораго стоитъ 40, 50 коп.; изъ бутылки выходитъ 5 такихъ чашекъ. Спиртъ, притомъ, разбавляется мѣстными откупщиками; въ вино подбавляется известь и купоросъ, возбуждающіе сильное похмѣлье и заставляющіе арестанта догола пропиваться. Арестантъ копитъ послѣднюю копейку, воруетъ и плу-

туетъ, чтобы выпить; нечего и говорить, что всѣ заработанныя деньги идутъ на это-же. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что заработанныя арестантами деньги въ одно лѣто, во время работъ ихъ въ городѣ, и на казенной работѣ, во время перестроекъ въ острогѣ, всѣ ушли на майданъ на вино; сумма эта равнялась рублямъ 300-мъ. Иногда, въ праздники, въ острогѣ выпивали до 5 ведеръ вина, на 400 человѣкъ арестантовъ. Услѣдить пронось вина не всегда удается: проносятъ служители, солдаты; бываютъ даже торгующіе этимъ разные служащіе чины; арестанты-же изобрѣтаютъ для проноса всевозможныя хитрости. Точно-также въ острогъ доступна и другая контрабанда,—табакъ, бумага, ножи и краски. Запрещеніе табаку, возвышая на него цѣну даже до 15 коп., вмѣсто 6, еще болѣе ухудшаетъ экономическое положеніе арестанта, а курить всетаки не мѣшаетъ; побьется, побьется острожное начальство да и начнетъ на куренье смотрѣть сквозь пальцы. Какъ велика контрабанда въ винѣ, картахъ и табакѣ, можно судить по тому, что у смотрителей завалены ими цѣлые амбары: мѣшки табаку, четверти и ведра спирту... а одинъ накопилъ 150 конфискованныхъ колодъ картъ.

Кромѣ всего этого, любимое занятіе и развлеченіе бродягъ въ острогахъ составляетъ волокитство за женщинами; какъ ни отдѣлены онѣ, но арестанты создали пути и лазейки, чтобъ имѣть сношенія и вести довольно-оживленныя интриги. Около женскаго корридора всегда толпятся группы острожныхъ донъ-жуановъ; они здѣсь обмѣниваются любезностями, ведутъ разговоры и передаютъ что нужно. Ежели нельзя видѣться въ корридорахъ, то находятъ другіе пути: перекликаются въ окошки, видятся въ разныхъ укромныхъ уголкахъ, встрѣчаютъ женщинъ при выходѣ ихъ на прогулку, въ полицію, въ судъ или на работы. Въ острогахъ почти всѣ женщины имѣютъ „*любезниковъ*“. Бродяги, какъ бобыли и холостяки, болѣе всего лебезятъ около нихъ; оттого они считаются

первыми кавалерами: „бродяжки — наши душки, поселенцы — черти“, говорятъ острожныя дамы. Нѣтъ ничего уморительнѣе, какъ видѣть этого острожнаго любезника, въ короткихъ портахъ, въ котахъ на босу-ногу и въ арестантской хламидѣ; зато голова его вымазана саломъ, на лицѣ улыбка, а на устахъ бо-мо *). Бродяги, пришедшіе съ любовницами, и здѣсь поддерживаютъ свои союзы. Часто въ острогахъ рождаются дѣти и въ немъ получаютъ воспитаніе. Жизнь этихъ дѣтей, среди циническихъ и грубыхъ нравовъ острога, конечно, крайнѣ печальна. Подростки заимствуютъ принципы жизни и привычки изъ острожной среды. Одинъ мальчикъ изъ такихъ дѣтей воспитывался въ острогѣ до четырехъ лѣтъ. Семи лѣтъ онъ снова сюда попалъ съ матерью; здѣсь онъ позаимствовался разными качествами, и когда вышелъ въ деревню, его дразнили „кандальникомъ и острожникомъ“; этимъ-самымъ разрывъ его съ обществомъ былъ рѣшонъ, и вотъ 18-ти лѣтъ онъ сидѣлъ уже за кражу и готовился быть бродягой.

При такихъ условіяхъ жизнь въ тюрьмѣ бродягамъ представляла много прелестей: съ нею они освоивались, въ нее втягивались необыкновенно. Достаточно было пожить въ этихъ бродяжескихъ фаланстерахъ, чтобы воспринять ихъ духъ, нравы, усвоить ихъ воззрѣнія. Это было замѣтно особенно на молодыхъ крестьянахъ, входившихъ въ такіе остроги. Такіе примѣры мы видѣли: какой-то тарскій солдатскій сынъ, приписанный въ мѣщане, попалъ въ тюрьму за дебошъ и за то, что у него нашли фальшивый двугривенный, сдѣланный крайне-дурно. Въ

*) Въ острогѣ любовь, надо замѣтить, далеко не безкорыстна: здѣсь женщины требуютъ, кромѣ любезностей, содержанія и подарковъ. Мы долго дивились, какъ нѣкоторые бродяги могли доставлять любовницамъ нѣкоторый комфортъ; но оказалось, что бродяги приносятъ часто изъ бродяжества по 30, 40 и даже 50 цѣлковыхъ. Гдѣ они это берутъ, — вѣроятно, знаетъ одно сибирское крестьянство.

острогѣ въ насмѣшку звали этого парня „*монетчикомъ*", т. е. мастеромъ. Этотъ молодой и разбитной парень, посаженный на-время, вдругъ быстро примкнулъ къ бродягамъ и началъ мечтать о побѣгахъ, о дѣланьи монеты, о Нерчинскѣ и т. п.—„Да изъ-за чего тебѣ бѣжать: вѣдь ты сибирякъ, тебя возвратятъ на родину, въ свой городъ... мальчишка ты молодой!" говорили ему. —„Да въ бродягахъ жить хорошо, *весело!*" говорилъ онъ, составивши себѣ какую-то идиллію о бродяжескомъ житьѣ. Другой 16-ти-лѣтній крестьянскій парень, почти ребенокъ, разъ ушолъ изъ деревни изъ-за какихъ-то непріятностей, но, попавши въ ссыльный острогъ, вздумалъ скрывать свое имя и называться *непомнящимъ*, тогда, какъ ему надобности въ этомъ никакой не было, а дѣлалъ онъ такъ, *по модѣ*. — „Дуракъ! — говорили ему опытные бродяги: — вѣдь тебя вздуютъ! ты думаешь легко бродяжить! у тебя молоко не обсохло!" Парень, насмотрѣвшись на бродягъ, затвердилъ, что будетъ бродягой, да и кончено. Надъ такими прозелитами сами бродяги смѣются и отталкиваютъ ихъ отъ себя. Они знаютъ по себѣ, что бродяжить заставляетъ горькая нужда, вѣчная каторга, а не прихоть. Они испытали всю горечь этого житья. „Вы думаете, что-такое бродяги?—говорилъ мнѣ одинъ старикъ-бродяга:—вѣдь мы—собаки,—хуже собакъ!.. у собаки конура есть, а у насъ нѣтъ ея!"—такъ характеризуютъ они пріятность этой жизни; но не смотря на все это, ссыльный острогъ всетаки оказываетъ на новоприбывшихъ свое заражающее вліяніе. Мы должны сказать въ интересахъ тюремнаго дѣла, что людей, обвиняемыхъ въ Сибири и также въ первый разъ попавшихъ по преступленіямъ изъ свободныхъ сословій, необходимо рѣшительно отдѣлять отъ рецидивистовъ и ссыльныхъ, имѣющихъ неотразимое вліяніе на новичковъ: для такихъ подсудимыхъ необходимы были-бы особыя тюрьмы.

Что касается бродягъ, то съ тюремною реформою и

при введеніи труда въ тюрьмахъ, вѣроятно, будетъ не мало затрудненій пріучить ихъ къ труду. Кромѣ привычки къ праздности и неумѣлости, у нихъ существуетъ ссыльный предразсудокъ, по которому они презираютъ трудиться на мѣстѣ ссылки. Они всѣ подвижны, всѣ чего-то чаютъ, всѣ считаютъ себя временными жильцами здѣсь; но зато можно ручаться, что ежели будутъ положены какіе-нибудь сроки ихъ наказанію, ежели они будутъ имѣть надежду когда-нибудь удовлетворить своему страстному желанію видѣть родину въ концѣ наказанія, то одно это уже будетъ могучимъ стимуломъ къ ихъ исправленію и повиновенію. Во всякомъ случаѣ бродяги — необыкновенно смышленое, развитое и умное населеніе и когда оно пойметъ свои выгоды, съ нимъ легко сладить даже при новыхъ условіяхъ исправительнаго наказанія.

VII.

Бродяжескій процессъ.

Бродяжескій процессъ, состоящій изъ суда и слѣдствія, имѣетъ важное значеніе для бродяги, потому-что вліяетъ на его судьбу и опредѣляетъ дальнѣйшую его жизнь. Большинство ссыльныхъ стремится посредствомъ его выиграть уменьшенныя наказанія сравнительно съ тѣми, отъ которыхъ они бѣжали. Поэтому на процессѣ сосредоточиваются все вниманіе, всѣ силы ума и изобрѣтательность подсудимыхъ. Въ самомъ себѣ онъ довольно несложенъ и для бродягъ ограничивался до сихъ поръ лишь одной формальной стороной. На бродягу мало обращали вниманія: отъ него отбирали показанія въ земскихъ судахъ, наводили справки на мѣстахъ, куда онъ показывался, если требовалось; приговоръ утверждался губернаторомъ; затѣмъ слѣдовало исполненіе его.

Отбираютъ показанія отъ бродягъ обыкновенно гуртомъ; гуртомъ наказываютъ и отправляютъ. Да это и понятно при множествѣ бродягъ, наводняющихъ остроги.

Представимъ себѣ маленькій сибирскій городокъ, грязноватую комнату, находящуюся предъ присутствіемъ земскаго суда, гдѣ сидятъ два-три писца изъ вольнонаемныхъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ или выгнанныхъ чиновниковъ. Это—типъ старыхъ дѣльцовъ, юсовъ съ потерянной карьерой и запахомъ перегорѣлой водки,—типъ, названный Гоголемъ „кувшиннымъ рыломъ“; одинъ изъ этихъ писцовъ руководитъ наскоро процессомъ. На крыльцѣ и въ сѣняхъ толпится человѣкъ до 20 и болѣе арестантовъ, изъ которыхъ большая часть бродягъ, т. е. таинственныхъ масокъ. Вводятъ ихъ.

— Кто ты такой?—спрашиваетъ писецъ одного, роясь въ бумагахъ.

— Дезертиръ, — отвѣчаетъ бодро бродяга.

— Солдатъ, чей? откуда? говори скорѣе!

— Иванъ Степановъ Берниковъ, изъ смоленскаго полка, 2-го батальона, 3-й роты, бѣжалъ съ пути слѣдованія отъ города Краснослободска, пензинской губерніи, въ городъ Мокшаны, въ 1838 году, — отбарабаниваетъ бродяга.

— Писать не умѣешь?.. Пойдетъ справка. Иди.

— Ну, ты?

— Бродяга-поселенецъ Осипъ Еремеевъ, такмыцкой волости, тобольской губерніи, села Такмыцкаго, за безпаспортность.

— Пойдетъ справка. Писать тоже не умѣешь?.. Ступай! Ты?

— Иванъ непомнящій.

— Ты?

— Николай безпрозванный, непомнящій-же значитъ.

— Ну, ты? ты! ты?

— Непомнящій,—непомнящій,—непомнящій.

— Ты, матушка?

— Анна незаконнорожденная.

— Ну, идите! — говоритъ писецъ, записавъ дюжины полторы такихъ показаній. Первый допросъ конченъ. Ходятъ справки въ Мокшаны, въ Иркутскъ, и на Амуръ, и въ Астрахань; ждутъ бродяги годъ, нѣкоторые и два, и три. Но вотъ для нѣкоторыхъ приходятъ окончательныя справки. Слава-богу! бродягъ вызываютъ по очереди въ тотъ-же судъ; они несутъ гривенники, четвертачки, чтобы въ случаѣ нужды измѣнить оборотъ дѣла.

— Берниковъ, онъ-же и Петровъ, онъ-же и Бобовъ! — взываетъ тотъ-же кувшинный писецъ.

— Я-съ.

— Опять у тебя справка невѣрна: Бобова тоже нѣтъ.

— Точно такъ, никакъ нѣтъ, — говоритъ Берниковъ.

— Что-же ты врешь, путаешь? вѣдь ты сидишь изъ-за этого. Какъ-же тебя теперь?

— Судите по закону...

— Да зовутъ-то какъ!

— Судите по закону...

— Непомнящій, что-ли?

— Да ужь видно такъ... Что будетъ!

— Поселенецъ Еремѣевъ! у тебя есть бородавка на правой щекѣ?

— Какъ-же, есть: вотъ-съ извольте здѣсь въ бородѣ.

— Ну, а ты братьевъ своихъ знаешь?

— Какже-съ: Иванъ, Антонъ, Алексѣй Макаровы, по отцу Кондратьевы; сестры Марфа, Анна, Катерина; мать ихъ Алена и отецъ нашъ помершій Макаръ Ларіонычъ, — какъ по писанному рубитъ бродяга.

— Вѣрно! скоро въ отправку пойдешь.

— Оксеновъ! ты показался бѣжавшимъ съ поселенія изъ деревни Бѣлобородовой. По справкѣ оказалось, что Оксеновъ годъ ужь какъ тамъ живетъ, былъ въ бѣгахъ да прибылъ.

— Я, дѣйствительно, ваше б-діе, на чужое имя показывался, — говоритъ старикъ-бродяга.

— Кто-же ты?

— Я изъ крѣпостныхъ, въ 1825 г. отъ помѣщика бѣжалъ изъ Москвы. Теперь я хочу *„родъ жизни“* *) открыть.

— Ты вѣрно 40 лѣтъ вралъ да и теперь еще врать хочешь. Кто-же тебѣ повѣритъ? говори „непомнющій“ прямо.

— Позвольте родъ жизни...

— Да тебя и справки, дурака, не найдутъ: объявляй себя лучше непомнющимъ.

— Эхъ, хотѣлось-бы, да ужь что дѣлать!

Идутъ бродяги назадъ въ острогъ,—кто мрачный, кто веселый.

— Въ губернію пойдетъ теперь на рѣшенье,—говоритъ одинъ,—а ловко вышло, какъ въ точку! Хоть каторги-то миновалъ теперь.

— *Дуга* **), братъ, — говоритъ другой,—что дѣлать? опять надо бродяжить; авось лучше подыщу. Экой шельмецъ — этотъ поселенецъ! пришолъ-таки въ деревню, а я ему рубаху, штаны да еще полтину далъ; „не сумлѣвайся!“ говоритъ. Анъ, штобъ тебя!..

— Ну, а больше 20 *мандтовъ* ***) не будетъ—я такъ разсуждаю,—говоритъ кто-то.

— Это вѣрно, больше не будетъ; и то—слава богу!

— Когда только на секуцію? Секуторомъ-то ****) ишь опять какъ-бы Васькинъ варваръ не былъ.

У бродягъ идетъ шумный говоръ по возвращеніи изъ земскаго суда. Многіе ходятъ выпивши: значитъ, процессъ выиграли. На сценѣ кувшри водки, музыка, пѣсни, трепакъ. Дѣйствительно, у многихъ, можетъ быть, обез-

*) *Родомъ жизни* называютъ настоящее происхожденіе.

**) *Дуга*—невѣрные справки.

***) *Мандты*—плети по-арестантски.

****) Секуція—экзекуція, секуторъ—экзекуторъ.

печено счастье дальнѣйшей жизни. Но мало мы поймемъ въ этомъ процессѣ, взглянувъ на безцвѣтные, нѣмые листы казенной бумаги, испещренные писарскимъ перомъ безличными именами и псевдонимами. Развѣ только иногда юмористическій подборъ ихъ можетъ занять насъ. „Иванъ Тридцать-Пять лѣтъ“, „Губернаторъ“, „Съ неба упалъ“, „Махни драло“, „Я за нимъ“, „Тебѣ на водахъ“ или сложные, какъ „Дмухатенко, онъ-же Гусаренко, онъ-же Иваненко, онъ-же Тарасенко“ и т. п. Наконецъ громкія имена, которыя любятъ себѣ давать бродяги: Бѣгуновъ, Самолетовъ, Суворовъ, Потемкинъ, Строгоновъ, Орловъ, Соколовъ и другіе. Въ заключеніе цѣлые листы и фаланги „непомнющихъ“, „беззрозванныхъ“ и „незаконнорожденныхъ“. Эти записанныя лица и души здѣсь имѣютъ такое-же, пожалуй, призрачное значеніе, какъ и мертвыя души Павла Иваныча Чичикова, а между тѣмъ про нихъ, конечно, можно написать цѣлые томы, полные самыхъ разнообразныхъ приключеній, которые своей жизненностью и яркостью красокъ затмятъ всѣхъ монтекристовъ и мушкетеровъ. Подъ этими масками столько разбитыхъ жизней, столько скрытыхъ драмъ, облитыхъ человѣческою кровью и горемъ, а подъ темными именами скрывается, наряду съ эпопеями преступленій, столько-же безвыходнаго несчастія и вѣчныхъ страданій.

Бродяги являются въ остроги таинственными масками съ цѣлью—въ процессѣ, который имъ предстоитъ, выиграть лучшее положеніе и повозможности облегченіе. Каждому бѣглому съ каторги, заводовъ, изъ арестантскихъ ротъ, съ поселенья, отъ наказанія или изъ солдатъ выгодно измѣнить фамилію или показаться на другого, чья участь легче. Каторжный 1-го разряда, сосланный навѣчно, ищетъ случая попасть на меньшій срокъ,—еще лучше—на поселенье; поселенецъ стремится показаться на крестьянина или мѣщанина; бѣглые солдаты предпочитаютъ также поселенье; изъ Сибири бѣглые ссыль-

ные ищутъ случая перейти въ Россію на родину. Въ крайнихъ случаяхъ показываются на непомнящихъ. При перемѣнахъ званій и именъ идетъ круговая; тотъ, кто нашолъ выгодное положеніе подъ новымъ именемъ, сдаетъ старое имя пріятелю, которому оно выгоднѣе, чѣмъ свое. Выбившіеся съ поселенья въ свободныя сословія сдаютъ имя поселенца каторжнымъ; выбившіеся каторжные мѣняются съ тѣми, кто сосланъ на большій срокъ работъ; наконецъ случалось, прежде, выходили въ солдаты; солдаты-же на поселенье или въ свободныя сословія и т. д. Бываетъ и продажа именъ, конечно, довольно дешовая. Случается часто, что купленное имя невыгодно, такъ-какъ за лицомъ есть нѣсколько преступленій, за которыя новому владѣльцу имени приходится отвѣчать. Но бываютъ, по разсказамъ, и очень выгодные обмѣны; такъ, проигравшійся глуповатый арестантъ разъ продалъ свое имя поселенца за 6 руб. каторжному, который осужденъ былъ на цѣпь на значительное число лѣтъ. Онъ высидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ, покуда, освобожденный съ цѣпи, онъ не улучилъ случая бѣжать. Въ такихъ процессахъ много хитростей и тонкостей, которыя предупредить едвали удастся и самому тонкому юристу. Бродяга всегда имѣетъ столько именъ, что иногда совершенно-неизвѣстно, какъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ прозывается. Когда нужно показаться на чужое имя, то подыскивается подходящій человѣкъ по росту, лѣтамъ и всѣмъ примѣтамъ; узнаютъ его родственниковъ, начальниковъ въ деревнѣ, городѣ или батальонѣ и все это заучиваютъ. Для того, чтобы принять чужое имя, часто убиваютъ владѣльца его во время бродяжества,—проходя деревни, вызнаютъ бѣглыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и т. п. Ежели показанія съ перваго разу неудачны, то они перемѣняются на другія; эти неудачныя показанія измѣняются еще, и едвали можно ручаться, что всѣ они несправедливы. Есть личности, которыя въ свою жизнь подъ разными именами перебывали ка-

торжными, поселенцами, солдатами, крестьянами и опять каторжными и снова солдатами или крестьянами и т. д. Процессъ считается выиграннымъ для каторжнаго, если наказаніе смягчено противъ прежняго степенью или двумя; но каторжный этимъ не ограничится и, конечно, будетъ искать новыхъ перемѣнъ. Важно также избавиться отъ тѣлеснаго наказанія, которому подвергаются въ Сибири всѣ ссыльные бродяги и непомнящіе, а потому бродяги стремятся попасться за границей Сибири. Въ предѣлахъ Россіи наказанія тѣлеснаго нѣтъ и непомнящіе ссылаются на поселеніе; хотя годъ и полагается имъ отработать въ арестантскихъ ротахъ; въ Сибири же всѣ непомнящіе наказываются обыкновенно 20 ударами плетей и ссылкою на 4 года въ заводы! Какъ ни тяжелъ этотъ жребій, но многіе и его принимаютъ, какъ облегченіе; даже бѣглые солдаты и рекруты почему-то находятъ это выгоднымъ. Способы, къ какимъ прибѣгаютъ бродяги для выигранія процесса, до безконечности разнообразны и невсегда ихъ можно предусмотрѣть. Показывается, напримѣръ, бродяга дезертиромъ изъ NN полка, даетъ самое точное показаніе о своемъ побѣгѣ; дѣлаются справки; описываются примѣты бѣжавшаго; справка подтверждаетъ показаніе: онъ признанъ; но такъ-какъ полкъ NN ушолъ давно въ какую-нибудь другую губернію, то бѣглый зачисляется въ мѣстные батальйоны (по ст. 616 XIV тома устава о паспортахъ и бѣглыхъ), т. е. входитъ въ среду незнакомую, гдѣ его никто не знаетъ и уличить не можетъ. Или показывается бѣглый на какого-нибудь бѣглаго крестьянина изъ русскихъ губерній; по показаніямъ и примѣтамъ справка подтверждаетъ показаніе; ему остается быть только пересланнымъ на мѣсто, но здѣсь могутъ узнать его и уличить, и вотъ онъ подаетъ просьбу оставить его на жительствѣ въ Сибири. Или, напримѣръ, взятъ бродяга съ фальшивымъ паспортомъ, подъ именемъ хоть Петрова; въ острогѣ, въ ожиданіи процесса, онъ переводится въ больницу

и здѣсь записывается подъ именемъ Парфена Прохорова; такъ онъ дѣлается извѣстенъ и въ острогѣ. Когда вызывали Петрова въ судъ, онъ не откликался. Прошло много времени; онъ, наконецъ, является къ смотрителю острога и спрашиваетъ, что-же его не вызываютъ.—„Да ты за что взятъ?" спрашиваетъ смотритель.—„Не знаю, отвѣчаетъ онъ:—взяли меня пьянаго около кабака и привели сюда".—„Да ты кто такой?"—„Здѣшній поселенецъ Прохоровъ; меня и въ городѣ всѣ знаютъ". Оказывается, что въ книгахъ никакого Прохорова не записано,—вѣроятно, по пропуску. Остается повѣрить показанія справками и очными ставками. Призванные обыватели утверждаютъ въ судѣ, что это—дѣйствительно Прохоровъ. Его выпускаютъ. Да Прохоровъ и на самомъ дѣлѣ попался подъ именемъ Петрова: подъ фальшивымъ паспортомъ онъ дѣлалъ кражи въ сосѣднихъ деревняхъ.

Для обыкновенныхъ бродягъ и неимѣющихъ шансовъ вывернуться остается послѣднее средство показаться „непомнящими". Непомнящихъ у насъ бездна. Въ одномъ острогѣ ихъ насчитывали до 40. Нельзя сказать, чтобы непомнящіе явились у насъ результатомъ упущеній юридическаго процесса. Правильнѣе,—они сами завоевали себѣ право на существованіе. Старые бродяги еще помнятъ то время, когда принимались противъ нихъ строгія мѣры; лѣтъ 20, 30 назадъ ихъ жестоко сѣкли и допытывали о званіи, но они „*отбились*". Законъ нынѣ признаетъ ихъ, и этотъ законъ, по моему мнѣнію, гуманенъ: онъ даетъ бродягѣ возможность выйдти изъ безвыходнаго положенія. Непомнящихъ очень много; ими являются часто 70 и 80-лѣтніе старцы; кто они такіе, гдѣ провели жизнь,—ничего неизвѣстно. Отцовъ они не знаютъ, матерей тоже; скитались, какъ они отвѣчаютъ, „гдѣ день, гдѣ ночь". Такъ-какъ скитанья производятся по 40 и болѣе лѣтъ, то есть-ли какая возможность навести необходимыя справки! Со всею строгостью и полнымъ дознаніемъ вести процессъ невозможно; а такъ-

какъ за пристанодержательство полагается наказаніе и виновные въ немъ привлекаются къ суду, то бродяги не показываютъ тѣхъ, кто имъ оказалъ гостепріимство; да наконецъ если-бы бродяги показывали справедливо, то по показанію каждаго изъ нихъ пришлось-бы посадить человѣкъ по сотнѣ, у кого они бывали и живали, что даже практически невыполнимо. Впрочемъ бываютъ и справедливыя показанія; тогда бродяга-плутъ, отправляясь съ засѣдателемъ въ деревню для уличенія, обираетъ крестьянъ, которые откупаются отъ его показаній; многіе изъ такихъ ѣздившихъ, какъ ихъ называютъ, „на слѣдствіе", привозятъ шубы, деньги и вообще наживаются. Это-же, конечно, иногда даетъ доходъ и слѣдователямъ.

Нашъ законъ относительно бродягъ нельзя назвать слабымъ и непредусмотрительнымъ; напротивъ: за всѣ обходы и увертки положено наказаніе, также-какъ и приняты мѣры для открытія личности. Въ Сибири, какъ ссыльной колоніи, гдѣ бродяжество развито преимущественно между ссыльными, мѣры эти несравненно строже, какъ и наказанія. Вообще всѣ бродяги, непомнящіе родства, пойманные въ Сибири, судятся и наказываются, какъ ссыльно-поселенцы, хотя и не оказали клеймъ и знаковъ наказанія (ст. 816 XIV т. Уст. о ссыл.). Побѣгомъ для поселенцевъ считается отлучка безъ вида и дозволенія въ продолженіи 7 дней (ст. 802). Побѣги ссыльныхъ съ дороги, изъ партіи, считаются, какъ побѣгъ внѣ Сибири, за что наказаніе еще строже (ст. 815, ibid). Самый судебный процессъ ссыльнаго и бродяги въ Сибири обставленъ иначе, и они судятся безъ правъ, предоставленныхъ въ судѣ остальнымъ гражданамъ. Мы ознакомимъ съ этимъ процессомъ тѣхъ, кто его не знаетъ по своду законовъ. За побѣги, предоставленные судебному разсмотрѣнію, въ Сибири судитъ судъ первой степени. Судъ производится въ уѣздномъ судѣ и утверждается губернаторомъ. (Для болѣе важныхъ ссыль-

ныхъ и бродягъ, совершающихъ крупныя преступленія, существуютъ военные суды). Показанія отбираются не по пунктамъ, а записываются со словъ. Отрекаться отъ подписаннаго или измѣнить смыслъ его дополненіями и толкованіями подсудимый права не имѣетъ. Всѣ объясненія не принимаются во вниманіе; у подсудимаго судъ первой степени не отбираетъ допроса о безпристрастіи. Очистительной присяги онъ лишонъ. Къ рукоприкладству и прочтенію записокъ по дѣламъ уголовнымъ ссыльные въ губернскихъ судахъ не призываются. На рѣшенія полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ отзывы отъ ссыльныхъ не принимаются. Ссыльный, оставленный въ подозрѣніи, судится строже за новыя преступленія. Поселенецъ судится, какъ каторжный 3-го разряда, послѣдній, какъ каторжный 1-го разряда, срочный и т. д. Наказанія ссыльнымъ, переведеннымъ на заводъ за побѣги, дѣлаются, какъ каторжнымъ, принимая во вниманіе число побѣговъ, причомъ за каждый наказаніе увеличивается. За преступленіе ссыльные отъ тѣлеснаго наказанія не освобождаются,—ни женщины, ни престарѣлые, ни увѣчные, но мѣра наказанія соразмѣряется ихъ силамъ *). (Нынѣ женщины избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, для остальныхъ-же ссыльныхъ оно остается въ полной силѣ и послѣ реформы). Изъ этого видно, что ссыльному мало давалось средствъ къ оправданію и никакой вѣры; онъ наказывался безъ отговорокъ, наказанія носили чисто карательный характеръ и доведены были до maximum'а. Вотъ таблица этихъ наказаній:

Каторжнымъ перваго разряда безсрочнымъ за 1-й побѣгъ 60—80 плетей и 10—12 лѣтъ въ испытуемыхъ; за 2-й побѣгъ 80—100 и 12—15 лѣтъ въ испытуемыхъ; за 3-й побѣгъ 2,000—3,000 шпицрутеновъ и 15—20 лѣтъ въ испытуемыхъ; за 4-й побѣгъ высшая мѣра 3-го, т. е. 3,000 шпицрутеновъ.

*) Все это изложено буквально въ статьяхъ 844, 857, 858, 864, 865, 866, 867, 868, 880 устав. о ссыльныхъ, XIV том. Свода законовъ.

Каторжнымъ срочнымъ перваго разряда: за 1-й побѣгъ 50—60 плетей съ продолженіемъ работъ и прибавкою 10—15 лѣтъ; за 2-й побѣгъ 50—60 плетей и набавленіе работъ 15 — 20 лѣтъ; за 3-й побѣгъ 80—100 плетей и работы безъ срока.

Каторжнымъ третьяго разряда за 1-й побѣгъ 40—50 плетей и въ рудники съ продолженіемъ работъ безъ срока.

Ссыльно-поселенцамъ за 1-й побѣгъ 20 — 30 плетей; за 2-й побѣгъ 30—40 плетей и въ заводъ отъ 1 мѣсяца до 1 года или содержаніе въ тюрьмѣ 1—2 лѣтъ; за 3-й побѣгъ 40—50 плетей и въ работы отъ 3 до 4 лѣтъ; за 4-й побѣгъ и послѣдующіе 50—60 плетей и на 4—6 лѣтъ на каторгу.

Эти наказанія назначались за побѣги каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири, за побѣги же внѣ Сибири или за переходъ россійской границы наказанія усиливаются. Каторжный 1-го разряда безсрочный за 1-й и 2-й побѣгъ внѣ Сибири судится, какъ за 3-й въ Сибири, а за послѣдующіе побѣги, какъ 4-й. Въ такой-же постепенности возвышаются наказанія и для остальныхъ. Такимъ образомъ minimum наказанія за побѣгъ для поселенцевъ и непомнящихъ 20 плетей и, какъ утвердилось на практикѣ, 4 года работы въ заводахъ; за переходъ же россійской границы 40 плетей. Нынѣ для каторжныхъ и поселенцевъ сдѣланы смягченія въ томъ, что уничтожены клейма и шпицрутены; остальныя-же тѣлесныя наказанія остаются въ полной силѣ,—только вмѣсто шпицрутеновъ дается 105 плетей...

Какъ видимъ, на легкость этихъ наказаній нельзя пенять криминалистамъ: здѣсь истощены были всѣ средства устрашенія, и даже когда-то бывали конфирмаціи о наказаніи „безъ медицинской помощи". Оставивши разсмотрѣніе наказаній со стороны гуманности, мы коснемся ихъ практическихъ результатовъ. Такія наказанія нисколько не устрашали ссыльныхъ; они приводи-

ли только въ тому, что арестанты прибѣгали, въ крайнемъ случаѣ, въ обходу наказанія другими средствами, и это стремленіе выкупалось новыми жестокими страданіями. Къ числу этихъ средствъ относилось вытравливаніе прежнихъ клеймъ и самоуродованіе. Чтобы избавиться отъ работъ, каторжные и донынѣ прибѣгаютъ къ самымъ ужаснымъ средствамъ: обрубаютъ себѣ руки, переламываютъ ломомъ ноги и пр. Для вытравливанія клеймъ употреблялись нарывные пластыри, мушки, крѣпкая водка, сѣрная кислота, ляписъ, гноеніе ранъ по нѣскольку мѣсяцевъ, каленое желѣзо и привитіе сифилиса. Мнѣ одинъ каторжный указывалъ, какъ на лучшее средство, употребляемое для этой цѣли, на прокалываніе шиломъ тѣхъ точекъ, которыя произведены иглами машинки; такъ-какъ такихъ точекъ много, то это было довольно медленное мученье. Какъ ни мучили себя бродяги, однако клеймъ выводить не научились, и ихъ за шрамы судили такъ-же, какъ и за клейма. Кромѣ того каторжные узнаются по знакамъ кнута, плети или „строевымъ знакамъ". Но на это являются показанія, что слѣды ударовъ существуютъ не отъ наказанія по суду, а отъ случайныхъ причинъ: такъ бродягу бьютъ иногда крестьяне, иногда сѣкутъ свои-же бродяги. Эти случаи у насъ нерѣдки; поэтому и эти признаки не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ ссыльнаго, а склоняться въ заключеніи въ одну другую сторону было-бы несправедливо и несовмѣстно съ закономъ, хотя это иногда и дѣлается. Тѣлесное наказаніе бродяги и каторжные пробовали обходить или смягчать съ помощію подати палачамъ, взятокъ и т. п., но въ крайнемъ случаѣ оно всетаки ихъ не устрашало, какъ ни было сильно. Въ прежнее время люди выносили страшныя степени этихъ наказаній: выхаживали по 6,000—7,000 сквозь строй, и все-таки ихъ тяжесть побѣговъ не удерживала. Бывали такіе, солдатъ Горловъ, который въ свою жизнь 9 разъ олъ сквозь строй и каждый разъ не менѣе 1,000 и

полуторыхъ. Бывали наказанные по 12 разъ. Есть люди на каторгѣ, которые, не смотря на всѣ усилія и безпощадность наказаній плетьми, въ видѣ дисциплинарныхъ наказаній на заводахъ, всетаки *отбиваются;* такъ мнѣ разсказывали про казака, сосланнаго на заводы, который не хотѣлъ ни за что работать, не смотря на то, что начальство надъ нимъ употребляло всѣ средства наказанія,—конечно, тѣлеснаго; въ концѣ-концовъ принуждены были выслать его съ завода, какъ неспособнаго.

Нынѣ тѣлесное наказаніе обыкновенно совершается надъ бродягами въ стѣнахъ полиціи (только важныхъ наказываютъ на площади), гдѣ все основывается на произволѣ экзекутора, которымъ бываетъ квартальный. Бываетъ, что и палачи вносятъ въ наказаніе личныя симпатіи. Былъ напримѣръ когда-то палачъ въ Тюмени, который особенно былъ жестокъ относительно женщинъ. Сплошь и рядомъ палачи имѣютъ свои разсчоты съ арестантами, и наказаніе колеблется отъ мягкаго къ строгому. Все это даже по закону не выполняетъ точности степени наказанія и дѣлаетъ его часто несправедливымъ. Самая степень тѣлеснаго наказанія для нѣкоторыхъ ссыльныхъ бродягъ слишкомъ-строга; въ общемъ же примѣненіи тѣлеснаго наказанія для бродягъ оно захватываетъ такихъ субъектовъ, которыхъ законъ, вѣроятно, и не хотѣлъ наказывать тѣлесно. Такъ сибирскіе крестьяне и другія свободныя сословія, выдающія себя почему-нибудь за „непомнящихъ“, наказываются плетьми, хотя плети не полагаются имъ за самыя-высшія преступленія. Строгость наказанія скорѣе способствовала разрыву съ обществомъ и огрубляла человѣка. Всѣ бродяги и ссыльные смотрятъ на наказаніе стоически и считаютъ его неизбѣжнымъ спутникомъ своей жизни: какъ спартанцы, они закалены въ немъ. Есть пословица: „лиха бѣда нагнуться, а не лиха бѣда отдуться“.— „Человѣкъ прибьется,—ровно скотъ станетъ“, говорятъ они: „все равно ему. Насъ битьемъ не уймешь“. Если

тѣлесныя и устрашительныя наказанія не могутъ дѣйствовать на личность свѣжую, то подавно они не могли подѣйствовать на человѣка загрубѣлаго, каторжнаго, привыкшаго къ лишеніямъ и истязаніямъ. Они вносили въ характеръ его только болѣе непримиримости. Тѣлесное наказаніе въ этомъ случаѣ, какъ доказалъ опытъ, не только не усмиряло подобныхъ людей, но только закаляло, раздражало и способствовало огрубѣнію. Человѣкъ, испытавшій плеть, розги, побывавшій на эшафотѣ и перенесшій физическія страданія, уже ничего не боится. Мало того: онъ дѣлается жестокъ, хладнокровенъ къ страданіямъ и другихъ: ни муки, ни стоны, ни кровь ему не рѣдкость. Скоро онъ впадаетъ въ безчувственность, въ звѣрство; онъ только мститъ и мститъ кровью-же. Величайшіе злодѣи, величайшіе разбойники и хладнокровные убійцы являются только изъ каторжныхъ. Это свидѣтельствуетъ вся исторія разбойниковъ. Раціонально было-бы, чтобы тѣлесное наказаніе, какъ безполезное для предупрежденія преступленія ссыльныхъ и какъ всего менѣе способствующее исправленію, а напротивъ воспитывающее звѣрство, съ реформою наказанія было отмѣнено для ссыльныхъ, какъ отмѣнено и въ Россіи. Сибирскія площади еще до сихъ поръ испытываютъ это деморализующее и потрясающее зрѣлище.

Не менѣе вниманія слѣдуетъ обратить и на другія наказанія. Для арестанта въ срокахъ работъ чуть-ли содержится не болѣе наказанія, чѣмъ въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Нынѣшніе ссыльные, по крайней-мѣрѣ, хлопочутъ скорѣе о смягченіи сроковъ въ каторжныхъ работахъ, чѣмъ о наказаніи тѣлесномъ; конечно, это не говоритъ въ пользу послѣдняго, но характеризуетъ первое. Главная причина побѣговъ все-таки заключалась въ большихъ срокахъ работъ и тяжести ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видали арестантовъ лѣтъ 50-ти слишкомъ, приговоренныхъ за побѣги лѣтъ на 20; иногда и эти сроки еще увеличивались вдвое. Оттого всякая надежда по-

кидала арестанта. Горько онъ встрѣчалъ свой приговоръ, и съ большою злобою говорилъ своими острожными стихами:

> Вышло мнѣ рѣшенье,
> Чтобъ не ждать мнѣ утѣшенья!...

Вѣдь для самаго отчаяннаго преступника должна-же быть когда-нибудь надежда. Этотъ принципъ есть въ нашей каторгѣ согласно законодательству, но при учащонныхъ побѣгахъ онъ терялъ силу и срочность постоянно превращалась въ *вѣчность* *).

Взаключеніе мы осмѣлимся замолвить слово въ защиту людей самыхъ несчастныхъ, подвергшихся страшному и неизгладимому наказанію въ прежнее время, — каторжныхъ *заклейменныхъ*. Съ отмѣною *клеймъ* они одни несутъ это старое пятно; имъ нѣтъ выхода въ гражданское общество. Эти старые ветераны, обремененные за побѣги страшными сроками, все еще ищутъ спасенія въ побѣгахъ, хоть навремя; но, какъ *тавреные* кони, они вездѣ узнаются и потому испытываютъ вдвое горшую участь противъ остальныхъ. Точно-также есть много людей, которымъ тяжело было при прежнихъ порядкахъ уживаться и они уже цѣлые десятки лѣтъ несутъ рядъ тяжкихъ наказаній. Въ сложности они переработали десятки лѣтъ на каторгѣ, но все не дотягивали срока; въ сложности они перенесли много, много плетей. Они теперь хилы, дряхлы. Мы видали ихъ въ ссыльныхъ острогахъ. Они-бы ничего не желали, кромѣ покоя. Ихъ горькая судьба заслуживаетъ милосердія.

Изыскивая причины бродяжества, мы уже замѣчаемъ, что прежнія лекарства къ его искорененію были далеко

---

*) Укажемъ междупрочимъ, что въ европейскихъ новыхъ на[illegible] наказаніе за побѣгъ каторжнымъ значительно уменьшено. Ирландіи за побѣгъ каторжный наказывается только увеличені на 2 года. (Ирландск. система Гольцендорфа, с. 26).

неудовлетворительны. Мѣры строгости противъ бродяжества и неестественное положеніе при поселеніи бродягъ дадутъ тѣ-же дурные результаты. Разнесся слухъ между бродягами, что крестьяне ихъ будутъ перелавливать и представлять начальству.

— А мы будемъ красть, жечь, рѣзать сибиряковъ!— говорили самые-запальчивые.

Разнесся слухъ, что ихъ будутъ селить около укрѣпленія Вѣрнаго въ Западной Сибири: — „что-же... и оттуда будемъ бѣгать!" говорили бродяги. Такой-же слухъ о переселеніи бродягъ на Амуръ произвелъ между ними совершенный бунтъ, такъ-какъ, по опытамъ, переселеніе на Амуръ между ссыльными есть синонимъ голодной смерти.

Такимъ-образомъ, судебный процессъ, какъ и уголовныя наказанія ссыльныхъ и бродягъ, не достигаетъ своей цѣли. Весь процессъ остался формальнымъ, и жизнь выработала для него всевозможныя фикціи; усиленныя же наказанія, по существу своему, дѣйствовали обратно и только развивали побѣги. Устрашеніе здѣсь не играло никакой роли, кромѣ той, что воспитывало личность чорствую, загрубѣлую, которую затѣмъ уже ничто не могло потрясти. Стѣсненное и каторжное положеніе на заводахъ только вызывало стремленіе уйти во-что-бы то ни стало. Теперешняя каторга и заводы не столько способствовали исправленію преступниковъ, сколько преслѣдовали экономическія цѣли. Въ наказаніяхъ съ большими и усиленными сроками работъ, прибавляемыхъ за побѣги, личность теряла надежду когда-нибудь отсюда выдти и все-болѣе и болѣе запутывалась. Чтобы разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, необходимо положить новый принципъ въ основу наказанія—исправленіе. Работы должны быть естественнымъ побужденіемъ личности, притомъ за плату, а сроки ихъ обусловлены хорошимъ поведеніемъ. Современная наука указываетъ мотивы, которыми должно руководствоваться наказаніе. Ссылка на

поселеніе также не достигало своей цѣли: личность, поставленная въ дурныя условія и необезпеченная, не дѣлалась осѣдлою; она имѣла мало побужденій къ труду; перемѣщаясь въ готовое гражданское общество, она переносила только свою вредную дѣятельность изъ одного общества въ другое.

VIII.

Профессіи бродягъ.

Коснувшись въ первыхъ двухъ статьяхъ нравовъ и внутренней жизни бродяжества, я намѣренъ теперь обрисовать профессіи бродячаго населенія и занятія его во время дороги, которыя вполнѣ характеризуютъ его вліяніе на страну и опредѣляютъ характеръ ссыльнаго въ Сибири. Бродяга идетъ по Сибири свободно,—заходитъ въ деревни и тамъ находитъ пріютъ и занятія. Странствованіе его по пустынямъ Сибири—скорѣе случайное и вынуждаемое особенной крайностью; въ сущности онъ всегда предпочитаетъ теплую крестьянскую баню, ищетъ деревенскаго кабака, а главное—ему нужны люди, которые-бы подавали ему милостыню.

Бродяга, какъ пришелецъ изъ другой среды, какъ ссыльный, хорошо подмѣтилъ характеристическія стороны сибирскаго крестьянства, его наклонности, слабости и недостатки, но, какъ человѣкъ, привыкшій къ другой обстановкѣ, онъ не могъ освоиться со всѣми особенностями сибирскаго быта и примириться съ ними. Страннымъ ему кажется сибирскій вольный крестьянинъ, работающій несравненно-менѣе сѣраго мужика русскихъ губерній, и потому ссыльный называлъ его лѣнивымъ; буржуазный и промышленный духъ этого крестьянина, его смѣтка и хитрость сильно противорѣчатъ пон[illegible] крестьянинѣ, какъ о простакѣ, а потому ссыль[illegible]

зываетъ его плутомъ; иные обычаи сибирскаго крестьянина и пріемы хозяйства кажутся пришельцу совсѣмъ уже дикими: какъ, напримѣръ, понять ему, что сибирскій крестьянинъ не жалѣетъ лѣса и часто, срубивъ гигантское дерево, бросаетъ его безъ всякаго употребленія? Небрежное обращеніе съ землей, которою не дорожитъ сибирякъ, со скотомъ, котораго у него много,—все это кажется нелѣпымъ и нераціональнымъ; суровый и грубый характеръ звѣролова, маклачество промышленника возбуждаютъ антипатію поселенца къ ихъ характеру; лѣсная жизнь, полная опасностей, наѣздничества и воинственности, кажется имъ дикою. „Посмотрѣть на него, какъ онъ верхомъ съ палкою за волками гонится, — такъ сущій азіатъ!“ говоритъ поселенецъ. Какъ отличается сибирскій крестьянинъ отъ россійскаго, можно видѣть на новоселахъ. Новоселы скромны, забиты, честны, набожны и трудолюбивы: сибирякъ плутоватъ и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ, наклоненъ къ кулачеству и обманамъ. Нравы тѣхъ и другихъ также разнятся, и обѣ стороны долго пикируются, пока новоселы во второмъ поколѣніи не преобразятся въ сибиряковъ, не измѣнятъ языка и окончательно не ассимилируются Сибирью. Поселенцы *) являются еще-болѣе-ярыми противниками сибирскихъ нравовъ; по ихъ убѣжденію, у сибирскаго крестьянства только и есть хорошаго, что чистота да опрятность. Бродяга, какъ и поселенецъ, чувствуетъ еще-большую антипатію къ краю и его жителямъ, чѣмъ новоселъ; бродяга смотритъ на сибиряка свысока и осыпаетъ его насмѣшками. „Желторотые“, „сибиряки—соленыя уши“ (это перенесено съ пермяковъ), „сибиряки, какъ родятся, такъ три дня слѣпы бываютъ“ (это перенесено съ мазуровъ), „Ермакъ Сибирь оглоблей крестилъ“: такъ поселенцы и бродяги посмѣиваются

---

*) Слово *поселенецъ* въ Сибири имѣетъ болѣе-узкое значеніе, чѣмъ оно имѣетъ въ литературѣ: оно означаетъ только ссыльно-поселенца.

надъ сибиряками. Мужиковъ они зовутъ „челдонами", „братанами" или „братаванами". „Никакого здѣсь образованія нѣтъ", — говоритъ поселенецъ: — „одно слово глушь; только одна тобольская губернія немного похожа на Россію, да еще на Барабѣ увидишь россійскій народъ, а-то все сибирячье!".

Столкнувшись и освоившись съ крестьянствомъ, бродяги скоро подмѣтили въ немъ стремленіе къ пріобрѣтенію денегъ и жажду къ обогащенію, доходящую до буржуазной шейлоковской маніи. Точно-также обратили они вниманіе на невѣжество сибирскаго крестьянства и, вслѣдствіе вліянія инородческаго элемента, на особенно-развившееся здѣсь суевѣріе. Бродяга-поселенецъ воспользовался всѣми слабостями и потребностями населенія для извлеченія изъ этого своихъ выгодъ и, сообразуясь съ ними, создалъ свои занятія. Мы приведемъ ихъ въ последовательной классификаціи.

1) *Бродяги-работники.* Обычай брать бродягъ въ работники существовалъ и существуетъ вездѣ, гдѣ накоплялось такое населеніе: въ Новороссіи, напримѣръ, нанимаютъ бродягъ въ хутора; на каспійскихъ рыболовныхъ промыслахъ, на Дону они всегда принимались въ артели; многіе помѣщики въ Россіи не отказывали бродягамъ, изъявлявшимъ желаніе наняться въ работники. Въ Сибири трудящемуся бродягѣ было еще больше простора: при свободѣ и отсутствіи преслѣдованія онъ могъ легко здѣсь пристроиться; при нуждѣ и потребности въ рукахъ онъ могъ быть полезенъ и найти себѣ занятіе.

Самымъ обширнымъ поприщемъ для бродяжескаго труда были пріиски. Въ прежнее время лихорадочной и кипучей золотопромышленной дѣятельности на пріискахъ рады были всякимъ рукамъ, особенно за дешовую плату; и дѣйствительно многіе пріиски принимали бродягъ. Трудъ на золотыхъ пріискахъ извѣстенъ: трудъ этотъ — каторжный и изнурительный: здѣсь цѣнится наиб- физическій трудъ, сила и неустанность въ раб

уже это одно не въ характерѣ бродяги. Замѣчено нѣкоторыми, что поселенцы на пріискахъ работаютъ хуже крестьянъ; бродяга же считается и на заводѣ, и въ деревняхъ совершенно неумѣлымъ и лѣнивымъ, а между тѣмъ на пріискѣ отъ него, какъ отъ человѣка юридически-неогражденнаго, больше требуютъ и больше наказываютъ. Притомъ пріискатели-хозяева, постоянно обсчитывающіе и обманывающіе на платѣ даже свободныхъ работниковъ, конечно, бродягъ заставляютъ трудиться чуть недаромъ. Такимъ-образомъ, если свободные рабочіе, оставившіе у пріискателя паспорты и заключившіе контрактъ, постоянно бѣгаютъ съ пріисковъ, то бродягѣ, поставленному въ стѣснительное положеніе, путь никогда не былъ отрѣзанъ: если жили они и работали, то отъ крайней безвыходности,—и въ концѣ-концовъ все-таки убѣгали и отсюда. Впрочемъ нынче пріемъ бродягъ на пріиски если и существуетъ, то въ меньшихъ размѣрахъ: начальство строже слѣдитъ за паспортами.

Несравненно легче бродягѣ устроиться у крестьянъ. Сибирское крестьянство любитъ бродяжескій трудъ потому, что онъ дешевъ,—помощь его всегда пригодна и особенно въ страду, въ покосъ; бродягами охотно пользуются крестьяне-антрепренеры, имѣющіе обширныя хозяйства и обрабатывающіе ихъ наемнымъ трудомъ. На деревенскія работы бродяги ходятъ иногда большими партіями: такъ въ одной деревнѣ томской губерніи, имѣющей населенія всего 100 душъ, разъ жило ихъ до 80. Многіе крестьяне держатъ по 5 и болѣе такихъ работниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ каждой деревнѣ можно встрѣтить человѣкъ по 10 работающихъ бродягъ. Бродяги принимаются въ работники крестьянами по всей Сибири, но преимущественно въ глухихъ и нетрактовыхъ мѣстахъ; при проѣздѣ начальства ихъ выпроваживаютъ на время въ лѣсъ. Но при всемъ томъ бродяги не заживаются въ работникахъ, что зависитъ и отъ стремленія бродягъ пробраться въ Россію, и отъ

тяжкой эксплуатаціи, какой подвергается ихъ трудъ. Большая часть помогаетъ крестьянамъ только во время страды, остальное же время бродяжитъ.

Условія труда бродяги-работника очень незавидны во время работы у крестьянина. Послѣдній даетъ бродягѣ заработную плату гораздо-ниже, чѣмъ вольному, и часто по личному своему усмотрѣнію. Въ томской губерніи бродяга коситъ десятину за 1 рубль въ то время, какъ за эту-же работу вольному работнику даютъ 1 р. 50 к.; за сто копенъ бродяга получаетъ 5 руб., а вольный 8—9 рублей; рубить дрова бродяга берется за 15—20 к. сажень, а вольный не менѣе 30 к.; поденная плата бродягѣ отъ 15 до 25 к. с. Въ енисейской губерніи, гдѣ трудъ дороже, бродягѣ даютъ за десятину 1 р. 50 к., а вольному до 3 р.; поденная плата вольному 50 к., а бродягѣ 15—20 копѣекъ; если нанимаютъ по недѣлямъ, то даютъ 1 р. въ недѣлю. Трудъ при этомъ, конечно, требуется неутомимый. Бродягу не жалѣютъ и обременяютъ, какъ раба; притомъ срокъ труда совершенно во власти хозяина, который по минованіи страды отказываетъ бродягѣ: воспользовавшись имъ на двѣ-три недѣли, съ нимъ уже не церемонятся. Расплата съ бродягой часто очень-плохая; если хозяинъ и ничего ему не отдастъ, бродяга не смѣетъ на него жаловаться земской полиціи. Впрочемъ бродяги придумали средство принудить хозяевъ честно съ нимъ разсчитываться. Если хозяинъ выгонитъ бродягу-работника безъ платы, то бродяга объявляетъ себя въ волости бродягой и показываетъ, что работалъ у такого-то крестьянина: конечно, онъ попадаетъ въ острогъ, но зато и крестьянина потянутъ туда-же, если тотъ не откупится. За обманы и даровое пользованіе трудомъ бродяги мстятъ хозяевамъ и другимъ способомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, около Томска одинъ казакъ имѣлъ заимку; заведя обширное хлѣбопашество, онъ пригласилъ къ себѣ на работы бродягъ, но по окончаніи работъ прогналъ

чается добросовѣстностью: многіе бьють лишь на то, чтобы, нанявшись въ работники, что-нибудь стянуть и тайкомъ удрать. „Какіе мы работники!"—говорилъ мнѣ бродяга: — „нашъ братъ вѣдь больше норовитъ надуть мужика". Кромѣ этого крестьяне боятся отвѣтственности за принятіе бродягъ, держать ихъ осторожно и далеко не всѣ. Иногда бродяги, проживавшіе очень-долго въ деревнѣ на положеніи осѣдломъ, были открываемы начальствомъ и общество недешево платилось за пристанодержательство; недавно въ томской губерніи взяли бродягу, который имѣлъ уже собственный домъ и жилъ въ деревнѣ 25 лѣтъ.

Трудящаяся часть бродячаго населенія, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго участія и покровительства.

2) *Бродяги-нищіе.* Нищенство составляетъ привилегированную и наиболѣе распространенную профессію бродяжества. Имъ пропитываются всѣ бродяги во время своей длинной дороги. Какъ люди бѣглые, безъ копейки денегъ, безъ всякой осѣдлости, неимѣющіе нигдѣ остановиться надолго, постоянно гонимые и скрывающіеся, они естественно должны обратиться къ этому способу пропитанія. Трудъ—не ихъ сфера: работать берутъ не вездѣ, развѣ только въ самыхъ глухихъ волостяхъ; притомъ трудъ бродяги всетаки временный, и, пользуясь имъ недолго, бродяга идетъ въ дорогу безъ ничего, въ качествѣ нищаго. Кому-же крестьяне не могутъ всѣмъ бродягамъ предложить работу; да и не всѣ бродяги способны къ этому; это очень-хорошо видно изъ зимовокъ около деревень, гдѣ на нѣсколько работниковъ приходятся десятки пріютившихся по избушкамъ и заимкамъ около деревень и питающихся милостыней. Бродяги и по своему положенію, и по своему характеру мало склонны къ труду.

Большая часть изъ нихъ выходитъ бродяжить изъ рудника для отдохновенія, для сладкаго far niente подъ кустомъ или въ балаганѣ.

— Что ты не работаешь?—говоритъ крестьянинъ такому бродягѣ:—ты хоть-бы на себя заработалъ одежонку, бродни-бы завелъ: смотри ты какой!...

— Ну, нѣтъ, братъ!—отвѣчаетъ ему тотъ:—я и съ завода ушолъ отъ работы! буду я тебѣ спину гнуть!... шалишь!

Подавать бродягамъ милостыню и давать имъ пріютъ побуждаетъ крестьянъ и опасеніе отъ нихъ воровства, боязнь ихъ мести, и жалость къ ихъ положенію. Въ виду безпомощности нищихъ-бродягъ крестьяне относятся къ нимъ не только не враждебно, но даже нѣсколько сочувственно: они подаютъ имъ довольно щедрую милостыню, такъ-что излишекъ подаянія бродяги даже продаютъ. Въ разныхъ мѣстахъ Сибири заведенъ обычай оставлять подаяніе въ полѣ и въ деревняхъ во время страды; въ Забайкальи оставляютъ омулей для проходящихъ бродягъ; въ иркутской губерніи припасаютъ хлѣбъ и мясо по заимкамъ; на Барабѣ ставятъ молоко и хлѣбъ около избъ для того, чтобъ не безпокоили хозяевъ. Бродяги, входя въ деревни, держатся своихъ правилъ при сборѣ милостыни: гурьбами имъ ходить невыгодно, а потому они идутъ по два черезъ деревню,—одинъ по одной сторонѣ, другой—по другой. Только-что пройдетъ одна пара, выступаетъ другая, затѣмъ третья и такъ до вечера...

Бродяги-нищіе—крайне-жалкій народъ; они всѣ скромны, боязливы, забиты и угнетены нуждой. Какъ тѣни, исхудалые и оборванные, они проходятъ деревни и скитаются по балаганамъ; стоитъ проѣзжему крестьянину припугнуть ихъ, и они разсыпаются въ сторону или начинаютъ жалобно молить его оставить ихъ въ покоѣ.

Свою профессію нищенства бродяги называютъ *стрѣляньемъ савотеекъ*, отчего они и получили у крестьянъ названіе *савотеечниковъ*. Какъ ни жалка и ни унизительна эта профессія и постоянное воинованье, извѣстное подъ именемъ *тянутія бирюка*, но привычка застави-

бродягъ не стѣсняться и даже довольно весело приправлять прошеніе милостыни разными прибаутками.

Необходимость и крайняя нужда заставляетъ бродягъ быть настоятельными и часто довольно смѣлыми въ дѣлѣ прошенія милостыни: они обращаются даже къ писарямъ и къ сельскому начальству. Мнѣ разсказывали про двухъ бродягъ, которые, проходя черезъ губернскій сибирскій городъ, явились къ окнамъ самого губернатора,—конечно, нечаянно. Губернаторъ былъ добрый человѣкъ; узнавъ, что они бродяги, онъ далъ имъ три рубля, посовѣтовавъ убираться изъ города; но бродяги скоро снова явились за милостыней, объявивъ, что не могли еще почему-то собраться, и получили снова денегъ; наконецъ они явились и въ третій разъ: возмущенный такой настойчивостью и безцеремонностью, губернаторъ приказалъ наказать ихъ при полиціи розгами и выпроводить изъ города.

Бродяги-нищіе терпятъ недостатокъ какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ. Уходя съ заводовъ, они уносятъ какую-нибудь мережу, промокающую во время дождя, какъ рѣшето; на ногахъ у нихъ надѣты дырявые черки, а лѣтомъ многіе обходятся и безъ нихъ; рубахи ихъ представляютъ грязныя лохмотья. Бѣгущіе изъ арестантскихъ ротъ и солдаты терпятъ еще болѣе стѣсненій въ одеждѣ: оффиціальный костюмъ часто приходится бросать, и вотъ нѣсколько десятковъ верстъ бредутъ они въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ и безъ шаповъ. Во время побѣга другіе выходятъ и нагишомъ, а потомъ выпрашиваютъ гдѣ-нибудь разное отрепье. Обыкновенный костюмъ бродяги такъ ветхъ, что въ острогѣ продаютъ иногда сермяжную однорядку за 6 коп. Поэтому зимою самымъ бѣднымъ бродягамъ ходить невозможно: рѣдкій изъ нихъ имѣетъ дырявый полушубокъ,—больше армяки, иногда и эти изорванные. Необходимость идти въ холодъ заставляетъ такихъ несчастныхъ обкладывать себя сверхъ рубахи сѣномъ и потомъ уже надѣвать армякъ; кто мо-

жетъ, запасается двумя рубахами и двумя штанами. Въ этихъ рубищахъ бродяги-нищіе терпятъ страшное бѣдствіе зимою; бураны, пурги, сибирскіе морозы дѣйствуютъ на нихъ, какъ на мухъ. Ознобленныхъ между ними всегда много: у кого ноги, у кого руки... раны долго не заживаютъ у нѣкоторыхъ и въ острогѣ. Мнѣ разсказывали, что разъ около Барнаула шла ватага бродягъ; началась зима, застала ихъ пурга: часть изъ нихъ побѣжала впередъ и достигла деревни; другіе шесть человѣкъ заплутались и всѣ замерзли. Не дождавшись товарищей, передовые кинулись ихъ отыскивать и, пустившись по дорогѣ, испытали всю суровость зимы. Они всѣ пообморозились, и только крестьяне, отправившіеся на помощь, спасли ихъ. Весною въ лѣсу находятъ бездну замерзшихъ бродяжескихъ труповъ. Не лучше судьба и тѣхъ, кто принужденъ укрываться на зиму въ разныя избушки и заимки около деревень. Здѣсь они живутъ цѣлыми партіями въ 10, 20, 30, 40 человѣкъ. Всѣ они полуголые; выйдти имъ нельзя; избушки дымныя, грязныя. Приведу здѣсь одинъ мнѣ извѣстный фактъ подобной зимовки. Десять человѣкъ бродягъ расположились въ холодной избѣ; ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ одежонки, въ которой-бы могъ пройдти до деревни; междутѣмъ нужно ѣсть, и вотъ для двухъ депутатовъ, отправляемыхъ ежедневно въ деревню за хлѣбомъ, собирается туалетъ со всѣхъ: у кого бродни получше— снимаетъ бродни; кто даетъ шапку, кто штаны, кто кафтанъ. Покуда двое ходятъ—остальные коченѣютъ отъ холода. Зима поэтому—самая трудная пора для бродяги нищаго. На лѣто онъ ужь менѣе стѣсняется, но все-таки сплошь да рядомъ студится, коченѣетъ и промокаетъ на дождѣ. Лихорадки—постоянные ихъ спутники.

Такова жизнь нищихъ-бродягъ; но какъ ни печальна и ни бѣдственна она, однако ни морозъ, ни бѣдствія, ни голодъ не останавливаютъ побѣговъ. Нѣсколько мѣсяцевъ воли для бродяги дороже жизни; такъ есть-ли

время думать о платьѣ, о средствахъ пропитанія?... Всего печальнѣе, что нищенствуетъ народъ сильный и физически способный къ труду. Принимая во вниманіе громадное число бродягъ, мы, конечно, не должны упускать изъ виду, что нищенство ихъ ложится всетаки тяжело на крестьянство, которое постоянно кормитъ до 30,000 непроизводительнаго и безполезнаго народа.

3) *Бродяги-воры*. Однимъ нищенствомъ бродягамъ во всякомъ случаѣ не прокормиться, а поэтому воровство составляетъ необходимую принадлежность бродяжества. Едвали найдется хоть одинъ бродяга, который-бы не кралъ. Обдерганный, въ лохмотьяхъ, голодный, онъ только этимъ и можетъ спасти себя отъ голодной смерти. Подъ вліяніемъ страха и частыхъ преслѣдованій онъ принужденъ иногда выбирать одно изъ двухъ—или кормиться воровствомъ, или быть пойманнымъ. Но воровство, бывшее сначала результатомъ голода, обращается въ привычку и совершается при малѣйшей потребности, хотя и второстепенной: захочется выпить водки, — крадутъ; захочется поволочиться,—крадутъ. Затѣмъ оно становится профессіей, къ которой прибѣгаютъ, какъ къ средству постояннаго существованія. Воровство по необходимости очень естественно въ бродяжескомъ быту. Подаянія не всегда и не всѣмъ доступны; при громадномъ количествѣ просящихъ милостыню, ею нельзя удовлетворить всѣхъ вполнѣ. Часто бродяги ставятся внѣ возможности заходить въ деревни, гдѣ почему-нибудь ихъ задерживаютъ; тогда приходится добывать пропитаніе кто-какъ-знаетъ, а кромѣ воровства едвали имъ можно придумать что-либо другое. Если крестьяне скупы на подаяніи, то они за это платятся убытками отъ кражъ. Бродяги воруютъ по большей части съѣстное, чтобы не умереть въ лѣсу безъ пищи, или таскаютъ одежду, чтобъ не замерзнуть среди поля. Я приведу два разсказа, ходящіе между бродягами, изъ которыхъ видно, что кражи изъ необходимости оправдываются даже въ глазахъ крестьянъ.

По одной изъ деревень проходилъ нищій-бродяга, совершенно обносившійся; бѣлье его было въ лохмотьяхъ; вши его заѣдали; долго ходилъ онъ по деревнѣ и молилъ мужиковъ, даже на колѣняхъ, дать ему рубаху, но никто надъ нимъ не сжалился; наконецъ, онъ подошолъ къ богатому крестьянскому дому и также началъ молить; но и здѣсь хозяйка отказала ему наотрѣзъ. Бродяга ушолъ; но зато ночью пробрался во дворъ богатаго мужика и, найдя около оконъ на жердочкѣ развѣшенное бѣлье хозяйки, взялъ его, а взамѣнъ повѣсилъ свое отрепье. На утро хозяйка только ахнула, увидавъ покражу; но хозяинъ по оставленной рубахѣ догадался, кто воръ.—„Вотъ видишь-ли, жена", — сказалъ онъ,— „ты вчера пожалѣла бродягѣ дать рубаху, а сегодня онъ самъ ее у тебя взялъ. Я промолчалъ вчера, потому что—твое хозяйское дѣло. Еслибы я былъ на его мѣстѣ, я сдѣлалъ-бы то-же самое, да еще, пожалуй, и въ сундукъ-бы залѣзъ къ такому богатому мужику. Вся деревня вчера видѣла, какъ бродяжка ходилъ отъ двора къ двору да просилъ рубахи; никто ему не давалъ: вотъ я теперь и покажу бабамъ, какіе рубахи и порты носятъ бродяги". Мужикъ взялъ на палку грязное и покрытое миріадами вшей лохмотье и понесъ показывать по деревнѣ, какъ горькій упрекъ. „Подавайте впередъ бродягамъ",—говорилъ онъ бабамъ:—„видите, въ чомъ они ходятъ".

Другой бродяга также обносился въ дорогѣ; надо было добыть платье; дѣло было зимой. Вотъ онъ ночью пробрался въ домъ богатаго мужика, вытащилъ раму и началъ шарить. На гвоздѣ онъ находитъ рубаху, шапку, хорошій полушубокъ и суконный капотъ; все это надѣлъ на себя; пошарилъ еще, нашолъ сундукъ, который былъ запертъ: онъ не сталъ его ломать, поскорѣе выскочилъ въ окошко и вставилъ опять раму. Старую свою одежонку и котомку, въ которой неприлично уже было идти, онъ бросилъ на задворкахъ и пустился по

дорогѣ. Увидя наутро покражу, мужикъ недоумѣвалъ сначала, какъ она сдѣлана, наконецъ открылъ и, зная, что это какой-нибудь бродяга, пустился съ работникомъ за нимъ въ погоню. Въ нѣсколькихъ верстахъ за деревней онъ встрѣтилъ вора и, придержавъ лошадей, поѣхалъ шажкомъ за нимъ и началъ разговоръ.—„Откуда и куда, любезный?“—„Иду къ роднымъ; мѣщанинъ изъ такого-то города“,—говоритъ бродяга.—„А, а. Вотъ я смотрю, вы и въ дорогѣ, а какая на васъ одежда славная“.—„Точно такъ,—говоритъ бродяга:—у меня вездѣ по дорогѣ завидуютъ этой одежѣ. Впрочемъ, я-бы продалъ ее: говорятъ, по дорогѣ-то опасно ходить хорошо одѣтымъ. Капотку-бы и сбылъ да пожалуй и полушубокъ; себѣ можно купить похуже“.—„Текъ-съ,—замѣмѣчаетъ крестьянинъ,— ну, а вотъ бродни-то у васъ больно пообносились, господинъ мѣщанинъ: помоему-бы ужь не подходящее къ такому платью-то“.—„Что дѣлать?.. дорога дальняя; надо будетъ впрочемъ купить сапоги“.—„Ну что-же! купите себѣ и сапоги, какъ купили полушубокъ и капотъ“, замѣтилъ мужикъ. Бродяга встрепенулся отъ этого намека.—„Ну, братецъ,— тогда обратился къ нему крестьянинъ, — садись-ка лучше съ нами: мы тебя довеземъ, а ты намъ разскажешь, гдѣ ты одежу покупалъ“. Бродяга почувствовалъ всю безвыходность своего положенія: онъ былъ во власти врага. Оставалось повиноваться, и онъ сѣлъ. — „Ловко ты, братъ, хватилъ у меня одежу! — началъ снова крестьянинъ, продолжая ѣхать впередъ.—Что-же, отчего ты сапогъ не захватилъ у меня?“—„Да не нашолъ, дядюшка“,— отвѣтилъ откровенно воръ. — „А отчего-же въ сундукъ не заглянулъ? тамъ сапоги и деньги были“.—„Да сундукъ былъ на замкѣ“.—„Сломалъ-бы“.—„Я, бѣдный человѣкъ, обносился; что нужно было, взялъ, а лишнее зачѣмъ портить!“—„Ну, спасибо“!—сказалъ мужикъ:— вѣдь въ сундукѣ-то, только отопри, шестнадцать тысячъ денегъ было!.. а всетаки, я вижу, тебѣ надо сапоги“,

подсмѣиваясь говорилъ мужикъ. Бродяга тупо молчалъ и дожидалъ взбучки.—„Что-же, ты думаешь, я съ тобой сдѣлаю?"—„Я въ твоей волѣ: бей сколько хочешь, только не убей,—отпусти душу на покаяніе", говорилъ бродяга. —„Ладно, братъ, я тебя бить не буду; ты, я вижу, не разбойникъ и не грабитель; ты меня не много разворилъ; за это я тебѣ дамъ сапоги, а у тебя возьму твои бродни: разувайся!" Бродяга изумился такому великодушію; но крестьянинъ снялъ свои сапоги, надѣлъ его бродни, подсмѣиваясь, что въ хорошей одеждѣ и обувь надо хорошую, и затѣмъ, отпустивъ бродягу, повернулъ назадъ.

Воровство вызывается необходимостью; но такъ-какъ бродяги всѣ бѣдны и всѣ нуждаются, то и воруютъ всѣ. Если вы будете совѣтовать бродягѣ не воровать для безопаснаго прохода, то онъ вамъ отвѣтитъ, что „безъ воровства пройти невозможно". Случается видѣть самыхъ скромныхъ бродягъ, которые однако сознаются, что крали, и иногда даже большія суммы денегъ у мужиковъ. Бродяги, пройдя сибирскую границу, по россійскимъ губерніямъ должны идти въ порядочномъ платьѣ и съ деньгами, а потому, приближаясь къ границѣ, они стараются обезпечить себя и воруютъ чаще. Но у многихъ, какъ я сказалъ, воровство превращается въ профессію и дѣлается какъ въ нуждѣ, такъ и безъ особенной, настоятельной нужды. Изъ числа приходящихъ въ остроги бродягъ попадаются многіе даже съ порядочными деньгами, пріобрѣтенными воровствомъ. Острожныя дамы преимущественно предъ прочими острожными ухаживаютъ за бродягами, разсчитывая отъ нихъ поживиться болѣе, нежели отъ другихъ. Бродяги по дорогѣ всегда просятся ночевать; ихъ кормятъ, даютъ пріютъ, а они высматриваютъ, что стянуть. Одинъ изъ такихъ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ впродолженіе всей своей дороги, ночуя у мужиковъ, постоянно обшаривалъ избу и стягивалъ женскія рубахи, полушубки, деньги,

и чуть-свѣтъ утекалъ. Иногда бродяги поселяются въ деревняхъ и входятъ въ стачки съ плутами изъ поселенцевъ, и тѣ подводятъ ихъ къ богатымъ крестьянамъ. Кражи въ деревняхъ, во время прохода бродягъ, постоянны; обворовываются погреба, амбары, преимущественно снимается бѣлье, повѣшенное для просушки. Какъ значительны бываютъ эти кражи, можно судить по слѣдующему факту: въ дмитровской волости, тобольской губерніи, въ деревнѣ Крестикахъ и сосѣдней съ нею украдено было 1000 рублей въ одинъ бродяжескій проходъ. Кражи производятся какъ въ деревняхъ, такъ и въ полѣ, около деревень. Здѣсь они уносятъ сошники отъ сохъ, обкрадываютъ балаганы во время пашень и крестьянскій скотъ.

Надо замѣтить, что въ Сибири по деревнямъ воровать, какъ говорятъ бродяги, труднѣе, потому-что, наученные опытомъ, сибирскіе крестьяне осторожнѣе, а въ случаѣ поимки вора настоятельнѣе въ преслѣдованіи бродягъ, чѣмъ россійскіе. Подозрѣніе во всякой кражѣ обрушивается здѣсь всегда на бродягъ; обыкновенно за воромъ кидаются по дорогѣ; долго его преслѣдуютъ и часто тутъ-же, въ полѣ, расправляются винтовкой. Поэтому бродяга прибѣгаетъ здѣсь къ болѣе-хитрымъ способамъ и старается провести мужика, что ему и удается. Воръ-бродяга, имѣя въ виду преслѣдованіе, не понесетъ съ собой добычу, а зароетъ ее, дабы не попасться съ поличнымъ, и только по минованіи опасности вызроетъ ее.

Крестьянскій скотъ въ полѣ подвергается похищеніямъ бродягъ. Лошадей крадутъ рѣже, потому-что во время бродяжества лошади неудобны и бродяги легко могутъ быть уличены и взяты съ ними, но зато рогатый скотъ изчезаетъ часто. Его караулятъ бродяги за деревней и на голодный зубъ не даютъ маху: крадутъ коровъ, телятъ, свиней, барановъ и проч. и проч. Ежели попадается крупный скотъ, то бродяги рѣжутъ, скрываютъ

его и питаются нѣсколько дней, проживая около деревни гдѣ-нибудь на мельницѣ; мясо-же лежитъ въ сосѣдней рѣкѣ, чтобы не испортилось; тогда они созываютъ проходящую свою братію и угощаютъ ее наславу.

Не говоря уже о томъ, что бродяги, идя по пашнямъ, пользуются крестьянскими овощами, за чѣмъ крестьяне уже и не гонятся,—они причиняютъ громадный убытокъ на пасѣкахъ. Чтобы подрѣзать медъ, такъ-какъ операція эта сопряжена съ значительными затрудненіями, они часто удушаютъ пчелъ, замариваютъ ихъ, разбиваютъ ульи и похищаютъ медъ. Въ этомъ случаѣ они совершенно подражаютъ медвѣдямъ, нисколько не заботясь о хозяинѣ. Раззореніе пасѣкъ, конечно, очень чувствительно для крестьянъ.

Кражи бродягъ самымъ-разрушительнымъ образомъ дѣйствуютъ на хозяйство сибирскаго крестьянства; дѣлаются они изъ крайней, гнетущей нужды, но отъ этого крестьянству не легче. Поэтому не мудрено, что крестьяне являются озлобленными и упорными въ преслѣдованіи и наказаніи бродяжескаго воровства. Не смотря на то, что расправа сплошь и рядомъ кончается убійствомъ или жестокими побоями, воровство не уменьшается и новые скитальцы-воры снова дѣлаютъ то-же, что ихъ предшественники, и нѣтъ этому конца.

Кромѣ воровства у крестьянъ, бродяги часто, и даже сплошь и рядомъ, обворовываютъ другъ друга. Обворовываютъ сонныхъ, пьяныхъ, больныхъ, а иногда прямо идутъ на грабежъ и убійство. Пустыня, лѣсъ, покрывающій все тайной, конечно, много способствуютъ этому. Нужда, деморализація острожнаго населенія, жажда денегъ, — все это обусловливаетъ преступленія даже въ средѣ своихъ, хотя это порицается и строго наказывается общиною. Воровство неудивительно тамъ, гдѣ всѣ воруютъ. Воры отнимаютъ ворованное-же и тѣми-же средствами. Недаромъ бродяги боятся другъ друга въ дорогѣ и говорятъ: „а пуще всего, пуще звѣря лютаго

бойся своего брата". Мнѣ разсказывали слѣдующій случай изъ практики этихъ несчастныхъ горемыкъ.

— Идя разъ, — говорилъ мнѣ бродяга Кузьма Ивановъ, — я познакомился съ бродягой Дмитріемъ, ушедшимъ изъ арестантскихъ ротъ. Это былъ славный человѣкъ: воровать воровалъ и грабилъ даже, но душъ не губилъ и не любилъ тѣхъ, которые губятъ. Онъ всегда имѣлъ при себѣ деньги. Изъ одной деревни онъ увелъ бабу, которая съ нимъ и бродяжила. Оставивъ ее въ лѣсу въ балаганѣ, онъ отправился на промыселъ. Срѣзалъ какой-то тюкъ съ платьемъ, обобралъ двухъ новоселовъ рублей на 40 и пришелъ потомъ къ любовницѣ. Человѣкъ онъ былъ ловкій и живо обдѣлывалъ дѣла. Переодѣлся онъ самъ щеголемъ, далъ переодѣться любовницѣ въ новое платье. Вскорѣ затѣмъ встрѣчается онъ съ двумя каринцами. Послалъ ихъ за водкой, надѣлилъ платьемъ, далъ черки и пошли они гулять въ балаганѣ. На утро опохмѣлились и пошли далѣе. Скоро они остановились обѣдать. Начали рубить дрова и стали пробовать у Дмитрія силу, заставляя его таскать громадные обрубки. Дмитрій опять послалъ за водкой пріятелей, а самъ надѣлъ чистую рубаху и усѣлся зашивать краденый полушубокъ. Любовница сидѣла подлѣ него. Приходятъ каринцы съ водкой и, выпивши, принялись перешоптываться. Смѣтливая баба-сибирячка стала безпокоиться, но Дмитрій посмѣивался надъ ея опасеніями. — „Что ты, — насмѣшливо спрашивали его каринцы, — бѣлую рубаху надѣлъ, не на смерть-ли собираешься?" — Нѣтъ, такъ надѣлъ... Но въ то время, какъ онъ нагнулся, одинъ каринецъ хватилъ его обухомъ въ голову. Дмитрія отуманило, однако-же онъ вскочилъ — видно вскользь ударили; — въ это время другой ему топоромъ плечо разрубилъ — кровь хлынула. Дмитрій видитъ, — дѣло плохо. Онъ схватилъ одного каринца, подтащилъ къ дереву и давай душить за горло; оглянулся, другой стоитъ за нимъ съ ножомъ; а баба помо-

гаетъ ему отнимать топоръ у того, котораго онъ душитъ. Тутъ у него свѣтъ выкатился — онъ рухнулся... Очувствовался; любовница водой его отливаетъ и плечо перевязываетъ. А каринцы, забравши деньги и одежду да и надъ бабой еще наругавшись, ушли.

При такихъ условіяхъ безопасности, понятно, какимъ кражамъ, грабежамъ и убійствамъ подвергаются бродяги отъ своихъ-же. Всѣмъ бродяжествомъ принято за правило не ходить въ хорошемъ платьѣ. Правда, бродяги за грабежъ своихъ не даютъ потачки и преслѣдуютъ, судятъ, дерутъ и даже убиваютъ виновнаго, но такія мѣры еще безсильнѣе, чѣмъ наказанія въ гражданскомъ обществѣ. Притомъ на безнаказанность преступленія здѣсь всегда больше шансовъ.

4) *Бродяги-обманщики.* Вслѣдъ за воровствомъ бродяги по своему положенію должны часто, волею и неволею, обманывать крестьянъ. Начинаясь невинными, эти обманы переходятъ въ средства выманивать деньги и преобразовываются въ профессію. Бродяги обыкновенно скрываютъ свое имя, мѣсто, откуда и куда они идутъ, врутъ крестьянамъ, сочиняютъ свои біографіи; и это понятно, когда большая часть ихъ изъ ссыльныхъ и съ заводовъ. Многіе идутъ по фальшивымъ билетамъ и паспортамъ. Фальшивый паспортъ — важная вещь для бродяги, и за него они платятъ дорого (за хорошіе иногда по 25 рублей и болѣе, за плохіе 9—10 рублей), нерѣдко даже убиваютъ изъ-за нихъ другъ друга. Преимущества паспорта состоятъ въ томъ, что съ нимъ можно жить въ городахъ и наниматься въ работу на пріиски и въ другія мѣста. Для безопаснаго прохода дѣлаютъ билеты на имя солдатъ и вписываютъ проходныя удостовѣренія отъ полиціи. Подъ именемъ солдатъ или казаковъ сибирские бродяги часто даже требуютъ себѣ квартиры. Извѣстно, что фабрикація паспортовъ незатруднительна. Она производится по острогамъ и въ городахъ разными промышленниками этого рода. Пред-

ихъ на рынкахъ, въ кабакахъ и шинкахъ. „Приходишь, напримѣръ, въ Иркутскъ,—говорятъ бродяги,—и валяешь на Молотовку, къ толкучему—конечно, надо одѣться по городскому. Здѣсь тебя замѣчаютъ, кому нужно, — потому новаго человѣка видно. Сейчасъ, подходитъ къ тебѣ какой-нибудь пропившійся крюкъ и предлагаетъ услуги. Мы заходимъ въ первую лавочку, къ его знакомому, рядимся, и онъ на листѣ валяетъ видъ и печать при немъ. Чуть является сыщикъ,— толкнетъ; да къ тому-же они всѣ извѣстны". Но бродяжество, состоя большею частью изъ крайне-бѣдныхъ членовъ, ограничивается самыми-плохими поддѣлками; крестьяне, по незнанію и безграмотности, довольствуются и такими. Другіе бродяги, во время дороги, обходятся просто кускомъ писаной бумаги съ печатью, оттиснутой копѣйкой, и это у крестьянъ сходитъ за паспортъ. Нѣкоторые бродяги носятъ кромѣ вида и рѣзную печать для подновленія; но такіе, конечно, попадаются при первомъ обыскѣ. Бродяжество однако сознало эти неудобства фальшивой паспортной системы, и многіе бредутъ просто, надѣясь на свою бдительность и на свободный проходъ. Но зато на поприщѣ обмановъ для наживанья денегъ бродяги дѣйствуютъ гораздо успѣшнѣе. Какъ много воровъ, такъ много и обманщиковъ, да пожалуй и болѣе, потому-что обманъ безопаснѣе. Въ этихъ случаяхъ профессіи ихъ разнообразны до безконечности; бездна идетъ подъ видомъ странниковъ по святымъ мѣстамъ, раскольниковъ, знахарей и лекарей, коноваловъ, колдуновъ, ворожей; всѣ они стараются всѣми силами выжать копейку. Крайне-невѣжественное, суевѣрное и нуждающееся въ самыхъ необходимыхъ знаніяхъ крестьянство представляетъ для этого обширное поле. И всѣми подобными профессіями бродяги злоупотребляютъ очень искусно.

Крестьянина, при его страсти къ „божественному", обмануть легко, и въ его избѣ часто происходитъ сцена,

сообщенная мнѣ однимъ изъ бродягъ: „Является въ крестьянскую семью, живущую на заимкѣ, странникъ въ бѣломъ холщовомъ подрясникѣ, съ длинными волосами и сумочкой на рукѣ. Глаза опущены; лицо изображаетъ смиреніе; онъ толковалъ и объ Іерусалимѣ-градѣ, и о нападеніяхъ турокъ по пути, и о гробѣ господнемъ, отъ котораго имѣлъ щепочку, и объ огнѣ съ неба, и о войнѣ изъ-за ключей и проч. и проч. Затѣмъ крестьяне попросили его прочитать что-нибудь изъ писанья. Онъ вынулъ бумагу и началъ читать объ Антихристѣ. „Только смотрю я,—говорилъ работникъ,—а у него на бумажкѣ-то все палочки наставлены, по которымъ дѣтей учатъ писать!—Что это такъ крупно написано? спрашиваю я его, а самъ ухмыляюсь.—Это, говоритъ, по-гречески“. Эти странники ведутъ себя скромно, и даже подаяній берутъ мало, ограничиваясь однимъ чернымъ хлѣбомъ; зато они промышляютъ крестиками, святыми щепочками, камешками и, конечно, достаютъ изрядную выручку. Я знаю случай, когда такой странникъ-бродяга очень замѣтно фигурировалъ въ сибирскихъ городахъ. Заходилъ онъ въ Тюмени къ одному купцу и здѣсь, прослывъ за святого, стянулъ паспортъ у одного слѣпаго мѣщанина, жившаго въ домѣ купца, и, безъ всякаго подозрѣнія, продолжалъ жить. Скоро ему дали рекомендательныя письма въ Тобольскъ,—эту Москву Сибири,—гдѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями лицами, склонными къ піэтизму. Отсюда онъ пробрался въ Москву. И только черезъ годъ московская полиція сдѣлала запросъ купцу о проходившемъ бродягѣ-поселенцѣ Иванѣ Куликовѣ и объ украденномъ имъ паспортѣ. Подъ видомъ странниковъ и юродивыхъ, конечно, удобно проходить и питаться по деревнямъ и по городамъ, почему многіе бродяги играютъ роль раскольниковъ; они поддѣлываются подъ тонъ разныхъ сектъ и находятъ себѣ пріютъ и пропитаніе. Я видѣлъ одного, который игралъ роль раскольника до тѣхъ поръ, покуда

ему покровительствовали раскольники, а въ острогѣ, когда его оставляли безъ помощи, изъявлялъ желаніе креститься, послѣ чего онъ былъ требовательнымъ къ крестному отцу; онъ постоянно бѣгалъ, попадался, опять судился и, подъ разными именами, нѣсколько разъ изъ раскола переходилъ въ православіе.

Какъ бродяги эксплуатируютъ религіозную сторону народа, такъ удачно пользуются они и другой стороной его — суевѣріемъ. По всей Сибири вѣра въ наговоры, заговоры, присушку, порчу и колдовство необыкновенно развита и распространена несравненно болѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ каждой деревнѣ существуютъ порченые, особенно на Барабѣ, которые кричатъ на разные голоса, какъ—кликуши, подвержены истерикамъ и требуютъ иногда самыхъ-причудливыхъ вещей; болѣзнь эта наполовину накидная. Происхожденіе этой болѣзни крестьяне приписываютъ колдовству. Въ каждой сибирской деревнѣ извѣстны также средства для присушиванья; они въ большомъ ходу какъ между холостыми, такъ и между женатыми и замужними. Присушка пользуется необыкновенной вѣрой. Какъ вѣрить въ присушку, такъ одинаково и въ излеченіе наговорами. Пока еще не изслѣдована точно причина особеннаго развитія суевѣрія въ Сибири, но бродяги пользуются имъ и сами очень дѣятельно распространяютъ его.

Разсказываютъ, что при входѣ бродягъ въ деревню, женщины кидаются къ нимъ съ разспросами, не умѣетъ-ли кто присушивать и нѣтъ-ли между ними знахарей. Въ этомъ случаѣ бродяги служатъ самыми-близкими повѣренными сердечныхъ тайнъ. Нѣкоторые бродяги нарочно несутъ съ собой разные корешки, травы, камешки, глину и всякую дрянь для мистификаціи и лучшаго удостовѣренія своего званія. Какъ-только откроется знахарь, а за нимъ дѣло не стоитъ, сейчасъ-же сбѣгаются женщины, несутъ молоко, хлѣбъ, холстъ и обращаются съ просьбами. Тогда бродяга-знахарь наговариваетъ на

волосокъ, на щепочку, „дабы рабъ Божій N сохъ также по рабѣ Божіей N, какъ эта лучинка изсохнетъ на печкѣ". Способы обыкновенно изобрѣтаются экспромтомъ; къ колдовству присоединяется какой-нибудь матеріялъ въ родѣ холста, который идетъ въ пользу знахаря. Въ то-же время бродяга издѣвается надъ женщинами. „Пришли мы разъ въ деревню, — разсказывалъ одинъ изъ авантюристовъ-бродягъ,—а съ нами товарищъ, знахарствомъ занимался,—таскалъ разную дрянь. Вотъ обступили насъ бабы,—сарай намъ отвели,—молока, яицъ, шанегъ,—всего натащили. Одна молодуха такъ и пристаетъ къ нашему насчотъ присушки.—„Ладно",—говоритъ; а намъ и шепни: „выйдите, молъ, ребята, да и смотрите въ щель, какъ я ворожить буду". Мы вышли и стали въ щель смотрѣть. Видимъ, баба ужь трубку холста принесла нашему колдуну.—Ладно, думаю; что только теперь онъ съ этимъ холстомъ будетъ дѣлать? а онъ, слышь, это всю бабу холстомъ обмоталъ. Потомъ—ну ужь, что было потомъ—и разсказывать нечего: и смѣхъ, и стыдъ. Потѣшникъ-же былъ этотъ мужикъ,—провуратъ да и только!" О ворожбѣ ходитъ у бродягъ бездна разныхъ игривыхъ разсказовъ въ декамероновскомъ тонѣ: къ ворожбѣ примѣшивается и развратъ.

Кромѣ присушиванья, у знахарей-бродягъ является практика и въ дѣлѣ леченія колдовствомъ. Приходитъ напримѣръ мужъ и проситъ излечить жену отъ порчи. Знахарь обѣщаетъ, а междутѣмъ знакомится съ женщиной. Такъ-какъ у большей части женщинъ болѣзнь эта накидная, то жена, чтобы отбиться отъ ненравящагося ей мужа, дѣлаетъ стачку съ знахаремъ, и обѣ стороны заодно мистифируютъ довѣрчиваго супруга. „Обыкновенно,—разсказывалъ мнѣ такой промышленникъ,—баба проситъ только одного, чтобы на лекарство потребовать водки. Затѣмъ разыгрывается при мужѣ слѣдующая сцена:

— „Такъ ужь полечи, пожалуйста, парень!"—упраши-

ваетъ мужъ бродягу. Знахарь подходитъ къ женщинѣ, которая икаетъ и кричитъ,—беретъ ее за безъимянный палецъ и начинаетъ спрашивать „порчу“, которая является олицетворенною и сидящею въ больной.—„Когда ты посажена?“—Тогда-то,—отвѣчаетъ больная несвоимъ голосомъ.—„Кто тебя посадилъ?“—Такой-то или такая-то.—„Чѣмъ тебя лечить?“—Тѣмъ-то,—отвѣчаетъ порча. —„Замолчи!“—Женщина умолкаетъ. Когда знахарь уходитъ изъ комнаты, баба опять начинаетъ кричать.—„Что съ тобой опять?“ спрашиваетъ мужъ. — „Да вотъ опять приступила, какъ онъ-то ушолъ (т. е. бродяга), а при немъ мнѣ много легче было: *она* молчала“. По требованію знахаря скоро появляется штофъ водки для лекарства: знахарь кой-чего подбавляетъ туда, а когда мужъ уѣзжаетъ, бродяга съ женою пируетъ. Такими пріемами и наговорами знахарей крестьяне лечатъ и другія болѣзни. Такъ-какъ женщины вѣрятъ въ знахарство и знаніе бродягъ, то они обращаются къ нимъ и за другими совѣтами, такъ-напримѣръ если нужно испортить кого-нибудь. Между прочимъ бродяги сообщаютъ, что въ Сибири попадается множество женщинъ, желающихъ отравить своихъ мужей. „Сибирячки сплошь и рядомъ отравляютъ мужей,—говорятъ бродяги: — имъ это ничего не значитъ“. Причины этого коренятся, вѣроятно, въ особенностяхъ крестьянскаго семейнаго быта въ Сибири. Женщины постоянно обращаются къ бродягамъ съ просьбами дать имъ зелій для отравы; они иногда такъ настоятельно просятъ яду, что нѣкоторые бродяги принуждены давать какія-нибудь невинныя снадобья, лишь-бы только удовлетворить желаніе и извлечь свою пользу. Другіе, конечно, не церемонятся, вступаютъ съ недовольными женщинами въ заговоръ и, дѣйствительно, отравляютъ мужей. Такіе случаи нерѣдки.

Тѣ-же знахари-бродяги берутся выводить клоповъ и таракановъ у крестьянъ. Крестьяне такихъ очень цѣнятъ; профессія эта сопряжена также съ шарлатанствомъ; на-

примѣръ нашоптываютъ на чеку, кладутъ ее за печку и т. д.

Кромѣ знахарей существуютъ еще гадальщики. Крестьянки такъ любятъ гаданье, что мелочные торговцы-поляки принуждены были превратиться въ гадальщиковъ на Соломонѣ; имъ даютъ по 3, по 5 коп. или по 10 яицъ съ человѣка зато, чтобы разъ кинуть на кругъ. И вотъ бродяги несутъ съ собой гадательныя карты съ надписями: „Соломона оракулъ", или руководствуются „волшебнымъ зеркаломъ, открывающимъ секреты великаго Альберта," и, такимъ-образомъ гадаютъ по дорогѣ и пропитываются.

Нѣкоторые бродяги принимаютъ на себя роль лекарей и фельдшеровъ. При такомъ ужасномъ положеніи, въ какомъ у насъ находится народное леченье, и при громадной потребности его, крестьяне рады всякому, кто вызовется помочь. Крестьяне лечатся сулемой, киноварью и дорогой травой; сулему они ѣдятъ, посыпая ее на хлѣбъ, и довольно много; дорогую траву пьютъ въ водкѣ: это—жизненный элексиръ ихъ и первое средство во всѣхъ болѣзняхъ. Противъ холода они вообще не принимаютъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ и потому въ Сибири множество людей съ отнявшимися ногами и съ ломотою въ костяхъ. Захворавшій такимъ-образомъ продолжаетъ цѣлую жизнь лечиться сулемой и дорогой травой. Въ деревняхъ сильно развитъ сифилисъ: имъ бываютъ заражены подъ-рядъ цѣлыя деревни. Все это нуждается въ помощи и лечится или само, или обращается къ бродягамъ. Въ особенности распространено кровопусканіе, къ которому прибѣгаютъ безъ всякой нужды люди всѣхъ возрастовъ; кровь пускаютъ себѣ не только ножиками, гвоздями, но даже вошло въ обыкновеніе пускаться коновальскимъ инструментомъ—топорикомъ, по которому бьютъ колотушкой; если сразу не попадутъ въ жилу, то говорятъ: „ишь, жила-то крутая", и повторяютъ снова. У нѣкоторыхъ послѣ такихъ кровопусканій разноситъ руку и они ходятъ и охаютъ по

цѣлымъ недѣлямъ. Другимъ, пускающимъ кровь изо лба, коновальскій топоръ, подъ сильнымъ ударомъ, впивается въ черепъ и даже ломается. Не смотря на это, когда является бродяга псевдо-фельдшеръ, къ нему бѣгутъ толпами, прося пустить кровь. Крестьяне хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ и всегда спрашиваютъ: „чѣмъ пускать будешь, — топорикомъ или пружинкой?“ (Топорикъ— коновальскій, а пружинка—шниперъ).

Когда требуются лекарства, то бродяги сами измышляютъ ихъ: даютъ сѣру, пережженую кость и т. п., и собираютъ деньги. „У другого мужика страсть-что наставлено,—говорилъ бродяга-фельдшеръ,—и какой тутъ дряни нѣтъ!“ Самъ этотъ фельдшеръ былъ замѣчательный субъектъ: фельдшеромъ онъ никогда не былъ, но имѣлъ такую страсть лечить, что самъ былъ увѣренъ въ своемъ знаніи. Въ острогѣ онъ также пускалъ кровь, какъ и на волѣ. Въ острожной больницѣ онъ постоянно ухаживалъ за больными, училъ принимать лекарства, критиковалъ медиковъ и микстуры.—„Что это за хина!— говорилъ онъ, разсматривая порошки:—развѣ такая настоящая хина бываетъ? это — дрянь! Здѣсь настоящей хины и въ городѣ не найдти!“ Онъ вралъ, какъ Хлестаковъ, съ убѣжденіемъ, съ увѣренностью.

Наряду съ лекарями и фельдшерами въ средѣ бродягъ много и ветеринаровъ, которые также отлично надуваютъ крестьянъ. Въ Сибири, при частыхъ падежахъ скота отъ язвы, крестьяне чувствуютъ особенную надобность въ коновалахъ и леченіи скота. Такъ недавно около Барнаула въ одной волости такъ повыпадалъ скотъ отъ повальной болѣзни, что крестьяне принуждены были ходить пѣшкомъ. Явился бродяга, который зналъ немного леченье; болѣзнь состояла въ появленіи желваковъ и въ опухоли ноздри; онъ удачно произвелъ нѣсколько опытовъ, растирая желваки и выпуская матерію изъ ноздри подрѣзомъ. Мужики начали возить его по волости, какъ благодѣтеля; онъ всюду лечилъ

скотъ; его осыпали деньгами, запаивали виномъ; но, мало того: крестьяне стали просить его, чтобы скотъ и впредь не заболѣвалъ. Соблазнъ былъ большой, и бродяга согласился. Онъ загонялъ скотъ въ пригонъ, раскладывалъ на четыре стороны огонь, кидалъ туда наговоренный трутъ и селитру, наконецъ стрѣлялъ на четыре стороны изъ винтовки. Вслѣдъ за нимъ въ эту волость нахлынули цѣлыя стаи бродягъ-ветеринаровъ, и все это пустилось надувать крестьянъ, что было силы и хитрости. Такія вещи производятся по всей Сибири, гдѣ бродяги-обманщики играютъ такую-же роль, какъ и воры-бродяги, и даже почище высасываютъ крестьянъ.

5) *Бродяги-монетчики.* Изъ всѣхъ обманщиковъ и воровъ занимаютъ важнѣйшее мѣсто дѣлатели фальшивыхъ денегъ. Дѣланіе фальшивыхъ денегъ принадлежитъ къ самой искусной и прибыльной профессіи бродяжества. Начало ея положили сосланные въ Сибирь монетчики, часто превосходные техники, граверы и рисовальщики. Напримѣръ въ сороковыхъ годахъ былъ въ Сибири сосланный изъ Слуцка, минской губерніи, монетчикъ Цейзихъ, который не оставлялъ прежней свое профессіи и въ мѣстѣ ссылки, и прославился здѣсь между прочимъ, превосходными произведеніями изъ глины. Профессія поддѣлки ассигнацій слишкомъ обольстительна и выгодна, и ссыльные монетчики занимаются ею и на новомъ мѣстѣ невольнаго жительства; они также учатъ другихъ своему искусству. Такимъ путемъ образовалась довольно значительная отрасль этого производства, распространенная преимущественно между бродягами. Званіе монетчика—самое-аристократическое и самое-денежное, а потому каждый бродяга лелѣетъ въ своей душѣ надежду и самому достигнуть этого привилегированнаго званія. Но такъ-какъ не всѣ могутъ получить основательное образованіе на этомъ поприщѣ, то многіе ляпаютъ ассигнаціи кое-какъ, а бездна другихъ ограничивается однимъ желаніемъ *ляпать.* Эта-то ма-

нія и развила, кромѣ настоящихъ мастеровъ, шарлатанскую профессію—только казаться монетчикомъ. Поэтому въ бродяжествѣ образовалось два рода монетчиковъ: *честныхъ* и *нечестныхъ*.

Честный монетчикъ есть лицо дѣйствительно-умѣющее дѣлать ассигнаціи. Онъ находитъ вездѣ пріютъ; такихъ много какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, гдѣ жажда наживаться развита еще-болѣе. Ихъ много гуляетъ по Руси, много живетъ у купцовъ и другихъ лицъ, начиная отъ Петербурга до Одессы и Астрахани, гдѣ поддѣлываютъ деньги по укромнымъ мѣстамъ. Часто приходится слышать, что такой-то нажился фальшивыми деньгами, такой-то отправлялъ фальшивое золото въ Персію и т. д.; въ Сибири подобныхъ слуховъ еще болѣе. Сибирь особенно благопріятна для этого производства. При дѣланіи бумажекъ, конечно, важенъ ихъ сбытъ. Обыкновенно онѣ сбываются крестьянству по разнымъ захолустнымъ деревнямъ и еще-легче инородцамъ. У купцовъ и богатыхъ крестьянъ сбытъ этихъ бумажекъ сопровождается какой-нибудь торговой операціей; въ этомъ случаѣ важную роль играетъ невѣжество и незнаніе человѣка, съ которымъ имѣютъ дѣло. Если легко обмануть ассигнаціей безграмотнаго мужика, то еще легче инородца. Въ прежнее время послѣднихъ обманывали пятаками, натертыми ртутью, а нынѣ—только болѣе искусной поддѣлкой серебра, золота и бумажекъ. Между сибирскими бурятами и киргизами много фальшивыхъ денегъ, въ особенности кто ведетъ торговыя дѣла. Говорятъ, что киргизы боятся фальшивыхъ денегъ и, если узнаютъ, что у нихъ оказалась такая ассигнація, то немедленно жгутъ ее (это объясняется страшной боязнью русскаго слѣдствія), для тѣхъ же, кто сбываетъ имъ фальшивыя деньги, конечно, это выгодно, ибо иска на нихъ не возникнетъ.

Въ Сибири страсть къ фальшивымъ деньгамъ развита не только у торговыхъ людей, отличающихся недо-

бросовѣстностью наживы и негнушающихся никакими средствами для этого, но и у простого крестьянства. Она постоянно разжигается бродягами-мастерами, предлагающими ему свои услуги. Крестьяне привыкли къ ихъ посѣщенію и радостно ихъ принимаютъ. Любовь къ дѣланью денегъ между крестьянствомъ вошла даже въ притчу у бродягъ и про нее можно слышать бездну разсказовъ. Лишь-только въ деревнѣ появится бродяга въ красной рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ, въ какой-нибудь нанковой или ситцевой поддевкѣ и въ смушковой шапкѣ на бекрень, то, по одному костюму, онъ уже будетъ принятъ за монетчика и вызоветъ приглашенія крестьянъ. Стоитъ иногда быть только немужиковатымъ, обладать натертостью и манерами—(а такіе субъекты нерѣдкость между бѣглыми ссыльными)—для того, чтобы быть заподозрѣннымъ въ этой профессіи. Тогда мужики пускаются упрашивать бродягу помочь имъ и надѣлать бумажекъ.—„Замѣтитъ тебя, что ты человѣкъ ловкій,—говорятъ бродяги,—и пойдетъ тебя другой мужикъ угощать; сидитъ съ тобой, а самъ издали и заведетъ разговоръ да и подъѣзжаетъ понемногу къ тому, не занимаешься-ли ты насчотъ *блинковъ* (бродяжеское названіе фальшивыхъ денегъ).—„Ой, паря, я вижу, что ты умѣешь,—говоритъ мужикъ.—„Право, нѣтъ“.—„Ужь не отпирайся, паря, будь милостивцемъ; буду благодаренъ тебѣ; что-хошь проси“. — „Говорю-же тебѣ, что не умѣю“.—„Полно, паря, упрямиться. Не обезсудь! Приставь голову къ плечамъ, помоги! Сто рублей дамъ,—не пожалѣю; скажи, что нужно купить, — все достану, али вмѣстѣ въ городъ поѣдемъ, купимъ. Ну, парень, приставь голову къ плечамъ. Жена, проси!“ — Другой —что... въ ноги тебѣ, ей-богу!“

Бродяги утверждаютъ, что когда они входятъ въ деревни, то мужики первымъ долгомъ справляются, нѣтъ-ли между ними монетчика. Кормя и подавая милостыню бродягамъ, крестьяне просятъ ихъ проходомъ ука-

зать тѣмъ монетчикамъ, которые не имѣютъ практики, на ихъ деревню или упрашиваютъ нарочно привести такихъ. Надо замѣтить, что крестьянство выработало довольно-снисходительный взглядъ на эту профессію, и хоть считаетъ ее запрещонной закономъ, но совершенно не понимаетъ, зачѣмъ это запрещаютъ выдѣлку бумажекъ.—„И чего это запрещаютъ намъ бумажки дѣлать?—говорятъ крестьяне:—мы-бы стали хорошо дѣлать и подати вѣдь исправно вносить-бы начали“. При жаждѣ наживы, въ Сибири ремесло фальшиваго монетчика быстро акклиматизировалось, а нѣсколько примѣровъ удачнаго сбыта и обогащенія отдѣльныхъ лицъ еще болѣе развили производство запрещонаго товара. Если богатые изо всѣхъ силъ добиваются достать фальшивыхъ денегъ, то бѣдные имѣютъ къ тому еще больше поводовъ. Вотъ-почему крестьяне считаютъ иногда монетчиковъ помощниками въ ихъ нуждѣ и благодѣтелями, даютъ имъ постоянный пріютъ и выручаютъ ихъ въ случаѣ бѣды. Такимъ благодѣтелемъ въ глазахъ крестьянина является извѣстный въ тобольской губерніи монетчикъ Кожевниковъ, о которомъ я приведу нѣсколько разсказовъ. Онъ постоянно скрывается по деревнямъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто, обезпечивая себя этимъ отъ убійства, къ какому часто прибѣгаютъ крестьяне въ отношеніи монетчиковъ. Кожевниковъ извѣстенъ какъ искуствомъ хорошо приготовлять бумажки, такъ и покровительствомъ многимъ крестьянамъ, которые дѣйствительно заслуживали помощи по бѣдности. Разсказывается напримѣръ такой случай. Въ Барнаулъ ѣхалъ подзаводскій крестьянинъ, крайне обѣднѣвшій вслѣдствіе падежа скота; ѣхалъ онъ купить лошадь на сколоченные 15 рублей. На дорогѣ ему встрѣчается старичокъ и спрашиваетъ сначала о пути, потомъ о его положеніи. Крестьянинъ разсказываетъ о своемъ положеніи.—„Гмъ, говоритъ старичокъ,—ты, я вижу, бѣдный человѣкъ; я могу помочь тебѣ: на тебѣ на разживу 60 рублей“.

Мужикъ изумился и началъ спрашивать, кто онъ такой. Старикъ откровенно сообщилъ, что онъ монетчикъ. Обязанный мужикъ просилъ монетчика посѣтить его, и они разстались. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней загадочный старикъ явился къ нему и сдѣлалъ ему еще 50 рублей. Затѣмъ началъ прощаться. Мужикъ разохотился и умолялъ сдѣлать ему еще денегъ, но монетчикъ отвѣчалъ: „довольно, братецъ: куда тебѣ много! разживайся съ этихъ". Не смотря ни на какія упрашиванья, старичокъ удалился. Крестьянинъ сопровождалъ его, но не могъ углѣдить, и монетчикъ скрылся на задворкахъ. Это и былъ Кожевниковъ. Въ другой разъ, разсказываютъ, онъ явился на Пасху къ одному бѣдному мужику, у котораго нечѣмъ было разговѣться; онъ сдѣлалъ ему 25 рублей, пропировалъ съ нимъ праздникъ и удалился. Подобными-то поступками и прославился Кожевниковъ, заслуживъ огромную популярность между крестьянами и титулъ чутьли не отца родного.

Кожевниковъ нѣсколько разъ попадался, судился, ссылался, но—или во время самаго процесса, или во время пути уже на каторгу—всегда похищался крестьянами. Разъ, когда онъ былъ взятъ и сидѣлъ въ волостной избѣ подъ арестомъ, крестьяне хотѣли его протащить черезъ трубу, но это не удалось. По дорогѣ, когда везли его, за нимъ ѣхали постоянно двѣ тройки; но его сторожили и случай спастись не представлялся; наконецъ онъ изчезъ совершенно неожиданно. Въ то время, когда его вели къ допросу по улицѣ города Каинска, онъ быстро вскочилъ въ проѣзжавшую съ крестьянами телѣгу; лошадей припустили, и онъ исчезъ въ виду конвоя. Съ тѣхъ поръ онъ, съ помощью крестьянъ, убѣгалъ еще нѣсколько разъ. Кожевниковъ доставилъ много случаевъ нажиться крестьянамъ и имѣетъ вездѣ друзей. Онъ отличается особенно-искусной выдѣлкой бумажекъ. Всю жизнь свою онъ затратилъ на это производство и теперь еще можетъ работать, но только съ лупой. Содержась

по острогамъ, онъ и тамъ продолжалъ свою работу. Въ одномъ изъ остроговъ онъ дѣлалъ деньги даже въ церкви, по стачкѣ съ ключникомъ. Выпускъ бумажекъ въ городъ изъ острога—у монетчиковъ вещь обыкновенная. Кожевниковъ такъ хорошо приготовлялъ ассигнаціи, что дѣлалъ даже сторублевыя, на что другіе не рѣшаются. Когда его деньги приносили въ кабакъ къ одному изъ сидѣльцевъ, который зналъ, какого сорта эти деньги, то онъ только спрашивалъ:—„что, это—кожевниковская?—ну, такъ идетъ!“ Такого человѣка въ Сибири, конечно, носятъ на рукахъ. Прославившимся монетчикамъ покровительствуютъ и крестьяне цѣлыми обществами, и сельскія власти, и купцы въ городахъ. Есть монетчики, дѣлающіе бумажныя деньги на цѣлую деревню. Это свидѣтельствуетъ, какъ сильна связь монетчиковъ съ крестьянствомъ и какъ глубоко вошло это ремесло въ нравы жителей.

Жизнь монетчиковъ по волостямъ у крестьянъ довольно привольна. Монетчикъ играетъ роль наемщика или самаго требовательнаго гостя: всѣ ухаживаютъ за нимъ; все представляется къ его услугамъ. У крестьянина ему отводится особенная клѣть, чисто и удобно меблированная; его кормятъ всѣми лакомствами; вдоволь доставляется ему водки; притомъ хозяинъ даетъ ему любовницу; берутъ съ него только одно обязательство — дѣлай бумажки и никуда не выходи. Монетчикъ, какъ сыръ, въ маслѣ катается, и многіе живутъ по нѣскольку лѣтъ, обогащая крестьянина или купца. Какъ ни завидна здѣсь жизнь ихъ, но конецъ обыкновенно бываетъ печаленъ: хозяева, обогатившись ихъ талантомъ и желая съ ними развязаться, а часто опасаясь открытія преступленія, рѣшаются покончить убійствомъ.

Самые искусные монетчики являются изъ слоевъ не невѣжественныхъ: нѣкоторые выходятъ изъ рѣзчиковъ, граверовъ, чиновниковъ, приказчиковъ съ фабрикъ или мастеровъ; всѣ они обладаютъ натертостью и лоскомъ

средней руки, обходительны, вѣжливы и щеголеваты, но любятъ покутить, любятъ пожить широко; натуры чувственныя, наклонныя къ разврату всякаго рода, начиная съ картъ, вина и до женщинъ. Растлѣнные до мозга костей, они способны на всякія преступленія; они хуже обыкновенныхъ бродягъ низшаго сорта, которые находятъ безчестнымъ выдавать тѣхъ, кто оказалъ имъ гостепріимство; но когда попадается монетчикъ, онъ доноситъ и на тѣхъ, у кого жилъ, и вытягиваетъ съ нихъ деньги. Монетчики въ Сибири пользуются большой популярностью; благодаря ихъ похожденіямъ, рѣдкій изъ нихъ неизвѣстенъ властямъ, рѣдкій не бывалъ по нѣскольку разъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, не ссылался въ каторжныя работы; но это ничего не значитъ: они скоро снова являются на свободѣ: деньги вездѣ имъ помогаютъ и отовсюду освобождаютъ.

Извѣстный Кожевниковъ три раза судился и всякій разъ былъ освобождаемъ по дорогѣ. Яковлевъ, солдатъ, сосланный изъ Ярославля, принявъ профессію монетчика, постоянно изчезаетъ изъ остроговъ. Рюкертъ, судимый въ Омскѣ, о которомъ прилагалъ столько стараній одинъ полицейскій и о которомъ столько было исписано стопъ бумаги, отправленный въ каторгу, отошедши неочень далеко, бѣжалъ съ дороги съ помощью таинственныхъ троекъ. Всѣ монетчики разсчитываютъ уйдти; поэтому судъ для нихъ ничего не значитъ. Народъ смѣтливый, опытный, они не задумываются надъ средствами, за что пріобрѣли особенную репутацію въ острожномъ и крестьянскомъ мірѣ. Гордые и самоувѣренные, они свысока смотрятъ на остальной острожный міръ и въ острогѣ пользуются такимъ-же комфортомъ, какъ и на волѣ. Здѣсь они продолжаютъ свою дѣятельность, даже сидя въ секретныхъ каморахъ, и подготовляютъ деньги для побѣга. Остроги издавна славятся выпускомъ фальшивыхъ денегъ. Производство бумажекъ и отливка монетъ дѣлается даже на этапахъ. Солдаты караула и служителя иног

ютъ агентами и мѣняльщиками бумажекъ въ городѣ. При такихъ средствахъ монетчики сильны и всегда могутъ купить себѣ свободу. Арестанты хотя иногда и трунятъ надъ ними, называя ихъ блинниками, но все-таки имѣютъ о нихъ высокое мнѣніе.

Кромѣ знаменитостей въ дѣлѣ фабрикаціи ассигнацій, есть еще бездна народа, подражающаго имъ; значительная часть бродягъ принадлежитъ къ разряду подражателей, ляпающихъ самыя-неуклюжія произведенія, надѣясь, что и такія сойдутъ. По способу сбыванія они называются „на дурака“. Безграмотный народъ обманывать легко, и въ этомъ одна изъ причинъ свободнаго распространенія фальшивыхъ денегъ. Бывали случаи, что окрашенная 10-рублевая выдавалась и шла за 25-рублевую. Поддѣлка сходитъ еще легче. Въ бродяжествѣ кропающихъ и малюющихъ мужикамъ бумажки чутьли не 1 на 10. Они употребляютъ „дамскую бумагу“ (такъ называютъ они почтовую); выводятъ сперва карандашомъ, а потомъ тушью или просто чернилами; красятъ „синкой“ *), и каждый считаетъ нужнымъ запастись увеличительнымъ стекломъ, микроскопомъ. Можно себѣ представить, сколько сбывается мужикамъ такой дряни. Цѣна такихъ денегъ очень дешовая: одинъ монетчикъ вывезъ изъ Москвы 14,000 руб. и продавалъ пятирублевыя бумажки только по 40 коп.

Дѣланіе фальшиваго серебра также распространено, благодаря легкости фабрикаціи монеты. Сидитъ въ секретной на цѣпи арестантъ и жуетъ бумагу; сдѣлавъ тѣсто, онъ выдавливаетъ слѣпокъ съ двугривеннаго и льетъ туда олово; или другой искусникъ между двухкопѣечниками положитъ четвертакъ, набьетъ на нихъ кольца да и лупитъ по нимъ цѣлые дни, покуда не выдавится форма. Въ острогахъ прячутъ всю оловянную посуду. Выливаютъ монеты въ ночь иногда на пять рублей. Издѣліе это продается по 2 коп. штука.

*) Индиго.

Кромѣ обыкновенныхъ монетчиковъ бродяжество выработало еще такъ-называемыхъ *нечестныхъ* монетчиковъ, которые себя выдаютъ за умѣющихъ. Выгоду они извлекаютъ только обманами. Они тщательно добиваются достигнуть репутаціи маэстро денегъ и, не стѣсняясь, хвастаются своимъ умѣньемъ въ деревняхъ и острогахъ. Я видѣлъ, какъ одинъ обворовавшійся парень, попавшись съ дряннымъ оловяннымъ четвертакомъ, рѣшился при слѣдствіи объявить себя монетчикомъ, хотя совершенно не умѣлъ дѣлать деньги. Ему просто хотѣлось похвастать почотнымъ званіемъ. Настоящій монетчикъ въ такихъ случаяхъ, напротивъ, всегда скрываетъ свое искуство. *Нечестный* монетчикъ является въ деревню и выдается товарищами за мастера; сначала для этого употребляются, конечно, намеки, но потомъ какъ-бы проговариваются, что и побуждаетъ крестьянъ пригласить доку заняться художествомъ. Ложный монетчикъ начинаетъ доказывать свое знаніе фокусами: онъ заставляетъ плавать иголку и т. п. Когда въ знаніе повѣрятъ, заключается договоръ. Подобному докѣ отводится особая комната; поятъ его водкой, угощаютъ, и хозяинъ дожидается работы. Бродяга располагается; онъ растираетъ на блюдечкѣ синку, а-то кирпичъ, глину и т. п. Затѣмъ онъ кладетъ на столъ имѣющуюся новенькую пятирублевую (какую всегда монетчикъ такого-рода долженъ имѣть, какъ образчикъ и оригиналъ), на нее прикрѣпляетъ тонкую бумагу и начинаетъ обводить карандашомъ. Часто монетчикъ требуетъ у мужика какой-нибудь матеріялъ, изъявляетъ досаду на неимѣніе его и затѣмъ обѣщаетъ употребить свой. Мастеръ продолжаетъ пачкотню; мужикъ входитъ наципочкахъ, чтобы не помѣшать, и къ удовольствію своему видитъ, что на бумажкѣ выходятъ подходящія фигуры. Наконецъ мастеръ ловко скрываетъ рисованную бумажку и оставляетъ только настоящую, успѣвъ смочить ее. Мужикъ снова является посмотрѣть на процессъ и видитъ, что все уже

готово.—„Вотъ еще просушимъ“, говоритъ мастеръ. Когда ассигнація высушена, онъ мнетъ, третъ ее, чтобы казалась ходячею, и затѣмъ проситъ хозяина идти мѣнять. Крестьянинъ сначала труситъ, но монетчикъ поощряетъ его. Наконецъ хозяинъ идетъ въ кабакъ и, къ удивленію своему, находитъ, что сколько сидѣлецъ ни смотрѣлъ, призналъ ее настоящею.—„Ладна-ли бумажка-то?“—спрашиваетъ онъ уже посмѣлѣе. — „Носи такихъ больше!“—весело говоритъ сидѣлецъ, отпуская четверть вина. Мужикъ торжествуетъ и начинается съ монетчикомъ пьянство и гулянка наславу. Мужикъ уже порядочно прокутился; надо поправляться и онъ снова напоминаетъ монетчику о предпріятіи. Тотъ проэктируетъ ему фабрикацію въ широкихъ размѣрахъ и проситъ купить матеріялу. Привозитъ мужикъ закупки, но онѣ оказываются не такого качества, какія нужны. Наконецъ монетчикъ требуетъ, чтобы его самого свезли въ городъ для закупки. Ѣдутъ; quasi-монетчикъ беретъ на матеріялъ 50—100 и болѣе рублей, уходитъ въ городъ и изчезаетъ. Фабрикація кончена. Мужикъ подождетъ и увидитъ, что остался въ дуракахъ.

Обманы большею-частью бываютъ самаго-грубаго свойства, но случаются и довольно-хитрые: бродяги такого рода имѣютъ свою практику и изобрѣтательность для новыхъ способовъ. Въ одномъ изъ остроговъ сидѣлъ бродяга Строгоновъ, который все изобрѣталъ машинку. — „Да какая это машинка?“ спрашиваютъ его. — „А машинку нужно изобрѣсти похитрѣе,—говорилъ онъ,—тутъ войдетъ часовая пружинка; нужно, чтобъ она заводилась, а потомъ оборвалась“. — „Для чего?“ — „Это я послѣ буду мужикамъ подряжаться деньги дѣлать; покажу и объясню, какъ дѣлать ихъ; когда мужикъ примется самъ вертѣть, она и сломается,—тогда плати. Сколько заграшу, столько и дадутъ“.—„Да много-ли-же она будетъ стоить?“—„А это смотря по состоянію: съ кого 25 рублей, съ кого 50, 100 и 200 рублей; и больше можно взять“.

Въ большинствѣ случаевъ обманы удаются; они въ особенности раззорительны для крестьянъ небогатыхъ и нехитрыхъ, но желающихъ нажиться. Обманщики вытягиваютъ у нихъ все. Я слышалъ про мужиковъ, которые подъ вліяніемъ такого обольщенія совсѣмъ раззорялись: у нихъ выманивали всѣ накопленныя деньжонки; наконецъ тѣ рѣшались продавать скотъ, имущество и оставались кругомъ обманутыми. Поэтому озлобленіе противъ *нечестныхъ* монетчиковъ очень сильно у крестьянъ. Надувшій старается поскорѣе скрыться, чтобы не быть наказаннымъ или просто убитымъ. Не смотря на то, профессія монетчиковъ-надувалъ одна изъ распространеннѣйшихъ.

Обиліе монетчиковъ, повидимому, даетъ право предполагать, что фальшивыя деньги распространены въ деревняхъ въ большомъ количествѣ; но обыкновенно ихъ встрѣчается здѣсь немного. Мужики не сейчасъ выпускаютъ надѣланныя деньги и долго держатъ ихъ кучей, часто кучей-же и перепродаютъ; иногда онѣ проходятъ много рукъ и сбываются купцами и торговцами въ разныхъ удобныхъ и безопасныхъ мѣстахъ. Множество этихъ денегъ при малѣйшей опасности сжигается крестьянами, много лежитъ просто, какъ капиталы на случай, много выбрасывается вслѣдствіе убѣжденія, что монетчики сдѣлали ихъ неочень искусно. Отъ всего этого въ выигрышѣ только одни монетчики; крестьяне же часто дорого платятся за желаніе легко нажиться: многіе изъ нихъ раззоряются вконецъ при слѣдствіяхъ; многіе гибнутъ и на каторгѣ.

6) *Бродяги-разбойники*. Между бродягами есть сортъ людей самыхъ-ожесточонныхъ и самыхъ-страшныхъ для общества: это—бродяги-разбойники. Люди, сосланные за важныя и жестокія преступленія, являются въ каторгу уже крайне-озлобленными и въ безнадежности на всякую помощь и участіе. Каторга окончательно ожесточаетъ и огрубляетъ ихъ, убивая въ нихъ всякое чувство. Грубое

обращеніе, жестокія наказанія, непомѣрный трудъ, голодная жизнь, отсутствіе всякаго участія и состраданія къ каторжному,—все способствуетъ зарожденію въ немъ злобы, черствости и скрытой ненависти. Наказанный за преступленіе плетьми, сосланный на каторгу, онъ старается въ свою очередь избавиться отъ нея; побѣги кончаются тюрьмой и новымъ наказаніемъ плетьми; кромѣ того, за разныя провинности на каторгѣ его опять сѣкутъ плетьми и т. д.

Итакъ представьте себѣ такія личности, которыя когда-то получили по 6—12,000 сквозь строй, или нынѣшняго каторжника Калину, который, какъ мы говорили въ одной изъ главъ, перенесъ около 250 плетей, — побывавшихъ нѣсколько разъ въ каторгѣ и бѣжавшихъ оттуда: неужели всѣ эти наказанія не заставятъ огрубѣть и не сдѣлаютъ безчувственнымъ къ страданіямъ и жизни другихъ? И вотъ про этого Калину говорятъ, что онъ уже убилъ 18 душъ во время бродяжества. Бѣжавши изъ-подъ пули, преслѣдуемый, угрожаемый новыми бѣдствіями, онъ рѣшается на все; осужденный навѣчно, онъ лишонъ надежды. Единственный выходъ его — бродяжество. Въ него онъ вступаетъ уже закаленнымъ, наказаннымъ нѣсколько разъ, десятки разъ битый крестьянами; враждебный всему, онъ способенъ какъ-нельзя-болѣе на преступленія и, подъ вліяніемъ преслѣдованія, становится звѣремъ. Повидимому, подъ вліяніемъ того, что онъ перенесъ, онъ долженъ-бы былъ сломиться, но его сильная натура, которая и завела его на каторгу, не допускаетъ его опуститься и быть задавленнымъ. Онъ кидается, правда, въ самое-безнадежное отчаяніе, не находя нигдѣ спасенія; но это-же отчаяніе вызываетъ его въ бѣга и здѣсь заставляетъ вести войну одного противъ всѣхъ, съ жестокостью и безуміемъ отчаянія. Такіе люди, убѣгая съ каторги, дѣлаются страшными въ бродяжествѣ. Ихъ, разумѣется, неочень много.

Большая часть такихъ бродягъ убѣгаетъ съ нерчин-

скихъ рудниковъ, гдѣ работаютъ наиболѣе-закаленные уголовные преступники; по пріискамъ, гдѣ они разсѣяны, ихъ называютъ каринцами. Каринцевъ, по опасности и ихъ рѣшительности, страшатся даже свои бродяги. Они рисуютъ ихъ безпощадными какъ къ обществу, такъ и къ личностямъ своей среды. „Не дай Богъ встрѣтиться съ каринцемъ, — говорятъ скромные бродяги: — своего брата-бродягу обираютъ да бьютъ; ну, и никому ужъ не уступятъ, отчаянные! на все готовы, — только ножомъ и берутъ. Гордецы страшнѣющіе: себя считаютъ выше всѣхъ, любятъ распоряжаться всѣми: придешь въ балаганъ, — онъ тебѣ велитъ и пищи наварить, и дровъ ему натаскай, а онъ лежитъ да грѣется, потому „я, говоритъ, каринецъ“. Когда съ ними встрѣтишься, они всегда норовятъ обидѣть бродягу; ну, и мы, какъ поймаемъ ихъ въ чомъ... достается-же и ихнему брату!“.

Бродяги говорятъ, что у такихъ закаленныхъ каторжныхъ и убійцъ нѣтъ вѣры въ Бога, что они богохульствуютъ. Постоянныя страданія и мученія, ужаснѣйшія тѣлесныя наказанія заставляли ихъ впадать въ отчаяніе, въ безнадежность, и съ ихъ устъ ничего не слышалось кромѣ проклятія всему на свѣтѣ. Не признавая закона и обязательствъ относительно остального общества, они не соблюдаютъ интересовъ и корпораціи бродягъ, не стѣсняются относиться враждебно и къ своимъ компаньонамъ по бродяжеству, оттого ихъ не любятъ и опасаются остальные бродяги. „Каринецъ идетъ по дорогѣ, а все несетъ ножъ въ рукавѣ“, говорятъ о немъ. Въ острогахъ они владычествуютъ и иногда здѣсь также берутъ силою и угрозами ножа. На пути ограбить своего или убить мужа, любовника, чтобы захватить женщину, — у нихъ дѣло обыкновенное. Преступленіе его не безпокоитъ и онъ хладнокровенъ ко всему страшному и преступному. Такихъ людей, впрочемъ, остальные бродяги также преслѣдуютъ и наказываютъ своимъ судомъ за преступленія противъ своихъ. Въ свою очередь тѣ сме-

ются надъ обыкновенными бродягами, пренебрегаютъ ими и гордятся, что сами живутъ не подаяніемъ, а собственными средствами.

Однако, какъ ни испорчены эти люди, нельзя сказать, чтобы ихъ новыя преступленія дѣлались безъ всякаго повода и ради самаго преступленія. Напротивъ, если они въ гражданскомъ обществѣ дѣлались преступниками и противниками общественныхъ условій по стѣсненности положенія, то бродяжество, со всѣми его лишеніями, гоненіями и бѣдствіями, еще болѣе подвигаетъ ихъ къ этому. Если обыкновенные, скромные люди въ бѣгахъ дѣлаются по нуждѣ ворами и обманщиками, то преступники, болѣе смѣлые и болѣе рѣшительные, само-собою пускаются на болѣе-рѣшительныя и жестокія преступленія. Разница только въ томъ, что они легче склоняются къ преступленіямъ, они менѣе останавливаются передъ ними; средства ихъ грубѣе и жостче и нравственныхъ препятствій въ нихъ нѣтъ. Въ самомъ-дѣлѣ, положеніе каторжнаго, вырвавшагося изъ-подъ строжайшаго заключенія въ рудникѣ, съ опасностью жизни, безъ одежды и безъ хлѣба, блуждающаго по нѣскольку дней по тайгѣ, бываетъ отчаянно; при первой возможности онъ кидается, конечно, на преступленіе, которое ему не рѣдкость. Я разскажу о представителѣ этого типа, каторжномъ Василіѣ Тарбаганѣ, извѣстномъ своею закаленностью и преступленіями. Бѣжавши съ завода, онъ шолъ по тайгѣ голодный и оборванный. На немъ была только рубаха и штаны, и тѣ изорванные; онъ былъ босикомъ; ноги изранены, лицо страшно раздуло отъ комара и овода. Въ этомъ видѣ, съ дубиною въ рукѣ, онъ походилъ, какъ самъ онъ выражался, на дьявола. Вышедши на дорогу, онъ началъ выжидать прохожихъ, чтобы ограбить или убить кого-нибудь. Голодъ, боль, усталость мучили его, а въ сердцѣ кипѣла злоба и отчаяніе. На дорогѣ показались три женщины и дѣвочка—новоселки; онъ страшно перепугалъ ихъ своимъ разне-

сеннымъ лицомъ и ограбилъ, снявъ съ нихъ отчасти даже платье. Затѣмъ онъ встрѣтилъ „пытовщика" изъ новоселовъ, попросилъ его подвезти себя и всадилъ ему ножъ въ бокъ, взявши у него 60 рублей. Онъ убивалъ даже бродягъ, за что ему чуть жестоко не отомстили, но его спасъ одинъ изъ товарищей, уговорившій остальныхъ. Въ случаѣ нападенія на нихъ, такіе люди бьются на смерть. Тарбаганъ былъ взятъ такимъ-образомъ: за какую-то кражу въ деревнѣ онъ съ двумя товарищами по бродяжеству былъ настигнутъ крестьянами. Тарбаганъ рѣшился защищаться и вытащилъ ножъ. Мужики кинулись и убили дрючками двухъ товарищей Тарбагана; Тарбаганаже, какъ виновника кражи и давшаго поводъ къ бою, надо было взять; но онъ ударилъ одного мужика ножомъ и кинулся въ кустъ; второй мужикъ хотѣлъ ударить Тарбагана палкой, но попалъ по кусту и, ловкимъ ударомъ ножа, былъ убитъ на поваль; третій былъ раненъ. Наконецъ Тарбагана взяли и представили въ острогъ. Онъ былъ наказанъ 90 плетьми, и когда, послѣ наказанія, пріятели пришли повидаться съ нимъ, онъ имъ сказалъ: „что, братцы... наша жизнь такая: все равно умирать подъ кустомъ или подъ ножомъ сибирскаго мужика". Однако онъ скоро поправился и опять пошолъ на каторгу.

Бродяжеская жизнь бѣгло-каторжнаго пóлна превратностей и преслѣдованія. Онъ не стѣсняется въ грабежѣ, да и съ нимъ поступаютъ тоже безцеремонно: зато онъ проникнутъ постояннымъ желаніемъ насолить то той, то этой деревнѣ, и при поимкѣ дешево не отдаваться. Я намѣренъ разсказать еще объ одной личности, подобной Тарбагану, которую представляетъ одинъ разбойникъ и монетчикъ, недавно разгуливавшій по тобольской и томской губерніямъ. Я*, прошедшій 2,000 сквозь строй и сосланный изъ Россіи за убійство, обладалъ особой хитростью и искуствомъ дѣлать побѣги. Лишь-только онъ явился въ Сибирь, какъ бѣжалъ, на-

шолъ себѣ пріютъ въ тобольской губерніи въ одной деревнѣ и занялся дѣланьемъ ассигнацій; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не стѣснялся и другими преступленіями. Я*, преслѣдуемый въ своихъ странствованіяхъ крестьянами, не разъ имѣлъ бои и даже дѣлалъ убійства; при поимкахъ онъ уходилъ съ помощью ножа. Однажды крестьяне хотѣли его, какъ онъ разсказываетъ, убить; но онъ выхватилъ имѣвшійся при немъ пистолетъ и, ранивъ одного, бѣжалъ; въ другой разъ, препровождаемый крестьянами въ острогъ, ночью онъ перепугалъ ихъ кускомъ стекла въ видѣ ножа и скрылся. Въ третій разъ онъ тоже наткнулся на крестьянъ, которые хотѣли взять его, но онъ, началъ отбиваться; его били прикладами винтовокъ: онъ, конечно, дрался ожесточонно; крестьяне, проломивъ ему голову, бросили его на дорогѣ; только проѣзжающій крестьянинъ поднялъ его и привезъ въ волость полумертваго; здѣсь онъ вылежалъ двѣ недѣли и привезенъ былъ въ острогъ. Я* человѣкъ лѣтъ подъ 30, съ высокимъ лбомъ, съ холоднымъ и наблюдательнымъ взглядомъ; на лбу у него шрамъ, на лицѣ нѣсколько крупныхъ рубцовъ и волоса повыдерганы. Личность, понесшая такія крушенія, конечно, не можетъ быть миролюбивою. Но онъ сохраняетъ вполнѣ энергію, и всѣ бродяги были увѣрены, что онъ бѣжитъ изъ секретной. Онъ уже нѣсколько разъ бѣгалъ самыми-искуснѣйшими и остроумнѣйшими способами. При всей своей закоренѣлости, какъ у Я*, такъ и у Тарбагана, являлись человѣческія чувства. Тарбаганъ не убилъ встрѣтившихся женщинъ потому, что онѣ новоселки и его соотечественницы изъ воронежской губерніи; онѣ знали его отца и мать: онъ вспомнилъ родину, и это мягкое чувство заставило пожалѣть землячекъ; изъ отобранныхъ денегъ онъ далъ имъ по 3 рубля. Я* способенъ къ любви и постоянно убѣгаетъ къ любовницѣ, живущей въ какой-то деревнѣ, гдѣ его постоянно ловятъ.

Энергичная, раздражонная и испорченная личность

имѣетъ много поводовъ къ преступленіямъ въ бродяжествѣ: вражда къ крестьянству, грабежи, вынуждаемые бѣдственнымъ положеніемъ въ дорогѣ, постоянные случаи вражды между своими-же бродягами, ссоры изъ-за женщинъ, изъ-за добычи, изъ-за денегъ, наконецъ защита себя во время преслѣдованія — вотъ тысячи поводовъ къ новымъ преступленіямъ. Не одинъ Тарбаганъ и Я* защищаются ножами: какой-то бродяга Карпушка, по разсказамъ, на облавѣ ранилъ 16 человѣкъ мужиковъ и ушолъ. Я видѣлъ нѣсколькихъ каторжныхъ, которые, уходя каждый разъ съ заводовъ, въ бродяжествѣ постоянно отличались убійствами. Про одного Калину говорили, что онъ убилъ 19 человѣкъ, другой, шведъ изъ Финляндіи, убилъ 15, наконецъ славящійся и нынѣ недавно пойманный каторжный Капустинъ, разбойничавшій въ восточной Сибири, убилъ 18 человѣкъ. Встрѣчаются убивавшіе по 40 душъ.

Типъ убійцъ-бродягъ существуетъ впрочемъ только у самыхъ-загрубѣлыхъ каторжныхъ, отъ которыхъ сторонится остальное болѣе-скромное бродяжество, порицающее убійства; но у него есть любимый типъ, и типъ этотъ всетаки типъ разбойника: это—герой бродяжества Свѣтловъ, человѣкъ необыкновенно-сильный и занимавшійся съ шайкой грабежомъ. Бродяжество очистило его память отъ всякихъ убійствъ. Мы приведемъ разсказъ о немъ, какъ объ Ильѣ Муромцѣ бродяжества, и такъ, какъ онъ передается самими бродягами. Свѣтловъ былъ сосланный; кончивъ срокъ на заводахъ, онъ вышелъ на поселенье и хотѣлъ начать работать. Въ енисейской губерніи въ сухобузинской волости онъ пристроился къ какому-то крестьянину въ работники. Въ первый день пришлось ему накладывать мѣшки съ мукой для перевозки въ амбаръ; когда наложенъ былъ громадный возъ, хозяинъ послалъ его за самой-сильнѣйшей лошадью и прибавилъ, что плохая не довезетъ такого воза.—„Да зачѣмъ лошадь? неужели мы вдоемъ

веземъ?“ возражаетъ Свѣтловъ.—„Куда! тутъ надо самую сильную лошадь, чтобы сдвинуть съ мѣста такой возище“! Но Свѣтловъ взялся одинъ за оглобли; сначала лопнули тяжи; Свѣтловъ прикрѣпляетъ тяжи и везетъ возъ. Хозяинъ только ахнулъ, но промолчалъ. Такъ работали они день. Вечеромъ, когда сѣли ужинать, хозяинъ спросилъ Свѣтлова, сколько слѣдуетъ ему за работу, и началъ его разсчитывать. Свѣтловъ удивился и захотѣлъ узнать причину отказа. — „Видишь-ли, братецъ,—отвѣтилъ крестьянинъ:—ты работникъ хорошій, да мнѣ неподходящій: я человѣкъ горячій, люблю поругать, а иногда и ударить работника; ну, а съ тобой ладить плохо ты убьешь меня, какъ муху“. Свѣтловъ пошолъ искать другого мѣста, но его нигдѣ не принимали: всѣ были того-же мнѣнія, какъ и прежній хозяинъ. Что было дѣлать? Долго раздумывалъ Свѣтловъ; наконецъ пустился бродяжить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлался разбойникомъ, подобравъ себѣ шайку. Здѣсь онъ примѣнялъ къ дѣлу свою силу, останавливая за колесо тройку на скаку. Онъ много грабилъ и перенесъ свою дѣятельность въ томскую губернію; жилъ же онъ на р. Каргатѣ въ каинскомъ округѣ. Изъ ограбленнаго онъ мало оставлялъ себѣ,—больше отдавалъ своимъ сотоварищамъ или одѣвалъ проходящихъ бродягъ, которые любили его за это и звали отцомъ. Во время грабежей онъ никого не билъ, только разъ случилось ему убить двухъ торговцевъ. Ѣхали они съ товаромъ, и ночь за хватила ихъ въ полѣ; замѣтивъ въ полѣ избушку, они вошли въ нее и встрѣтили тамъ мужика, лежавшаго на лавкѣ, и попросили позволенія тутъ ночевать. Мужикъ дозволилъ. —„Мы боимся, батюшка, разбойника Свѣтлова: онъ, говорятъ, здѣсь бьетъ-грабитъ“, замѣтили торговцы.—„А вы видали Свѣтлова?“ спросилъ мужикъ.—„Нѣтъ“.—„Такъ откуда-же вы знаете, что онъ людей бьетъ?“— „Сказывали“.—„Я Свѣтловъ,—сказалъ тогда, выпрямившись, мужикъ: — смотрите! Я-бы васъ не тронулъ, а такъ-какъ

вы сказали, что Свѣтловъ людей бьетъ, то я васъ и убью". Затѣмъ онъ взялъ ихъ за шиворотъ и ударилъ головами. Оба торговца упали мертвыми. Это было единственное его убійство, и онъ потомъ каялся, что вспылилъ. Вообще онъ говорилъ бродягамъ: „грабить грабьте, но душъ не губите; лучше самому умереть, чѣмъ душу человѣка брать на себя". Какъ всѣ люди сильные, онъ не нуждался въ убійствѣ. Свѣтловъ, видно, всетаки человѣкъ довольно симпатичный: пѣсня, приписываемая ему, полна чувства и грусти. Онъ дожилъ до старости, но конецъ его былъ печаленъ. У Свѣтлова былъ другъ, бродяга Ломоносиковъ, съ которымъ онъ постоянно дѣлился. Этого-то Ломоносикова подкупили разсерженные разбоями Свѣтлова крестьяне за 25 рублей убить Свѣтлова. Когда Свѣтловъ напился пьянъ и спалъ подъ деревомъ, Ломоносиковъ привязалъ его къ дереву веревками и ударилъ обухомъ по головѣ. Свѣтловъ вскочилъ, вырвалъ дерево съ корня, оборвалъ веревки, но сейчасъ же снова упалъ.—„Это ты, варваръ!" вскликнулъ онъ и испустилъ духъ. Долго бродяги искали и караулили по дорогамъ Ломоносикова. „Отца нашего убилъ", говорили они съ горестью.

Таковъ идеализированный бродягами разбойникъ, но не таковы они въ дѣйствительности. Крестьяне подкупаютъ убить Свѣтлова; значитъ, онъ много досадилъ имъ. Всѣ эти Качаловы, Гаркины, Смолкины, Гандюлины, Капустины и подобные имъ не отличались кротостью: они извѣстны рядомъ убійствъ, сопряженныхъ иногда съ безчеловѣчіемъ. Грабежи и убійства, совершаемыя по дорогамъ, выпытыванье денегъ горящими вѣниками, растопленной смолой, гвоздями, пытки женщинъ коломъ и т. п. страшныя средства показываютъ какъ сортъ этихъ людей, такъ и тѣ послѣдствія, какими сопровождается ихъ бродяжество.

IX.

Борьба съ бродяжествомъ и законъ Линча въ Сибири.

Постоянно-наводняющія Сибирь бродяжескія партіи такъ громадны, что ни крестьянству, ни земской полиціи, при помощи первыхъ, невозможно сдержать эти арміи. Земская полиція въ этомъ случаѣ не можетъ дѣйствовать только съ помощью крестьянства: у крестьянства ловля бродягъ отняла-бы все рабочее время, завлекла-бы въ безчисленные и безконечные судебные процессы, наконецъ вызвала-бы опасную для крестьянъ месть бродягъ. Такимъ-образомъ сибирскія крестьянскія общества установили обычное право, на основаніи котораго проходъ бродягъ по деревнямъ свободенъ, обезпечена имъ милостыня, а иногда есть и возможность труда. Поэтому только важныя уголовныя преступленія бродягъ вызываютъ крестьянскія облавы. Вотъ-какъ напримѣръ разсказывалъ бродяга о своемъ проходѣ черезъ деревню тобольской губерніи, гдѣ было получено предписаніе начальства забирать бродягъ. Бродяги пошли побираться по деревнѣ и наткнулись на крестьянскую сходку, гдѣ крестьяне разсуждали о новомъ приказаніи. Когда они подошли, то мужики объявили имъ, что ихъ приказано забирать. Бродяги опустили головы; но одинъ изъ стариковъ вступился за нихъ. „Ступайте, ступайте!— сказалъ онъ: — мы забирать васъ не будемъ; у насъ и въ старину не забирали васъ и мы не станемъ начинать; идите, собирайте милостыню, только теперь ночевать вамъ здѣсь нельзя: опасно да и насъ вплетаете. Идите съ Богомъ!" Тѣмъ и кончилось дѣло. Часто крестьяне предупреждаютъ бродягъ.— „ Смотри,—говорятъ, —такая-то волость забирать начала!—Мотри, въ такую-то не ходите, братцы: тамъ голова худой.—Ежели да намъ васъ брать, такъ и работать некогда будетъ", говорятъ

обыкновенно крестьяне бродягамъ. Вотъ-почему на иниціативу крестьянъ, какъ думаютъ сдѣлать нынѣ нѣкоторые сибирскіе администраторы, рѣшительно нельзя полагаться.

Отношенія крестьянства къ бродяжеству тогда-только измѣняются, когда послѣдними дѣлаются наглыя нарушенія его спокойствія и возмутительныя преступленія. Тогда волость, гдѣ это случилось, объявляетъ войну бродягамъ и забираетъ ихъ безъ разбору. Война однако понемногу утихаетъ и крестьянство по минованіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ возстановляетъ обычное право прохода и сельскія власти начинаютъ смотрѣть сквозь пальцы. Что терпимость бродягъ въ Сибири крестьянствомъ есть необходимость, вынуждаемая мѣстными условіями, и что бродяги скорѣе завоевали себѣ это право, чѣмъ его октроировали имъ крестьяне,—это свидѣтельствуетъ поведеніе новоселовъ въ Сибири. Новоселы, переселясь изъ Россіи, сначала перенесли свои воззрѣнія на бѣглыхъ и пустились ловить и представлять ихъ; но деревни ихъ стали выгорать и сибиряки предупредили ихъ, что если они будутъ продолжать преслѣдованіе и находиться во враждѣ съ бродягами, то никогда не отстроятся. Нынѣ новоселы, относительно обхожденія съ бродягами, заимствовали обычай у крестьянъ-сибиряковъ и перестали ловить ихъ. Но хотя сибирскій крестьянинъ относится съ терпимостью къ бродягѣ, однакоже состоитъ съ нимъ въ двусмысленныхъ и даже враждебныхъ отношеніяхъ; пропуская и принимая бродягу, когда онъ идетъ скромно и приниженно, питаясь милостыней, — сибирякъ-крестьянинъ дѣлается совершенно-другимъ при малѣйшемъ нарушеніи бродягами его интересовъ. Часто малѣйшее преступленіе бродяги, самое-ничтожное воровство и плутовство, дѣлаетъ крестьянина жестокимъ и безпощаднымъ въ карѣ. Въ этомъ случаѣ сибирскій крестьянинъ кажется менѣе гуманнымъ, чѣмъ россійскій, который не расправляется самъ съ бродягой, не истязуетъ, не избиваетъ его, а спокойно беретъ ихъ,

и представляетъ начальству. Завидя бродягу въ томъ видѣ, въ какомъ онъ безпрепятственно бродитъ по Сибири, крестьянинъ, даже пермскій, по разсказамъ бродягъ, поднимаетъ гвалтъ.—„Бѣглечъ, бѣглечъ: бери его!“ кричитъ онъ. Женщины и дѣти, встрѣтивъ въ полѣ бродягу, пораженныя паникой, бѣгутъ отъ него съ крикомъ: „каторжный! сибирскій!“ Хотя россійскіе крестьяне, какъ мы видимъ, не такъ терпимы къ бродягамъ, какъ сибирскіе, но бродяги менѣе ихъ ненавидятъ, чѣмъ этихъ послѣднихъ. „Россійскій мужикъ тебѣ денегъ дастъ, только отойди отъ него,—говоритъ бродяга;—сибирякъ не то: онъ норовитъ тебя-же обобрать. „Эко, скажетъ, парень, у тебя бродки-то добрыя: давай мѣняться; на тебѣ похуже“. Сибирякъ тебя накормитъ, только ужь у него ничего не смѣй тронуть. Топоръ, теперь, украдь,—онъ не спуститъ: въ такой азартъ взойдетъ: „эй, сѣдлай винтовку, бери кобылу! Сучка, сучка! фер! фю! гдѣ ты, благословленная!“ заторопится, запутается. Сейчасъ въ погоню, и отъ него не уйдешь: 200 верстъ будетъ гнаться, а ужь нагонитъ; онъ выслѣдитъ, всѣ тропинки по лѣсу объѣдетъ, гдѣ ты прошолъ, замѣтитъ,—сукъ, шишка лежатъ не такъ, какъ вчера,—ужь онъ видитъ. Теперь ему довольно только разъ взглянуть на человѣка,—упомнитъ, въ чомъ онъ проходилъ, каковъ собой, какія примѣты, и черезъ мѣсяцъ узнаетъ. Пронзительный этотъ сибирякъ! Какъ нагонитъ, сейчасъ кричитъ: „стой, варнаки! становись всѣ подъ одну пулю!“ Разбойники! страсть бьютъ нашего брата. Убить ему ничего за всякую малость, а другіе такъ и ни за что, только-бы обобрать у кого деньги, а-то и одежонкой бродяжеской не побрезгаютъ. „Бѣлка вѣдь стоитъ 5 копеекъ,—говоритъ онъ,—а съ горбача все на полтину возьмешь!“ Теперь безъ винтовки его въ дорогѣ никогда не встрѣтишь! Скачетъ,—это сущій азіатъ! Сибирякъ и нужду исполняетъ съ винтовкой“. Такъ характеризуютъ бродяги сибиряка.

Дѣйствительно, въ разсказахъ бродягъ сибирскій мужикъ является всегда болѣе-грознымъ врагомъ ихъ, несмотря на свою терпимость,—воинственнымъ мстителемъ, верхомъ и съ винтовкой въ рукѣ, съ зоркимъ глазомъ таежника, отъ котораго не уйдешь, не скроешься, который по травѣ выслѣдитъ, собакой натравитъ; онъ представляется всегда неминуемо настигающимъ бродягу, безпощаднымъ въ своемъ гнѣвѣ и страшнымъ, какъ призракъ смерти. Что-же за причина, что сибирскій крестьянинъ, мирный землепашецъ, становится такимъ воинственнымъ преслѣдователемъ и часто жестокимъ и безпощаднымъ злодѣемъ относительно личности угнетенной и приниженной?

Мы видимъ, что бродяжество въ Сибири стоитъ совершенно въ другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Россіи. Въ Россіи бродяга идетъ скромно и тихо, только ночью; если онъ безпаспортенъ и подозрителенъ,—среди большого населенія, бдительнаго и непривыкшаго покровительствовать ему, боясь быть пойманнымъ, онъ ведетъ себя скромно и не дѣлаетъ преступленій, а потому является личностью безвредною. Важно также, что личность бродяги въ Россіи другого сорта: онъ не ссыльный, не острожный житель и не преступникъ, а только безпаспортный человѣкъ; притомъ число бродяжащихъ тамъ всетаки незначительно. Въ Сибири другое дѣло. Крестьянинъ, поставленный внѣ возможности ловить столько народу, предоставилъ имъ по необходимости свободный проходъ и столкнулся со всѣми результатами, которые должна была повлечь эта система laisser faire, laisser passer, т. е. со всѣмъ зломъ, какое содержитъ въ себѣ бродяжество ссыльныхъ. Предоставивъ свободный проходъ этимъ людямъ, сибирское крестьянство столкнулось съ стихійной массой, которая постоянно разрушаетъ его благосостояніе, расхищаетъ его бѣдный скарбъ, раззоряетъ его хозяйство. Если города Сибири, ограждаемые болѣе бдительной полиціей, [illegible]

пять отъ ссыльныхъ и бродяжащихъ, то деревнямъ, осаждаемымъ постоянно бродяжащими ссыльными, пришлось выносить еще болѣе. Отъ бродяжества терпѣло больше всего сельское населеніе, и никому оно не пришлось такъ солоно, какъ мужику. Сибирское бродяжество въ общемъ своемъ явленіи далеко не мирнаго характера, хотя на видъ и смиренничаетъ. Понятно, что люди бродячіе вынуждены, большею частію, питаться попрошайничествомъ, воровствомъ и обманами. Сведемъ въ общее всѣ бродяжескія профессіи, и мы увидимъ, какъ бродяжество тяжело ложится на крестьянство. Дѣланье фальшивыхъ ассигнацій, которое ведетъ крестьянъ въ острогъ и раззоряетъ, обманы этимъ путемъ, знахарство, колдовство, шарлатанство и надувательства всякаго рода, воровство, безъ котораго не можетъ прожить ни одинъ бродяга, наконецъ нищенство нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, — все это дѣйствуетъ, конечно-разорительно и не можетъ не быть чувствительнымъ. Съ бродяжествомъ на крестьянство обрушились и тучи преступленій, совершаемыхъ во время прохода бѣглыхъ. Воровство такъ постоянно и такъ громадно, что вліяетъ на благосостояніе крестьянъ, часто лишающихся, черезъ уводъ бродягами послѣдней скотины, даже возможности дальнѣйшаго существованія. Сверхъ того бродяги часто умыкаютъ женщинъ, женъ и дочерей крестьянскихъ съ пашень и изъ лѣсу; производятъ на дорогахъ нападенія и насилія надъ ними; сельскія дороги вообще не безопасны. Старики, женщины-богомолки, дѣти и всѣ беззащитные постоянно подвергаются нападеніямъ и ограбленію бродягами. Убійства и грабежи въ округахъ, посѣщаемыхъ бродяжествомъ, нерѣдки: объ этомъ часто печатаются извѣстія и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Много находятъ и неизвѣстно кѣмъ убитыхъ мертвыхъ тѣлъ: одинъ наблюдатель насчиталъ въ одной иркутской губерніи въ одинъ годъ 55 такихъ найден-

ныхъ тѣлъ *). При розыскѣ такихъ преступленій въ уѣздахъ и округахъ крестьянству иногда приходится силой брать бродяжащихъ преступниковъ и оно-же несетъ жертвы въ этихъ бояхъ. Послѣ этого понятенъ тотъ враждебный взглядъ, который укореняется у крестьянина на бродягъ,—то раздраженіе постоянными обманами и пройдошескими наживами бродяжества и то злобное преслѣдованіе, съ какимъ накидывается крестьянинъ на всякаго, вредящаго ему, бродягу,—и тѣ жестокіе уроки, которыми онъ отплачиваетъ ему.

— „Милый человѣкъ, вѣдь вы у насъ пакостите; есть всякіе и у васъ,—говорилъ крестьянинъ бродягѣ, упрекавшему его въ жестокости крестьянскихъ преслѣдованій.—Вотъ намедни взяли вашихъ въ волости: мнѣ вышелъ нарядъ везти бродягъ; показались они смирными; я и отправилъ своего мальчишку съ ними, а они дорогой-то давай-давить его: насилу парнишка-то лѣсками утекъ отъ нихъ. Какъ сказали объ этомъ намъ, такъ у насъ ноги у всѣхъ подкосились: бродяги бѣжали, а насъ теперь по этому случаю въ острогъ посадили. За что-же?.. за вашихъ все; вотъ оно дѣло-то какое! Тутъ тоже намедни бродягъ наши провожали въ городъ; тѣ и попросились съ телеги сойдти,—взяли дреколья, да чуть убивства не сдѣлали. Мужики-то провожавшіе бѣжать отъ нихъ; да ужь послѣ изъ деревни нагнали; ну, повѣсили за ноги на березу, подержали маненько да и повезли опять“. Такую исповѣдь сибирскаго крестьянина мы слышали въ сибирскомъ острогѣ. Дѣйствительно, положеніе крестьянъ въ этомъ случаѣ безвыходно.

Въ виду всего этого сибирское крестьянство создало самосудъ, и такимъ-образомъ образовался „*законъ Линча*“ на нашей почвѣ. Тамъ, гдѣ общество не могло еще устроиться

---

*) Эти наблюденія сдѣланы г. Шелгуновымъ и описаны въ статьяхъ его: «Сибирь по большой дорогѣ» и «Гражданскіе элементы иркутскаго края»; тамъ-же приведены публикаціи о преступленіяхъ бѣгло-каторжныхъ и бродячихъ ссыльныхъ въ иркутской губерніи.

и организовать правильный судъ и полицію, а междутѣмъ преступныя нарушенія общественной безопасности очень явны и возмутительны, тамъ оно естественно прибѣгаетъ къ быстрымъ и рѣшительнымъ средствамъ, чтобы сколько-нибудь обуздать зло. Примѣненіе суда народомъ въ Американскихъ Штатахъ быстро и сурово: тамъ, на всемъ „дальнемъ западѣ" и въ Калифорніи, народъ не рѣдко вѣшалъ пойманнаго преступника: въ Сибири такая расправа должна была проявиться еще жостче.

Крестьянинъ не щадитъ въ своей расправѣ бродягу за преступленіе, особенно за воровство; за самой-незначительной украденной вещью крестьянинъ часто гонится безъ устали десятки верстъ; иногда погони совершаются даже гуртомъ. Всѣхъ бродягъ на пути обыскиваютъ и виновнаго жестоко избиваютъ до полусмерти. Обыкновенно такого бродягу бьютъ *дрючками*, — дубинами въ руку толщиной и иногда въ сажень длины; иногда бьютъ по пяткамъ, покитайски, „подковываютъ"; я видалъ битыхъ такимъ-образомъ: у одного изъ нихъ впослѣдствіи постоянно съ ногъ слѣзала кожа. Если за воромъ гонится одинъ хозяинъ, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то расправа коротка и пуля неминуема. Расправа за преступленія въ деревняхъ дѣлается на виду и цѣлымъ обществомъ; даже старухи и ребята принимають въ ней участіе. Смертные приговоры приэтомъ также не рѣдкость. Часто крестьяне расправляются съ бродягами, живущими въ ихъ деревняхъ и разстроившими семейныя ихъ узы. Въ иркутской губерніи въ одной деревнѣ работникъ-бродяга имѣлъ любовныя сношенія съ женой крестьянина; мужъ апеллировалъ къ обществу; бродягу начали вытѣснять изъ деревни, но онъ не шолъ, не смотря даже на увѣщанія и просьбы товарища, который ушолъ одинъ; черезъ годъ ушедшій бродяга пришолъ навѣстить товарища, но уже не нашолъ его: онъ былъ убитъ. Хотя-бы объ убійствѣ бродяги кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ и знала вся деревня, — она молчитъ и

убійцы не выдастъ; поэтому крестьяне, не стѣсняясь, стрѣляютъ и даже цѣлымъ обществомъ разстрѣливаютъ бродягу, давшаго имъ къ этому поводъ своимъ поведеніемъ. Намъ разсказывали про слѣдующій любопытный случай въ одной изъ глухихъ волостей иркутской губерніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился тамъ бродяга и началъ *пошаливать* около деревни. Крестьяне поймали его, привязали къ дереву и рѣшились разстрѣлять, но, сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ, услышали колокольчикъ засѣдателя и разбѣжались; бродяга междутѣмъ съ простреленной ладонью отвязался и бѣжалъ въ лѣсъ. Нѣсколько лѣтъ спустя этотъ-же самый бродяга случайно назначенъ былъ въ эту-же деревню на поселеніе и, явившись новымъ согражданиномъ уже на легальномъ основаніи, показывалъ свою простреленную ладонь.

Если къ экстреннымъ мѣрамъ прибѣгало начальство и создавало въ Сибири военные суды для обузданія ссыльныхъ и устрашенія ихъ, въ виду особенно-развитыхъ преступленій въ Сибири, то нечего удивляться, что крестьянство въ виду страшнаго вреда, наносимаго ему, обратилось къ тѣмъ-же мѣрамъ. Ими оно не достигло цѣли, но хоть сколько-нибудь дисциплинировало распущенную и осаждающую его массу. Оно всетаки предписало бродяжеству свои законы и заставило выполнять ихъ: оно принудило его, подъ страхомъ наказаній и лишенія милостыни, не ходить толпами по деревнямъ, заставило не раззорять крестьянскихъ построекъ и балагановъ на поляхъ, наконецъ предписало ходить безъ оружія и дозволило имѣть ножъ не болѣе двухъ вершковъ, и-то съ отломленнымъ концомъ. Это правило такъ утвердилось, что бродяги приписываютъ его предписанію оффиціальнаго закона, какъ они и увѣряли насъ.

Крестьянство управляло и управляетъ бродягами терроромъ, и только этимъ вынудило исполнять свои тре-

бованія. Терроръ поддерживается систематически: иногда не находятъ виновнаго, и гоненія крестьянъ обрушиваются на всѣхъ. „Вы всѣ одной шайки“, говорятъ имъ. Бьютъ ихъ за воровство, бьютъ по случайности, по подозрѣнію. Одинъ изъ странниковъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ одной деревнѣ взлупили его ни за что, ни про что. Ихъ шло двое; одинъ остался въ полѣ, а другой пошолъ въ деревню къ знакомому крестьянину просить о работѣ; крестьянинъ велѣлъ имъ идти на мельницу и тамъ обождать до завтра. Бродяги направились туда; но подойдя къ озеру, за которымъ лежала мельница, они увидѣли бѣгущаго отъ нихъ въ испугѣ парня и ревущаго благимъ-матомъ. Пришедши къ мельницѣ, они было-расположились отдохнуть около нея, но вдругъ увидали скачущій къ нимъ отрядъ мужиковъ верхами и съ винтовками за плечами. Крестьяне съ неистовствомъ накинулись на бродягъ и требовали, чтобъ тѣ отдали имъ свои ножи; какъ бродяги ни клялись, что у нихъ ножей не было,—имъ не вѣрили. На нихъ пало обвиненіе въ томъ, что они подкрадывались къ мельницѣ съ ножами и перепугали караульнаго парня, который и далъ знать объ этомъ въ деревню. Парню все это просто почудилось; но крестьяне всетаки напустились на бродягъ и жестоко ихъ поколотили. Бродяги только молили не убивать ихъ. Искалеченные и ободранные, они дотащились коекакъ до другой деревни и тутъ-только нашли участіе; здѣсь, узнавши, что ихъ поколотили безвинно, имъ дали азямы и рубахи. Въ другой разъ тѣ-же бродяги наткнулись на пашенную избушку, въ которой никого небыло и все было въ безпорядкѣ: кадушки опрокинуты, мука и крупа валялись разсыпанными по полу; они однако расположились здѣсь. Черезъ нѣсколько времени хозяинъ, ѣздившій на сосѣднюю пашню, вернулся съ семьею домой и, осмотрѣвъ балаганъ, нашолъ его обокраденнымъ; оставленные азямы, топоры, провизія, — все было унесено.

Узнавши, что присутствующіе—бродяги, онъ накинулся на нихъ, не смотря на увѣренія, что они только-что вошли; имъ не повѣрили и, задержавъ ихъ, дожидались только вечера, чтобы учинить расправу. Къ счастью, расправѣ этой помѣшали пріѣхавшіе на работу солдаты, и бродяги спаслись. Иногда даже ремешокъ, отвязанный отъ сохи и найденный у вора-бродяги, вызываетъ наказаніе. Привычка расправляться съ бродягами смертью послѣднихъ создала въ Сибири систему безразборнаго истребленія бродягъ и наконецъ породила безчеловѣчный промыселъ этими убійствами. Это—родъ охоты за бродягами и обираніе убитыхъ; къ ней дала поводъ, конечно, ничѣмъ негарантированная жизнь бродягъ и безотвѣтственность за нихъ. Отъ этихъ промысловъ, которыми занимаются нѣкоторые сибирскіе крестьяне, и получила начало извѣстная пословица: „бѣлка стоитъ 5 копеекъ, а съ горбуна все на полтину возьмешь“; отсюда-же взялся и анекдотъ о томъ, что крестьянскій мальчикъ проситъ отца убить бродягу изъ винтовки, чтобы посмотрѣть, „какъ горбунъ будетъ на горбѣ вертѣться“. Въ Сибири есть мѣстности, прославившіяся избіеніемъ бродягъ. Около Фингуля есть *колки* (рѣдкій лѣсъ), про которыя бродяги говорятъ: „здѣсь нѣтъ столько лѣсу, сколько нашего брата положено въ сырую землю“. Про рѣчку Карасукъ въ томской губерніи говорятъ: „Карасукъ ужь провонялъ: такъ его завалили нашими бродягами“. Есть и крестьянскія имена, сохранившіяся въ памяти бродягъ, съ которыми сопряжено понятіе о звѣрскихъ поступкахъ съ ними. Такъ извѣстенъ Битковъ, жившій и промышлявшій на Ангарѣ, Романовъ въ Фингулѣ, Заворота въ енисейской губерніи, какой-то Волковъ и многіе другіе. Много ходитъ разсказовъ объ этихъ промыслахъ. Бьютъ бродягъ по дорогамъ и по рѣкамъ; Романовъ напримѣръ выѣзжалъ за деревню и ложился въ колки поджидать бродягъ и стрѣлять проходящихъ по дорогѣ; Битковъ стрѣлялъ съ берега въ

плывшихъ по рѣкѣ; такъ-же промышляли два брата на Бирюсѣ. Говорятъ, что бывали крестьяне, убивавшіе по 60, 90 и болѣе человѣкъ бродягъ. Бродяги, съ своей стороны, старались мстить такимъ крестьянамъ-убійцамъ и только выжидали случая. Плодомъ этой мести осталось много разсказовъ,—напримѣръ о двухъ братьяхъ на Бирюсѣ. Разъ плыли двое бродягъ; изъ кустовъ раздались два выстрѣла; оба бродяги упали въ воду; но одинъ былъ только раненъ и незамѣтно выплылъ. Сидя на берегу, онъ дождался и предупредилъ плотъ съ 15-ю человѣками бродягъ о случившемся и объ угрожающей имъ опасности. Тогда они всѣ разомъ отправились мстить за убитыхъ и, поймавъ братьевъ-крестьянъ въ избушкѣ на берегу, изрубили ихъ въ куски и бросили въ воду. Ожесточеніе и месть одинаково-сильны какъ со стороны крестьянъ, такъ и со стороны бродягъ: крестьяне подрѣзывали бродягамъ жилы, убивали ихъ въ мученіяхъ и пыткахъ. Это была упорная и жестокая борьба. До какой степени ожесточились обѣ стороны, характеризуетъ слѣдующій разсказъ, сохранившійся въ памяти бродягъ. Одинъ изъ крестьянъ, преслѣдовавшихъ бродягъ, засѣлъ на берегу Енисея и дожидался плывшихъ бродягъ. Показалась лодка; въ ней сидѣло двое. Тогда крестьянинъ выстрѣлилъ по одному гребцу и убилъ его; за другимъ надо было гнаться. Онъ вскочилъ въ лодку и началъ нагонять бродягу; послѣдній гребъ изо всей мочи. Наконецъ видя, что крестьянинъ догоняетъ его, бродяга въ порывѣ злобы и отчаянія всталъ въ лодкѣ, вынулъ огромный мѣшокъ денегъ, показалъ ихъ крестьянину и, сказавъ „недостанется-же и тебѣ, разбойникъ", бросился въ воду и утонулъ. Такъ непримирима была эта вражда.

Начало этой ожесточонной и упорной борьбы коренится въ далекомъ прошломъ, когда каторжное бродяжество было сильно и дерзко въ Сибири, когда оно ходило шайками по деревнямъ, подобно князю Баратаеву съ каторжными, и давало крестьянству генеральныя сра-

женія. Объ этой борьбѣ и теперь еще сохранились преданія. Такъ одинъ старый бродяга разсказывалъ, что еще въ 1838 году въ иркутской губерніи 60 человѣкъ бродягъ окружили одну крестьянскую заимку, перевязали крестьянъ, обобрали имущество и винтовки и ушли. Связанные крестьяне развязали другъ-друга зубами, пустились въ деревню, подняли своихъ односельцовъ и отправились преслѣдовать бродягъ, нагнали ихъ въ лѣсу, и завязалась сильная перестрѣлка; наконецъ крестьяне начали загонять бродягъ въ болото, гдѣ погибли тѣ, кто не былъ убитъ. Много и другихъ преданій существуетъ о столкновеніи такихъ шаекъ. Побѣда въ концѣ-концовъ всетаки оставалась за крестьянами и развила въ нихъ ту смѣлость и самонадѣянность, съ какою они относятся къ бродягамъ и донынѣ. Изъ оборонительнаго положенія крестьяне перешли въ наступательное и скоро пустились тайкомъ истреблять бродягъ по всей Сибири. Били и бьютъ бродягъ не только инородцы, какъ забайкальскіе буряты, но и все сибирское крестьянство отъ Якутска до Урала. Это была не случайность, не индивидуальная жестокость, но довольно единодушная и согласная оппозиція ссыльному бродяжеству со стороны всего осѣдлаго крестьянства. Какъ ни сильно было развито истребленіе бродягъ, но уничтожить ихъ само собою крестьянство было не въ состояніи: наводненіе ссылкой было слишкомъ велико и постоянно возобновлялось. Все, что смогло и умѣло сдѣлать крестьянство, это — сколько-нибудь усмирить дерзкія проявленія бродяжества, разбить его силы и заставить его опуститься до обыкновенныхъ нищихъ и мелкихъ воровъ, которые страшатся крестьянина, какъ своего властелина и страшнаго судью. Истребленіе бродягъ и жестокій промыселъ на нихъ, конечно, нынче уменьшился: нѣкоторыя мѣста Сибири уже слишкомъ заселены и гражданственны для этого, — напримѣръ тобольская губернія; буряты иркутской губерніи уже не бьютъ бродягъ, какъ прежде; крестьяне не такъ явно

дѣйствуютъ и въ другихъ мѣстахъ. Но бродяжество не уменьшилось въ Сибири: оно также велико и въ томъ-же положеніи; преступленія бродягъ хотя измельчали, но такъ-же часты, а потому борьба съ бродяжествомъ еще не кончена. Она перешла только въ таинственныя тайги, гдѣ выполняются попрежнему роковые приговоры за преступленія; но какъ ни скрывалась-бы теперь эта борьба темнотой лѣсовъ, мы всетаки видимъ въ ней двѣ рѣзко-рисующіяся фигуры, имѣющія свое историческое значеніе: одна—это представитель штрафной колонизаціи, бѣгущей отъ ссылки; другая—это крестьянинъ, представитель гражданственности, съ винтовкой въ рукѣ стоящій около своей поскотины и защищающій свой домъ, имущество, семью и все свое благосостояніе.

Къ такимъ столкновеніямъ послужило соединеніе двухъ противоположныхъ элементовъ Сибири. Въ широкомъ значеніи на истребленіе бродягъ посмотрѣлъ уже одинъ изъ писателей, безпристрастно наблюдавшій Сибирь. Мы говоримъ о г. Д. Завалишинѣ. Видя въ упомянутомъ явленіи оппозицію ссылкѣ и результатамъ ея, онъ приходитъ къ заключенію, что можетъ-быть только это истребленіе бродягъ не дало развиться до чудовищныхъ размѣровъ тому злу и преступленіямъ, какія могли покрыть Сибирь при громадномъ числѣ бродячаго штрафного населенія. Мы сказали, что крестьянство силилось такими средствами если не истребить, то дисциплинировать ссыльныхъ. Чувствами этихъ представителей гражданственности и должно измѣряться вліяніе ссылки; при усиливающемся развитіи края и создавшейся въ немъ гражданской жизни необходимо взглянуть на нее съ точки зрѣнія безопасности и интересовъ мѣстнаго населенія.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ССЫЛКИ.

I.

Ссылка, какъ мѣра наказанія въ связи съ развитіемъ преступленій.

Исторія наказаній въ различныя времена и эпохи составляетъ самую-мрачную сторону соціальной жизни каждаго народа. Исторія пытокъ, казней, ссылокъ и тюрьмы... что можетъ быть безотраднѣе этой исторіи! Между-тѣмъ наказанія и преступленія людей, къ несчастію, составляли настолько обычное явленіе въ жизни человѣческихъ обществъ съ самыхъ-древнихъ временъ, что изученіе ихъ становится столь-же важнымъ и необходимымъ, какъ всякая другая отрасль исторіи и соціологіи.

Если исторія преступленій отражаетъ внутреннюю жизнь народа съ ея неустройствами, недостатками, съ ея общественными болѣзнями, то исторія наказаній, въ то-же самое время, указываетъ на репрессивныя мѣры, которыя, сообразно развитію преступленій, создавало общество и власть, стремясь подавить существующее зло. Изученіе преступленій въ связи съ историческою жизнью народа уясняетъ причины, которыя порождали народныя несчастія и вынуждали людей на преступленія; а изученіе наказаній въ связи съ развитіемъ преступленій въ свою очередь указываетъ степень ихъ вліянія на увеличеніе или уменьшеніе числа преступленій. Только при этихъ условіяхъ изученіе исторіи преступленій и на-

заній является осмысленнымъ и даетъ возможность опредѣлить ту роль, какую они играли въ исторіи человѣчества. Исторія русской ссылки, очеркъ которой мы даемъ въ этой статьѣ, имѣетъ такое-же значеніе въ исторіи русскаго народа, какое она имѣла вездѣ. Находясь въ связи съ исторіей преступленій и составляя результатъ уголовныхъ теорій, господствовавшихъ въ данную эпоху, она отражаетъ внутреннюю жизнь русскаго общества во всѣхъ фазисахъ его развитія, съ его треволненіями, страданіями, съ борьбой и оппозиціей личности извѣстному общественному строю.

Не смотря на обширное значеніе, какое имѣла ссылка въ Россіи въ XVII столѣтіи, составляя одно изъ видныхъ наказаній въ нашемъ кодексѣ, мы однако не встрѣчаемъ о ней никакихъ историческихъ изслѣдованій, точно также какъ и опредѣленнаго мнѣнія о ней русскихъ юристовъ, такъ-какъ наши криминалисты до послѣдняго времени руководствовались мнѣніями западныхъ ученыхъ, въ родѣ Гольцендорфа, и на нихъ основывали свои заключенія о русской ссылкѣ. Между тѣмъ ссылка въ Россіи, существующая, какъ наказаніе, болѣе 200 лѣтъ, настолько обильна фактами, что представляетъ всѣ необходимыя данныя для самостоятельной разработки вопроса, столь нужной въ виду предвзятыхъ мнѣній, съ какими юридическая литература какъ у насъ, такъ и на Западѣ относится къ этому наказанію. Правдивая, основанная на несомнѣнныхъ фактахъ исторія ссылки въ Россіи и разсмотрѣніе ея практическаго приложенія разсѣетъ всѣ эти укоренившіеся предразсудки и покажетъ ея истинное значеніе въ жизни нашего народа. Подобныя изслѣдованія особенно важны теперь, когда предполагаются реформы въ устройствѣ мѣстъ заключенія и когда наша литература представила уже нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ изслѣдованій по тюремному вопросу.

Ссылка въ Россіи входитъ въ законъ съ Уложенія

Алексѣя Михайловича, но она существовала на практикѣ гораздо ранѣе. Знатныхъ боярь ссылали во время Іоанна Грознаго, во время регенства Бориса, наконецъ въ злосчастное царствованіе послѣдняго. Такъ-напримѣръ, Борисъ сослалъ Романовыхъ въ пермскую губернію и Пелымъ. Мѣра эта у древнихъ русскихъ царей была чисто-административной и почти всегда сопровождалась заточеніемъ на мѣстѣ ссылки. Эта ссылка была римская „relegatio“. Ссылки не ограничивались однако одними боярами: такъ, во время убіенія царевича Димитрія угличане за безпорядки и самовольныя убійства, совершенныя ими, были сосланы въ Пелымъ: это была чуть-ли не первая ссылка простыхъ людей въ Сибирь. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича мы видимъ ссылку, какъ дополненіе къ другимъ наказаніямъ, сопровождаемую битьемъ кнутомъ, батогами, пенями и тюремнымъ заключеніемъ. Мѣстомъ ссылки были сначала украинскіе города и понизовые по Волгѣ. Ее назначали за самыя маловажныя преступленія; за болѣе-значительныя опредѣлялись самыя-ужасныя казни и пытки: должниковъ били палками по ногамъ, покуда не заплатятъ; жену, убившую мужа, закапывали въ землю живую; мужа, убившаго жену, наказывали однако кнутомъ; фальшивымъ монетчикамъ заливали горло растопленнымъ металломъ; еретиковъ и чернокнижниковъ жгли; для воровъ и разбойниковъ, существовала смертная казнь съ отсѣченіемъ рукъ и ногъ. О ссылкѣ въ Сибирь упоминается въ первый разъ въ Уложеніи 1648 г.; ею повелѣно карать тяглыхъ московскихъ и городовыхъ людей за самовольную приписку къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ *). Эта мѣра была вызвана стремленіемъ тяглыхъ и податныхъ людей, которые, чтобы избѣгать уплаты налоговъ, переходили въ частную зависимость, *закладывались* за патріарха, монастыри, за бояръ, и подъ ихъ

---

*) Пол. Соб. Зак., т. I; Улож. Алекс. Мих., гл. XIX, п. 18.

покровительствомъ торговали и промышляли разными промыслами, не платя податей. Вслѣдъ за изданіемъ Уложенія, въ царствованіе-же Алексѣя Михайловича, изданы два указа: однимъ опредѣлено смертную казнь для воровъ и разбойниковъ замѣнять наказаніемъ кнутомъ... съ отсѣченіемъ перста у лѣвой руки, и ссылкою въ сибирскіе, понизовые и украинскіе города съ женами и дѣтьми *); другимъ „денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ государь *пожаловалъ* казни имъ не чинить, а ссылать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми **). Такимъ-образомъ въ нашемъ древнемъ уголовномъ кодексѣ ссылка является смягчающимъ наказаніемъ, что законодатель и опредѣляетъ словомъ „*пожалованіе*". Съ тѣхъ поръ ссылка въ Сибирь все-болѣе и болѣе замѣняетъ прежнія суровыя наказанія. Съ 1669 года ее начинаютъ примѣнять въ еще-большихъ размѣрахъ, и она является дополнительнымъ наказаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по Уложенію назначалась ссылка въ украинскіе города, именно—для гулящихъ людей, т. е. бродягъ, для воровъ, для укрывателей воровъ, для перекупщиковъ и хранителей краденаго, для подозрѣваемыхъ, но неуличенныхъ въ разбоѣ, если они не одобряются обществами и не принимаются на поруки, — для тѣхъ, которые отбиваютъ оговоренныхъ по сыску людей, если не въ состояніи внести штрафа,—для тѣхъ, кто наѣдетъ съ лошадьми на беременную женщину, не причинивъ смерти, но будетъ причиною выкидыша ***). Въ 1679 году царь Федоръ продолжалъ замѣнять ссылкою казни и окончательно вводитъ ее для воровъ; онъ указалъ „всѣхъ воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь (сѣчь руки, ноги), и тѣмъ ворамъ рукъ и ногъ и двупальцевъ не сѣчь, а ссылать

*) Пол. Соб. Зак., т. I, № 105.

**) Пол. Соб. Зак., т. I, № 348.

***) Пол. Соб. Зак., т. I, № 411, п. п. 8, 24, 33, 47, 61, 84, 103.

ихъ на пашню, съ женами и дѣтьми, на вѣчное житіе". Въ 1683 г. однако появилось разъясненіе указа и, вмѣсто пальцевъ, приказано имъ рѣзать уши *) и ссылать. Указомъ 1691 г. смертная казнь замѣняется ссылкою для воровъ, попавшихся трижды въ воровствѣ, и для пойманныхъ дважды въ нищенствѣ и бродяжествѣ; ссылка, конечно, сопровождалась битьемъ кнутомъ. Частое изданіе новыхъ указовъ, содержаніемъ своимъ, повидимому, нисколько неотличавшихся отъ прежнихъ, объясняется тѣмъ безотраднымъ положеніемъ, въ какомъ находилась Россія въ XVII ст. Бѣдность, непрочная осѣдлость народа, начало прикрѣпленія къ землѣ, поборы, взыскиваемые силою, обиранье боярами нищихъ, кривой судъ и притѣсненія воеводъ, постоянныя несчастія и неурожаи, моровое повѣтріе,—все это заставляло народъ бродить, отыскивая мѣстъ, гдѣ-бы жилось поприволькѣе. Народъ уходилъ въ Украйну, въ казаки и толпами бродилъ съ мѣста на мѣсто, не зная, гдѣ остановиться; спасаясь отъ голодной смерти, онъ скрывался въ дремучіе лѣса и тамъ составлялъ шайки, избиравшія своимъ промысломъ разбой. Въ эти шайки поступали преимущественно холопи, которыми наполнялись дома знатныхъ и богатыхъ бояръ: во время голода господа, находя обременительнымъ кормить своихъ слугъ, выгоняли ихъ отъ себя; число бѣглыхъ увеличивалось опальными людьми и преступниками. Число разбойничьихъ шаекъ постоянно увеличивалось; онѣ грабили вездѣ и являлись подъ самою Москвою; онѣ были такъ многочисленны и дѣйствовали такъ смѣло и рѣшительно, что противъ нихъ вынуждены были высылать войска, какъ-напримѣръ противъ шайки Хлопки Косолапа, съ которымъ сражался воевода Басмановъ. Время самозванцевъ и междуцарствія вызвало движеніе по всей Россіи: казаки, явившіеся въ Россію, бѣглые преступники, бродяги всякаго

*) Пол. Соб. Зак., т. 2, №№ 772 и 970.

рода увеличивали смуты, разбойничали и нападали на мирныхъ жителей. Крестьяне жаловались повсюду и посылали челобитныя царю, „что жить имъ не въ моготу, что неизвѣстные люди приходятъ къ нимъ, грабятъ ихъ имущество и убиваютъ ихъ, почему они принуждены сами разбродиться врознь и дворишки бросать“. Страдали не одни села: и въ городахъ грабители и разбойники нападали на прохожихъ, врывались въ дома, убивали хозяевъ и забирали ихъ имущество. Результаты насильственнаго закрѣпощенія людей начинали сказываться, и акты этого времени наполнены ссылками бѣглыхъ; дѣлами этого рода и о грабежахъ и разбояхъ были переполнены приказы сыскныхъ дѣлъ и разбойный *). Озадаченное такими явленіями, правительство прибѣгало въ первое время къ жестокимъ казнямъ, а впослѣдствіи къ ссылкѣ, которая сопровождалась отрѣзываніемъ пальцевъ, ушей и жестокимъ наказаніемъ кнутомъ. У служилыхъ людей она имѣла послѣдствіемъ лишеніе достоинства и званія, у бояръ — помѣстій и вотчинъ, которыя раздавались другимъ. Ссыльные на мѣстѣ ссылки содержались въ заключеніи. Такъ, въ 1869 г. въ Верхотурьи приказано было построить для ссыльныхъ дворъ съ тыномъ и избами. Хотя мы видимъ въ концѣ XVII вѣка начало колонизаціонныхъ стремленій, — такъ-какъ уже въ указахъ Алексѣя Михайловича приказывается сосланныхъ преступниковъ устроять съ женами и дѣтьми на пашни, давая имъ ссуды и всякія угодья на пропитаніе, — но никакихъ свѣдѣній объ этомъ заселеніи мы нигдѣ не встрѣчаемъ; извѣстенъ только одинъ фактъ, что ссыльныхъ опредѣляли на работы въ Тюмени.

Съ начала XVIII столѣтія ссылка начинаетъ пріобрѣтать еще-больше значенія и постепенно распространяется на такія преступленія, за которыя прежде назначались другія наказанія. Рядомъ съ этимъ въ XVIII вѣкѣ

*) См. Щаповъ, Земство и Расколъ, стр. 13.

являлись новыя ограниченія, новыя постановленія и законы, а затѣмъ и новыя наказанія ихъ нарушителямъ. Такъ введена ссылка въ Сибирь за побѣги солдатъ *) за членовредительство **), за нищенство ***), за бродяжество ****), въ случаѣ, если бродяга оказывался негоднымъ къ военной службѣ и не былъ принимаемъ никакимъ помѣщикомъ и ни въ чье общество. Въ 1733 году указомъ повелѣно ссылать въ Сибирь за подделку серебряныхъ вещей, съ наказаніемъ кнутомъ. Вторымъ указомъ предписывается лицъ священнослужительскаго и монашескаго чина за дурное поведеніе, ссоры, драки и пьянство—молодыхъ бить плетьми и отдавать въ солдаты, а неспособныхъ къ службѣ бить кнутомъ и, вырывая ноздри, ссылать въ Сибирь. Въ 1737 году изданъ новый указъ, которымъ велѣно тѣхъ, „кто зазнамо продастъ или купитъ положеннаго и неположеннаго въ окладъ чужого человѣка, также и крестьянина, или отдастъ такихъ въ рекруты, виновныхъ, кто будетъ годенъ, бить плетьми и посылать въ солдаты въ Оренбургъ, негодныхъ бить плетьми и посылать въ Охотскъ". Кромѣ того, съ виновныхъ въ пользу владѣльца взыскивался, вмѣсто сданнаго въ рекруты человѣка, лучшій крестьянинъ или дворовый человѣкъ, а съ неимѣющихъ движимаго имущества—100 руб. деньгами. Указами Елисаветы Петровны 1753—1754 гг. смертная казнь совершенно отмѣнена для всѣхъ преступниковъ, исключая политическихъ, и ссылка обняла всѣ роды преступленій, и казнь съ этого времени замѣнялась кнутомъ и вѣчною каторгою *****). Указъ 1763 года предписывалъ, сверхъ того, оговоренныхъ въ воровствѣ, разбоѣ и пристанодер-

*) П. С. З., т. 8, № 5611.

**) П. С. З., т. 8, № 5632.

***) П. С. З., т. 8, № 5441.

****) П. С. З., т. 9, № 6406.

*****) Полн. Собр. Зак., т. XIII, № 10,086.

жательствѣ, какъ неблагонадежныхъ, послѣ пытки, если не сознаются и не найдется поруки за нихъ, ссылать въ Сибирь на житье. Указомъ 1766 г. введена ссылка за корчемство. До 1767 года ссылка была распространена на несостоятельныхъ должниковъ и казенныхъ недоимщиковъ. Указомъ Павла I 1799 г. за воровство болѣе 20 рублей предписывается наказывать плетьми и годныхъ отдавать въ солдаты, а негодныхъ посылать въ Сибирь на поселеніе. Кромѣтого въ половинѣ прошлаго столѣтія мы видимъ особенное разширеніе ссылки административной, предоставляемой исполнительнымъ властямъ. Указомъ 1793 года предписано отсылать въ Сибирь мастеровыхъ и рабочихъ людей за пьянство, за игру въ карты и кости, на „коштъ фабрикантовъ, буде они посылаются по ихъ прошенію". Подобное-же постановленіе еще-ранѣе было издано для крѣпостныхъ. Указомъ 1755 года недобровольно возвращающихся бѣглецовъ изъ Польши и Литвы, изъ крѣпостныхъ крестьянъ, опредѣлено отсылать для укомплектованія полковъ, а неспособныхъ къ военной службѣ и старѣе 50-ти лѣтъ,— съ женами и дѣтьми въ Сибирь на поселеніе. Въ 1762 году лицамъ и учрежденіямъ, владѣющимъ крестьянами, дозволено представлять послѣднихъ, по своему усмотрѣнію, въ губернскую канцелярію для отправленія въ Сибирь, причомъ ссылаемый зачитался въ рекруты, а за его жену и дѣтей, отправляемыхъ вмѣстѣ съ нимъ, помѣщикъ вознаграждался опредѣленною платою *).

II.

XVIII вѣкъ представляетъ обильные матеріялы для изученія исторіи преступленій, которыя въ это время развились въ страшной степени, судя по указамъ и поста-

*) Указъ о ссылаемыхъ въ Камчатку фабричныхъ по просьбѣ господъ т. XIII, № 9643. О пріемѣ въ Сибирь на поселеніе людей отъ помѣщиковъ, дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ крестьянъ и проч. т. XV, № 1,113.

новленіямъ. Борьба старинной Руси съ реформой, начавшаяся въ концѣ XVII столѣтія, продолжалась, и хотя старыя формы жизни уже начали замѣняться новыми, но духъ реформъ далеко не клеился съ прежнею жизнью народа. Какъ ни худо было народу въ старой, московской Руси, но все-же въ то время лѣса были незаповѣдны, естественныя богатства предоставлялись на пользованіе всякому, торги и промыслы, по большей части, не были обложены налогомъ; самые подати, оклады и сборы не имѣли строгой организаціи,—люди, прикрѣпленные къ землѣ со временъ Бориса, и послѣ прикрѣпленія все еще могли бродить свободно по русской землѣ. Понятно, что новый порядокъ и государственная регламентація, послѣ распущенности XVII вѣка, вызвали негодованіе, оппозицію и борьбу народа, которая была подавляема сверху закономъ, съ помощью карательныхъ мѣръ, казней, наказаній. „Непривѣтлива и безотрадна была для большей части народа встрѣча новаго столѣтія,—пишетъ одинъ изъ русскихъ историковъ:—на площадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были слѣды крови народной. Ужасные стрѣлецкіе розыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытка, дыбы, костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ.... Повсюду, по городамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ кабакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже въ далекихъ темныхъ лѣсахъ—страшное, постыдное *слово и дѣло!* И все новыя и новыя жертвы преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи; безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней“... *). „Пытки и казни,—говоритъ другой историкъ, Карамзинъ,—служили средствами нашего славнаго преобразованія государственнаго“. Такимъ-образомъ самыя суровыя и жестокія наказанія шли объ руку съ реформами. Чтобы прикрѣпить народъ и уменьшить бро-

*) Земство и Расколъ, Щапова, стр. 63, 64.

дяжество, употребляется кнутъ и ссылка; за побѣгъ изъ арміи—каторга, за расколъ и бунтъ и распространеніе воззваній — смертная казнь, иногда замѣняемая тѣмъ, что обвиняемаго клали на плаху и затѣмъ ссылали въ Сибирь. За сопротивленіе брадобритію, за старую вѣру лишали права на подряды, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣнки преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ и Сибирь. Учреждаемая опека надъ лѣсами и стремленіе сохранить ихъ для будущаго флота навлекали самыя-страшныя наказанія. За порубку дуба, — даже одного дерева, — и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревьевъ назначалась смертная казнь. Осталось преданіе, что въ лѣсахъ для устрашенія были поставлены висѣлицы. Такія суровыя мѣры, иногда идущія въ разрѣзъ съ жизненными хозяйственными потребностями народа, вызывали съ его стороны постоянныя нарушенія ихъ, а нарушеніе влекло за собою казни и ссылку. Привыкши въ старое время пользоваться всѣмъ даромъ, народъ не могъ свыкнуться съ необходимостью ограничить себя въ пользованіи лѣсомъ, солью и т. п., по его мнѣнію, никому непринадлежащими предметами, и естественно по недоразумѣнію становился виновнымъ въ нарушеніи законовъ. Время Петра и начало XVIII столѣтія ознаменовалось многочисленными ссылками; втеченіе всего XVIII вѣка онѣ не уменьшались, но еще постоянно усиливались. Карательныя мѣры и казни не только не могли подавить бунтовъ и преступленій, но возбуждали ихъ. Раскольники съ Петра I были обложены двойнымъ окладомъ и подвергались всевозможнымъ угнетеніямъ въ занятіяхъ, промыслахъ и подрядахъ. Поэтому оппозиція раскола съ каждымъ днемъ усиливалась; пропаганда, съ мученическимъ вѣнцомъ тайныхъ учителей, охватываетъ всю Россію. „Напрасно страждемъ, — говорили раскольники, — за древнее благочестіе гоненіе терпимъ и казни пріемлемъ, понеже не хотяще послушать нашего оправданія и до-

водъ, которое имамы отъ божественнаго писанія, осуждаютъ насъ въ ссылки, въ узы, въ темницы, на смерть". Усиленіе раскола въ то-же время ознаменовалось дробленіемъ сектъ. Ссылка не удерживала ихъ: въ Сибири ихъ было такъ много, что Петръ I въ 1722 году велѣлъ ссылать ихъ въ Рогервикъ *).

Увеличеніе налоговъ и повинностей, ограниченіе въ пользованіи угодьями отражалось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на благосостояніи народа. Ограниченіе пользованія лѣсами и угодьями повело за собою паденіе промысловъ и крестьянскихъ хозяйствъ **). Рекрутскіе наборы, во время войнъ Петра I, Елизаветы и Екатерины II, ложились на крестьянъ самымъ тяжкимъ бременемъ ***). Усиленіе податей и налоговъ, жестокое взыскиваніе ихъ при помощи тѣлесныхъ наказаній и пытокъ, какъ было при Биронѣ,—приводили народъ къ совершенному разоренію ****). Рядомъ съ этимъ шло взяточничество и грабежъ приказныхъ; лихоимство стало явленіемъ присущимъ суду и управленію. „Сердце мое надрывается отъ этихъ слуховъ", говоритъ Екатерина II въ своемъ указѣ 1762 г. На то-же зло жаловалась еще и Елизавета при своемъ вступленіи на престолъ. Всѣ эти невзгоды, при существованіи крѣпостного права, приписки крестьянъ къ заводамъ, доводя крестьянъ до

*) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сенат. Синоду; Соловьевъ, т. XVIII, ст. 212.

**) „Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ народа повсюду заповѣдана быши», говоритъ Докукинъ по поводу лѣсныхъ законовъ Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ установляется отдача рыбныхъ ловель на откупъ, казенная продажа соли по двойной цѣнѣ, введеніе казенной монополіи въ продажѣ табаку, водки; налогъ на гроба, на бороды и пр. Соловьевъ, т. XVI.

***) Положеніе рекрутъ и ихъ дурное содержаніе, Соловьевъ, ст. 202—205, т. XVI.

****) При Петрѣ доходы казны возвысились съ 3 на 10 милл. рублей. Позднѣе недоимки простирались до нѣсколькихъ милліоновъ. При Биронѣ посылались для сбора особые офицеры; воеводъ и сборщиковъ, какъ и недоимщиковъ, держали въ цѣпяхъ и тюрьмахъ и били палками. Русс. Арх., годъ 4-й. 1866 г., стр. 363.

крайняго нищенства и бѣдности,—вызывали бѣгства, разбои и преступленія. „Крестьяне, оставя свои домы, отъ неправды бѣгутъ", пишетъ Посошковъ. Бѣгство крестьянъ въ XVIII столѣтія все усиливалось: они начали уходить въ Польшу, въ Башкирію, въ Запорожье. По словамъ Меньшикова, „такъ мы нашими крестьянами не только доволъствовали Польшу, но и собственныхъ своихъ злодѣевъ". Количество бѣглыхъ было такъ велико, что въ 1707 г. полковникъ Долгорукій отыскалъ на Дону до 3,000 скитальцевъ. Разореніе и обѣдненіе крестьянъ, рядомъ съ бѣгствомъ, вело къ воровству, разбоямъ и убійствамъ. Разбои XVIII вѣка чуть-ли не превосходятъ XVII вѣкъ. Они проявляются въ 1707 году около Углича, Твери, въ Ярославлѣ; въ 1710 году на грабежи и убійства жалуются клинскіе, волоцкіе и можайскіе жители: это были разбои бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и хорелы *). Въ Москвѣ въ 1749 г. грабежи поразительные: до 1000 человѣкъ фабричныхъ, разбѣжавшихся съ фабрикъ, неистовствовали въ городѣ. Къ этому присоединился Ванька Каинъ, сыщикъ и воръ въ то-же время, производившій свои похожденія съ шайками воровъ и съ ввѣренной ему для розысковъ командой **). При Екатеринѣ отличается, съ 1770—1782, понизовая вольница и бурлаки, выставляя одну за другою шайки разбойниковъ съ атаманами Ивановымъ, Юдинымъ, Кулагой, Заметаевымъ, Филипповымъ, Буковымъ и съ десятками другихъ; они распространяютъ опустошеніе по всему Поволжью, жгутъ и разоряютъ деревенскихъ жителей ***). Разбои и преступленія наконецъ переходятъ въ болѣе общія волненія. Бродячіе элементы крѣпостного народа наконецъ сплачиваются въ массы и огромными массами производятъ волненія: появляются самозванцы, какъ Крем-

---

*) Соловьевъ, т. XVI, стр. 16 и 17.

**) Ванька Каинъ, Восемнадцатый вѣкъ Бартенева, т. III, стр. 281—285.

***) Самозванцы и понизовая вольница, Мордовцева, т. III.

невъ, Богомоловъ и наконецъ Пугачовъ, и бунты потрясаютъ Россію до основанія; разбои и крестьянскія возстанія однако не прекращаются и послѣ Пугачова. XVIII вѣкъ такимъ-образомъ весь полонъ возстаніями и бунтами. Бунты при Петрѣ стрѣльцовъ и раскольниковъ, возстаніе въ Астрахани, булавинскій бунтъ на Дону въ 1708 году, бунтъ Некрасова, желѣзинскій бунтъ въ 1768 году, волненіе Запорожья въ 1775 году, московскій бунтъ во время чумы 1768 года, бунтъ яицкихъ казаковъ въ 1771 году, бунтъ монастырскихъ крестьянъ въ 1713 году, волненія крестьянъ при Екатеринѣ, предшествовавшія пугачовщинѣ, Пугачовъ и самозванцы съ 1770—1782 г., волненіе крестьянъ при Павлѣ въ 1797 г.... такова была мрачная сторона XVIII вѣка. Мы видимъ, что эти бунты имѣютъ связь съ исторіей преступленій и вызываются одинаковыми причинами. Народный протестъ, вслѣдствіе тяжкаго положенія народа, то проявляется общей оппозиціей и сплачивается въ широкія поголовныя возстанія, то дробится въ мелкія и частныя преступленія, проявляющіяся бѣгствами, разбоями и воровствами; открытая война переходитъ въ тайную, общія возстанія—въ частныя нарушенія порядка, но никогда не прекращаются.

Но что-же предпринимали для прекращенія этихъ печальныхъ явленій, для ослабленія постояннаго развитія преступленій въ XVIII столѣтіи? Единственными мѣрами тогда являлись пытки, казни, кнутъ и ссылка. Для государственныхъ преступленій и для розысканія крамолы съ Петра I-го учреждена была тайная розыскная канцелярія, существовавшая до Петра III-го, т. е. до 1762 г. Рядомъ съ нею дѣйствовалъ преображенскій приказъ, уничтоженный въ 1729 году, но черезъ годъ снова возстановленный. Въ этотъ приказъ доносы принимались отовсюду. „Слово и дѣло“ раздавалось по всей Россіи, и виновныхъ, по одному оговору, отправляли въ тайную канцелярію для розыска. Здѣсь ожидали ихъ ды-

бы, колеса, щипцы, кнуты, встряски и пытаніе бревномъ. Таково тогда было слѣдствіе. Ни одна передача пустого слуха, ни одно смѣлое слово, иногда сорвавшееся у пьянаго съ языка, не проходили даромъ и влекли за собою доносъ и пытку. Жизнь была страшна и небезопасна въ подобномъ обществѣ. Не смотря на свою подозрительность, эти тайныя канцеляріи, по мнѣнію всѣхъ историковъ, не приносили никакой пользы: онѣ только расплодили доносчиковъ и помогали послѣднимъ устраивать ихъ личныя дѣла; питавшіе злобу къ комулибо всегда имѣли случай отомстить своимъ врагамъ доносомъ. И тысячи невинныхъ жертвъ погибали, а дѣйствительныя преступленія совершались безнаказанно. Тайныя канцеляріи ознаменовали свою дѣятельность страшными наказаніями и ссылками. „При Аннѣ,—говоритъ Соловьевъ,—чрезъ эту канцелярію прошолъ цѣлый рядъ священниковъ, забывшихъ отслужить молебны и обѣдни въ царскіе дни; всѣ они были биты кнутомъ и отправлены въ Сибирь". Преступленія междутѣмъ увеличивались и оказывалось уже мало одной тайной канцеляріи для розысковъ преступниковъ: вслѣдствіе увеличенія разбоевъ принуждены были въ 1730 году возстановить въ Москвѣ сыскной приказъ, уничтоженный въ 1701 году, которому поручено вѣдать воровскія, разбойничьи и убійственныя дѣла. О дѣятельности сыскного приказа можно судить по числу колодниковъ, перебывавшихъ въ немъ. Съ августа 1730 года по 1 января 1731 года пытано было 425, умерло 11, казнено 11, послано въ Сибирь и Тару 57, отослано въ команды 44 человѣка; втеченіе 1731 года пытано 1,151 человѣкъ, казнено 47, умерло 58, послано въ Сибирь 54, на поселеніе въ Тару 101, въ ссылку въ Охотскъ 155, въ команды 213 человѣкъ *). Но ссылки того времени мало устрашали воровъ и разбойниковъ, которые только озлоблялись и

---

* Восемнадцат. вѣкъ. кн. III, ст. 302—303.

мстили доносителямъ. Плохо организованное препровожденіе арестантовъ способствовало бѣгству преступниковъ. „Бѣглые ссыльные,—говоритъ по этому поводу сенатъ,—возвращались на прежнія свои злодѣйства съ вящшимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ; кто на нихъ показывалъ, такихъ тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и раззоряли до основанія“. Въ самой системѣ наказаній мы видимъ даже попытки къ реакціи: такъ иногда вводились болѣе суровыя мѣры, чѣмъ ссылка и кнутъ, возвращались къ казнямъ. За способствованіе бѣглымъ къ переходу границы при Петрѣ назначена была смертная казнь и учинена была публикація по этому поводу по губерніямъ для устрашенія. Въ виду разоренія, порождаемаго воровствами, разбоями и убійствами, дворянскіе депутаты, при Екатеринѣ II, ходатайствуютъ объ изданіи „строжайшихъ законовъ“, о возстановленіи смертной казни и объ усиленіи пытокъ, уже ограниченныхъ Екатериною *). При усиливающемся крѣпостномъ правѣ, въ половинѣ XVIII вѣка помѣщики успѣли выхлопотать неограниченное распоряженіе судьбою крестьянъ и особенно право суда и ссылки. При Екатеринѣ II помѣщикамъ предоставлено право отсылать крестьянъ *„за продерзость“* въ иркутскую провинцію, причемъ за каждаго сосланнаго правительство выдавало зачетныя рекрутскія квитанціи и деньгами 20 руб. за холостого и 15 р. за женатаго **). Такое право для однихъ помѣщиковъ представляло выгодную спекуляцію, для другихъ—предлогъ необузданно выражать свою власть, и крестьяне тысячами шли, якобы *„за продерзость“*, колонизовать сибирскій край, гдѣ ихъ ожидали страшная дороговизна и нужда. Черезъ нѣсколько времени права помѣщиковъ въ дѣлѣ ссылки еще-болѣе усилились: они уже могли

*) Сбор. Русск. Истор. Общест., т. IV, ст. 377 и др.

**) Пол. Соб. Зак., т. XVII, 12,319.

отдавать своихъ крестьянъ въ каторжныя работы на время, и такихъ продовольствовала и ссылала адмиралтейская коллегія. Крестьяне и дворовые не смѣли жаловаться на владѣльца, что-бы онъ ни дѣлалъ съ ними; ни одинъ чиновникъ не смѣлъ писать имъ жалобъ и прошеній. Это у нихъ отнимало всякую возможность защищаться передъ закономъ и они шли покорно копать руду въ Нерчинскъ. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ день-ото-дня становилось междутѣмъ отчаяннѣе: ихъ эксплуатировали и разоряли всѣми средствами. Вотъ какъ объяснялъ напримѣръ бѣгства крестьянъ отъ помѣщиковъ графъ Петръ Панинъ, при началѣ царствованія Екатерины II. „Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности (проявляется) въ сборахъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ способности человѣческой *). Для поддержанія своихъ роскошныхъ затѣй помѣщики обременяли крестьянъ оброкомъ и барщиной. Они проигрывали крестьянъ въ карты, продавали ихъ даже въ одиночку, въ противность указу Петра, переселяли и ссылали въ Сибирь, чтобы получать выдаваемыя за нихъ казною деньги. Крестьяне совершенно не знали, кому ихъ продаютъ. что съ ними дѣлаютъ и за что ссылаютъ въ Сибирь, и приэтомъ не смѣлъ раздаваться ни одинъ голосъ, ни одна жалоба, ни одинъ вопль. Дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Лопухина какъ-то добились подать просьбу государынѣ на своихъ господъ, но правительство жестоко наказало ихъ за это: однихъ сѣкли на площадяхъ въ Москвѣ, другихъ въ селахъ, на родинѣ, и погнали въ Сибирь, въ Нерчинскъ. Вышелъ указъ: за челобитья,

*) Восемнад. вѣкъ, Бартеневъ, О бѣг. лифлянд. крест., т. III. ст. 193.

за первое „дерзновеніе“ виновныхъ отсылать въ каторгу на мѣсяцъ, за второе—наказывать публично и въ каторгу на одинъ годъ, въ третій разъ сѣчь плетьми и въ Нерчинскъ, съ выдачею помѣщику рекрутской квитанціи. Иго крѣпостного права, развившееся въ столь страшной формѣ, естественно влекло за собою не только бѣгства, преступленія, но и открытые бунты. Во все XVIII столѣтіе между крестьянами идутъ смутные толки о волѣ; безпрестанно распространялись слухи о томъ, что подписанъ указъ объ освобожденіи: досужіе люди сочиняли такіе указы,—крестьяне собирались тысячами и волновались. Такъ въ 1765 году, по поводу слуховъ о волѣ, въ вяземскомъ уѣздѣ, въ имѣніи князей Долгорукихъ собралось до 2,000 крестьянъ, противъ которыхъ была послана военная команда и убито до 20 человѣкъ. Усмиреніе кончилось ссылками. Сочинителей указовъ и распространителей слуховъ били кнутомъ и ссылали въ Нерчинскъ; но это было только предвѣстіе пугачовщины. Скоро недовольное казачество, громадныя шайки бѣглыхъ и „голытвенныхъ“, крѣпостные крестьяне и раскольники соединились между собою—и пожаръ открытаго возстанія надолго охватилъ Россію. Только голодъ, говорятъ историки, смирилъ эту бурю народную. Усмиреніе повлекло новыя жертвы: настали казни и ссылки—ссылки гуртовыя, ссылки страшныя; кнутъ, пытка и огонь не переставали выжигать крамолу и подавлять народное сопротивленіе. Помѣщики мстили крестьянамъ за неповиновеніе; военные суды производили разбирательство надъ зачинщиками бунта; экзекуціи военныхъ командъ чинили расправу надъ сотнями и тысячами людей по городамъ, селамъ, деревнямъ и погостамъ Россіи. Кровь полилась ручьями по землѣ русской, и тысячи народу на сворахъ и канатахъ шли въ Сибирь и рудники. Это считалось единственнымъ средствомъ усмирить оппозицію и удержать броженіе; но бунты и преступленія, не смотря на жестокія

уменьшались: причины ихъ лежали глубоко въ общественномъ устройствѣ и въ бѣдствіяхъ народа. Въ XVIII вѣкѣ такимъ-образомъ ссылка достигаетъ огромныхъ размѣровъ: по показанію Манштейна, въ Сибирь втеченіе десяти лѣтъ сослано было до 20,000 однихъ дворянъ. При Елисаветѣ, съ уничтоженіемъ смертной казни, ссылка возросла до 80,000 человѣкъ во все царствованіе; при Екатеринѣ, конечно, число ссыльныхъ еще увеличилось: во время пугачовщины, когда Казань была сборнымъ пунктомъ, въ 1773 году накопилось здѣсь за два года до 5,000 ссыльныхъ и каторжныхъ, которые были обращены въ крѣпости и на новыя линіи.

Каковъ-же былъ характеръ ссылки въ Сибирь въ прошломъ столѣтіи? Ссылка, мы видимъ, всетаки остается добавочнымъ наказаніемъ къ кнуту и пыткамъ. При Петрѣ къ ней присоединяется обрядъ гражданской смерти: преступника клали на плаху, произносили *„смерть“*, а затѣмъ наказывали кнутомъ и ссылали въ Сибирь, лишая въ то-же время всѣхъ правъ, основанныхъ на связяхъ родства, рожденія и состоянія; вмѣсто рѣзанія ушей стали вырывать ноздри. Ссылка въ Сибирь съ женами и дѣтьми обязательно продолжаетъ существовать и въ XVIII столѣтіи. Хотя ссылка попрежнему носитъ карательный характеръ, но при Петрѣ I мы встрѣчаемъ уже ясныя стремленія утилизировать ее: на преступниковъ начинаютъ смотрѣть, какъ на даровую рабочую силу, и вотъ послѣдовалъ рядъ указовъ объ отправленіи преступниковъ въ Азовъ и въ Рогервикъ *). Точно-также послѣдовалъ въ 1722 г. указъ о ссылкѣ преступниковъ съ женами и дѣтьми на даурскіе серебряные рудники для опредѣленія на работы **). Такимъ-образомъ

*) Указъ о ссылкѣ колодниковъ въ Азовъ, а не въ Сибирь, Пол. Соб. Зак., т. IV, № 1451, 1957, 2031. О наказаніи бѣжавшихъ изъ-подъ Азова стрѣльцовъ ссылкою туда и вѣчными работами, т. III, № 1690, 1552; т. IV № 1933. О ссылкѣ въ Рогервикъ, П. С. З., т. VI, № 4041, № 4109; т. VII, № 4256.

**) Пол. Соб. Зак., т. VI, № 3,455.

начали ссылать сюда всѣхъ бывшихъ каторжныхъ преступниковъ, находившихся на работахъ въ Москвѣ, всѣхъ преступниковъ, подлежавшихъ вѣчной ссылкѣ, и раскольниковъ *). Ссылка въ крѣпости для работы подтверждена указами въ царствованіе Анны **). При Елизаветѣ Петровнѣ, кромѣ Азова и Рогервика, стали ссылать преступниковъ на работы въ оренбургскій край для постройки орской крѣпости, въ Новороссію для укрѣпленія днѣпровской линіи, въ Кронштадтъ, Ригу, Колу и въ астраханскую губернію. Впослѣдствіи къ мѣстамъ ссылки для работъ присоединены екатеринбургскіе золотые пріиски и иркутская тельминская фабрика ***), въ которую приказано отправлять преимущественно женщинъ. Ссылка на работы въ XVIII столѣтіи считалась такимъ-образомъ тожественной съ каторжными и галерными работами. Но такой взглядъ на ссылку былъ, по меньшей мѣрѣ, крайне несправедливъ и жестокъ: ссылка назначалась по большей части за самыя-маловажныя вины,— за брадобритіе, за мелкое воровство, за частные долги, за недоимки. Въ прежнее время такихъ преступниковъ ссылали „на пашню", теперь же ихъ стали отсылать прямо въ каторжныя работы. Хотя за нѣкоторыя преступленія впослѣдствіи и отмѣнена ссылка, какъ-напримѣръ за долги въ 1767 году, а въ 1781 году ограничена за воровство, но всетаки примѣнять самыя-суровыя каторжныя работы ко всѣмъ родамъ преступленій было жестоко. Утилитаризація преступниковъ привела къ другой крайности: она уничтожила личность человѣка, соразмѣрность и законность самаго наказанія. Поэтому потребовалось учрежденіе какой-либо классификаціи по важ-

*) Пол. Соб. Зак., т. VII, № 5,383; т. IX №№ 6,830 и 6,867; т. IX № 6,835.

**) Пол. Соб. Зак., т. IX № 6,869— № 6,890.

***) Объ отсылкѣ преступниковъ попрежнему въ Сибирь и Оренбургъ. Пол. Соб. Зак., XX № 14,286; XXV № 18.437; XXV 12,409 и др.

ности преступленія, и вотъ именнымъ указомъ 1797 года была сдѣлана къ этому первая попытка. Преступники раздѣлялись на категоріи: 1) уголовныхъ преступниковъ,—смертоубійцъ, оскорбителей величества, возмутителей народа и пристанодержателей,—велѣно попрежнему посылать въ каторжныя работы; 2) преступниковъ, приговоренныхъ на поселеніе,—назначать на работы въ тельминскую фабрику; 3) осужденныхъ къ тѣлесному наказанію и безъ онаго, за долги и другія преступленія, навсегда или временно, въ смирительные дома и другія казенныя работы—отправлять къ крѣпостнымъ строеніямъ, куда кто способенъ. Но вводя эту классификацію преступленій, законъ попрежнему имѣлъ въ виду извлеченіе наибольшей пользы изъ ссылаемыхъ преступниковъ для казенныхъ работъ, тѣмъ болѣе, что въ 1798 году ссылка на иркутскую тельминскую фабрику была отмѣнена для преступниковъ 2 категоріи и замѣнена *или отсылкою на екатеринбургскіе золотые пріиски, или въ Сибирь на поселеніе;* здѣсь опять смѣшивались два вида ссылки—на поселеніе и на каторгу. Въ 1811 году новгородскій, тверской и ярославскій генералъ-губернаторъ, принцъ Ольденбургскій, вошолъ съ представленіемъ о необходимости болѣе-точной классификаціи преступленій и болѣе соразмѣрныхъ съ преступленіями наказаній. Пересмотръ существующихъ постановленій привелъ къ новому раздѣленію преступниковъ *на важныхъ*, наказываемыхъ каторгою, *среднихъ*, отправляемыхъ на поселеніе, и *маловажныхъ* подлежащихъ полицейскимъ наказаніямъ; но это постановленіе по своей неопредѣленности приводило къ вѣчнымъ затрудненіямъ на практикѣ. Суды постоянно встрѣчали неясности въ законоположеніяхъ и относили одно и то-же преступленіе къ различнымъ степенямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существовала административная ссылка, назначеніе которой нисколько не зависѣло отъ принадлежности лица, на которое выпадала кара, къ тому или другому разряду преступниковъ.

Отсюда понятна та неопредѣленность правилъ для ссылки, которая существовала во все прошлое столѣтіе и въ началѣ нынѣшняго. При своей неопредѣленности и произвольности назначенія, ссылка въ то время не имѣла другихъ цѣлей, кромѣ каранія и извлеченія возможной пользы изъ ссыльнаго, какъ рабочей силы; колонизаціонное же ея значеніе было очень слабо: при ссылкѣ въ Сибирь въ XVIII столѣтіи постоянно встрѣчаются оговорки „способныхъ отдавать въ солдаты, а неспособныхъ и негодныхъ въ Сибирь" *), также въ ссылку назначать только преступниковъ старѣе 50-ти лѣтъ **). Назначеніе въ ссылку неспособныхъ и старыхъ всегда мѣшало колонизаціоннымъ цѣлямъ. Ссылка въ Сибирь въ прошлое столѣтіе тѣмъ менѣе носитъ характеръ исправительный: вмѣстѣ съ употребленіемъ преступника, какъ рабочей силы, въ пользу государственную, мы видимъ, что она попрежнему сохраняетъ строго-карательный характеръ: она сопровождается пыткою и кнутомъ для всѣхъ сословій и половъ: знатной придворной дамѣ Монсъ (Балкъ) при Петрѣ даютъ нѣсколько ударовъ кнутомъ и ссылаютъ въ Сибирь; при Аннѣ и Биронѣ ссылаемымъ вельможамъ рвутъ языки; процессъ Волынскаго полонъ пытокъ кнутомъ ***). Дворяне наказывались кнутомъ и вырываніемъ ноздрей, какъ и остальныя сословія; лица священнослужительскія также не были изъяты отъ этихъ наказаній и, по указу Петра, за ссоры и драки ихъ били плетьми, рвали ноздри и ссылали. Екатерина уничтожила тѣлесное наказаніе для дворянъ, но при Павлѣ,

---

*) Указъ сената 1733 г.: годныхъ въ солдаты, а *негодныхъ* кнутомъ и въ Сибирь. За бродяжество, *негодныхъ* въ службу—въ Сибирь. Пол. Соб. Зак., IX, № 6,400, за воровство-кражу, болѣе 20 рублей, въ солдаты, а негодныхъ въ Сибирь. Указъ Павла 1799 года.

**) Указъ 1755 г. мая 11 относительно бѣглецовъ изъ Литвы и Польши изъ помѣщичьихъ крестьянъ.

***) См. царствованіе Анны Іоановны, «Русс. Арх.» т. IV, с. 1,367—1,374.

въ 1797 г., повелѣно было снова наказывать тѣлесно какъ дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, такъ священниковъ и дьяконовъ, потому-что „какъ-скоро снято дворянство, то и привелегія до него не касается“, говорится въ этомъ указѣ. Тѣлесное наказаніе употреблялось даже для малолѣтнихъ: въ актахъ томскаго алексѣевскаго монастыря есть любопытный документъ 1734 года о сосланной навѣчно въ работу въ томскій женскій монастырь изъ тайной московской конторы падчерицы драгуна Стародубцева. Въ указѣ о ней сказано: этой дѣвочкѣ, за нѣкоторую вину ея, „предварительно, какъ видно, *по малолѣтству учинено наказаніе лешьми*“ *). Но кромѣ тѣлеснаго наказанія въ прошломъ столѣтіи ссылаемому приходилось выдерживать пытки и допросы „съ пристрастіемъ плетей и батожьевъ“. Обезсиленныхъ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, дыбами, встрясками, битьемъ кнутомъ, съ рваными ноздрями, отягчонныхъ цѣпями, на канатахъ, ссыльныхъ, подъ ударами плетей, гнали пѣшкомъ черезъ громадныя пространства, везли на дырявыхъ стругахъ по сибирскимъ рѣкамъ. Сибирскихъ арестантовъ водили на пытки въ Иркутскъ—за 900 верстъ изъ Нерчинска, за 3,000 верстъ изъ Якутска и за 5,000 верстъ изъ Охотска; многимъ приходилось идти около года, одни не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода, другіе бѣжали съ дороги **). При такихъ условіяхъ ссылка являлась самою жестокою карою. Во все это время устрашеніе служитъ главною цѣлью наказанія; оно служитъ средствомъ проведенія всѣхъ правительственныхъ мѣръ; со времени Петра имъ хотятъ уничтожить народную оппозицію. При помощи устрашенія и казнями Петръ I вынужденъ былъ осуществлять свои реформы; ими онъ пріучаетъ народъ

*) Мат. для Ист. Сиб., собр. Г. Н. Потанинымъ; Указъ Архіер. Кан., ст. 286.

**) Пол. Соб. Зак., т. XVII, 12.345.

къ правильной уплатѣ податей, принуждаетъ чиновниковъ къ исправности, дворянъ къ военной службѣ и обязательному образованію. Средства устрашенія служатъ даже при промышленныхъ нововведеніяхъ, какъ-напримѣръ угроза каторгою за нерачительное выдѣлываніе юфти. „*Галерная работа*“ въ случаѣ неисполненія — вотъ мотивъ тогдашнихъ указовъ и единственная гарантія исполнительности. Тотъ-же мотивъ устрашенія является въ казняхъ временщиковъ и вельможъ во время придворныхъ интригъ, съ Екатерины I до Елисаветы включительно. Господствующая партія мститъ падшей и угрожаетъ другимъ, возвышающимся. Правительственныя распоряженія и внутренній порядокъ Петра даже въ царствованіе Екатерины II поддерживаются попрежнему страхомъ наказанія. „Шишковскій, оберъ-секретарь при тайной экспедиціи при Екатеринѣ II, былъ однимъ изъ орудій той системы устрашенія по дѣламъ внутреннимъ,—говоритъ одинъ изслѣдователь русской старины,—къ которой изрѣдка должна была прибѣгать и Екатерина и которая господствовала у насъ втеченіе большей половины XVIII вѣка. Этотъ Шишковскій самъ наказывалъ многихъ знатныхъ преступниковъ, и даже многія дамы бывали въ рукахъ его. Либеральные писатели вѣка Екатерины были на допросахъ этого инквизитора. „Что, Степанъ Ивановичъ, каково *кнутобойничаетъ?*“ спрашивалъ обыкновенно Потемкинъ, встрѣчая Шишковскаго.—„Понемножку, ваша свѣтлость“, отвѣчалъ бывало Шишковскій. Кнутобойничанье было естественнымъ и постояннымъ явленіемъ прошлаго столѣтія. Ссылка, какъ и другія наказанія, имѣла въ виду страхъ и жестокость. Все это было въ нравахъ того грубаго времени. Жестокость и усмиреніе личности силою было наслѣдіемъ древнихъ вѣковъ, завоевательнаго насилія,—предразсудкомъ, вынесеннымъ изъ періода физической борьбы, примѣненнымъ изъ внѣшнихъ, международныхъ отношеній къ внутреннему гражданскому порядку. Далеко позд-

нѣе всѣ власти и партіи одинаково пользовались *страхомъ*, чтобы двигать массами и обезпечивать себѣ временное спокойствіе. Мнѣніе, что страхомъ можно что-нибудь сдѣлать съ человѣчествомъ, остается, къ сожалѣнію, несчастнымъ предразсудкомъ многихъ людей до послѣдняго времени.

III.

Ссылка до XIX столѣтія подвергалась многимъ случайностямъ. Для нея не существуетъ ни опредѣленныхъ правилъ, ни точныхъ законодательныхъ узаконеній: всѣ роды ея, какъ каторжная работа въ крѣпостяхъ, работа на фабрикахъ и заводахъ, такъ и ссылка на свободное поселеніе въ Сибирь, совершенно смѣшиваются. Правительство силилось съ помощью ея не только избавиться навсегда отъ дурныхъ элементовъ, но и отчасти употребить съ нѣкоторою пользою силы преступника. Всякое—и большое, и малое—преступленіе давало свой контингентъ ссыльныхъ, и ихъ число до того увеличилось, что бродягъ, воровъ и людей дурного поведенія, вмѣсто кнута, стали зачислять—однихъ въ солдаты, а другихъ въ крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалась и нѣкоторая соразмѣрность наказанія, которая уже указывалась постановленіемъ 1799 г. При такихъ условіяхъ отъ ссылки въ XIX столѣтіи можно было-бы ожидать нѣкоторой опредѣленности и уменьшенія примѣненія ея къ самымъ незначительнымъ преступникамъ. Дѣйствительно, чтобы опредѣлить соразмѣрность наказанія съ преступленіемъ, въ 1811 году, какъ мы уже видѣли, издается указъ, по которому преступленія дѣлятся на три категоріи: на важныя, среднія и маловажныя. Къ первымъ относится убійство, разбой, возмущеніе и лихоимство, за что полагается каторга; ко вторымъ—кража свыше 100 р. с., неоднократное воровство, пристанодержательство и бродяжничество, за что присуждается по-

селеніе; къ третьей категоріи относятся маловажныя кражи, мошенничество, непослушаніе, за что установлены полицейскія наказанія. Уставъ 1822 г. о ссыльныхъ формулируетъ еще-болѣе постепенности и предполагаетъ ссылку только по суду, въ крайнемъ случаѣ. Но не смотря на эти стремленія, судьба русской ссылки подвергается совершенно противуположной участи. Уже съ начала XIX столѣтія мы видимъ необыкновенное увеличеніе числа ссыльныхъ. Въ то время, когда съ 1807 по 1812 годъ оно равнялось 2,035 человѣкъ въ годъ, въ 1817 году цифра эта поднимается до 3,138, въ 1823 году вдругъ до 6,667, а съ 1824 по 1828 годъ среднимъ числомъ по 11,116 ежегодно. Такимъ-образомъ ссылка втеченіе 12 лѣтъ *упятерилась*. Чѣмъ-же можно объяснить подобное явленіе? Единственно развитіемъ ссылки административной—(негодныхъ къ военной службѣ дурного поведенія мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ стали ссылать въ Сибирь),—а также изданіемъ двухъ указовъ, имѣвшихъ важное значеніе на увеличеніе числа ссылаемыхъ въ Сибирь. Указы эти объяснялись неудовлетворительною системою прежнихъ наказаній и *введеніемъ ссылки для новаго числа лицъ*. Примѣненіе ихъ и повліяло такъ сильно на возрастаніе числа ссыльныхъ съ 1824 года. Въ XVIII столѣтіи мы видимъ, что важные преступники ссылаются въ каторгу, но относительно маловажныхъ законъ не руководствуется никакими правилами: подобныхъ преступниковъ большею частію отдаютъ въ военную службу и наполняютъ ими крѣпости, а въ Сибирь ссылаютъ только излишекъ; наконецъ всѣ крѣпости до такой степени наполнились арестантами, что уже негдѣ было размѣщать ихъ. Съ другой стороны, установившееся въ царствованіе Петра правило наполнять армію ворами и бродягами сильно вредило нравственности военнаго сословія и сдѣлало побѣги совершенно нормальнымъ явленіемъ. Въ виду этого правительство указомъ 1821 года повелѣло всѣхъ маловажныхъ преступниковъ

и бродягъ, замѣщаемыхъ прежде на работы по крѣпостямъ, обращать впредь въ Сибирь *). На другой-же годъ послѣ этого указа цифра ссыльныхъ поднялась съ 3 на 6 тысячъ. Затѣмъ указомъ 1823 г. запрещено обращать въ военную службу маловажныхъ преступниковъ и велѣно отправлять ихъ въ Сибирь **). Вслѣдствіе этого указа черезъ Сибирь прошло въ 1824 году до 12,000 ссыльныхъ, — число, до котораго далеко не достигаетъ даже нынѣшняя ссылка. Значительное распространеніе ссылки на маловажныхъ преступниковъ въ это время было вызвано отсутствіемъ тюремныхъ помѣщеній и экономическими разсчотами, а не какими-либо соображеніями о полезности такого наказанія. Такимъ-образомъ всѣ предыдущія постановленія правительства о соразмѣрности наказанія и уменьшеніи ссылки совершенно парализовались этою административною мѣрою, которая прямо противорѣчила указу 1822 года, имѣющему цѣлью опредѣлить точно мѣру наказанія. Черезъ два года послѣ изданія этого указа ссылка распространилась на такое громадное число лицъ, большая часть которыхъ за свои проступки могла подвергнуться только обыкновеннымъ полицейскимъ взысканіямъ, что законъ принужденъ былъ снова ограничить ее до нѣкоторой степени, обративъ преимущественное вниманіе на точное опредѣленіе преступности бродяжества: послѣдовало ограниченіе числа лицъ, ссылаемыхъ за безпаспортность; отмѣнена ссылка увѣчныхъ и разрѣшено помѣщикамъ водворять на мѣстѣ жительства ихъ крѣпостныхъ изъ бродягъ, возвращая ихъ даже съ пути слѣдованія въ Сибирь; разрѣшено принимать въ военную службу тѣхъ-же бродягъ и маловажныхъ преступниковъ, которые не наказаны рукою палача. Съ принятіемъ этой мѣры начинается нѣкоторое уменьшеніе прилива ссыльныхъ сравнительно съ прежними

*) Пол. Соб. Зак., т. XXXVIII, 28,655.

**) Пол. Соб. Зак., т. XXXVIII, 29,328.

годами. Въ то-же время для преступниковъ маловажныхъ вводятся въ губернскихъ городахъ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства и сюда зачисляютъ бродягъ и маловажныхъ преступниковъ. Для бродягъ нѣкоторыхъ областей назначается ссылка на Кавказъ. Вслѣдствіе побѣговъ изъ Сибири магометанъ, всѣхъ тяжкихъ преступниковъ изъ восточныхъ губерній магометанскаго исповѣданія начинаютъ ссылать въ финляндскія крѣпости. Все это, вмѣстѣ съ большей опредѣленностью закона относительно назначенія ссылки, какъ наказанія, не могло не повліять на уменьшеніе числа ссыльныхъ, и съ 30-хъ годовъ по 1846 г. эта цифра колеблется между 6,000 и 8,000 ежегодно, лишь въ 1836 г. доходя до 9,700 *). Съ учрежденіемъ арестантскихъ ротъ какъ-будто устанавливается уже прочная система наказаній: тюрьма — для маловажныхъ преступленій, арестантскія роты и рабочіе дома—для преступниковъ, приговариваемыхъ къ значительнымъ срокамъ заключенія, т. е. болѣе двухъ лѣтъ, и ссылка на поселеніе и каторгу по суду, какъ мѣра уголовная, только въ случаѣ совершенной неисправимости преступника. Однако и этой системѣ не суждено было долго удержаться. Еще въ самое первое время ея примѣненія оказалось, что нѣтъ достаточнаго числа тюремъ, а число преступниковъ такъ велико, что не вмѣщалось въ арестантскія роты. Поэтому пришлось снова прибѣгнуть къ частому назначенію *административной ссылки* маловажнымъ преступникамъ и къ замѣнѣ однихъ наказаній другими. Административная ссылка снова получаетъ перевѣсъ, и значеніе ея становится преобладающимъ до послѣдняго времени. Вотъ что сообщаетъ о ней г. Анучинъ въ своемъ изслѣдованіи. Въ 20 лѣтъ, съ 1827—1846 годъ, прошло въ Сибирь преступниковъ 195,755 человѣкъ **); въ этомъ числѣ

*) Анучинъ. Мат. для уголов. стат., ст. 26.

**) Анучинъ. Мат. для уголов. стат., часть I.

на 79,846 сосланныхъ по суду за уголовныя преступленія приходится 79,909 сосланныхъ административно, безъ всякаго суда, за слѣдующія преступленія: за бродяжество, за дурное поведеніе по распоряженію мѣстнаго начальства, за дурное поведеніе *по волѣ помѣщика*, и бѣжавшіе изъ Сибири каторжные. Относительно бродягъ матеріалы Анучина сообщаютъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. „Слово *бродяга*,—говоритъ онъ,—у насъ понималось чрезвычайно различно и недовольно ясно опредѣлено было въ законахъ; поэтому, какъ видно изъ донесенія калужскаго губернатора, считали за бродягъ и ссылали въ Сибирь безъ дальнѣйшихъ справокъ даже приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній по своимъ дѣламъ или для испрашиванія милостыни, такъ-какъ указомъ 23 февраля 1823 повелѣно было всѣхъ, непредъявляющихъ паспортовъ, не наводя о нихъ никакихъ справокъ, отсылать прямо въ Сибирь. На этомъ основаніи ссылали всѣхъ странствующихъ нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, нѣмыхъ и другихъ убогихъ“ *). Относительно 2-й категоріи ссылаемыхъ за дурное поведеніе мы находимъ объясненіе, что цифры этой ссылки далеко не могли служить оцѣнкой безнравственности въ русскомъ народѣ, какъ и признакомъ ухудшенія нравственности по годамъ и періодамъ. Ссылка эта, по словамъ Анучина, была результатомъ расширенія полицейскихъ правъ городскихъ и сельскихъ обществъ надъ ихъ членами, различныхъ учрежденій надъ подвѣдомственными имъ лицами и всего болѣе—помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми. Цифра эта подвергалась совершенно-произвольнымъ колебаніямъ. За дурное поведеніе, по распоряженію мѣстнаго начальства, съ 1826—36 годъ сослано 2,546 человѣкъ, а съ 1837—46 г.—3,583. Цифра ссылокъ *по волѣ помѣщиковъ* подлежала еще большимъ измѣненіямъ: съ 1831—36 г. она равняется 882 человѣкамъ, съ 1837—

---

* Анучинъ. Мат. для уголов. стат., ч. I, ст. 28.

41 г. достигаетъ 1,980 человѣкъ и съ 1842 — 46 г.— 2,775 человѣкъ! — во второе десятилѣтіе болѣе, чѣмъ вдвое противъ перваго. Междутѣмъ крѣпостное населеніе втеченіе этого времени, судя по изслѣдованіямъ г. Тройницкаго, скорѣе уменьшилось, чѣмъ увеличилось. И въ то время, какъ правительство втеченіе 20 лѣтъ за дурное поведеніе сослало всего 6,129 человѣкъ, помѣщики отправили въ Сибирь 6,886 своихъ крѣпостныхъ, хотя подъ ихъ распоряженіемъ, конечно, находилась меньшая цифра населенія, чѣмъ въ распоряженіи правительства. Объ упадкѣ нравственности, разумѣется, тутъ не можетъ быть и рѣчи, когда по всѣмъ изслѣдованіямъ оказывается, что въ дѣлѣ преступленій владѣльческіе крестьяне отличались гораздо большею нравственностью, чѣмъ всѣ другія сословія.

Такимъ-образомъ мы видимъ, что первыя двѣ категоріи административной ссылки въ Сибирь были слишкомъ-тяжкимъ наказаніемъ, нисколько несоотвѣтствовавшимъ проступкамъ наказанныхъ; кромѣтого она часто обрушивалась на людей совершенно-невинныхъ. Административная ссылка была тѣмъ несоразмѣрнѣе, что ее несли исключительно низшіе классы народа. По исчисленіямъ г. Анучина за 20 лѣтъ, административно-сосланные изъ духовнаго званія составляютъ $^1/_9$, изъ мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ $^1/_7$, изъ владѣльческихъ крестьянъ $^1/_4$, а пропорція *дворовыхъ* равнялась болѣе 30, 75 %, т. е. почти $^1/_3$ всего числа административно-сосланныхъ. „Слѣдовательно, заключаетъ авторъ,—чѣмъ выше степень общественнаго положенія, тѣмъ менѣе была пропорція административно-сосланныхъ въ общемъ числѣ ссылаемыхъ въ Сибирь“. Составляя предметъ государственной необходимости, этотъ-родъ наказанія становился тѣмъ не менѣе слишкомъ тяжолою карою для народа.

Посмотримъ-же теперь, чѣмъ вызывались преступленія, давшія такое количество обвиненныхъ, что имъ не хватало мѣста ни въ острогахъ, ни въ арестантскихъ

ротахъ. Для рѣшенія этой задачи необходимо коснуться тогдашняго положенія русскаго общества съ его старыми, уже миновавшими, учрежденіями. Крѣпостное право, переданное первой половинѣ XIX вѣка, какъ наслѣдіе XVIII вѣка, ставившее жизнь крестьянина въ ненормальныя, тяжкія условія, порождало побѣги и преступленія. Обремененіе барщиной, непосильные оброки, личная зависимость, подчасъ жестокія расправы, перепродажа и многія другія тягости крѣпостного положенія были причиной многихъ спеціальныхъ преступленій, немыслимыхъ при другихъ условіяхъ быта: оттого-то пропорція ссылаемыхъ за дурное поведеніе, за побѣги, за поддѣлку документовъ и возмущеніе была значительно сильнѣе у помѣщичьихъ, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. Къ числу этихъ спеціальныхъ преступленій слѣдуетъ отнести 1) *неповиновеніе помѣщикамъ*—(это преступленіе за 20 лѣтъ дало 1,004 сосланныхъ),—2) *дурное поведеніе* — (по волѣ помѣщиковъ за этотъ-же періодъ сослано 6,886),—и наконецъ 3) *бродяжество* крѣпостныхъ крестьянъ дало Сибири 10,000 новыхъ поселенцевъ. За убійство помѣщиковъ въ 9 лѣтъ съ 1835—43 годъ сослано крѣпостныхъ 306 мужчинъ и 116 женщинъ. Къ тому-же дворовые особенно отличались и во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, какъ-то—въ поддѣлкѣ паспортовъ, въ зажигательствѣ, въ возмущеніи и проч.: въ числѣ осужденныхъ за эти преступленія дворовые давали самый большой процентъ въ сравненіи съ другими сословіями. Таковы были результаты крѣпостного права! Крѣпостные даже охотно шли въ ссылку, такъ-какъ права поселенцевъ были всетаки лучше правъ совершенно безправнаго крѣпостного крестьянина. Переходы на поселеніе путемъ бродяжества до послѣдняго времени были часты въ русскомъ народѣ; поселенья добивались особенно бѣглые солдаты. Это дѣлалось очень просто,—однимъ переходомъ изъ одной губерніи въ другую и объявленіемъ себя *непомнящимъ родства*. Рядомъ съ крѣпостнымъ правомъ

тяжкія условія прежней военной службы, долгіе сроки ея, строгая дисциплина, формалистика и суровыя дисциплинарныя наказанія сильно дѣйствовали на крестьянъ и вызывали дезертирство. Потому-то бродяжество и давало самую-большую цифру ссыльныхъ въ сравненіи съ другими преступленіями: въ разбираемый нами двадцатилѣтній періодъ въ Сибирь сослано 48,556 бродягъ, что составляетъ болѣе $^{2}/_{5}$ всего числа преступниковъ.

Приведенные нами факты показываютъ, что большая часть преступленій въ то время была результатомъ условій тогдашняго общественнаго быта, — условій, слишкомъ тяжело отзывавшихся на благосостояніи низшихъ классовъ. „Несомнѣнно, что между безчисленнымъ множествомъ обстоятельствъ, — говоритъ г. Анучинъ, — обусловливающихъ возможность преступленій, къ числу наиболѣе вліятельныхъ слѣдуетъ отнести степень матеріальнаго благосостоянія и сумму потребностей, которыя должны быть удовлетворены. Въ самомъ дѣлѣ, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, нельзя не допустить, что улучшеніе матеріальнаго положенія, доставляя человѣку возможность оградить себя отъ неблагопріятныхъ вліяній, необходимо должно уменьшить вѣроятность преступленій“. При матеріальной бѣдности низшихъ слоевъ народа, въ числѣ прочихъ преступленій главную роль играютъ преступленія противъ собственности. „Во всѣхъ сословіяхъ, за исключеніемъ военнаго и духовнаго, *воровство*, въ тѣсномъ смыслѣ, есть самая-обыкновенная причина ссылки; на эту категорію приходится болѣе $^{1}/_{2}$ всѣхъ ссыльныхъ; въ 20 лѣтъ, съ 1826 по 46, число ихъ равнялось 40,660. Чѣмъ хуже было положеніе сословія, чѣмъ въ болѣе-дурныя условія труда оно было поставлено, тѣмъ чаще въ немъ случались преступленія противъ собственности. Самая-большая пропорція сосланныхъ за воровство была въ сословіи мѣщанскомъ, — сословіи самомъ-бѣдномъ; изъ числа всѣхъ сосланныхъ мѣщанъ за воровство ссылалось 58%: пропорція самая

большая, превосходящая даже крестьянское сословіе *). Вообще наиболѣе жертвъ ссылкѣ приносили сословія низшія и безземельныя, какъ мѣщане, дворовые, фабричные, солдаты, а далѣе государственные и владѣльческіе крестьяне. „По сравненіи этого сословія съ другими,—говоритъ Анучинъ, — нельзя не удивляться, что при всей невыгодности условій, въ которыхъ находились владѣльческіе крестьяне, у нихъ не развилось особенно-сильной наклонности къ преступленіямъ. Крестьяне владѣльческіе, какъ и государственные, какъ по проценту ссыльныхъ вообще, такъ и по тяжкимъ преступленіямъ, занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ сословій, развѣ исключая двухъ преступленій — зажигательства и возмущенія, распространенныхъ преимущественно у крестьянъ владѣльческихъ. Но совершенный контрастъ представляютъ дворовые. Они отличаются преступленіями *втрое* болѣе, чѣмъ владѣльческіе съ землею. Причины лежали, ясно, въ обезземеленіи ихъ". Вѣроятность преступленія такимъ-образомъ вездѣ становится въ зависимость отъ общественнаго положенія и степени обезпеченности. Купечество является менѣе-всего наклоннымъ къ преступленіямъ. Для женщины изъ купеческаго званія,—вычисляетъ г. Анучинъ,—вѣроятность совершить преступленіе была въ $16^1/_2$ разъ менѣе, чѣмъ для солдатки, и въ 28 разъ менѣе, чѣмъ для дворовой женщины. Мѣщанину *вдвое* легче было подвергнуться ссылкѣ, чѣмъ государственному крестьянину; а дворовому представлялось *втрое* болѣе шансовъ прогуляться въ Сибирь, чѣмъ владѣльческому крестьянину, надѣлен-

*) По отчотамъ, въ 12 лѣтъ съ 1835 по 1849 годъ, сослано по преступленіямъ противъ собственности: — мѣщанъ 2,115 м. и 340 ж., государственныхъ крестьянъ 8,828 м. и 824 ж., владѣльческихъ крестьянъ 7,623 м. и 1,246 ж., изъ военнаго сословія 683 м. и 555 ж., изъ дворянъ 524 м. и 122 ж., изъ духовнаго званія 107 м. и 14 ж., изъ купцовъ 71 м. и 3 ж. Эти цифры ясно указываютъ зависимость этого преступленія отъ степени благосостоянія.

ному землей, и въ $4^1/_2$, чѣмъ купцу. Обращеніе крестьянина въ солдата увеличивало для него вѣроятность совершить преступленіе въ $2^1/_2$ раза *). Но и высшіе классы давали свою долю преступниковъ, а они были обезпечены; какія-же причины порождали у нихъ преступленія? Въ то время, какъ у низшихъ классовъ мотивами преступленія являются матеріальные недостатки, бѣдность и стѣсненное общественное положеніе, ненормальныя семейныя отношенія, вынуждающія ихъ на болѣе или менѣе крупныя нарушенія правъ другихъ, — въ высшихъ классахъ, болѣе обезпеченныхъ, стремленіе удовлетворять различнымъ потребностямъ, свыше своихъ средствъ, заставляло изыскивать новые источники доходовъ и наводило на пути незаконные. Мелкое дворянство и чиновничество, конечно, скорѣе другихъ попадало на этотъ путь. Трудно сказать, какое вліяніе на эти сословія оказывало образованіе и нравственное развитіе. Судя по тому, что святотатство было главнымъ преступленіемъ духовенства, точно-также, какъ поддѣлка документовъ и изнасилованіе, а дворянство и чиновничество отличались столько-же убійствами, насиліемъ и грубыми преступленіями, какъ и самыя неразвитыя сословія, — можно предположить, что просвѣщеніе и нравственность здѣсь имѣли самое-ничтожное значеніе. Безнравственность и преступленія высшихъ классовъ обусловливались всегда дурными сторонами ихъ привычекъ и воспитанія, которыя пересиливали ихъ хорошія особенности, точно-также, какъ вліяли въ этомъ случаѣ тогдашнія ненормальныя отношенія ихъ къ другимъ слоямъ общества. Замѣчательно, что неслужащее дворянство и помѣщики часто совершали преступленія не менѣе тяжкія, какъ и ихъ дворовые и фабричные, судьбою которыхъ они произвольно располагали. Полновластіе и безконтрольность воспитывали въ нихъ инстинкты и при-

*) Анучинъ, часть I, стр. 97 и 107.

вычки, имѣвшія слѣдствіемъ нарушеніе чужихъ правъ, и развивали въ нихъ злоупотребленія властью и другія преступленія. Подобное-же явленіе мы встрѣчаемъ въ другой сферѣ. Военно-служащее дворянство, составляя несравненно болѣе высшее сословіе, чѣмъ нижніе военные чины, отличалось однакожъ въ то время тѣми-же преступленіями, какъ и низшее военное сословіе, т. е. преступленіями, состоящими въ злоупотребленіи силой *). Опека такимъ-образомъ вредно вліяла какъ на опекуна, такъ и на опекаемаго; точно также несправедливость человѣческихъ отношеній одинаково вліяла какъ на высшихъ ступеняхъ общества, такъ и на низшихъ, какъ по нисходящей, такъ и по восходящей линіи. И самыя выгоды общественнаго положенія, при несправедливыхъ общественныхъ отношеніяхъ, не могли гарантировать нравственности отдѣльныхъ лицъ. Общество такимъ-образомъ платилось за несовершенство своихъ учрежденій жертвами изъ всѣхъ классовъ общества, и на привиллегированныхъ и обезпеченныхъ классахъ общественное зло отражалось такъ-же фатально, какъ и на низшихъ. Какъ природа за злоупотребленіе ея силами мститъ болѣзнями, такъ въ соціальной жизни ненормальность отношеній производитъ преступленія.

Драгоцѣнныя данныя русской уголовной статистики такимъ-образомъ доказываютъ, что развитіе уголовныхъ преступленій всегда стояло прежде всего въ зависимости отъ экономическихъ условій, въ которыхъ находились бѣднѣйшіе классы, отъ ненормальныхъ общественныхъ отношеній, отъ неудовлетворенныхъ потребностей людей, силившихся пополнить ихъ незаконными путями. Порождаемыя общественнымъ складомъ и неудовлетво-

*) Военное сословіе и солдаты, какъ показываетъ уголовная статистика, по тяжкимъ преступленіямъ, какъ по убійству, грабежу и зажигательству, занимали въ то время первое мѣсто въ сравненіи съ другими сословіями. Въ разбояхъ они уступали только заводскимъ, въ святотатствѣ только духовенству (Анучинъ, ч. I. стр. 111, 125, 126, 127).

рительнымъ общественнымъ положеніемъ, подобныя преступленія мало зависѣли отъ степени карательныхъ и устрашительныхъ мѣръ, прилагаемыхъ къ нимъ. Наказаніями нельзя было предупредить послѣдующіе случаи преступленій. Передъ неопровержимымъ закономъ, по которому при извѣстномъ общественномъ строѣ повторяются извѣстныя преступленія, страхъ и личная воля теряли всякую силу. Поэтому контингентъ нашей ссылки не только не уменьшался, но постоянно увеличивался. При опредѣлившейся формѣ наказанія ссылкою, число ея жертвъ съ 1828 по 1846 г. колеблется между 6,000 и 8,000, въ 1850 г. возвышается до 8,478 ч., съ 1850—60 оно доходитъ до 9,000 и въ послѣдующіе годы поднимается до 10 и 11,000 *), такъ-что въ первой половинѣ XIX столѣтія ссылка расширилась еще болѣе въ своихъ границахъ, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ получила преобладающее значеніе въ ряду всѣхъ другихъ наказаній **).

Во все это время наша ссылка, кромѣ уголовныхъ и карательныхъ цѣлей для самыхъ-важныхъ преступниковъ, попрежнему для большаго числа ссылаемыхъ имѣла значеніе чисто-экономическое, какъ самый-дешовый

*) Увеличеніе ссылки идетъ въ слѣдующей прогрессіи: съ 1807 по 1812 г. ссылалось по 2,035 чел. въ годъ, съ 1812 по 1817 столько-же, съ 1817 по 1823 она увеличивается на 3,100, въ 1823 г. равняется 6,667, съ 1824—26 доходитъ до 11,116 чел. ежегодно, съ 1826 по 1846 среднимъ числомъ равняется 7,987 ч. въ годъ, съ 1846 по 1850 г.—8,479 ч., съ 1850—60—9,000, съ 1860 по 1865 г.—11,000, съ 1865 по 1870 еще увеличилась. Такимъ-образомъ ссылка дала съ 1807 по 1870 г. приблизительно 460,332 чел. обоего пола (Матер. для угол. статист. Анучина, Статист. Временникъ 1866 г., Отчеты Максимова, Пейзенъ о колон. Сибири, Статист. Обозрѣніе Гагемейстера, Спасовичъ и др.).

**) Въ 1860 г. напримѣръ мы встрѣчаемъ сосланныхъ на поселеніе и въ каторгу 7,738, въ арестантскія же роты только 7,301, къ тюремному же заключенію, за незначительныя преступленія, еще менѣе—6,167. Поселеніе и каторга такимъ-образомъ играютъ самую-видную роль. Такой порядокъ измѣняется только съ 1863 г., т. е. съ отмѣною замѣны другихъ наказаній ссылкою.

способъ избавиться отъ людей дурного поведенія. Такъ еще въ 1853 году состоялись временныя правила о замѣнѣ другихъ наказаній ссылкой (прим. къ ст. 358, 2-й ч., XV т.). Сущность этихъ правилъ состояла въ слѣдующемъ: судомъ предписано для лицъ непривилегированныхъ заключеніе въ тюрьмахъ, въ домахъ смирительныхъ и рабочихъ замѣнять розгами, а преступниковъ, присуждаемыхъ болѣе-чѣмъ на два года въ арестантскія роты и рабочіе дома, отдавать туда на болѣе короткіе сроки и ссылать въ Сибирь на водвореніе. Такихъ водворяемыхъ рабочихъ до указа 17 апрѣля 1863 г., отмѣнившаго это распоряженіе, шло въ Сибирь до 4,300 человѣкъ. *Ссылка* и *розги* для значительнаго числа преступниковъ такимъ-образомъ имѣли въ виду не столько признанную полезность ихъ, сколько *дешовое* средство наказанія, а болѣе всего, какъ мы уже замѣтили выше, средство избавиться навсегда отъ дурныхъ элементовъ въ обществѣ. Справедливость послѣдняго предположенія доказывается тѣмъ, что ссылка назначалась лицамъ, осужденнымъ по одному подозрѣнію или за проступки, подлежащіе вѣдѣнію полиціи и обществъ. Точно-также до послѣдняго времени подвергались ей всѣ бродяги и непомнящіе родства,—лица, которыхъ не хотѣло принимать общество,—семьи, обремененныя недоимками, съ которыхъ общество не могло взыскать податей и т. д. *). Такихъ ссыльныхъ по одному гражданскому вѣдомству бывало ежегодно до 3,600 человѣкъ и болѣе, т. е. половина всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь. Что касается военной ссылки административнымъ порядкомъ, то процентъ ея былъ точно также очень значителенъ: такъ въ одномъ 1858 г. отправлено было изъ европейской Россіи отъ 10 до 12,000 штрафныхъ нижнихъ чиновъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ. Админи-

---

*) 11 ст. уст. о ссыл.; 294—330, уст. о пред. и пресѣч. прест.; 1083 ст. уст. о содер. подъ страж., ст. въ 3 и 4 № III приб. къ Св. Зак.

стративная ссылка, назначаемая за маловажные проступки или по подозрѣнію, едвали можетъ имѣть оправданіе въ дешевизнѣ и необходимости; ее нельзя также оправдать цѣлями колонизаціонными, такъ-какъ здѣсь опять-таки личность человѣка приносилась въ жертву отвлеченной идеѣ и обвиненный несъ незаслуженное наказаніе. Поэтому административная ссылка, не удовлетворяя до сихъ поръ самому главному, — юридической справедливости, должна наконецъ совсѣмъ выйдти изъ нашего законодательства, какъ мѣра временной необходимости, и тѣмъ исключить изъ ссылки половину ея жертвъ.

Что касается уголовной ссылки, опредѣляемой по суду, она втеченіе первой половины настоящаго столѣтія продолжала носить на себѣ карательный и устрашительный характеръ; до 1863 года она сопровождалась истязаніемъ кнутомъ, плетьми и клеймами; вмѣстѣ съ тѣмъ сосланный лишался всѣхъ правъ сословныхъ, имущественныхъ и семейныхъ. Юристы называютъ это лишеніемъ гражданскихъ правъ (jus civile) и оставленіемъ однихъ правъ человѣческихъ (jus gentium); но поселенецъ и каторжный едвали пользовались какими-либо *человѣческими* правами: всевозможныя ограниченія въ личной свободѣ, въ занятіяхъ, пріобрѣтеніи дѣлали ихъ ниже всякаго паріи, а наказаніе старалось какъ-можно-болѣе наложить на нихъ презрѣнія. Оно сопровождалось всегда выставкой на эшафотѣ, клеймами на рукахъ и лицѣ, заковываніемъ въ кандалы и наручни, бритьемъ головы въ острогѣ и во время пути, особой арестантской одеждой съ тузами и другими позорящими послѣдствіями. На личность преступника при переселеніи мало обращалось вниманія. Путь его былъ обставленъ страшными тягостями: тяжолые кандалы, прутья, канаты, цѣпи крайне изнуряли его; онъ подвергался самому безцеремонному обращенію. Военное положеніе во время пути, какъ полицейская расправа, при всякомъ случаѣ въ острогѣ нагай-

никъ, т. е. былъ въ острогѣ; часто общество требуетъ извѣстной суммы или взятки за то, чтобы принять этого члена: это дѣлается сплошь и рядомъ. На нравственность лица мало обращаютъ вниманія; поэтому къ обществу приписывается иногда мошенникъ, выставившій *міру* вина, и ссылается бездна вовсе-неопасныхъ бѣдняковъ. Крестьянамъ выгодно избавиться отъ части своихъ членовъ: у нихъ больше отъ выбылыхъ останется земли. Такихъ несчастныхъ крестьянъ, непринимаемыхъ обществами только за то, что они посидѣли въ острогѣ, мы видѣли множество; они горько жаловались на то, что, понесши уже одно наказаніе, вдобавокъ обречены еще на вѣчную ссылку въ Сибирь. Замѣчательно, что, боясь *Сибири*, какъ огня, за ними не хотятъ идти даже жоны *).

Такимъ-образомъ у насъ ссылка примѣняется не только какъ наказаніе, но и какъ предупредительная мѣра для лицъ подозрительныхъ,—не только какъ суровая расправа, но и какъ полицейская мѣра. Замѣтимъ приэтомъ, что характеръ *ссылки на поселеніе*, т. е. ссылки съ лишеніемъ правъ, съ вѣчнымъ пребываніемъ въ Сибири,—наказаніе, созданное для важныхъ преступниковъ,— нимало не измѣняется для маловажныхъ и примѣняется съ тою-же строгостью.

Обнимая почти всѣ категоріи преступленій, ссылка дѣлалась такимъ-образомъ общею панацеею отъ всѣхъ болѣзней и экономическимъ средствомъ, замѣнявшимъ какъ краткосрочныя, такъ и долгосрочныя тюрьмы, полицейскія наказанія, надзоръ полиціи за лицами подозрительными и сотни другихъ наказаній.

---

*) Въ Петербургск. Вѣдомостяхъ былъ недавно объясненъ фактъ выдачи для такихъ жонъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, именно сознаніемъ того, что ихъ преступные мужья съ ними дурно обходились; но мы видѣли, что это дѣлается по другимъ причинамъ: жоны просто страшатся идти на поселеніе; страхъ расторгаетъ иногда долголѣтнія узы.

Самымъ-важнымъ недостаткомъ такой системы было отсутствіе соразмѣрности въ наказаніяхъ, такъ-какъ ссылка назначалась въ одной степени за самыя-разнообразныя преступленія, замѣняя собой другія несравненно-болѣе легкія наказанія: множество людей, которымъ слѣдовало подвергнуться исправительнымъ наказаніямъ въ тюрьмахъ и остаться въ Россіи, въ мѣстахъ ихъ родины, отправлялись на вѣчное жительство въ Сибирь. При введеніи исправительныхъ заведеній для незначительныхъ преступниковъ и при исключеніи ссылки административной, ссылка въ Сибирь, безъ-сомнѣнія, уменьшится на $^{3}/_{4}$, т. е. составитъ около 2,500 человѣкъ въ годъ самыхъ-важныхъ преступниковъ, изъ которыхъ большая часть пойдетъ на каторгу, какъ можно судить по отчоту 1863 г. Для такого количества лицъ достаточно было-бы одной хорошо-устроенной колоніи на исправительныхъ началахъ, что не препятствуетъ ей быть даже гдѣ-нибудь въ европейской Россіи. Наша ссылка при новой кодификаціи, во имя юридической и общечеловѣческой справедливости, непремѣнно должна утратить свое неразборчивое примѣненіе и значеніе универсальнаго лекарства, получить болѣе-гуманныя и болѣе-опредѣленныя правила примѣненія ея по суду. Примѣненіе ея можетъ быть ограничено лишь самыми-опасными преступниками, какъ это введено въ Англіи для осуждаемыхъ только на галеры. Какъ наказаніе, имѣющее въ виду всетаки исправленіе, она должна быть ограничена сроками. Только при такихъ реформахъ наша ссылка изъ суровой и карательной можетъ превратиться въ нѣчто исправительное.

Взаключеніе мы должны сказать, что стоимость нашей ссылки была очень значительна. Г. Лохвицкій въ своемъ учебникѣ уголовнаго права дѣлаетъ слѣдующій разсчотъ издержкамъ по пересылкѣ. По бюджету 1864 года, государственное казначейство издерживало на препровожденіе арестантовъ 1,112,000 рублей; но это часть только расходовъ по ссылкѣ: содержаніе 8,000 постоянной

этапной стражи—пѣшей и конной—обходится, вѣроятно, не менѣе 2,000,000 рублей; всѣхъ расходовъ не менѣе пяти *милльоновъ*, говоритъ Г. Лохвицкій; приэтомъ расходы по пересылкѣ преступниковъ доходятъ до 800 рублей на человѣка *). Въ Англіи то-же наказаніе обходилось при перевозкѣ преступника въ Австралію въ 180 фунт. стерлинговъ на человѣка, слѣдовательновъ въ 1,080 рублей. Изъ этого видно, что это наказаніе по справедливости считается крайне-дорогимъ. У насъ, при сухопутной перевозкѣ, оно сопряжено было съ тяжкою подводною повинностью для крестьянъ, съ постройкою громадныхъ пересыльныхъ замковъ, стоившихъ городамъ очень-дорого, наконецъ съ постройкою обширныхъ этаповъ. Извѣстно было притомъ, что всѣ эти этапы, построенные кое-какъ и крайне дурно, по свидѣтельству Г. Максимова, потребили страшную массу денегъ при прежнихъ инженерахъ: постройка ихъ составляла особую доходную статью этихъ лицъ. Принимая во вниманіе всѣ эти затраты, принесенныя въ жертву ссылкѣ, причомъ значительная часть капитала безвозвратно терялась и потреблялась ссылкою, нельзя не придти къ заключенію, что еслибы хоть часть этихъ суммъ была употреблена на устройство хорошей земледѣльческой пенитенціарной колоніи, то, безъ-сомнѣнія, выгода была-бы гораздо значительнѣе, а государство могло-бы возвратить эти затраты при помощи производительнаго труда ссыльныхъ въ подобныхъ колоніяхъ при хорошо-организованномъ хозяйствѣ.

II.

Колонизаціонное значеніе русской ссылки.

Въ предыдущей статьѣ, въ которой представленъ историческій очеркъ русской ссылки въ связи съ развитіемъ преступленій, мы замѣтили, что ссылка у насъ, какъ и

*) Г. Лохвицкій, надо замѣтить, еще бралъ ссылку въ 6,000 человѣкъ, она возвышается годъ отъ году до 12,000.

вездѣ, въ тѣ времена, когда правосудіе имѣло въ виду исключительно кару преступника, — примѣнялась, какъ суровое наказаніе и всегда сопровождалась тяжкими работами, а иногда и тюремнымъ заключеніемъ; но по мѣрѣ того, какъ уголовныя теоріи смягчались и взглядъ на преступника становился нѣсколько человѣчнѣе, юристы-теоретики, а за ними и законодатели-практики стали смотрѣть на наказаніе, какъ на мѣру исправительную, — вмѣстѣ съ тѣмъ и ссылка приняла характеръ преимущественно-исправительный. Однакожъ, избавляя общество, по мнѣнію юристовъ, отъ преступника, какъ опаснаго члена, законодатели понимали, что сосланный составляетъ бремя для государственнаго бюджета, и потому у нихъ, естественно, явилась мысль утилизировать насколько-возможно ссылку. Подневольная работа ссыльнаго была слишкомъ ничтожна по своимъ результатамъ и далеко не покрывала расходовъ на его содержаніе, слѣдовательно съ утилитарной точки зрѣнія она не представляла никакихъ выгодъ. Являлось средство, несравненно-болѣе удобное для этой цѣли: ссылка назначалась въ мѣста отдаленныя, безлюдныя; слѣдовало только придать ей характеръ колонизаціонный, и, казалось, задача ея утилитаризаціи будетъ рѣшена. Къ тому-же колонизація нисколько не мѣшала главной цѣли наказанія — исправленію; напротивъ, она помогала ему и, давая изгнанному изъ общества преступнику возможность въ трудѣ находить вѣрныя средства къ обезпеченію существованія, развивала въ немъ хорошія гражданскія качества. Такимъ образомъ заселеніе преступниками пустынныхъ мѣстностей и ихъ исправленіе стали признаваться солидарными между собою и самая ссылка съ этихъ поръ получила болѣе-широкое примѣненіе. У насъ мѣстомъ ссылки была преимущественно Сибирь, и самая ссылка туда сравнительно довольно-рано получила колонизаціонное значеніе. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены разсмотрѣть сдѣланные у насъ опыты колонизов[illegible]

ссылаемыми туда преступниками и такимъ-образомъ насильственную колонизацію сдѣлать подспорьемъ колонизаціи свободной, начавшейся съ самыхъ первыхъ годовъ завоеванія Сибири въ XVI столѣтіи.

Сколько можно судить по многимъ фактамъ, колонизаціонному характеру ссылки въ Сибирь у насъ всегда придавалось весьма-важное значеніе. Отправка преступниковъ „въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми“ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ссылка „въ Дуары на серебряные рудники для поселенія и работъ“ при Петрѣ I, примѣненіе какъ уголовной, такъ и административной ссылки въ значительныхъ размѣрахъ во все прошлое и нынѣшнее столѣтіе, высылка многихъ незначительныхъ преступниковъ исключительно съ цѣлію заселенія, —все это показываетъ, что наше правительство издавна руководилось при ссылкѣ колонизаціонными цѣлями,—руководилось еще и тогда, когда наказанія были крайне-жестоки и исправленіе преступника ставилось еще на самый-послѣдній планъ. Постоянный приливъ ссыльныхъ въ Сибирь цѣлыми тысячами съ самаго-древняго времени послужилъ поводомъ къ распространенію убѣжденія, что Сибирь населена ссыльными, и многіе до послѣдняго времени считали чуть не всѣхъ сибиряковъ потомками ссыльныхъ и если дѣлали уступку въ пользу происхожденія отъ свободныхъ переселенцевъ, то все-же полагали, что ссыльный элементъ въ сибирскомъ населеніи преобладающій. Причиною такого мнѣнія было, конечно, наше невѣжество относительно собственнаго отечества и положительное отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній о ходѣ и значеніи нашей ссылки. Тѣмъ не менѣе „варначье происхожденіе“ Сибири получило извѣстную вѣроятность даже въ глазахъ людей болѣе образованныхъ, имѣвшихъ возможность ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, и они попрежнему высказываютъ рѣшительное убѣжденіе, что прямое назначеніе Сибири—быть штрафной колоніей Россіи и что ссылка приноситъ столь-

ко-же выгоды преступнику, дѣлая его осѣдлымъ и исправляя его, какъ и странѣ, которую она заселяетъ, которой даетъ рабочія руки, обучаетъ ремесламъ и вообще „*просвѣщаетъ*". Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ и отвѣчаютъ-ли полученные результаты такимъ широкимъ требованіямъ,—увидимъ ниже.

Ссылка у насъ, какъ извѣстно, получила санкцію закона только въ XVII столѣтіи, въ Уложеніи Алексѣя Михайловича; до этого времени она являлась случайною. Трудно сказать, какъ велико было населеніе Сибири въ это время; несомнѣнно только, что ссыльные не были первыми колонистами. Съ основанія здѣсь русскихъ поселеній при Иванѣ IV, т. е. съ 1574 г., до первыхъ свѣдѣній о ссылкѣ въ 1648 г. прошло около 74 лѣтъ. Въ это время военная и казачья колонизація уже утвердились въ Сибири, вольнонародное и промышленное заселеніе Сибири было въ самомъ разгарѣ, люди шли „за камень", въ новооткрытую землю сотнями и тысячами, считая ее обѣтованной землей. Когда явились первые ссыльные, города и остроги уже обстроились: Туринскъ, Пелымъ и Тюмень были первымъ ихъ мѣстомъ назначенія. Ссыльные не входили однако здѣсь въ число свободнаго населенія: первоначально ихъ содержали въ тюрьмахъ: къ Верхотурьѣ для нихъ построенъ былъ особый домъ съ частоколомъ, а въ Тюмени ихъ въ это время употребляли, подъ конвоемъ, на общественныя работы. Число ссыльныхъ въ первое время было невелико, и они, поставленные въ положеніе арестантовъ, разумѣется, не могли сдѣлаться основателями гражданственности въ Сибири, подобно, напримѣръ, австралійскимъ поселенцамъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

Ссылка получаетъ болѣе значенія только въ XVIII столѣтіи, но она еще далеко не исключительно примѣняется къ Сибири: ссылка въ Азовъ, Рогервикъ, Ригу и Петербургъ и сопряжонныя съ нею каторжныя работы брали едвали не большій процентъ ссыльныхъ, чѣмъ Сибирь,

куда ссылался остатокъ преступниковъ за удовлетвореніемъ потребности этихъ мѣстъ и неспособные къ военной службѣ. Правда, въ половинѣ прошлаго столѣтія она увеличилась съ отмѣною смертной казни въ царствованіе Екатерины II и послѣ пугачовщины, но тѣмъ не менѣе число ссыльныхъ въ Сибирь все-еще не было очень-велико. По показаніямъ Манштейна, при Аннѣ Іоанновнѣ число ссыльныхъ было до 2,000 въ годъ, при Екатеринѣ II, послѣ пугачовщины, оно возрасло до 2,500 ежегодно. Давая такое небольшое число колонистовъ, ссылка не могла играть значительной роли въ дѣлѣ заселенія Сибири, и колонизація правительственная, военная и вольнонародная были всетаки здѣсь на первомъ планѣ. Хотя мы видимъ въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыя попытки заселять ссыльными пустынныя и незанятыя пространства Сибири, но, судя по характеру тогдашней ссылки, мы вправѣ заключить, что она не могла дать никакихъ результатовъ. Ссыльными заселяли мѣста крайне-дурныя, неблагопріятныя и неудобныя для культуры,—такія мѣста, куда не хотѣли идти вольные колонисты. Для усиленія наказанія, носившаго тогда суровый карательный характеръ, ссыльныхъ отправляли на Лену, въ Нерчинскъ и охотскія страны, въ Камчатку или на дальній Амуръ, куда былъ обречонъ странствовать и извѣстный Аввакумъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ столь дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ, безъ всякихъ средствъ для культуры, положеніе ссыльныхъ было бѣдственное. О препровожденіи ссыльныхъ въ Сибирь въ XVII ст. мы можемъ судить по хроникѣ Аввакума, а о ссылкѣ XVIII столѣтія сохранилось много оффиціальныхъ актовъ того времени. Переходъ къ ссылкѣ у насъ сдѣланъ отъ смертной казни, а потому сначала она сохраняла карательный и устрашительный характеръ. Ее сопровождали кнутъ, отрѣзываніе пальцевъ и ушей; преступникъ шолъ въ Сибирь искалѣченный и обезсиленный пыткой. Во время пути съ нимъ

обращались жестоко и безчеловѣчно, его гнали въ Сибирь на канатѣ, подъ ударами плетей, возили на дырявыхъ стругахъ и заставляли нести безропотно всѣ тяжести пути. Путешествіе по пустынямъ Сибири въ это время представляло много затрудненій. Вотъ-какъ описываетъ Аввакумъ свои несчастія во время ссылки въ Дауры. На порогѣ одной изъ сибирскихъ рѣкъ его выгнали изъ лодки на берегъ. „О, горе стало!—восклицаетъ Аввакумъ:—горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна, стоитъ; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великія, въ нихъ-же витаютъ гуси и утицы, вороны чорныя и галки сѣрыя, орлы и соколы, кречеты и лебеди и иныя дикія. На тѣхъ-же горахъ гуляютъ звѣри многіе, и на тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати". Когда Аввакумъ отказался сойти на берегъ, его привели къ начальнику военной экспедиціи Пашкову. „И взяли меня палачи,—разсказываетъ Аввакумъ,—а онъ со шпагою стоитъ, рыкнулъ яко дикій звѣрь и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и цѣпь ухватя лежачую, по спинѣ ударилъ трижды, и разволокши, по той-же спинѣ 72 удара кнутомъ". Затѣмъ Аввакума сослали въ Братскій острогъ „и въ тюрьму кинули, соломки дали; что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ билъ скуфьей, а батожка не дадутъ, дурачки! На весну паки въ нуждахъ тѣхъ, и *съ прочими* скитающеся по горамъ и острому каменью, наги и босы, травою и кореньями питающеся, кое-какъ мучилися. Мнѣ подъ ребятъ и подъ рухлядишки дали двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убиваюшеся о ледъ. Страна варварская; иноземцы не мирные; отстать людей не смѣемъ и за молодыми идти не поспѣемъ. Протопопица, бѣдная, бредетъ-бредетъ да и повалится. На меня, бѣдная, пеняетъ, говоря: „долго-ли мука сія, протопопъ, будетъ?" И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!" Она отвѣчала: „добро, Петровичъ,

ино еще побредемъ!"—Такова наивная и трогательная исповѣдь ссыльнаго XVII вѣка о его испытаніяхъ, характеризующая ссылку въ Сибирь того времени. Не улучшилась ссылка и въ XVIII столѣтіи. Мы видимъ печальную судьбу графа де-Санти въ устьвилюйскомъ острогѣ, умирающаго съ голода вмѣстѣ съ своимъ конвоемъ, печальную судьбу березовскихъ ссыльныхъ и грубое съ ними обхожденіе: надъ самыми березовскими жителями производится слѣдствіе за ихъ покровительство несчастнымъ и кончается пытками въ тобольскомъ приказѣ. Судьба простыхъ ссыльныхъ еще печальнѣе: ихъ гонятъ тысячами, избитыхъ кнутами, съ рваными ноздрями, измученныхъ и искалѣченныхъ въ застѣнкахъ тайныхъ приказовъ и канцелярій. Въ XVIII вѣкѣ препровожденіе производится на канатахъ и пѣшкомъ въ такія дальнія страны, какъ Охотскъ и Камчатка, гдѣ ссыльные остаются на произволъ судьбы. Плохими колонистами, конечно, являлись такіе ссыльные!

Какую-же роль однако играли эти ссыльные въ заселеніи Сибири? Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, самыя древнія свѣдѣнія о колоніяхъ ссыльныхъ на рѣкахъ Вилюѣ и Амгѣ, впадающихъ въ Лену. Судьба поселенныхъ здѣсь ранѣе половины XVIII столѣтія ссыльныхъ была очень незавидна: водворенные посреди инородцевъ, по ту и другую сторону Лены, не имѣя, кромѣ отдаленнаго Якутска, никакихъ сношеній съ русскими, они заняли отъ якутовъ привычки жизни, нравы, языкъ и утратили даже типъ русскаго происхожденія. Разсѣянные между якутами, они ведутъ жизнь бродячую, почти безпріютную, такъ-что, не смотря на давность водворенія, на Вилюѣ ихъ насчитываютъ теперь едва 109 душъ мужескаго пола. Всѣ они влачатъ бѣднѣйшую жизнь, питаясь рыбою и сосновою корою. Русское населеніе такимъ-образомъ почти изчезло между якутами.

Попытки заселять незанятыя мѣста преступниками въ XVIII столѣтіи были нерѣдки. Въ полномъ собраніи за-

коновъ есть указъ 1731 года объ отправкѣ въ Охотскъ на поселеніе преступниковъ за неоплатные долги вмѣсто каторги; на поселеньи имъ предписано давать содержаніе, опредѣляя въ службу и мастерство, а также на пашню. Затѣмъ въ 1733 году дано спеціальное распоряженіе о заселеніи ссыльными Охотска съ цѣлію развитія здѣсь хлѣбопашества; но попытка оказалась неудачной: хлѣбъ колосился, но шолъ только въ трубку и постоянно погибалъ на стеблѣ. Куда-же было дѣваться ссыльнымъ? Часть изъ нихъ, впрочемъ ничтожная, нашла кое-какую работу; изъ остальныхъ одни остались на продовольствіи казны, другіе же бѣжали и, конечно, большинство изъ нихъ погибло въ негостепріимныхъ сибирскихъ пустыняхъ. Ссылка въ Охотскъ вскорѣ была прекращена, но она неразъ возобновлялась вплоть до нынѣшняго столѣтія. Въ Камчаткѣ только въ южной ея части могъ кое-какъ родиться хлѣбъ; въ 1738 и 1744 гг. здѣсь были поселены крестьяне, взятые въ зачотъ рекрутскаго набора; однакожъ хлѣбопашество и здѣсь не утвердилось и поселенцы обратились къ звѣроловнымъ промысламъ и рыбнымъ ловлямъ.

Но несравненно въ большихъ размѣрахъ были сдѣланы попытки заселить ссыльными трактъ черезъ барабинскую степь. Въ Сибири въ это время между Тобольскомъ и Иркутскомъ существовало исключительно водное сообщеніе до Иртышу, Оби и Ангарѣ, на которое требовалось употреблять почти полгода. Барабинская степь, въ 1,500 верстъ длиною, непроходимая и болотистая, вовсе не имѣла осѣдлаго населенія: явилось предположеніе заселить ее и проложить по ней дорогу отъ Тобольска до Иркутска; для этого потребовалось осушить болота и топи, устроить мосты и гати. доставить даже лѣсъ для постройки домовъ. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ двинулъ сюда преимущественно крѣпостныхъ крестьянъ и энергично приступилъ къ работамъ въ 1761 г. и велъ ихъ до 1765 г.: кстати въ это время по случаю отмѣны

смертной казни въ Сибирь нахлынуло довольно-значительное число ссыльныхъ. Заселеніе барабинской степи многіе ставятъ въ большую заслугу Чичерину, но если принять во вниманіе, чего стоило это заселеніе и какими мѣрами оно производилось, то важность заслуги сильно умаляется и оказывается, что полученные результаты ничтожны въ сравненіи съ громадностью жертвъ, принесенныхъ для ихъ достиженія. Барабинская степь и въ настоящее время представляетъ необозримую пустыню, покрытую мѣстами мелкимъ лѣсомъ, съ безконечными болотами; дорога такъ размывается дождями, что проѣздъ по ней дѣлается невозможнымъ. Среди болотъ, на сотни верстъ, тянутся искуственныя громадныя насыпи, запруженныя лѣсомъ, щебнемъ, измочаленнымъ хворостомъ и до того изрѣзанныя ухабами, ямами и нырками, что ѣзда по нимъ составляетъ адскую пытку: это такъ-называемыя сибирскія „гати". Милліоны насѣкомыхъ, мошекъ, комаровъ и оводовъ роятся въ этихъ сырыхъ мѣстахъ; сырой и промзглый воздухъ носится по равнинамъ и заразительныя міазмы распространяются изъ стоячихъ, заплѣснѣвѣлыхъ водъ. Бѣдныя деревнюшки копошатся здѣсь среди моря грязи; осушеніе земель для запашки требуетъ страшныхъ трудовъ, невознаграждающихъ усилій, на нихъ потраченныхъ. Къ тому-же населеніе здѣсь терпитъ нужду въ хорошей водѣ и строевомъ лѣсѣ; страшный бичъ—сибирская язва ежегодно уничтожаетъ скотъ и даже люди иногда становятся ея жертвами. Можно себѣ вообразить, чѣмъ была эта дѣвственная пустыня въ прошломъ столѣтіи, до ея населенія. Физическія препятствія здѣсь были еще неодолимѣе, воздухъ еще заразительнѣе, а сибирская язва гораздо безпощаднѣе для людей. Изъ сибирскихъ историческихъ актовъ видно, что „сибирская язва" въ прошломъ столѣтіи свирѣпствовала страшнымъ образомъ не только въ деревняхъ, но и въ городахъ; въ Барабинской же степи она была постоянной гостьей. И въ эту-то мѣстность

собраны были тысячи народа, какъ ссыльныхъ, такъ и сибирскихъ крестьянъ, для проведенія дороги и основанія здѣсь осѣдлости. Работы было много и она была чрезмѣрно-тяжела; притомъ эти работы производились при самыхъ-ничтожныхъ пособіяхъ отъ правительства, при самой-строгой дисциплинѣ и расправѣ жестокими наказаніями. Вотъ-напримѣръ-что сообщаетъ о Чичеринѣ одинъ изъ изслѣдователей сибирской исторіи: „Губернаторъ Чичеринъ до сихъ поръ живетъ въ памяти народа по своимъ жестокимъ наказаніямъ. Онъ взялъ на себя обязанность тобольскаго полиціймейстера, устроилъ гусарскую команду, разъѣзжалъ съ нею по ночамъ по городу и чинилъ наказанія. Въ лѣтнее время, въ рабочіе дни, онъ выѣзжалъ въ деревни наблюдать за крестьянскими работами, придирался къ каждой мелочи иדралъ нещадно мужиковъ. Эту палочную систему Чичеринъ приложилъ съ особенною ревностью къ тѣмъ колонистамъ, которыми онъ заселилъ барабинскую степь" *). Тысячи поселенцевъ легли здѣсь костями подъ изнурительными работами, подъ жестокими наказаніями, въ лихорадкахъ, тифѣ, въ цынгѣ и подъ пятномъ „сибирской язвы", но новыя толпы, осужденныя на смертность, замѣняли ихъ. Мрачныя преданія остались между старожилами западной Сибири объ этомъ пресловутомъ заселеніи, и только пожаръ тобольскаго архива стеръ съ документовъ всѣ подробности этихъ страшныхъ пожертвованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно производились попытки заселеній и въ остальной Сибири. Ссыльныхъ отправляли на Лену, на Ангару, на берега Колыма, въ Забайкальскій край, и въ половинѣ прошлаго столѣтія началось заселеніе ссыльными пограничной линіи въ киргизской степи, по рѣкамъ Бухтармѣ и Иртышу **). Между этой колонизаціей очень замѣчательна была от-

*) Очеркъ русск. нрав. въ старин. Сибири, Отеч. Зап. 1868 г.

**) Указъ отъ 6 августа 1762 г.

правка ссыльныхъ женщинъ въ иртышскія крѣпости. Изъ документовъ сибирскаго архива видно, что губернская канцелярія приказывала годныхъ на поселеніе колодницъ опредѣлять въ крѣпости съ дозволеніемъ, „ежели кто тѣхъ жонокъ и дѣвокъ пожелаетъ взять въ замужество, то дозволять это только осѣдлымъ крестьянамъ и разночинцамъ, а не военно-служащимъ“. Женщины, какъ видно, были сосланы за слѣдующія преступленія: за поджигательство помѣщичьихъ имѣній 3, за мужеубійство 16, дѣтоубійство 7, за воровство, побѣгъ, за ложное показаніе на мужа, за порчу травами и волшебными словами 2, у 5-хъ вины не помѣчено. Женщинъ этихъ отправляли, какъ на плотахъ по Иртышу, такъ и сухимъ путемъ. Путь этотъ былъ для ссыльныхъ очень нелегокъ. Поручикъ фонъ-Трейблютъ въ 1760 г. доноситъ, что „у женщинъ малолѣтнія дѣти, которыя не могутъ идти, а подводъ не имѣется, и ссыльные несутъ ихъ на рукахъ во весь путь“,—поэтому поручикъ проситъ, какъ подводъ, такъ и дозволенія отдавать этихъ дѣтей въ пріемыши крестьянамъ. Такихъ женщинъ наконецъ было поселено въ крѣпостяхъ до 80. На дѣвкахъ женились преимущественно казаки, а офицеры брали ихъ *„въ услуженіе“* (Докумен. омск. област. архива, 1759 и 1760). Ссылка женщинъ въ устькаменогорскую и другія крѣпости продолжалась, какъ показывается, до 1800 г. Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что ссыльныя женщины въ военныхъ поселеніяхъ далеко не отличались нравственностью: онѣ обыкновенно вели распутную жизнь въ деревняхъ и редутахъ *). Снабженіе ссыльными женщинами военныхъ крѣпостей, нуждавшихся въ женщинахъ, такимъ-образомъ очень походило на попытку англичанъ, при Яковѣ I, снабжать Виргинію женщинами-кандидатками въ замужество (womans, aspiring to become a virginian matron).

*) Рапортъ маіора Танскаго о развратѣ ссыльныхъ женщинъ въ деревнѣ Прапорщиковой. Мат. для ист. Сибири, ст. 238.

После заселенія Барабы въ 1783 г., представляется новая попытка заселенія и проведенія дороги отъ Якутска до Охотска, неимѣющихъ между собою никакого сообщенія. Дорога на Алданъ и Охотскъ представляла для работъ еще-больше неудобствъ, чѣмъ на Барабѣ. Здѣсь, кромѣ тундръ и болотъ, разливавшихся лѣтомъ, встрѣчались утесистыя и каменистыя горы, ставившія непреодолимыя препятствія. Согнанные сюда каторжники не были расположены ни поселяться здѣсь, ни производить работы: они разбѣжались, составили разбойничьи шайки и начали свирѣпствовать по Сибири. Въ это время отрядами каторжныхъ предводительствовалъ какой-то ссыльный князь Баратаевъ; каторжники даже брали одинъ городъ; наконецъ, преслѣдуемыя войсками, эти толпы съ своимъ предводителемъ кинулись на сѣверъ, дали войскамъ сраженіе и Баратаевъ палъ во льдахъ, поражонный нѣсколькими пулями. Такъ кончилось это предпріятіе. Надо замѣтить, что побѣги поселенцевъ и ссыльныхъ, какъ изъ партій, такъ и съ мѣстъ поселенія, были постояннымъ явленіемъ во все прошлое столѣтіе, чему, конечно, способствовало плохо-организованное препровожденіе арестантовъ и пустынныя пространства Сибири, представлявшія всѣ удобства скрываться.

Первыя заботы объ устройствѣ ссыльныхъ со стороны правительства, также-какъ и планъ обширной колонизаціи Забайкалья, мы встрѣчаемъ въ исходѣ XVIII столѣтія и началѣ XIX. Указомъ Павла I въ 1799 г. предположено поселить за Байкаломъ до 10,000 душъ, какъ отставныхъ солдатъ, крѣпостныхъ крестьянъ, сосланныхъ съ зачотомъ въ рекруты, такъ и преступниковъ, неподлежащихъ въ каторжныя работы,—построить имъ казенные дома, сдѣлать для нихъ запасъ хлѣба на $1\frac{1}{2}$ года, снабдить ихъ сѣмянами, земледѣльческими орудіями и проч. Но и этотъ проектъ, при неудовлетворительной администраціи того времени, также-какъ и всѣ прежнія попытки колонизованія ссыльными, потерпѣлъ неудачу.

Въ 1801 г. поселено за Байкаломъ 1,454 человѣка колонистовъ изъ ссыльныхъ, но вскорѣ дошло до свѣдѣнія правительствующаго сената, что попытки устроить поселенія за Байкаломъ „отъ небрежнаго исполненія предназначенныхъ мѣръ, вмѣсто ожидаемой пользы, обращаются на погибель посылаемыхъ туда людей“. Отправленные въ рубищахъ, полунагими, безъ всякихъ средствъ добыть себѣ пропитаніе, они бродили по сибирскимъ дорогамъ, прося милостыню; тѣ же, которые достигали мѣста назначенія, не находили ни удобныхъ мѣстъ для поселенія и никакого содѣйствія со стороны начальства. Поэтому колонизація за Байкаломъ была пріостановлена. Въ тоже время для устройства ссыльныхъ въ Сибири былъ посланъ изъ Петербурга дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаба. Свѣдѣнія о пересылкѣ и состояніи поселенцевъ въ Сибири въ 1802 г., сообщонныя Лабою сенату, были самаго-неутѣшительнаго свойства. Многіе изъ ссыльныхъ во время пересылки вовсе не снабжались ни кормовыми деньгами, ни одеждою, хотя суммы на это были ассигнованы; другіе, которые снабжались кормовыми деньгами на-руки, проматывали ихъ. Вообще большая часть ссыльныхъ терпѣла нищету, страдала отъ недостатка въ пищѣ и одеждѣ и, питаясь подаяніемъ, жила на счотъ жителей. Надзора за поселенцами не было никакого: многіе, въ противность положенію, имѣли болѣе 45 лѣтъ отъ роду; многіе—хилые, увѣчные и неспособные для поселенія; съ беременными женщинами и съ больными поселенцами обращались крайне небрежно: тѣхъ и другихъ въ самомъ-жалкомъ положеніи везли въ партіяхъ, не подавая имъ никакихъ медицинскихъ пособій, оттого нѣкоторые безвременно умирали, а женщины рожали въ телѣгахъ. Словомъ, Лаба нашолъ, что неудобства разнаго рода, претерпѣваемыя поселенцами въ пути, были чрезмѣрно велики, и пересылка ихъ производилась въ такомъ безпорядкѣ, что наконецъ потерялся счотъ людямъ и деньгамъ. Отведенныя для посе-

ленцевъ въ Забайкальи земли Лаба нашолъ разсѣянными на пространствѣ 4,000 верстъ и многія къ поселенію рѣшительно-неудобными. Ни домовъ, ни хлѣба для колонистовъ не было приготовлено.

Вслѣдствіе донесенія Лабы были составлены новые проекты о поселеніи и устройствѣ ссыльныхъ. По предложенію самого Лабы слѣдовало женившихся поселенцевъ и тѣхъ изъ нихъ, кто обзавелся хозяйствомъ, оставить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся, другихъ же поселить въ нижнеудинскомъ округѣ, на удобныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были изданы новыя особыя правила о поселенцахъ. Ими предписывалось: 1) водвореніе производить въ тобольской и иркутской губерніяхъ, подъ главнымъ наблюденіемъ сибирскаго генералъ-губернатора. 2) Губернаторамъ предоставлялась *полная свобода дѣйствій* въ отношеніи поселенія и пересылки ссыльныхъ, заботы о заготовкѣ для нихъ провіанта, домовъ, орудій, сѣмянъ для посѣва, доставленіе имъ скота, по одной коровѣ на семью, по одной лошади, по три овцы и по три свиньи. 3) Заселеніе начать съ нижнеудинскаго округа, водворивъ тамъ 2,769 душъ. 4) Ремесленниковъ поселять въ городахъ, а неспособныхъ зачислять въ мѣщане. 5) Вольныхъ поселенцевъ вмѣстѣ съ ссыльными не селить. На такихъ-то основаніяхъ надо было устроить прибывшихъ въ 1807 году въ нижнеудинскій округъ поселенцевъ. Устройство поселеній поручено было вновь присланному гражданскому губернатору Трескину. Онъ принялся за это дѣло съ подобающею энергіею. Онъ составилъ подробныя до послѣднихъ мелочей правила для поселенія, выбралъ самыхъ-строгихъ исполнителей и предоставилъ имъ неограниченную власть въ распоряженіи ссыльными. Въ трехлѣтіе съ 1807 по 1809 г. были возведены эти казенныя поселенія, а въ остальныя 5 лѣтъ постоянно снабжались ссыльными. Поселенцы селились на отведенныхъ мѣстахъ и тотчасъ-же получали все нужное для хозяйства; они были *обязаны* зани-

маться вырубкою лѣса, постройкой жилищъ для себя и для новоприбывшихъ, а также полевыми работами. Дома строились по чертежу для двухъ семей. Трескинъ, для поощренія браковъ ссыльныхъ, выхлопоталъ у иркутскаго духовнаго начальства предписаніе ссыльнымъ женщинамъ выходить замужъ только за поселенцевъ. Въ деревняхъ устроили опредѣленное число кузницъ и хлѣбныхъ магазиновъ. Выдаваемый скотъ подлежалъ строгому учоту; всѣ домашнія принадлежности были подробно усчитаны; работы сдѣланы обязательными. Такимъ-образомъ эти поселенія, съ принудительными и обязательными работами, подъ строгимъ присмотромъ, очень походили на „военныя поселенія", впослѣдствіи устроенныя Аракчеевымъ. Подобная жизнь, обставленная столь суровыми предписаніями, конечно, была очень тяжела для поселенцевъ, и нечего удивляться, что въ этихъ казенныхъ деревняхъ, составлявшихъ эссенцію и скопище самыхъ-дурныхъ элементовъ, вскорѣ обнаружилась полнѣйшая деморализація и эти поселенія ознаменовали себя разными преступленіями, въ которыхъ разбой игралъ видную роль. Побѣги стали такъ часты, что пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для обузданія поселенцевъ, что и возложено на исправника Лоскутова, облечоннаго диктаторской властью. И онъ дѣйствительно обуздалъ, но какими средствами! Лоскутовъ засталъ поселенія въ самомъ-неустроенномъ видѣ и прежде всего предписалъ точныя правила для хозяйства, для работъ, регламентировалъ даже домашній бытъ поселянъ: они должны были вставать, умываться, запрягать лошадь, мѣсить квашню, печь хлѣбъ по предписаннымъ правиламъ; ихъ учили, какія молитвы о и обязаны читать утромъ и вечеромъ, и т. д. Лоскутовъ самъ наблюдалъ за нравственностью жителей и ихъ работами; за неисполненіе правилъ виновные подвергались жестокимъ наказаніямъ палками и розгами. Для уничтоженія преступленій Лоскутовъ ввелъ общую чудовищ-

ную отвѣтственность: случалась гдѣ-нибудь кража,—Лоскутовъ въѣзжалъ въ селеніе и сѣкъ перваго попавшагося, затѣмъ всѣхъ поочереди, пока не укажутъ вора. Создавая дисциплину и вводя свои правила, Лоскутовъ ѣздилъ съ утра до вечера по деревнямъ въ сопровожденіи казаковъ и телегъ, нагруженныхъ доверху розгами и палками. Посѣщеніе имъ деревни сопровождалось всегда страшными экзекуціями. Изслѣдователи сибирской старины говорятъ, что онъ ввелъ особое наказаніе—„въ пересыпку“: избивъ палками, онъ по тѣмъ-же мѣстамъ билъ розгами. Доведя подчиненныя ему колоніи, посредствомъ террора, до рабской дисциплины, Лоскутовъ впослѣдствіи хвастался, что если кто нечаянно обронитъ кошелекъ на его трактѣ, то этотъ кошелекъ будетъ немедленно ему представленъ. При такихъ условіяхъ было создано до 18 селеній въ нижнеудинскомъ округѣ съ 900 домами, 8 часовнями, 19 кузницами, 29 хлѣбными магазинами, 11 мельницами и 5 кожевнями, и до 34 селеній въ округѣ нерчинскомъ, съ подобнымъ-же устройствомъ. Но при всемъ своемъ наружномъ благообразіи и порядкѣ, эти поселенія далеко не могли удовлетворить колонизаціоннымъ цѣлямъ, такъ-какъ и дисциплина и этотъ порядокъ тягостно отзывались на благосостояніи самыхъ поселянъ, и, конечно, не могли искупить собою истязаній несчастныхъ поселенцевъ; на такихъ основаніяхъ могли процвѣтать и всякія арестантскія роты и каторжныя работы. Какъ учрежденіе насильственное и неестественное, эти колоніи должны были рушиться и дѣйствительно вскорѣ рушились. Лишь-только, по распоряженію Сперанскаго, былъ арестованъ за варварскіе поступки противъ поселенцевъ Лоскутовъ, какъ началось паденіе этихъ поселеній, и люди, вышедшіе изъ-подъ гнета, пустились въ бѣга и въ разбродъ, и колоніи совершенно обезлюдѣли и разрушились.

Такъ-же неудачно окончилась попытка вначалѣ нынѣшняго столѣтія заселить ссыльными пустынныя и неудоб-

ныя мѣста туруханскаго края, по дорогѣ отъ Енисейска до Туруханска. Сюда переселено до 360 семей съ цѣлію развить здѣсь хлѣбопашество, но хлѣбъ къ сѣверу отъ Енисейска верстъ на 300 и 400 не можетъ уже родиться, и бѣдные поселенцы должны были обратиться къ рыбной ловлѣ и звѣроловству; не имѣя никакихъ хозяйствъ и влача самое бѣдное существованіе, они разбрелись въ разныя стороны и отъ земледѣльческихъ колоній не осталось и слѣда.

Картина ссылки на такихъ условіяхъ, во все прошлое столѣтіе и въ началѣ нынѣшняго, конечно, была самая безотрадная. Крайне-необезпеченное состояніе ссыльныхъ, блужданіе ихъ по сибирскимъ пустынямъ голодными и безпомощными, вымираніе на Ленѣ, на Барабѣ, въ туруханскомъ краю,—все это уменьшало число ихъ и давало самый-ничтожный остатокъ странѣ. Мы замѣтили притомъ, что при крайне неорганизованномъ препровожденіи ссыльные разбѣгались въ разныя стороны. Сибирь въ прошломъ столѣтіи представляла всѣ удобства для бродяжества и потому трудно было ожидать отъ ссыльныхъ осѣдлой жизни, когда сами жители и промышленники вели кочевой образъ жизни. При такихъ условіяхъ ссылка прошлаго столѣтія не могла оставить прочныхъ результатовъ: не смотря на тысячи ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, начиная съ царствованія Елизаветы до начала нынѣшняго столѣтія, поселенія ихъ были очень незначительны. По оффиціальнымъ донесеніямъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабы видно, что онъ нашолъ въ началѣ XIX столѣтія всѣхъ поселенцевъ въ иркутской, томской и тобольской губерніяхъ всего 10,430 душъ, находящихся въ самомъ-жалкомъ положеніи. Таковы были убогіе результаты болѣе-чѣмъ столѣтней ссылки въ Сибирь! Эти результаты были тѣмъ незамѣтнѣе, что Сибирь уже обладала $1^1/_2$ или 2,000,000 свободнымъ населеніемъ. Поэтому нельзя думать, будто-бы ссылка въ Сибирь закладывала здѣсь основаніе гражданствен-

ности и была важнымъ колонизаціоннымъ средствомъ. Она неизмѣримо-далека отъ того значенія, которое имѣла ссылка въ Австраліи съ ея *конвиктами* и эманципистами, отпущенными каторжными; если въ Австраліи ссылка полагала основаніе поселеніямъ и ссыльные составляли почти исключительное населеніе Сиднея и др. колоній и преобладающее населеніе въ большихъ городахъ ново-голландскихъ колоній Великобританіи, процвѣтанію которыхъ изумляются теперь путешественники,— то ссыльные въ Сибири устроили развѣ нѣсколько жалкихъ деревень. Что мѣшало еще осѣдлости ссыльныхъ въ прошломъ столѣтіи, это то, что Сибирь представляла обширныя пустыни и лѣсныя пространства; все это давало средство ссыльнымъ скрываться и свободно слоняться по *ямамъ*, по *заимкамъ* и звѣроловнымъ избушкамъ; да наконецъ они и принуждены были къ этому, такъ-какъ другихъ промысловъ кромѣ звѣроловныхъ тогда и не существовало. Поэтому странно было-бы ожидать отъ ссыльнаго осѣдлости, когда и остальная-то Сибирь была *бродячая*.

Неурядица въ заселеніи ссыльными и необезпеченность ихъ положенія въ Сибири побудили Сперанскаго хлопотать объ изданіи новыхъ уставовъ объ устройствѣ ссыльныхъ, которые и были изданы въ 1822 году. Сперанскій, какъ и Лаба, нашолъ пересылку въ самомъ-жалкомъ состояніи: поселенцевъ гнали безъ всякихъ документовъ, безъ означенія званія и, главное, мѣстъ поселенія; имъ не давали ни кормовыхъ денегъ, ни вспоможенія для обзаведенія хозяйствомъ. Всѣ проекты Лабы остались бюрократической фантазіей; единственное послѣдствіе послѣднихъ распоряженій о ссылкѣ Сперанскій нашолъ въ нижнеудинскихъ и нерчинскихъ деревняхъ, съ ужаснымъ Лоскутовымъ во главѣ, котораго однако долженъ былъ отдать подъ судъ за его управленіе. Сперанскій понялъ, что штрафная колонизація должна начаться на новыхъ началахъ, чтобы дать какіе-

нибудь результаты. На самую Сибирь онъ, — конечно, ошибочно,—смотрѣлъ, какъ на исключительно-ссыльную колонію. „Это *страна*",—говоритъ онъ,—„*удобная для ссылки* и интересная въ минералогическомъ отношеніи, *но она не имѣетъ вовсе задатковъ для основанія въ будущемъ гражданскаго общества*" *). Но Сперанскій, по-крайней-мѣрѣ, понималъ, что для упроченія ссыльной колонизаціи и для водворенія поселенцевъ необходимо обезпечить ихъ существованіе, дать имъ средства обзавестись хозяйствомъ и сдѣлаться осѣдлыми. Только при такихъ условіяхъ возможно было ожидать прочныхъ результатовъ отъ колонизаціи Сибири ссыльными. Такимъ духомъ и были пропитаны новые указы о ссыльныхъ въ 1822 г. Протекторатъ поселенческому труду ознаменовался цѣлымъ рядомъ мѣръ и установленій, состоящихъ въ классификаціи поселенцевъ на мѣстѣ ссылки по способности ихъ къ труду и въ доставленіи средствъ при помощи вспомоществованія и особаго покровительства занятіямъ и осѣдлости поселенцевъ. По уставу о ссыльныхъ 1822 г., ссыльно-поселенцы дѣлятся на 5 разрядовъ. Одни, способные къ заводскимъ и фабричнымъ работамъ, должны были поступать на казенные заводы и фабрики подъ именемъ „временно-заводскихъ работниковъ"; противъ каторжныхъ, ссылаемыхъ на заводы, они получали двойную плату и ссылались въ заводы на срокъ. Вторую категорію поселенцевъ составляли способные къ ремесленнымъ работамъ: они должны были селиться въ городахъ и заниматься ремеслами, для чего на счотъ казны были устроены особенные ремесленные дома; ремесленные работники раздѣлялись на слѣдующія отдѣленія или артели по 35 человѣкъ въ каждой: столяровъ, плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, слесарей, мѣдниковъ, серебрянниковъ, кожевниковъ, шорниковъ, маляровъ и чернорабочихъ; ремесленные дома находи-

*) Письма Сперанскаго къ дочери. „Русскій Арх.".

лись подъ казеннымъ управленіемъ. Третью категорію поселенцевъ составляли слабосильные и дворовые люди, незнающіе ремесла и неспособные къ сельскимъ работамъ, точно-также незамужнія женщины, неспособныя къ сельскимъ работамъ. Такія лица приписывались къ городамъ, къ цеху слугъ, и находились въ распоряженіи приказа о ссыльныхъ; они отдавались въ услуженіе, по требованію мѣстныхъ жителей, за извѣстную плату, не менѣе 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ; эти цехи учреждались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Четвертую категорію поселенцевъ составляли всѣ способные къ сельскимъ работамъ; они дѣлились на двѣ категоріи: одни должны были пристраиваться по деревнямъ старожиловъ, другіе—основывать новыя деревни на счотъ казны; поселенцы, селившіеся въ деревняхъ старожиловъ, пользовались трехлѣтней льготой отъ податей и повинностей; въ остальныя семь лѣтъ платили половинный окладъ и черезъ 10 лѣтъ могли приписаться въ крестьяне; старожилу, принимавшему поселенца, выдавалась половина арестантскаго содержанія на 4 мѣсяца *). Но уставъ предвидѣлъ, что ссыльные, находясь безъ всякой помощи, не всѣ могутъ приняться за сельскія работы или наняться на выгодныхъ условіяхъ, а потому для безпомощныхъ проектировалъ особыя поселенія и деревни въ мѣстахъ малонаселенныхъ; эти поселенія предположено было устроить на счотъ казны и отдать ихъ подъ особый надзоръ мѣстнаго начальства; поселенцамъ въ этихъ деревняхъ устраивались помѣщенья, давали имъ въ первый годъ провіантъ; ихъ обезпечивали скотомъ, сѣменами и земледѣльческими орудіями; затѣмъ имъ давалось два года льготнаго времени; ссуда должна была выплачивать-

*) Изъ этого видно, что у насъ дѣлались попытки создать нѣчто въ родѣ *ассигнаціонной системы* въ Австраліи, гдѣ ссыльныхъ отдавали въ работу свободному колонисту. Изъ этого тамъ образовалась ужасная *кабала*; ссыльные въ Сибири избѣгли этого несчастія. Намъ только извѣстна отдача ссыльныхъ на фабрику Куткина въ Тобольскѣ.

ся достепенно, въ продолжительный срокъ; управленіе же поселенцами, подчиненными военной дисциплинѣ, устраивалось по образцу военныхъ поселеній. Наконецъ пятую категорію составляли неспособные, больные, калеки и престарѣлые, имѣвшіе болѣе 60 лѣтъ: ихъ предположено размѣщать по богадельнямъ или отдавать *въ услуги* зажиточнымъ крестьянамъ. Такое раздѣленіе, казалось, обезпечивало средства къ жизни всѣмъ поселенцамъ безъ исключенія, поощряло ихъ къ честному труду и удовлетворяло какъ фабричный, ремесленный, такъ городской и сельскій элементы ссыльныхъ.

Но и этотъ идеальный уставъ постигла участь всѣхъ прежнихъ колонизаціонныхъ мѣропріятій: при примѣненіи его на практикѣ въ первое-же время встрѣтились неодолимыя препятствія,—въ особенности по устройству фабричной и заводской категоріи ссыльно-поселенцевъ. Въ Сибири въ то время было семь казенныхъ заводовъ,—солевареные, желѣзодѣлательные, винокуренные: на всѣхъ нихъ работали каторжные; трудъ здѣсь былъ тяжолый, содержаніе самое-плохое, дисциплинарныя наказанія необыкновенно-строгія. Ставить въ тѣ-же условія ссыльно-поселенцевъ было несправедливо; къ тому-же число каторжныхъ на заводахъ было такъ велико, что для поселенцевъ совсѣмъ не было работы, и поневолѣ пришлось отказаться отъ помѣщенія ихъ для работъ на заводахъ. Что же касается до основанія ремесленныхъ заведеній, то такіе дома дѣйствительно были устроены въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, точно-также-какъ и отдѣленія ихъ въ Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ и Нижнеудинскѣ; но и эти заведенія, не смотря на ихъ очевидную пользу, также не удались въ Сибири. Причиною тому было ихъ казенное устройство и неудовлетворительное управленіе: мелкіе чиновники, люди неумѣлые, нимало незаинтересованные въ дѣлѣ, были очень плохими организаторами; наружная и формальная сторона процвѣтали, но зато разныя упущенія по разсчотамъ, рас-

хищеніе казеннаго имущества и самыя грубыя злоупотребленія нанесли казнѣ значительные убытки, что естественно привело къ закрытію одного за другимъ всѣхъ ремесленныхъ домовъ. Цехи слугъ, существовавшіе въ первое время въ губернскихъ городахъ Сибири, также понемногу были уничтожены. Такимъ-образомъ претензіи фабричному, заводскому и ремесленному труду поселенцевъ окончился неудачно.

Посмотримъ теперь, чѣмъ окончились попытки организовать земледѣльческія колоніи. Попытокъ къ этому сдѣлано было не мало: въ 1829 году на счотъ правительства приступили къ устройству въ восточной Сибири поселеній для водворенія 5,955 ссыльныхъ; — въ енисейской губерніи 22, въ иркутской 5. Они окончательно устроены въ 1839 году. Число поселенцевъ къ этому времени возрасло до 59,523 душъ мужского и до 3,835 женскаго пола. Эти селенія были построены по особому плану самими поселенцами, но подъ надзоромъ правительственныхъ агентовъ; выстроены красивые, обширные, но неудовлетворявшіе сибирскому климату, дома; колонистовъ снабдили скотомъ, земледѣльческими орудіями и на первое обзаведеніе выдали небольшія ссуды денегъ. Устройство этихъ колоній стоило значительныхъ заботъ и затратъ: губернаторъ Степановъ, человѣкъ дѣльный и просвѣщонный, писалъ, что поселенцамъ дано было по 15 десятинъ *прекраснѣйшей земли*; на пользу ихъ употреблено 270,000 рубл. ассигнаціями безвозвратно да сверхъ того на продовольствіе роздано имъ впредь до урожаевъ 211,000 р. съ возвратомъ. Не смотря однако на всѣ эти заботы и издержки, опытъ казенной колонизаціи потерпѣлъ ту-же участь, какъ и всѣ ему предшествовавшія ссыльныя колоніи: поселенцы строили дома, сѣяли хлѣбъ въ первое время, пока ихъ принуждали; но принудительный казенный трудъ былъ для нихъ тяжолъ и непріятенъ, и потому, какъ-только прекратились принудительныя мѣры и поселенцамъ было

предоставлено жить свободно, то они въ сороковыхъ годахъ оставили эти деревни подъ разными предлогами и разбрелись на всѣ четыре стороны. „Поселыщики, едва водворившись,—какъ приводитъ одинъ авторъ,—оставили по большей части свои дома, стремились къ бродяжничеству и преступленіямъ". Красивые казенные дома съ обширными, свѣтлыми окнами,—правда, довольно холодные,—правильныя улицы и площади этихъ селеній мигомъ опустѣли, представивъ изъ себя только памятникъ объ архитектурныхъ талантахъ мѣстнаго начальства. Съ тѣхъ поръ уже давно стоятъ эти деревни пустыми; окна домовъ заколочены, самые дома разваливаются, на улицахъ разрослась трава *).

Что-же оставалось дѣлать послѣ этихъ попытокъ въ дѣлѣ развитія въ Сибири осѣдлой ссыльной колонизаціи? Дѣлать новыя затраты было безполезно и поневолѣ пришлось обратиться къ старой, первобытной системѣ: ссыльныхъ снова стали размѣщать по разнымъ уже существующимъ деревнямъ, населеннымъ людьми свободными. Съ этихъ поръ ссыльныхъ стали приписывать къ деревнямъ старожиловъ и предоставляли имъ самимъ пріискивать себѣ средства пропитанія. Всѣ ссыльные такимъ-образомъ были отнесены къ третьей категоріи ссылки устава 1822 года. Отъ нихъ требовали только, чтобы они непремѣнно занялись земледѣліемъ; но затѣмъ давалось право на надѣлъ въ общей крестьянской землѣ, которою располагало общество той волости, куда они были приписаны. Кромѣ того ссыльно-поселенцы получили разрѣшеніе покупать земли и дома. На первое время, опредѣленное закономъ, они избавлялись отъ податей и повинностей, но должны были сами заботиться объ устройствѣ своего хозяйства и ни

*) См. объ этихъ деревняхъ замѣчанія Д. Завалишина въ «Письмахъ о Сибири» и статью «Историческ. очерки колонизаціи Сибири» Пейзена, Совр. 1859 г.; тоже «Сибирь и Каторга» Максимова, ч. I, стр. 282.

ссуды, ни вспомоществованія имъ не отпускалось. Такія правила, конечно, могли быть практически примѣняемы только къ такимъ поселеніямъ, которыя, во-первыхъ, были способны къ земледѣльческимъ работамъ, и, во-вторыхъ, имѣли возможность на собственныя средства устроить свое хозяйство. Но много-ли было такихъ способныхъ и такихъ состоятельныхъ? Большинство ссыльно-поселенцевъ было рѣшительно неспособно къ работѣ и не имѣло ни гроша за душой. Извѣстно, что ссыльный на поселеніе, вмѣстѣ съ ссылкой, лишался всѣхъ правъ, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ; слѣдовательно все его имущество переходило къ другимъ; въ партіи онъ не могъ ничего имѣть при себѣ, кромѣ казеннаго платья; самыя деньги у него отбирались; но, еслибы онъ и съумѣлъ хитростью припрятать деньжонки, то всѣ ихъ издерживалъ дорогой, такъ-какъ за все брали съ него тройную плату. Такимъ-образомъ можно безошибочно признать (исключенія были крайне-рѣдки), что ссыльно-поселенецъ приходилъ въ Сибирь, не имѣя никакихъ средствъ для обзаведенія себя хозяйствомъ; слѣдовательно даже трудолюбивые и способные къ сельскимъ работамъ поселенцы съ перваго-же шагу встрѣчали неодолимыя затрудненія къ прочной осѣдлости. Что-же сказать о тѣхъ поселенцахъ, которыхъ пытались пріучить къ ремесленному и заводскому труду и, встрѣтивъ въ этомъ неудачу, обратили къ земледѣлію. Эти положительно нищенствовали и бродяжничали. Такимъ-образомъ обращеніе всѣхъ безъ исключенія ссыльныхъ къ земледѣлію произвело полнѣйшій хаосъ и положеніе ссыльныхъ стало опять почти такимъ-же, какимъ оно было до Сперанскаго. Значительная часть ссыльныхъ состояла изъ людей, знакомыхъ исключительно съ фабричнымъ или ремесленнымъ трудомъ; были между ними промышленники, торговцы,—однимъ словомъ, люди нисколько незнакомые съ земледѣльческимъ трудомъ. Бѣдныя деревни не могли удовлетворить этимъ рукамъ, требующимъ работы; поселенцы не имѣ-

ли ни средствъ, ни охоты создавать себѣ здѣсь хозяйство; отъ этого деревни наполнялись тучами народа празднаго, неспособнаго къ работѣ, бѣднаго и вдобавокъ ожесточоннаго лишеніями. Такимъ-образомъ для нихъ оставался одинъ выходъ—преступленія и побѣгъ. И они бѣжали изъ этой пустыни, изъ этихъ бѣдныхъ сибирскихъ деревень, гдѣ были осуждены на голодъ, униженіе и страданія. Статистическія цифры ссылки въ Сибирь въ началѣ XIX столѣтія, и даже послѣ 1822 года, приводятъ къ заключенію, что она характеризовалась всегда громаднымъ бродяжествомъ, смертностью поселенцевъ и преступленіями. Сколько эти причины дѣйствовали на уменьшеніе числа ссыльныхъ, можно видѣть изъ фактовъ, которые извлечены изъ документовъ бывшаго приказа о ссыльныхъ. Съ 1827 по 1846 годъ изъ числа 154,755 человѣкъ обоего пола, сосланныхъ въ Сибирь, было до 18,328 возвращонныхъ изъ Россіи бѣглыхъ поселенцевъ и каторжныхъ. Ежегодная цифра этихъ побѣговъ колебалась между 400 и 1,400 человѣкъ. Но эта цифра показываетъ только число бѣглыхъ, проникавшихъ за предѣлы Сибири, а число бѣглыхъ вообще было гораздо-болѣе значительно. Въ семь лѣтъ напримѣръ возвращено въ Сибирь было только 354 человѣка каторжныхъ, тогда-какъ въ пять лѣтъ, съ 1836 по 1841 г., только съ четырехъ заводовъ въ восточной Сибири бѣжало 2,704.

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о значеніи побѣговъ съ каторги. Ссыльные на каторгу и на заводы на срокъ, по окончаніи этихъ сроковъ, обращались на поселеніе и составляли слѣдовательно также колонизаціонный элементъ; но если они бѣжали хотя разъ, то сроки ихъ наказаній почти удвоивались. Каторжному срочному 1-го разряда напримѣръ за первый побѣгъ, кромѣ 50—60 плетей, набавлялось еще 10 и 15 лѣтъ работы; за второй побѣгъ 60—80 плетей и къ прежнимъ годамъ прибавка еще отъ 15 до 20 лѣтъ работы; въ третій разъ они уже дѣлались безсрочными. Точно

такъ-же наказаніе увеличивалось въ срокахъ и для каторжныхъ 3-го разряда; а для ссыльно-поселенцевъ побѣгъ велъ за собою каторгу! Такимъ-образомъ даже первый побѣгъ для ссыльнаго дѣлался роковымъ. Сроки за него набавлялись, а слѣдовательно увеличивалась безнадежность и являлось болѣе побужденій къ новому побѣгу. Такіе ссыльные, разъ пойманные въ бѣгахъ, принуждены были вѣчно уже считаться по каторгамъ и только временемъ отлучаться въ бродяжество. Самые побѣги съ каторги были не особенно трудны, тѣмъ болѣе, что само заводское начальство въ прежнее время весьма мало обращало вниманія на побѣги. Народу для работъ на заводахъ всегда было много, гораздо больше, чѣмъ было нужно, потому какъ бы ни были значительны побѣги, они не останавливали работъ. И побѣги съ заводовъ и каторги въ это время развились до страшныхъ размѣровъ.

По отчотамъ, опубликованнымъ г. Максимовымъ, видно, что въ 5 лѣтъ, съ 1836 по 1841 г., съ заводовъ иркутскаго и селенгинскаго солеваренныхъ, троицкаго и николаевскаго винокуренныхъ, ушло въ бѣга 2,704 человѣка; съ петровскаго желѣзнаго завода въ 10 лѣтъ, съ 1842 по 1852 г.,—776 человѣкъ, съ александровскаго винокуреннаго, съ 1835 по 1841 г.,—1,837 человѣкъ, а съ 1846 по 1854 г.—1,113 мужчинъ и 19 женщинъ; въ 25 лѣтъ съ него бѣжало 6,879 человѣкъ. Съ прочихъ заводовъ бѣжало по столько-же; такъ-что можно приблизительно-вѣрно сказать, что со всѣхъ заводовъ, въ каждое десятилѣтіе, бѣжало 12,929 человѣкъ; ловили и возвращали, по среднему разсчоту, въ десятилѣтіе только 2,730 человѣкъ.

Число бѣглыхъ поселенцевъ было еще значительнѣе: пойманныхъ и уличонныхъ въ 9 лѣтъ, съ 1838 по 1846 годъ, оказалось 5,800 мужчинъ и 208 женщинъ. Но это число только *уличонныхъ*; обыкновенно же поселенцы имѣютъ обычай называть себя непомнящими, бродягами,

нии пишутся чужими именами, подыскивая случай куда-нибудь приписаться или перечислиться къ мѣстнымъ батальонамъ. Поэтому дѣйствительное число бѣглыхъ поселенцевъ вѣрнѣе опредѣляется пойманными бродягами. Такихъ бродягъ въ эти-же 9 лѣтъ, въ Сибири было поймано 13,788 мужчинъ и 3,528 женщинъ; большинство изъ нихъ, конечно, ссыльные; въ 20 лѣтъ съ одного Урала укрывавшихся у подзаводскихъ крестьянъ было выслано 13,769 человѣкъ, изъ которыхъ уличенныхъ ссыльныхъ и варнаковъ было 53% *). Но и эти цифры все-таки недостаточны: по нимъ видно только число пойманныхъ и высланныхъ изъ разныхъ мѣстностей ссыльно-поселенцевъ; число-же бродившихъ и скрывавшихся было, по всей вѣроятности, вдвое и втрое больше. Г. Максимовъ приводитъ, что въ енисейской губерніи изъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года, съ 1857 по 1859 г., бѣжало 6,752 человѣка и поймано только 1,850 человѣкъ, т. е. $^1/_4$. Такимъ образомъ изъ одной только губерніи бѣжала $^1/_3$ годовой сибирской ссылки на поселеніе. Свѣдѣнія о бытѣ поселенцевъ доказываютъ, что то-же повторяется и во всей Сибири: намъ говорили очевидцы, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ тобольской и иркутской губерній изъ 6 и 7,000 приписанныхъ поселенцевъ едва 2,000 находится на-лицо: всѣ остальные на пріискахъ или въ бродяжествѣ разсѣяны по Сибири. Докторъ Шпрекъ въ своихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ о верхоленскихъ поселенцахъ приводитъ, что на-лицо ихъ считается всего *пятая часть*,—остальные въ неизвѣстной отлучкѣ. Принимая въ разсчотъ число пойманныхъ бродягъ въ девятилѣтній періодъ, съ 1838 по 1846 г., 17,000, можно безошибочно предположить, что ихъ бѣжало по-крайней-мѣрѣ вдвое, т. е. не менѣе 30,000; а прибавляя сю-

*) Максимовъ, «Народныя преступленія и несчастія». Отеч. Зап., кн. ѵ. 374, 376, 380.

до 10,000 каторжныхъ, получимъ, что бѣжало болѣе половины всѣхъ сосланныхъ за это время, которыхъ было 75,000 человѣкъ. Изъ числа этихъ бѣглецовъ пойманные сидѣли въ острогахъ, гдѣ судились за свои побѣги и за преступленія, а непойманные бродили по пустынямъ сибирскимъ *). Но тѣ и другіе одинаково не могли принести никакой пользы колонизаціи.

Затѣмъ мы должны исключить значительное число умирающихъ, какъ въ партіяхъ во время дороги, такъ и въ Сибири. Г. Максимовъ приводитъ, что на 4,500 ссыльныхъ, въ послѣдніе годы, оставались по болѣзни на дорогѣ, до Нерчинска, 1,260 и изъ нихъ 260 умирало, не доходя до мѣста поселенія, т. е. 27 на 1,000. О значительномъ вымираніи ссыльныхъ на пути указываетъ и г. Гагемейстеръ въ обозрѣніи исторіи ссылки. Кромѣ смертности, надо принять во вниманіе, что въ Сибирь проходитъ значительное число старыхъ, увѣчныхъ, калѣкъ и неспособныхъ къ работамъ, а потому и эти люди должны считаться потерянными для колонизаціи. Такимъ-образомъ, вычитая число бѣглыхъ, умершихъ въ пути, находящихся въ острогахъ за преступленія въ Сибири, наконецъ неспособныхъ и старыхъ, мы увидимъ, что изъ общаго контингента ссыльныхъ число людей способныхъ къ труду и поселенію остается крайне-незначительное. Попробуемъ сдѣлать приблизительный разсчотъ. Извѣстно, что съ 1807 по 1870 г. ссылка въ Сибирь дала 460,000 человѣкъ,—почти полмилліона жителей для Сибири могло-бы быть важнымъ пріобрѣтеніемъ. Но сколько же изъ нихъ осталось въ Сибири и принесло пользу колонизаціи? Во-первыхъ, все число ссыльныхъ, накопленное въ 63 года, мы не можемъ считать существующимъ, а поэтому его надо

*) Свѣдѣніямъ о бродяжествѣ въ Сибири, доходящемъ до страшныхъ размѣровъ, и о судьбѣ его здѣсь, мы посвятили особое изслѣдованіе. См. «Бродячее населеніе Сибири».

раздѣлить на поколѣнія. Средняя продолжительность жизни для поселенцевъ въ Сибири не могла быть больше 20 лѣтъ, такъ-какъ всѣ они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами *). Такимъ-образомъ ссылку надо раздѣлить на двадцатилѣтія, причемъ выйдетъ, что она въ настоящемъ столѣтіи давала до 150,000 на поколѣніе. Затѣмъ, полагая изъ этого числа 40,000 бѣглыхъ въ каждое десятилѣтіе и 3,050 умирающихъ въ партіи, мы увидимъ, что изъ всего числа ссыльныхъ въ 20 лѣтъ въ Сибири оставалось только 67,000 человѣкъ; исключимъ изъ этого числа поселенцевъ, вновь попадающихъ за преступленія на каторгу, исключимъ старыхъ, неспособныхъ и калѣкъ, и мы найдемъ, что ссылка въ 20 лѣтъ давала Сибири уже не 150,000, а только 60,000 человѣкъ, разсѣянныхъ по сибирскимъ деревнямъ и пріискамъ. Притомъ поселенческое населеніе очень мало размножалось естественнымъ путемъ, такъ-какъ браки между ними были рѣдки. До Тобольска ссыльнымъ совсѣмъ воспрещалось жениться; точно также были ограниченія для вступленія въ бракъ съ каторжными. Затѣмъ самое число ссыльныхъ женщинъ далеко не соотвѣтствовало мужскому населенію, такъ-какъ ссыльныя женщины составляли $^1/_6$ часть,— вѣрнѣе, 18 женщинъ приходилось на 100 мужчинъ; многія изъ нихъ ссылались уже замужними, и $^1/_8$ часть ихъ была старѣе 40 лѣтъ. Большая часть этихъ женщинъ вела развратную жизнь; между ними многія были заражены сифилисомъ, что въ свою очередь тоже не мало препятствовало заключенію браковъ между ссыльными. Что-же касается браковъ поселенцевъ съ свободными сословіями въ Сибири, то, не смотря на поощреніе ихъ правительствомъ **), они заключались очень рѣдко,

*) По исчисленію по возрастамъ, за 12 лѣтъ, ссыльныхъ прошло между 11—30 годами 6,518 и между 30—60 годами и старѣе—6,790. Анучинъ, Мат. для Уголов. Статист. Россіи, ч. I, ст. 44.

**) Для браковъ поселенцевъ были слѣдующія постановленія: до То-

потому что мѣстное крестьянство не желало отдавать своихъ дочерей за поселенцевъ, неимѣвшихъ никакой собственности, ни даже движимаго имущества, прежде чѣмъ тѣ пріобрѣтутъ хорошую репутацію и обзаведутся хоть немножко. Поселенцы притомъ нерѣдко злоупотребляли этими браками и заключали ихъ только для полученія субсидіи въ 50 р. и затѣмъ уходили въ бродяжество. Къ тому-же въ Сибири до сихъ поръ женщинъ менѣе, чѣмъ мужчинъ.

Посмотримъ теперь, какимъ условіямъ былъ подчиненъ трудъ ссыльныхъ въ Сибири, какую услугу они оказали этой странѣ, какъ колонисты.

Мы сказали выше, что поселенецъ, по Уставу о Ссыльныхъ 1822 г., приписывался обыкновенно къ волости и долженъ былъ заниматься сельскими работами. Являясь въ Сибирь нищимъ и убогимъ, поселенецъ не имѣлъ средствъ обзавестись хозяйствомъ; бывшее на родинѣ его имущество передано во владѣніе его родственникамъ, и, какъ состоящее преимущественно въ землѣ, не могло быть капитализировано для перевода его въ дальнюю Сибирь къ бывшему владѣльцу, еслибы даже новый владѣлецъ и захотѣлъ оказать великодушіе своему несчастному родственнику. И приходилось поселенцу идти въ работники къ мѣстному крестьянству. Трудъ этотъ былъ очень не легокъ, особенно для поселенца. Земледѣльческія занятія были тяжелѣе въ Сибири, потому-что сама природа здѣсь ставила наиболѣе препятствій: непроходимые лѣса и тайги, громадныя пространства, суровыя зимы и необыкновенно-жаркія лѣта, лѣса, усѣянные миріадами насѣкомыхъ,—все это обусловливало уси-

---

больска были запрещены браки между ссыльными, но на мѣстныхъ жительницахъ свободныхъ сословій жениться дозволялось. На мѣстѣ поселенія, съ цѣлію поощренія браковъ, поселенцу, вступавшему въ бракъ съ женщиной свободнаго сословія, выдавалось 50 р. на обзаведеніе, а поселенцу, вступающему въ бракъ съ ссыльной, 15 р. и такая-же сумма въ 10-ти-лѣтнюю ссуду.

денный и тяжкій трудъ земледѣльца при распахиваніи новинъ, при вырубкѣ лѣса и т. д. Условія труда, къ которымъ привыкъ сибирскій крестьянинъ, были невыносимы для поселенца. Ему приходилось многому учиться, во многому приноравливаться. Въ то-же время стремленіе къ обогащенію и духъ корыстолюбія, свойственный всѣмъ новымъ колоніямъ, породили въ Сибири сильнѣйшую эксплуатацію работниковъ. Міроѣдство съ одной стороны, покручничество, батрачество и кабала съ другой, стали постояннымъ явленіемъ въ сибирскихъ деревняхъ. Поэтому положеніе батрака-поселенца у сибирскаго крестьянина было самое-безотрадное. „Нѣтъ болѣе лихого человѣка,—говоритъ поселенецъ,—какъ богатый сибирскій мужикъ“: онъ требуетъ работы неустанной, безпрерывной, не хочетъ знать праздниковъ. Жалованья батраку полагается въ западной Сибири не болѣе 30 и 40 р. въ годъ; притомъ-же оно не всегда исправно выплачивается, такъ-что поселенцы охотнѣе берутъ на себя обязанности пастуховъ, караульщиковъ, перевозчиковъ и исполняютъ эти обязанности изъ-за хлѣба или даже побираются милостыней, только-бы не работать у сибирскаго мужика-кулака, гоняющаго ихъ на работу до полнаго истощенія силъ. Жизнь поселенцевъ въ деревняхъ въ первое время ссылки особенно не красна. Приходятъ они туда голодные, въ лохмотьяхъ, и требуютъ себѣ пріюта. Общества отводятъ имъ обыкновенно одну мірскую избу или срубъ, гдѣ они и живутъ всѣ вмѣстѣ, имѣя на всѣхъ одно ведро, одинъ топоръ, а нерѣдко носятъ попеременно одно и то-же платье. Въ этихъ отведенныхъ имъ избахъ они проводятъ года, не заботясь или не имѣя возможности устроиться отдѣльно. Питая отвращеніе къ тяжолому труду у сибирскаго крестьянина, къ мѣсту ссылки, проклиная Сибирь, вѣчно жолчные, недовольные и голодные, они бродятъ по деревнямъ, выпрашивая милостыню, или сидятъ оборванные и подбитые по кабакамъ, готовые вступить

въ отважное предпріятіе, чтобы что-нибудь стянуть у крестьянъ. Нерѣдко черезъ нѣсколько дней по присылкѣ они уже за какую-нибудь провинность препровождаются въ мѣстный острогъ. Рѣдкіе изъ нихъ берутъ земли для разработки. Послѣднее объясняется и тѣмъ, что крестьяне даютъ самые дурные надѣлы поселенцамъ: новины, болота и т. д., и какъ только поселенецъ ихъ обработаетъ, то крестьяне нерѣдко производятъ новый передѣлъ земель и отбираютъ у поселенцевъ улучшонныя ихъ трудомъ земли. При такихъ условіяхъ трудно было требовать отъ поселенцевъ любви къ осѣдлости, безъ которой немыслимы колонизаціонные успѣхи. Вотъ какъ напримѣръ характеризуетъ жизнь поселенцевъ въ верхоленскомъ округѣ докторъ Шпрекъ:

Въ 1863 году въ 3-хъ волостяхъ верхоленскаго округа числилось до 4,875 душъ поселенцевъ обоего пола; изъ нихъ на 3,679 мужчинъ приходилось всего 1,196 женщинъ. Недоимки на нихъ были громадныя: такъ въ 1863 году считалось 16,355 р. $39^1/_2$ к. Цифра значительная,—говоритъ авторъ,—при незначительныхъ окладахъ ихъ податей *) и небольшомъ населеніи. Причинами этому служатъ: 1) отлучки поселенцевъ, подлежащихъ платежу податей; 2) числящіяся недоимки на умершихъ и 3) способъ обложенія, причемъ перечисленіе поселенца въ окладъ тянется много времени и подать на немъ накопляется. Приэтомъ еще надо принять въ соображеніе, что поселенческихъ хозяйствъ ничтожно. Изъ 3,679 поселенцевъ только 430 имѣютъ дома въ этой волости, а это зависитъ отъ того, что многіе изъ поселенцевъ бѣгутъ съ мѣста перечисленія, другіе попадаются въ преступленіяхъ, третьи отправляются на золотые пріиски. Значительная часть этихъ людей пропа-

*) Они 3 льготные года не платятъ податей и 7 лѣтъ платятъ половину,—это значитъ, что поселенцы не могутъ вносить даже по 1 р. 70 к. въ годъ.

даетъ и умираетъ въ тайгѣ, и на мѣстѣ поселенія живетъ не болѣе пятой части числящихся по спискамъ. Смертность, вслѣдствіе дурныхъ условій жизни, между поселенцами несравненно большая, чѣмъ между крестьянами, въ особенности случайная. Докторъ Шперкъ говоритъ, что *одинъ* судебно-медицинскій случай приходился:

	1862 г.		1863 г.		1864 г.		1865 г.
у крестьянъ на	2,714	—	1,357	—	1,447	—	1,447
у поселенцевъ на	812	—	304	—	324	—	232

Притомъ поселенческая пропорція составлена, принимая въ соображеніе все списочное число поселенцевъ, тогда какъ ихъ на мѣстѣ жительства никогда не бываетъ даже и половины. Такія невыгодныя условія поселенческаго быта въ деревняхъ, къ которымъ ихъ приписывали, побудили наконецъ мѣстное начальство ходатайствовать о дозволеніи поселенцамъ отлучаться на пріиски по паспортамъ. Это было разрѣшено и массы поселенцевъ двинулись въ обѣтованный край.

Если поселенцы искали только какихъ-нибудь заработковъ, изъ-за хлѣба, и права отлучекъ, то для золотопромышленности требовались бобыли, люди одинокіе, безъ всякихъ хозяйствъ, способные въ дальней тайгѣ проживать по нѣскольку лѣтъ и готовые на всякія тяжкія работы и на всякія условія найма. Поэтому золотопромышленники не жалѣли ничего, чтобы завлечь поселенцевъ, а поселенцы валили на пріиски, обольщаемые большими заработками. Пріиски такимъ-образомъ съ самаго начала были обязаны своимъ существованіемъ этому бродячему, бѣдному и безсемейному народу. Картина пріисковаго труда и таежной жизни въ Сибири представляла другую мрачную сторону поселенческаго быта. Поселенцы, заключивъ формальные договоры въ волостяхъ съ нанимателями, ранней весной отправлялись на пріиски, на лѣтнія работы. Въ глухихъ лѣсахъ и дебряхъ, вдали отъ городовъ и властей, въ полномъ без-

условномъ распоряженіи золотопромышленника и его приказчиковъ, поселенцы работали съ 15 апрѣля по 10 сентября, т. е. около 5 мѣсяцевъ; они работали на открытомъ воздухѣ среди вьюгъ и непогодъ сибирской тайги, стоя въ водѣ и въ грязи въ разрѣзахъ и шурфахъ, подъ дождемъ и снѣгомъ. Хотя, по закону, работы полагались съ 5 часовъ утра до 8 ч. вечера, т. е. по 12 часовъ въ сутки, но распорядителямъ на нѣкоторыхъ пріискахъ показалось и этого мало,—они увеличили число рабочихъ часовъ до 14 и 15. Рабочихъ изъ поселенцевъ въ прежнее время на золотыхъ пріискахъ нерѣдко помѣщали въ неудобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ жильяхъ, кормили ихъ испорченной солониной, испорченнымъ хлѣбомъ, колбой и дикимъ лукомъ. Рабочій поселенецъ пользовался одеждою, обувью и проч. отъ золотопромышленника, что ему ставилось въ счетъ въ тридорога, и это еще болѣе закабаляло его. Рядомъ съ тяжолыми работами шли тяжолыя дисциплинарныя наказанія. При такихъ условіяхъ на пріискахъ развивались заразительныя болѣзни, какъ тифъ и цынга. Кто заболѣвалъ сильно и не могъ работать, тѣхъ разсчитывали и отправляли съ пріисковъ назадъ *). На иныхъ пріискахъ работы были такъ тяжелы, что считались хуже каторжныхъ. Извѣстенъ случай, когда одинъ каторжный, Черниковъ, подъ чужимъ именемъ попавъ на пріиски, скоро признался въ обмѣнѣ именемъ и просилъ, чтобы его отправили лучше на каторгу, такъ-какъ работъ на пріискахъ выносить онъ не могъ. Самый заработокъ на пріискахъ за тяжолыя работы былъ не особенно великъ: рабочему, правда, полагалось отъ 3 до 15 р. въ мѣсяцъ за работу, но чтобы получить до 15 р., онъ долженъ былъ выполнять *старательскія* работы сверхъ уроковъ, работая въ неположенные часы, въ праздники

---

*) См. „Положеніе рабочаго класса“ Флеровскаго, также Кривошапкина „Опис. Енисейск. губ.“

и т. д. На урочной работѣ,—говоритъ г. Флеровскій,—онъ и задатка не отработаетъ. Но получая самую большую плату—по 15 р., онъ всетаки не могъ себя обезпечить. Г. Флеровскій разсчитываетъ, что рабочій, отлучаясь отъ семейства, не могъ на пріискахъ выработать на его содержаніе, такъ-какъ для этого необходимо 180 р., а онъ получалъ всего 75 р. въ пять мѣсяцевъ.

На пріиски такимъ-образомъ могли ходить только одни бобыли и поселенцы; но и бобыль-работникъ, вырабатывая maximum 75 р., за исключеніемъ задатка, который онъ получилъ при наймѣ и истратилъ, за исключеніемъ наконецъ забора на пріискахъ и во время пути, не могъ этимъ пятимѣсячнымъ заработкомъ безъ нужды прожить цѣлый годъ. Онъ выходилъ съ самыми ничтожными деньгами, необезпечивающими его на зиму, и ему приходилось снова получать задатокъ на слѣдующій годъ и такимъ-образомъ изъ года въ годъ мучать себя тяжкимъ трудомъ на пріискахъ.

Что-же однако влекло поселенцевъ къ этимъ тяжолымъ работамъ? Смѣтливые золотопромышленники Сибири знали нужду и крайность поселенцевъ, знали ихъ характеръ, и не щадили ни обѣщаній, ни денежныхъ приманокъ въ видѣ задатка за работу. Обыкновенно бойкіе приказчики золотопромышленниковъ рыскали по Сибири, раскидывая паутину, т. е. разыскивая и собирая разную голытьбу, бобылей-недоимщиковъ, закутившихся крестьянъ, раззоренныхъ бѣдняковъ и неимущихъ поселенцевъ. Такихъ людей нетрудно было подкупить на разныя обѣщанія и значительные задатки,—въ 30, 40 и 50 руб. Съ жадностью принимались эти задатки, которые предполагалось употребить на уплату податей и дорожныя издержки; но такъ только предполагалось, а въ дѣйствительности эти задатки сейчасъ-же прокучивались и разматывались; по деревнямъ шло веселье, но зато тѣмъ горче приходилось расплачиваться въ тайгѣ

за эти задатки. Рабочіе понимали, что они попали въ просакъ и, заканиваясь ходить на пріиски, торопились работать, желая скопить хоть сколько-нибудь денегъ. Но кончаются работы, разсчотъ едѣланъ; немного пришлось получить рабочему, но онъ все-таки доволенъ; онъ оживаетъ, когда послѣ тяжолаго труда, тоскливой жизни, полной лишеній, выйдетъ на широкій просторъ сибирскихъ селъ, гдѣ его встрѣчаютъ привѣтливо разные промышленники, желающіе попользоваться на его счотъ. Торговцы тащатъ его въ свои лавки, предлагая разные товары; гостинницы и харчевни манятъ его съ голодухи; передъ нимъ широко растворяются двери развеселыхъ кабаковъ; по улицамъ прогуливаются красивыя сибирячки въ душегрѣйкахъ, и вотъ—загремѣла музыка, полилось зелено-вино, закружилась буйная голова поселенца, захотѣлось ему хоть на мигъ забыть свое горе, хвастнуть своимъ добромъ—и пустить по-боку заработокъ! Буйная вакханалія охватываетъ его послѣ столькихъ лишеній и онъ тратитъ заработокъ съ безумной расточительностью. Но не прошло еще похмѣлье, какъ онъ уже давно выброшенъ изъ кабака — пропившійся, обобранный и едва-одѣтый. Проклиная свою слабость, онъ возвращается въ свою деревню попрежнему голодный и въ рубищѣ. Снова проходитъ тяжолая зима; снова является соблазнъ въ видѣ задатка, и онъ опять нанимается на пріиски. Многіе, не доходя до дому, прокутившись, отыскиваютъ пріисковаго приказчика и нанимаются на пріиски и, спуская изъ года въ годъ заработокъ, работаютъ въ вѣчной кабалѣ изъ-за того только, чтобы недѣлю или двѣ осенью провести въ развратѣ и буйныхъ оргіяхъ. Соблазнъ, опутывающій поселенцевъ, такъ великъ, что отъ него не удерживаются самые стойкіе. Одинъ изъ поселенцевъ, старикъ малороссіянинъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ, боясь соблазна, 7 лѣтъ не выходилъ съ пріисковъ и копилъ деньги,—наконецъ вышелъ оттуда съ порядочнымъ запасомъ денегъ и съ тѣ

намѣреніемъ зажить теперь своимъ домомъ осѣдло въ Сибири. Онъ, конечно, очутился прежде всего въ торговомъ таборѣ, выѣхавшемъ встрѣтить рабочихъ. „Захотѣла душа моя, — говоритъ онъ,— одинъ шкаликъ,— только одинъ. Выпилъ, хожу и крѣплюсь. Захотѣла душа моя еще одинъ шкаликъ.... ничего не подѣлаешь съ душой! Да какъ выпилъ, такъ взялъ цѣлую сотню шкаликовъ для братіи выставилъ. Цѣлый день я компанію поилъ, а другой день лежалъ безъ шароваръ, чортъ-знаетъ гдѣ, въ какой-то канавѣ! Съ тѣхъ поръ пошолъ опять на пріиски и не выхожу!“ Такова была деморализующая сторона пріисковъ.

Эту горькую сторону пріисковаго труда давно поняли сибирскіе крестьяне, неразъ возвращавшіеся голодными и нищими въ семьи, хотя ожидали получить чуть не цѣлыя богатства; зато послѣ первыхъ тяжолыхъ опытовъ крестьянство не захотѣло болѣе знакомиться съ пріисковыми порядками и изъ крестьянъ стали ходить туда развѣ горькіе бобыли да совсѣмъ разворившіеся; беземельные же и бродячіе поселенцы не смѣли дать себѣ зарока и, окончательно развращонные пріисками, составили почти единственный рабочій контингентъ золотыхъ пріисковъ. Любопытенъ слѣдующій отрывокъ изъ рапорта одного исправника енисейской губерніи. „Возмутительные факты (злоупотребленій на пріискахъ), — пишетъ онъ,—доказываемые дѣлами енисейскаго земскаго суда и другихъ полицейскихъ мѣстъ и разносимые въ разсказахъ рабочихъ, выходящихъ съ пріисковъ, до того дѣлаются извѣстными въ рабочемъ классѣ, что порождаютъ въ немъ только ужасъ и отвращеніе къ пріисковымъ работамъ. Ни огромные задатки, ни баснословные заработки, прославляемые нанимателями пріисковыхъ работниковъ, не привлекаютъ ужь никого изъ людей, непотерявшихъ еще доброй нравственности, хотя-бы и терпящихъ какую-бы то ни было нужду въ деньгахъ. Идутъ же на пріиски люди бездомные, пьяницы,

больные и безсильные, которые на мѣстахъ своего водворенія служатъ въ тягость своимъ обществамъ. Изъ 18,397 человѣкъ мужчинъ, населяющихъ собою енисейскій округъ, на пріиски ходятъ *только 100 человѣкъ* съ небольшимъ". Работать на пріиски идутъ, какъ мы сказали, почти исключительно ссыльные. Докторъ Шпрекъ, въ своей запискѣ о поселенцахъ верхоленскаго округа, приводитъ слѣдующую паралель между крестьянами, отлучающимися на пріиски, и поселенцами:

	Въ 1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.
крестьянъ	68	50	61	62
поселенцевъ	1,321	1,239	1,269	1,384

Изъ всего числа поселенцевъ въ этомъ округѣ на пріиски уходило $^2/_3$. Такимъ-образомъ поселенцы связали свою судьбу съ пріисками, но не въ прокъ пошла имъ эта связь. Постоянныя болѣзни на пріискахъ уносятъ ежегодно много жертвъ изъ числа 30,000 поселенцевъ, здѣсь работающихъ. Многіе, не выдержавъ, пускались въ бѣга и часто пропадали безъ вѣсти, убиваемые по дорогѣ, какъ говорятъ, даже своими товарищами, польстившимися на какой-нибудь полтинникъ или рубль *).

Обозрѣвая положеніе поселенцевъ на пріискахъ и ихъ работы, нельзя не придти къ заключенію, что и съ этой стороны они приносили очень мало пользы колонизаціи и не могли оказывать дѣйствительныхъ услугъ странѣ. Это была масса вѣчно-кабальнаго, бродячаго и безъимущественнаго народа, — масса притомъ крайне-деморализованная. За исключеніемъ лѣтняго рабочаго времени, пріисковые рабочіе-поселенцы проводили время праздно

*) Какъ велики были побѣги поселенцевъ съ частныхъ пріисковъ, видно изъ приводимаго г. Максимовымъ отчота по южной системѣ пріисковъ: въ 1856 году изъ 9,558 рабочихъ бѣжало 67 разнаго званія людей и 886 поселенцевъ; въ 1857 г. изъ 9,472 чел. — 33 свободныхъ работниковъ и 133 поселенца; то-же въ 1858, 1859 и т. д. Изъ этого видно, что поселенцы также болѣе бѣгаютъ съ пріисковъ, чѣмъ крестьяне. Это опять-таки не рекомендуетъ ихъ способность къ труду.

въ деревняхъ и городахъ. Проводя цѣлую жизнь то въ тяжкомъ трудѣ лѣтомъ, то въ праздности въ остальное время года, убивъ свои силы, они возвращались подъ-старость въ деревни, уже ни къ чему неспособные. Здѣсь они нищенствовали и бродяжили до самой смерти.

При такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ какія былъ поставленъ поселенческій трудъ, конечно, невозможно было и требовать, чтобы онъ далъ благотворные результаты для страны. Этотъ трудъ вопервыхъ не былъ поставленъ въ одинаковыя условія съ трудомъ туземцевъ и *новоселовъ*, какъ называютъ въ Сибири вольныхъ колонистовъ въ противоположность ссыльно-поселенцамъ, а вовторыхъ, онъ былъ и другого, гораздо низшаго качества. Поселенецъ, насильственно переселяемый, не могъ имѣть особаго желанія создавать себѣ собственность и благосостояніе въ новой странѣ, къ которой онъ питалъ скорѣе антипатію; трудиться побуждала его только опасность умереть съ голоду, а слѣдовательно о качествѣ и производительности труда для страны тутъ нечего было и думать: поселенецъ брался за тотъ трудъ, на который не было охотниковъ изъ мѣстныхъ жителей. Человѣкъ безъ семьи, безъ дома, кочующій работникъ, онъ естественно вовсе не заботился о сбереженіяхъ, и если ему случалось пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ грошей, то онъ не затрачивалъ ихъ плодотворно на прочное обзаведеніе хозяйствомъ, не прибавлялъ своего капитала къ капиталу страны, а большею частью, подъ вліяніемъ горя и одиночества, растрачивалъ его на мгновенныя удовольствія. Самое психическое состояніе поселенца отчасти препятствовало ему сдѣлаться хорошимъ работникомъ: постоянно недовольный, страдающій, какъ человѣкъ гонимый, презираемый, лишонный многихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, онъ трудился кое-какъ; въ немъ не было главнаго, что возвышаетъ трудъ и дѣлаетъ его пріятнымъ для трудящагося: въ немъ не было необходимой энергіи и сознанія полезности труда.

Поселенецъ до сихъ поръ въ Сибири считается самымъ плохимъ, неумѣлымъ, лѣнивымъ и недобросовѣстнымъ работникомъ. „Могу-ли я взять его къ себѣ въ работники,—говоритъ сибирскій крестьянинъ,—когда онъ проживетъ у меня недѣлю, украдетъ что-нибудь да и уйдетъ бродяжить!" На золотыхъ пріискахъ поселенецъ, особенно изъ бродягъ, считается по труду слабосильнѣе и лѣнивѣе крестьянина;—и это понятно: изнуреніе по острогамъ, тѣлесное наказаніе, иногда предварительныя работы на каторгѣ и тяжкія испытанія въ жизни не могли не подѣйствовать на его физическую организацію. Въ городахъ, въ качествѣ прислуги, они также не пользуются довѣріемъ. Сравнивая такимъ-образомъ вольнаго колониста Сибири съ ссыльнымъ, мы найдемъ огромную разницу въ пользѣ, которую приноситъ тотъ и другой: 10 крестьянскихъ семействъ принесутъ ея въ несравненно-большемъ размѣрѣ, чѣмъ 100 или даже 200 поселенцевъ.

Подводя къ итогу все сказанное нами выше относительно наличной численности поселенцевъ, водворившихся въ Сибири, качества труда ссыльныхъ и степени ихъ осѣдлости, мы должны вывести заключеніе, что ссылка въ Сибирь до сихъ поръ почти вовсе не имѣла колонизаціоннаго значенія. Даже самое число ссыльныхъ, водворенныхъ въ Сибири, не дѣлало чувствительнаго увеличенія въ общемъ итогѣ сибирскаго населенія. И въ самомъ дѣлѣ, что могла значить прибавка 60 тысячъ человѣкъ втеченіе 20 лѣтъ?—по отношенію къ вольному сибирскому населенію она составляла одну семьдесятъ-пятую часть его: она была какъ-бы каплей въ морѣ. Кромѣтого большая часть поселенцевъ жила на пріискахъ или скиталась по Сибири, нищенствуя и проводя время въ праздности; поселенцы были не осѣдлымъ населеніемъ, а бродячимъ, неспособнымъ ничего производить для новой своей родины. „Къ сожалѣнію, должно сказать,—говоритъ г. Пейзенъ,—что въ настоящее время,

въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ развились въ Сибири золотые пріиски, колонизація ссыльныхъ не достигаетъ своей цѣли: ссыльные увеличиваются только числомъ, но вліяніе ихъ на заселеніе края и развитіе въ немъ духа предпріимчивости—самое ничтожное" *).

Осѣдлость поселенцевъ шла очень туго. Мы видѣли напримѣръ, что изъ числа всѣхъ приписанныхъ поселенцевъ, судя по верхоленскому округу, обзаводилась хозяйствомъ едва пятая часть. „Какую-же пользу приноситъ этотъ людъ краю и населенію, составляя пятую часть наличнаго числа?—говоритъ докторъ Шпрекъ:—мало и очень мало изъ сосланныхъ на поселеніе становятся полезными членами общества и разсчитываютъ на свою дальнѣйшую судьбу". И таковъ взглядъ всѣхъ изслѣдователей, изучавшихъ колонизаціонное значеніе нашей ссылки.

Разсматривая нашу ссылку по отношенію къ ея колонизаціонному значенію, мы видимъ, что она не достигла предположенной цѣли—заселенія Сибири. Поселенцы не только не являются преобладающею частью сибирскаго населенія, но, напротивъ, составляютъ самую ничтожную и быстро-вымирающую часть его. Не смотря на всѣ усилія добиться слитія ссыльныхъ съ туземцами, этого сдѣлать не удалось, и поколѣніе за поколѣніемъ прибывающихъ въ Сибирь бобыльныхъ и неженатыхъ поселенцевъ вымираетъ и пропадаетъ безслѣдно. „Происхожденіе отъ ссыльныхъ", приписываемое сибирякамъ, поэтому нимало не подтверждается историческими изслѣдованіями и названіе *„варначьей крови"* остается остроумною, но, къ сожалѣнію, малооснователъною выходкою.

Имѣя столь сомнительное колонизаціонное значеніе даже въ прежнее время, ссылка, конечно, еще менѣе

---

*) Историч. Очерки Колонизац. Сибири. Современникъ, сентябрь 1859 г., стр. 39 и 40.

можетъ пріобрѣсти его теперь: если она была сколько-нибудь необходима въ первое время заселенія Сибири, когда послѣдняя была совершенно пустынна, то нынѣ, при свободномъ притокѣ колонистовъ и при естественномъ размноженіи туземцевъ, необходимость ея для колонизаціонныхъ цѣлей стала еще менѣе очевидна,—тѣмъ болѣе, что обратныя, темныя и невыгодныя стороны ссылки, небросавшіяся въ глаза въ прежнее время,—въ настоящее время, при увеличивающемся населеніи азіатскихъ провинцій, выступаютъ все рѣзче и рѣзче.

III.

Исправительное значеніе русской ссылки.

Юристы-теоретики придаютъ большое значеніе исправительному характеру ссылки. Основываясь на очень-немногихъ частныхъ фактахъ, они дѣлаютъ общій выводъ, что даже закоренѣлые преступники во время своего пребыванія въ ссылкѣ становятся способными къ труду, покидаютъ свои прежнія, вредныя для общества привычки и приносятъ пользу краю, въ которомъ ихъ поселили,—однимъ словомъ, составляютъ полезный элементъ для колонизаціи страны. Въ статьѣ нашей о колонизаціонномъ значеніи русской ссылки мы показали, какое ничтожное значеніе имѣла ссылка въ Сибирь на колонизованіе этой страны. Что же касается ея исправительнаго значенія, то идеалъ благоденствующаго, добродѣтельнаго ссыльнаго, съ такимъ умиленіемъ воспѣваемый теоретиками, почти никогда или по-крайней-мѣрѣ очень рѣдко осуществлялся на практикѣ. Точно-также и предположенія теоретиковъ, что колонизаціонныя цѣли ссылки не могутъ противорѣчить ея исправительному значенію, вѣрны только въ теоріи, которая, отрѣшаясь отъ дѣйствительности, ставила человѣка совсѣмъ не въ тѣ условія, съ которыми приходится ему сталки-

ваться въ отдаленныхъ, пустынныхъ мѣстностяхъ, отводимыхъ для заселенія ссыльными. Съ другой стороны, самая колонизація ссыльными могла привести къ какимъ-нибудь результатамъ только въ такомъ случаѣ, когда по своимъ личнымъ качествамъ преступникъ былъ способенъ къ заселенію, осѣдлости и плодотворному труду въ новой странѣ. Такимъ-образомъ въ этомъ вопросѣ о сліяніи колонизаціонныхъ и исправительныхъ цѣлей ссылки практика не оправдываетъ теоріи и въ большинствѣ случаевъ эти цѣли взаимно противорѣчатъ и мѣшаютъ другъ другу и потому всегда приходилось жертвовать одними въ ущербъ другихъ. Для полнаго исправленія преступника необходимо въ новомъ мѣстѣ поселенія поставить его въ самыя-благопріятныя условія для труда и избавить отъ тѣхъ неудобствъ, которыя могутъ подать поводъ къ недовольству. Этому можетъ удовлетворить только особенно-хорошо-устроенная колонія, въ благопріятной мѣстности, съ удобнымъ климатомъ, съ плодородною почвою. Самый выборъ труда долженъ предоставляться поселенцу, потому-что для цѣлей исправительныхъ особенно-важно, чтобы преступникъ въ выборѣ труда слѣдовалъ болѣе своему влеченію, чѣмъ требованію необходимости. Но спрашивается, есть-ли какая-нибудь возможность слѣдовать этому плану, переселяя преступниковъ въ пустынныя, дикія мѣстности, которыя нужно колонизовать?—конечно, нѣтъ: здѣсь преступникъ ставится въ самыя-неблагопріятныя условія для заселенія, страдаетъ отъ болѣзней, голода, отъ непривычнаго климата, отъ новыхъ условій жизни, съ которыми ему трудно сродниться. Французы тысячами гибли въ Кайенѣ; англійскіе ссыльные въ первое время поселенія на берегахъ Лебединой рѣки умирали массами отъ голода, эпидемій и климатическихъ вліяній *).

*) Histoire de la Colonisation penale et des établissemens de l'Angleterre en Australie, par Blosseville, p. 110, 117, 136.

Громадныя неудобства испытывали и русскіе ссыльные въ суровой Сибири, перенося голодухи и страшные морозы Якутска, Камчатки и Туруханскаго края; здѣсь ссыльнымъ приходилось вести ожесточонную борьбу съ суровой природой сѣвера. Не встрѣчая удобствъ ни въ климатѣ, ни въ обстановкѣ, поставленный въ новыя, непривычныя условія жизни, принужденный бороться изъ-за средствъ существованія съ величайшими препятствіями, ссыльный, конечно, находился въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ до ссылки на родинѣ, а потому и самая страна, и трудъ къ ней возбуждали въ ссыльномъ только отвращеніе и предубѣжденіе. Идея о свободномъ, излюбленномъ трудѣ ссыльнаго, приводящемъ его къ полному исправленію, конечно, должна была уступить труду принудительному, такъ-какъ для обезпеченія существованія колониста пришлось заставлять его работать силой, подъ угрозой жестокихъ наказаній и подчинять суровой дисциплинѣ, примѣняемой въ каторгѣ. „Только благодаря желѣзной энергіи губернаторовъ и плодотворной строгости съ сосланными преступниками, предпріятіе колонизаціи не пало", говоритъ Гольцендорфъ о колоніяхъ въ Новой Голландіи. При основаніи французскихъ колоній точно-также прибѣгали къ самымъ-суровымъ мѣрамъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ только на каторгѣ и галерахъ. Въ Сибири мы видимъ то-же въ казенныхъ лоскутовскихъ поселеніяхъ. Но могъ-ли каторжный и принудительный трудъ, при помощи плетей и устрашенія самыми-суровыми наказаніями, служить цѣлямъ исправленія и можно-ли повѣрить, чтобы страшныя и надсадныя работы дѣйствовали благотворно на нравственную сторону ссыльнаго? Нельзя также не сознаться, что, съ другой стороны, ссыльные, предоставленные собственной волѣ, слишкомъ-мало прилагали заботъ для упроченія своей осѣдлости въ новой странѣ. Встрѣчая невыгодныя условія для своего труда, ссыльные пускались въ бродяжество и снова совершали пре-

ступленія, за которыя попали въ ссылку. Такъ было, напримѣръ, въ Тасманіи въ 1846 г.; такъ было всегда и въ Сибири, въ этомъ отечествѣ бродяжества и преступленій. . . . . . .

Положеніе ссыльныхъ, слишкомъ тягостное въ началѣ заселенія новой страны, должно было улучшиться по мѣрѣ развитія вольной колонизаціи этой страны. Когда страна становилась болѣе обработанною, населенною вольными колонистами, условія поселенія въ ней ссыльныхъ, конечно, дѣлались болѣе благопріятными, а съ тѣмъ вмѣстѣ облегчалась возможность достигать лучшихъ результатовъ исправленія преступниковъ. Поэтому любопытно взглянуть, какъ дѣйствовала эта ссылка при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Оцѣнивая чисто-нравственное вліяніе ссылки на преступника, переносимаго въ другую мѣстность, приходится сознаться, что и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ оно было далеко не такъ благотворно, какъ рисовала его теорія криминалистовъ. Апологисты ссылки, какъ извѣстно, приписываютъ ей очень важное исправительное значеніе. „Ссылка должна вліять на преступника благотворно,—говорятъ они,—уже потому, что, перенесенный и оторванный отъ своей прежней среды, поставленный въ новое положеніе, преступникъ долженъ одуматься,—въ немъ долженъ произойти нравственный переворотъ, возбуждающій раскаяніе, сожалѣніе о прошедшемъ и надежду на будущее. Эта надежда должна возбудить въ немъ мысль и энергію къ улучшенію своего положенія, понудить къ новому труду въ новой странѣ... Ссылка имѣетъ то достоинство, что, изолируя преступника отъ среды, въ которой онъ совершилъ преступленіе, дѣлаетъ его безопаснымъ для нея и переноситъ его въ другую страну и общественную среду, гдѣ не знаютъ о его преступленіи, что даетъ ему полную возможность возстановить свою репутацію. Ничто не даетъ здѣсь преступнику повода вспоминать о своемъ преступленіи: прошлое должно быть

забыто; жизнь начата вновь. Въ новой колоніи, куда перемѣщаютъ преступника, трудъ является въ лучшихъ условіяхъ; шансы обогащенія здѣсь скорѣе. Стремленіе пріобрѣсти богатство и примѣры быстраго обогащенія, окружающіе его, должны возбуждать его энергію; тутъ даже корыстолюбивое чувство окажетъ услугу, вдохновивъ его къ труду, къ занятію, и изгладить въ немъ инстинктъ пріобрѣсти обогащеніе легко незаконными и опасными средствами. Новое отечество, новая семья, новый домъ даютъ преступнику и новыя привязанности; привычка упрочитъ осѣдлость и трудъ, а довольство сдѣлаетъ его безопаснымъ и полезнымъ членомъ колоніи". Но, къ сожалѣнію, эта идилическая картина весьма-далека отъ дѣйствительности, а потому и ко всѣмъ этимъ доводамъ мы должны отнестись критически. Чувство боли и страданія, перемѣна положенія и судьбы, безъ-сомнѣнія, должны потрясти нравственно преступника, но этого еще слишкомъ-недостаточно для того, чтобы внушить человѣку новыя убѣжденія и наклонности. Наказаніе почти всегда оставляетъ въ немъ слѣдъ только тупой боли и возбуждаетъ въ немъ чувства апатіи и потерянности. Также трудно допустить, чтобы одна перемѣна мѣста и новое положеніе навели преступника на новыя мысли о трудѣ; если преступникъ не имѣлъ предубѣжденія противъ него до ссылки, то онъ и въ новой мѣстности, конечно, обратится къ нему; если же почему-нибудь онъ не имѣлъ склонности къ труду, то прежде нужно устранить причины, которыя довели его до отвращенія къ труду, и только съ устраненіемъ ихъ въ преступникѣ дѣйствительно разовьются новыя идеи о полезности и благотворности труда. Ссылка едвали можетъ устранять эти причины и потому трудно согласиться, чтобы понятія преступника о трудѣ измѣнились отъ одной перемѣны мѣста. Что касается довода панегиристовъ ссылки о лучшихъ условіяхъ труда въ колоніи для преступника, что, конечно, могло-бы имѣть значе-

на ссыльныхъ и создавала изъ нихъ разбойничьи и мошенническія шайки. Въ такой-же степени дѣйствовали и другія благопріятныя условія, на которыхъ основывали свои апріористическіе выводы увлекающіеся криминалисты. Они утверждаютъ, что въ новой странѣ ничто не напомнитъ преступнику о его преступленіи и никто не упрекнетъ его за старые грѣхи; но это несправедливо: всѣмъ окружающимъ извѣстно, какое-именно преступленіе привлекло ссыльнаго въ чужую страну; станутъ-ли упрекать его или не станутъ, это будетъ зависѣть отъ того, какъ народъ вообще относится къ преступнику и насколько, самъ преступникъ подаетъ поводъ напоминать ему о его прежней жизни. Новая среда, говорятъ криминалисты, даетъ ему возможность снова пріобрѣсти репутацію честнаго человѣка, — но вѣдь это не больше, какъ фраза; сами криминалисты хорошо знаютъ, какую роль въ дѣлѣ честности играетъ среда. А что эта среда никогда не забывала, что привело въ ссылку поселенца, а послѣдній напоминалъ объ этомъ своимъ поведеніемъ, доказательствомъ служатъ названія: „рваныхъ ноздрей“, „храпъ-маіора“, „посельщика“, „варнака“, „челдона“, которыми какъ сибиряки, такъ и вообще русскіе люди честятъ ссыльныхъ. Русскій народъ, не смотря на всю свою сердобольность, эту *національную нашу особенность*, какъ увѣряютъ этнографы-славянофилы, не только создалъ эти эпитеты для ссыльнаго, но свое презрѣніе обобщилъ до того, что часто примѣнялъ ихъ ко всѣмъ туземцамъ Сибири, которымъ присвоивалъ происхожденіе отъ ссыльныхъ. Такое отношеніе колонистовъ и вообще свободнаго населенія къ ссыльному и преступнику мы встрѣчаемъ не у насъ однихъ: сѣверо-американцы и англичане Новой Голландіи съ тѣмъ-же презрѣніемъ обращались къ ссыльному; а великобританскіе подданные въ Европѣ не затруднялись въ минуту раздраженія клеймить тѣхъ-же *янки* ссыльнымъ происхожденіемъ.

Такимъ-образомъ ни одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые выставляются апологистами ссылки, не можетъ быть признанъ неподлежащимъ сомнѣнію: въ практической жизни они никогда не оправдывались. Изъ очерковъ нашей ссылки видно, какія испытанія долженъ былъ переносить ссыльный въ Сибири; но и помимо этихъ испытаній, еслибы бѣдность, лишенія, отсутствіе занятій, непривычка къ новымъ условіямъ могли быть устранены при покровительствѣ труду ссыльнаго и при нѣкоторой ему помощи отъ правительства, ссылка, даже при лучшихъ условіяхъ, неблагопріятно отражается на психическомъ состояніи ссыльнаго, придаетъ особый характеръ его чувствамъ и печальнымъ образомъ измѣняетъ всю его дѣятельность. Криминалисты, вообще рисующіе положеніе ссыльнаго въ розовомъ свѣтѣ, стараются всегда игнорировать то нравственное вліяніе, которое производитъ на ссыльнаго разлука съ родиной; междутѣмъ оставленіе родины никогда не проходитъ безслѣдно: оно производитъ глубокое впечатлѣніе на самаго-закоренѣлаго злодѣя и испорченнаго человѣка, не говоря уже о натурахъ мягкихъ и оставлявшихъ на родинѣ какія-нибудь сильныя привязанности. Ссыльный, оставляющій родину, испытываетъ самое-тяжолое нравственное страданіе; моментъ этотъ дѣйствуетъ на человѣка болѣзненно, потрясаетъ весь его организмъ, приводитъ къ паденію духа и можетъ довести до положительнаго отчаянія. Поэтому-то люди благоразумные всегда предлагали чрезвычайно-осторожно назначать ссылку. Это наказаніе причиняетъ самую-жгучую боль наказанному; оно можетъ положить—и почти всегда кладетъ—непроходимую грань между преступникомъ и человѣческимъ обществомъ, можетъ ожесточить наказываемаго, сдѣлать его озлобленнымъ и непримиримымъ или убить въ немъ всѣ душевныя силы, всю энергію и погрузить въ вѣчную апатію и тоску по родинѣ. У насъ предполагаютъ, что преступникъ, примирившись съ своею

участью, легко освоится въ новомъ обществѣ и сольется съ нимъ; но въ жизни подобныя перемѣны не производятся съ такою легкостью, какъ на страницахъ краснорѣчивыхъ изліяній криминалистовъ, и ссыльный преступникъ никогда не сливается вполнѣ съ новымъ обществомъ на мѣстѣ ссылки; между нимъ и этимъ обществомъ устанавливается если не рѣзкій разладъ, то постоянная холодность. Симпатіи ссыльнаго всегда лежатъ къ тому родному краю, откуда онъ выкинутъ своимъ преступленіемъ и куда постоянно стремится изгнанническая душа его и куда бѣжитъ онъ, не смотря ни на какія препятствія. Производя естественно горькое чувство на каждаго человѣка, лишеніе родины особенно-болѣзненно дѣйствуетъ на ссыльнаго русскаго. Русскій человѣкъ, въ особенности простолюдинъ, — всегда узкій патріотъ; во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи безъ исключенія встрѣчается самый упорный патріотизмъ деревни, села, уѣзднаго города. Русскій крестьянинъ, мѣщанинъ, неразвитый купецъ и дворянинъ живутъ еще традиціей предковъ, старымъ преданіемъ и нетерпимы ко всѣмъ другимъ чуждымъ имъ обычаямъ. Космополитическіе взгляды, свойственные образованному человѣку, имъ неизвѣстны, и ко всему, что лежитъ далѣе ихъ деревни, уѣзда и округа, они относятся нетерпимо, съ насмѣшкой и даже враждебно. Поэтому мысль о переселеніи въ чуждый край производитъ на нихъ самое-непріятное впечатлѣніе и имъ бываетъ очень тяжело разставаться съ родными мѣстами, да еще насильственно. Они шли въ вѣчную ссылку; они были обречены на страданіе никогда не видѣть свою родину; что-же мудренаго, если ими овладѣвало чувство безнадежности, а безнадежность, въ свою очередь, развивала въ нихъ затаенную тоску, а также антипатію къ мѣсту поселенія! Отъ этой тоски не избавляется поселенецъ цѣлую жизнь, и всѣ мысли его бываютъ исключительно заняты родиной. Они все жарче и жарче охватываютъ его и наконецъ превраща-

ются въ настоящую манію „во что-бы то ни стало видѣть родину“. Наблюденія надъ поселенцами и ссыльными показываютъ, что эта надежда не оставляетъ ихъ даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ; самыя препятствія и наказанія только еще болѣе распаляютъ ее: пойманный и наказанный бѣглый въ скоромъ времени снова бѣжитъ и пытается пробраться въ свою милую, родную деревню или городъ. Страстная надежда дойти до родныхъ мѣстъ дѣлается цѣлью его жизни и не оставляетъ его ни при какихъ испытаніяхъ и неудачахъ; онъ мечтаетъ объ этомъ, голодая на поселеньи; онъ воодушевляется ею, лежа безъ пищи подъ кустомъ, во время бродяжества; пойманный, онъ утѣшается ею въ острогѣ, лежа на нарахъ въ длинныя ночи заключенія и придумывая новые планы побѣга. Эта надежда видѣть родину заставляетъ его стоически выносить тяжкіе удары плети на каторгѣ; вездѣ и повсюду онъ мечтаетъ освободиться и, испытавъ десятки неудачъ, умирая въ гнилой горячкѣ гдѣ-нибудь на полуэтапѣ, онъ все-таки бредитъ родными мѣстами. Мыслимо-ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на сліяніе ссыльнаго съ новымъ обществомъ? Можетъ-ли онъ на мѣстѣ поселенія найти новое отечество? Ссыльный знаетъ только одно, что ссылка осудила его на вѣчное *лишеніе отечества*. Лишеніе родины—вотъ тотъ источникъ нравственныхъ мукъ ссыльнаго и причина постоянныхъ побѣговъ поселенца, не смотря на то, что ссыльные Сибири иногда находились въ довольно-благопріятныхъ условіяхъ. Ни собственность, ни домъ, ни хозяйство, ни родство, ни семья, ни преклонные года не удерживали поселенца отъ его страсти, и самое долгое пребываніе его въ Сибири не давало ручательства, что подъ-конецъ онъ не уйдетъ отсюда. Напротивъ, долгое пребываніе въ ссылкѣ и приближающаяся старость только разжигали желаніе ссыльнаго хоть передъ смертью побывать на родинѣ. Не смотря на вѣчность ссылки, онъ и въ самомъ

безнадежномъ состояніи все таки питаетъ надежду когда-нибудь вернуться къ своему очагу. Оттого горько и страшно становится старику-поселенцу придти въ роковой мысли, что онъ напрасно лелѣялъ эту надежду и скорая смерть не позволитъ ему уже никогда увидѣть родного края: эта мысль до такой степени убійственно дѣйствуетъ на него, что престарѣлый и хилый поселенецъ иногда воодушевляется, какъ юноша, и дѣлаетъ послѣднія усилія освободиться. Подъ вліяніемъ охватившей тоски онъ рвется инстинктивно въ бѣга, и его не удерживаетъ ни страхъ потери благосостоянія, накопленнаго трудомъ цѣлой жизни на мѣстѣ поселенія, ни горькая участь кончить послѣдніе дни гдѣ-нибудь въ острогѣ или на каторгѣ. Такіе порывы стариковъ-поселенцевъ въ Сибири не рѣдкость. Мнѣ случилось видѣть въ одномъ изъ сибирскихъ остроговъ 60-ти-лѣтняго старика, прожившаго 40 лѣтъ на поселеніи. Онъ былъ давно приписанъ къ сибирскимъ крестьянамъ, живалъ по сибирскимъ городамъ и пріискамъ, вездѣ (разсказывалъ онъ) получалъ хорошіе заработки и содержаніе, а впослѣдствіи былъ долго у одного богача садовникомъ. Какъ трудолюбивый и бережливый человѣкъ, подъ конецъ жизни онъ имѣлъ домъ въ деревнѣ, свое хозяйство, жену и взрослаго въ Сибири сына, и—что важнѣе всего—онъ дошолъ опытомъ до убѣжденія, что трудъ въ Сибири выгоднѣе и лучше оплачивается, чѣмъ въ европейской Россіи. Онъ составлялъ исключеніе между поселенцами и постоянно хвалилъ Сибирь и горячо спорилъ съ азартными бродягами, абсолютно порицавшими мѣсто ссылки. Вотъ съ этимъ-то человѣкомъ въ концѣ жизни случился странный переворотъ. Началось съ того, что на пріискахъ онъ потерялъ сына; затѣмъ умерла его жена-старуха. Съ тѣхъ поръ этотъ домохозяинъ почувствовалъ тоску и одиночество. Онъ началъ пить, пропилъ все свое хозяйство, домъ и вдругъ вздумалъ бѣжать на родину. По обыкновенію онъ былъ пойманъ въ числѣ

бродягъ въ тобольской губерніи и опомнился только въ острогѣ. Онъ безпощадно ругалъ себя, называлъ свой поступокъ блажью, но для всѣхъ было ясно, что тутъ виной не одна прихоть, что приливъ тоски былъ такъ силенъ у него; старое желаніе видѣть родину охватило его такъ рѣшительно, что онъ не могъ совладать съ собою. Это—исторія многихъ самыхъ-благонадежныхъ поселенцевъ. Есть много ссыльныхъ въ Сибири, которые проживаютъ цѣлые года въ довольствѣ и благосостояніи, которые обзаводятся семьей, накапливаютъ состояніе и вдругъ изчезаютъ самымъ-загадочнымъ образомъ. Эта страсть ссыльнаго повидать родину не составляетъ исключительной принадлежности характера нашихъ ссыльныхъ, которые, по смежности Сибири съ европейской Россіей, всегда могутъ надѣяться пробраться на родину: эта страсть столько-же развита у ссыльныхъ другихъ народовъ. Она-то заставляла и ново-голландскихъ ссыльныхъ пускаться въ море на убогихъ шлюпкахъ. Одни эти чудовищныя предпріятія показываютъ, что люди для этихъ цѣлей никогда не щадятъ жизни. (Blosseville, p. 112, 120, 127). Такимъ-образомъ объясненія причины побѣговъ ссыльныхъ на родину надо искать въ порывѣ страсти и чувства, до того неотвратимомъ, что человѣкъ безсиленъ удержать его. Поэтому громадное число побѣговъ изъ Сибири слѣдуетъ объяснять не столько невыносимыми матерьяльными условіями, сколько нравственными мотивами и неугомонною тоскою по родинѣ, чему, конечно, еще болѣе способствовала безсрочность и безнадежность нашей ссылки. Большинство побѣговъ изъ Сибири совершается не каторжными, поставленными въ самыя-неблагопріятныя жизненныя условія, а поселенцами, и это явленіе объясняется не столько тѣми затрудненіями, какія представляются для побѣговъ съ каторги, сколько психическимъ состояніемъ каторжныхъ и поселенцевъ. Многіе каторжные имѣютъ еще впереди надежду перейти на поселеніе: она и побуждаетъ ихъ переносить вре-

менныя неудобства; поселенцы же, зная, что они осуждены на вѣчное отдаленіе отъ родины, находятся въ положеніи безнадежномъ и, конечно, не могутъ примириться съ нимъ *). Что именно-нравственное вліяніе ссылки побуждаетъ къ побѣгу, доказывается тѣмъ, что поселенцы гораздо-болѣе убѣгали, чѣмъ каторжные, хотя послѣдніе могли прежде легко располагать этимъ средствомъ. Объясняя значительную часть побѣговъ естественными нравственными побужденіями, мы останавливаемся на вопросѣ, насколько подобные побѣги ссыльныхъ должны считаться преступленіями: мы видимъ, что мотивъ ихъ имѣлъ много извинительнаго. Къ побѣгу ссыльный побуждался порывомъ чувства и страсти, часто даже наперекоръ своему убѣжденію и разсудку. Самая страсть, самое это чувство любви къ родинѣ не были низкими и преступными—и нисколько не противорѣчили человѣческой природѣ и соціальнымъ инстинктамъ. Само общество въ другихъ случаяхъ поощряетъ эти инстинкты въ душѣ человѣка и считаетъ патріотизмъ самымъ-благороднѣйшимъ изъ качествъ гражданина, но оно-же бываетъ вынуждено наказывать ссыльнаго за его любовь къ родинѣ. Къ такимъ ненормальнымъ комбинаціямъ приводило это наказаніе!

Но если для однихъ побѣгъ на родину или покушеніе на него были уже облегчающимъ средствомъ и, такъ-сказать, спасительнымъ рефлексомъ отъ мучительной тоски, то для другихъ безнадежность ссылки дѣйствовала гораздо безпощаднѣе. Люди попреимуществу боязливые, люди слабой воли, страшась отвѣтственности и не имѣя энергіи на побѣгъ, обыкновенно предавались безмолвной, затаенной тоскѣ, которая доводила ихъ до отчаянія, до страшной болѣзни *насталь*гіи (тоска по родинѣ), конечнымъ результатомъ которой бывала чахотка и смерть. Немало поселенцевъ въ Сибири подвержено

*) Въ 9 лѣтъ, съ 1838 г., по 1846 г., поселенцевъ было взято въ бѣгахъ 6,008 чел., а каторжныхъ 2,473.

этой ужасной болѣзни и они, худые, изнуренные, молчаливые и задумчивые, лежатъ въ острожныхъ лазаретахъ или безмолвно блуждаютъ по острогу. Та-же безнадежность и тоска доводили многихъ поселенцевъ до сумасшествія или самоубійства. „Сибирь представляется страною,—говоритъ г. Максимовъ,—гдѣ самоубійство и покушенія на него—явленіе не только нерѣдкое, но и рѣзко-бросающееся въ глаза. Оно распространено преимущественно между ссыльными, и замѣчательно, что оно преобладаетъ между поселенцами болѣе, чѣмъ между каторжными" *). Въ этомъ случаѣ надежда поселенца на выходъ изъ Сибири, хотя путемъ побѣга, была единственной искрой, поддерживавшей его жизнь, но когда, подъ вліяніемъ безнадежности, потухала и эта искра, жизнь становилась ненужною и обременительною.

Дѣйствуя столь пагубно на жизнь поселенца, та-же ссылка воспитывала въ немъ непріязненныя чувства къ новому обществу, въ которое его втолкнули насильственно. Если же онъ не успѣвалъ совершить побѣга и оставить ненавистныя ему мѣста поселенія, онъ становился вѣчнымъ антагонистомъ общества, въ которомъ долженъ проживать противъ своей воли; въ немъ развивалась злоба къ этому обществу; цѣлую жизнь его преслѣдовала мысль о ссылкѣ; она отравляла его лучшія минуты; она не давала ему ни забвенія, ни покоя. Сознаніе вѣчнаго несчастія, какъ сознаніе постоянно висящей надъ нимъ смерти, поднимало въ его душѣ бурю протестующаго чувства. И непримиримая злоба и негодованіе закипали въ его сердцѣ,—та злоба и то негодованіе, которыя только могъ носить въ своей душѣ несчастный Каинъ, чьи муки такъ геніально воспроизведены Байрономъ. Отношенія такого человѣка къ другимъ людямъ вѣчно были пропитаны желчью и ненавистью, а сердце его, какъ падшаго ангела, вѣчно носило зависть и месть ко всему, что находится не въ тѣхъ усло-

*) См. Максимова «Народныя несчастія и преступленія».

віяхъ, какъ онъ, и что выше его. Постоянное раздраженіе портитъ характеръ человѣка, дѣлаетъ его обидчивымъ, задорливымъ и мстительнымъ. Такое настроеніе и расположеніе духа дѣйствительно нерѣдко встрѣчается у сибирскихъ поселенцевъ, потерявшихъ всякую надежду на освобожденіе. Отсутствіе привязанности къ новой странѣ и непримиримость съ окружающей обстановкой составляютъ отличительный признакъ такихъ ссыльныхъ. Они клянутъ Сибирь, осыпаютъ сибиряковъ насмѣшками и ругательствами: „Сибирь проклятая, немшоная", сибиряки „желторотые", „азіяты"; они „слѣпые родятся", они „челдоны и неотесы"; сибиряковъ должно учить, т. е. „*панкрутить*", ихъ „можно обирать и обдувать при всякомъ случаѣ". На всякое возраженіе, на всякое противорѣчіе поселенцы отвѣчаютъ одно: „развѣ мы виноваты, что насъ сюда сослали". Привычка вымещать собственное несчастіе и униженіе на другихъ, свойственная рабамъ вообще, съ особенной яркостью отразилась на поселенцахъ *). Возбуждая такія чувства, ссылка, конечно, не могла вліять нравственно на поселенцевъ. Человѣкъ, пренебрегавшій новымъ обществомъ и общественными отношеніями, естественно не могъ быть благонадежнымъ, а недовольство и вражда его внушали только опасеніе. Отсюда деморализующее значеніе ссылки на поселенца. Здѣсь мы выводимъ его путемъ одного психическаго анализа и общихъ наблюденій; впослѣдствіи-же представимъ болѣе реальныя доказательства этому въ отчотѣ о преступленіяхъ поселенцевъ въ Сибири, основанномъ на точныхъ статистическихъ данныхъ. Анализируя мотивы преступленій ссыльныхъ, мы видимъ, что въ совершеніи ихъ значительную роль играло то раздражающее и вредное нравственное вліяніе, котораго нельзя устранить никакими улучшеніями, такъ-какъ оно состав-

---

*) Пусть читатель припомнитъ психическій анализъ этого чувства въ критикахъ Добролюбова о герояхъ Темнаго Царства.

лѣетъ сущность самаго наказанія. Безнадежное положеніе ссыльнаго при безсрочности ссылки будетъ всегда производить на него деморализующее вліяніе, порождая въ его душѣ злобу, вражду ко всему окружающему и разрывъ съ обществомъ. Кромѣ этой общей причины деморализаціи ссыльныхъ, много другихъ частныхъ причинъ способствовало ея усиленію. Праздная жизнь въ пересыльныхъ острогахъ, въ сообществѣ преступниковъ, видавшихъ всякіе виды, ихъ разсказы о разныхъ ловкихъ мошенническихъ продѣлкахъ, обученіе всякимъ тюремнымъ художествамъ, конечно, не могли не оказывать развращающаго вліянія на людей, поставленныхъ безсрочностью ссылки въ безнадежное положеніе. Побывавъ въ такой школѣ на длинномъ пути отъ Петербурга до Нерчинска, ссыльный естественно натурализировался въ каторжной средѣ и выносилъ опытъ и смѣлый духъ закаленнаго преступника, и это вліяніе пересыльнаго острога отражалось на цѣлой жизни поселенца. Но вотъ онъ пришолъ на мѣсто поселенія: его встрѣчаетъ необезпеченность и нищета; онъ кляетъ свою судьбу, клянетъ страну, куда привело его наказаніе, и — бѣжитъ. Бродяжеская жизнь въ лѣсахъ, одиночество, безпріютность и тѣ неудобные способы, какими ему приходилось снискивать пропитаніе во время побѣга, окончательно воспитываютъ въ немъ привычку къ нищенству, а иногда и преступленію. Бродягѣ трудно добыть пропитаніе иначе, какъ воровствомъ; сибирякъ знаетъ это и подстерегаетъ вора. Отсюда борьба, преслѣдованіе, которыя доводили иногда бродягу почти до звѣрства, и онъ обращался въ жестокаго ненавистника туземныхъ жителей. Онъ ходилъ по Сибири съ ножомъ въ рукавѣ, и если на него нападали, дорого продавалъ свою жизнь. Убивая другихъ, онъ самъ умиралъ, какъ дикій лѣсной звѣрь. Нерѣдко такіе люди, подъ вліяніемъ преслѣдованій, не щадили уже ничего и, добившись родины, въ дикой ярости кидались тамъ въ отчаянные разбои. Страшная др-

ма должна была разыграться въ душѣ человѣка, когда, стремясь облобызать родную землю, онъ приносилъ ей только пожаръ и преступленіе. Несчастный и гонимый преступникъ умиралъ, выбившись изъ силъ въ кровавой борьбѣ; но прежде, чѣмъ умереть, онъ, какъ Альманзоръ, заражалъ чумою преступленій окружающее его общество. Другого конца и не могла имѣть старая безпощадная ссылка!

Но тогда-какъ недостатки прежней ссылки, какъ наказанія, оказывали столь тяжкія и фатальныя послѣдствія на одну часть ссылаемыхъ,—для другой ихъ части ссылка была гораздо легче, но зато въ то-же время оставалась и безъ всякаго нравственнаго на нихъ вліянія. Чувство привязанности къ извѣстной мѣстности, къ какой-нибудь средѣ, къ обществу и къ мѣсту своей родины не у всѣхъ одинаково; поэтому на иныхъ ссылка не производитъ никакого впечатлѣнія, такъ-что не можетъ даже считаться наказаніемъ. Наблюдая различныя личности изъ ссыльныхъ, мы находили, что ссылка тяжелѣе всего дѣйствуетъ на людей осѣдлыхъ, особенно на крестьянъ-земледѣльцевъ, привязанныхъ необыкновенно къ своей землѣ и обществу, но ея дѣйствіе было слабѣе на городскихъ жителей и людей, привыкшихъ перемѣнять мѣста. Ея вліяніе на людей бываетъ также различно, смотря по различію уровня ихъ нравственности: какому-нибудь городскому мошеннику, столичному карманнику и мазурику перемѣна мѣста немного значитъ: у него нѣтъ никакихъ привязанностей. Ежели онъ въ первое время почувствуетъ страхъ предъ ссылкой, то, узнавши, что ему придется жить среди гражданскаго общества и даже въ сибирскихъ городахъ, онъ скоро совершенно успокоивается. Вообще извилистая натура плута всегда скорѣе примиряется и находитъ свои выходы и въ ссылкѣ. У людей крайне-испорченныхъ, преступныхъ, въ особенности-же у побывавшихъ въ ссылкѣ сформировалась пословица: „Дальше солнца не сошлютъ, а Сибирь-то мы

видали"; напротивъ человѣкъ, попавшій случайно на дорогу преступленія по какому-нибудь несчастію, какой-нибудь мирный гражданинъ чувствуетъ тяжесть ссылки глубоко. Точно-также ссылка различно дѣйствуетъ на людей, стоящихъ на разныхъ степеняхъ образованія,—усвоившихъ разныя привычки и разныя воззрѣнія. На крестьянъ она тяжелѣе дѣйствуетъ,—устрашаетъ ихъ потому, что ихъ кругозоръ узокъ, замкнутъ,—о другихъ мѣстностяхъ они и понятія не имѣютъ; но человѣкъ образованный скорѣе примиряется съ перемѣною мѣста. Особенно служащее сословіе, которое постоянно перемѣняетъ мѣсто и не имѣетъ прочной привязанности къ какому-нибудь мѣсту, всего менѣе страдаетъ въ ссылкѣ. Точно-также на человѣка легкомысленнаго, испорченнаго ссылка не произведетъ никакого дѣйствія: самыя деморализованныя личности, если онѣ своею профессіей обогатились, нажили состояніе, едвали чувствуютъ какую-либо тяжесть ссылки; напротивъ того, разные аферисты и казнокрады, явившись въ сибирскіе города, пользуются здѣсь комфортомъ, задаютъ шику и корчатъ даже аристократовъ: для такихъ вредныхъ большого полета ссылка, конечно, ничего не значитъ.

Такимъ-образомъ наказаніе ссылкою можетъ производить на разныхъ людей до безконечности-разнообразныя впечатлѣнія и потому оказывается не для всѣхъ равномѣрнымъ. Объ этомъ уже заявлялъ Бентамъ при разсмотрѣніи англійской ссылки. „Ссылка,—говоритъ Бентамъ,—требуетъ особеннаго вниманія къ обстоятельствамъ, оказывающимъ вліяніе на чувствительность индивидуумовъ: изгнаніе было-бы наказаніемъ въ высшей степени неравнымъ, если-бы оно примѣнялось безъ разбора. Все зависитъ отъ житейскаго положенія и степени достатка. Одинъ не имѣетъ никакихъ причинъ питать привязанность къ своей странѣ; другіе были-бы въ отчаяніи покинуть свою собственность и жилище. У однихъ есть семейство, другіе свободны. Одинъ потерялъ-бы всѣ свои

средства; другой ушолъ-бы отъ кредиторовъ. Возрастъ и полъ также дѣлаютъ въ этомъ отношеніи большую разницу. Поэтому необходимо предоставить судьѣ много простора и ограничиться только общими указаніями". „Англичане имѣли обыкновеніе ссылать многочисленный классъ преступниковъ въ колоніи. Эта ссылка для однихъ была рабствомъ, для другихъ partie de plaisir. Негодяй, которому хотѣлось путешествовать, былъ-бы глупъ, еслибы для возможности переѣзда не совершилъ какого-нибудь преступленія. Наиболѣе трудолюбивые устроивались въ этихъ новыхъ странахъ; тѣ, кто умѣлъ только воровать, не имѣя возможности пользоваться своимъ искуствомъ въ странѣ, которой карта ему была неизвѣстна, возвращались скоро назадъ, чтобы идти на висѣлицу. Когда они разъ были осуждены и сосланы, ихъ участь была неизвѣстна: погибнуть-ли они отъ болѣзни и бѣдности, до этого никому не было дѣла. Такимъ-образомъ для примѣрности наказанія терялось все; главная цѣль была совершенно пренебрежена". „Употребительная теперь ссылка въ Ботани-бей достигаетъ цѣли не лучше этого: она имѣетъ всѣ недостатки наказанія и ни одного изъ тѣхъ качествъ, какія должна-бы имѣть. Еслибы, предлагая человѣку устроиться на житье въ отдаленной странѣ, прибавили, что надо заслужить это преступленіемъ,—какая-бы это была нелѣпость!... Междутѣмъ ссылка умамъ многихъ несчастныхъ должна представляться только выгоднымъ предложеніемъ, которымъ воспользоваться они могутъ именно только чрезъ преступленіе..." *). Отсюда видно, что Бентамъ рѣшительно не признавалъ морализующаго вліянія за наказаніемъ ссылкою.

Такимъ-образомъ недостатки ссылки давно обнаружились, и Англія первая, обративъ вниманіе на послѣдствія этого наказанія, пришла рѣшительно къ новымъ по

*) Бентамъ, ч. III, глава о наказаніяхъ.

этому вопросу соображеніямъ. Опытъ англійской ссылки привелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) ссылка въ колонію преступниковъ ставила ихъ часто въ самую неблагопріятную обстановку, а при отсутствіи труда и занятій еще болѣе деморализировала ссыльныхъ и порождала между ними преступленія; 2) принудительныя каторжныя работы, какъ и предварительное одиночное заключеніе, нисколько не исправляя преступника, только ожесточали его; 3) сама по себѣ ссылка, какъ наказаніе, не имѣла никакого значенія безъ другихъ исправительныхъ средствъ, какъ-напримѣръ безъ обученія и покровительства труду ссыльнаго въ колоніи; 4) *вѣчная ссылка*, какъ колонизаціонное средство, не должна имѣть мѣста въ средѣ исправительныхъ наказаній, которыя требуютъ опредѣленныхъ сроковъ и возвращенія на родину присуждаемаго.

Однакожъ эти выводы, явившіеся результатомъ опыта и точнаго изученія ссылки, повидимому, не оказали никакого вліянія на теоретиковъ-криминалистовъ консервативнаго закала, и они попрежнему „во имя цѣлей безопасности и во имя колонизаціонныхъ видовъ“ продолжаютъ отстаивать вѣчность ссылки и другія любезныя имъ убѣжденія. Они примирились только съ однимъ нововведеніемъ,—съ предварительнымъ исправительнымъ заключеніемъ въ тюрьмахъ ссыльныхъ преступниковъ *). Вслѣдъ за западными криминалистами реформа ссылки у насъ въ Россіи проектировалась подобнымъ-же образомъ. Покойный Пассекъ, изучавшій на Западѣ системы наказаній, говорилъ, что „недостаточно сослать арестанта въ ссылку, такъ-какъ тамъ онъ будетъ такимъ-же врагомъ общества, какимъ былъ и на прежнемъ мѣстѣ, и вмѣсто того, чтобы способствовать колонизаціи страны, будетъ въ ней бродяжничать, грабить и только та-

---

*) См. по этому поводу проекты ссылки Гольцендорфа, Бомона и Токвиля, Алозе, Деделетье и Блоссвиля (Hist. de Colon. Pen. Paris, 1859 p. 356, 543, 539).

готить собою правительство и край", и потому предлагалъ, какъ спасительную мѣру, „устроить предварительное заключеніе преступниковъ предъ ссылкою въ долгосрочныхъ тюрьмахъ, имѣющихъ цѣлію исправленіе, по ирландской системѣ. Пассекъ предлагалъ примѣнить у насъ эту систему въ неумѣстно-широкихъ размѣрахъ. Въ то время, когда въ Англіи и Ирландіи ссылкѣ послѣ заключенія подвергаются только одни неисправимые преступники, въ Россіи, по проекту Пассека, ссылкѣ съ предварительнымъ заключеніемъ должны подлежать „*всѣ приговариваемые на поселеніе и каторгу*", хотя-бы они оказались вполнѣ благонадежными послѣ заключенія *). Такимъ-образомъ, по проекту Пассека, предварительное заключеніе только удваивало и усиливало тяжесть нашей ссылки, какъ наказанія, что, конечно, противорѣчитъ здравому смыслу и справедливости: самая ссылка для освобождающихся преступниковъ, и притомъ вѣчная, какъ-будто не считается даже наказаніемъ. Проектъ Пассека не касается измѣненія прежнихъ условій ссылки и ея срочности, что вызывалось потребностью времени, какъ для соблюденія юридической справедливости въ степеняхъ наказанія, такъ и для исправительнаго значенія ссылки, ибо въ ея вѣчности и безнадежности лежалъ главный корень зла и деморализаціи. Такой легкій взглядъ на переселеніе личности и даже доказательства благотворнаго вліянія *безсрочной ссылки* встрѣчаются постоянно у юристовъ-теоретиковъ. Одинъ изъ авторитетныхъ русскихъ юристовъ, издавшій учебникъ уголовнаго права, говоритъ, напримѣръ, что „*ссылка исправительна*, потому-что вдали за ссылкою виднѣется поселеніе, блистаетъ надежда получить кусокъ земли и устроить безбѣдное существованіе; эта цѣль можетъ быть достигнута только *множествомъ лишеній*, испытаній, въ борь-

*) Проектъ Пассека, Матер. для изуч. тюремн. вопроса, Галкина, стр. 164 и 166.

бѣ съ которыми характеръ преступника закаляется къ добру" (sic!). „Наконецъ,—продолжаетъ авторъ, — хотя *устрашеніе есть цѣль второстепенная въ наказаніи, нельзя однако не признать, что, между прочимъ, она весьма примѣрна* не столько по принужденію къ работамъ, которыя ей обыкновенно сопутствуютъ, сколько по впечатлѣнію, которое производитъ *вѣчность* или продолжительность разлуки ссылаемаго съ обществомъ" (См. Учебн. уголовн. права Спасовича, 1 ч., с. 274). При всемъ уваженіи къ нашему почтенному юристу, мы должны замѣтить, что доводы его слишкомъ теоретичны и гадательны и противны практикѣ ссылки. Если ненормальныя условія жизни и лишенія заставляютъ дѣлать преступленія въ обществѣ, то понятно, что ссыльный, испытывающій еще большія лишенія и затрудненія, будетъ имѣть ужъ никакъ не меньше побужденій къ преступленію. Если ссыльнаго съ цѣлью исправленія можетъ поддержать только одна надежда когда-нибудь снова получить освобожденіе, въ чомъ согласенъ и г. Спасовичъ, то понятно, что *безнадежность* вѣчной ссылки доведетъ его до полнаго раздраженія и непримиримости. И подобными-то крайне-шаткими теоретическими доводами доказывалась до сихъ поръ благотворность ссылки и даже ея *гуманное значеніе!* Почему ссылка считается особенно гуманнымъ и легкимъ средствомъ наказанія,—это трудно понять. Вѣроятно потому, что образованные теоретики плохо понимаютъ чувства, внушаемыя разлукой съ родиной или не предполагаютъ ихъ въ неразвитомъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели лишеніе родины и вѣчное изгнаніе могутъ легко переноситься человѣкомъ, когда исторія обществъ показываетъ, какъ часто и легко этотъ-же человѣкъ отдаетъ свою жизнь и борется на смерть за клочокъ родной земли? Неужели настальгія, поражающая сотни поселенцевъ,—вымышленная болѣзнь, и неужели побѣги изъ Сибири тысячами, не смотря на страшныя наказанія..

которыя они влекутъ за собой, дѣлаются ссыльными только изъ прихоти?! Дѣло въ томъ, что способность легко переносить ссылку теоретики мѣряютъ способностью свободнаго человѣка переселяться на новыя мѣста; но свободный колонистъ переходитъ на новое мѣсто добровольно, имѣя въ виду личныя для себя выгоды отъ переселенія и устройство своего благосостоянія. Вольные поселенцы—это по большой части самый предпріимчивый и энергичный элементъ народонаселенія, но и они съ грустью, со слёзами оставляютъ родныя мѣста; ссыльные же находятся въ несравненно-менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ вольные колонисты: въ новыя мѣста поселенія они отправляются насильственно, идутъ безъ цѣли, нерѣдко съ загадочной тоской, съ ужасомъ встрѣтить земной адъ на мѣстѣ ссылки. Она для нихъ такъ тяжела, она возбуждаетъ въ нихъ такое чувство отчаянія и безнадежности, что очень многіе изъ нихъ согласились-бы вытерпѣть 5—6-ти-лѣтнее и даже большее тюремное заключеніе, лишь-бы нейдти на вѣчное поселеніе въ другую страну. Объ этомъ откровенно говорятъ почти всѣ ссыльные. Не одинъ изгнанникъ Берне желалъ лучше умереть въ тюрьмѣ на родинѣ, чѣмъ переносить изгнаніе даже въ Парижѣ. Многіе изъ русскихъ арестантовъ берутъ часто тяжкую и позорную роль палачей въ родныхъ острогахъ, чтобы нейдти въ сибирскую каторгу, а остаться на родинѣ. Въ этомъ случаѣ мнѣніе, что ссылка гуманнѣе тюрьмы, невѣрно. Изъ тюрьмы есть еще возвратъ, есть еще надежда увидѣть родныя мѣста и среду, а въ ссылкѣ люди испытываютъ мученія, который такъ-же тяжелы, какъ страданія грѣшниковъ въ дантовскомъ аду, „гдѣ люди безъ надеждъ желаніемъ живутъ".

Такимъ-образомъ ссылка является такою-же карательною и жестокою мѣрою, какъ и всѣ самыя тяжкія наказанія: она осуждаетъ человѣка на самыя-мучительныя страданія.

Служа тяжкимъ средствомъ наказанія, ссылка при такихъ условіяхъ не могла осуществить своего исправительнаго назначенія. Призваніе ссылки не осуществилось въ ея идеалѣ ни у насъ, ни за-границею, гдѣ мнѣнія о ней раздѣлялись всегда на два лагеря, причемъ лучшіе и благороднѣйшіе мыслители и психологи нашего вѣка постоянно высказывались противъ нея *). Представители тюремной реформы въ Англіи въ послѣднее время не придавали уже болѣе никакого значенія ссылкѣ, а обратились къ вопросу о средствахъ перевоспитанія преступника въ исправительныхъ заведеніяхъ и объ обезпеченіи выпускаемыхъ на свободу при помощи покровительства ихъ труду. Ссылка потеряла поэтому свой кредитъ, а лучшіе юристы — одни, какъ Гольцендорфъ, склоняются въ пользу ирландской системы, а другіе находятъ лучшую замѣну наказаній въ земледѣльческихъ колоніяхъ на подобіе французскихъ колоній для молодыхъ преступниковъ. Подобныя земледѣльческія фермы и ремесленныя артели должны быть устроены исключительно съ цѣлью исправленія преступниковъ, въ мѣстахъ ненаселенныхъ и безопасныхъ для общества. Самая система должна состоять въ постепенномъ пріученіи къ труду и раціональной жизни въ средѣ общины. Артельный трудъ, добрыя нравственныя вліянія и умственное развитіе должны быть положены въ основу такой системы. Конечно, пребываніе въ исправительной ассоціаціи должно быть срочнымъ и ограниченнымъ *„условными отпусками“* не только на свободу, но и на родину, гдѣ освобожденная личность получитъ новую поддержку и покровительство своему труду въ патронаж-

*) Противниками ссылки являются въ Англіи Беккаріа, Бентамъ, Ромили, Банистеръ, Лордъ Кэмбль, Грей; во Франціи Беранже, Шарль Люка, Шови. Особенно горячо выступили противъ нея дублинскій архіепископъ Уатлей въ «Notices on transportation» и полковникъ Джебъ. Лучшіе художники-психологи, какъ Жоржъ Зандъ, Викторъ Гюго и Диккенсъ неразъ выставляли трагическую сторону ссылки.

ныхъ обществахъ. Такова лучшая форма исправленія, къ которой должно придти современное наказаніе. Безъ-сомнѣнія, за этою формою будетъ еще новый фазисъ, когда можетъ-быть останется одно нравственное вліяніе среды и развитіе личности.

Разсматривая такимъ-образомъ всѣ историческія метаморфозы наказанія въ прошедшемъ и охватывая взоромъ, насколько возможно, горизонтъ его будущаго, мы видимъ, что системы каранія все болѣе уступаютъ мѣсто системамъ исправленія, которыя должны перейти еще въ болѣе-гуманныя системы нравственнаго перевоспитанія. Такимъ-образомъ опытъ, наука, справедливость и самый ходъ человѣческаго прогресса—все убѣждаетъ насъ, что ссылка въ ея старомъ карательно-колонизаціонномъ значеніи должна имѣть всего-менѣе мѣста въ средѣ современныхъ наказаній и, потерпѣвши немало крушеній на практикѣ, должна рушиться и въ теоріи.

IV.

Преступленія ссыльныхъ въ Россіи и Сибири.

Между всѣми другими цѣлями ссылка всегда имѣла въ виду обезопасить общество отъ преступниковъ путемъ ихъ высылки въ отдаленную мѣстность. „Почти вездѣ, — говоритъ г. Спасовичъ,—начало ссылкѣ дано было желаніемъ освободиться отъ негодяевъ". Всѣ государства при введеніи штрафной колонизаціи имѣли эту практическую задачу. Такъ-какъ наша ссылка съ самаго-древняго времени также имѣла въ виду выселить дурные, преступные и подозрительные элементы, чтобы избавиться отъ рецидивныхъ преступленій, то любопытно взглянуть, вполнѣ-ли содѣйствовала наша ссылка цѣлямъ общественной безопасности и какова на практикѣ эта предупредительная мѣра. Опытъ доказываетъ, что

назначеніе ссылки далеко не было достигнуто вполнѣ: самое географическое положеніе страны, куда двигалась наша ссылка, не представляло особыхъ ручательствъ въ томъ, что удаляемый изъ общества снова не появится назадъ; не было тѣхъ физическихъ и непреодолимыхъ препятствій, которыя-бы не допускали ссыльнаго проникнуть и появиться снова въ Россіи; поэтому ссылка наша далеко не представляла тѣхъ удобствъ и той безопасности, какъ ссылка англійская или французская, переносившая преступниковъ за океанъ. Наша ссылка всегда находилась въ смежности съ свободнымъ населеніемъ, и это порождало нѣкоторыя серьезныя неудобства. Неудобства эти уже давно замѣчались, и нельзя сказать, чтобы противъ возврата и побѣговъ ссыльныхъ, равно-какъ и для предупрежденія ихъ преступленій, не принималось мѣръ. Мы указывали, какія тяжкія наказанія угрожали ссыльному за возвращеніе и особенно за перевалъ черезъ Уралъ: они состоятъ и до сихъ поръ и въ наказаніи тѣлесномъ, и въ удвоеніи каторжныхъ сроковъ. Кромѣ того правительство съ самаго древняго времени старалось отмѣтить ссыльнаго особеннымъ клеймомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ ссыльнымъ приказано было отсѣкать мизинецъ лѣвой руки *); по другому указу видно, что ворамъ сѣкли два пальца. Въ 1679 г. Ѳедоръ запрещаетъ рубить пальцы, а приказываетъ ссылать не уродуя; но въ 1683 г. мы находимъ разъясненіе указа, по которому приказано вмѣсто пальцевъ рѣзать уши **). Въ 18 столѣтіи для предупрежденія побѣговъ рвали у каторжныхъ ноздри, за что ихъ въ Сибири прозвали *„храпъ-маіорами“*. Этой участи подвергались даже привилегированныя лица. До 1863 г. ссыльнымъ клали клейма на рукахъ и спинѣ; арестантовъ, для предупрежденія побѣговъ изъ партіи, брили по острогамъ

*) Полн. Собран. Законовъ, т. I, № 105.

**) Полн. Собран. Законовъ, т. II, №№ 772 и 970.

и подбривали на полуэтапахъ (указъ іюля 14, 1825 г.); кромѣ того ихъ сопровождали въ желѣзахъ, на цѣпяхъ и прочее. Всѣ подобныя предупредительныя мѣры, какъ и суровыя наказанія, далеко однако не могли предупредить ни побѣговъ ссыльныхъ, ни преступленій ихъ. Ссыльный, освобождавшійся въ Сибири, продолжалъ всегда стремиться за Уралъ и легко достигалъ Россіи, а рецидивныя преступленія ссыльныхъ развивались постоянно какъ подъ вліяніемъ прежнихъ условій дурно-организованной ссылки, такъ и вслѣдствіе испорченности разныхъ преступниковъ. Развитіе бродяжества и вторичныхъ преступленій ссыльныхъ въ настоящее время не составляетъ неизвѣстнаго факта: это явленіе давно отмѣчалось, заносилось и описывалось различными изслѣдователями, путешественниками и этнографами *). Представляя очерки ссылки со всѣми ея послѣдствіями, мы не можемъ поэтому не коснуться и проявленія вторичныхъ, рецидивныхъ преступленій ссыльныхъ въ Россіи и Сибири, какъ и ихъ побѣговъ. Представивши ранѣе этнографическіе очерки быта ссыльныхъ, въ которыхъ мы уже коснулись этихъ явленій, теперь мы постараемся прослѣдить и формулировать ихъ согласно опредѣленнымъ даннымъ уголовной статистики, дающей въ послѣднее время нѣкоторыя указанія по этому поводу.

Ссылка съ ея прежними неудобствами отражалась у насъ довольно чувствительно. Возвращеніе ссыльныхъ, ихъ побѣги и преступленія отзывались не въ одной Сибири: вредъ, приносимый ими, чувствовала и Россія. Какими массами ссыльно-поселенцы пробирались въ Россію и проникали въ центральныя губерніи, показываетъ цифра ссыльно-поселенцевъ и бѣгло-каторжныхъ, возвращенныхъ назадъ въ Сибирь послѣ ихъ побѣговъ

*) Объ этомъ писали Небольсинъ, Дм. Завалишинъ, Грицко и наконецъ сдѣланы значительныя изслѣдованія о ссылкѣ и побѣгахъ г. Максимовымъ. См. Сибирь и Каторга, 3 части, 1871 г.

чрезъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Въ 20 лѣтъ, съ 1827 по 1846 годъ, ихъ прошло 18,328 человѣкъ *). Цифра эта, какъ можно заключить по другимъ даннымъ, едвали уменьшалась и впослѣдствіи. Такое возвращеніе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири въ Россію, конечно, не могло не отражаться самымъ опаснымъ и неблагопріятнымъ образомъ на русскомъ обществѣ и его безопасности. Какимъ образомъ возвращеніе ссыльныхъ вліяло на различныя губерніи Россіи,—для этого стоитъ обратиться только къ обозрѣнію преступленій по губерніямъ, въ связи съ распространеніемъ ссыльнаго бродяжества.

Разсматривая историческое распредѣленіе преступленій въ россійскихъ провинціяхъ, мы находимъ, что на первомъ планѣ стоятъ по величинѣ преступленій двѣ губерніи — пермская и оренбургская. Такъ изъ первой за уголовныя преступленія втеченіе 20 лѣтъ сослано 11,893, изъ второй 8,307 человѣкъ. Изъ пермской губерніи, число жителей которой только въ шесть разъ превышаетъ цифру олонецкой губерніи, сослано въ 51 разъ болѣе преступниковъ; на эту губернію изъ общаго числа сосланныхъ приходится столько-же, сколько на 12 другихъ губерній, общее населеніе которыхъ только вчетверо больше населенія пермской губерніи. Также, если брать въ разсчотъ роды преступленій, то и тутъ пермская губернія занимаетъ первое мѣсто въ ряду самыхъ-тяжкихъ преступленій; за нею слѣдуютъ другія восточныя губерніи: такъ, по числу осужденныхъ за воровство, пермская губернія превосходитъ остальныя, а за нею слѣдуетъ казанская. По числу осужденныхъ за грабежи и разбои пермская губернія занимаетъ второе мѣсто послѣ Бессарабіи, а за пермской слѣдуетъ опять казанская; по числу сосланныхъ за убійство пермская губернія снова играетъ первостепенную роль изъ всѣхъ губерній, а за нею слѣ-

*) Анучинъ, Матер. къ Угол. Статистикѣ Россіи, с. 25.

дуетъ оренбургская. Насколько болѣе развито здѣсь это преступленіе сравнительно съ другими мѣстностями, можно судить по тому, что изъ трехъ остзейскихъ губерній, почти равныхъ числомъ населенія съ пермской губерніей, сослано за убійство 136 мужчинъ, а изъ этой губерніи 538 мужчинъ, т. е. вчетверо болѣе (Анучинъ, ч. 1, стр. 164). Развитіе здѣсь преступленій обусловливается преимущественно передъ прочими причинами необыкновенно-распространеннымъ бродяжествомъ бѣглыхъ ссыльныхъ. Число высланныхъ обратно изъ оренбургской и пермской губерній въ Сибирь бѣглыхъ поселенцевъ превышало число такихъ-же, высланныхъ изъ всѣхъ губерній Россіи, взятыхъ вмѣстѣ. Втеченіе 20 лѣтъ изъ пермской и оренбургской губерній отправлено обратно въ Сибирь 6,827, а изъ всѣхъ остальныхъ губерній 4,769. Кромѣтого, за исключеніемъ бѣжавшихъ изъ Сибири, взято въ пермской губерніи 3,000 бродягъ, тогда-какъ въ олонецкой втеченіе этого времени взято только 41, т. е. въ 70 разъ менѣе. Происхожденіе этихъ бродягъ, которые скрыли свое званіе во время слѣдственнаго процесса, въ большинствѣ случаевъ, принадлежитъ ссыльному элементу, такъ-какъ бѣглые изъ Сибири обыкновенно показываютъ себя *непомнящими родства*. Такимъ-образомъ пермская и оренбургская губерніи болѣе всѣхъ другихъ губерній европейской Россіи несли на себѣ всѣ неудобства и бѣдствія отъ бѣглыхъ, возвращавшихся изъ Сибири. Подобной-же напасти, хотя и въ меньшей степени, подвергались губерніи пріуральскія и восточныя—казанская, вятская и симбирская *). Въ связи съ бродяжествомъ замѣчается и особенное распространеніе преступленій къ востоку и умень-

*) По проценту судимыхъ за побѣги изъ Сибири, русскія губерніи распредѣляются такимъ образомъ: пермская губернія даетъ 0,01513, оренбургская 0,00675, казанская 0,00159, симбирская 0,00152, вятская 0,00150; затѣмъ слѣдуютъ другія губерніи, дающія меньшій процентъ (Анучинъ, ч. 1, с. 188).

шеніе ихъ къ сѣверу и западу (Анучинъ, стр. 321). Конечно, бѣглые проникали и въ другія губерніи европейской Россіи, такъ-какъ конечною цѣлью побѣга было возвращеніе на родину, но немногимъ удавалось достигнуть родныхъ мѣстъ и большую часть изъ нихъ ловили въ восточныхъ губерніяхъ. Изъ таблицы, приводимой г. Анучинымъ по отчотамъ приказа о ссыльныхъ, видно, что бѣглые ссыльные являются во всѣхъ 48 губерніяхъ Россіи; самый-меньшій процентъ ихъ въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ, затѣмъ большій въ среднихъ и южныхъ, преобладающій въ восточныхъ. Ссыльно-каторжные поселенцы появляются въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, точно-также, какъ въ Одессѣ и Бессарабіи. По уральскому хребту, по рѣкѣ Уралу и степями они пробираются къ югу до Астрахани. Чрезъ пермскую и вятскую губерніи съ Пелыма на Чердынь, а иногда и сѣвернымъ путемъ черезъ печорскіе лѣса проходятъ они въ губернію архангельскую. Бывали примѣры, что бѣглые ссыльные изъ туруханскаго края, съ Енисея прокладывали дорогу на Обь въ березовскій край и потомъ пустынями сѣвера проходили въ печорскіе скиты. Точно-также они смѣло перерѣзывали всю Россію и появлялись въ западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ. Такимъ-образомъ бродяжество проникало самою-причудливою сѣтью дорогъ и опутывало всю Россію. При географическомъ распредѣленіи ссыльнаго бродяжества, изъ статистической таблицы о пойманныхъ ссыльныхъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи мы видимъ, что особенный пріютъ и удобства доставляли имъ губерніи малонаселенныя, изобильныя лѣсами и пустырями, какъ губерніи саратовская, екатеринославская, таврическая, херсонская, земля войска донского. Кромѣ этихъ губерній, дающихъ возможность легче скрыться, бѣглые ссыльные искали убѣжища также въ многолюдныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ легко было затеряться въ толпѣ и найти удобный тайный пріютъ. Такими мѣстами для бѣглыхъ

ссыльныхъ служили губерніи—нижегородская, московская и петербургская *). Бѣглые ссыльные путемъ опыта научались пользоваться разнообразными условіями: они умѣли пристраиваться какъ въ лѣсахъ и пустыняхъ восточныхъ и новороссійскихъ губерній, такъ и скрываться въ воровскихъ притонахъ и глухихъ кварталахъ Петербурга и Москвы. Конечно, вездѣ они давали контингентъ преступниковъ и ихъ сообщество несегда обходилось дешево городамъ и деревнямъ, избраннымъ ими для поселенія. Въ европейской Россіи, по сравнительнымъ наблюденіямъ, бродяжество всегда имѣло болѣе опасный характеръ, чѣмъ въ самой Сибири, гдѣ цифра бродягъ несравненно значительнѣе. Въ Россіи оно служило такъ-сказать острымъ проявленіемъ той-же болѣзни, которая въ Сибири проникала весь организмъ, но дѣйствуетъ съ особеннымъ характеромъ. Бродяжество въ европейской Россіи находится совершенно въ другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Сибири: въ Сибири, при многочисленности бродягъ, на нихъ давно уже не обращаютъ вниманія и никогда почти не ловятъ ихъ во время пути по деревнямъ; значительная часть ихъ поэтому идетъ мирно по дорогамъ, не скрывая своего происхожденія, прося милостыню и только въ крайности прибѣгая къ кражамъ. Въ европейской Россіи, даже въ пермской губерніи, по словамъ самихъ бродягъ, уже не такъ легко путешествовать: перейдя Уралъ, они прежде-всего должны сбросить съ себя бродяжескія отрепья, въ которыхъ они свободно расхаживали по Сибири, и добыть болѣе приличное платье; имъ приходится запасаться деньгами, фальшивымъ паспортомъ,—а всѣ эти блага можно пріобрѣсти развѣ только кражей или грабежомъ. Типъ скром-

*) Таблица, опредѣляющая процентъ бѣглыхъ изъ Сибири, доказываетъ, что въ саратовской губерніи онъ равнялся 0,00068, въ екатеринославской 0,00083, въ херсонской 0,00079, въ землѣ войска донского 0,00064. Затѣмъ въ многолюдныхъ губерніяхъ: въ нижегородской 0,00103, въ московской 0,00071, въ петербургской 0,00055 (Таблиц. Анучина, с. 188).

наго, мирнаго бродяги, столь часто встрѣчающійся въ Сибири, въ европейской Россіи встрѣчается какъ рѣдкое исключеніе. Съ переходомъ сибирской границы бѣглый долженъ быть постоянно на-сторожѣ: полицейскія власти въ европейской Россіи бдительнѣе, чѣмъ въ Сибири, и относятся къ бродягамъ несравненно-безпощаднѣе. Въ европейской Россіи бѣглые пробираются ползкомъ, тайкомъ, стараясь избѣгать деревень; но ѣсть всетаки надо, а запасами съѣстного они небогаты; поэтому волей-неволей они забираются ночью въ деревни и воруютъ тамъ съѣстные припасы, а въ крайнихъ случаяхъ даже грабятъ. Опасность преслѣдованія и тяжкая отвѣтственность за переходъ границы, грозящая бѣглому, дѣлаютъ его озлобленнымъ, страшнымъ и готовымъ на свою защиту до послѣдней крайности. Упорство, съ какимъ онъ старается достигнуть своей родины, вступивъ разъ на почву европейской Россіи, дѣлаетъ его совершенно непреклоннымъ и готовымъ на самую ожесточонную борьбу. Такимъ-образомъ вынужденное воровство, иногда даже грабежъ и убійство, изъ-за личной защиты и во имя своей безопасности, постоянно слѣдуютъ по пути подобныхъ бѣглыхъ ссыльныхъ. Подобный характеръ бродяжество принимаетъ отчасти уже въ тобольской губерніи, такъ-какъ здѣсь ссыльные запасаются средствами, чтобы перевалить Уралъ, и затѣмъ въ самой-высшей степени обнаруживается въ пермской губерніи. Мы указали, что ни одна губернія, за исключеніемъ развѣ тобольской и вообще сибирскихъ губерній, не даетъ такого числа осужденныхъ за воровство, грабежи, убійство и разбои, какъ пермская, причомъ большая часть осужденныхъ принадлежитъ къ разряду бѣглыхъ ссыльныхъ. Превосходный образчикъ подобныхъ бѣглыхъ представляетъ разбойникъ Кореневъ, біографія котораго приведена г. Максимовымъ. Побѣгъ и затѣмъ опасности, сопряжонныя съ его [illegible]ми по пермской губерніи, вывели этого, сн[illegible]

наго, мальчика-бродягу на дорогу разбоя: его судили за 18 убійствъ. Подобныхъ разбойниковъ у насъ было немало, и они долго живутъ въ народной памяти; по всему Поволжью и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ можно услышать разсказы объ ужасныхъ подвигахъ такихъ разбойниковъ, какъ Быковъ и Чайкинъ. Типы русскихъ фра-дьяволовъ, очерченные г. Соколовскимъ по народнымъ преданіямъ и слѣдственнымъ дѣламъ, представляютъ грозныя черты этихъ бѣгло-каторжныхъ, успѣвшихъ убѣжать изъ Сибири въ губерніи европейской Россіи. Разбирая кровавую дѣятельность Рузавиныхъ, Латышевыхъ, Зяблицыныхъ, Кореневыхъ, Чайкиныхъ, убѣждаешься, что это были люди ожесточонные и озлобленные сибирскою каторгою, перенесшіе самыя-страшныя наказанія и потому уже нечувствительные къ боли,—люди, преслѣдуемые на родной почвѣ, неимѣющіе уже иного пріюта, кромѣ каторги,—иного куска хлѣба, кромѣ взятаго съ бою,—иного будущаго, кромѣ плети. Сибирская каторга и поселеніе воспитывали подобныхъ людей и насылали ихъ на европейскую Россію, и нерѣдко бывало, что осужденный за незначительное преступленіе, пробывъ нѣкоторое время въ Сибири, возвращался снова въ европейскую Россію и здѣсь проявлялъ свою дѣятельность тяжкими преступленіями. Ни система препровожденія арестантовъ, ни строгія полицейскія мѣры противъ бродяжества, ни ужасныя наказанія за побѣги, при неудачномъ выборѣ ссыльной колоніи, не могли гарантировать безопасность общества европейской Россіи отъ возвращенія бѣглыхъ ссыльно-каторжныхъ. Втеченіе 20 лѣтъ ихъ возвратилось назадъ въ европейскую Россію болѣе 18,000 человѣкъ и навѣрное большая половина снова была осуждена въ Сибирь за воровство, грабежи, разбои и поджоги.

Сопровождаясь невыгодными результатами для губерній европейской Россіи, ссылка тѣмъ серьезнѣе должна была отразиться на гражданской жизни Сибири.

Начало ссылкѣ въ Сибирь положено было вскорѣ послѣ пріобрѣтенія этой новой колоніи за Ураломъ, когда Сибирь уже имѣла нѣкоторую гражданственность и населеніе. Впослѣдствіи хотя для ссылки и назначались мѣста малонаселенныя, какъ Забайкалье, Охотскъ, прибрежья Лены, Бараба, но въ строгомъ смыслѣ ссыльные никогда не отдѣлялись отъ мѣстныхъ жителей; система селить ссыльныхъ отдѣльными деревнями не привилась въ Сибири. Уже въ прошломъ столѣтіи Сибирь наполнялась ссыльными безъ разбора во всѣхъ своихъ мѣстностяхъ; уставъ о ссыльныхъ 1822 г. назначалъ для ссыльныхъ всѣ губерніи Сибири; число ссыльныхъ за уголовныя преступленія съ каждымъ годомъ прибывало и ихъ поселяли во всѣхъ мѣстностяхъ Сибири между осѣдлымъ туземнымъ населеніемъ и никакихъ границъ для отдѣленія ссыльныхъ отъ свободнаго гражданскаго общества не существовало. Ссылка потеряла свое назначеніе—изолировать преступника отъ общества съ цѣлію огражденія его отъ преступленій; цѣль эта при громадномъ наплывѣ ссыльныхъ ускользнула изъ виду, какъ въ высшихъ законодательныхъ сферахъ, такъ и въ мѣстной сибирской администраціи. Перенесенная въ среду гражданскаго общества въ сибирскихъ провинціяхъ, ссылка утратила свое главное назначеніе—избавлять общество отъ вредныхъ его членовъ,—и всѣ дурныя условія, всѣ неудобства ссылки и всѣ болѣзненные симптомы ея пали тяжолымъ бременемъ на само общество. Прежде-всего между ссыльно-поселенцами въ Сибири развилось въ поразительной степени бродяжество. Съ самаго начала ссылки въ Сибирь она породила уже *„утеклецовъ“* изъ партій и мѣстъ поселенія, которые блуждали толпами по Сибири; уже Лаба въ 1802 г., а Сперанскій въ 1822 г. въ своихъ отчетахъ заявляли, что большинство ссыльныхъ блуждаетъ безъ всякаго дѣла и занятій по Сибири. По мѣрѣ увеличенія числа ссыльныхъ, толпы бродячаго населенія все-болѣе усиливались и наконецъ изъ нихъ органи-

зовалось цѣлое подвижное населеніе въ Сибири, которое равнялось болѣе-чѣмъ половинѣ всей массы высланныхъ. Ловимые и возвращаемые въ остроги мѣстными властями, эти бродяги распредѣлялись на заводы, но снова уходили въ бродяжество; побѣги населенія съ заводовъ въ бродяжество и ссылка ихъ обратно на заводы для того, чтобы снова выпустить ихъ съ этихъ заводовъ, составляли вѣчный круговоротъ ссылки. Противъ этого perpetuum mobile бродяжества были безсильны самыя-энергичныя мѣры мѣстнаго населенія и самихъ властей *). Скоро это явленіе стало считаться необходимымъ послѣдствіемъ ссылки и къ нему привыкли; сибирская администрація стремилась только удерживать напоръ ссыльныхъ бродягъ за границы Сибири и старалась ловить ихъ въ тобольской губерніи. „Пусть бѣгаютъ,—говорили старые сибирскіе администраторы, въ лицѣ одного изъ начальниковъ западной Сибири:—все-же они далѣе Урала не уйдутъ". Такой взглядъ показываетъ, что Сибирь прежде считалась обширной тюрьмой отъ Урала до Саяновъ, гдѣ ссыльные могли располагать собой свободно, подъ однимъ условіемъ—не переваливать Уралъ. Столь ненормальное явленіе должно было породить самые-неблагопріятные результаты. Мы видимъ, что бродяги издавна ложились страшною тяжестью на мѣстное населеніе и хотя формы бродяжества измѣнялись и само оно перешло изъ грознаго въ болѣе-мирное, тѣмъ не менѣе послѣдствія его были одинаково-вредны. Правда, наружный скромный характеръ современнаго бродяжества по Сибири многихъ вводилъ въ заблужденіе и заставлялъ предполагать въ немъ совершенную безвредность; но на дѣлѣ оно представляло иной видъ. Даже еслибы единственнымъ средствомъ пропитанія бродягъ было нищенство, то и тогда скопленіе и передвиженіе отъ 30 до 40,000 человѣкъ

*) Извѣстно, что въ половинѣ прошлаго столѣтія по всей Сибири разъѣзжали драгунскія команды для поимки ссыльныхъ.

по Сибири бродячаго и тунеядствующаго населенія не можетъ считаться выгоднымъ и безвреднымъ; но бродяжество по Сибири далеко не было такого мирнаго характера: оно постоянно изобиловало преступленіями. Въ одномъ изъ очерковъ *) мы представили профессіи бродягъ въ Сибири; теперь мы обратимся къ положительнымъ даннымъ уголовной статистики, которая намъ укажетъ яснѣе вліяніе ссылки и бродяжества. Уголовная статистика Сибири въ этомъ отношеніи представляетъ далеко не отрадную картину сибирской жизни. Тобольская губернія по числу бродягъ далеко превосходитъ пермскую, отличающуюся наибольшимъ скопленіемъ ссыльныхъ бродягъ, чѣмъ всѣ остальныя губерніи европейской Россіи. За 9 лѣтъ въ тобольской губерніи было взято 2,314 м. и 239 ж. бѣглыхъ, а въ пермской только 910 м. и 45 ж; остальныя губерніи Сибири точно-также не уступаютъ тобольской; поэтому по числу бѣглыхъ каждая сибирская губернія превышаетъ болѣе чѣмъ въ *два съ половиной раза* пермскую. Кромѣтого, принимая въ соображеніе, что въ 9 лѣтъ было взято въ бѣгахъ до 8,481 каторжныхъ и поселенцевъ и что въ это число не входятъ до 17,000 непомнящихъ родства бродягъ и 3,000 бѣглыхъ арестантовъ, изъ которыхъ значительная часть ссыльныхъ,—мы поймемъ, что цифра отъ 30 до 40,000, принятая нами для блуждающихъ бродягъ по Сибири, вовсе не преувеличена. Сравнивая это число съ числомъ взятыхъ бродягъ и высланныхъ въ два десятилѣтія изъ всей Россіи, мы найдемъ, что въ Сибири, при ея ничтожномъ населеніи, бродягъ и бѣглыхъ было гораздо болѣе, чѣмъ въ европейской Россіи, населенной 65,000,000 **). Многіе изъ бродягъ взяты послѣ совер-

*) См. Ссыльное бродячее населеніе Сибири.

**) Изъ европейской Россіи въ 20 лѣтъ выслано бродягъ, считая и 18,000 бѣглыхъ изъ Сибири, — 66,894 чел.; Сибирь въ 20 лѣтъ даетъ 80,000 бѣглыхъ, т. е. число всѣхъ высланныхъ въ Сибирь бродягъ съ добавленіемъ бѣглыхъ преступниковъ съ заводовъ.

шенія новаго преступленія. По таблицѣ о преступленіяхъ бродягъ за 9 лѣтъ, приводимой г. Максимовымъ изъ офиціальныхъ отчотовъ, видно, что изъ 17,316 арестованныхъ бродягъ—совершившихъ новое преступленіе было 1,276, т. е. одинъ изъ тринадцати. Эти преступленія были—воровство (520 случ.), грабежи и разбои (51 случ.), поддѣлка ассигнацій и монеты (40 случ.), возмущеніе противъ властей (13) и т. д. *). Конечно, и изъ остальныхъ бродягъ многіе совершали преступленія, но не были въ нихъ уличены. Огромной численности бродягъ въ Сибири надо приписать и то обстоятельство, что количествомъ преступленій сибирскія губерніи превосходятъ всѣ остальныя русскія губерніи, даже пермскую. Сибирское бродяжество, стройно организованное, тѣсно сплотившееся, держало въ вѣчномъ страхѣ сельское населеніе, принужденное нерѣдко дорого расплачиваться съ бродягами, преимущественно за то, что иногда помогало ловить ихъ: бродяги изъ мести выжигали селенья.

Но не одни бродяги, часто вынуждаемые нуждою и голодомъ къ преступленію, способствовали увеличенію цифры преступленій въ Сибири. Бродяжество было только однимъ изъ результатовъ ссылки. Если бродяги протестовали противъ ссылки своимъ вѣчнымъ скитаніемъ и его послѣдствіемъ—преступленіемъ, то и вообще ссыльно-поселенцы, живущіе осѣдло, не отличались развитіемъ нравственныхъ качествъ и совершали въ Сибири, на мѣстѣ ссылки, тѣ-же преступленія, за которыя были сосланы: ихъ дѣятельность часто переносилась только изъ одной мѣстности въ другую; въ новой мѣстности они находили тотъ-же матерьялъ и то-же поле для преступленій. Пред-

*) Втеченіе 9 лѣтъ, съ 1838 по 1847 годъ, поселенцевъ суждено было въ Сибири, по отчоту Г. Максимова, 6,829 мужч. и 301 женщ., между-тѣмъ-какъ бродягъ осуждено за преступленія 14,861 м. и 3,785 ж. Каторжные отличались преступленіями еще болѣе: не смотря на то, что ихъ въ 6 разъ менѣе, ихъ осуждено въ тѣ-же года 2,689 м. и 30 женщ, (Максимовъ, «Сибирь и каторга», ч. I, стр. 316).

ставляя за 10 лѣтъ цифру опасныхъ преступниковъ, сосланныхъ въ одни нерчинскіе заводы, г. Максимовъ восклицаетъ: „въ этой цифрѣ достаточно грозной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастіе жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностью нерѣдко въ такомъ размѣрѣ, чтобы возбуждать соблазнъ и зависть въ неимущемъ и потерявшемъ все, даже доброе имя!“ Не надо забывать, что сибирское общество въ каждое десятилѣтіе принимало до 7,000 убійцъ, до 2,000 разбойниковъ и грабителей, 20,300 человѣкъ воровъ и мошенниковъ, до 1,000 поджигателей, сверхъ того значительное число растлителей, развратниковъ, ябедниковъ, взяточниковъ, членовредителей, оскопителей и до 25,000 бродягъ, въ большинствѣ людей съ праздными наклонностями или привыкшихъ къ нищенству и шатанію. Понятно, что скопленіе такого громаднаго количества преступниковъ не могло не подѣйствовать вредно на то общество, въ которое они были втолкнуты: до 460,000 преступниковъ, сосланныхъ менѣе, чѣмъ въ 60 лѣтъ, могли повредить и не такому малочисленному обществу, какъ сибирское. До 25,000 каторжныхъ и отъ 50 до 60,000 поселенцевъ, каждые 10 лѣтъ посылаемыхъ въ Сибирь, постоянно вносили въ нее значительную цифру преступленій. Ссыльно-поселенцы количествомъ преступленій превосходятъ даже каторжныхъ *). Въ числѣ преступленій ссыльныхъ играли самую видную роль—воровство, развратное поведеніе, смертоубійство, грабежъ и др. Впрочемъ, убійства и разбои въ Сибири всего болѣе совершаются каторжниками, что происходитъ, конечно, отъ того, что въ каторгѣ скопляются опытные убійцы, которымъ повторять это преступленіе—дѣло привычное, такъ и потому, что наши ка-

*) Таблица преступленій за 9 лѣтъ—1838—46 гг.—показываетъ, что за побѣги судилось поселенцевъ 6,008, каторжныхъ 2,478, за воровство 144 поселенца и 21 катордж., за развратное поведеніе 111 поселенцевъ и т.

торги воспитывали особое ожесточеніе, огрубѣніе и озлобленіе личности. Истязуемый тѣлесно, закаленный страданіями, озлобленный преслѣдованіями, каторжный естественно лишался всякихъ мягкихъ и человѣческихъ чувствъ. Огрубѣлость, жестокость и озлобленіе до такой степени были присущи жизни каторжныхъ, что даже у себя въ нерчинскихъ заводахъ они расправлялись другъ съ другомъ ножами. Убійства въ этихъ острогахъ были безпрерывны. Въ бродяжествѣ такіе каторжные постоянно ходятъ съ ножами въ рукавѣ и совершаютъ убійства не только при встрѣчахъ съ мѣстными жителями, но и при встрѣчѣ съ своими-же бродягами. Послѣ каторжныхъ наклонны къ убійствамъ и разбоямъ всего-болѣе бѣглые арестанты изъ остроговъ. Вслѣдъ затѣмъ разбоями и грабежами отличаются военные арестанты изъ военныхъ арестантскихъ ротъ, причомъ они отличаются особенною жестокостью, далеко превышающею жестокость каторжныхъ. „Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ,—говоритъ г. Максимовъ,—успѣваютъ запутываться наичаще другихъ въ самыхъ-тяжкихъ преступленіяхъ, каковы убійства, грабежи и разбои". Что касается убійствъ, совершаемыхъ поселенцами, то они совершаются точно-также или вслѣдствіе озлобленія, внушаемаго ссылкою, или во время грабежей и бродяжества для личной безопасности. Наиболѣе-развитое преступленіе между поселенцами составляетъ воровство. Отъ 15,000 до 20,000 осужденныхъ судебными приговорами воровъ и мошенниковъ въ каждое десятилѣтіе наводняло Сибирь. Всѣ они распредѣлялись, по системѣ наказаній, въ тобольской и томской губерніяхъ, населенныхъ гуще прочихъ сибирскихъ губерній. Всѣ эти мошенники и мазурики, все это отребье и подонки столицъ и большихъ торговыхъ центровъ, попавши въ города восточныхъ губерній, точно-также стремились жить прежней профессіей. Избалованный праздностью тюремъ, питающій отвращеніе къ тяжелому крестьянскому труду, этотъ народъ за-

нимается воровствомъ разнаго рода. Поселенцы до того отличаются кражами, что у туземцевъ склонность ихъ къ воровству вошла даже въ притчу. Поселенцы, живя въ деревняхъ, крадутъ хлѣбъ и мужицкое достояніе; въ городахъ они пускаютъ въ ходъ всѣ хитрыя мошенничества, на пріискахъ занимаются кражею золота, на заводахъ—кражею вина, соли, желѣза. Недовѣріе къ поселенцамъ по этому случаю среди туземцевъ развивалось страшное *). Кромѣ воровства, ссыльные по всей Сибири занимаются производствомъ фальшивыхъ ассигнацій и монетъ, и свое искуство съумѣли передать мѣстнымъ жителямъ, которые теперь въ этомъ дѣлѣ не отстаютъ отъ своихъ учителей. Ссыльные судятся почти за всѣ безъ исключенія преступленія, означенныя въ уголовной номенклатурѣ, и такимъ образомъ значительно увеличиваютъ цифру осужденныхъ преступниковъ по сибирскимъ губерніямъ.

Данныя уголовной статистики показываютъ, что въ тобольской губерніи число осужденныхъ убійцъ превышаетъ всѣ безъ исключенія губерніи европейской Россіи и Сибири, даже пермскую, имѣющую вдвое болѣе населенія. Въ тобольской губерніи въ 9 лѣтъ осуждено 199 убійцъ, а въ пермской 197; въ графѣ воровства тобольская и томская губерніи занимаютъ также первое мѣсто. Относительно грабежей тобольская губернія слѣдуетъ за пермской, но превышаетъ всѣ остальныя губерніи, даже Бессарабію (изъ пермской въ 9 лѣтъ съ 1838—47 сослано было за грабежи 65 м. и 10 ж., а изъ тобол-

*) Рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству,—говоритъ г. Максимовъ (Сиб. и Кат., ч. I, с. 247). Общественное мнѣніе,—продолжаетъ онъ,—единогласно установилось, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи,—люди испорченные, ни къ чему негодные. Рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ въ тѣхъ-же разсчотахъ на несомнѣнное и даже близкое преуспѣяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ». Такъ свидѣтельствуетъ посторонній наблюдатель. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и отзывы мѣстнаго начальства (см. Максимовъ, Сибирь Каторга, ч. I, с. 279—280).

ской 64 м. и 5 ж., изъ Бессарабіи 61 м., изъ симбирской губ. 60 м., изъ Грузіи 56 м. и 6 ж., а изъ кіевской, напримѣръ, 38). „Тобольская, томская и иркутская губерніи,—говоритъ г. Максимовъ при обозрѣніи народныхъ преступленій, — соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи“. Въ тобольской губерніи въ 9 лѣтъ въ числѣ осужденныхъ грабителей оказалось 13 каторжныхъ и 23 поселенца, а въ разбояхъ 6 каторжныхъ и 11 бродягъ. Но эти цифры, конечно, далеко неполны. Въ другихъ преступленіяхъ, какъ въ поддѣлкѣ денегъ, сибирскія губерніи занимаютъ опять самое видное мѣсто. Изъ тобольской губерніи судились и осуждены въ 9 лѣтъ 22 дѣлателя фальшивой монеты, тогда-какъ изъ саратовской ихъ осуждено 15, симбирской 12 и пермской 4. Фальшивые монетчики обыкновенно являются въ Сибири рецидивистами и здѣсь снова принимаются за прежнюю профессію, которая процвѣтаетъ здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ. По одному извѣстному дѣлу въ поддѣлкѣ ассигнацій въ Сибири обвинялось въ одно время 12 каторжныхъ, 39 бродягъ, 22 поселенца и 7 арестантовъ.

Представивъ нѣкоторыя статистическія данныя для доказательства распространенія преступленій между ссыльными, мы обратимся теперь къ положенію сибирскаго общества, на которомъ отражались всѣ трагическіе результаты этихъ преступленій. Вѣчныя несогласія между ссыльными и мѣстными жителями, доходившія нерѣдко до кровавой развязки, дѣлали положеніе сибиряковъ далеко не безопаснымъ. При этихъ условіяхъ, конечно, трудно было развиться гражданственности: могли-ли существовать дѣйствительныя гарантіи обезпеченности личности тамъ, гдѣ жизнь каждаго подвергалась ежеминутной опасности! Путешественники по Сибири постоянно рисовали мрачными красками жизнь въ Сибири. Исторія Сибири полна мрачными событіями. Уже съ конца прошлаго столѣтія, т. е. съ увеличеніемъ ссылки,

селенія и города Сибири начали испытывать всѣ пагубныя ея послѣдствія. Разбѣгающіеся каторжные съ охотскаго тракта грабятъ караваны по дорогамъ; ссыльные, идущіе на поселеніе въ Сибирь, въ 1805 г. при Павлѣ I подъ Иркутскомъ составляютъ шайки и даже нападаютъ на проѣзжихъ; около Иркутска на большомъ трактѣ въ Красноярскъ гуляетъ съ шайкою бѣглыхъ смѣлый разбойникъ Гондюхинъ и нападаютъ на Иркутскъ. Разбойники разсыпаются по Забайкалью, по восточной и западной Сибири, свободно разгуливая по дорогамъ и по большимъ сибирскимъ рѣкамъ, какъ-то — Енисею, Оби, Иртышу и Ленѣ. Жизнь въ хуторахъ и заимкахъ Сибири становится крайне-опасной: они подвергаются вооружоннымъ нападеніямъ и осадамъ. Разбойники въ Сибири, подобно греческимъ и итальянскимъ, являются могучею силою. Въ это время они строили въ сибирскихъ лѣсахъ *блокгаузы* и рѣшительно укрѣплялись, какъ напримѣръ Селезневъ на Бухтормѣ. Эту разбойничью эпоху, въ которую купцы и торговцы дѣлались данниками знаменитыхъ разбойниковъ и мирные жители страдали у нихъ въ плѣну, когда смѣлые атаманы разгуливали безпрепятственно по городамъ сибирскимъ, а путешествіе по Сибири сопровождалось безчисленными опасностями,—эту романическую и грозную эпоху старинной Сибири живо сохраняютъ сибирскія преданія, а сибирскій романистъ Калашниковъ пробовалъ изобразить ее въ своихъ романахъ. Не въ лучшемъ положеніи находилась Сибирь и въ началѣ XIX столѣтія; напротивъ, увеличившаяся ссылка только подбавила еще болѣе горючихъ матерьяловъ преступленія. Ссыльные, — нищіе, оборванные и голодные—бродятъ по сибирскимъ трактамъ, занимаясь наполовину грабежомъ и разбоемъ; толпы нерчинскихъ каторжныхъ, ссыльныхъ поселенцевъ и бродягъ прорѣзываютъ лѣса и дороги Сибири. Крестьяне, въ видахъ личной защиты, вооружаются: въ лѣсахъ Сибири ведется ожесточонная война съ ссыльными

нападавшими цѣлыми толпами на крестьянскія заимки; побѣжденные бродяги мстятъ выжиганьемъ сибирскихъ селъ и деревень. Дороги и большіе тракты Сибири въ это время были крайне-небезопасны: на всемъ сибирскомъ трактѣ, отъ Кяхты до Перми, обозы, идущіе съ чаями, подвергались нападеніямъ грабителей, организовавшихъ изъ этого цѣлую промышленность. Цѣлыя деревни съ ссыльно-поселенческимъ элементомъ на Барабѣ и около Маріинска (нынѣ Кія) выходили на грабежъ *). Обозы съ товарами, идущіе изъ Россіи въ Сибирь, были постоянною цѣлью нападеній. Ссыльно-поселенцы, живущіе осѣдло и занимавшіеся пристанодержательствомъ, попеременно соединялись то съ проходившими бродягами, то съ ихъ врагами,—крестьянами и пользовались отъ тѣхъ и другихъ. Въ 1860 г., проѣзжая по тракту на Барабѣ, этой обширной степи Сибири, мы встрѣчали богатѣйшихъ поселенцевъ и крестьянъ, которые, какъ говорятъ, какъ-бы волшебствомъ преобразились въ богачей безъ всякаго труда. Это быстрое обогащеніе приписывалось кладамъ, будто-бы ими открытымъ, но въ сущности эти клады были ни что иное, какъ грабежи по дорогамъ. Богатые сибирскіе купцы, ѣдущіе на ярмарку съ значительными капиталами, прослѣживались искусными шайками и подвергались грабежу и часто платились своею жизнью; почта, чиновники и всякаго рода проѣзжіе также подвергались ихъ нападеніямъ. Иногда останавливали цѣлыя семейства и разбойники выпытывали деньги самыми-ужасными муками,—обухомъ топора, иглами, гвоздями, огнемъ и ножами. Въ концѣ-концовъ злодѣи умерщвляли взрослыхъ и разбивали головы дѣтей и грудныхъ младенцевъ о шины колесъ.

Въ то время, когда пылало зарево деревень, поджи-

*) Такой порядокъ существовалъ даже въ 50-хъ годахъ. См. путешествіе Небольсина по Сибири «Отъ Петербурга до Барнаула».

гаемыхъ бродягами, и по дорогамъ находили цѣлыми десятками убитыхъ проѣзжихъ, жизнь въ сибирскихъ городахъ была не лучше и не безопаснѣе. Тельминская фабрика, гдѣ скоплялись ссыльные около Иркутска, потрясала окрестности этой столицы восточной Сибири страшными грабежами, отъ которыхъ остались красноречивыя преданія. Жители Красноярска, Томска, Тобольска и Тюмени испытывали ежегодно множество кражъ, грабежей, разбоевъ, убійствъ и поджоговъ, а на улицахъ и въ домахъ разыгрывались ежегодно самыя-кровавыя драмы. Убійства совершались на большихъ улицахъ, въ торговые базарные дни; въ многолюдныхъ кварталахъ вырѣзывались цѣлыя семьи съ работниками и дѣтьми; разбойникъ выходилъ смѣло съ кистенемъ въ рукѣ на улицу. Въ одну зиму находили въ нѣкоторыхъ городахъ зарытыми въ сугробы по 7, 8 и болѣе труповъ. Бойни происходили въ домахъ и на улицахъ. Особенно печальна и поразительна хроника еще-недавней жизни города Томска. Это—красивѣйшій городъ западной Сибири, средоточіе торговли и промышленности. „Въ 40-хъ годахъ этотъ городъ представлялъ ужасающее зрѣлище,—говоритъ хроникеръ *):—открытые грабежи и разбои происходили явно на его улицахъ; дома на ночь запирались, какъ крѣпости, и никто не осмѣливался выходить изъ нихъ. По улицамъ ѣздили смѣлыя шайки неизвѣстныхъ людей на тройкахъ и въ коневахъ (обширныхъ сибирскихъ саняхъ); эти-то неизвѣстные люди хватали проѣзжихъ и прохожихъ, увозили ихъ за городъ и тамъ бросали ограбленными и голыми. У этихъ промышленниковъ, какъ разсказываютъ, были даже особые арканы, крюки и снаряды, которыми они ловили прохожихъ, какъ рыбу, нерѣдко закидывая крюки прямо въ ребра. Жители, выходя изъ дому, вооружались

*) Хроника эта взята нами изъ неизданныхъ записокъ одного томскаго жителя.

ножами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Убійства и разбои наполняли городъ; лавки разграблялись безпрепятственно; дома осаждались ворами. Убійства происходили на улицахъ и въ гостиницахъ. Какой-то разбойникъ-поселенецъ основалъ въ одной части города гостиницу, въ которую завлекалъ богатыхъ золотопромышленныхъ приказчиковъ и тамъ тайно убивалъ ихъ. Въ центрѣ города былъ притонъ, гдѣ собирались на ночь кутить мошенники и разбойники. Въ окрестностяхъ города (около Басандайки) жила цѣлая шайка разбойниковъ. Заимки (хуторá) около города подвергались наѣздамъ организованныхъ грабителей, а тракты около города были ими обложены блокадой. Ни одинъ крестьянинъ не могъ съѣздить въ городъ на базаръ, не рискуя быть ограбленнымъ и убитымъ на возвратномъ пути; ни одинъ обозъ не проходилъ безъ нападеній; каждый проѣзжій, подъѣзжая къ городу, трепеталъ за свою жизнь; а въ городѣ ни одна ночь не проходила безъ кровавыхъ происшествій. Вездѣ царствовали паника и страхъ отъ полновластія воцарившагося разбоя и убійства. Въ это-то время,—продолжаетъ хроникеръ,—пріѣзжаетъ въ Томскъ энергичный полицеймейстеръ Л.; онъ попробовалъ искоренить преступленія и ввести порядокъ. Томскъ представлялъ въ то время не только открытое поле грабежей и разбоевъ, но хаотическое смѣшеніе всѣхъ плутней и промышленныхъ мошенничествъ. Тайный провозъ золота, перепродажа его, азартныя игры въ гостиницахъ и обираніе посѣтителей съ помощью подбавленнаго въ напитки дурмана, торговыя плутни и промышленная спекуляція,— все переплеталось въ дикомъ хаосѣ мошенничества и преступленій рядомъ съ открытымъ разбоемъ. Полицеймейстеръ Л. составилъ новый штатъ полиціи и принялся за уничтоженіе воровскихъ шаекъ, разбоевъ и преступленій. Онъ дѣятельно открывалъ кражи и преслѣдовалъ безпощадно воровъ и мошенниковъ; скоро открыт[illegible]я прекратились, разбои утихли, гостини-

цы пришли въ порядокъ, разъѣзды шаекъ прекратились по городу и жители начали вздыхать свободнѣе. 20 лѣтъ управлялъ Л. Томскомъ; но настали-ли лучшія времена для сибирскаго города? Правда, явныя разбои уничтожились, но зато преступленія начали появляться въ иной формѣ: открытыя нападенія стали замѣняться кражами и тонкими мошенничествами, у которыхъ не могли найти концовъ.

„Правда, мелкихъ воришекъ преслѣдовали и жестоко сѣкли при полиціи, но крупныя кражи и грабежи избѣгали полицейскаго преслѣдованія. Подъ конецъ управленія Л. преступленія снова усилились: у богатыхъ купцовъ стали ломать лавки, уводить лошадей изъ конюшень; попрежнему начались убійства и наконецъ ограблено было мѣстное казначейство. Всѣ мошенническія продѣлки покрывались какимъ-то таинственнымъ флёромъ; въ городѣ начался ропотъ; послышались жалобы; стали носиться темные намеки, подозрѣнія; изъ дальнихъ подъяческихъ норъ полетѣли доносы; началось обширное слѣдствіе. Выплыло многое наружу, и весь штатъ полиціи и самъ знаменитый Л. пошли подъ судъ, но и послѣ этого переполоха положеніе Томска не улучшилось: источникъ зла лежалъ въ ссыльно-поселенцахъ, а была-ли возможность устранить его!

„Кражи и пожары снова водворяются въ Томскѣ и не даютъ покоя горожанамъ. Въ 1858 году пожары пожираютъ городъ и во время ихъ производятся грабежи. На жителей нападаетъ паника и они выѣзжаютъ за городъ, на поля, и вооружаются для защиты отъ нападеній грабителей. Въ 1865 г. грабежи и воровства до того увеличиваются, что жители боятся выходить изъ дому и вечерами ходятъ съ оружіемъ. Сама полиція упоминаетъ объ этомъ въ своемъ печатномъ объявленіи и пробуетъ успокоить трепещущихъ жителей. Снова послѣдовала перемѣна штата по части городской полиціи, но спокойствіе города и его безопасность не могли вос-

становится и позднѣе. До послѣдняго времени осенью преступленіе слѣдуетъ за преступленіемъ: нѣтъ ночи, когда-бы не слышалось воплей о помощи; крики „караулъ“ не замолкаютъ; на пустынныхъ улицахъ нападаютъ на прохожихъ, отгоняютъ лошадей и увозятъ экипажи. Въ отдаленныхъ частяхъ города жители и дежурные караульные цѣлую ночь производятъ выстрѣлы изъ ружей, устрашая недремлющихъ воровъ и разбойниковъ. И на такомъ военномъ положеніи жило большинство городовъ Сибири“.

То-же происходило въ Енисейскѣ и Красноярскѣ каждую осень и зиму, когда стекались сюда золотопромышленники и рабочіе, идущіе съ золотыхъ пріисковъ; здѣсь хозяйничали цѣлыя шайки воровъ, обиравшія денежныхъ рабочихъ, которыхъ убивали и кидали въ рѣку. Вотъ что доносилось напримѣръ изъ Енисейска еще недавно: сообщая случай дерзкаго разбоя и преступленія, корреспондентъ пишетъ *): „вообще Енисейскъ и его окрестности замѣчательны по неслыханному обилію убійствъ, кражъ и грабежей: нѣтъ дня, чтобы не было кражъ; грабежи на улицахъ дотого обыкновенны и часты, что послѣ сумерекъ никто не отваживается ходить по городу, точь-вточь въ какой-нибудь Бухарѣ или Чечнѣ сороковыхъ годовъ. Винятъ тайгу, обиліе ссыльныхъ“, говоритъ корреспондентъ, но самъ корреспондентъ свáливаетъ едвали основательно вину на одну полицію. Извѣстно, что съ громаднымъ таежнымъ населеніемъ и съ массами ссыльно-поселенцевъ, нахлынувшими съ пріисковъ, едвали справится какая-либо полиція. Корреспондентъ сообщаетъ, что сдѣлано распоряженіе не впускать въ городъ промысловыхъ рабочихъ, но не хуже-ли будетъ, когда эти массы перенесутся въ деревни, гдѣ нѣтъ уже никакой полиціи?... Тобольская губернія, въ кото-

*) См. корреспонденцію 1871 года изъ Енисейска въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, № 326.

рой передъ отваломъ за Уралъ сосредоточиваются и ловятся тысячи бродягъ, всегда наполняется съиздавна самыми отчаянными и дерзкими преступленіями. Въ одинъ 1867 г. по губерніи совершилось нѣсколько убійствъ и грабежей около Тюмени, Тобольска и около Омска въ деревнѣ Песчаковой, до того дерзкихъ и страшныхъ (здѣсь вырѣзаны были цѣлыя семьи крестьянъ), что мѣстная администрація прибѣгла къ военному суду и разстрѣливала преступниковъ въ Тобольскѣ и въ Омскѣ. Но и строгіе приговоры военныхъ судовъ не дѣйствовали и часто въ то самое время, когда въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали за грабежъ, въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи производилось подобное-же преступленіе съ необузданною дерзостью (такъ было въ тобольской губерніи въ 1867 г.). Военные суды, учрежденные для ссыльныхъ, нимало не устрашали и не предупреждали преступленій. Что касается административныхъ мѣръ и полицейскихъ огражденій, то въ дальнихъ глухихъ провинціяхъ Сибири эти мѣры всегда были слабы и безсильны. Земская полиція никогда не могла справиться съ бродяжествомъ. Иногда такъ много бродягъ скоплялось въ сибирскихъ замкахъ, что отдавалось приказаніе *„не брать ихъ болье"*. Разставляемые каждую осень пикеты и кордоны казаковъ около городовъ и по большимъ трактамъ Сибири не могли остановить бродяжества, имѣвшаго свои таинственные пути по лѣсамъ. Города не могли ограждаться кордонами, ибо зло не столько приходило извнѣ, сколько лежало внутри самыхъ городовъ, населенныхъ ссыльно-поселенцами. Прежніе администраторы Сибири мало обращали вниманія на искорененіе преступленій: иркутскія лѣтописи говорятъ, что губернаторъ Нѣмцовъ прямо покровительствовалъ разбойнику Гондюхину, и по его заказу грабили губернаторскихъ гостей; позднѣе эти явленія повторялись въ низшей администраціи. Полицеймейстеръ Л. и его полицейскій штатъ, преданные суду, подверглись именно этимъ подозрѣніямъ. Странное яв-

леніе видимъ мы въ Сибири: незаконная нажива до такой степени вошла въ нравы,—преступленія образовали такой сильный заговоръ противъ общества и лагерь враждебный порядку такъ былъ крѣпокъ, что преступленія потеряли свой рискъ; они уже не подвергались никакой опасности, а напротивъ доставляли столь громадныя выгоды, что находили покровительство, и сами представители порядка переходили на сторону преступниковъ. Враждебная сила общества перевѣшивала надъ мирной частью его, какъ надъ самой законностью и порядкомъ, присущимъ всякой соціальной средѣ. Это было явленіе, безъ-сомнѣнія, ужасное и рѣдкое въ исторіи обществъ! Постоянная опасность, угрожавшая мирнымъ жителямъ, побуждала беззащитное общество брать на себя иниціативу, и оно нерѣдко пыталось прибѣгать къ самозащитѣ. Во время поджоговъ и обширныхъ пожаровъ, охватывавшихъ цѣлые города, мѣстныя городскія общества организовали свои караулы, особую стражу и учреждали волонтеровъ при пожарныхъ командахъ. Точно то-же было и во время усиливавшихся грабежей. Но что-же могли сдѣлать эти попытки противъ систематическаго вторженія убійствъ и пожаровъ и всякихъ несчастій! Немало искуства и такта въ дѣлѣ огражденія себя отъ опасностей ссылки выказывало сибирское крестьянское сословіе. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ и энергіей боролось оно противъ бродяжества ссыльныхъ на всемъ протяженіи Сибири. Послѣ вооруженной борьбы, оно отняло, правда, у бродягъ ихъ воинственный характеръ, предписало имъ свои правила и законы для прохода по деревнямъ, заставило покоряться себѣ, создало надъ ними свой судъ въ родѣ суда по закону Линча, но уничтожить самое бродяжество оно было не въ силахъ, и всетаки постоянно страдало отъ него. Вліяніе ссылки было столь могущественно и опасно, что общество мало-того-что не могло никогда обезопасить себя отъ нея, но само иногда заражалось ея недостатками: пре-

ступники заражали и соблазняли даже мирныхъ граждан; поселенцы привлекали къ своимъ преступленіямъ мѣстное крестьянство и многіе покушенія на грабежи и убійства стали производиться въ союзѣ съ ними. Самые нравы сибирскихъ крестьянъ вслѣдствіе жестокой борьбы съ бродягами грубѣли *). Многія преступленія получили право гражданства въ сибирской средѣ, какъ-напримѣръ дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, особенно покровительствуемое сибирскими крестьянами. Тонкими пріемами воровства и развитіемъ разныхъ артистическихъ плутней Сибирь исключительно обязана ссыльно-поселенцамъ. Но ссылка распространяла свой ядъ и другимъ образомъ. Развратъ, при преобладаніи холостого мужскаго населенія ссыльныхъ и при ихъ испорченности, дѣятельно разносился по городамъ и деревнямъ, проникая въ цѣломудренныя убѣжища крестьянскихъ семей. Ссыльныя женщины, побывавшія въ партіи, отличались тѣмъ-же развратомъ, какъ и мужчины. Сифилисъ, вносимый и развивающійся въ ссыльныхъ партіяхъ еще на дорогѣ, натурализировался въ странѣ, и въ Сибири теперь есть цѣлыя деревни, гдѣ сифилисомъ заражено чуть не все населеніе, гдѣ въ каждомъ семействѣ непремѣнно есть хотя одинъ зараженный этой ужасной болѣзнью **). Извѣстенъ фактъ, что цѣлыя поколѣнія инородцевъ вымерли въ Сибири отъ сифилитическаго яда, разнесеннаго ссыльными.

Нерѣдко однако высказывается мнѣніе, что ссылка принесла извѣстную долю пользы Сибири. Ссыльные, говорятъ, обучали туземцевъ ремесламъ; они давали рабочія руки Сибири; кромѣтого самое бродяжество

---

*) Извѣстно напримѣръ, что нѣкоторые крестьяне *промышляли* убійствомъ бродягъ.

**) Развитіе сифилиса среди ссыльныхъ свидѣтельствуютъ больницы тюремъ. Наконецъ въ послѣднее время онъ заносился ссыльными въ тѣ мѣстности, гдѣ не существовалъ ранѣе, какъ напримѣръ на Амурѣ. гдѣ развитіе его изслѣдовалъ д-ръ Шпрекъ

создало дешовыхъ работниковъ для сибирскаго крестьянства; наконецъ развитіе большей грамотности, большаго умственнаго развитія и широкаго міросозерцанія сибирскихъ жителей объясняется вліяніемъ ссылки. Мы не споримъ, — можетъ-быть до нѣкоторой степени такія вліянія и существовали; мы не станемъ обвинять огульно въ преступленіяхъ и въ дурномъ вліяніи на мѣстныхъ жителей всѣхъ безъ исключенія ссыльныхъ: это было-бы по меньшей мѣрѣ пристрастно. Мы допускаемъ, что между ссыльными были люди честные, трудящіеся, но притомъ мы вправѣ оцѣнить, насколько такой трудъ дѣйствительно имѣлъ пользы, какъ велика была часть ссыльныхъ, занятая имъ, и насколько эта часть трудящихся выкупала сумму того зла и несчастій, какое приносила ссылка въ своей совокупности. Мы уже разбирали трудъ поселенцевъ въ Сибири и его условія. Мы видѣли, что казенный трудъ поселенцевъ и каторжныхъ мало приносилъ пользы краю. Частная промышленность заводовъ и фабрикъ была такъ слаба въ Сибири, что кромѣ золотыхъ пріисковъ некуда было поселенцамъ примѣнить свой трудъ, но и тамъ онъ былъ жалкимъ и кабальнымъ. Что касается вольно-наемнаго труда у крестьянъ, то эксплуатація его была грубая и невыгодная. Вспомнимъ притомъ, что поселенецъ-работникъ былъ лишонъ всѣхъ гражданскихъ правъ, ограниченъ въ отлучкахъ, не пользовался довѣріемъ властей и не могъ ждать отъ нихъ защиты; наниматель могъ дѣлать съ нимъ, что ему угодно. Трудъ поселенцевъ поэтому находился въ самыхъ-дурныхъ условіяхъ: онъ былъ кабальнымъ и очень мало обезпечивалъ средства къ существованію. Дурной по качеству, онъ высасывалъ соки изъ работника, а возможность эксплуатировать ссыльнаго и беззащитнаго бродягу деморализировала и самого эксплуататора. О выгодѣ такого устройства труда для страны не можетъ быть и рѣчи. Большая часть ссыльно-поселенцевъ несла на себѣ горькую долю этого кабальнаго тру-

да, и очень незначительная часть ихъ могла съ выгодою для себя и общества пропитывать себя какимъ-либо занятіемъ и ремесломъ *). Но если даже предположить, что ссыльные, такъ или иначе, живутъ трудомъ, остается другая, большая половина ихъ, бродячая, живущая нищенствомъ на счотъ своихъ собратій-ссыльныхъ и мѣстнаго населенія. Если высчитать, чего стоитъ обществу ея содержаніе и сравнить съ выгодами, получаемыми отъ труда ссыльныхъ, въ результатѣ получится, пожалуй, даже дефицитъ. Но если присоединить еще всю сумму раззореній, разрушеній и неокупаемаго зла, которое причинялось преступленіями ссыльныхъ, то въ огромномъ дефицитѣ не можетъ уже быть и сомнѣнія. Что касается умственнаго и нравственнаго вліянія ссылки на развитіе жителей, то хотя ссыльные могли содѣйствовать расширенію понятій мѣстнаго замкнутаго населенія, но серьозное умственное развитіе едвали они могли дать (мы, конечно, имѣемъ въ виду ссыльныхъ за обыкновенныя преступленія). Намъ могутъ замѣтить, что нѣкоторые поселенцы по сибирскимъ деревнямъ обучаютъ крестьянъ грамотѣ, имѣютъ школы, а потому за неимѣніемъ образовательныхъ средствъ приносятъ нѣкоторую услугу обществу. Мы охотно вѣримъ, что это иногда случается, но было-бы странно отъ каторжнаго и ссыльнаго требовать цивилизаторскаго и просвѣтительнаго назначенія. И, конечно, грустно за страну, которая не можетъ замѣстить ихъ хорошими народными учителями. Самая интеллигенція ссылки подъ вліяніемъ своихъ преступленій и крушеній теряла всѣ свои лучшія стороны. „Въ несчастныхъ чиновникахъ,—говоритъ г. Максимовъ, — ссылка умѣетъ обнаруживать недостатки вос-

*) Что касается ссыльнаго ремесленнаго труда въ Сибири, то г. Максимовъ свидѣтельствуетъ, что вслѣдствіе дурного распредѣленія ссыльныхъ онъ не приноситъ значительныхъ плодовъ. «Ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глохнутъ въ Сибири.» (Сиб. и каторга, ч. I, с. 350—352).

питанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ правилъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ ссылкѣ становятся несносными, безпокойными и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцевъ нималѣйшимъ сочувствіемъ" *). Многіе изъ этихъ людей, незнающіе никакого труда, неумѣлые и праздные, были только „безполезными ртами" новой мѣстности (bouches inutiles). Сохраняя однако свою традиціонную гордость при своемъ каденіи, эти люди употребляли свое развитіе только для цѣлей плутовскихъ и занимались въ Сибири разными пройдошествами, если не жили подаяніемъ. Что же касается просвѣщонныхъ людей, попадавшихъ въ ссылку въ Сибирь по политическимъ причинамъ, то, конечно, они оказали вліяніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ были поселены, и многія отдѣльныя личности обязаны имъ своимъ развитіемъ; но въ нашихъ статьяхъ мы имѣемъ дѣло не съ ними, и во всякомъ случаѣ какое-же общество можетъ желать просвѣщенія, купленнаго цѣною чужого несчастія! Поэтому, говоря о пользѣ ссылки для умственнаго развитія Сибири, нельзя принимать въ разсчотъ подобные исключительные случаи и приходится вывести заключеніе, что ссылка принесла Сибири ничтожную пользу въ умственномъ развитіи; зато она дала иные результаты въ нравственномъ отношеніи, оказывая растлѣвающее дѣйствіе на мѣстное общество. Большею частію самыхъ-дурныхъ сторонъ своей жизни и безнравственныхъ инстинктовъ Сибирь обязана исключительно ссылкѣ. Въ странѣ отдаленной и неблагопріятно-обставленной, мѣстное общество не обладало ни гражданскою развитостью, ни умственными преимуществами, ни стойкой нравственностью настолько, чтобы отстоять чистоту своихъ нравовъ отъ дурныхъ вліяній и оказать нравственное противодѣйствіе. Далекія и забытыя сибирскія провинціи

*) Максимовъ, «Народныя несчастія и преступленія».

не имѣли ни образовательныхъ средствъ, ни интеллигенціи, ни гражданскаго развитія: онѣ были населены обществомъ невѣжественнымъ и жалкимъ, которое не могло рѣзко обособить себя отъ ссыльныхъ, какъ напримѣръ отдѣляли себя свободные колонисты другихъ странъ, болѣе развитые въ гражданскомъ отношеніи; напротивъ сибирское общество, полное предразсудковъ, непонимающее своихъ общественныхъ интересовъ, сживалось съ самыми-дурными и безнравственными качествами ссыльныхъ и даже усвоивало ихъ себѣ. Снисходительное и благодушное отношеніе къ ссыльнымъ мѣстнаго общества поэтому объясняется не гуманностью, а скорѣе положительнымъ равнодушіемъ къ своимъ общественнымъ интересамъ и отсутствіемъ всякаго чутья. Здѣсь иногда отъявленный плутъ, казнокрадъ и шулеръ, являясь съ награбленными капиталами, подкупалъ общество и пользовался уваженіемъ и авторитетомъ: ловкій мошенникъ и мистификаторъ становился представителемъ интеллигенціи. Убійца, воръ и обольститель вносили пренебреженіе ко всякой нравственности въ среду невѣжественныхъ и невзыскательныхъ людей, и слѣпое общество само незамѣтно отравлялось медленнымъ ядомъ ссылки и усвоивало себѣ нравственный индиферентизмъ, развращеніе, а иногда и нравы ссыльныхъ. Чтобы судить, какъ могло быть велико вліяніе ссыльныхъ въ нравственномъ отношеніи, достаточно вспомнить, что сибирскія губерніи должны были принимать къ себѣ все порочное, вредное и испорченное, что извергали остальныя губерніи. Поэтому нечего удивляться, что сибирская жизнь изобилуетъ многими пороками; цѣлыя два столѣтія она несла грѣхи своей праматери.

Но кромѣ своего растлѣвающаго и губительнаго нравственнаго вліянія, ссылка задерживала экономическую и соціальную жизнь этихъ провинцій. Въ ссыльныхъ провинціяхъ не могло существовать правильнаго развитія, промышленности, принужденной имѣть дѣло съ ненадеж-

ными рабочими. Накопленіе капиталовъ въ странѣ и основаніе прочной собственности также было затруднительно при тѣхъ опасностяхъ, которымъ они подвергались. Трудно было ожидать мирнаго развитія прогресса тамъ, гдѣ личность человѣка не была обезпечена, гдѣ шла вѣковая борьба крестьянства съ ссыльными поселенцами и бродягами; можно-ли было при этихъ условіяхъ разсчитывать на развитіе прочныхъ соціальныхъ отношеній, на здоровую общественную жизнь! Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что застой, невѣжество, апатія и отсутствіе всякаго гражданскаго развитія были характеристическою принадлежностью этого отдаленнаго и забытаго края. Однакожъ Сибирь уже не пустыня: она имѣетъ 4 милліона населенія, которому пора зажить настоящей гражданской жизнью; теперь уже нѣтъ надобности заселять ее какимъ-бы то ни было путемъ, лишь-бы только заселить. Ссылка поэтому утратила теперь то колонизаціонное значеніе, какое могла имѣть въ первое время: основная цѣль ея уничтожилась; остались въ результатѣ одни ея недостатки; въ послѣднее время, распространяясь въ средѣ гражданскаго общества, ссылка задерживала только это развитіе. Поэтому настало наконецъ время передъ нашею реформою тюремъ опредѣлить ея вліяніе, ея условія и недостатки. Вообще ссылка на поселеніе, охватывая громадное количество преступниковъ и имѣя особое государственное значеніе, по справедливому замѣчанію г. Максимова, гораздо важнѣе у насъ реформы каторги. Она требуетъ также вниманія, какъ мы видимъ, въ видахъ безопасности свободнаго гражданскаго населенія. При всѣхъ своихъ естественныхъ богатствахъ, Сибирь у насъ остается краемъ бѣднымъ, невѣжественнымъ, съ жалкою звѣроловно-пастушескою и первобытной земледѣльческой культурою, съ самой-скудной промышленностью, какую едвали можно встрѣтить даже въ самыхъ-бѣднѣйшихъ провинціяхъ европейской Россіи, лишонныхъ всякихъ естественныхъ богатствъ. Край

этотъ, богато-надѣленный природой, нуждается во всемъ и пользуется всѣмъ привознымъ, начиная съ деревянной семеновской ложки и грубой лопаты и кончая послѣднею тряпкой. Его естественныя богатства почти еще не тронуты, а сырье истощается самымъ-нераціональнымъ образомъ и эксплуатируется съ самой-невыгодной стороны. Еще недавно привозные товары были такъ дороги, что большинство населенія не могло ими пользоваться и ихъ пріобрѣтали только богачи. Силою мануфактурной эксплуатаціи эта страна была доведена до неоплатныхъ долговъ и поставлена въ тяжкую экономическую зависимость отъ дальнихъ маклаковъ-мануфактуристовъ. Крестьянство этихъ печальныхъ мѣстностей носитъ грубую сермягу въ странѣ шерсти и мѣха, нуждается въ желѣзѣ подлѣ богатыхъ рудниковъ; инородцы мрутъ съ голоду и ѣдятъ другъ друга на сѣверѣ, тогда-какъ югъ Сибири задыхается подъ тукомъ хлѣбныхъ запасовъ, неимѣющихъ сбыта *). Такова эта страна, это эльдорадо Россіи по послѣднимъ изслѣдованіямъ и свидѣтельству путешественниковъ! А междутѣмъ это—край, занимающій пространство большее, чѣмъ Европа, надѣленный разнообразнымъ климатомъ отъ полярнаго круга до благословенныхъ уголковъ Амура и Бухтормы,—край обширнѣйшихъ земледѣльческихъ пространствъ на тысячи верстъ, съ роскошными лугами, пастбищами, покрытыми милліонами овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ,—край, имѣющій вѣковые запасы природы въ неистощимыхъ лѣсахъ, въ прилегающихъ съ сѣвера и востока моряхъ, въ раздольныхъ рѣкахъ, съ которыми могутъ соперничать только рѣки сѣверной Америки,—съ залежами драгоцѣнныхъ минераловъ и металовъ, съ рудниками серебра, свинцу, мѣди, съ горами каменнаго угля,

*) См. «Зауральскій рабочій» Флеровскаго, «Изслѣд. о рабо въ Россіи», стр. 89 и друг., «Сѣверъ Россіи», Сидорова, изъ гл. Раззоренія края березовскаго, обдорскаго и енисейскаго.

съ самороднымъ золотомъ и съ первымъ въ свѣтѣ по достоинству желѣзомъ: этотъ край, неизвѣданный и благословенный, ждетъ только труда и правильнаго развитія своихъ средствъ, чтобы доставить человѣку довольство и счастіе. День-ото-дня его соціальныя и экономическія потребности все-болѣе, пробуждаются и онъ трепещетъ подъ избыткомъ силъ, ожидая жизни и кипучей промышленной дѣятельности. Конечно, не массы ссыльныхъ, безнравственныхъ и неспособныхъ подонковъ общества, должны оживить его: для его оживленія необходимы болѣе-здоровыя и свѣжія силы: для поднятія промышленности ему необходимо созданіе мануфактуръ; для того, чтобы онъ могъ пользоваться своими богатствами, ему необходимо техническое знаніе; для того, чтобы избавиться отъ экономической эксплуатаціи, нужно раціональное примѣненіе труда. Невѣжественный и забытый, этотъ край ожидаетъ просвѣщенія и высшаго образованія, мысль о которомъ давно созрѣла въ мѣстномъ обществѣ. Можно ручаться, что оно одно воскресило-бы силы этого края и придало-бы ему совсѣмъ-новую жизнь. Терпѣвшій когда-то много злоупотребленій, онъ ищетъ справедливости и свѣта. И никто, конечно, не будетъ оспаривать, что бѣдному русскому населенію на материкѣ Азіи должны быть доступны всѣ блага цивилизаціи. Въ этихъ видахъ всѣ вредящія и задерживающія развитіе общества препятствія, какъ и самая ссылка, должны быть устранены въ русскихъ азіятскихъ провинціяхъ и перенесены въ иныя пустынныя мѣстности, а самая система ссылки переорганизована. Съ отмѣною сюда ссылки, съ учрежденіемъ прочнаго гражданскаго общества изъ свободныхъ колонистовъ, при гарантіяхъ безопасной жизни, при свободномъ и правильномъ развитіи своихъ силъ, Сибирь, безъ-сомнѣнія, принесетъ гораздо-болѣе выгодъ Россіи, чѣмъ оставаясь пустыннымъ, бѣднымъ и неразвитымъ мѣстомъ ссылки. Не говоря уже о томъ, что всякому государству выгоднѣе имѣть страну, прино-

сящую болѣе дохода, народъ болѣе-богатый и обладающій просвѣщеніемъ и умѣньемъ пользоваться богатствами страны,—не говоря о томъ, мы можемъ доказать, что въ новой своей роли, при развитіи свободной колонизаціи, Сибирь окажетъ въ недалекомъ будущемъ болѣе дѣйствительную услугу Россіи. Извѣстно, что источникъ преступленій большею частію лежитъ въ бѣдности, въ экономическомъ неустройствѣ. Въ Россіи, какъ въ странѣ земледѣльческой, экономическое благосостояніе находится въ прямой связи съ свободою пользованія землею, лѣсами, промыслами и пространствами для культуры. Европейская Россія, не смотря на огромное количество пахотныхъ земель, при сгущеніи населенія въ свое время почувствуетъ ощутительный недостатокъ въ культурныхъ земляхъ и лѣсахъ. Крестьянская реформа 19 февраля положила основаніе новому порядку распредѣленія собственности, результатомъ чего было поднятіе цѣны на землю. Междутѣмъ потребность въ землѣ, мѣстами незначительность надѣловъ, недостатокъ лѣсовъ у крестьянства начинаетъ уже чувствоваться и нынѣ *), а въ будущемъ, конечно, усилится. Можетъ-быть пройдетъ еще поколѣнія два,—и эта нужда сдѣлается настоятельною, насущною. Естественно, что при густотѣ и возрастаніи населенія произойдетъ излишекъ его, который не можетъ уже удовлетворить себя земледѣльческимъ трудомъ; явится потребность въ новомъ трудѣ и самая промышленность можетъ-быть не въ состояніи будетъ вполнѣ удовлетворить этой потребности. Послѣдствіемъ этого, по экономическому закону, явится паденіе рабочей платы, недостатокъ средствъ къ жизни, а затѣмъ пауперизмъ со

---

*) О нуждахъ крестьянства въ землѣ и лѣсѣ см. статью г. Демерта—«Отчего нуждаются въ лѣсѣ въ лѣсныхъ губерніяхъ», «Отеч. Записки», октябрь, 1870 г. Авторъ точно-также сходится съ нами въ этомъ случаѣ и находитъ единственнымъ средствомъ—помочь дѣлу переселенія въ Сибирь. См. также о потребности въ Сибири свободной колонизаціи—Максимова. Сибирь и Каторга, ч. I, с. 318.

всѣми его печальными результатами. Тогда-то, въ виду увеличивающихся массъ народонаселенія, которымъ недостаетъ мѣста на пиру жизни, въ виду голода и угрожающихъ преступленій, обширная Сибирь приметъ весь излишекъ населенія и будетъ служить спасительнымъ клапаномъ въ виду угрожающей борьбы за существованіе. Для всѣхъ нуждающихся въ трудѣ и хлѣбѣ Сибирь откроетъ свои обильныя земледѣльческія пространства средней полосы и роскошныя долины своего юга. Кто знаетъ, можетъ-быть пройдетъ столѣтіе—и необходимость заставитъ размножающееся славянское населеніе хлынуть массами на свободный Востокъ; но какъ бы то ни было, потребность колонизаціи для бѣднѣйшаго крестьянства составляетъ уже и теперь настоятельную потребность Россіи, и теперь уже вереницы телегъ тянутся изъ многолюдныхъ губерній Россіи на Востокъ. Солидарность общечеловѣческихъ интересовъ и взаимная польза, соединяющія колонизующую и колонизуемую страну, должны произвести благодѣтельныя послѣдствія для обѣихъ мѣстностей; если одна страна избавится отъ бѣдности выдѣленіемъ населенія, то другая, нуждающаяся въ рукахъ, будетъ имѣть средства разработать большую сумму богатствъ и поднять свой промышленный уровень. Для бѣднаго колониста новая, дѣвственная и нетронутая страна дастъ всѣ средства для жизни и обогащенія и будетъ источникомъ довольства и счастія, а заселяемая мѣстность пріобрѣтетъ въ вольномъ поселенцѣ полезнаго труженика и честнаго гражданина. Такой колонистъ будетъ уже не озлобленнымъ ссыльнымъ, проклинающимъ землю, которая его кормитъ, но благодарнымъ и преданнымъ гражданиномъ своего новаго отечества, которому онъ отдаетъ весь трудъ и самую жизнь. Только такія здоровыя и крѣпкія силы народа могутъ оживить нашъ отдаленный Востокъ, дать ему новую жизнь и назначеніе, содѣйствуя его прогрессу и процвѣтанію. Тогда и ты, отдаленная Сибирь, не будешь забытымъ и бѣднымъ кра-

емъ, въ пустыняхъ котораго льются лишь слезы изгнанія да сыплются проклятья на твою ничѣмъ неповинную голову; но тогда и тебѣ будетъ суждено болѣе счастливое и свѣтлое будущее!

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ РАЗНЫХЪ СИСТЕМЪ НАКАЗАНІЯ.

I.

Сравнительно-историческій очеркъ уголовнаго наказанія въ Европѣ.

Въ длинной цѣпи различныхъ наказаній, тянущихся съ незапамятныхъ временъ, мы видимъ тѣ-же историческія измѣненія, какія происходятъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ человѣческой жизни. Измѣненія эти также подчинены извѣстнымъ законамъ и стоятъ въ зависимости отъ общаго человѣческаго прогресса, такъ-какъ, по мѣрѣ накопленія опыта и знаній у людей, открывается возможность проникать глубже и глубже въ причины человѣческихъ бѣдствій и преступленій и находить болѣе-дѣйствительныя и разумныя средства къ ихъ устраненію. Поэтому въ исторіи наказанія мы видимъ съ одной стороны стремленіе къ изысканію лучшихъ способовъ предупреждать преступленія, съ другой — стремленіе отрѣшиться отъ прежнихъ пальятивныхъ, грубыхъ и недѣйствительныхъ способовъ, которые, имѣя въ виду подавить зло, только усиливали его проявленіе.

Всматриваясь въ исторію наказаній, мы видимъ, что у каждаго народа, по мѣрѣ того, какъ онъ переживаетъ разныя эпохи историческаго развитія, характеръ и форма наказаній постепенно видоизмѣняются,—каждое въ

отдѣльности наказаніе съ теченіемъ времени преобразуется или рѣшительно отмѣняется. Эти частные опыты измѣненій въ сферѣ наказанія, совершающіеся у отдѣльныхъ народовъ, при разныхъ условіяхъ, служатъ показателями прогресса; сравнительное изученіе существующихъ у разныхъ народовъ наказаній поэтому является въ высшей степени полезнымъ какъ для общаго обмѣна знаніями, такъ и для руководства тѣхъ націй и народовъ, которые переживаютъ эпохи въ примѣненіи своихъ наказаній, уже пережитыя другими народами, ранѣе ихъ развившимися.

Коснувшись въ своихъ очеркахъ проявленія наказанія въ Россіи и представивши его историческіе опыты, мы желали-бы сравнить его результаты съ результатами его у другихъ европейскихъ народовъ, услѣдить въ существующихъ родахъ наказанія какъ сходственныя черты, такъ и различія, свойственныя мѣстнымъ особенностямъ, и на основаніи всего этого дойти до нѣкоторыхъ обобщеній, могущихъ служить уроками въ нашемъ будущемъ при измѣненіи самыхъ формъ наказанія и примѣненія ихъ въ жизни.

Сравнивая основныя наказанія, входящія въ кодексы европейскихъ народовъ, мы находимъ ихъ въ большинствѣ сходными у всѣхъ націй: смертная казнь, тѣлесное наказаніе, клеймленіе, каторга, ссылка и тюрьма существовали повсюду. Слѣдуя по одинаковой дорогѣ, они переживаютъ точно-также и одинаковые фазисы, хотя и неодновременно. Между прочимъ нельзя не замѣтить, что повсюду въ Европѣ совершается переходъ отъ болѣе-варварскихъ и жестокихъ наказаній къ менѣе-мучительнымъ и болѣе-человѣчнымъ, что всюду замѣчается стремленіе къ отмѣнѣ многихъ наказаній позорящихъ, опечаливающихъ и вѣчныхъ и къ замѣнѣ ихъ наказаніями исправительными и временными; немудрено замѣтить, что эта перемѣна особенно-круто совершается съ конца прошлаго столѣтія: такъ, смертная каз-

уменьшается и отмѣняется въ большинствѣ преступленій по всей Европѣ и нынѣ ей все менѣе и менѣе оставляется мѣста въ европейскихъ кодексахъ. Въ Англіи она значительно ограничена съ начала нынѣшняго столѣтія, а кодексомъ 1861 г. оставлено для нея только два случая преступленій,—убійство и измѣна (Criminal Law Consolidation Statutes 24, 25, Vict.), тогда-какъ въ 1765 году англійское законодательство назначало ее въ *160* родахъ преступленій; во Франціи точно-также казнь ограничена, и съ 1832 года дѣлаются постоянныя попытки къ ея уничтоженію; въ Германіи она отмѣнена въ 1848 году, въ Тосканѣ съ 1786 года, въ Швейцаріи и Америкѣ также совершенно вытѣснена; въ Россіи, какъ извѣстно, казнь отмѣнена въ большинствѣ уголовныхъ случаевъ въ 1744 г. и нынѣ ей подлежитъ очень немного преступленій; наконецъ въ 1871 году отъ нея отказался послѣдній женевскій кантонъ. Такимъ-образомъ смертная казнь въ Европѣ видимо оканчиваетъ свое существованіе: многія государства находятъ уже возможнымъ совсѣмъ обходиться безъ нея. Вслѣдъ за отмѣною смертной казни идетъ отмѣна наказаній изувѣчивающихъ и причиняющихъ физическую боль, какъ напр. отрѣзываніе членовъ и клеймленіе. Во Франціи клеймленіе изчезло въ 1842 году, въ Бельгіи въ 1850, въ Россіи въ 1863 году. Что касается тѣлеснаго наказанія, то Европа точно-также давно освободилась отъ него: во Франціи оно отмѣнено послѣ первой революціи (1791 г.), въ Бельгіи и Нидерландахъ—въ 1810 г., въ Австріи въ 1848, въ Пруссіи въ 1861 г. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ Европѣ въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ признаніемъ гражданскихъ правъ и окончательною эманципаціею низшихъ классовъ народа, такъ-какъ тѣлесное наказаніе могло существовать только при крѣпостной и феодальной зависимости *). Въ практи-

*) Въ Россіи тѣлесное наказаніе плетьми отмѣнено, какъ извѣстно, въ 1868 году; розги только оставлены для крестьянъ, какъ полицейское на-

ческомъ отношеніи всѣ эти наказанія были признаны неравномѣрными, безполезными, жестокими и неизгладимыми для преступника и деморализующими самое общество, примѣняющее ихъ. Затѣмъ преобладающими наказаніями являются различные виды лишенія свободы, какъ каторги, ссылки и тюрьмы; но при этомъ самыя формы заключенія и ссылки должны были измѣнить нѣсколько свой характеръ, сообразно новымъ условіямъ. Эти виды наказаній прежде соединялись съ безчисленными страданіями, жестокостью, грубымъ безчеловѣчіемъ и небреженіемъ къ участи преступника; на каторгѣ преобладали обыкновенно тяжкія работы до истощенія силъ, оковы, плети и самое жестокое обращеніе: этими мѣрами старались усилить наказаніе и придать ему уголовный характеръ. Такія наказанія равнялись постоянной пыткѣ и вліяніе ихъ на преступника было самое безотрадное: жестокость обращенія вызывала только озлобленіе и деморализацію преступниковъ; общество впослѣдствіи дорого платилось за эту жестокость, когда каторжникамъ приходилось вырываться на свободу. Европейскіе понтоны и галеры были столько-же мѣстомъ безчеловѣчія, какъ и страшнымъ источникомъ развращенія. Вотъ-что говоритъ напримѣръ Бэнтамъ о состояніи галеръ въ Англіи въ прошломъ столѣтіи: „что бываетъ въ Лондонѣ, когда опустѣваютъ галеры Темзы? Эти злодѣи въ юбилей преступленія бросаются на этотъ городъ, какъ волки, нападающіе послѣ долгаго поста на овчарню, и пока всѣ эти разбойники не будутъ переобраны опять за новыя преступленія, опасность не прекращается на большихъ дорогахъ, а по ночамъ и на улицахъ столицы“. Пловучія тюрьмы на понтонахъ въ Англіи, уничтоженныя окончательно только въ 1856

казаніе по приговорамъ сельскихъ обществъ; объ уничтоженіи его однако и здѣсь возбужденъ вопросъ земствами. Кромѣтого тѣлесное наказаніе, вѣроятно, только до изданія новыхъ правилъ примѣняется къ ссыльнымъ въ Сибири.

году, по случаю ожесточенія и развращенія преступниковъ, содержавшихся въ нихъ, носили названіе *пловучихъ геенъ*. Точно-также, по отзывамъ англійскихъ писателей, жестокое обращеніе съ каторжными въ Австраліи превосходило всякую мѣру. Отчаянныя жестокости, говоритъ Спенсеръ, были открыты парламентской коммиссіей 1848 года на каторжныхъ работахъ въ Австраліи. Люди осуждались здѣсь въ кандалы за одинъ дерзкій взглядъ. „Каторжные испытывали заключеніе въ кандалахъ съ утра до ночи, въ клѣткахъ, которыя вмѣщаютъ отъ двадцати до двадцати восьми человѣкъ и въ которыхъ эти люди не могутъ ни стоять, ни сидѣть, всѣ въ одно время иначе, какъ согнувъ ноги подъ прямыми углами къ тѣлу". Такъ свидѣтельствовалъ официальный отчотъ. Люди присуждались къ мученіямъ, которыя въ состояніи были доводить до отчаянія, бѣшенства и новыхъ преступленій. Эти мученіи, какъ выразился одинъ изъ подобныхъ преступниковъ передъ казнью, „отнимали у человѣка человѣческое сердце и давали сердце животнаго". Главный судья Австраліи свидѣтельствовалъ, что „содержаніе преступниковъ доводило ихъ до такихъ страшныхъ страданій, которыя заставляли многихъ желать смерти и побуждали искать даже въ самыхъ-ужасныхъ ея видахъ". Сэръ Джонъ Артуръ добавляетъ, что „въ Вандименовой землѣ ссыльные нарочно совершаютъ убійства, дабы ихъ отсылали въ Гобартъ-Тоунъ къ суду, хотя и знаютъ, что ихъ, обычнымъ порядкомъ, казнятъ черезъ двѣ недѣли послѣ прибытія". Таковы были здѣсь послѣдствія неестественныхъ каторжныхъ условій. Иногда у самихъ судьей, какъ у Бартана, не могли не навертываться слезы при чтеніи приговора такимъ натерпѣвшимся и измученнымъ преступникамъ. „Эта страшная порочность, деморализація и преступность, порождаемыя жестокостью обращенія, были-бы невозможны, — говоритъ Спенсеръ, — еслибы наши власти одинаково приняли въ соображеніе какъ то, что казалось-бы спра-

ведливымъ, такъ и то, что казалось-бы политичнымъ". За это-же страшное обхожденіе съ людьми на галерахъ впослѣдствіи Англія поплатилась явленіемъ гарретеровъ. Возвращонные каторжники въ 1862 году наполнили Лондонъ ужасными преступленіями; они артистически душили людей за горло, и замѣчательно, что этой операціи ихъ выучили тюремщики, перевозившіе преступниковъ на корабляхъ и употреблявшіе съ ними эти пріемы. Такимъ-образомъ преступники платили тѣмъ, что они терпѣли на себѣ, и англійское правительство пожинало плоды своей каторжной культуры. Подобные горькіе опыты и результаты повели къ рѣшительной реформѣ каторги: вмѣсто каторги стали подвергать преступниковъ сперва пенитенціарному одиночному заключенію въ такихъ тюрьмахъ, какъ Пентонвилль и Милльбанъ, гдѣ полковникъ Джеббъ принималъ особенныя заботы о содержаніи арестантовъ, а впослѣдствіи переводить ихъ въ Портлендъ, Дартмуръ и Четемъ для общихъ работъ; наконецъ при исправленіи арестанта введены условные отпуски прежде срока. Тѣлесное наказаніе также годъ отъ году изгоняется англійскою тюремною системою: въ 1860 году наказанныхъ было 1 на 1,000 арестантовъ, а черезъ два года 1 на 2,240. Въ 1861 году депутатъ парламента Кеннеди окончательно протестовалъ противъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ и ему единодушно сочувствовала пресса. Условія каторги совершенно измѣняются и она воспринимаетъ исправительныя цѣли; наконецъ она преобразуется въ такую систему исправленія, какую представляетъ лучшая исправительная до сего времени система—ирландская.

Что касается русскихъ каторжныхъ работъ, то положеніе на нихъ преступниковъ было въ прежнее время не менѣе ужасно. По очеркамъ Максимова, наши рудники, пріиски, солеваренные и винокуренные заводы отличались столько-же тяжкими и непосильными работами,

какъ и жестокимъ обращеніемъ *). Въ этомъ случаѣ у насъ получались тѣ-же результаты дурного обращенія и тяжкихъ страданій: люди ожесточались и развращались на каторгахъ ужаснѣйшимъ образомъ и, наводняя побѣгами Сибирь и Россію, мстили обществу за свои обиды. Изъ разряда каторжныхъ выходили самые-страшные разбойники, и это не по одному тому, что они были ранѣе злодѣями и совершали тяжкія преступленія, но потому, что ихъ уродовала самая каторга и чрезмѣрныя наказанія, состоявшія изъ неимовѣрнаго количества плетей, кнутовъ и палокъ, которыя когда-либо могла выносить человѣческая натура; человѣкъ, естественно, только огрублялся здѣсь и дѣлался звѣремъ. Самые казенные заводы и пріиски, поглощая страшную массу человѣческихъ жизней, при всемъ томъ, какъ извѣстно, давали самый-ничтожный доходъ или не давали никакого **). Поэтому прекращеніе этого способа работъ мы считаемъ благодѣтельнымъ шагомъ въ нашемъ наказаніи, но въ виду теперешнихъ реформъ есть твердое основаніе надѣяться, что каторга въ старомъ видѣ изчезнетъ навсегда, чтобы никогда болѣе не появляться,—что осуждаемые за тяжкія уголовныя преступленія будутъ наказываемы содержаніемъ при центральныхъ тюрьмахъ или въ особыхъ исправительныхъ колоніяхъ, основанныхъ на болѣе-разумныхъ и гуманныхъ началахъ исправленія ***).

*) См. по этому поводу «Сибирь и Каторга» г. Максимова: Работы въ шахтахъ, ч. I., стр. 152, 158, 154; на промыслахъ—ibid., с. 163; въ солеваренныхъ заводахъ—с. 163, 164, 165.

**) Объ этомъ также см. г. Максимова «Исторія Каторги», ч. III, с. 61, 335, 361 и 378.

***) Въ этомъ случаѣ мы не можемъ не найти страннымъ и даже невѣроятнымъ слухъ объ учрежденіи новыхъ казенныхъ каторжныхъ работъ на уральскихъ заводахъ, о которомъ заявлено было въ „Петерб. Вѣд". въ 1871 г. Если работы, основанныя не столько на исправленіи, сколько на экономической эксплуатаціи каторжнаго, уничтожены на сибирскихъ заводахъ, какъ ни къ чему неведущія, то нѣтъ возможности допустить, чтобы система, осужденная на уничтоженіе, создана была снова.

Кромѣ каторги, въ числѣ уголовныхъ наказаній самую видную роль играла ссылка или высылка въ другія мѣстности. Пользоваться ею удавалось однако только тѣмъ государствамъ, которыя имѣли или заморскія колоніи, или отдаленныя, ненаселенныя мѣстности въ собственныхъ владѣніяхъ. Хотя ссылкою пользовались одинаково многіе европейскіе народы, начиная съ древнихъ грековъ и римлянъ и кончая испанцами, португальцами, голландцами, французами, но опыты большей части этихъ націй не заслуживаютъ особеннаго вниманія или потому, что прерывались въ самомъ началѣ, или потому, что кончались ужь крайне-жалкими результатами; въ примѣненіи этого наказанія гораздо-болѣе видное и достойное вниманія мѣсто принадлежитъ Англіи. Наказаніе это примѣнялось ею втеченіе цѣлыхъ столѣтій; оно принимало здѣсь разнообразныя формы; англійское правительство съ озабоченнымъ вниманіемъ слѣдило за результатами его примѣненія; поэтому опыты Англіи по этому вопросу поучительны: недаромъ европейская литература въ оцѣнкѣ результата ссылки преимущественно указываетъ на англійскую. Созданіе ссыльныхъ колоній, послужившее началомъ заселенія Австраліи, возбудило удивленіе европейскихъ публицистовъ; но увлеченіе ссылкою у многихъ публицистовъ и юристовъ, въ особенности французскихъ и нѣмецкихъ, къ сожалѣнію, основывалось не столько на доказательствахъ истинной пользы этого наказанія, какъ мѣры исправленія, сколько на внѣшней грандіозности этого предпріятія, причемъ упускались однако многія побочныя черты и тотъ печальный фундаментъ, на которомъ строилось самое зданіе. Обезпеченіе прочныхъ владѣній среди далекихъ островов, гдѣ царствовали дикари, проведеніе дорогъ въ пустыняхъ, созданіе мостовъ на широкихъ, необузданныхъ рѣкахъ Новаго Свѣта, возведеніе правильныхъ улицъ Сиднея, Мельбурна, Гобартъ-Тоуна и Перта, постройка казармъ, госпиталей, безъ-сомнѣнія, много имѣютъ привлекате-

наго, много удивительнаго, но вѣдь мы не менѣе можемъ удивляться и возведенію египетскихъ пирамидъ, хотя думы, посѣщавшія Вольнея „На развалинахъ“, не могутъ не напомнить намъ и другой стороны дѣла. Конечно, англійская ссылка имѣла свое колонизаціонное значеніе, но не надо забывать между лучшими сторонами ссылки и тѣ мрачныя стороны, тѣ неустранимыя неудобства, которыя, не смотря на панегирики стараго континента, заставили Англію отказаться отъ этого предпріятія и измѣнить самую форму наказанія. Вотъ эти-то стороны мы и не должны упускать изъ виду при разсмотрѣніи ссылки, какъ наказанія.

Первоначально у Англіи мѣстомъ ссылки была Америка. Поводомъ къ ней въ самое-древнее время, т. е. въ 16 и 17 столѣтіи, служило одно стремленіе избавиться отъ домашняго врага и навсегда сбыть куда-нибудь преступные и негодные элементы, вмѣсто того, чтобы заботиться о нихъ. Тутъ былъ и духъ кары, и духъ мести, также-какъ и извѣстная доля небрежности. Такая ссылка въ Остъ-Индію и Виргинію начинается съ 1597 года. Это была безразборная ссылка кого-вздумается: при Іаковѣ I отправляютъ въ Виргинію распутныхъ женщинъ и здѣсь продаютъ ихъ на плантаціи за 120 и 150 фунтовъ табаку; при Іаковѣ II сослали и продали въ Америку тысячи политическихъ преступниковъ, замѣшанныхъ въ возстаніи герцога Монмоутскаго; въ половинѣ 18 столѣтія, послѣ экспедиціи Карла Эдуарда въ Шотландію, герцогъ Кумберландскій выслалъ въ Америку цѣлый *кланъ* (родъ) „для того, чтобы,—по словамъ Гленмаристона,—научить шотландцевъ, что король Георгъ—абсолютный владыка своихъ подданныхъ“; въ 1718 году утверждается билль, по которому уже всѣхъ уголовныхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію свыше трехъ лѣтъ, приказано отсылать въ Америку.[1] Размѣщеніе преступниковъ въ ссылкѣ заключалось въ это время въ продажѣ ихъ на плантаціи въ совершенное

рабство. Ихъ не стыдились называть *„христіанскими невольниками“* и продавали по 10 фунтовъ стерлинговъ за голову. Это дало поводъ замѣтить историку Австраліи Сиднею, „что духъ британскаго торгашества проявился и въ самой мести“. Извѣстно было, что статью торговли преступниками раздѣляли даже фрейлины короля Іакова. Нечего говорить о томъ несчастномъ положеніи, которому подвергался преступникъ на плантаціи. Часто срокъ его работы затягивался по произволу; пословица „закабаленіе на тридцать шесть мѣсяцевъ“, т. е. на время наказанія, являлась равносильною иронической пословицѣ „завтра“. Рабство затягивалось, по словамъ Блоссвиля, по произволу и на 4 и на 7 лѣтъ *). Съ 1718 года ежегодно до 300 и 400 этихъ несчастныхъ появлялись въ Мериландѣ и были почти непригодны для культуры, какъ свидѣтельствуетъ этотъ писатель; здѣсь они испытывали тяжкія работы вмѣстѣ съ неграми, „разлученные съ семействами, подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ и подъ дисциплинарной плетью плантаторовъ“. Такое положеніе преступниковъ было безчеловѣчно и не могло не повести въ ихъ ожесточенію и мести колонистамъ; поэтому американскіе историки не придаютъ англійской ссылкѣ никакихъ заслугъ на своей почвѣ; но европейскіе апологисты ссылки, какъ Гольцендорфъ, готовы увѣрять, что ссылка даже въ такой формѣ имѣла свои благодѣтельныя послѣдствія и никакого вреда. Впрочемъ другіе, болѣе умѣренные, европейскіе защитники этого наказанія не рѣшаются опровергать печальныхъ послѣдствій этихъ британскихъ опытовъ. „Конечно, нѣкоторые преступники въ колоніи, отдѣленные отъ ихъ испорченныхъ сотоварищей, видя предъ собою честные нравы колонистовъ, дѣлались по истеченіи срока наказанія трудолюбивыми собственниками и уважаемыми хозяевами, — говоритъ Блоссвиль, — но эти исключенія были весьма рѣдки; мно-

*) Histoire de la colonisation pénale, par Blosseville, 1859, p. 23.

гочисленныя жалобы на ссылку увеличивались съ каждымъ днемъ; общественное мнѣніе поднимало шумъ, и вся сѣверная Америка служила однимъ эхомъ Франклина, который воскликнулъ: „извергая населеніе вашихъ остроговъ въ наши города, сдѣлавши изъ нашей земли помойную яму пороковъ, отъ которыхъ старое общество Европы не могло себя защитить, вы наносите тѣмъ жестокое оскорбленіе чистымъ и патріархальнымъ нравамъ нашихъ колонистовъ, которые мы хотимъ сохранить. О, что сказали-бы вы, еслибы мы послали вамъ своихъ гремучихъ змѣй?“ *). Эти рѣзкія жалобы, отчасти вызванныя горькими отношеніями къ метрополіи, безъ-сомнѣнія, имѣли хотя нѣкоторую долю истины. Они показываютъ, въ какихъ печальныхъ и дурныхъ условіяхъ находилась тогда ссылка. Ссыльный вопросъ былъ поводомъ къ жалобамъ, какъ говоритъ историкъ, гораздо-ранѣе возстанія. Дѣйствительно, ссылка въ Америку съ конца 17 вѣка была постоянно предметомъ пререканій; колоніи не знали, какъ управляться съ собственными преступниками; состояніе ихъ тюремъ было ужасное; содержимые въ этихъ тюрьмахъ арестанты употреблялись, скованные, на работы, причомъ отъ содержанія вмѣстѣ безъ всякаго надзора они окончательно портились. Кромѣ того Англія надѣляла ежегодно плантаціи цѣлыми шайками опасныхъ преступниковъ, которые обращались въ бѣги, производили разбои и грабежи. Надобно было наряжать большія ловли, отправлять экспедиціи въ лѣса для поимки бѣглыхъ преступниковъ, гдѣ ихъ вѣшали на мѣстѣ поимки безъ всякаго суда.

Съ началомъ войны американскихъ колоній въ 1774 г. англійская ссылка, разумѣется, должна была прекратиться и Англія была обременена преступниками за неимѣніемъ тюремъ и рѣшительно не знала, куда съ ними дѣваться. Въ это время открытіе Кукомъ восточнаго ма-

---

*) Histoire de la colonisat. pénale, Blosseville, ch. III, p. 24.

терика Австраліи дало поводъ создать здѣсь новыя ссыльныя колоніи. Условія ссылки притомъ были нѣсколько измѣнены: преступники должны были являться теперь въ пустыню подъ начальствомъ англійскихъ чиновниковъ и подъ надзоромъ солдатъ. Они должны были создать здѣсь новыя поселенія, выстроить себѣ тюрьмы, помѣщенія для начальства, воздѣлать почву, снять жатву, устроить мосты и дороги и пр.

Какъ ни возвышенны, какъ ни плодотворны были подобные колонизаціонные планы въ видахъ политическихъ, —мы должны вспомнить, что они недешево обошлись для жизни ссыльныхъ. Ботани-бей, эта прекрасная бухта, прозванная такъ за богатую растительность, окружающую ее, долго была страшнымъ именемъ для англійскаго ссыльнаго. Дѣйствительно, съ первыхъ-же дней ссыльные терпѣли здѣсь громадныя затрудненія и лишенія: голодъ, болѣзни, недружелюбіе окрестъ живущихъ дикихъ племенъ, недостатокъ въ искусныхъ работникахъ, замедленія въ транспортахъ хлѣба изъ Англіи, — все это было естественными спутниками въ первоначальной колонизаціи въ отдаленныя мѣстности. Печальнаго положенія колоній въ первое время не скрываютъ и апологисты австралійской ссылки. На одномъ изъ кораблей въ 1790 году напримѣръ привозятъ до 218 ссыльныхъ, обремененныхъ и истощонныхъ болѣзнями; изъ нихъ 40 умерло во время пути, а число больныхъ было болѣе ста. Послѣ высадки на берегъ ссыльныхъ пожирали скорбутъ, дизентерія и лихорадки. „Никогда Сидней, — говоритъ Блоссвиль въ своей „Исторіи штрафной колонизаціи",— не представлялъ болѣе-плачевнаго зрѣлища, какъ въ эти дни" *). Вообще, какъ дорого стоила колонизація Австраліи, видно изъ того, что до 1815 года въ 27 лѣтъ изъ 17,000 перевезенныхъ сюда ссыльныхъ, въ числѣ которыхъ было 3,500 женщинъ, вымерло 5,000 **). Уже это

*) Hist. de la colon. Pén, Blosseville, p. 109, 117.

**) Ibid., p. 285.

одно показываетъ, что колонисты здѣсь приносились положительно въ жертву отдаленнымъ цѣлямъ будущаго. Побѣги и бунты постоянно сопровождали первое время заселенія *); ссыльные пускались то въ пустыни, то мечтали проплыть въ Индію и въ Китай. Само-собою разумѣется, что общество привезенныхъ преступниковъ не отличалось нравственностью; преступленія уже обнаружились съ первыхъ-же дней: такъ въ февралѣ 1788 г., въ годъ основанія колоніи, уголовный судъ произнесъ здѣсь 6 смертныхъ приговоровъ. Преступленія увеличивались по мѣрѣ лишеній ссыльныхъ и кризисовъ во время недостатка съѣстныхъ припасовъ; въ 1794 г. преступленія конвиктовъ развиваются въ убійства и грабежи, а въ 1796 г. свирѣпствуетъ въ Сиднеѣ цѣлая шайка разбойниковъ **). Такимъ-образомъ колонія представляла множество безпорядковъ. Чтобы справиться съ преступниками, администрація и губернаторы прибѣгали къ суровымъ карамъ и наказаніямъ; конвикты подвергаются безчисленному множеству тѣлесныхъ наказаній за проступки; наконецъ ихъ осуждаютъ на уединенную скалу въ бухтѣ, гдѣ они должны питаться хлѣбомъ и водой ***). „Только благодаря желѣзной энергіи губернатора и особенной строгости съ сосланными преступниками, это предпріятіе, т. е. основаніе колоніи изъ преступниковъ, не пало“. Такъ отзывается Гольцендорфъ, излагая исторію этой ссылки. Такимъ-образомъ эта каторжная колонія могла поддерживаться только ужасными строгостями. Въ первый періодъ ея существованія ссыльные были въ полномъ распоряженіи колоніальнаго правленія: оно употребляло ихъ для обработки государственныхъ земель, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отдавало для домашней службы чиновникамъ ****). Обработка новыхъ земель, проведеніе

*) Ibid., p. 112, 120, 122, 138.
**) Ibid , p. 69, 166, 169
***) Ibid., p. 65.
****) Законъ 1824 г. Stat. Georg. IV, 88, отмѣна 1838 г.

дорогъ, работа въ портахъ и въ укрѣпленіяхъ была самымъ тяжкимъ наказаніемъ для преступниковъ. Одинъ изъ англійскихъ писателей говоритъ, что „дороги обрабатывали въ это время особыя артели конвиктовъ (road-gangs), причомъ преступники всегда были закованы въ ножныя желѣза; на работы преступники смотрѣли, какъ на тягчайшее наказаніе. За каждой артелью слѣдовалъ треугольникъ для расчистки дорогъ. Ссыльные были подъ особымъ надзоромъ надзирателей и за малѣйшее неповиновеніе наказывались отъ пяти до ста плетей“ *). Таково было положеніе и жизнь ссыльныхъ въ колоніи. Судя по этому, мы можемъ замѣтить, что условія ихъ жизни были чисто-каторжныя. Англійскіе писатели, какъ Моссманъ, сознаются, что подобное положеніе преступника колоніи было крайне-тяжко, въ что никакой свободный человѣкъ не взялся-бы работать при столь тяжкихъ условіяхъ, и тѣ неимовѣрныя усилія, которыя были употреблены на расчистку пустынь, пріобрѣтены только благодаря принудительному, каторжному труду. Но исправлялись-ли конвикты посредствомъ ссылки? задаетъ вопросъ тотъ-же писатель. „Нравственно—нимало, пока они составляли большинство населенія, но въ матеріальномъ отношеніи ссылка была всетаки для многихъ дорогою къ свободѣ и независимости“. Самая колонизація ссыльными и ихъ тяжкая эксплуатація въ этомъ періодѣ, какъ согласно утверждаетъ большинство писателей, прокладала дорогу только будущимъ свободнымъ поселеніямъ. Такимъ образомъ ссылка въ эту эпоху имѣла очевидно исключительно-колонизаціонныя цѣли. И въ виду этихъ политическихъ плановъ, во имя основанія своего могущества за океаномъ, Англія не щадила ни силъ, ни жизни ссыльнаго!... Посмотримъ на ссылку этого періода съ другой стороны,—какъ на наказаніе. Казенная

*) Our Australian Colonies by Samuel Mossman, p. 95, 96.

эксплуатація ссыльныхъ была здѣсь слишкомъ жестока: мы видимъ, что они подвергались ужаснымъ неудобствамъ и лишеніямъ; это наказаніе было притомъ далеко отъ всякой соразмѣрности съ виною, потому-что здѣсь всѣ испытывали одинаково-тяжкую участь и вѣчность изгнанія. О томъ и говорить нечего, что въ это время нимало не обращали вниманія на пощаду преступника, который работалъ постоянно подъ плетью *). Поэтому ссылка равнялась самому-сильному уголовному наказанію, какое только бывало въ каторжныхъ работахъ.

Разсматривая второй періодъ ссылки, а именно, когда колонія значительно обстроилась и начала получать свободныхъ колонистовъ, мы видимъ, что система распредѣленія ссыльныхъ въ колоніи нѣсколько измѣнилась: конвиктовъ прибывало такъ много, что колоніальное управленіе невсегда находило имъ работу; люди должны были жить въ тюрьмахъ праздно, причомъ администрація уже начинала тяготиться заботами о постоянномъ содержаніи на свой счетъ ссыльныхъ; поэтому съ 1822—1838 годъ вводится новый обычай отдавать ссыльныхъ въ работы къ частнымъ хозяевамъ. Система эта называлась *ассигнаціонною* **) (assignement-system). Въ началѣ запросъ на конвиктовъ въ частную работу былъ очень ничтоженъ, такъ-что правительство должно было давать преміи тому, кто ихъ бралъ; но впослѣдствіи опросъ на трудъ ссыльныхъ до такой степени поднялся, что явилось даже соперничество и колонисты должны были платить за каждую голову ссыльнаго по 1 фунту стерлинговъ на одежду и пищу. Ссыльный за это отдавался въ совершенную кабалу хозяину и даже не имѣлъ права

*) Такое положеніе ссыльнаго продолжалось и до 40-хъ годовъ. «In thos days the lash was the instrument of punishemen resorted to often on the slightest accasion»), (Бичъ употреблялся при малѣйшемъ поводѣ») Mossman, Our. Aust. Colon., p. 147.

**) Система эта утверждена Статутомъ 1824 г. Stat. Georg. IV cap. 84.

работать на себя; сроки кабалы были очень значительны и доходили до 4, 6, 8 и 12 лѣтъ *); частная кабала замѣнила съ этого времени казенное рабство. Система эта, введенная въ Австраліи, была новымъ тяжкимъ ярмомъ для ссыльнаго. Конвиктъ совершенно зависѣлъ отъ хозяина, который могъ его даже сѣчь; хотя впослѣдствіи право это было отнято отъ него лично, но хозяину предоставлено было жаловаться на кабальнаго окружному начальству, которое при разборѣ жалобы наказывало виновнаго 50 ударами плетей. Участь этихъ кабальныхъ, какъ отзываются всѣ историки, была ужасна. Ассигнаціонною системою были порождены огромныя злоупотребленія, послужившія поводомъ къ уничтоженію ея въ 1840 году. У дурного хозяина жизнь рабочаго была невыносима: обременяя работой, хозяинъ въ то-же время „за малѣйшій проступокъ или дерзкій отвѣтъ отсылалъ кабальнаго въ сосѣдній магистратъ, гдѣ ссыльному давали отъ 25 до 50 ударовъ веревочной плетью, такъ что плечи его каждый разъ обагрялись кровью, пока жертва не теряла сознанія. Иногда не дѣлалось никакого дознанія о винѣ наказуемаго; при наказаніи не принималось никакого различія между образованнымъ классомъ преступниковъ и грубымъ и невѣжественнымъ“. Такъ характеризуетъ Моссманъ это положеніе **). Другой писатель, Лангъ, представляетъ ту-же участь кабальнаго. Кабальный за дурное обхожденіе старался мстить хозяину: онъ ломалъ соху, жогъ стога сѣна, бѣгалъ, разбойничалъ и кончалъ жизнь на висѣлицѣ ***). Развращеніе, озлобленіе и преступленія конвиктовъ не могли не давать себя чувствовать среди свободнаго населенія, появлявшагося въ Австраліи. Язва ссылки оказывала свое дѣйствіе на молодое общество. Ассигнаціо-

*) Historical Sketch of the System of transport of criminals. Colonial Constitutions, by Artur Mills, 340, 351.

**) Austr. Colon., Mossman, 147, 148.

***) Lang, Historical and Statistic account of New-South-Wales.

нисты, живя въ семействахъ, значительно развращали колонистовъ *). Вслѣдствіе рабскаго положенія ссыльнаго и его мести все-болѣе и болѣе распространялись преступленія. Ссыльные разбѣгались, составляли цѣлыя вооруженныя банды и нападали на свободныхъ колонистовъ. Эти разбойники были очень извѣстны подъ именемъ бушранжеровъ (bushrangers). Подобныя шайки особенно свирѣпствовали въ Тасманіи, гдѣ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ могли сопротивляться полиціи. Съ 1809 до 1820 годовъ такое проявленіе разбоевъ было чудовищно. Вандименова земля (Тасманія), получая скопленіе самыхъ-опасныхъ преступниковъ изъ Н. Ю. Валлиса, представляла множество опасностей для жизни. „Убійства, пожары, грабежъ,—пишетъ Блоссвиль,—наполняли въ это время хроники колоній“ **). Скоро положеніе колонистовъ было столь тревожно, что они начали посылать жалобы на опасность, которой подвергались здѣсь жители. Колоніи въ это время получали все-болѣе и болѣе свободнаго населенія, которое уже значительно превышало число конвиктовъ ***). Это преобладаніе свободнаго населенія заставило обратить вниманіе на положеніе ссылки, которая теперь приходила въ столкновеніе съ интересами свободныхъ людей. Съ одной стороны должна была развиваться здѣсь гражданственность съ прочными гарантіями собственности и торговли, а для развитія промышленности необходимы были миръ и порядокъ, съ другой—ссылка, наводняя годъ отъ году города и деревни преступниками, постоянно потрясала колонію преступленіями и устрашала частныхъ жителей, нарушая ихъ спокойствіе. Соединяя всякій сбродъ, ско-

*) Mossm., p. 103.

**) Blosseville, p. 221, 235, 286. Mossman, p. 145, 159.

***) Въ 1836 г. въ Н. Ю. Валлисѣ было 43, 965 свободныхъ колонистовъ и 27,831 конвиктовъ, въ Тасманіи въ 1838 г.—23,000 свободн. людей и 16,000 ссыльныхъ преступниковъ.

нище мошенниковъ, негодяевъ и разбойниковъ въ среду свободнаго и честнаго населенія, ссылка представляла въ это время много неестественнаго и несправедливаго. Самое положеніе ссыльныхъ при ассигнаціонной системѣ мало способствовало теперь колонизаціи, такъ-какъ земли отдавались свободнымъ колонистамъ, а ссыльные оставались батраками и несли тяжолый рабской жребій на плантаціяхъ Новаго Свѣта. Все это заставило Англію обратиться наконецъ къ пересмотру основаній своей ссылки и затѣмъ начать реформу. Поэтому комитетъ, избранный палатою общинъ, представилъ въ 1838 слѣдующія основанія для ея реформы: 1) ссылка въ Н. Ю. Валлисъ и Вандименову землю продолжается до тѣхъ поръ, пока будетъ признано это практичнымъ; 2) преступленія, наказываемыя ссылкою, должны быть наказываемы въ будущемъ предварительнымъ заключеніемъ и тяжкими работами въ англійскихъ колоніяхъ, отъ 2 до 5 лѣтъ; 3) для поддержанія дисциплины между конвиктами, приговоренными къ заключенію, и въ предупрежденіе того соціальнаго зла, которое оказано ссылкою на опытѣ, назначалось построить пенитенціаріи или одиночныя тюрьмы (penitentiaries), *но въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ свободныхъ поселеній* *). Эти основанія показали, что Англія сознала въ первый разъ неудобства своей системы и желала прибѣгнуть прежде ссылки къ исправительнымъ средствамъ. Такой оборотъ дѣла совпадалъ уже съ реформою тюремъ въ Англіи, начатой Гоуардомъ, и съ новыми взглядами на наказаніе, внесенными Бэнтамомъ. Реформа была ускорена въ 1840 году. Поводомъ къ ней послужило явное неудовольствіе, возникшее въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, куда въ 1840 году разомъ нахлынуло 42,000 ссыльныхъ. Эта ужасная экспедиція возбудила негодованіе и ропотъ со стороны

---

*) Official Docum. Report of Select. Committet 1837 year. Paper on secundary punishement by D. Heath, Parlamentary Reports 1837.

колонистовъ, давно уже жаловавшихся на ссылку; поэтому указомъ въ 1840 г. велѣно было: 1) прекратить ссылку въ Н. Ю.Валлисъ и вычеркнуть его изъ числа уголовныхъ колоній, а ссыльныхъ отправлять въ Вандименову землю и на островъ Норфолькъ; 2) положено было отмѣнить систему закабаленія (ассигнаціонную); 3) ссылку сдѣлать дополнительною въ тюремно-исправительному наказанію, согласно проекту 1837 года. Такая система получила названіе системы испытаній—*пробаціонной*. Ссыльныхъ съ этого времени стали перевозить въ Вандименову землю и на о—въ Норфолькъ, но чрезмѣрное скопленіе здѣсь ссыльныхъ породило новое зло: Норфолькъ превратился въ вертепъ разбойниковъ, а въ Тасманіи развилось необыкновенное бродяжничество ссыльныхъ, праздность и преступленія, которыя отразились очень невыгодно на маленькой колоніи. „Незанятыя ничѣмъ и праздныя толпы ссыльныхъ,—говоритъ Гольцендорфъ,—лежали здѣсь на большихъ дорогахъ, грѣясь на солнцѣ. Сообщенія современныхъ очевидцевъ утверждаютъ даже, что отъ правительства были назначаемы особыя временныя лица для того, чтобы собирать ссыльныхъ вечеромъ спать и чрезъ это удерживать ихъ отъ безнравственнаго поведенія. Въ донесеніи законодательнаго совѣта колоніи (Legistative Concil), который былъ собранъ въ Тасманіи въ 1846 г., говорится слѣдующее о скопленіи этихъ преступниковъ: что удивительнаго, что подобнымъ образомъ составленные союзы преступниковъ образуютъ только массу гніющей безнравственности и разсадникъ ужасныхъ преступленій, которыя такъ глубоко укоренились и стоятъ сильно распространены, что невозможно надѣяться на введеніе законности въ этой странѣ“ *). Надо замѣтить, что ужасныя послѣдствія ссылки проявлялись въ то время, когда въ Тасманіи было

*) *Статья* Гольцендорфа о ссылкѣ въ Staats-Lexikon v. Potter und K. Welker.

уже население и на 25,000 колонистовъ приходилось 16,000 ссыльныхъ *). Такіе результаты должны были заставить Англію искать новаго выхода и новыхъ мѣстъ для ссылки. Поэтому она стала разсчитывать на сѣверную Австралію и на западную часть ея. Междутѣмъ *пробаціонная система* (probation system) или система *„испытанія“* получила еще дополненіе. Въ 1847 году секретарь колоній Грей предложилъ сдѣлать сокращеніе сроковъ одиночнаго заключенія и высылать вмѣсто этого преступниковъ въ каторжныя работы; вмѣстѣ съ тѣмъ за хорошее поведеніе были примѣнены въ болѣе-обширныхъ размѣрахъ условные отпуски (ticket of leave), которые съ этого времени играютъ видную роль въ англійскомъ наказаніи **). Такимъ-образомъ Англія съ 1846 по 1853 г. все-болѣе и болѣе вводитъ тюремно-исправительную систему въ число наказаній, а ссылку дѣлаетъ только дополненіемъ къ наказанію и прежде всего желаетъ обратить вниманіе на исправленіе ссыльныхъ. Долгій опытъ ссылки доказалъ значительныя ея неудобства и отсутствіе въ ней исправительнаго вліянія, если въ ней не будетъ добавлено пенитенціарнаго воспитанія. Наконецъ ссылка съ 1853 года была ограничена только самыми тяжкими преступниками, приговариваемыми не менѣе, какъ на 14 лѣтъ, и каторжныя работы не составляли необходимой ея принадлежности. Въ такомъ видѣ наказаніе это получило названіе уже не ссылки, а *уголовнаго рабства* (penal servitude). Не смотря на то, до 1856 г. Англія все-еще пробовала пользоваться ссылкою, удержавъ за собою право содержать преступниковъ *въ заморскихъ портахъ*. Поэтому, при высылкѣ каторжныхъ въ колоніи, сначала подвергали ихъ работамъ въ пор-

*) Austral. Colon., Mossman. Tasmania, p. 161.

**) Система уголовныхъ отпусковъ превосходно очерчена лордомъ Греемъ, см. Colonial Policy of Lord John Russel's administration by Grey v. II, lettr 8.

тахъ, а потомъ давали условную свободу; но скоро и такого рода перемѣщеніе преступниковъ въ колоніи должно было прекратиться вслѣдствіе возникавшихъ жалобъ, такъ-какъ ссылка теперь шла въ мѣста населенныя. Паденіе ссылки было обусловлено и тѣмъ, что самыя колоніи не только населились, но и получили всѣ права гражданства, а потому ссылка должна была сообразоваться съ интересомъ колонистовъ. Уже давнымъ-давно свободные колонисты Н. Ю. Валлиса, Тасманіи, южной Австраліи и Викторіи жаловались на преступленія и неудобства, порождаемыя для нихъ ссылкою *). Неудовольствіе это было такъ велико, что южныя колоніи постоянно обременяли парламентъ петиціями, прося объ отмѣнѣ ссылки. Ссылка такъ застращала всѣ владѣнія Англіи, что мысъ Доброй-Надежды положительно отказался принимать ссыльныхъ. Наконецъ колоніи, пользовавшіяся самоуправленіемъ и полными условіями гражданственности считали постыднымъ принимать теперь преступниковъ въ свою среду и имѣть съ ними общеніе; натянутыя отношенія колоній къ метрополіи наконецъ заставили правительство королевы сдѣлать уступку требованіямъ колоніальныхъ парламентовъ и ссылки были прекращена (**).

Всѣ эти обстоятельства не могли не повліять на ограниченіе ссылки и на измѣненіе самой формы ея. Та-

*) Такія жалобы были высказаны особою петиціею Валлиса королевѣ въ 1849 г. Въ средѣ колонистовъ, какъ извѣстно, въ это время сформировалась лига противъ ссылки. Тасманія, Викторія, южная Австралія, а впослѣдствіи и З. Австралія присоединили свои жалобы и доводы противъ ссылки. Въ 1865 году былъ по этому поводу составленъ совѣтъ въ Мельбурнѣ, гдѣ агитація достигла значительной степени (Blosseville, Merivale). Къ этому присоединились представленія колоніальныхъ парламентовъ, такъ-какъ Австралія уже пользовалась самоуправленіемъ.

**) Ссылка въ Н. Ю. Валлисъ отмѣнена въ 1851 г., въ Норфолькъ и Тасманію—въ 1853—1854 годахъ. «Англія,— говоритъ Гольцендорфъ,—съ того времени обязалась не ввозить въ колоніи безъ ихъ согласія ни одного каторжнаго». Съ 1865 г. даже ссылка въ З. Австралію постепенно уменьшается. Законъ о прекращеніи ссылки съ колоніи утвержденъ статутами 1853 г. (Stat. 20 et 21 vict., c. 8)

нимъ образомъ постепенное ограниченіе и наконецъ окончательное паденіе ссылки мы находимъ далеко не случайнымъ: оно зависѣло какъ отъ тѣхъ неудачныхъ опытовъ, которые вынесла Англія, такъ и отъ перемѣны воззрѣній на самое наказаніе. *Пробаціонная система* ея, то-есть система съ предварительнымъ заключеніемъ и каторгою, не могла точно-также обезпечить исправленія преступника; преступленія продолжали попрежнему проявляться въ Австраліи. Это видно по примѣрамъ Тасманіи въ 1846 году; такое-же увеличеніе преступленій отпущенными ссыльными (ticket of leave-mans) возникало въ Викторіи въ 1855 и 1860 годахъ *); преступленіями ссыльныхъ въ 1859—60 г. изобиловалъ и Квенсландъ, одна изъ образованнѣйшихъ колоній Австраліи **), пока изъ нея не убрали отпущенныхъ каторжниковъ: тогда преступленія прекратились. Кромѣтого пробаціонная система была вдвойнѣ дорога для государства: она требовала иногда постройки тюремъ въ колоніяхъ и на континентѣ, требовала затрать на перевозку: ссылка въ З. Австралію съ 1857 года за 10 лѣтъ стоила Англіи 987,573 фунт. стерлинговъ, то-есть 180 фун. на конвикта. Что касается до самого преступника, то совмѣщеніе одиночнаго заключенія, каторги и ссылки было для него тройнымъ наказаніемъ, а потому жестокимъ и чрезмѣрнымъ. Если при прежнихъ взглядахъ наказаніе изгнаніемъ, каторгою и тяжкими страданіями было признано, какъ уголовная мѣра, нетерпящая никакихъ уступокъ, то новые взгляды на наказаніе и прогрессъ уголовной науки не могли не потрясти этихъ воззрѣній. День ото дня мы видимъ, что юридическая справедливость все-болѣе начинаетъ торжествовать въ правосудіи, — видимъ, что цѣли исправленія входятъ въ способъ наказанія, —

*) Austral. Colon., Mosman., p. 305.

**) Ibid., p. 28.

гихъ такихъ преступниковъ, которые должны были подлежать только срочному исправительному наказанію, — въ рабочемъ домѣ или арестантскихъ ротахъ; кромѣ того ссылка у насъ обнимала громадное число административно-ссылаемыхъ (до 80,000 въ 20 лѣтъ) *). Вѣчность ссылки дѣлала ее уголовнымъ наказаніемъ, самымъ тяжкимъ, несоотвѣтствующимъ цѣлямъ исправленія. Заботы объ устройствѣ ссыльныхъ въ Сибири, какъ мы видѣли, также не удавались и она вела только къ громаднымъ издержкамъ и потерямъ правительства. Кромѣ того наша ссылка не пролагала дорогу вольной колонизаціи, какъ въ Австраліи, но только слѣдовала за ней. Наконецъ наша ссылка, какъ мы указывали, имѣла, вслѣдствіе своей вѣчности, бѣдности ссыльнаго, неумѣнья и нежеланья его найти себѣ занятіе, крайне-деморализующее значеніе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе писатели и мѣстное сибирское начальство, начиная съ губернатора Степанова и кончая разными ревизовавшими Сибирь лицами **).

Такимъ-образомъ продолжительный историческій опытъ показалъ много невыгодъ нашей ссылки какъ въ колонизаціонномъ, такъ и въ исправительномъ отношеніи. Наша ссылка, имѣя мѣстомъ своего назначенія, съ самаго начала, мѣстности, заселенныя свободными жителями Россіи и, главное, мѣстности въ границахъ того-же государства, неотдѣленныя никакими физическими преградами, давала полную возможность возвращаться ссыльнымъ обратно въ предѣлы Россіи, а ссыльную мѣстность наполнять бродячимъ, празднымъ и нищенствующимъ народомъ. Все это служило поводомъ къ тому, что самые-ужасные преступники, по естественному влеченію къ свободѣ и родинѣ, вторгались въ самыя нѣдра Россіи и, подъ вліяніемъ преслѣдованій, совершали мас-

*) Матер. для уголовн. статист. Анучина съ 1824—1846 г.

**) См. Максимовъ, Сибирь и Каторга, ч. I, стр. 281—283.

су преступленій, а бродяжничество развилось въ столь широкихъ размѣрахъ, что подобный примѣръ, по обширности этого явленія, едвали можетъ представить какая-либо другая страна.

Все это наводитъ на мысль, что ссылка на поселеніе вопіетъ къ тѣмъ-же реформамъ, какія совершаются и въ области каторги. Реформа эта, согласно историческому опыту какъ у насъ, такъ и заграницей, должна имѣть въ будущемъ три важныхъ условія:

1) она должна состоять въ примѣненіи всѣхъ мѣръ, способствующихъ исправленію преступника, какъ и въ попеченіи объ его устройствѣ на мѣстѣ поселенія;

2) въ срочности наказанія, то-есть въ условномъ освобожденіи изъ колоніи по истеченіи извѣстнаго срока;

3) въ назначеніи для поселенія мѣстъ вполнѣ безопасныхъ для гражданскаго населенія, т.-е. въ устройствѣ отдѣльныхъ колоній или выселковъ съ особою администраціею въ мѣстахъ ненаселенныхъ и строго-огражденныхъ отъ побѣговъ.

Опытъ показываетъ, что никакія пальятивныя средства, состоящія въ усиленіи наказаній за побѣги съ мѣста поселенія или назначеніи вознагражденія за поимку бѣглыхъ, какъ это пробовали нѣсколько разъ дѣлать въ Сибири, не помогутъ дѣлу. Точно-также, согласно англійскимъ опытамъ, нельзя думать, чтобы ссылка не породила тѣхъ-же дурныхъ результатовъ, если преступники будутъ ссылаемы и послѣ предварительнаго исправительнаго заключенія въ тюрьмахъ, какъ предлагалъ Пассекъ. Тюремное заключеніе съ своими настоящими ограниченными способами исправленія не можетъ представлять никакого ручательства въ томъ, что преступникъ по выходѣ изъ тюрьмы не будетъ способенъ вредить свободному населенію на мѣстѣ ссылки, гдѣ онъ будетъ несравненно-хуже поставленъ, какъ въ краѣ ему неизвѣстномъ и антипатичномъ; если-же исправленіе будетъ разумно выполнено въ пенитенціарной и

ненія *). Понятно, что эти тюрьмы были болѣе источникомъ развращенія, чѣмъ исправленія. „Наши тюрьмы,— говоритъ Бэнтамъ,—заключаютъ въ себѣ все, что только можетъ заразить тѣло и душу“. „Въ нравственномъ отношеніи тюрьма есть школа, гдѣ злодѣяніе преподается гораздо болѣе надежнымъ способомъ, чѣмъ когда-нибудь преподается добродѣтель“ **). Такое безпорядочное и безчеловѣчное положеніе тюремнаго заключенія съ его деморализующими послѣдствіями не могло наконецъ не обратить на себя вниманія; и дѣйствительно, реформа тюремъ начинается въ концѣ 18 вѣка одинаково и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Стараясь очистить наказаніе отъ прежняго безчеловѣчія, европейская наука стремится съ этого времени взять преступника подъ свое покровительство и направляетъ всѣ средства къ облегченію его участи; европейскіе мыслители и практики стремятся устроить систему заключенія, всего болѣе соотвѣтствующую началамъ нравственной гигіены, основанную на исправительномъ воспитаніи, при посредствѣ котораго можно было-бы возвратить преступника возрожденнымъ къ соціальной жизни“. Исправлять человѣка наказывая, предотвращать подавляя, сдѣлать господствующей нравственную силу надъ матеріальной, развить честныя наклонности настолько-же, какъ и подавить дурныя,—такова была первоначальная формула возникавшей пенитенціарной науки.

Улучшеніе тюремнаго быта и изысканіе средствъ исправленія междупрочимъ составляло уже довольно-давно предметъ заботъ различныхъ правительствъ. Несправедливо думаютъ, будто изобрѣтеніе пенитенціарій

*) Такую картину тюремъ представляетъ Гоуардъ въ 1777 году, «States of prisons in England and Wales»; о такомъ-же состояніи французскихъ тюремъ уже въ 19 вѣкѣ—Des Classes dangereuses, Frégier, 1840, v. 2, p. 268, 269.

**) Бэнтамъ, О наказан., ч. 3, гл. IX, с. 567, 158 русск. изд.

принадлежитъ исключительно Вильяму Пенну, а практическое приложеніе ихъ—одимъ американскимъ квакерамъ: мысль о домахъ покаянія (poenitentia) являлась во Флоренціи еще въ 1677 году. Папа Климентъ XI желалъ основать такой исправительный домъ въ 1703 году, Марія Терезія примѣняетъ подобный планъ для исправительной тюрьмы въ Миланѣ въ 1772 году. Вопросъ о тюремно-исправительномъ заключеніи занимаетъ Гоуарда съ 1773 года, а въ 1778 году издается законъ о заведеніи пенитенціаріевъ въ Англіи. Совпаденіе этихъ стремленій въ исправительному наказанію въ различныхъ мѣстностяхъ и на различныхъ широтахъ земнаго шара указываетъ только на то соотвѣтственное развитіе новыхъ взглядовъ на наказаніе, которые выработались единодушно подъ вліяніемъ общихъ условій цивилизаціи.

Реформа тюремъ и попытки создать исправительное наказаніе начинаются въ Европѣ и Америкѣ почти за полтораста лѣтъ до нашего времени, а 80 лѣтъ тому назадъ исправительное заключеніе получаетъ въ Европѣ практическое осуществленіе. Такимъ-образомъ по тюремному вопросу Европа далеко опередила насъ, какъ и во всемъ остальномъ; поэтому восьмидесятилѣтній ея опытъ, какъ и исторія пенитенціарныхъ системъ, въ виду только-начинающейся у насъ тюремной реформы могутъ быть для насъ очень-поучительны.

Къ сожалѣнію, насчотъ существованія и развитія пенитенціарной системы у насъ въ Россіи существуютъ крайне-смутныя понятія. Когда поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи тюремъ, то при сужденіи о примѣнимости у насъ исправительнаго наказанія явилось два различныхъ воззрѣнія: одни, предпочитая западно-европейскіе опыты, склонились къ рабскому подражанію какой-нибудь одной системѣ, другіе отнеслись вполнѣ отрицательно къ пенитенціарной практикѣ и увидѣли въ европейскихъ системахъ одно утончонное варварство, одно страшное истязаніе духа, несоотвѣтствен-

ности и человѣколюбію, свойственнымъ нашему вѣку. Поэтому въ то время, когда одни безъ разбора желали осуществленія прежнихъ американскихъ пенитенціаріевъ, о которыхъ только-что они прочитали въ старыхъ и отжившихъ европейскихъ книгахъ (наприм. у Бомана и Токвиля, или у Деметца и Блюэ), другіе, имѣя столько-же понятія о пенитенціарныхъ системахъ, то-есть не умѣя представить ихъ безъ одиночнаго заключенія и плети, рѣшились протестовать противъ всякихъ заимствованій у европейцевъ *и даже желали оставить наши тюрьмы въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся.* Замѣчательно, что за реформу въ этомъ случаѣ стояли наши консерваторы, а за statu quo выступали либералы. Нечего говорить, что тѣ и другіе взгляды явились только вслѣдствіе полнаго нашего невѣжества, отсутствія всякой критики и совершеннаго незнакомства съ исторіей пенитенціарныхъ системъ. У насъ всегда ужь такъ ведется, что мы или до такой степени подражаемъ, что перенимаемъ западные образцы со всѣми ихъ недостатками, отъ которыхъ сама Европа отказывается, или, замѣтивъ какой-нибудь недостатокъ и несовершенство, рѣшаемся огульно отрицать весь европейскій опытъ, весь результатъ науки и остаемся остроумными отрицателями и въ то-же время людьми, неимѣющими ни малѣйшаго понятія о томъ, что сдѣлано и дѣлается въ самомъ дѣлѣ въ западно-европейской наукѣ. Поэтому у насъ есть множество, съ одной стороны, заступниковъ за европейскую ветошь, которую сбросила и сбрасываетъ сама Европа, и съ другой—множество педантовъ, судящихъ о Европѣ по такимъ явленіямъ, которыя остались въ ней отъ средневѣковой жизни и составляютъ нынѣ аномалію. Если мы отрѣшимся отъ теоретическихъ и абстрактныхъ споровъ объ одиночной или противоположной системѣ, понимаемыхъ каждымъ посвоему, и обратимся къ историческому изслѣдованію, то увидимъ, что въ примѣненіи пенитенціарныхъ системъ и одиноч-

наго заключенія европейская практика пережила долгій опытъ, потерпѣла множество видоизмѣненій и доработалась до извѣстныхъ опредѣленныхъ выводовъ и началъ, которые составляютъ неоспоримыя истины въ наукѣ исправленія и могутъ служить важнымъ для насъ урокомъ.

Уже съ перваго взгляда мы видимъ, что пенитенціарная система имѣла самыя благородныя цѣли: она вносила стремленіе исправить преступника, перевоспитать его, воспользоваться его внутренними мотивами, чувствами, чтобы возбудить въ немъ раскаяніе о дурныхъ его поступкахъ и направить его къ лучшей дѣятельности. Кромѣ того система эта положила начало гуманному воззрѣнію на преступника и христіанскому, человѣколюбивому обращенію съ нимъ. Все это было чрезвычайно-важно при сравненіи съ старыми пріемами наказанія и прежними воззрѣніями, усвоенными грубой тюремной практикой.

Оставляя въ сторонѣ исключительные недостатки прежнихъ пенитенціарныхъ системъ, мы обратимся къ тѣмъ ихъ достоинствамъ, которыя дали имъ преимущество предъ прежними наказаніями, то-есть къ тѣмъ лучшимъ и вѣрнымъ исправительнымъ средствамъ, которыя восприняты въ послѣднее время европейскою исправительною практикою. Первое, чѣмъ ознаменовалось преобразованіе тюремъ, это — устройство лучшихъ помѣщеній для преступниковъ: новые пенитенціаріи уже не походили на старые, гнилые, грязные и тѣсные остроги; чистота, опрятность и гигіэническій способъ содержанія отличали ихъ съ перваго раза; въ послѣднее время Европа достигла въ устройствѣ своихъ тюремъ даже замѣчательной роскоши: различныя государства Европы какъ-будто даже силились перещеголять другъ друга въ постройкѣ такихъ зданій, какъ Пентонвиль, Мильбанкъ, Мазасъ, Моабитъ, которыя могли-бы быть приняты за дворцы, построенные для народа, еслибы не тяжкія нрав-

ственныя мученія, которыя тамъ подчасъ испытываются.... Въ отношеніи къ гигіэнѣ здѣсь сдѣлано все, чего можно только желать отъ европейской цивилизаціи; Мазасъ напримѣръ, стоившій Франціи 5,000,000 франковъ, по словамъ Пьетра-Санта, построенъ по хорошо-обдуманному плану: система вентиляціи и снабженія воздухомъ заслужили полное одобреніе двухъ комиссій, составленныхъ изъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Араго, Гей-Люсакъ, Рулье, Буассиньоль и другіе *). Приноровленное къ гигіэническимъ требованіямъ устройство тюремъ имѣло послѣдствіемъ уменьшеніе болѣзней въ пенитенціаріяхъ; такъ-напримѣръ въ Мазасѣ, не смотря на уединеніе, физическими недугами арестанты страдали гораздо менѣе, чѣмъ при общемъ заключеніи въ Vielle Force,—и самая смертность значительно уменьшилась: въ прежнихъ помѣщеніяхъ во Франціи смертность равнялась 67%, въ пенитенціаріѣ только 22% **). Пенитенціарныя тюрьмы снабжены и другими удобствами: обширныя залы, стеклянныя галлереи и богатое хозяйство (какъ-напримѣръ въ Моабитѣ, гдѣ при кухнѣ существуютъ паровыя машины),—водопроводы и всевозможныя удобства обогащаютъ эти новыя тюрьмы. При улучшеніи помѣщеній, достигшемъ столь громадныхъ успѣховъ, европейская тюрьма отличается вдобавокъ хорошимъ и здоровымъ содержаніемъ арестантовъ: снабженіе хорошей пищей, хорошимъ бѣльемъ, теплою одеждою составляетъ непремѣнное условіе, перешедшее въ тюрьму изъ нравовъ европейской цивилизаціи. Во французскихъ тюрьмахъ арестантъ снабжается галстухами, носовыми платками, шарфами—не говоря уже о томъ, что онъ пользуется чистымъ и постоянно-перемѣняемымъ бѣльемъ; англійскія тюрьмы отличаются особенно роскошью пищи: кромѣ мясныхъ блюдъ здѣсь отпускается чай, пиво и

*) Mazas, Pietra-Santa, 1858, p. 21.

**) Ibid., p. 35 и 36.

какаю. Достаточно сказать, что содержаніе англійскаго арестанта гораздо лучше, чѣмъ содержаніе англійскаго работника, какъ замѣчаетъ Луи-Бланъ въ своихъ письмахъ объ Англіи. Это обстоятельство даже возбудило однажды негодованіе англійскаго общества, приписавшаго хорошему содержанію арестантовъ увеличеніе преступленій въ Лондонѣ, хотя голодъ на свободѣ ничего не имѣлъ общаго съ здоровымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ; инспекторъ тюремъ полковникъ Джеббъ впослѣдствіи неопровержимо доказалъ, что питаніе англійскаго арестанта ничуть не превышаетъ естественныхъ потребностей человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, если бездна лицъ на свободѣ питается дурною пищею, то какъ-будто это доказываетъ, что и арестанта слѣдуетъ кормить во время тяжкаго заключенія его, также дурно!.. Вообще на комфортъ европейской тюрьмы и хорошее содержаніе арестанта нельзя смотрѣть, какъ на предметъ ненужной роскоши: напротивъ чистота содержанія, внушая хорошія привычки, имѣетъ столько-же гигіэническое значеніе, сколько и морализующее; внѣшняя опрятность въ привычкахъ способствуетъ и внутренней: это замѣтилъ уже Бентамъ, говоря объ улучшеніи общественныхъ нравовъ.

Переходя далѣе къ тѣмъ способамъ и исправительнымъ пріемамъ, которые выработаны пенитенціарной практикой и оправданы опытомъ европейскихъ и американскихъ тюремъ, мы должны сказать, что новая раціональная система тюремнаго исправленія основана прежде всего на трудѣ, обученіи и гуманномъ обращеніи съ преступникомъ. Эти средства дали положительно благопріятныя данныя въ дѣлѣ исправленія и послужили къ обезпеченію порядка, дисциплины и доброй нравственности въ тюрьмѣ.

Не имѣя въ виду подробно указывать примѣненіе этихъ средствъ въ Европѣ, мы напомнимъ, что трудъ является нынѣ необходимой принадлежностью евро-

тюрьмы и введенъ не только при общемъ, но и при одиночномъ заключеніи, чего въ первое время одиночная система избѣгала. Современные защитники одиночнаго заключенія, какъ Миттермайеръ, Деметцъ и Беранже, положительно признаютъ его плодотворнымъ въ исправленіи, а Росси доказываетъ даже пользу принудительнаго труда (Ttaité de droit Pénal, t. 2, p. 307 и 308). Соотвѣтствуя естественной и органической потребности человѣка, какъ упражненіе мускуловъ и нервовъ, работа въ тюрьмѣ имѣетъ кромѣтого громадное воспитательное значеніе: приготовляя впослѣдствіи къ прочному обезпеченію въ жизни, она спасаетъ преступника отъ тѣхъ деморализующихъ вліяній, которымъ онъ былъ-бы подверженъ при ея недостаткѣ; большинство пороковъ въ и преступленій прежнихъ тюрьмахъ развивалось именно вслѣдствіе отсутствія занятій. Европейская тюрьма, занимая работой преступника, представляетъ для этого всевозможное разнообразіе занятій: ихъ насчитываютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ отъ 40 до 90. Обученіе ремесламъ составляетъ главную цѣль труда и придаетъ ему исправительное значеніе. Человѣкъ, постоянно занятый трудомъ, незамѣтно пріобрѣтаетъ привычку къ нему; работа дѣлается его органическою потребностью; а это и составляетъ могущественное средство къ предотвращенію новаго паденія; въ то-же время исправляемый приходитъ къ прочному сознанію, что безъ труда ничего не дается, что трудъ есть источникъ жизни и непремѣнная принадлежность человѣческаго существованія. На этомъ морализующемъ началѣ основалъ всю систему труда Макончи на о-вѣ Норфолькѣ; постепенное увеличеніе платы за трудъ, какъ награда за хорошее поведеніе, съ большимъ умѣньемъ примѣнена въ ирландскихъ тюрьмахъ; наконецъ трудъ, какъ развитіе умственныхъ, художественныхъ и артистическихъ способностей, блистательно и съ особеннымъ успѣхомъ примѣненъ въ прусскомъ Моабитѣ. Нечего говорить, что въ пріученіи къ

труду необходимо пользоваться наклонностями каждаго отдѣльнаго арестанта, не дѣлать трудъ его исключительно-механическимъ, чрезмѣрнымъ и не эксплуатировать его въ пользу промышленныхъ цѣлей, какъ это дѣлается во французскихъ тюрьмахъ: настоящая пенитенціарная практика употребляетъ трудъ не какъ спекуляцію, а какъ разумное педагогическое средство.

Такіе-же превосходные результаты въ дѣлѣ исправленія дало обученіе и образованіе арестантовъ при тюрьмахъ. Поэтому школа является постоянной принадлежностью европейской тюрьмы и мѣстомъ ежедневныхъ занятій для арестанта. Необходимость этого сознана тѣмъ болѣе, что занятый часто механическимъ трудомъ, арестантъ требуетъ точно-также и упражненія умственныхъ способностей. Европейская тюремная практика столь ревностно относится къ этой принадлежности исправленія, что въ ирландскихъ тюрьмахъ, какъ мы уже приводили, обученіе не опускается даже послѣ тяжкаго дневного труда. Обученіе въ новыхъ тюрьмахъ является обязательнымъ, какъ и трудъ; тамъ, гдѣ населеніе всего-болѣе страдаетъ невѣжествомъ, гдѣ оно болѣе-всего безграмотно, тамъ всего-болѣе заботъ объ обученіи арестанта, какъ-напримѣръ въ Ирландіи, гдѣ изъ поступающихъ въ мотитджойскую тюрьму было 96% такихъ арестантовъ, которые не имѣли положительно никакихъ элементарныхъ познаній. О томъ, какіе важные результаты получаются отъ обученія арестанта, отъ его умственнаго и нравственнаго развитія, мы уже говорили; теперь намъ остается только заявить, что, помимо всѣхъ другихъ средствъ, на одномъ обученіи уже можетъ держаться вся исправительная система и что имъ однимъ можетъ быть поднято исправленіе преступника до высшей степени, какая только доступна человѣку для совершенствованія.

Столь-же полезнымъ и вполнѣ оправданнымъ на опытѣ средствомъ къ исправленію оказалось измѣненіе самаго обращенія съ преступникомъ въ новой европей-

нила свой принципъ абсолютнаго изолированія преступника, но поставила правиломъ „запрещать только сношенія вредныя, дозволяя всѣ сообщенія здоровыя“, какъ формулировалъ эти основанія Pantignac de Villars. Въ тоже время сами защитники одиночнаго заключенія пришли къ выводу, что уединеніе, чтобы быть исправительнымъ, требуетъ общихъ мѣръ, т. е. труда и обученія *).

Такимъ образомъ уединеніе значительно утратило свой опасный характеръ въ тѣхъ пенитенціаріяхъ, гдѣ сношенія съ преступникомъ были болѣе часты и гдѣ ему давалось возможно-болѣе упражнять свои способности. Моабитъ, въ которомъ поддерживаются постоянныя сношенія съ келейно-заключоннымъ и гдѣ ему предоставляется разнообразіе занятій, случаи самоубійствъ и сумасшествій начали уменьшаться съ 1857 года. Точно также временное уединеніе въ ирландскихъ тюрьмахъ, перемежающееся сношеніями въ школѣ и сообществомъ въ церкви, не показывало никакихъ вредныхъ результатовъ на умственныя способности заключонныхъ. Зато строгое и долгосрочное уединеніе вездѣ оказывало самыя страшныя послѣдствія. Случаями сумасшествій, галлюцинацій, самоубійствъ изобиловали всѣ строгіе европейскіе пенитенціаріи, начиная съ Пентонвилля, Мильбанка и кончая Мазасомъ и Моабитомъ. Какъ мы говорили, самоубійствъ въ Мазасѣ было въ 12 разъ больше, чѣмъ при общемъ заключеніи; поэтому келейная система окончательно потеряла кредитъ въ Европѣ, а Франція съ 1853 года совершенно отказалась отъ нея въ виду фатальныхъ ея послѣдствій **). Эта система на практикѣ обнаружила множество недостатковъ, въ числѣ которыхъ должны

*) Mittermaier, Die Gefangnissverbesserung, ins besondere die Bedeutung und Durchführung der Einzelhaft, 1858, s. 119.

**) Circulaire Ministériel du 17 août 1853. Вредъ одиночнаго заключенія признанъ также французскою академіею и противъ него единодушно высказалась пресса. См. Opinion de la Presse, Pietra-Santa, Mazas, troisième edition.

считаться 1) вредъ для здоровья, 2) убійство энергіи, 3) отупѣніе и умственный застой, 4) убійство соціальныхъ наклонностей и способности къ общежитію, 5) раздраженіе и озлобленіе преступника, развитіе въ немъ скрытности и порча его характера, 6) невозможность опредѣлить степень исправленія преступника, 7) невозможность дѣйствовать на чувство чести въ преступникѣ и возбуждать въ немъ соперничество, 8) отсутствіе выгодъ общественнаго труда и невозможность взаимнаго обученія, 9) громадныя и невознаградимыя издержки для государства, дороговизна помѣщеній, множество надзирателей, утроенный и учетверенный комплектъ учителей и т. д. Таковы невыгоды этой системы, которую осуществить вполнѣ и примѣнить во всѣхъ тюрьмахъ не могло и не имѣло средствъ ни одно государство, такъ-что самыя келейныя тюрьмы остаются только рѣдкимъ исключеніемъ въ Европѣ.

Вслѣдъ за системою абсолютнаго уединенія преступниковъ должна была отступить отъ своей первоначальной программы и ея соперница, система аубурнская, старавшаяся, при соединеніи преступниковъ во время работъ, привести ихъ къ условіямъ абсолютнаго молчанія (silent system). Система эта уже съ перваго раза не могла быть осуществлена практически ни въ Аубурнѣ, ни въ Синъ-Сангѣ и послужила поводомъ къ постояннымъ нарушеніемъ молчанія, такъ-какъ искушеніе въ сосѣдствѣ людей было слишкомъ велико; поэтому съ перваго-же раза она ввела и тяжкія тѣлесныя наказанія, чтобы понудить къ повиновенію. Но не смотря на тѣлесное наказаніе и на постоянное его примѣненіе, сношенія между арестантами продолжались: они разговаривали знаками, записками и т. д. *). Такимъ-образомъ скоро эта система показала свою несостоятельность, и арестантамъ начали постепенно дозволять говорить шопотомъ или разговаривать во время

*) Des Classes dangereuses, Frégier, 1848, v. 2, p. 286.

отдыха. Къ тѣмъ-же послѣдствіямъ пришла эта система и въ Англіи. Вотъ-что сообщаютъ о судьбѣ ея здѣсь Деметцъ и Блуэ въ своихъ пенитенціарныхъ отчотахъ. Въ Кольбатфіельдѣ эта система привела къ страшнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а междутѣмъ нарушенія дисциплины были такъ часты, что число наказаній въ 1836 году возрасло до 5,138; въ 1838 году тѣлесныя наказанія поднялись до 9,750 на населеніе въ 13,812 человѣкъ преступниковъ. Въ исправительномъ домѣ въ Віекфильдѣ, основанномъ на правилахъ молчанія, число наказаній возвышалось до 12,445 на населеніе въ 3,438. Наконецъ во всѣхъ другихъ острогахъ Англіи, принявшихъ систему молчанія, насчитывали 54,825 тѣлесныхъ наказаній на 104,495 арестантовъ, содержавшихся въ тюрьмахъ *). Потому-то замѣчательные знатоки тюремнаго дѣла въ Англіи, Краунфордъ и Россель, высказались противъ этой системы, признавая ее неосуществимой и вредной **). Точно-также не могла привиться система молчанія и въ Швейцаріи въ лозаннской тюрьмѣ, гдѣ дѣлались очень долгія попытки къ ея примѣненію. Преступники здѣсь сообщались непремѣнно тѣмъ или другимъ способомъ, и чѣмъ больше ихъ преслѣдовали, тѣмъ утончоннѣе они придумывали хитрости, ускользавшія отъ бдительности начальства ***). Наконецъ система молчанія совершенно пала во Франціи, которая хотѣла примѣнить ее въ своихъ тюрьмахъ, послѣ одиночнаго заключенія, и нынѣ, какъ говоритъ г. Галкинъ въ своемъ отчотѣ о французскихъ тюрьмахъ, она рѣшительно не прилагается здѣсь во всей строгости (Матер. къ тюр. вопр., стр. 70—84). Начальство лозаннской тюрьмы при-

*) Rapport sur les pénitentiers des Etats-Unis, par Demetz et A. Blouet. Paris, 1838, p. 42. Rapport de m. Moreau-Christophe sur les prisons de l'Angleterre, 1839, p. 70.

**) Moreau-Christophe ibid., p. 71.

***) Des Classes dangereuses, Frégier, v. 2, p. 292, 293.

шло также къ заключенію, что устранить сношеніе рѣшительно-невозможно, точно-также, какъ и изгнать разговоръ; поэтому правило это служитъ здѣсь только удерживающимъ средствомъ (Галкинъ, стр. 126, 125). Наконецъ молчаніе во время работъ введено было въ одномъ изъ переходныхъ классовъ ирландской системы, но, по словамъ Гольцендорфа, оно и здѣсь не примѣняется строго *).

Все это показываетъ, что системы уединенія и молчанія въ строгомъ и абсолютномъ значеніи не могли нигдѣ быть осуществлены въ европейскихъ тюрьмахъ и нынѣ примѣняются только въ весьма-ограниченномъ размѣрѣ и на самое-короткое время, какъ мѣра предварительнаго дисциплинированія преступника въ тюрьмѣ. Такое значеніе оно имѣетъ, напримѣръ, въ ирландской системѣ. Точно-также опытъ доказалъ, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ прибѣгать къ суровымъ наказаніямъ для удержанія отъ разговоровъ: это ведетъ совершенно къ обратнымъ результатамъ, потому-что раздраженный и поставленный въ непріятныя отношенія къ начальству арестантъ начинаетъ только больше нарушать запрещеніе. Въ заключеніе всего признано, что долгое одиночество и молчаніе, гдѣ они выполнялись, не только не дѣйствовали исправляющимъ и развивающимъ образомъ, но давали совершенно противоположные результаты. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени справедливы замѣчанія, сдѣланныя Спенсеромъ насчетъ келейнаго заключенія и системы молчанія. Они, — пишетъ онъ, — отучаютъ отъ общительности и развиваютъ антисоціальные инстинкты и убиваютъ энергію. „Извѣстно, что въ этомъ случаѣ продолжительное лишеніе всякаго общенія съ людьми, — говоритъ Спенсеръ, — нерѣдко ведетъ заключенныхъ къ болѣзнямъ или потерѣ разсудка, а въ тѣхъ, которые остаются здоровыми, тяжелое вліяніе этого лишенія неизбѣжно производитъ серьезное общее

*) Ирландская Система Гольцендорфа, с. 53.

ослабленіе какъ тѣла, такъ и ума". „По нашему мнѣнію, большую долю кажущагося успѣха надо приписать этому общему ослабленію, которое хотя и дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ преступленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ его неспособнымъ и къ работѣ, то-есть убиваетъ энергію и всякую активность". Такимъ-образомъ,—заключаетъ этотъ мыслитель,—есть совершенно-достаточныя, т. е. вполнѣ-фактическія основанія предполагать, что постоянное безмолвіе и уединеніе, подавляя умъ и подрывая энергію, не могутъ вести къ исправленію человѣка".

Изъ этого видно, что европейская пенитенціарная теорія и практика приходятъ постепенно къ противоположнымъ выводамъ и освобождаются отъ своихъ первоначальныхъ недостатковъ; поэтому разъединеніе преступниковъ не только не составляетъ главнаго условія исправительнаго наказанія, но и признается, послѣ долгаго примѣненія его, положительно-вреднымъ.

Идея о необходимости абсолютнаго разъединенія преступниковъ и ихъ изолированія, какъ извѣстно, возникла въ то время, когда европейская тюрьма при общемъ заключеніи представляла ужасные безпорядки, гдѣ, какъ мы говорили, голодъ, праздность, дурное обхожденіе усиливали деморализацію. Изъ этихъ послѣдствій дурного примѣненія общаго заключенія реформаторы заключили, что единственная причина всѣхъ золъ есть соединеніе преступниковъ. Такое предположеніе совершенно соотвѣтствовало тогдашнему взгляду на преступника, на котораго смотрѣли, какъ на человѣка, обладающаго одною злою волею, злыми наклонностями и неимѣющаго ничего человѣческаго; по этому взгляду, изъ соединенія злодѣевъ должно было выйти злодѣйство возвышенное въ ту степень, какой равнялась сумма сосредоточеннаго въ тюрьмѣ преступленія. Подобныя воззрѣнія на тюремную общину, какъ на источникъ *заразы*, высказывались постоянно какъ западными криминалистами, такъ и другими писателями. Эженъ Сю въ своихъ Mystères de Paris

междупрочимъ яркими красками обрисовываетъ недостатки общаго заключенія, видя главную вину въ соединеніи преступниковъ. „Заразительное и гнусное вліяніе общихъ тюремъ приноситъ свои плоды,—говоритъ онъ;—и еслибы преступники были въ келейномъ заключеніи, эти несчастные избавились-бы отъ заразы и находились-бы лицомъ къ лицу съ мыслями о своихъ преступленіяхъ“. Самъ Бэнтамъ, объясняющій порчу тюремъ скукою, мщеніемъ и нуждою, говоритъ, что соревнованіе только усиливаетъ здѣсь преступленія,—что всѣ поднимаются до уровня того, кто всѣхъ испорченнѣе, и т. д.*). Вслѣдствіе такихъ-то соображеній европейскіе теоретики сосредоточили вниманіе на одну причину зла, тогда-какъ въ старой системѣ было ихъ множество. Признавая главнымъ недостаткомъ соединеніе преступниковъ, они предположили, что разъединеніе должно повести къ противоположнымъ результатамъ, и поэтому для исправленія преступниковъ признали необходимымъ самое-строгое изолированіе ихъ. Здѣсь человѣческій умъ дѣйствовалъ по тому-же діалектическому закону, по которому мысль переходитъ отъ одного положенія къ противоположенію, какъ-напримѣръ въ историческомъ переходѣ отъ эпикуреизма къ аскетизму, отъ половаго разврата къ скопчеству и т. д. Скоро европейская практика убѣдилась, что противоположный принципъ, поставленный ею, также вреденъ и несостоятеленъ; поэтому она начала искать лекарства въ другихъ исправительныхъ средствахъ; наконецъ опытъ ей доказалъ, что при раціональной педагогической системѣ, при примѣненіи лучшихъ исправительныхъ средствъ общее заключеніе и общія работы преступниковъ не представляютъ такой опасности, какую воображали. Лучшая изъ системъ, ирландская, послѣ предварительнаго дисциплинированія, не задумывается соединять преступниковъ и не

---

*) Бэнтамъ, кн. 3, гл. 9, стр. 568.

находитъ въ этомъ нималѣйшаго неудобства. Совмѣстная жизнь преступниковъ, устроенная на раціональныхъ началахъ, при удовлетвореніи естественныхъ и нравственныхъ потребностей человѣка, при занятіи ихъ трудомъ и проч., не представляетъ, какъ доказалъ опытъ, ничего опаснаго. Вотъ-что пишетъ напримѣръ знаменитый управитель смитфильдской тюрьмы въ Ирландіи, Органъ: „Большинство людей ошибается,—говоритъ онъ,—полагая, что большая часть преступниковъ не имѣетъ ничего общаго съ другими человѣческими существами. Втеченіе двѣнадцати лѣтъ, до назначенія меня преподавателемъ въ смитфильдское заведеніе, я былъ постоянно учителемъ взрослыхъ и, по собственному опыту въ Смитфильдѣ, никакъ не могъ убѣдиться въ существованіи какого-либо различія въ отношеніи души, страстей и ощущеній между обыкновеннымъ классомъ арестантовъ, съ которыми хорошо обращаются, и среднимъ классомъ общества, находящимся на свободѣ и ведущимъ тотъ-же образъ жизни“ *).

Примѣры и опыты другихъ европейскихъ практиковъ доказываетъ то-же самое; общая жизнь преступниковъ при существованіи всѣхъ необходимыхъ исправительныхъ средствъ, при гуманномъ отношеніи къ преступнику и при изгнаніи прежняго варварскаго обращенія, дала самые-благопріятные результаты и лучшія гарантіи порядка, спокойствія и дисциплины тюрьмы. Вотъ одинъ изъ множества фактовъ, подтверждающихъ это. Въ мюнхенской государственной тюрьмѣ Оберъ-Майеръ нашолъ отъ 600 до 700 заключонныхъ, дошедшихъ до крайней степени неповиновенія. Производимые ими безпорядки заставили прибѣгнуть къ самымъ-суровымъ и строгимъ мѣрамъ; всѣ заключонные были скованы и къ каждой цѣпи была прикрѣплена желѣзная гиря, которую даже самые-сильные изъ заключонныхъ съ трудомъ могли волочить за собой. Стража состояла почти изъ 100 чело-

*) Гольцендорфъ, Ирл. Сист., стр. 87.

вѣкъ солдатъ, стоявшихъ не только у воротъ и вокругъ стѣнъ, но и въ корридорахъ, рабочихъ камерахъ и спальняхъ; самой-странной изъ всѣхъ мѣръ противъ возможности возмущенія и буйствъ было то, что на ночь спускалось на дворахъ и въ корридорахъ отъ двадцати до тридцати огромныхъ и злыхъ собакъ, которыя должны были охранять дворъ и корридоры. Судя по разсказамъ, это былъ настоящій Пандемоніумъ, заключавшій, на пространствѣ нѣсколькихъ акровъ, самыя-дурныя страсти, самые-рабскіе пороки, самую-бездушную тираннію". Обермайеръ постепенно смягчилъ эту суровую систему; онъ значительно облегчилъ вѣсъ цѣпей и даже совсѣмъ уничтожилъ-бы ихъ, еслибъ это было дозволено; собаки и большая часть стражи были удалены; съ заключонными стали обходиться такъ, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе. М-ръ Байлли Кокренъ, посѣтившій эту тюрьму въ 1852 году, говоритъ: тюремныя ворота были широко отворены, безъ всякихъ часовыхъ у дверей; стража состояла только изъ двадцати человѣкъ, праздно-проводившихъ время въ караульнѣ, находившейся довольно далеко отъ входа; ни у одной двери не было ни запоровъ, ни засововъ; единственной мѣрой предосторожности служилъ обыкновенный замокъ, и такъ-какъ въ большей части комнатъ онъ не запирался почти никогда на ключъ, то заключенные свободно могли выходить въ корридоръ.... Въ каждой рабочей комнатѣ назначался старшина изъ числа заключонныхъ, отличавшихся лучшимъ поведеніемъ, и г. Обермайеръ увѣрялъ меня, что если какой-нибудь заключонный нарушалъ какое-либо постановленіе, всѣ его товарищи говорили ему „это запрещено" и рѣдко случалось, чтобы онъ не послушалъ ихъ.... Въ стѣнахъ тюрьмы производятся всевозможныя работы, которыя приносятъ имъ большія выгоды. Результатъ всего этого тотъ, что каждый заключонный содержитъ себя собственнымъ трудомъ; излишекъ-же его заработковъ отдается ему при освобожденіи и даетъ

можность избѣгнуть лишеній въ первое время послѣ освобожденія. Кромѣтого заключонные „въ свободное время собираются безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ сношенія, но въ то-же время подъ бдительнымъ надзоромъ и контролемъ"; г. Обермайеръ многолѣтнимъ опытомъ убѣдился, повидимому, что вслѣдствіе такого порядка нравственность улучшилась. Въ дѣйствительности успѣховъ Обермайера мы имѣемъ свидѣтельство не одного только Байльи Кокрена но и Таунзенда, Джорджа Комба, Матью Гилля и сэра Джона Мильбанка.

Подобный-же примѣръ представляетъ колонія Метрэ во Франціи, гдѣ при раціональномъ педагогическомъ воспитаніи и надзорѣ малолѣтніе преступники живутъ въ «Colonie Agricole», не имѣя ни стѣнъ, ни оградъ для тюремныхъ цѣлей, и помѣщаются цѣлыми семействами въ домахъ. Но еще-удивительнѣе представляетъ примѣръ общественной жизни и общественныхъ работъ съ ихъ воспитательнымъ и разумно-примѣненнымъ способомъ система капитана Макончи на о-вѣ Норфолькѣ. Преступники здѣсь содержатся собственнымъ трудомъ, но живутъ общественной жизнью, конечно подъ надзоромъ. Вся педагогическая система тюрьмы основывалась на примѣненіи основъ раціональнаго труда и строгаго распредѣленія заработка, которымъ преступникъ долженъ былъ самъ удовлетворять свои потребности. Эта разумно-примѣненная система дала самые-благопріятные результаты въ дѣлѣ исправленія, не смотря на совмѣстную жизнь. Капитанъ Макончи притомъ имѣлъ дѣло съ самыми-деморализованными преступниками. Въ четыре года онъ отпустилъ въ Сидней изъ числа находившихся подъ его руководствомъ лицъ, и до 920 человѣкъ во второй разъ изъ нихъ только 20 человѣкъ или 2% были осуждены до января 1845 года, междутѣмъ какъ въ Вандименовой землѣ, гдѣ съ преступниками обращаются иначе, пропорція вновь-осужденныхъ бы-

Подобное-же вліяніе исправительныхъ средствъ, постоянныхъ работъ и обученія ремесламъ, не смотря на общественную жизнь, представляютъ и другія тюрьмы, какъ напримѣръ тюрьма въ Валенсіи, описанная въ книгѣ Гопкинса „Spain as it is“. Въ этой тюрьмѣ, по его словамъ, содержится до тысячи заключонныхъ; они живутъ совершенно-мирно, занятые работами, которыхъ разнообразіе замѣчательное; притомъ здѣсь каждый занимается сообразно своему призванію. Въ цѣломъ заведеніи нѣтъ болѣе 3 или 4 сторожей; тюрьму караулитъ дюжина старыхъ солдатъ и вовсе нѣтъ никакихъ запоровъ и замковъ, которые-бы трудно было сломать. Повидимому, здѣсь нѣтъ никакихъ предосторожностей, кромѣ тѣхъ, какія предпринимаются въ частныхъ домахъ, и при всемъ-томъ порядокъ не нарушается. Все это дѣлается при помощи постепенныхъ облегченій арестанту и разумнаго обхожденія съ нимъ: арестантъ первоначально является въ тюрьму закованнымъ, но по мѣрѣ хорошаго поведенія получаетъ льготы. Такое превращеніе могло считаться „истиннымъ чудомъ“, говоритъ Гопкинсъ. Какіе результаты достигнуты были при такомъ управленіи, „свидѣтельствуетъ то, что противъ прежнихъ лѣтъ число вторично совершившихъ преступленіе уменьшилось съ 30% и 35% до 1%. Въ послѣдніе три года съ 1835 въ этой тюрьмѣ не было даже ни одного подвергнувшагося вторичному заключенію“ *).

Всѣ эти опыты, одновременно совершаемые въ различныхъ государствахъ,—въ Ирландіи, во Франціи, въ Испаніи, Германіи и даже на далекихъ островахъ Австраліи, дали—положительно-новое направленіе европейской пенитенціарной наукѣ. Они заставили взглянуть на дѣло *наказанія* совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли до того времени. Прежняя система думала дѣйствовать на преступника однимъ механическимъ принужденіемъ, однимъ

*) Этика тюремъ Спенсера, Опыты, вып. IV и V, ст. 143—144.

страхомъ тяжкихъ наказаній; но долгимъ опытомъ доказано, что такое отношеніе къ преступнику только озлобляло его и вынуждало къ сопротивленію: новая пенитенціарная педагогическая система старается возбудить совершенно-иные мотивы въ душѣ человѣка, чѣмъ ужасъ и страхъ тѣлеснаго наказанія, и воспользоваться его личнымъ интересомъ, стараясь привлечь этимъ къ доброму поведенію. Ирландская система, какъ извѣстно, состоитъ изъ цѣлаго ряда постепенныхъ облегченій, постепенныхъ переходовъ изъ класса въ классъ, обусловленныхъ различными смягченіями; при этихъ переходахъ самая дисциплина значительно смягчается; преступникамъ при успѣхахъ въ трудѣ и поведеніи сверхъ-того даются наружныя отличія „регистратурныя" и „контрольныя" марки; имъ возвышается и плата за трудъ, имѣющая видъ награжденія (gratuities). Исправленіе по системѣ Макончи также основано на денежномъ интересѣ и на увеличеніи заработка, изъ котораго дѣлаются вычеты въ случаѣ проступковъ и небрежности арестанта. „Эта система,—говоритъ самъ Макончи,—дала мнѣ средства для расплаты за трудъ, а затѣмъ и средства наказанія. Одно давало мнѣ готовыхъ и постоянно-улучшавшихся рабочихъ, другое спасло меня отъ необходимости прибѣгать къ жестокимъ и деморализующимъ наказаніямъ". Въ то-же время и въ Англіи, и въ Ирландіи для поощренія преступника къ хорошему поведенію введены сокращенія сроковъ наказанія, „условные отпуски", и „условное" и „безусловное прощеніе", которыя послужили самымъ-могучимъ средствомъ къ утвержденію нравственности въ тюрьмѣ и способствовали нравственному совершенствованію преступника. Въ этомъ случаѣ лично заинтересованный и желающій получить скорѣе облегченіе арестантъ естественно стремился къ тому, чтобы болѣе-всего сообразоваться съ правилами тюрьмы и точнѣе выполнять ихъ; воля его была направлена не столько къ доставленію себѣ пріятнаго развлеченія въ сооб-

щественѣ, сколько къ тому, чтобы независимо отъ другихъ скорѣе окончить срокъ своего наказанія, сосредоточивая все вниманіе на свои поступки.

Таковы начала, въ которымъ приходитъ европейская тюремно-исправительная система для поддержанія дисциплины. Но кромѣ того постепенное расширеніе свободы преступника важно и въ другомъ отношеніи: постепенное предоставленіе ему-самому управлять своимъ поведеніемъ служитъ превосходнымъ средствомъ для выработки характера, содѣйствуетъ нравственному закалу человѣка и научаетъ владѣть собою. Это также составило одно изъ важныхъ педагогическихъ началъ, послужившихъ для исправленія въ усовершенствованныхъ ирландскихъ тюрьмахъ. Выработка характера составляетъ главную цѣль въ такъ-называемыхъ „переходныхъ заведеніяхъ" (intermediate prisons): поведеніе арестанта здѣсь ничѣмъ не стѣснено; ему предоставлено расходовать свои деньги какъ-угодно и направлять свою дѣятельность безъ всякихъ указаній. Онъ здѣсь бываетъ окруженъ даже значительными искушеніями при даруемой свободѣ; арестанты переходныхъ заведеній посылаются напримѣръ часто въ городъ на свободныя работы, безъ надзора, съ единственнымъ обязательствомъ воротиться въ извѣстное время въ тюрьму. Исправляемый проходитъ городъ съ своимъ заработкомъ, гдѣ кипитъ жизнь и представляются всевозможные соблазны; ничто не стѣсняетъ его; онъ воленъ заходить и въ кабаки, и куда ему угодно; поведеніе его притомъ лежитъ только на его совѣсти. При всей этой свободѣ онъ подлежитъ постоянному контролю и, въ случаѣ распущеннаго поведенія, возвращается въ прежнія тюремныя условія. Такое положеніе, гдѣ человѣкъ научается управлять собой, отнюдь не легко и тюремная свобода достается недаромъ. Многіе преступники, неимѣющіе силъ совладѣть съ собой, просятъ возвратить ихъ даже въ прежнее положеніе; другихъ такая жизнь вполнѣ закаляетъ. Наруше

зательствъ весьма рѣдки, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, и преступники самымъ бережнымъ образомъ распоряжаются выгодами своего положенія *). На тѣхъ-же началахъ воспитанія характера основана и система Макончи. Она дѣлаетъ жизнь заключонныхъ насколько-возможно близкой къ порядку обыкновенной жизни, предоставляя имъ самимъ испытывать всю ту долю добра или зла, какая естественно вытекала изъ ихъ собственнаго поведенія: принципъ, который Макончи считаетъ единственно-вѣрнымъ принципомъ.... Какъ ирландская система предоставляетъ различныя облегченія и награды, смотря по тому, какъ преступникъ пользуется своею свободою и располагаетъ своими льготами, такъ „*марочная* система" Макончи, основанная на денежномъ интересѣ и на количествѣ заработка преступника, предоставляетъ ему возможность пользоваться извѣстными матерьяльными выгодами, смотря по поведенію.

Въ первомъ случаѣ пенитенціарная педагогика побуждаетъ человѣка къ хорошему поведенію чрезъ улучшеніе его положенія и награды, во второмъ—исключительно силою матерьяльныхъ выгодъ и возбужденіемъ корыстныхъ мотивовъ. Это безъ-сомнѣнія имѣетъ уже то хорошее значеніе, что испытуемый преступникъ научается понимать связь хорошаго и дурного поведенія съ матерьяльными его послѣдствіями и этимъ подготовляется къ практической жизни внѣ тюрьмы. Кромѣ того, въ системѣ Макончи, человѣкъ, поставленный въ полную зависимость отъ своего личнаго заработка, т. е. отъ тѣхъ стараній и усилій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ это время, научается цѣнить всѣ выгоды и всю пользу труда. Этотъ морализующій принципъ до того основательно проведенъ въ систему Макончи и такъ строго примѣненъ, что преступникъ здѣсь исключительно живетъ на свой счотъ: онъ оплачиваетъ даже обученіе въ школѣ; ему

*) Отчотъ Крафтона 1856 г. и Гольцендорфа Ир. сист., с. 73, 79.

вмѣнено въ обязанность копить деньги на похороны. Нѣтъ сомнѣнія, что такой порядокъ превосходно вырабатываетъ способность „*самопомощи*" и возбуждаетъ въ преступникѣ привычки самому заботиться о поддержаніи своего матерьяльнаго существованія. Всѣ эти результаты достигаются только при предоставленіи извѣстной доли свободы преступнику, возлагаемой на его нравственную отвѣтственность. Такимъ-образомъ лучшіе опыты пенитенціарной системы сводятся къ тому, чтобы ограничить свободу преступника лишь настолько, насколько это необходимо для безопасности общества,— и чтобы установить въ тюрьмѣ лишь такія запрещенія, которыя могутъ служить къ предупрежденію поступковъ, считающихся порочными и въ обыкновенной жизни; но въ то-же время тюрьма обязана удовлетворять всѣмъ законнымъ и естественнымъ потребностямъ жизни по отношенію къ пищѣ, одеждѣ, пользованію воздухомъ, моціономъ, трудомъ и наконецъ здоровыми междучеловѣческими сношеніями, составляющими такую потребность для человѣка, что съ лишеніемъ ихъ причиняется вредъ его здоровью и умственнымъ способностямъ. Полнота жизни во всѣхъ ея органическихъ отправленіяхъ должна быть доступна и преступнику; это—столько-же требованіе справедливости, какъ и утилитарныхъ цѣлей исправленія. Самое исправленіе имѣетъ своей конечной задачей свободное и разнообразное развитіе всѣхъ нормальныхъ человѣческихъ способностей, всѣхъ силъ человѣка; оно стремится поднять его нравственно, благопріятствуя возбужденію благородныхъ мотивовъ человѣческой природы, развитію нравственныхъ началъ, которыя должны крѣпко сростись съ человѣческими убѣжденіями и поступками и добровольно управлять его дѣйствіями. Вотъ конечная цѣль исправленія и тотъ идеалъ, къ которому стремится пенитенціарная наука.

Задача эта, безъ-сомнѣнія, нелегкая и недостижимая въ настоящее время: сдѣлать изъ преступника полнаго

человѣка; человѣка высоко-нравственнаго и добродѣтельнаго... кто возьмется за это?...

Отдавая полную справедливость многимъ полезнымъ способамъ исправленія, которыхъ достигла пенитенціарная практика, мы не можемъ не замѣтить, что окончательнаго развитія она еще не достигла; самые опытные пенитенціаристы, мы увѣрены, согласятся съ тѣмъ, что задачи ихъ не кончены, а кругъ исправительной и воспитательной системы далеко еще не завершонъ.

Внимательно разсматривая тотъ путь, который прошла до сего времени система исправленія преступниковъ, и тотъ предѣлъ, предъ которымъ она остановилась, мы можемъ замѣтить, что вся трудность для нея заключается въ нравственномъ перевоспитаніи преступника.

Вопросъ о нравственности, какъ извѣстно, составляетъ позднѣйшую ступень развитія въ исторіи цивилизаціи и на міровую сцену выступаетъ только въ послѣднее время; поэтому немудрено, что пенитенціарная наука, стоящая въ зависимости отъ общаго человѣческаго знанія, должна была терпѣть нѣкоторыя затрудненія въ проведеніи принципа нравственнаго воспитанія павшихъ людей. Нетрудно замѣтить, что побужденія къ исправленію и до сего времени все еще основаны на чисто-механическихъ способахъ и внѣшнихъ принужденіяхъ; дисциплина въ тюрьмахъ все еще держится большею частью на угрозахъ наказанія, на нетерпящихъ прекословія приказаніяхъ, и только въ лучшихъ тюрьмахъ стараются завлечь и пріучить преступника къ повиновенію разными облегченіями, наградами, возбужденіемъ корыстныхъ чувствъ и представленіемъ перспективы свободы, которая, подъ условіемъ нравственнаго поведенія въ тюрьмѣ, будетъ скорѣе достигнута. Всякій признаетъ, что эти побужденія—весьма искуственны и что они еще далеко не даютъ прочной опоры для нравственнаго развитія. Правда, при помощи ихъ поддерживается въ тюрьмѣ порядокъ и повиновеніе,—при посредствѣ ихъ по-

степенно могутъ съ теченіемъ времени развиваться и укрѣпляться хорошія привычки, но всетаки они оказываются непригодными для того, чтобы служить постояннымъ руководствомъ въ жизни, и неспособны глубоко возбуждать нравственные мотивы; подъ вліяніемъ такихъ побужденій къ хорошему поведенію человѣкъ можетъ жить и дѣйствовать только въ тюрьмѣ, но не въ жизни, которая невсегда обѣщаетъ награды и корысть. Кромѣтого находящійся въ тюрьмѣ человѣкъ, изъ-за полученія облегченія, наградъ, свободы, можетъ вполнѣ согласоваться съ правилами, но на свободѣ показать совершенно иную нравственность. Такъ и было замѣчено въ англійскихъ тюрьмахъ, гдѣ, по введеніи условныхъ отпусковъ и помилованій, преступники, подчиняясь всѣмъ правиламъ пенитенціарной дисциплины, какъ-нельзя лучше вели себя до выпуска, но затѣмъ, по выходѣ изъ тюрьмы, выказывалось все лицемѣріе тюремнаго ихъ поведенія: выпущенные оставались столь-же испорченными и на свободѣ совершали новыя преступленія. Такимъ образомъ вопросъ о нравственномъ перевоспитаніи преступниковъ остается далеко-неразрѣшеннымъ; даже ирландская система, ограничиваясь теоретическою процедурою, далеко не исчерпываетъ его; всѣ существующія исправительныя системы далеко не могли затронуть тѣхъ мотивовъ, которые находятся въ прямой и непосредственной связи съ человѣческою нравственностью; междутѣмъ изысканіе такихъ мотивовъ, могущихъ служить мѣркою поведенія человѣка и руководить имъ во всякое время, во всякомъ положеніи, и составляетъ собственно задачу пенитенціарной науки,—*ея искомое*. Посмотримъ-же, есть-ли такіе мотивы въ душѣ человѣка и если есть, то въ чомъ состоятъ они.

III.

Задачи новой раціональной системы исправленія.

Разбирая критически опыты новѣйшей тюремной практики, мы видимъ, что пенитенціарная наука упускала одинъ важный мотивъ, могущій служить твердой опорой для человѣческой нравственности. Человѣческою природою, какъ извѣстно, управляютъ два рода побужденій: одни изъ нихъ направлены къ сохраненію индивидуума и къ доставленію ему удовольствія: это—мотивы *личные*, исключительно *эгоистическіе*; другіе мотивы—*сочувственные*, обусловленные влеченіемъ къ другимъ. Первые могутъ преобладать надъ вторыми, и тогда человѣкъ исполненъ или индифферентизма къ людямъ, или антипатіи и вражды къ нимъ; поэтому такіе мотивы въ крайнемъ развитіи могутъ быть вредны и опасны въ человѣческомъ обществѣ; другіе мотивы, вытекающіе изъ влеченія къ другимъ и примиряющіе личный интересъ съ общимъ, располагаютъ къ образу дѣйствій, благопріятствующему видамъ общественнаго блага, и поэтому носятъ названіе *мотивовъ соціальныхъ*. Человѣкъ, какъ извѣстно, въ жизни постоянно колеблется между этими двумя инстинктами, т. е. между своими индивидуальными наклонностями и личными интересами, тянущими его въ одну сторону, и инстинктами симпатіи къ людямъ, влекущими его къ общительности и соблюденію общихъ интересовъ. Эти наклонности могутъ до безконечности расходиться въ человѣкѣ, хотя точно-также могутъ и примиряться въ немъ. Первый изъ этихъ инстинктовъ сильнѣе въ человѣкѣ и преобладаетъ надъ вторымъ, такъ-какъ человѣкъ больше всего любитъ себя и стремится къ сохраненію своей жизни; этотъ инстинктъ не требуетъ развитія; онъ не бываетъ слабъ и всегда присутствуетъ въ каждомъ человѣкѣ: соціальные инстинкты напротивъ слабѣе эгои-

стическихъ, хотя при извѣстномъ развитіи они по силѣ своей могутъ подойти къ личнымъ. Разсудокъ и чувство справедливости уравниваютъ наши инстинкты, регулируютъ ихъ; поэтому развитіе умственной силы чрезвычайно-важно: оно сдерживаетъ, насколько возможно, развитіе личныхъ интересовъ во вредъ соціальнымъ, но тѣмъ не менѣе преобладаніе тѣхъ или другихъ чувствъ существуетъ у насъ невольно и зависитъ какъ отъ нашей природы, такъ и отъ свойствъ воспитанія. Само-собою разумѣется, что устройству общественной жизни и развитію нравственности содѣйствовало собственно развитіе симпатическихъ чувствъ. Это одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ и самыхъ возвышенныхъ мотивовъ человѣческой природы. Его проявленія—самыя-разнообразныя: онъ является въ видѣ благосклонности, братской любви къ ближнему, человѣчности, филантропіи, состраданія, милосердія, благодарности, нѣжности, патріотизма и чувства общественнаго блага *); къ этому чувству сводятся всѣ понятія о совѣсти, о нравственности, справедливости и законности. Безъ такого мотива почти немыслимо-бы было человѣческое существованіе: оно было-бы безсильно и жалко. Еслибы одинъ холодный разсчотъ поддерживалъ общежитіе людей, то не могъ-бы замѣнить ту теплоту любви, которая, какъ теплота солнца, разлитая среди народовъ, согрѣваетъ жизнь и придаетъ ей необыкновенную прелесть. На этомъ только мотивѣ устроивалось въ первобытныя времена общество, утверждалось его спокойствіе, водружались взаимныя обязательства, создавалась законность и зачатки государственной жизни; отъ него мы получили благодѣянія мира, прогресса и цивилизаціи, доставляющія человѣку полное обезпеченіе жизни, всѣ ея выгоды и наслажденія.

Въ нашей личной жизни безъ такого инстинктивнаго

*) См. опредѣленіе этого мотива и его значенія у Бэнтама въ [illegible] деніи въ Основаніи Нравственности (гл. X, § XXV).

мотива немыслимо-бы было быстрое управленіе нашими поступками, потому-что иначе мы должны-бы были постоянно прибѣгать къ выкладкамъ и соображеніямъ, насколько наши выгоды не вредятъ другимъ и насколько согласны съ ними; эта способность, какъ магнитная стрѣлка, указываетъ то направленіе дѣятельности, къ какому мы приходимъ только долгимъ размышленіемъ.

Исходя изъ того правила, что „общія выгоды заключаютъ въ себѣ всегда и наши личныя выгоды", мы, очевидно, рѣдко останемся въ убыткѣ, да и то вознаградимъ себя тѣмъ чувствомъ высокаго удовольствія, которое испытываетъ человѣкъ при личныхъ пожертвованіяхъ. Положивъ за правило руководствоваться всѣмъ такими чувствами, мы естественно приходимъ къ гармоніи интересовъ личныхъ и испытываемъ на себѣ благодѣянія другихъ; давая преобладаніе симпатическимъ чувствамъ, мы въ то-же время какъ-нельзя-болѣе гарантируемъ общество отъ вражды и преступленій.

„Преступленіе — антисоціально, — говоритъ Спенсеръ:—побужденіемъ къ нему служатъ своекорыстныя чувства; сдерживаютъ же его чувства соціальныя. Единственнымъ возбудителемъ къ хорошему образу дѣйствій съ другими и естественнымъ противникомъ дурного образа дѣйствій служитъ сочувствіе; изъ сочувствія развиваются какъ чувство благосклонности, такъ и чувство справедливости, удерживающее насъ отъ оскорбленія другихъ. Сочувствіе же это, дѣлающее существованіе общества возможнымъ, развивается общественными сношеніями; привычка раздѣлять удовольствія другихъ усиливаетъ эту способность, а все, что препятствуетъ участію въ удовольствіяхъ ближняго, ослабляетъ ее" *). Бентамъ симпатическіе мотивы по преимуществу называетъ мотивами *доброй воли*, какъ личные — признаками *дурной*; вмѣстѣ съ тѣмъ чувства благосклонности, любви къ

*) См. Нравственность тюремъ, Опыты Спенсера, на русск. в. 4 и 5.

репутаціи, желаніе блага онъ считаетъ наиболѣе *предохранительными* мотивами отъ преступленія *). Несмотря на всю важность такихъ чувствъ и необходимость развитія ихъ въ человѣкѣ, эти-то нравственные мотивы и упускала до сего времени современная пенитенціарная система. Это было-бы положительно необъяснимо, еслибы мы не знали, что пенитенціарная практика ударилась въ крайнюю реакцію, пораженная прежними недостатками общежительной тюремной жизни. Придя къ необходимости уединенія личности и къ лишенію ея общественныхъ сношеній, пенитенціарныя системы однако упустили, что онѣ могутъ убить этимъ самый важный нравственный мотивъ симпатіи, а безъ него направленіе жизни могло принести только вредные результаты для общества и индивидуума. „Дѣйствіе системы разъединенія на нравственную сторону человѣка,—говоритъ Спенсеръ,—совершенно противоположно тому, какое требуется для исправленія". „Подвергая заключенныхъ одиночеству, т. е. запрещая имъ всякій обмѣнъ чувствъ, мы неизбѣжно ослабляемъ существующія въ нихъ сочувствія и такимъ-образомъ скорѣе увеличиваемъ, нежели уменьшаемъ, нравственныя препятствія къ совершенію преступленія". „Апріористическое убѣжденіе, котораго мы давно придерживаемся,—говоритъ этотъ философъ,—подтверждается и фактами. Капитанъ Маконочи на основаніи своихъ наблюденій утверждаетъ, что долговременное одиночество порождаетъ въ людяхъ такой эгоизмъ и такъ ослабляетъ сочувственныя склонности, что даже хорошо-настроенныхъ людей дѣлаетъ совершенно-неспособными переносить по возвращеніи домой ничтожныя испытанія домашней жизни" **). Такимъ-образомъ прежняя пенитенціарная система развивала совершенно противоположный инстинктъ, чѣмъ требовало нравствен-

*) Бэнтамъ, Введ. въ Основ. Нравственн., гл. X, § XLIV.
**) Нравственность тюремъ.

ное исправленіе. Тѣмъ-же грѣшатъ болѣе или менѣе и остальныя пенитенціарныя системы: всѣ онѣ направлены исключительно на развитіе индивидуальной, личной стороны въ человѣкѣ и совершенно забываютъ о другой сторонѣ, несравненно-важнѣйшей: такъ-напримѣръ руководящею мыслью ирландской системы, какъ говоритъ Гольцендорфъ, „служитъ исключительно начало *индивидуализаціи* (стр. 66 Ирл. Сист.) и главнымъ достоинствомъ ея считается изолированіе каждаго преступника и ослабленіе въ немъ влеченія къ сообщенію“ (ст. 38); но заботы человѣка только о себѣ, отсутствіе всякой связи съ людьми и лишеніе общественныхъ интересовъ, совершенно законныхъ, естественно можетъ повести только къ развитію эгоизма, который въ крайнемъ своемъ проявленіи далеко-неблагопріятенъ для будущей общественной жизни преступника на свободѣ. Тѣ-же личные и самолюбивые мотивы развиваются и посредствомъ наградъ, отличій и возбужденія людей къ взаимному соперничеству. Такое одностороннее развитіе только индивидуальныхъ наклонностей безъ-сомнѣнія было-бы крайнимъ недостаткомъ системы, еслибы оно не смягчалось превосходнымъ воспитаніемъ и преподаваніемъ, которое въ ирландскихъ заведеніяхъ введено Органомъ и которое хотя теоретически, но всетаки внушаетъ нравственныя правила и уваженіе къ другимъ людямъ. Нельзя не замѣтить той-же односторонности индивидуальнаго развитія и въ системѣ Макончи. Хотя съ одной стороны она блистательно развивала *принципъ самопомощи*, научала человѣка самому помогать себѣ, но зато съ другой стороны основанная исключительно на денежномъ интересѣ и на личной независимости, она могла развивать только одни корыстныя, эгоистическія стороны характера, а въ нравственномъ отношеніи какъ-бы доказывала ту мысль, что „деньги — все“, и человѣкъ, обязанный заработкомъ самому себѣ, уже никому въ мірѣ и ничѣмъ не обязанъ. Такое воспитаніе было-бы через-

чуръ, эгоистическимъ и ненормальнымъ: индивидуализируя личность, такая система внушала ей только одну мысль о борьбѣ въ жизни, о личныхъ заботахъ, которыя, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ въ жизни, естественно увлекаютъ человѣка за предѣлы чужихъ интересовъ; а такое индивидуальное развитіе способностей еще далеко не представляетъ гарантій отъ преступленія. Эти гарантіи должны лежать въ такихъ понятіяхъ, которыя заставляли-бы уравновѣшивать и уравнивать личный интересъ съ интересомъ другихъ людей, которыя-бы удерживали человѣка отъ своекорыстныхъ увлеченій и возбуждали не одну мысль о борьбѣ, но и мысль объ уступкахъ остальному человѣческому обществу. Понятно, что для этого должны были быть внушены понятія объ общественной связи людей, объ ихъ взаимной зависимости и о тѣхъ общественныхъ интересахъ, на которыхъ зиждется человѣческая жизнь. Но и этого мало: для того, чтобы человѣкъ постоянно помнилъ объ интересахъ ближнихъ, нужно, чтобы въ душѣ его былъ постоянный инстинктъ благожеланій,—чтобы внутри себя онъ постоянно носилъ теплящееся чувство симпатіи и любви къ ближнему, которое-бы не позволяло ему ни на минуту уклоняться въ другую сторону. На развитіе этого-то чувства и должна обратить вниманіе раціональная педагогическая система и наука исправленія, такъ-какъ одно оно можетъ послужить прочною опорою для нравственности и будетъ постоянной гарантіей вполнѣ-благожелательныхъ и добрыхъ поступковъ; вопросъ только въ томъ, какимъ образомъ въ человѣкѣ возбудить эти нравственныя чувства.

Возбужденіе и созданіе новыхъ чувствъ въ человѣкѣ нелегко дается; поэтому и къ нравственному чувству сразу нелегко подойти. Для этого не существовало никакой методы, никакого правила, такъ-какъ все нравственное воздѣйствіе на природу человѣка ограничивалось до сихъ поръ только теоретическими нравственны-

ми внушеніями и убѣжденіями; но извѣстно, какое слабое вліяніе оказывали эти нравственныя проповѣди, назиданія и чтенія всякой морали. Если они часто ни къ чему не ведутъ среди обыкновенныхъ людей, то тѣмъ менѣе могли имѣть успѣха въ средѣ людей раздраженныхъ, озлобленныхъ и упорныхъ, каковы преступники; притомъ вліяніе этихъ нравоученій было слишкомъ поверхностно, слишкомъ мимолетно; при обыденной формѣ своей эти нравственныя правила, которыя уже давно были всякому извѣстны, но которыми испорченный практической жизнью человѣкъ привыкъ пренебрегать, могли не производить никакого впечатлѣнія. Нужно, чтобы преступникъ самъ, собственнымъ опытомъ и примѣромъ, убѣдился въ истинности извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ, извѣстныхъ правилъ общежитія, чтобы мораль была самимъ имъ выработана при участіи извѣстныхъ усилій и труда. Извѣстна пословица: „что легко дается, то легко и уходитъ“. Опыты предметнаго, осязательнаго и практическаго преподаванія уже дѣлаются въ различныхъ отрасляхъ педагогики: дѣтей напримѣръ знакомятъ съ истинами точныхъ наукъ съ помощью созерцанія самыхъ предметовъ и ихъ анализа: желательно было бы, чтобы такой-же практическій и наглядный опытъ примѣненъ былъ и къ вразумленію преступниковъ для развитія въ нихъ правильнаго пониманія общественныхъ отношеній. Подобнаго нагляднаго воспитанія, съ цѣлью возбужденія общественныхъ и нравственныхъ интересовъ, не было ни въ одной системѣ; между тѣмъ еслибы теоретики не были сбиты съ толку абсолютнымъ изолированіемъ преступниковъ, еслибы они не были слишкомъ апріоричны въ своихъ сужденіяхъ и болѣе практически изучали человѣческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, то они непремѣнно бы наткнулись на такой способъ воспитанія. Пріобрѣтя извѣстные нравственныя правила и убѣжденія цѣлымъ рядомъ воспитанія и опытомъ жизни, съ перваго раза мы не въ состояніи объяснить, какъ

привились къ намъ извѣстныя нравственныя начала и ощущенія: у насъ остались такъ-сказать одни результаты, но самый процессъ ихъ пріобрѣтенія утерянъ изъ памяти; но если мы прибѣгнемъ къ строгому научному анализу исторической жизни народовъ, какъ и къ субъективному анализу собственнаго воспитанія, мы увидимъ, что всѣ душевныя ощущенія наши, всѣ понятія, всѣ нравственныя начала пріобрѣтались долгимъ опытомъ, привычками, которыя въ свою очередь были порождены сознаніемъ выгодъ и пользъ извѣстнаго поведенія; благосклонныя душевныя желанія и нравственныя чувства развивались также только извѣстнымъ опытомъ и рядомъ привычекъ.

Такой принципъ вполнѣ подтверждается исторіей всего человѣческаго развитія. „Только при дисциплинѣ соціальной жизни, — говоритъ замѣчательный ученый нашего вѣка, —при сравнительной необходимости воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій и принимать на себя долю во взаимныхъ услугахъ, какія вводятся раздѣленіемъ труда, развивались тѣ благосклонныя душевныя возбужденія, которыя у низшихъ племенъ являются только въ формѣ грубыхъ зачатковъ. Дикарь находитъ наслажденіе скорѣе въ томъ, чтобы причинять непріятность, нежели въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе: симпатическихъ чувствъ онъ почти лишонъ; междутѣмъ у насъ филантропія организуется въ законъ“. „Изъ этого факта и другихъ подобныхъ фактовъ не вытекаетъ-ли тотъ неизбѣжный выводъ, что новыя душевныя возбужденія развиваются изъ новыхъ данныхъ опыта, новыхъ привычекъ жизни? Всѣмъ извѣстна истина, что въ индивидуумѣ каждое чувство усиливается по мѣрѣ выполненія дѣйствій, внушаемыхъ имъ; сказать же, что чувство *усиливается* этими дѣйствіями, значитъ сказать, что оно отчасти *создается* ими“. „Не должны-ли мы сказать поэтому, — продолжаетъ философъ,—что привычки не только видоизмѣняютъ душевныя возбужденія въ ин-

дивидуумѣ, не только порождаютъ наклонности къ подобнымъ-же привычкамъ и сопровождающимъ ихъ душевнымъ возбужденіямъ въ потомкахъ, но, при условіяхъ, дѣлающихъ эти привычки упорными, могутъ довести прогрессивное видоизмѣненіе до такихъ размѣровъ, что являются душевныя возбужденія настолько отличныя отъ прежнихъ, что они могутъ показаться новыми" *). Подобный взглядъ, опредѣляемый совокупностью установившихся истинъ физіологіи и психологіи, вполнѣ служитъ объясненіемъ происхожденія человѣческой цивилизаціи и нравственныхъ чувствъ. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что подобный-же практическій пріемъ воспитанія можетъ быть приложенъ и къ условіямъ данной среды или личности въ будущемъ, когда мы хотимъ содѣйствовать ея исправленію. Не ясно-ли, что онъ долженъ состоять въ примѣненіи такой общественной дисциплины и въ установленіи такого порядка жизни, которые-бы вполнѣ вели къ наиболѣе-совершенной нравственной выработкѣ личности и образованію разумныхъ соціальныхъ отношеній?....

Раціональный методъ исправленія поэтому долженъ быть основанъ именно на примѣрахъ соціальной жизни, дающихъ понятія о взаимной связи людей и законахъ, управляющихъ человѣческими сношеніями. Пенитенціарное воспитаніе должно начаться вслѣдствіе этого съ нагляднаго убѣжденія въ выгодѣ соединенія человѣческихъ силъ и взаимныхъ обязательствъ, какія устанавляются общественной жизнью, и раздѣленіемъ труда: искусная группировка взаимныхъ интересовъ въ практической жизни первая наведетъ на мысль объ общественной связи и обязанностяхъ, и практическія выгоды этой связи лягутъ прочно въ сознаніе и убѣжденіе человѣка. Постоянная привычка сообразоваться съ чужими интересами въ видахъ собственныхъ пользъ заставитъ человѣка

---

*) См. Возбужденія и Воля. Опыты Спенсера, вып. 4 и 5-й; с. 31—39.

воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій и принимать на себя извѣстную долю услугъ. Эти привычки будутъ основою къ возбужденію симпатическихъ чувствъ, которыя сами собой воспитаются при этихъ привычкахъ согласно психическому и физіологическому закону, указанному нами въ исторіи возбужденія душевныхъ ощущеній. Такимъ-образомъ при первомъ шагѣ раціональнаго воспитанія необходимо прежде-всего возбудить практически сознаніе выгодъ взаимной помощи и уступокъ для каждой личности; а убѣжденіе уже явится само собой и положитъ основаніе нравственному чувству. Намъ легче любить людей, когда мы видимъ выгоды отъ этой любви; нетрудно замѣтить, что историческому развитію благожелательныхъ мотивовъ содѣйствовало много то, что люди получали въ большей части случаевъ удовольствія отъ общежитія и выгоды отъ взаимной помощи. Тутъ ничего нѣтъ ненормальнаго: напротивъ, было-бы удивительно, еслибы было иначе, еслибы приходилось любить людей за одни страданія, которыя они намъ приносятъ *).

Такимъ-образомъ возбужденіе личныхъ интересовъ и приведеніе ихъ въ солидарности съ общественными должно положить первый мостъ, приближающій насъ къ принципамъ человѣческой нравственности; изъ мотивовъ корыстныхъ послѣдуетъ уже развитіе другихъ нравственныхъ мотивовъ, болѣе чистыхъ и безкорыстныхъ. Для изображенія всѣхъ выгодъ общежитія, основаннаго на разумныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, мы должны воспользоваться всѣми лучшими и наглядными практическими способами, могущими подтвердить извѣстныя истины. Такъ, чтобы доказать склонность людей къ обще-

---

*) Мысль, что общество можетъ связываться выгодами и сознаніемъ пользъ и что личныя пользы могутъ быть солидарны съ общими, первоначально высказана А. Смитомъ въ его теоріи нравственныхъ чувствъ (ч. 2 стр. 111); впослѣдствіи утилитарное значеніе принциповъ нравственности превосходно развито Джономъ Стюартомъ Милемъ.

житію, дать почувствовать его значеніе и заставить имъ дорожить во все время жизни въ обществѣ, нужно показать разницу между уединеніемъ и общежительностью; въ этомъ случаѣ предварительное уединеніе имѣетъ свою пользу. Далѣе значеніе общежитія можетъ быть показано только при разумной и осмысленной группировкѣ людей *), точно-также-какъ понятіе о взаимной связи людей можетъ быть внушено при помощи примѣненія экономической коопераціи человѣческихъ силъ и интересовъ, основанныхъ на раздѣленіи труда **). Уже одно это при разумномъ примѣненіи и разъясненіи можетъ служить превосходнымъ доказательствомъ для уразумѣнія общихъ выгодъ взаимной помощи и общественной зависимости. Далѣе общественная связь и выгоды общественной солидарности могутъ быть подтверждены выгодою общаго хозяйства съ помощью практическаго примѣненія принципа „потребительныхъ обществъ". Выгоды соединенія капитала, его сбереженія при посредствѣ общественныхъ гарантій могутъ быть указаны при учрежденіи сберегательныхъ ссудныхъ общественныхъ кассъ въ тюрьмахъ, куда арестантъ будетъ вносить свой заработокъ. Точно-также наглядно можетъ быть доказана выгода и всякой взаимной помощи и взаимныхъ услугъ, напримѣръ въ дѣлѣ обученія и образованія, какъ интеллектуальнаго, такъ и

*) Здѣсь мы должны замѣтить, что ненормальныя условія общежитія, напримѣръ постоянная общежительность, недающая мѣста уединенію, тѣснота при избыткѣ населенія, соединеніе людей разнообразныхъ характеровъ и привычекъ можетъ повести и къ обратнымъ результатамъ, т. е. внушить отвращеніе къ общежитію. Таково было свойство напримѣръ прежнихъ общихъ тюремъ.

**) Практичность этого принципа подтверждается также исторіей общества, которое создавалось именно при взаимномъ экономическомъ обмѣнѣ услугъ. «Раздѣленіе труда составляетъ элементарный принципъ общества,—говоритъ Милль:—оно составляетъ и главное основаніе общественной солидарности. Привычка частнаго содѣйствія въ высшей степени содѣйствуетъ общественному инстинкту» (Милль, Позитивная Философія и Огюстъ Контъ).

ремесленнаго. Наконецъ понятіе объ общественныхъ обязательствахъ и законахъ можетъ быть установлено при доставленіи извѣстной доли самоуправленія артели въ ея собственномъ хозяйствѣ. Все это должно быть выяснено цѣлымъ рядомъ примѣровъ и педагогической экспериментаціи съ дополненіемъ практическихъ лекцій и объясненій при введеніи каждаго учрежденія. Такое воспитаніе, широко развернутое и разумно примѣненное, вполнѣ послужитъ подтвержденіемъ извѣстныхъ практическихъ, а затѣмъ и нравственныхъ истинъ.

Подобная система можетъ быть осуществлена, какъ мы полагаемъ, даже при настоящихъ условіяхъ тюрьмы. Артельная работа съ раздѣленіемъ труда и нынѣ производится въ общихъ тюрьмахъ, только ей приданъ болѣе промышленный и карательный характеръ, но ею нужно воспользоваться для цѣлей педагогическихъ и нравственныхъ. Выгоды „потребительныхъ обществъ" сознавались всегда арестантами и въ прежнихъ тюрьмахъ: они сами нерѣдко создавали свою торговлю на майданахъ; арестантскія лавочки вводятся при всѣхъ исправительныхъ тюрьмахъ; недостаетъ только, чтобы арестанты приняли участіе въ заготовкѣ жизненныхъ припасовъ при помощи своихъ сбереженій изъ рабочей платы. Далѣе сохранныя кассы также нынѣ учреждаются при исправительныхъ заведеніяхъ, какъ-напримѣръ въ Метрэ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи также опыты *„ссудной и сберегательной арестантской кассы"*, устроенной Органомъ въ Смитфильдѣ для отпущенныхъ преступниковъ,—кассы, *гдѣ всѣ ручаются другъ за друга.* Это учрежденіе ясно проводитъ тотъ принципъ, на который мы указывали: надобно только, чтобы арестанты сами добровольно сознали всю выгоду этихъ учрежденій и приняли непосредственное участіе въ нихъ. Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ отношеніи могли возникнуть какія-либо затрудненія: общинный трудъ, взаимная помощь, взаимное обученіе быстро усвоиваются арестан-

всѣхъ тюрьмахъ. И это весьма естественно: вѣдь это такое-же человѣческое общество; здѣсь мы видимъ развитіе тѣхъ-же человѣческихъ интересовъ, какъ и проявленіе тѣхъ-же интересовъ общественныхъ. Наблюденія показываютъ, что всякое общество преступниковъ, хотя-бы это были самые-отверженные люди, хотя-бы это были шайки мазуриковъ, воровъ, разбойниковъ, создаютъ свою корпорацію, свои законы, свой судъ, свои обязательства, свою нравственность. Это вполнѣ подтверждается наблюденіями изъ жизни преступныхъ классовъ; жизнь остроговъ подтверждаетъ то-же самое. Въ нашихъ этнографическихъ очеркахъ мы достаточно указали на жизнь и развитіе тюремныхъ бродяжескихъ и ссыльныхъ общинъ въ Россіи: всѣ онѣ создаютъ свои общественные интересы, законы и нравственныя обязательства, и въ этихъ обязательствахъ преобладаютъ далеко не однѣ преступныя цѣли; мы видимъ, что въ старой русской тюремной общинѣ корпорація арестантовъ работала не надъ одной борьбой и самозащитой: она многое создавала для улучшенія своей жизни; въ этой средѣ существовали крѣпкія взаимныя обязательства, благородные порывы на помощь другъ другу, много великодушія, много самопожертвованія. И такое возникновеніе общественныхъ связей, сознаціе необходимости взаимной помощи и уступокъ, созданіе извѣстныхъ законовъ, обязательствъ и условій нравственности является вездѣ и повсюду въ каждой группѣ людей, гдѣ-бы они ни существовали. Мы находимъ это во всѣхъ артеляхъ, во всѣхъ корпораціяхъ: достаточно припомнить нравы школъ и закрытыхъ учебныхъ заведеній, достаточно вспомнить наше дѣтство, и мы увидимъ, какими узами дружбы, какими обязательствами и законами общественной жизни мы связывались. Это были также особые законы и нравственность, часто также враждебные нашимъ учителямъ и опекунамъ, которые намъ не нравились, но имѣвшіе обязательную силу и поддержку въ средѣ нашей. Эти

законы и обязательства выростали естественно, независимо отъ насъ: таково свойство человѣческой природы; таковъ законъ исторіи: что-же въ томъ удивительнаго, что острожная община, что міръ преступниковъ управляется тѣми-же человѣческими законами. Пора понять, что только предразсудки создали понятіе о личности преступника, какъ объ ужасномъ вмѣстилищѣ однихъ подлыхъ инстинктовъ,—что только незнаніе дѣла не давало видѣть какъ въ личной, такъ и въ общественной его жизни ничего человѣческаго; разумные доводы зрѣлой науки, опыты жизни и исторіи, какъ мы видимъ, совершенно устраняютъ эти заблужденія. Мы уже пережили тѣ предубѣжденные взгляды, которыхъ въ прежнее время держалось общество на природу преступника, какъ на источникъ одного зла; поэтому мы по необходимости иначе относимся къ тюремной общинѣ, чѣмъ европейскіе теоретики конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія: нашъ взглядъ на жизнь преступниковъ полнѣе и безпристрастнѣе, потому-что мы пользуемся позднѣйшими взглядами европейской науки на природу человѣка; у насъ налицо позднѣйшіе опыты и наблюденія, произведенные не однимъ лицомъ, въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ: въ этомъ наше великое преимущество, хотя тутъ нѣтъ никакой заслуги съ нашей стороны. Мы не можемъ не видѣть существенно-важныхъ сторонъ въ условіяхъ тюремной общины, которыя не были замѣчены прежде; зато мы обязаны воспользоваться тѣми ея выгодными сторонами, которыя могутъ служить всего-лучше для нравственнаго развитія личности преступниковъ,—и приспособить эту общину къ разумнымъ цѣлямъ пенитенціарной системы.

Опытъ тюремной жизни въ нашемъ-же отечествѣ показываетъ намъ, какъ превосходно тюремная община можетъ быть употреблена для дисциплинированія личности помощью ея-же собственныхъ силъ и ихъ взаимнодѣйствія. Если мы всмотримся, что сдерживаетъ

въ свободномъ обществѣ, то легко увидимъ, что они сдерживаются не однимъ внѣшнимъ закономъ, не одной угрозою наказанія, но еще какими-то внутренними мотивами, заставляющими каждаго сообразоваться съ общимъ поведеніемъ, — мотивами, возникающими изъ сознанія, что личное поведеніе отражается на всѣхъ вообще, что всякое противодѣйствіе обществу ведетъ къ подавленію личныхъ силъ силою общества. Наша связь съ обществомъ такъ ощутительна и такъ сильно даетъ себя знать, что въ какой-бы средѣ мы ни являлись, мы обязаны подчиняться его мнѣнію. Преступникъ, являясь въ тюрьму, старается приноровиться къ товарищамъ: иначе ему жизнь будетъ невыносима. Когда въ старой тюрьмѣ существовалъ положительный разладъ съ начальствомъ, то относиться къ нему враждебно и принимать участіе въ борьбѣ съ нимъ обязывалась и каждая личность общественнымъ мнѣніемъ; но то, что порождало зло при прежнихъ порядкахъ,—при иныхъ условіяхъ можетъ быть примѣнено и въ обратную сторону: общественнымъ вліяніемъ на каждую отдѣльную личность можно воспользоваться и совершенно обратно; для этого нужно только крѣпко и искусно связать поведеніе отдѣльной личности съ выгодами самой общины, которая и будетъ ее обуздывать. Нѣкоторыя невыгоды, которыя понесетъ вся община при нарушеніи порядка какимъ-либо изъ членовъ ея, отнюдь даже не противорѣчатъ абсолютной справедливости: вѣдь и въ обыкновенной жизни точно-также дурное поведеніе одной личности естественно отражается на всѣхъ, вслѣдствіе чего и развивается сдерживающее личный произволъ общественное мнѣніе. Такимъ-образомъ при дозволеніи каждой льготы необходимо вводить и общую поруку.

Выгоды этой общественной поруки превосходно испытаны вездѣ, гдѣ только она ни примѣнялась. Мы показали, что такой пріемъ очень плодотворно дѣйствовалъ въ старой русской тюрьмѣ и въ каторгѣ между самыми-

смѣлыми и дерзкими преступниками; такъ дѣйствовалъ онъ даже тогда, когда ярый антагонизмъ и борьба существовали въ этихъ общинахъ съ тюремнымъ начальствомъ: чего-же нельзя достигнуть тѣми-же пріемами при лучшихъ условіяхъ обращенія съ арестантомъ въ новой тюрьмѣ! Лучшія европейскія тюрьмы точно-также неразъ удачно примѣняли этотъ способъ дисциплины, оказывая довѣріе арестантамъ и предоставляя имъ нѣкоторыя льготы подъ условіемъ взаимнаго ручательства: такое довѣріе вездѣ помогало устройству дисциплины въ тюрьмѣ. Такими-именно пріемами достигъ того превосходнаго порядка, на который мы указывали, Обермайеръ въ мюнхенской тюрьмѣ: по словамъ Балльи Кокрена, арестанты здѣсь сдерживали поведеніе своихъ сочленовъ, въ случаѣ нарушенія постановленій, постоянно напоминая имъ, что „это воспрещено". Такими-же льготами и предоставленіемъ самимъ арестантамъ заботъ о порядкѣ достигъ значительныхъ успѣховъ начальникъ тюрьмы въ Валенсіи, по отзывамъ Гопкинса. Наконецъ мы укажемъ на примѣръ въ Мецѣ во Франціи, гдѣ смотритель тамошнихъ военныхъ тюремъ, по свидѣтельству Видаля, мягкимъ обращеніемъ и довѣріемъ къ арестантамъ довелъ ихъ до того, что въ 1857 году отпускалъ до 300 человѣкъ купаться въ рѣкѣ безъ всякаго надзора и ни одинъ изъ арестантовъ не только не бѣжалъ, но и не покушался на бѣгство. Недавно подобный практическій пріемъ, случайно примѣненный, показалъ всю свою выгоду и въ петербургской тюрьмѣ, какъ свидѣтельствуетъ г. Никитинъ: надзиратели, немогшіе постоянно держать арестантовъ взаперти, дозволили имъ иногда ходить по корридорамъ, и за помянутую льготу, за довѣріе, которымъ арестанты очень дорожатъ, они сами внимательно слѣдятъ другъ за другомъ и не допускаютъ серьезныхъ казусовъ „въ своихъ владѣніяхъ" *).

*) Противоположный принципъ недовѣрія арестантамъ производитъ гораздо-худшія послѣдствія: „арестанты оскорбляются недовѣріемъ въ

Все это осязательно доказываетъ, что подобные способы общественнаго контроля могутъ быть съ несомнѣнною пользою введены въ исправительныхъ тюрьмахъ. Подобный пріемъ мало-того-что послужитъ къ лучшей дисциплинѣ, но и научитъ человѣка всегда сообразоваться съ здравымъ общественнымъ мнѣніемъ, внушивши ему понятіе о высокомъ значеніи общественной санкціи. Общественное мнѣніе въ средѣ преступниковъ, безъ-сомнѣнія, можетъ быть обращено въ самую-лучшую сторону: содѣйствіе его образованію должно непремѣнно войти въ планы новой системы. Пріучить человѣка дорожить своей репутаціей необходимо и полезно для общественной жизни; стыдясь осужденія и дорожа мнѣніемъ въ средѣ своей артели, человѣкъ научится дорожить этимъ мнѣніемъ и во всѣхъ другихъ сферахъ жизни.

Если подобная система исправленія будетъ примѣнена съ умѣньемъ и толкомъ, то она принесетъ громадные плоды и не только послужитъ къ лучшему достиженію дисциплинарныхъ и утилитарныхъ цѣлей тюрьмы, но будетъ имѣть и важное нравственное значеніе. Вмѣстѣ съ воспитаніемъ человѣка на принципахъ взаимной экономической помощи, на выгодахъ ассоціаціи, взаимнаго обученія и взаимнаго ручательства за порядокъ,—человѣкъ усвоитъ всѣ понятія о долгѣ и обязательствахъ, налагаемыхъ общественной жизнью и человѣческими законами: подъ руководствомъ умнаго и благороднаго наставника, объясняющаго смыслъ этой системы и содѣйствующаго равно умственному и нравственному пониманію, она будетъ имѣть громадное морализующее вліяніе; правильныя привычки жизни положатъ начало нравственному чувству, а вслѣдъ за обязательными уступка-

---

цимъ,—говоритъ г. Никитинъ, — и потому чѣмъ строже ихъ стерегутъ, тѣмъ чаще они нарушаютъ установленныя для нихъ правила, чтобы чѣмъ-нибудь поразнообразить день и надѣлать хлопотъ враждебному и недовѣряющему имъ начальству" („Жизнь заключенныхъ, обзоръ петербургскихъ тюремъ" Никитина, стр. 57 и 58).

ми обществу явится добровольный мотивъ любви и желанія добра людямъ. Возбужденіе этого нравственнаго чувства явится естественно изъ постояннаго и непрерывнаго дѣйствія въ одномъ и томъ-же направленіи на нравственную сторону человѣка; деликатное, бережное обхожденіе съ преступникомъ и его умственное развитіе довершатъ остальное. Такимъ-образомъ пробужденіе чувства признательности, благожелательности и любви къ ближнему будетъ вѣнцомъ этой системы.

Мы даже не можемъ исчислить тѣхъ благодѣяній, которыя получатся отъ такой системы воспитанія. Уроки правильнаго общежитія и привычка сообразоваться съ общими пользами воспитаютъ не одинъ холодный эгоизмъ, но выпустятъ человѣка вполнѣ развитого и готоваго къ жизни, исполненнаго вѣры въ людей и въ человѣческія благодѣянія; преступникъ пойметъ при помощи такого воспитанія, что онъ обязанъ всѣмъ обществу,—начиная съ матери, носившей его на рукахъ, отъ колыбели, сдѣланной чужими руками, до могильщика, который положитъ его трупъ въ землю намѣсто того, чтобы бросить на растерзаніе собакамъ. Онъ пойметъ, что самая тюрьма дала ему воспитаніе, спасла и оградила его отъ дальнѣйшаго паденія, что онъ обязанъ ей лучшими чувствами, пробужденіемъ прекраснѣйшихъ мотивовъ любви, прощенія и самопожертвованія, которые одни могутъ доставить наслажденіе въ минуты величайшаго горя. Такія чувства и убѣжденія, бывъ вынесены личностью изъ тюрьмы, будутъ благодѣтельны для общества: преступникъ воротится въ общество не только безвреднымъ, но переродившимся, съ здравыми человѣческими понятіями, окончательно измѣненнымъ и по своему нравственному закалу способнымъ служить примѣромъ для другихъ людей. Если нынѣ въ исправительныхъ тюрьмахъ стараются примѣнить обученіе ремесламъ и разнымъ полезнымъ занятіямъ съ цѣлію

распространенія промышленныхъ свѣдѣній въ народѣ *), то нѣтъ основанія предполагать, будто этотъ принципъ не можетъ быть примѣненъ и по отношенію къ распространенію нравственныхъ правилъ, вынесенныхъ изъ уроковъ правильнаго воспитанія.

Таковы могутъ быть новыя задачи образованія и перевоспитанія падшихъ личностей. Примѣняемая правильно, эта система должна соединить всѣ лучшіе исправительные способы, выработанные европейскою практикою, принять къ свѣдѣнію всѣ данныя педагогической науки.

Соотвѣтственно педагогическимъ и пенитенціарнымъ цѣлямъ новая система исправленія можетъ быть расположена въ слѣдующемъ порядкѣ и послѣдовательности:

1) предварительное дисциплинированіе личности, пріученіе ея къ подчиненію и повиновенію путемъ внѣшняго и механическаго ограниченія ея воли (обыкновенная внѣшняя дисциплина тюрьмы);

2) развитіе самодѣятельности, самовоздержанія, самовоспитанія и самопомощи при извѣстной долѣ свободы,—воспитаніе, соотвѣтствующее развитію индивидуальныхъ способностей и силъ личности (ирландская система переходныхъ заведеній, Обермайера и Маконочи);

3) воспитаніе соціальныхъ и симпатическихъ инстинктовъ, основанное на раціональномъ примѣненіи общежитія, съ условіями взаимныхъ обязательствъ и взаимныхъ услугъ (примѣненіе общественнаго самоуправленія и самопомощи, основанное на различныхъ общинныхъ учрежденіяхъ).

Такая программа воспитанія, основанная на опытахъ и пріемахъ пенитенціарной практики и на началахъ

*) Таковы напримѣръ задачи земледѣльческихъ колоній, имѣющія цѣлію не только исправлять малолѣтникъ преступниковъ, но и дѣлать изъ нихъ свѣдущихъ земледѣльцевъ, могущихъ по выпускѣ содѣйствовать въ отечествѣ нашемъ распространенію раціональнаго сельскаго хозяйства; онѣ выражены въ программѣ попечительнаго комитета, предлагающаго премію на книгу о земледѣльческихъ колоніяхъ въ 1872 году.

педагогической науки, послужитъ не только къ всестороннему развитію человѣческихъ способностей, научитъ управленію волею, но и приспособитъ личность къ тѣмъ условіямъ жизни, какія встрѣтятъ ее на свободѣ. Такимъ-образомъ новая исправительная тюрьма въ своемъ конечномъ развитіи отразитъ какъ всѣ отправленія индивидуальной человѣческой жизни, такъ и всѣ функціи жизни общественной, съ той разницей, что имъ будетъ дано болѣе-раціональное и правильное направленіе; другими словами,—она представитъ микрокосмъ обыкновенной человѣческой жизни, возможно-лучше и совершеннѣе построенной. И этому нечего удивляться: такимъ микрокосмомъ обыкновенной жизни были тюрьмы и въ прежнее время, не смотря на всѣ ограниченія. Человѣческія страсти и интересы всегда бушевали въ ней, всегда искали выхода при помощи разныхъ фикцій, но, не находя разумнаго и правильнаго примѣненія, развивались уродливымъ и патологическимъ образомъ: живыя естественныя страсти и инстинкты жизни, живое стремленіе къ ассоціаціи, къ общежитію никогда не могутъ быть потушены въ человѣческой природѣ и поэтому остается только дать имъ правильный выходъ и разумное примѣненіе.

Такіе уроки и выводы даетъ намъ какъ иностранная, такъ и русская тюремная практика; къ этому и приходитъ наконецъ европейская наука.

Въ этомъ міровомъ опытѣ, какъ мы видимъ, играетъ свою роль и русская жизнь. Она несетъ также свой вкладъ для того фундамента, на которомъ должна построиться общая всѣмъ народамъ міровая наука. Опытъ и жизнь русской тюремной общины, какъ мы видимъ, въ этомъ отношеніи были чрезвычайно-поучительны. Эта община вноситъ новые уроки, которые были не замѣчены или упущены европейской тюремной практикой; она доказываетъ полную возможность воспитанія и исправленія преступника на началахъ соціальной жизни,

всего-болѣе способствующихъ возбужденію такихъ симпатическихъ и благородныхъ мотивовъ, которые составляютъ лучшія стороны человѣческой природы и характера. Къ этимъ-же выводамъ естественно идетъ новѣйшая европейская пенитенціарная теорія и философія наказанія: указанія на это мы находимъ у самаго-положительнаго философа нашего вѣка, имя котораго стоитъ наряду съ Контомъ,—у Герберта Спенсера. Европейская теорія такимъ-образомъ ясно указываетъ новыя начала перевоспитанія; но на что не успѣла еще натолкнуться европейская пенитенціарная практика, на то указываетъ и наталкиваетъ насъ нашъ опытъ. Мы питаемъ робкую надежду въ этомъ случаѣ, что можетъ-быть, въ силу нашего національнаго чутья и особаго народнаго расположенія къ общиннымъ учрежденіямъ, мы угадали ту тайну, которая должна довершить систему европейскаго исправленія преступниковъ и тѣмъ послужить къ окончательному разрѣшенію фатально-уголовнаго вопроса.

Если каждый народъ вноситъ свой историческій вкладъ, продуктъ собственной исторической жизни, то опыты русской тюремной общины должны войти въ общую сокровищницу міровой науки съ своимъ самобытнымъ принципомъ, съ своимъ національнымъ значеніемъ. Въ этомъ отношеніи мы полагаемъ, что не всегда-же мы будемъ руководствоваться однимъ заимствованіемъ и рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, не всегда будемъ жить на счотъ ума другихъ націй, но приложимъ-же когда-нибудь и самостоятельную критику, примемъ участіе въ общей разработкѣ научныхъ вопросовъ и внесемъ извѣстную долю своего труда въ область человѣческаго знанія.

На такія мысли наводитъ насъ историческій опытъ русской тюремной общины, показавшей даже въ тюрьмѣ всю ту живительную силу, какую проявляла общественн кооперативная тенденція во всѣ времена, у всѣхъ ›въ, и которую она еще болѣе проявитъ съ успѣ-

хами цивилизаціи. Нашъ опытъ служитъ только доказательствомъ той истины, что естественное влеченіе людей другъ къ другу, взаимная помощь и поддержка не пропадаютъ ни въ какой группѣ людей, какъ бы она ни была несовершенна, какъ бы низко ни было ея паденіе. Это сознаніе взаимной связи, это взаимное влеченіе составляютъ такое свойство человѣческой природы, такой глубокій законъ человѣческой жизни, который проникаетъ всю исторію, всю цивилизацію народовъ. Онъ можетъ сравняться по силѣ только развѣ съ однимъ „*дарвиновскимъ закономъ*“,—съ тою лишь разницею, что составляетъ противовѣсъ ему и служитъ могущественнымъ залогомъ взаимнаго человѣческаго сохраненія и взаимнаго усовершенствованія.

